

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННИК

—•••—
BYZANTINA CHRONICA

Том 58 (83)

2489

Ответственный редактор
академик Г. Г. ЛИТАВРИН

МОСКВА "НАУКА"
1999

Редакционная коллегия:

академик Г.Г. ЛИТАВРИН (отв. редактор),
доктор исторических наук С.П. КАРПОВ,
кандидат исторических наук Д.А. КОРОБЕЙНИКОВ,
член-корреспондент РАН И.П. МЕДВЕДЕВ (зам. отв. редактора),
доктор исторических наук М.А. ПОЛЯКОВСКАЯ,
кандидат искусствоведения О.С. ПОПОВА,
кандидат исторических наук З.Г. САМОДУРОВА (и.о. отв. секретаря)

Редакционный совет:

доктор исторических наук Р.М. БАРТИКЯН,
доктор исторических наук О.Р. БОРОДИН,
доктор исторических наук В.П. ДАРКЕВИЧ,
доктор исторических наук Г.Л. КУРБАТОВ,
доктор исторических наук Н.Ю. ЛОМОУРИ,
академик АН Украины П.П. ТОЛОЧКО,
доктор исторических наук К.В. ХВОСТОВА,
доктор исторических наук А.А. ЧЕКАЛОВА,
доктор исторических наук И.С. ЧИЧУРОВ,
профессор И. ШЕВЧЕНКО (Кембридж, Массачусетс),
член-корреспондент РАН Я.Н. ЩАПОВ

Рецензенты:

доктор исторических наук В.П. БУДАНОВА,
кандидат исторических наук Ю.Я. ВИН

Ежегодник основан

академиком Василием Григорьевичем ВАСИЛЬЕВСКИМ в 1894 году

Византийский временник. Т. 58 (83). – М.: Наука, 1999. 311 с.
ISBN 5-02-009966-X

В томе публикуются статьи ведущих отечественных и зарубежных специалистов по истории Византийской империи. Важное место уделено источниковедению и истории церкви. Предложены новые датировки агиографических и других текстов, исследуются терминология и лексика. В соответствии с традицией представлена социально-экономическая история. Особого внимания заслуживают статьи, посвященные истории византиноведения и историографии. Даны материалы по палеографии, византийской музыке, нумизматике, сфрагистике. Представлены разделы "Публикации", критики, библиографии.

Для историков, преподавателей, историков культуры, всех интересующихся историей Византии.

ТП-98-II-№ 22

ISBN 5-02-009966-X

© Издательство "Наука", Российская академия наук, 1999

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

I. Ševčenko (Boston) Byzantine Studies: The Last Hundred Years and Next Hundred Months	5
О.Р. Бородин (Москва) Поэтическая традиция Византийской Италии в VI–VIII вв. под воздействием социальных факторов	15
В.В. Кучма (Волгоград) Обеспечение безопасности византийской армии в военных кампаниях конца X века	22
М.А. Поляковская (Екатеринбург) К социальной характеристике поздневизантийского общества: Кавасилы	37
Р.М. Шукуров (Москва) Трапезундский гороскоп 1336/1337 г. и проблема горизонтов жизненного мира	47
А.А. Талызина (Москва) Баллистарии на венецианских галерах Рومании	60
С.А. Иванов (Москва) К датировке жития св. Нифонта (BHG, 1371z)	72
В.М. Лурье (С.-Петербург) Из истории чинопоследований псалмопения: Полная псалтирь в ежедневном правиле (в связи с историей египетского монашества IV–VII вв.)	76
Н.И. Сериков (Москва) "Сарацинский лексикон": "ΦΑΚΥΝΟΝ" и "ΓΗΖΟΙ ΕΛΑΙΟΥ"	84
Е.В. Герцман (С.-Петербург) DOCUMENTA KOUKOUZELIANA	104
С.П. Карпов (Москва) Материалы А.А. Васильева в архиве Dumbarton Oaks (Вашингтон)	117
В.Д. Сарабьянов (Москва) Фрески Георгиевской церкви в Старой Ладоге и стилистические течения в новгородской живописи последней трети XII века	128
О.Е. Эттингер (Москва) Ветхозаветные символы и иконографические типы Богоматери (по миниатюрам фрагмента "Христианской топографии" Космы Индикоплова, подшитого к "Смирнскому Физиологу")	147
Ю.А. Пятницкий (С.-Петербург) Кто изображен на византийской портативной мозаике из собрания Эрмитажа	160
В.Г. Пуцко (Калуга) Бронзовый крест из Херсонеса (Византийско-киевская металлопластика начала XIII в.)	165
Г. Скоп-Друзюк, Л. Скоп (Львов) Детский саркофаг эпохи Даниила Галицкого	172
И.А. Стерлигова (Москва) Древнерусские украшенные иконы XII–XIII веков. Опыт реконструкции	178
А.Я. Каковкин (С.-Петербург) Еще раз о фрагментах "шелков из Шелля" (проблемы происхождения, датировки и реконструкции изображений)	186
В.С. Шандровская (С.-Петербург) Печати и монеты византийских императоров с изображением Богоматери	194
В.П. Степаненко (Екатеринбург) Печати латинского Востока в собраниях Санкт-Петербурга. Печати Балдуина II (1240–1261)	212

Из научного наследия

Quiescet in pace: к 100-летию со дня смерти В.Г. Васильевского (С.-Петербург): Глава "Последний год жизни" из неопубликованной монографии И.М. Гревса / Подготовил к печати И.П. Медведев	220
---	-----

В.М. Живов (Москва)	
Иванов С.А. Византийское юродство. М., "Международные отношения", 1994. 192 с.	237
А.А. Молчанов (Москва)	
Причерноморье в средние века. М., 1995. Вып. 2. 192 с.	243
С.П. Карпов (Москва)	
Stöckly D. Le système de l'incanto des galées du marché de Venise (fin XIII ^e –milieu XV ^e siècle). Leiden; New York; Köln: E.J. Brill, 1995. XVIII, 434 p. [The Medieval Mediterranean. Peoples, Eco-nomies and Cultures, 400–1453. Vol. 5].	245
А.А. Тальзина (Москва)	
Coloniser au Moyen Âge. Actes du colloque international "Coloniser au Moyen Âge". Toulouse, 1991 / Éd. M. Balard, A. Ducellier. Paris, 1995. 400 p.	248
В.П. Степаненко, Х.-Ф. Байер (Екатеринбург)	
Εγκυκλοπαιδικό Προσωπογραφικό Λεξικό Βυζαντινής Ιστορίας και Πολιτισμού. Επιμέλεια εκδότης Α.Γ. Κ.Σαββίδης Τομος Α': Ααμρ–Αλφιος Αθήνα: Μετρον/Πωλκος 1996. 276 σ.	255
М.В. Бибииков (Москва)	
PLP: Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit	260
С.А. Иванов (Москва)	
In Search of Byzantium. A Biography. The Life of Robert Pierpont Blake / Ed. by Igor Robert Blake. S. 1, 1996. 244 p.	261
С.А. Иванов (Москва)	
Krüger D. Symeon the Holy Fool. Leontius' Life and the Late Antique City. Berkeley; Los Angeles; London, 1996. 196 p.	262
А.М. Лидов (Москва)	
Velmans T., Alpagó Novello A. Miroir de l'invisible. Peinture murale et architecture de la Géorgie (VI ^e –XV ^e s.). Paris, 1996	264
А.В. Захарова (Москва)	
Walter Ch. Art and Ritual of the Byzantine Church. Variorum Publications LTD. London, 1982. 279 p. 32 л. ill.	267
А.В. Захарова (Москва)	
Jolivet-Lévy C. Les églises byzantines de Cappadoce. Le programme iconographique de l'abside et de ses abords / Ed. du Centre National de la Recherche Scientifique. Paris, 1991	269
Я. Любарский	
The Correspondence of Ignatios the Deacon. Text, Translation, and Commentary by Cyril Mango with Collaboration of Stephanos Efthymiadis. CFHB. Dumbarton Oaks, Washington D.C. 1997.	273
Αποστολος Καρποζιλος. Βυζαντινοί ιστορικοί και χρονογράφοι, Τομος Α' (400–700 α.). Εκδόσεις Κανακη. Αθήνα, 1997. 642 σελ.	274
Хроника	
Г.Г. Литаврин, С.П. Карпов, М.В. Бибииков, А.И. Романчук	
Краткое обозрение итогов XIX Международного конгресса византиноведческих исследований (Копенгаген, 18–25 августа 1996 г.)	276
А.М. Лидов	
Доклады по истории искусства на XIX Международном конгрессе византиноведческих исследований в Копенгагене	291
И. Романчук (Екатеринбург)	
Раскопки Уральского университета в Херсонесе: К сорокалетию Крымской археологической экспедиции	293
К 75-летию Валентины Самойловны Шандровской	297
Список научных трудов В.С. Шандровской	300
Л.П. Лаптева (Москва)	
Памяти коллеги	303
М.А. Поляковская (Екатеринбург)	
Александр Петрович Каждан	304
Список сокращений	309

Ihor Ševčenko

BYZANTINE STUDIES: THE LAST HUNDRED YEARS AND THE NEXT HUNDRED MONTHS*

My task this morning is to speak of Byzantine studies in the past and of the outlook for them in the future. A speech opening a congress, like the key-note address at a Republican or Democratic convention back in the United States, is supposed to exude optimism. Mine, too, will be optimistic in the end, but I shall open on a pessimistic note.

In the widest scheme of things, the outlook for our discipline is not splendid, owing to the marginalization of conventional elite culture in the advanced Western countries. To the extent to which Byzantine studies are a part of that conventional elite culture, they, too, are being marginalized, and our efforts to spread the Byzantine message among the wider public may be an unconscious defensive reaction to this process. In the narrower scheme of things, however, and barring some cataclysm, a marginalized elite culture still has a good chance of maintaining a comfortable niche for itself. Consequently, we Byzantinists, too, can feel good. Within the limits imposed by changes within the elite culture – and they have been rapid in the last forty years or so – the fate of our discipline still lies in our own hands.

Establishing anniversaries is often a matter of definition. If we define Byzantine studies as an independent scholarly discipline with a clearly delineated field of inquiry and well-thought-out subdivisions within that field; if we define it as object of study provided with agreed upon, if somewhat flexible, chronological limits, a discipline endowed with a regular scholarly outlet for its concerns, and a discipline possessed of at least one institutional center in which to pursue its goals, then our congress in Copenhagen is a perfect place to mark the first centenary of Byzantine studies. Within such a definition, Byzantine studies did not start with the first printing of the Suda Lexicon in 1499, nor with the sixteenth-century publications of Augsburg, nor with the seventeenth-century corpus of the *Parisina* of the Louvre, nor with the Bonn Corpus started in 1828, nor with modern historians of Byzantium, such as J.B. Bury, nor with the first manuals systematically covering broad aspects of the Byzantine past, such as Nikodim Pavlovič Kondakov's *Histoire de l'art byzantin* of 1876, or even the second edition of Krumbacher's *History of Byzantine Literature* of 1897. Using such a definition, modern Byzantine studies were either born 104 years ago, with the publication of the *Byzantinische Zeitschrift* in 1892, or 97 years ago, with the establishment of the seminar for medieval and modern Greek philology at Munich in 1899, both by Karl Krumbacher.

The long and the short of Krumbacher's programmatic message in the first fascicle of the *Zeitschrift* was that scholars should stop looking upon Byzantium as a quarry for something

* This is the text of the addresses pronounced at the opening and closing sessions of the XIX International Congress of Byzantine Studies held at Copenhagen in August 1996. By now, taking stock of Byzantine Studies at a given moment has produced a fledgling literary genre. I shall mention only two representatives of that genre: the impassionate and subtle general essay by Hans-Georg Beck, *Byzantinistik heute* (Berlin; New York, 1977) and, for Greece, M. Nystazopoulou-Pelekidou's *Οι βυζαντινές ιστορικές σπουδές στην Ελλάδα*. Από τον Σπυρίδωνα Ζαμπέλιο στον Διονύσιο Ζακωθινό // Σύμμεκτα. 1994, 9, 153–176.

else, and begin to view it as an independent field of study instead. That field was to encompass literature, language, philosophy, theology, history (external and internal), geography, ethnography, art with its auxiliary disciplines, law, medicine, and the sciences. If all this sounds familiar, it is because Krumbacher's overall conception has survived to the present day. True, we no longer share Krumbacher's hesitation as to whether Byzantium, and for the matter the Greece of his day, did or did not belong to Europe, or whether Byzantium was a bridge between Europe and Asia. Since Europocentrism is a sin in our day, we western Byzantinists no longer formulate questions in these terms, even if the story may be different with some Greek Byzantinists and in the Post-Soviet intellectual world. Nor did *all* of Krumbacher's original conceptual subdivisions survive until today: one of the casualties, to give an example, was the *Byzantinische Frage* – the question as to the origins of Byzantine art, a rubric that now has been reformulated as "reciprocal relations between Byzantine and other arts". But on the whole Krumbacher's edifice was left essentially unaltered in subsequent decennia. This applies even to the chronological boundaries he set up for his Byzantinology, "from the end of Antiquity to the threshold of modern times". We still honor these boundaries, even if in subsequent years the end of antiquity was sometimes moved from the third or fourth to the sixth century, either for theoretical reasons or on account of the lack of bibliographical space, and the notion of the "threshold of modern times" in our studies was extended – in some geographical areas justifiably so – well beyond 1453 and into the late seventeenth or early eighteenth century.

The best idea of how durable Krumbacher's edifice has remained is provided by the subsequent history of his division of the *Byzantinische Zeitschrift* into three parts or *Abteilungen*, Abt. I for articles, Abt. II for substantial reviews, and Abt. III for *Notizen und kürzere Mitteilungen*. When the first volume of the *Vizantijskij Vremennik* appeared in 1894, without a preface or a reference to the *Byzantinische Zeitschrift*, it was the latter's virtual clone in all respects, and it consisted of exactly the same subdivisions; N. Bees's *Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher* of 1920 was programmatically divided into the same three *Abteilungen*, and needless to say, today Peter Schreiner's *Byzantinische Zeitschrift* has the same three subdivisions, with the title of the third one virtually unchanged from Krumbacher's time.

Neither ideas, nor an uncanny sense for pinpointing *desiderata*, nor the ability to start things are enough to provide a discipline with a firm footing and assure its continuous development. Otherwise, Henri Grégoire would have been the greatest organizer of our studies. What it takes, is an institutional base, a library, a periodical, a group of followers; but above all, a leader possessed, in addition to the undisputed scholarly authority, of a sense of mission, a lower than average degree of self doubt, and *gravitas*; moreover, it takes what, in unconscious self-mockery, Franz Dölger described as *deutsche Gründlichkeit* in 1935; it also takes what the French call *esprit de suite*, skill in bureaucratic infighting, and luck in choosing one's successor. Accident and money help too, and explain in part the miracle of the Center of Byzantine Studies at Dumbarton Oaks.

Here again, things begin with Krumbacher. His seminar for medieval and modern Greek philology, founded in 1899, now an institute, has been the source of enlightenment and instruction for Byzantinists from Southeastern Europe and later from all over the world. Its specialized library was praised as the largest in the world in 1925; this is no longer true, for now the distinction belongs to Dumbarton Oaks; pound for pound, however, the Munich collection is still as good a tool.

The overwhelming majority of the now existing centers and institutes are either inspired by Krumbacher's creation or are typological parallels to it. Their leaders, Henri Grégoire, Franz Dölger, Hans-Georg Beck, George Ostrogorsky, Paul Lemerle, Denis Zakythinos, and Herbert Hunger – I refer by name only to those who, living or dead, belong to history, and merely salute the eminent directors of institutes in our audience – made our discipline what

it is today, and supporting their creations, should they need help, is our collective obligation.

Another way to measure the progress of our discipline is by international Byzantine congresses. The audience gathered in this cathedral may be interested to hear what happened at the very first of them, convened in Bucharest in 1924. All the participants were provided "dans la mesure du possible" with free lodgings by the organizing committee; they could travel on Rumanian railways for free for the duration of their stay in that country; no registration fees – *taxes d'inscription* – were collected; and all visa fees were waived.

There were only two sections at that congress: one for Byzantine history, another, for philology and Byzantine archeology (we would call it art history today; this number, incidentally, was increased to four in Sofia in 1935). The Bucharest sections met at civilized hours and took up less than one half of the congress's total time: the rest was devoted to cultural activities, receptions and scholarly excursions. The general program occupied less than one page of the congress's report, and contained two rules, again of interest in our time of crowded schedules: no paper was to last for more than forty-five minutes, and no single discussant was to speak for more than five.

Eleven nations were represented at the first congress. The number of participants amounted to a mere 64 names. But what names! There was Louis Bréhier; there was Sir William Ramsay of historical-geography fame; there was B. Filov, the old S. Kougeas, N.P. Kondakov in person, and A. Rubio i Lluch, the Catalan; finally, the young *lecteur* from Strasbourg, André Grabar, and the *lecteur's* mentor, P. Perdrizet. The leading personalities were the Rumanian host Nicolas Iorga, the august Charles Diehl, and Henri Grégoire, a young man overflowing with projects and ideas.

The acts of the first congress covered 96 pages – this brevity was possible because, wisely, only abstracts of the papers were provided, with references to the periodicals in which full texts were later published. Do I have to tell you how rapidly things have changed with seventeen subsequent congresses? The proceedings from the second congress, that of Belgrade, consisted of 399 pages; those of the fourth, that of Sofia, of 752; those of the seventh (Brussels, 1948), of 810; those of the eleventh (Munich, 1958), of 1,310. After the number of pages passed a thousand, they moved into megafigures: the fifteenth congress of Athens produced 3,352 pages of acts, the sixteenth of Vienna 5,489 pages, and the most recent congress of Moscow has yielded 2,423 pages to date, and the end is not yet in sight.

The numbers of participants grew at a corresponding rate, making the original number of 64 a curiosity. The attendance at some recent international gatherings in our discipline has oscillated around 700, so that the present congress, with its some 370 participants, is among the cozier ones.

What goes for congresses goes for some national committees. In Bucharest in 1924, there was one North American participant. I do not know the size of the American delegation to the present Congress – fortythree people registered, but I counted 168 full-fledged members of the United States National Committee of Byzantine Studies in the excellent *Directory of American Byzantinists* just issued by Professor John Barker. The total number of scholars said to be interested in Byzantium in the Americas is about 275. The European source of this demographic explosion becomes apparent in the list of twenty-seven deceased American Byzantinists in Professor Barker's *Directory*: slightly more than one half of them were foreign-born – as for quality, their names include Dvorník, Jenkins, Krautheimer, Vasiliev, and Weitzmann.

One message recurs in the utterances of leaders throughout the early and even the middle years of modern Byzantine studies: the international character of the effort to be undertaken and the international support on which it counted. Welcoming multilingualism in periodicals was a logical consequence of this. This trend underwent some fluctuations across time, however. Krumbacher admitted two languages without discussion and three more with less enthusiasm; Bees was ready to publish in six languages; and Grégoire in four, but

offered to translate from others (meaning mostly Russian). In 1929, the opening statement in the first issue of *Byzantinoslavica* offered two languages, with an unspecified number of "Slavic languages" in addition. Today the international character of our enterprise in our global village is taken for granted, even though we can observe certain national predilections for and achievements in individual fields, such as philology in Italy, art history in the United States, and editions of documents in France. Things are less clear when it comes to multilingualism in publications, especially in those produced by the two largest members of our association, the United States and Russia, apparently still self-sufficient worlds. The growing global preponderance of English may simplify the problem in the future.

The other message sent by the leaders of modern Byzantine studies from the discipline's beginnings into the thirties was the importance of and respect and sympathy for Russian scholarship. The only foreign expression in Krumbacher's manifesto of 1892 was "Grekoslavjanskij mir". Grégoire's first issue of *Byzantion* of 1924 opened with a portrait and a biographical sketch of N.P. Kondakov, and closed with eleven pages of information on the work of Russian Byzantinists at the Academy of Sciences in Leningrad. One of the major reports at the opening plenary session of the fourth congress in Sofia was devoted to "the three founders of Russian Byzantinology". That report was by A.A. Vasiliev. Russian Byzantinology fell upon difficult times after the mid-twenties, and our present-day Russian colleagues do not sweep this period under the rug. It is gratifying to see that the Russian group in Copenhagen is the largest single delegation at the congress, and I am sure that they are aware of our sympathy.

Looking back at the earlier international congresses, we are astonished by the degree to which they were openly politicized. Not only were they attended by royalty, addressed by presidents of republics and organized by politicians, but the very first of them meted out political punishment. The Bucharest congress officially restricted its membership to scholars coming from nations victorious in World War I – it was off limits to the Germans, Austrians, Hungarians, and Bulgarians. In 1948, however, Grégoire saw to it that Germans were present at the Brussels congress. Combining Byzantinology with politics made a dangerous mixture. Spyridon Lampros, Greece's greatest technical Byzantinist at the turn of this century, and for a short while prime minister of Greece, was deposed in 1916 and ended his life in exile. Nicolas Iorga, the president of the organizing committee of the first congress in Bucharest was murdered by right-wing thugs in 1940 – professor Fledelius, the president of the organizing committee of our congress, should take notice – and B. Filov, a scholar, a prime minister, and president of the fourth congress in Sofia, was executed by the victorious side in 1944.

Today things have changed – in my view for the better. For the last nine years at least there has been no voting by blocks in our *Association Internationale* and no quotas. We no longer imagine ourselves as a miniature United Nations Assembly – the needs of the discipline have transcended perceived national prerogatives and claims.

Nobody can predict the future. All we can prudently do in order to establish likely trends is to extrapolate from the past. When we apply this exercise to Byzantine studies we are entitled to optimism, at least in one vast area: completion of long range projects. Over seventy years ago three vague proposals were submitted to the first international congress – all of them by the ebullient Henri Grégoire, but blessed by the level-headed Charles Diehl: the creation of an International Committee of Byzantinists; the compilation of "un Onomasticon byzantin"; and above all the publication of "une Encyclopédie des choses byzantines". Today all of these proposals are either reality or on the way to completion. Our *Association Internationale des Etudes Byzantines* is thriving and is poised to admit three new national committees; the exemplary project on prosopography of the Palaeologan period recently came to its conclusion in Vienna, and work on the prosopography for the years between 602 and 1261 is progressing with solid institutional backing. Grégoire's *Encyclopédie des choses byzantines*, which Paul Lemerle, too, had championed with concrete

suggestions at the Chios meeting of our association some twenty-five years ago, saw the light of day in 1991. Today, the *Oxford Dictionary of Byzantium* edited by Professor Kazhdan is greatly acclaimed and avidly used, even by its detractors.

One more of Grégoire's early brain children is on the way to being delivered in our days. At the 1935 Sofia congress he called "un Atlas" one of the principal desiderata of Byzantinology and had Ernst Honigmann in mind to do it. Today we have six ready and five more forthcoming volumes of the *Tabula Imperii Byzantini*. Grégoire's *Corpus Bruxellense Historiae Byzantinae* belongs to the same category, even if it was not quite successful. It produced four or five volumes at best, while the modern *Corpus Fontium Historiae Byzantinae* has 35 volumes to its credit in the thirty years of its existence.

I am coming now to the sixth of the old dreams almost come true. About the year of the first Byzantine congress, Russian Byzantinists of the Academy of Sciences, harboring small hopes to see their work published under the adverse circumstances of the time, turned to a long-range project called "The New Byzantine Ducange". The project was announced in the last fascicle of the old *Vizantijskij Vremennik* and welcomed in the brand new *Byzantion* launched by Grégoire. Nothing came of it, given the Soviet policy of the time. Today, between the *Lexica* of Lampe, the project run by the Bonn-Vienna team headed by Professor Erich Trapp for the period ending in 1100 and the far advanced *Lexicon* by Kriaras, we are within grasp – that is, within about twenty-five years – of covering most, if not all, of the lexicographic material dating from between the fourth and the seventeenth centuries.

On the debit side, reasonable proposals formulated by the previous generations of Byzantinists remain *pia desideria* even today. Some of them, such as the resolution of the 1935 Sofia congress that vast excavations be undertaken on the territory of the city of Istanbul in cooperation with the Turkish government, missed their opportunity – there hardly could be any large excavations there under today's changed demographic and urban circumstances. But why do we still not have, to mention only *two vota* of the 1935 congress, a historical grammar of medieval Greek, and more strange still, a critical edition of the *Vitae* of Constantine and Methodius, two Byzantines standing at the threshold of the cultural history of the Orthodox Slavs? We hope that the committee appointed in Thessalonica earlier this year, or Professor Giorgio Ziffer of Udine through individual effort, will do the job.

In theory, the application of computers to Byzantine studies could have been advocated three congresses ago, but it was not. The invention has spread like a prairie fire all over the world in the last twenty years. Byzantinists have quickly adjusted, however, and the new tool is for them today what a typewriter was for Krumbacher and a telephone for Charles Diehl. It is most useful in lexicography and in what can be derived from it, including the detection of allusions and quotations and producing lists of concepts. Among the chief desiderata of our time is the systematic expansion of the existing database so as ultimately to cover all the texts of the Byzantine and post-Byzantine periods. There are no technical obstacles to this, except lack of money and of a person commanding sufficient authority to act as the centralizing mover and shaker. Some modest beginnings towards including Byzantium into the already existing data banks were made in the *Thesaurus Linguae Graecae* at Irvine, California, and are continuing in Athens. For further details I refer you to the fifth plenary session, devoted to the *Tabula Imperii Byzantini*, to the new lexicon headed by Professor Trapp, and to the latest news on computer use.

One casualty of the computer revolution will be remembered with sympathy for a number of years, at least in some circles: As the personal messenger disappeared from large European cities about 1900, pushed into oblivion by the telephone and pneumatic mail, so the scholars who could spot an allusion or quotation in a Byzantine text, owing to their vast earlier readings in the classics and later authors have been made technologically obsolete by the new thesauri that can be more efficiently operated by anyone.

So much for fulfilling dreams. What about registering substantive changes? In times when the review of history is flowing slowly, change is perceived as continuation and possibly as betterment of things as they were. Thus we all understood that Beck's and Hunger's literary *summae* were linear improvements over the analogous works by Erhard and Krumbacher, and we accepted Hunger's new principle of dividing his subject matter by genre rather than by chronology as something innovative, to be sure, but still methodologically within the rules prevailing in normal science. Similarly, we perceive Cyril Mango's urban studies of Constantinople, for all their modern refinements, as a linear continuation of the first article that he published at the age of sixteen.

When the flow of history is rapid, however, changes are perceived as breaks with the past. The last thirty years or so of Byzantine studies are a case in point. The changes that have occurred in some areas of our discipline in these years have less to do with Byzantium and more, either in subtle or in explicit ways, with the *Zeitgeist*. Of the three examples that will follow, one is concerned with the abandonment of an approach; two others with the birth of new ones. Abandoned has been a type of intellectual history centered on the transference of concepts from one culture and epoch to another, especially in the study of the relationship between the divinity and the ruler – an approach exemplified by the works of André Grabar and Ernst Kantorowicz. Unless I am mistaken, this way of doing things in the Byzantine field found its last manifestation in Kantorowicz's famous article entitled *Oriens Augusti* and published in 1963; after that date it largely disappeared from Byzantine studies. A silence ensued, interrupted only a few years ago by an isolated attack on both Kantorowicz and Grabar, and this year by Gilbert Dagron's important *Empereur et prêtre*, where Kantorowicz is mentioned rarely, if reverently. A number of explanations may be proffered for this state of affairs. Perhaps Kantorowicz's combination of technical equipment, competence in a number of fields, and broad culture is not readily encountered among today's practitioners of our trade. In addition, the rules of the scholarly game have changed, so that bold leaps of imagination from one set of well established facts to another are no longer rewarded with applause. The high beam of historical research has been shifted by a later generation to different aspects of the past – a generation that prefers to listen to, read, and be read by its coevals and to look up to authorities outside its own field rather than to the older masters inside it.

What about revisionism, vigorously and ubiquitously pursued today by maverick and upwardly mobile historians outside our field? Interestingly enough, the golden age of revisionism in our studies belongs to the thirties and forties, and its keep was the revue *Byzantion*. Today, one rereads with nostalgia and pleasure Henri Grégoire's challenges: Constantine's edict of Milan was in fact Galerius's edict of Sofia of 311; Eusebius did not write the *Life of Constantine* in its present form; Michael III was a great ruler rather than a pusillanimous drunkard; the diversion of the Fourth Crusade was not a matter of serendipity, but had been planned from the very beginning. The merit of this revisionism was not that its tenets were right – many of them were subsequently shown to have been false – but that it woke up the somnolent scholarly community. Moreover, this revisionism was daring without being irresponsible, as it was supported by disprovable statements of fact. Today's revisionism in Byzantine studies, such as it is, relies rather on speculation and theory.

The perceived breaks with the past ways of doing things have occurred mainly in art history and above all in the art history practiced in the United States, a country where art historians make up the bulk of Byzantinists, and in England. Similar perceived breaks with the past, however, can be also observed in the study of hagiography and of literature. The rule of the game is interpretation rather than discovery and the questions asked are about the use and function or, better yet, "meaning" of art objects and about their social context, that is, about patrons, producers, and consumers. When it comes to the tools used by the new

wave of art historians, I am pleased to report that the knowledge of Greek is more widespread than it was before and the insistence on combining text and image is now universal. Codicology is put to heavy use, so is technical analysis of the production of some classes of objects. All this leaves Kurt Weitzmann far behind (so far, that one younger scholar even *defended* him on a minor point three years ago). I view this trend as marking the victory of common sense, rather than, as the practitioners of the new approach occasionally state, as an application of "critical theory", a somewhat illdefined label imported from outside.

Another theoretical stance coming from outside and adopted this time by some Byzantine historians is to speak of "constructing" the past, where the old folks spoke of "reconstructing" it. I am afraid there is little new in that new approach. The observation that in attempting to reconstruct the past, we tend to construct it under the influence of our present, sometimes to the advantage of the task at hand, was repeatedly made in both the past century and the present one, notably by Marc Bloch in the nineteen-forties and by Hans-Georg Beck in the nineteen-seventies. The problem is not that such a tendency exists – it does – but what to do with it – to be aware of it, control, and constructively channel it? or to read into it a license to relax the historian's self-discipline?

A sociologist of scholarship might connect the recourse to theory in our studies with such factors as the increase in the number of researchers, the practically stationary number of "canonical" objects of study, and the decline in conventional, especially linguistic, research skills. Faced with the choice between, on the one hand, remaining within the canon and interpreting it anew in the light of theories developed in other disciplines and, on the other hand, striking out into less researched areas, such as unpublished texts, the post-Byzantine world, history of the reception of Byzantium, or material and popular religious culture, intelligent young scholars are tempted to take the first course. They may take it because it is easier and quicker to acquire the tenets of new theories than to turn to the time-consuming task of mastering the hitherto untreated material by conventional means.

The study of Byzantium's women as agents of historical and cultural change – whether as Latin princesses marrying into Byzantine ruling families or female commissioners of Greek manuscripts – rather than as silent objects of man-made history is one of the most visible new trends in our discipline. It is so much in the center of our awareness that I shall merely mention it here. Again, the subject is not new – without insisting on Charles Diehl's *Figures byzantines*, I shall mention Spyridon Lampros's still older "Greek Women Scribes and Women Manuscript Owners in the Middle Ages and During Turkocracy", a work dating from 1902–1903. But the ideological difference is substantial: what was an antiquarian or *cherchez la femme* motivation in the past is now a work of recovering aspects of that past of which, it is asserted, the historical establishment has hitherto been oblivious.

Not all products of our *Zeitgeist* or taking other or new disciplines into account should be viewed with suspicion. Twenty years ago, Hans-Georg Beck told us that Byzantinists could profit from understanding economic theory and the theory of constitutional law. Codicology as a distinct discipline was formulated in the late forties, and its Byzantine branch has grown spectacularly in the last fifty years. One example will suffice: in 1958, the second edition of Marcel Richard's *Repertory of Libraries and Catalogues of Greek Manuscripts* had 884 entries; its third edition, revised in 1995 by Jean-Marie Olivier, has 2,507.

The engine that is pulling the innovative train of critical theory and women's studies and to a somewhat lesser degree of normal science, at least in the United States, is a closely knit generation of scholars of both sexes aged from forty-five to sixty. I hope that now that they have made their point they will turn their attention to the generation under forty-five. After all, André Grabar and Ernst Kantorowicz, the two great Byzantinists of the past whom one sexagenarian Young Turk attacked the other day, achieved fame through books written when they were in their late twenties and middle thirties.

If I had to draw the attention of young Byzantinists to one field popular today in scholarship at large, I would quote the *Rezeptionsgeschichte*, the subject of our fourth plenary session. The old name for the same thing was *Nachleben*. The history of various receptions fits the study of Byzantium as a well-made glove fits the hand; moreover, it calls for the exploration of uncharted waters lying beyond Nicolae Iorga's horizons of 1935, such as – to give one example – the role Byzantium's image played in the culture of seventeenth-century Muscovy.

Ladies and gentlemen, I am almost done with my task. Primarily, it was to look backward and to bring the story of our studies down to today in Copenhagen. The tack of making wishes for the success of Byzantine studies in the first quarter of the twenty-first century, also assigned to me, properly belongs to the president of the next congress. I shall usurp my successor's rights, however, to the extent of formulating my wishes right now – who knows where I will be in the year 2001, even if my reader's card in the Bodleian Library does not expire until 2004.

I shall start with wishes that deal with people, thus with wishes that are difficult. May the very young among us agree that reinventing the wheel, even it is great fun, does not move our discipline forward, while improving our Greek, codicology and all such stuff, does. May the innovative generation, now comfortably enjoying middle age, show indulgence towards its predecessors and grant that theory is not yet an indispensable lifeline for Byzantinists, because enough remains to be discovered by conventional means for several congresses to come. May the old among us read and support the young; may they themselves continue to write, if they must, but may they abstain from irresponsible writing, the more harmful, the greater the reputation they still enjoy. Finally, may all of us keep in mind the two hypotheses: that the past really did exist and that in most of Byzantine literature, there is only one correct understanding of a text. The rule that science may begin with imagination, but that it rests on factual documentation rather than on conjecture, however brilliant, still retains its validity for our field as it does for any other.

Now I come to wishes that deal with things, thus to the easier ones. They are becoming reality before our very eyes, and will most likely be reality by the first twenty-five years of the next century. May Byzantine and post-Byzantine texts of all times be entered into one huge database; may all the existing Greek manuscripts be digitized; may all the works of art of interest to us – picture, description, bibliography – be made available on the Internet; but may we, while pursuing all these goals so excellent for pedagogy, not lose pure research from sight.

Finally, may the organizers of the twentieth congress, wherever it will be held, follow the example of the first congress of Bucharest and provide each *congressiste* with a free round trip on some *train de grande vitesse*.

Closing Remarks

Excellencies, Mr. Marshal of the Royal Court, Your Magnificence, Fellow Byzantinists, Ladies and Gentlemen.

I shall start by thanking Sir Dimitri for his superb summary of our proceedings and for the kind words about myself that he pronounced towards the end. Such kind words are more often than not undeserved, but are always a pleasure to hear. In my valedictory speech, I shall make one more departure from the required *topos* of modesty.

You made me president when the *Perestrojka* was one year old, that is, in the threshold of momentous changes occurring in the vast territories of Eastern and South-eastern Europe where Byzantium left an important legacy. The task that arose for us at that time was to assist various Byzantine institutions of the area, especially at the times of congresses, and to

support the move from a more controlled approach to the Byzantine field to the view that Byzantine studies are one and indivisible and that the pursuit of our discipline is our only goal.

The last ten years have witnessed an unprecedented growth in the number of qualified Byzantinists in North America. Considering this, you and history may have put the right man at the right place and at the right time – what with my biography and genealogy spanning the area from Kiev to Warsaw to Cambridge, Massachusetts, not to speak of Berkeley, California, Washington, D.C., and Belgium in between.

Times have changed, however, since 1986, and with that change comes the need for a change at the helm of our association to tackle the different tasks ahead. I cannot wait to announce the new team that will with your approval lead us from now on, but I must keep you in suspense for just a while longer.

We all stand on the shoulders of giants. The two living giants of our studies are H.-G. Beck and Herbert Hunger. They are not with us today, but would no doubt like us to tell them how aware we are of our lasting debt to them. I propose that a telegram, or the modern equivalent thereof, be sent from the whole assembly to H.-G. Beck and H. Hunger and trust you all agree to this proposal.

Next I wish to express my personal thanks to our secretary-general Professor Ioannis Karayannopoulos and to our treasurer Professor Maria Nystazopoulou-Pelekidou for their long years of support and, on occasion, guidance.

Finally, I will act as a spokesman for the whole assembly. The Danish team was greatly undermanned to begin with, and was further weakened by the death of Professor Raasted. Yet our Danish hosts pulled off the miracle of Copenhagen. The miracle workers were Karsten Fledelius and his right-hand Annamette Gravgaard, but the organization of the congress was truly a family affair: Karsten was assisted by his three children, daughters Philippa and Andrea-Dorothea and son Jakob. The wider family has to be mentioned, too – all those young people that sat in the Main Hall of the University and told us what to do and where to go – without ever telling us where to get off. Karsten managed even to organize a first-rate Byzantine exhibit at the Ny Carlsberg Glyptothek with objects coming from four Scandinavian countries. Our collective thanks and grateful remembrance are due to all of them.

Now I can come to the report on the decisions of the two meetings that the International Bureau of the *Association Internationale des Etudes Byzantines* held during our congress:

1. The first decision was the admission of three new national committees: those of Albania, the People's Republic of China, and Ukraine.

2. The second decision has to do with the site of our next congress. The French National Committee has graciously agreed to be the host for the congress in 2001, a decision that had already been tentatively adopted in Moscow in 1991. I hope you will join me in thanking our French colleagues for their hospitality. Now all of us have five years to improve our French or our Franglais, and the better-to-do among us can start studying the *Guide Michelin gastronomique*.

3. The third decision has to do with the composition of the new *bureau international* of our association. First comes the cosmetic part: on the level of honorary presidents, two new names were added: that of Sir Dimitri Obolensky and that of Ihor Ševčenko.

On the level of honorary vice-presidents, the name of Professor Ioannis Karayannopoulos was added, in recognition of his services during the past ten years.

On the level of regular vice-presidents, the name of Professor Maria Nystazopoulou-Pelekidou was added, in recognition of her services during the past ten years; of Professor Karsten Fledelius for organizing the present congress for all of us; and of Professor Ljubomir Maksimović; of Belgrade.

Now I come to the new team to whom, in the unanimous opinion of the bureau, the

guidance of the *Association Internationale des Etudes Byzantines* should be entrusted for the next five years. The names the bureau has proposed are as follows:

President: Professor Gilbert Dagron, Collège de France

Secretary General: Professor Nikos Oikonomides, University of Athens

Treasurer: Professor Peter Schreiner, University of Cologne, and editor of the *Byzantinische Zeitschrift*

I now ask the assembly to approve all the votes of the *bureau international* [Acclamation]. It remains for me to thank you all for the trust you put in me in the last ten years and to yield the floor to our new president, Professor Gilbert Dagron.

О.Р. Бородин

**ПОЭТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИТАЛИИ
В VI–VIII вв.
ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ**

Предлагаемая статья не является литературоведческим исследованием в собственном смысле этого слова. Ее задача состоит в том, чтобы показать, какое влияние на развитие стихотворной литературы Византийской Италии оказывали изменения в ее общественной жизни. Предметом рассмотрения является поэтическое творчество жителей Северной и Средней Италии. Грекоязычные области юга остаются за пределами внимания автора статьи, так как их культура представляет собой особый исторический феномен.

В истории итальянской поэзии византийская эпоха распадается на два периода: 40–60-е годы VI в. и последняя треть VI – середины VIII в. Первый период – это время, когда продолжали творить стихотворцы старой, довизантийской школы. В плане истории поэзии данный период может быть назван византийским лишь формально. По существу он был последним этапом развития позднеримской поэзии. Поэты Италии середины VI в. являлись духовными наследниками Клавдиана, Авзония и Аполлинария Сидония. Они учились у Эннодия и Боэция. Этой школе, этим традициям они обязаны своими достижениями.

В начале 40-х годов VI в. римский субдиако́н Аратор написал большую поэму "О деяниях апостолов" ("De actibus Apostolorum")¹, которую и преподнес 6 апреля 544 г. в дар римскому папе Вигилию (537–555). Свое единственное крупное произведение Аратор создал, будучи уже немолодым человеком (род. ок. 490 г.). Уроженец Лигурии, он еще в детстве переехал в Милан, где стал учеником выдающегося поэта Эннодия. Затем вместе со своим другом, племянником Эннодия, Партением учился в Равенне, подготавливая себя к карьере адвоката. К этому времени относится увлечение Аратора классической латинской поэзией, как языческой, так и христианской (Амвросий Медиоланский, Аполлинарий Сидоний). В 20-е годы VI в. Аратор – преуспевающий равеннский адвокат, широко известный своими ораторскими способностями. Его замечают при дворе короля Теодориха. В 526 г. он участвует в остготской дипломатической миссии в Далмацию. В правление Аталариха Аратор назначается на высокие посты – Comes domesticorum, а затем Comes privatarum. Решение удалиться от мира созрело у него во время Готской войны, в годы понтификата хорошо его знавшего папы Вигилия. Став субдиаконом в Риме, он занялся поэтическим творчеством и после малоудачных попыток переложить на язык поэзии псалмы Давида и книгу Бытие создал стихотворную версию апостольских деяний.

Поэма его состоит из двух книг по 1076 и 1250 стихов. Деяния апостолов

¹ Поэма Аратора часто именуется в рукописях "Апостолическая история" ("Historia Apostolica"). Публикацию текста памятника и характеристику творчества поэта см.: Aratoris subdiaconi de actibus Apostolorum. / Rec. A.P. Mc-Kinlay // Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum. Vindobonae, 1951. См. о нем также: Perugi G.L. Aratore. Venezia, 1909.

описываются с момента Вознесения Христова до мученической кончины апостола Петра и посещения Рима Павлом (Аратор придерживается известной версии, что Петр и Павел приняли мученическую смерть в один и тот же день). Поэт предлагает аллегорическое истолкование целого ряда эпизодов из жизни апостолов. В своем приращении к аллегории он продолжает в христианской поэзии Италии линию Пруденция и Целия Седулия (автора популярной в раннее средневековье "Пасхальной песни"). Стремясь подкрепить сакральным авторитетом свое право поэтически интерпретировать священные тексты, автор в посвящении поэмы высказывает убеждение, что метрика не чужда и самому Священному Писанию и что Песнь Песней, книги Иеремии и Иова тоже будто бы написаны стихами. Поэма Аратора, не отличающаяся чисто поэтическими совершенствами, проникнута высоким пафосом и представляет собой яркий образец стихотворной риторики в античном стиле. Она вызвала к себе колоссальный интерес сразу же после появления. Достаточно сказать, что по настоянию населения Рима и с разрешения папы Вигилия, Аратор читал ее вслух перед народом в церкви св. Петра в узилищах (ad Vincula) и в голодном городе в разгар войны четыре дня собирал толпы слушателей. Конечно, для патриотически настроенных римлян особое значение приобрел здесь тот факт, что центральным образом поэмы Аратора был образ патрона Вечного города апостола Петра. Поэма Аратора "О деяниях апостолов" пользовалась известностью и позднее и сохранилась во многих манускриптах (древнейшие относятся к IX–X вв.).²

Видимо, в византийское время творил в Италии другой крупный латинский поэт – Максимиан. О нем известно, что он был младшим современником и другом Боэция и свой единственный поэтический сборник составил, будучи уже человеком очень пожилым (вероятно, не раньше 40-х годов VI в.).³ Максимиан предпринял уникальную попытку возродить в раннесредневековой Италии классическую римскую элегию. Его сборник состоит из шести больших стихотворений, написанных под явным влиянием Овидия. Первое представляет собой пространную lamentацию автора по поводу тягот преклонного возраста; последнее, шестое – размышление о смерти. Эти две элегии как бы обрамляют четыре других, любовно-эротических, стихотворения, повествующих о взаимном влечении (третье), о страсти (четвертое), о любовной немощи старца (второе и пятое)⁴. Все элегии написаны от лица автора, рассказывающего о своих амурных похождениях. Они очень конкретны в определении участников и места действия. Так, в третьей элегии, наряду с поэтом и его возлюбленной Аквилиной, действует Боэций, в пятой элегии повествуется о любовном приключении автора в Константинополе, где он находился в составе одного из посольств в годы Готской войны и т.д. Максимиан очень точно и тонко характеризует настроения и переживания героев; его рассказы изобилуют подробностями; истории, сообщаемые поэтом, производят впечатление невыдуманных. Вряд ли верно поэтому предположение Ф. Рэби, что стихотворения Максимиана являются лишь риторическими упражнениями⁵. Элегии Максимиана написаны классическим языком, в них полностью отсутствуют христианские образы и символы. Показательно, что в XVI в. их приписали Корнелию Галлу – римскому поэту I в. н.э. Сборник элегий Максимиана мож-

но оценить как явление антикизирующей латинской лирики, свидетельствующее о силе античных традиций в культуре Италии VI в.⁶

В Византийской Италии провел молодость и получил образование выдающийся латинский поэт раннего средневековья Венанций Фортунат. Фортунат родился ок. 540 г. близ г. Тревиго. В Равенне он изучал грамматику, риторику и право, здесь же написал свои первые стихи. В 565 г. Фортунат уехал из Равенны в г. Тур на поклонение мощам св. Мартина и больше не вернулся в Италию. Вряд ли следует полагать (солидаризируясь с И.Н. Голенищевым-Кутузовым)⁷, что причиной отъезда Фортуната было отсутствие в Равенне образованных людей, способных оценить его творчество. Напротив, несомненно, что общий уровень культуры в крупнейших городах Италии VI в. был заметно выше, чем в сильно варваризированной Галлии, и тем более в Германии, где Фортунат также прожил немало времени. Вероятнее всего, отказ от возвращения на родину был связан с агрессивией лангобардов, реально грозившей в это время захватом всего полуострова, в том числе и Равенны. Фортунат же, посетив Тур, отправился в Майнц, а затем, через Кёльн в Мец. Здесь он встретил весьма теплый прием при дворе короля Австразии Сигиберта (браку которого с вестготской принцессой Брунгильдой он посвятил эпиграму). Затем в Пуатье он вошел в кружок интеллектуалов, группировавшихся вокруг королевы Радегунды, постригшейся здесь в монахини в обители св. Креста. На склоне лет Фортунат стал священником, а вскоре (в 597 г.) и епископом г. Пуатье. Умер он в 609 г.⁸

Венанций Фортунат – автор большой поэмы в четырех книгах, посвященной покровителю Галлии св. Мартину (стихотворное переложение жития Мартина, написанного Сульпицием Севером), ряда духовных элегий и прозаических житий святых. Но главное детище Фортуната – это обширное собрание стихов "на случай" – писем, панегириков, поздравлений, эпиграмм, эпитафий и т.д.⁹ Такие стихотворения он начал писать еще в Италии¹⁰.

Фортунат мастерски владел всеми перечисленными жанрами. Его стихи, написанные различными, не всегда классическими, метрами, совершенны технически и в то же время звучат очень искренне и непосредственно. Редкое для раннесредневековой поэзии умение выразить в официальных по форме и замыслу стихотворениях живые человеческие чувства принесло Фортунату славу крупнейшего лирика своего времени. Конечно, по месту жительства, по тематике и адресатам стихотворных посланий Венанция Фортуната нужно считать в основном галльским поэтом. Но важно, что его талант формировался на почве Италии. Таким образом, ее интеллектуальная среда еще в 60-е годы VI в. оказалась способной произвести поэта столь крупного масштаба.

Аратор, Максимиан, Фортунат, произведения которых принадлежат к числу лучших достижений раннесредневековой латинской поэзии, творили в первые годы византийского господства в Италии (Фортунат, затем за рубежом). Все они восприняли традиции античной римской культуры, пережившие падение Западной Римской

² Голенищев-Кутузов И.Н. Средневековая латинская литература Италии. М., 1972. С. 122.

³ Raby F.G.E. A History of Secular Latin Poetry in the Middle Ages. Oxford, 1934. Vol. 1. P. 124.

⁴ Ed.: Poetae Latini minores / Rec. A. Bachrens. Vol. V. Lipsiae, 1983. P. 313. Три элегии Максимиана (2-я, 3-я и 5-я) переведены на рус. яз. М.Л. Гаспаровым: Поздняя латинская поэзия. М., 1982. С. 594–602. (Краткий комментарий – С. 701–702. Указано, в частности, что образцом для 5-й элегии послужила элегия Овидия III. 7).

⁵ Raby F. Op. cit. P. 125.

⁶ См. о поэзии Максимиана специальную монографию: Schetter W. Studien zur Ueberlieferung und Kritik des Elegikers Maximian. Wiesbaden, 1970.

⁷ Голенищев-Кутузов И.Н. Указ. соч. С. 132.

⁸ Высказывалось мнение, что за пределами Италии, при дворах франкских королей, Фортунат сознательно действовал в интересах Византии. См. об этом: Brennan B. Venantius Fortunatus: Byzantine Agent? // Byzantion. 1995. 65. P. 7–16.

⁹ Поэтические произведения Фортуната опубликованы: MGH. Auctores antiquissimi / Ed. F. Leo. T. IV. P. 1–2. Hannoverae, 1881. Об авторе см.: Köbner R. Venantius Fortunatus, seine Persönlichkeit und seine Stellung in der geistige Kultur der Merovingier-Reiches. Leipzig, 1915; Tardi D. Fortunat. Étude sur un dernier représentant de la poésie Latin en Gaul Meroving. P., 1927.

¹⁰ См., например, стихотворение об освящении новой церкви св. Андрея: MGH. Auctores antiquissimi. P. 7.

империи и сохранившие свою притягательность для итальянцев в эпоху остготов. Собственно Византийская Италия не выдвинула ни одного заметного поэта, и со второй половины VI в. в ней не было создано ни одного крупного поэтического произведения. Разумеется, это было связано с прогрессирующим упадком культуры и образования на Аппенинах в "темные века" итальянской истории. Но не меньшее значение имело и то, что власть в Италии была властью чужого этноса. Византийцы не подавляли искусственно творческую активность латиноязычных итальянцев, но и не создавали стимулов для ее развития. В позднеримское и остготское время поэзия носила в основном публичный и официальный характер, и стихотворцы обращались при дворах императоров и королей. Экзархи-греки не нуждались в услугах латинских поэтов. Они представляли другую цивилизацию и не считали нужным поддерживать римскую поэтическую культуру. Поэзия Италии лишилась обычного социального заказа, и это стало одной из важнейших причин ее упадка.

Основной фонд поэтической продукции Византийской Италии с конца VI в. составляют стихотворения двух жанров: посвящения и эпитафии. Большая часть из них зафиксирована эпиграфически. Многие памятники дошли до наших дней. Посвятительные надписи связаны с постройкой или реставрацией зданий (чаще всего церквей), украшением их мозаиками и фресками, с пожертвованиями в храмы и адресованы Христу, Богородице, святым. Сохранились эпитафии на саркофагах некоторых римских пап, епископов других городов, византийских экзархов и *dux'ов* и др. Много таких эпиграфических памятников известно в Риме¹¹ и в Равенне¹². Отдельные образцы дошли до нас от других городских центров Италии. Стихотворения написаны элегическими дистихами, реже ямбами. В плане метрики и строфики очевидны взаимосвязи с античной поэзией. Стихи в основном невысокого качества, тяжеловесные, с метрическими и ритмическими сбоями, многочисленными погрешностями стиля. Однако иногда встречаются произведения, написанные более профессионально. Среди них, например, стихотворение, посвященное покорителю Италии Нарзесу в связи с восстановлением им моста через р. Аниен¹³. Это очень грамотное, хотя и банальное посвящение явно создавалось в подражание античным поэтическим творениям (автор даже обращается к читателям: "Квириты!"). В 689 г., когда в Риме умер молодой король западных саксов Кадвалла, на его кончину составил стихотворную эпитафию миланский епископ Бенедикт Крисп, известный как автор своеобразных медицинских стихов¹⁴. Эта эпитафия, сохранившаяся в атриуме собора св. Петра, представляет собой великолепный образец посвятительной лирики (сочиненный, впрочем, поэтом, постоянно проживавшим в лангобардской части Италии)¹⁵.

Известно несколько греческих стихотворений, написанных в Северной и Средней Италии в византийское время. Лучшее из них – трогательная, продиктованная искренним чувством скорби эпитафия, адресованная равеннскому экзарху Исаакию его женой Сусанной. Она выбита на его саркофаге в церкви св. Виталия в Равенне¹⁶.

В 1882 г. в библиотеке савойского герцога Антония Пия был обнаружен документ, получивший название "Равеннский свиток" ("Rotulus de Ravenna"). Это свод литургических песнопений, содержащий 42 отдельных стихотворения, написанных в разное время (начиная с V в.) и, как показал немецкий историк-литургист П. Свитберт Бенц, объединенных в одно целое в третьей четверти VII в. в Равенне при архиепископе Мавре (644–673)¹⁷. Большинство литургических стихотворений – равеннского происхождения, некоторые ныне приписываются знаменитому епископу Петру Хрисологу (432–449), другие – архиепископу Максимилиану из Пола (546–556). Часть песнопений посвящена Рождеству, часть – Воплощению Господню. Они сведены в единое собрание во многом механически. Искключительное литургическое значение "Равеннского свитка" состоит в том, что здесь зафиксирован ряд песнопений, посвященных Адвенту¹⁸ (по классификации П. Свитберта Бенца, стихотворения № 5, 6, 7, 9, 11, 18, 21). Ни одно из них не было известно в Риме. В этом можно видеть косвенное указание на время составления сборника: при архиепископе Мавре, добившемся автокефальности для равеннской церкви, Равенна и Рим прекратили церковное общение. Наличие в "Равеннском свитке" целой группы молитв по поводу Адвента показывает, что латинская литургия в Равенне несколько отличалась от римской. Свиток свидетельствует, что в период достигнутой при архиепископе Мавре автокефальности равеннская церковь пыталась утвердить свою независимость от Рима и в литургической сфере. При этом тексты "Равеннского свитка" не дают возможности усомниться в их западном, латинском происхождении. Здесь не приходится говорить о влиянии восточных церквей. (Укажем, что первые известия об особом литургическом оформлении Адвента дошли до нас из Испании, – собор в Лериде, 524 г.¹⁹)

Большая часть сохранившихся итальянских раннесредневековых стихотворений анонимна. К их числу относится по-своему замечательное поэтическое произведение – инвектива "Против Рима", дошедшая до нас в трех редакциях и многих рукописях IX–XV вв. и созданная несомненно в Византийской Италии. Она заслуживает того, чтобы привести ее текст целиком²⁰:

Некогда ты был основан своими благородными покровителями,
А ныне ты во власти рабов: увы, Рим, ты погибаешь!
Давно уже покинули тебя твои цари,
И ко грекам перешли имя и слава твои.
Никого из благородных правителей внутри тебя не осталось,
Граждане твои возделывают поля пеласгов.
Чернь, собранная с самых отдаленных краев земли,
Рабы рабов – ныне твои господа.

¹¹ Gregorovius F. Die Grabdenkmäler der Papste. Marksteine der Geschichte des Papsttums. Leipzig, 1881.

¹² См.: Agnelli Liber Pontificalis Ecclesiae Ravennatis // MGH. Scriptores rerum langobardarum et italicarum / Ed. O. Holder-Egger. Hannoverae, 1878. P. 321, 325, 328, 337, 345, 353–354, 366, 374–375.

¹³ Corpus inscriptionum latinarum. VI. 1999a.

¹⁴ Медицинская поэма Бенедикта Криспа издана: PL. T. 89. Col. 369–375.

¹⁵ Эпитафию цитирует Павел Диакон (Pauli Diaconi Historia Langobardorum. VI.15) и Беда Достопочтенный (PL. T. 89. Col. 375–376).

¹⁶ Опубликована: Patrone C.M. Le iscrizioni bizantine di Ravenna / Atti e memorie della R. Deputazione di Storia Patria per le provincie di Romagna. Ser. 9-e. 1909. P. 366. См. о ней: Cosentino S. L'iscrizione ravennate dell'esarca Isacio e le guerre di Rotari // Deputazione di Storia patria der le antiche provincie Modenesi. Atti e memorie. Ser. XI. Vol. 11. 1993. P. 23–43.

¹⁷ Der Rotulus von Ravenna, nach seiner Herkunft und seiner Bedeutung für die Liturgiegeschichte, kritisch untersucht von P. Suitbert Benz. (Liturgiegeschichtliche Quellen und Forschungen. Heft. 45). Münster, 1967. Текст памятника опубликован: S. 15–16.

¹⁸ Адвент – время, предшествующее празднику Рождества Христова. В католической церкви продолжается около четырех недель и рассматривается как период покаяния с целью приуготовления верующего к Рождеству Спасителя.

¹⁹ О литургической традиции Адвента и роли равеннской церкви в ее развитии см.: Croce W. Die Adventsliturgie im Lichte ihrer geschichtlichen Entwicklung // Zeitschrift für Katholische Theologie. 1954. Bd. 76. S. 268 ff.

²⁰ Текст приводится в прозаическом переводе в так называемой "Моденской редакции". Издание памятника см.: MGH. Poetae Latini aevi Carolini / Rec. L. Traube. T. III. B., 1886. P. 554. См. о нем подробнее: Бородин О.Р. Инвектива "Против Рима" – памятник средневековой политической поэзии // Средние века. 1989. Т. 52. С. 193–207.

Процветающий Константинополь зовется Новым Римом,
 В тебе же, Рим древний, рушатся и нравы, и стены.
 Вот что в старинном стихе предрек тебе прорицатель:
 "Нежданно, Рим, однажды покинет тебя Амур!"
 Когда б не хранили тебя заслуги Петра и Павла,
 Уже давно бы, Рим, в ничтожество ты обратился,
 Отдан под иго порочным и мерзким ублюдкам
 Ты, который когда-то сиял своей доблестью славной.
 Исчезла твоя империя, – лишь надменность осталась с тобою.
 Жажда стяжания тобой овладела всецело.
 Разве не ясно указано Господом: "Грех великий
 Творит раб своей алчности, в душе поклоняясь идолам"?
 Истязавший жестоко святых при жизни,
 Мертвыми членами их теперь ты привычно торгуешь.
 Но доколе хищная почва поглощать будет кости живших,
 Сможешь ты продавать и поддельные их останки.

Перед нами – резкое поэтическое обвинение, направленное против византийской власти в Италии. Его автор – гордый римлянин, идеалы которого обращены в прошлое: к эпохе римских императоров. Он презирает византийцев – иноплеменных "пеласгов"²¹, презирает их разноязыкое воинство – "чернь, собранную с самых отдаленных краев земли". В руках греков, всегдашних "рабов" римлян, гибнет Вечный город! Конечно, в сознании римлянина, и к тому же искренне верующего христианина (а именно таков автор стихотворения, уповающий на покровительство Петра и Павла), политическому упадку Рима сопутствуют упадок нравов и "жажда стяжания". Особую горечь у поэта вызывает торговля священными реликвиями. Стихотворение глубоко пессимистично. Автор не видит выхода из трагической ситуации и, что показательно, не воспринимает папство как силу, способную спасти Рим. Напротив, он обыгрывает, исходя из буквального смысла, титул римского папы "servus servorum" ("раб рабов"). Стихотворение могло быть написано, когда на папском престоле находился кто-то из верных клевретов Византии, и весьма вероятно, – в один из моментов особого унижения римского патриотизма. Можно принять гипотезу Ф. Грегоровиуса, который приурочивает написание инвективы к событиям 663–664 гг. (поход в Италию императора Константа II и разграбление им города Рима)²².

Инвектива "Против Рима" – не только стихотворный памятник большой художественной силы, но и важный политический документ. Он концентрированно выражает антивизантийские настроения патриотически настроенных римлян. По поэтическим и идейным достоинствам это – высшее достижение поэзии Византийской Италии на втором этапе ее развития.

Если же оценивать состояние поэзии в Византийской Италии в целом, то придется заключить, что с конца VI в. ее тематический диапазон и художественное качество резко снижаются. Вместе с тем, поэзия становится в известной мере утилитарной. Ее основной в это время жанр – эпитафия – позволяет более систематически использовать стихотворения в качестве источников по конкретной истории. Как литературные памятники они, в большинстве своем, малопримечательны. Впрочем, инвектива "Против Рима", будучи незаурядным источником по истории идеологии, одновременно обладает и бесспорными литературными дос-

тоинствами. Она является единственным сохранившимся итало-византийским произведением такого типа.

Бесспорным представляется и другое. Изучаемый период ознаменовался не только ухудшением качества, но и медиализацией итальянской поэзии, проявившейся как на жанровом уровне, так и на уровне культурных ориентиров авторов стихотворений. В этом смысле дистанция между эротическими элегиями Максимиана и песнопениями "Равеннского свитка" равна расстоянию от античности до средневековья.

²¹ Ср. в "Книге понтификов" Агнелла из Равенны: "пеласгами" именуются участники карательной экспедиции, направленной в Равенну императором Львом III Исавром: Agnelli Liber Pontificalis Ecclesiae Ravennatis / Ed. O. Holder-Egger // Scriptores rerum langobardicarum et italicarum. Hannoverae, 1878. P. 377.

²² Gregorovius F. Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter. Stuttgart, 1859. S. 171–172.

В.В. Кучма

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ВИЗАНТИЙСКОЙ АРМИИ
В ВОЕННЫХ КАМПАНИЯХ КОНЦА X ВЕКА

Конец X столетия, этого, по словам А. Дэна¹, "золотого века" византийской военной литературы, был ознаменован, в частности, созданием двух значительных произведений военно-научного жанра. Один из этих трактатов, которому его первый издатель Карл Бенедикт Хазе присвоил наименование "De velitatione bellica"², характеризовал состояние перманентной оборонительной войны, разворачивавшейся в 40–50-х годах X в. в юго-восточных регионах империи, где византийские фемные контингенты противостояли мобильным формированиям арабских эмиров династии Хамданидов³. Другой трактат, вошедший в научный оборот под условным названием "De re militari" (или – по заглавию его первой главы – "De castrametatione")⁴, раскрывал ситуацию, сложившуюся в 90-х годах этого же столетия на северо-западных рубежах, откуда регулярное византийское войско, возглавляемое императором, осуществляло наступательные экспедиции против племен, населявших Южное Подунавье. В течение последнего десятилетия увидели свет новейшие критические издания этих трактатов, осуществленные Дж. Дэннисом⁵ и Ж. Дагрон⁶. Основанные на самых современных методиках в области источниковедения и историографии, эти издания вновь привлекли внимание многих исследователей к проблемам истории византийской военной организации конца X в.

В задачи настоящей работы не входит решение вопроса о том, принадлежат ли оба названных произведения одному и тому же военному писателю или они созданы двумя различными авторами. Эта проблема, возникшая в научной литературе прошлого века, остается дискуссионной и в современной историографии⁷. Для нас

сейчас вполне достаточно констатации того факта, что между двумя сочинениями существует определенная генетическая связь, некое "неоспоримое родство", если воспользоваться выражением А. Дэна⁸. Кроме того, рукописная традиция византийских тактик рассматривает оба трактата в качестве органических дополнений к тому грандиозному комплексу полемологических знаний, который был синтезирован в знаменитой "Тактике Льва"⁹. Разумеется, каждый из анализируемых трактатов, взятый в отдельности, не обладает той универсальностью в постановке и решении военно-научных проблем, которая была свойственна энциклопедическому труду, связанному с именем Льва VI Мудрого. Однако совокупная информация трактатов "De velitatione bellica" и "De re militari", рассмотренная в комплексе и подвергнутая сравнительному анализу как по принципу сходства, так и на основе противопоставления, оказывается вполне репрезентативной для суждения об общем состоянии византийской военной организации конца X в. Подобный принцип сопоставления рекомендаций двух трактатов представляется плодотворным и для решения некоторых частных проблем, в том числе и той, которая избрана нами для данной статьи.

I

По свидетельству трактата "De velitatione bellica"¹⁰, военно-стратегическая ситуация на юго-восточных рубежах империи характеризовалась постоянной угрозой вражеских нашествий. Почти ежегодно (а иногда и два-три раза в год) через естественный барьер, образуемый горами Тавра, на ромейскую территорию прорывались мобильные отряды арабских эмиров, фактически малые армии, средней численностью 5–6 тыс. чел. Стремительно проникая в области Киликии, Ликанды, Каппадокии и Анатолики, они брали приступом города, опустошали сельскую местность, а затем столь же внезапно поворачивали назад, чтобы успеть до зимы возвратиться домой с пленными и добычей. Военные столкновения в таких условиях характеризовались предельной динамичностью – не могло быть и речи о каких-либо продолжительных маневрах, длительных осадах, стратегии выжидания или измора. Задача обеспечения безопасности приграничного региона целиком возлагалась на соответствующего фемного стратига; вмешательство боевых контингентов регулярной императорской армии (они упомянуты в трактате под названием "государевых войск"¹¹) предполагалось лишь в самых исключительных случаях, когда со стороны арабов предпринималась полномасштабная военная экспедиция силами крупной армии, включающей как кавалерийские, так и пехотные контингенты общей численностью 20–30 тыс. чел.

Меры по обеспечению безопасности, которые должен был осуществить фемный стратиг еще до начала военной кампании, находились в прямой зависимости от масштабов потенциальной военной угрозы. Определить же эти масштабы можно

принадлежности трактата "De velitatione bellica" Льву Фоке, брату императора Никифора II Фоки – этот сюжет подробно проанализирован нами в специальной статье (Кучма В.В. К проблеме авторства трактата "De velitatione bellica": новая гипотеза // ВВ. 1994. Т. 55 (80), ч. 1). Отмечая черты сходства, существующие между трактатами "De velitatione bellica" и "De re militari", Дж. Дэннис все-таки считает их продуктами творчества двух различных авторов (Three Byzantine Military Treatises. P. 241–243). Иную позицию занимает в этом вопросе Ж. Дагрон: он воссоздает в деталях процесс создания двух названных военных руководств одним и тем же лицом, выполняющим поручение Никифора Фоки; в качестве наиболее реального претендента на роль автора трактатов предлагается кандидатура Никифора Урана, известного военачальника последней трети X в. (Le traité ... P. 171–175).

⁸ Dain A. Les stratèges ... P. 369.

⁹ Подробно об этом см.: Le traité ... P. 157–160.

¹⁰ Пользуемся изданием, указанным в примеч. 6. (Далее: De vel. bell.)

¹¹ De vel. bell. XII, 1. P. 75, 4.

¹ Dain A. Les stratèges byzantins // TM. P., 1967. Vol. 2. P. 373.

² Leonis Diaconi Caloensis Historiae libri decem et liber de velitatione bellica Nicephori Augusti / Ed. C.B. Hase. P., 1819. Издание воспроизведено впоследствии в Боннском корпусе – Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. 14. Bonn, 1828.

³ См. об этом наши статьи: Кучма В.В. К вопросу о научно-теоретическом уровне трактата "De velitatione bellica" // ВВ. 1995. Т. LVI, 3; Он же. Метод парадокса: феномен военной теории и боевой практики X в. // Византийские очерки. М., 1996.

⁴ Сведения об изданиях трактата см.: Dain A. Les stratèges... P. 369. Первые 8 глав были переведены и прокомментированы Ю. Кулаковским (ВВ. 1903. Т. 10, вып. 1–2). Его же развернутые рецензии на издания Ш. Гро, А. Мартена и Р. Вари помещены в: ВВ. 1900. Т. 7, вып. 4. С. 646–660; ВЗ. 1902. Т. 5. С. 547–558.

⁵ Three Byzantine Military Treatises / Ed. G.T. Dennis. Washington, 1985.

⁶ Le traité sur la guérilla (De velitatione) de l'empereur Nicéphore Phocas (963–969) / Ed. G. Dagron, H. Mihăescu. P., 1985.

⁷ Уже более столетия назад было высказано предположение, что оба трактата были написаны одним и тем же лицом; несколько позднее венгерский акад. Р. Вари предпринял и первую попытку идентификации этого лица. Это мнение вызвало критику со стороны Ю. Кулаковского, решительно отрицавшего принадлежность обоих трактатов одному и тому же автору (подробнее об этом см.: Кучма В.В. Византийские военные трактаты VI–X вв. как исторический источник // ВВ. 1979. Т. 40. С. 59). Полемика Р. Вари и Ю. Кулаковского по проблеме авторства трактатов оказала воздействие на всю последующую историографию, поэтому в трудах современных исследователей эта проблема является одной из ключевых. Заслуживает самого пристального внимания гипотеза Дж. Дэнниса о

было на основании той достоверной информации, которую обязаны были регулярно и бесперебойно поставлять специальные подразделения, несущие караульную и разведывательную службу.

Трактат начинается с подробной характеристики наблюдательных постов, именуемых виглами (βίγλαι)¹², которые выставлялись стратигами пограничных фем для наблюдения за передвижениями неприятельских войск еще на подступах к ромейским владениям. Наш автор пишет, что эти виглы не следует выстраивать в одну линию – необходимо придавать их построению эшелонированный характер. Первая (внешняя) линия вигл должна быть размещена на возвышенных местах, по гребням гор, чтобы иметь возможность более широкого обзора приграничной территории. Для несения караульной службы в этих виглах рекомендовалось отбирать крепких, выносливых, опытных воинов, хорошо знающих местность. Они должны находиться в дозоре на протяжении 15 суток, после чего необходимо произвести их смену. Поставым не следует стоять на одном месте, но постоянно передвигаться, чтобы не быть захваченными врагами врасплох; стратигу же следует время от времени посылать наиболее опытных архонтов для проверки надежности несения службы караульными постами.

Сообщение о приближении неприятеля должно быть последовательно передано виглам второй, третьей и последующих линий; дистанция между отдельными постами должна составлять 3–4 мили (т.е. от 4,5 до 6 км). Известие должно дойти до конных стражей, которые размещены уже в глубине ромейской территории на равнинных местах, – эти конные стражи уведомят о начале вражеского вторжения непосредственно самого стратига¹³.

Особую разновидность сторожевых постов представляют караулы на дорогах (καταβοίγλαι), которые, если судить по контексту, могут быть выдвинуты и за пределы ромейской территории. Именно от них стационарные виглы могли получить первое сообщение о начале вражеского марша; они же должны оповестить об опасности жителей приграничных поселений, чтобы те успели перебраться в безопасные, защищенные природой места вместе с семьями и имуществом¹⁴. Таким образом, дорожные караулы составляли как бы промежуточное (и передаточное) звено между сторожевыми постами, расположенными на ромейской территории, и шпионами (лазутчиками, соглядатаями – κατάσκοποι), заблаговременно засылаемыми во вражеские владения. По мнению автора трактата, людьми, наиболее подходящими для осуществления шпионских мероприятий, являются люди торговых профессий. Особые, преимущественно диверсионные функции должны быть возложены на так называемых трапезитов¹⁵, именуемых также тасинариями. Наиболее сильных и мужественных из них рекомендуется поставить на особый учет и назначить над ними архонтов, которые, помимо храбрости и боевого опыта, обладают

еще хорошим знанием дорог и местностей в Сирии – того региона, где будет разворачиваться их диверсионная деятельность. Главная цель трапезитов заключалась в том, чтобы наносить вред неприятельским землям и терроризировать проживающее там население. Если представится возможность, предписывается захватить и доставить к стратигу кого-либо из местных жителей, владеющих информацией о военных планах противника¹⁶.

Автору трактата известно, что нападения арабов на ромейские владения обычно происходят в сентябре, после уборки урожая. Поэтому уже в августе, в период сбора неприятельских армий, необходимо максимально активизировать разведывательную деятельность на вражеской территории, используя для этих целей лиц торговых и купеческих профессий. Одновременно следует проявить знаки дружеского расположения к эмирам пограничных арабских крепостей, чтобы с помощью хитрости, лести и подкупа получить от них сведения о количестве сил, готовящихся к предстоящему рейду, о соотношении в них конницы и пехоты, о вероятных маршрутах движения и т.п.¹⁷

Собрав и изучив разведывательную информацию, полученную из всех названных источников, стратиг должен приступить к осуществлению комплекса мобилизационных мероприятий, имеющих целью сбор и подготовку к боевым действиям вверенных ему фемных контингентов¹⁸. На это потребуются определенное время, вероятно, в пределах нескольких дней или даже недель. Однако ситуация требует, чтобы были предприняты срочные, не терпящие отлагательства действия по обеспечению безопасности не только армии, которая пока еще не готова принять на себя удар противника, но и всего региона, на который распространяются генерал-губернаторские функции стратига. Именно на этот период, являющийся, пожалуй, самым опасным во всей военной кампании, рассчитан специальный маневр, которому посвящена отдельная глава трактата¹⁹, – маневр, который может быть условно назван стратегическим заслоном.

Маневр требует от стратига поистине молниеносных действий: возможность его применения исчерпывается лишь тем кратким промежутком времени, когда неприятель вплотную подступил к границе, но еще не перешел ее; главная цель маневра заключается именно в недопущении вступления врага на территорию империи. Получив известие о сосредоточении неприятельского войска на приграничном рубеже, стратиг должен стремительно выдвинуться на этот рубеж со всеми имеющимися у него под руками силами, пусть даже самыми минимальными, и успеть взять под контроль узкие горные дефиле в пункте предстоящего вторжения. Именно в быстроте действий и состоит суть рекомендуемого маневра; количественный и качественный состав сил, которые приведет с собой стратиг, в данной ситуации не имеют принципиального значения. Условия горной местности фактически сведут на нет численное превосходство вражеского войска над византийским отрядом; эти же условия лишат арабов возможности использовать преимущества своей конницы. Главную роль в этом эпизоде призвана сыграть пехота – тот род войск, в котором ромеи традиционно превосходили арабов. Поэтому вполне объяснимы подробные рекомендации трактата по рациональному размещению пехотных подразделений с учетом рельефа местности и возможностей использования различных видов наступательного и оборонительного оружия.

¹² Ibid. I, 1–6. P. 37–39.

¹³ Как видим, здесь речь не идет о передаче разведывательных данных с помощью видимых условных знаков или сигнальных огней, как это было в свое время предусмотрено анонимным военным сочинением VI в. (Des Byzantiner Anonymus Kriegswissenschaft // Köchly H., Rüstow W. Griechische Kriegsschriftsteller, Th. 2.: Die Tactiker, 2. Abteilung. Leipzig, 1855; далее: Anonymus), опиравшегося на опыт античных авторов от Ксенофонта до Витрувия; см. об этом: Кучма В.В. "Византийский Аноним VI в.": основные проблемы источников и содержания // ВВ. 1980. Т. 41. С. 78. Автор "De velitatione bellica", располагая гораздо большим, чем Аноним, практическим опытом, отдавал явное предпочтение изустным способам передачи военной информации, как более полным и точным по сравнению с визуальными.

¹⁴ De bell. vell. II, 1. P. 39, 6–8. Еще Константин Багрянородный (De cerim., ed. Bonn. I. P. 447) предписывал направлять в сельские хоры специальных людей, обязанность которых состояла в том, чтобы организовать эвакуацию (ἐκπομπή) местных жителей в защищенные места (τὰ δὲ οὐράματα).

¹⁵ См. о них: Советы и рассказы Кекавмена / Подготовка текста, введ., пер. и коммент. Г.Г. Литаврина. 1972. С. 353.

¹⁶ De vel. bell. II, 3. P. 41, 17–24.

¹⁷ Ibid. VII, 1–2. P. 51, 4–16.

¹⁸ О численности фемных армий см., например: Ahrweiler H. Recherches sur l'administration de l'Empire byzantin aux IX–XI-e siècles // Bulletin de Correspondance Hellénique. 1960. 84. P. 3–4; Haldon J.F., Kennedy H. The Arab-Byzantine Frontier in the Eight and Ninth Centuries. Military Organisation and Society in the Borderlands // Zbornik Radova. 1980. 19. P.101–102.

¹⁹ De vel. bell. III, 1–6. P. 41–45.

Итог описанного маневра, при его успешном осуществлении, может быть двояким, но в обоих случаях благоприятным: либо разгром неприятеля, если он все-таки попытается прорваться, либо его отказ от вторжения на данном направлении. Сопоставляя оба варианта, автор трактата, будучи весьма искушенным боевым практиком, справедливо полагает, что на первый из них полную ставку все-таки делать не следует: на начальной стадии военной кампании общее соотношение сил явно не в пользу ромеев. Поэтому эффект маневра можно будет считать полностью достигнутым, если удастся заставить противника отступить и потерять время на поиски нового маршрута вторжения. Немаловажным будет и достижение морального превосходства над противником: изнуренный многодневным переходом, он будет деморализован потерей наиболее безопасного и короткого пути, вследствие чего утратит мужество и окажется скованным робостью; ромеи же будут вдохновлены сознанием того, что успех достигнут практически без потерь, одной лишь демонстрацией готовности к сражению.

Характеристика маневра стратегического заслона произведена автором трактата на основе боевой практики сравнительно недавнего прошлого – в анализируемой главе прямо упомянуты три эпизода, относящиеся к периодам царствований Константина Багрянородного и его сына Романа²⁰.

Другая существенная стратегическая идея, раскрытая в трактате не менее подробно, не может быть отнесена к числу оригинальных разработок нашего автора – она была известна еще со времен Фронтин, ссылавшегося в свою очередь на события V и III вв. до н.э.²¹ На этот раз речь идет о маневре, который рассчитан на более позднюю стадию военной кампании, когда неприятельская армия уже вторглась в ромейские владения и продвинулась достаточно далеко вглубь. В данной ситуации лучшим средством обеспечения безопасности собственной армии и всего региона, подвергнувшегося нападению, автор трактата считает не осуществление мероприятий по разгрому вражеского экспедиционного корпуса, а организацию параллельной экспедиции византийских войск в землю неприятеля. Этому маневру посвящена специальная (XX по общей нумерации) глава трактата²², а в качестве иллюстрации описана экспедиция под руководством Никифора Фоки Старшего, известного полководца эпохи Льва VI Мудрого²³. Кроме того, наш автор дает понять, что ему известны и другие примеры подобных успешных действий в менее отдаленные времена²⁴. На основании этого опыта и обоснована идея демонстративной экспедиции в неприятельскую землю, благодаря которой можно отбросить врага, даже не давая ему генерального сражения.

Таким образом, обеспечение общей безопасности региона, вверенного в управление фемному стратигу, может быть осуществлено, по мнению автора "De velitatione bellica", двумя охарактеризованными выше стратегическими маневрами. Все остальные рекомендации относятся к безопасности уже непосредственно самой византийской армии; при этом они дифференцированы в зависимости от той конкретной ситуации, в которой армия находится в данный момент (на марше, во время лагерной стоянки, в условиях осажденного города и т.п.).

Когда вражеское войско совершает рейд по территории империи, византийская армия должна осуществлять его неотступное преследование. По приказу стратига

из состава армии должен быть выделен специальный отряд, состоящий из нескольких сотен обученных кавалеристов и возглавляемый опытным архонтом в звании турмарха²⁵. Турмарху вменяется в обязанность взять неприятеля под наблюдение и в дальнейшем, вплоть до окончательного завершения военной кампании, ни на минуту не терять его из виду. Располагаясь в оперативном пространстве, отделяющем главные силы стратига от вражеского экспедиционного корпуса, этот отряд во главе с турмархом призван играть роль своеобразного буфера безопасности. Если вражеское нападение совершено небольшими силами конницы, идущей без сопровождения пехоты, обязанности турмарха довольно ограничены – они исчерпываются лишь задачами наблюдения и разведки²⁶. Но когда осуществлено крупномасштабное вторжение полностью укомплектованного арабского войска, главной обязанностью турмарха становится организация его постоянного боевого сопровождения, осуществляемого на протяжении всего времени суток. По маршруту следования неприятельской армии турмарх должен направить три пары конных патрулей, двигающихся последовательно друг за другом и поддерживающих между собою визуальную связь; при этом первая пара должна держать под наблюдением вражеский арьергард. Вслед за тремя парными патрулями должны быть отряжены еще три патруля, на этот раз по четыре всадника в каждом. За этой цепью конных патрулей, насчитывающей в общей сложности шесть звеньев, следует сам турмарх во главе вверенной ему части; между ними и ближайшим конным патрулем курсируют двое конных связных, которые сообщают ему всю разведывательную информацию, поступающую по цепи патрулей. Если возникнет необходимость, турмарх может направить этих связных с докладом к стратигу, который вместе с главными силами совершает марш на определенной дистанции позади отряда турмарха²⁷.

Таким образом, на марше главные силы византийской армии должны быть обеспечены от опасности прямого боевого воздействия со стороны неприятеля отрядом турмарха с выдвинутой вперед цепью конных патрулей; на этот отряд, следовательно, возложены функции боевого авангарда. Задачу флангового охранения должны решать два отряда, располагаемых справа и слева от группировок стратига по ходу ее движения; в каждом из этих отрядов должно насчитываться по 30 всадников. Роль боевого арьергарда призван сыграть еще один отряд, замыкающий армейскую маршевую колонну²⁸.

Большой комплекс специальных мероприятий предусмотрен на тот случай, когда византийская армия после завершения марша приведена в стационарное состояние. Специальная глава, рассматривающая данный сюжет, имеет весьма характерное наименование "Περὶ ἰσάφαιας"²⁹. Как известно, трактат "De velitatione bellica" не содержит обобщающих сведений по вопросам лагерного устройства, так что его рекомендации по обеспечению безопасности армии, закончившей марш, не привязаны к какому-либо конкретному варианту лагерных стоянок. Содержится лишь указание на то, что если вблизи имеется укрепленное место, именуемое каст-

²⁰ Ibid. III, 6. P. 43–45.

²¹ Frontin. Kriegslisten. I. 3, 8–9 / Ed. G. Bendz. B., 1963. S. 28.

²² De vel. bell. XX, 1–11. P. 111–117.

²³ Как в свое время было отмечено Ю. Кулаковским (Кулаковский Ю. Лев Мудрый или Лев Исавр был автором "Тактики"? // ВВ. 1898. V. С. 402–403), имя Никифора Фоки Старшего четырежды упомянуто в "Тактике Льва" и каждый раз с определением "ὁ ἡμέτερος στρατηγός".

²⁴ De vel. bell. XX, 6–7. P. 115, 36–47.

²⁵ Τουρμαρχὴς – архонт, командовавший турмой (или мерой – μέρος) – воинской частью, составлявшей одну треть фемной армии. По свидетельству "Тактики Льва" (Leonis Imperatoris Tactica. IV, 3 // PG. 1863. 107. Col. 708. D; далее: TL), турмарх был единственным архонтом, который назначался на должность императорским распоряжением (остальных командиров своего войска назначал сам стратиг). Одним из требований, которым должен был соответствовать турмарх, был образовательный ценз. Наряду с другими высшими архонтами турмарх входил в состав военного совета при стратиге.

²⁶ De vel. bell. VI, 1–5. P. 47–49.

²⁷ Ibid. IX, 2–4. P. 57, 2–23.

²⁸ Ibid. IX, 6. P. 59, 33–37.

²⁹ Ibid. XV, 1–4. P. 89–91.

роном³⁰, оно должно послужить гарантией дополнительной безопасности³¹. Во все стороны от расположения армии должны быть разосланы мобильные разведывательные группы, обязанные вести непрерывное наблюдение за неприятелем. Не ограничиваясь этим, стратег должен развернуть вокруг своей стоянки двойную (внешнюю и внутреннюю) линию стационарных наблюдательных постов, которые, как и в первых главах трактата, именуются виглами. Впрочем, если есть возможность, целесообразно организовать и тройную линию, чтобы наблюдение не прерывалось даже в случае пленения противником византийских аванпостов. Минимальная численность каждого поста определена в четыре человека, чтобы в течение ночи можно было организовать их посменное дежурство с возможностью отдыха. Предусмотрена еще одна дополнительная мера безопасности, которая состоит в том, чтобы стратег периодически (по два раза в течение каждой ночи и каждого дня) менял свое месторасположение. Однако такие перемещения не должны влечь за собой полную передислокацию всех наблюдательных и сторожевых постов: стратегию каждый раз достаточно оставлять на старом месте группу солдат численностью 6–8 человек во главе с опытным архонтом – они будут встречать и переправлять к стратегу вестовых, прибывающих с донесениями от всех разведчиков и караульных.

Автор трактата "De velitatione bellica" не рассматривает в полном объеме и проблемы полиоркеттики, ссылаясь на их детальную разработанность в предшествующей военно-научной литературе, но не называет конкретно ни одного из своих источников³². В гл. XXI высказаны лишь некоторые рекомендации, касающиеся безопасности упомянутых выше кастронов, если они окажутся под угрозой вражеской осады³³. Первоочередные усилия византийского командования должны быть направлены на то, чтобы заблаговременно обеспечить гарнизон кастрона и все население, спасающееся под защитой его укреплений, продовольствием на срок не менее четырех месяцев. Неприятельская же армия должна быть оставлена без продовольствия, фуража и топлива – если эти ресурсы невозможно перевезти в кастрон, они должны быть преданы огню. После начала осады все действия осажденных должны быть непременно согласованы с командованием армии: так, удары по неприятелю, наносимые полевой армией, должны быть синхронизированы с вылазками гарнизона. Если потребуется усилить этот гарнизон свежими воинскими подразделениями или доставить в кастрон дополнительную партию боеприпасов и продовольствия, это может быть достигнуто специальным отвлекающим маневром, который лучше всего осуществить в ночное время: одна часть армии имитирует крупномасштабную атаку неприятельских осадных подразделений на одном направлении, а другая прорывается в кастрон на противоположном участке.

Вообще, организация ночного сражения является одним из самых излюбленных сюжетов византийской военной литературы³⁴. Не избежал соблазна высказаться по

данной проблеме и наш автор, посвятив ей специальную главу³⁵. Следует отметить, что на общем фоне отсутствия в этой главе сколько-нибудь оригинальных тактических идей новое звучание приобретает рекомендация, известная еще со времен античности. Ее суть заключается в том, что разбитому неприятелю должна быть непременно оставлена для спасения бегством одна безопасная дорога, которой он и может воспользоваться в критической для себя ситуации: сознание возможности сохранить себе жизнь удержит его от самых отчаянных способов сопротивления. Мы имеем здесь дело с так называемой идеей "золотого моста" для разбитого неприятеля, имевшей широкое распространение в классической греко-римской традиции, начиная с ксенофоновой Киропедии³⁶. Но если в более ранних военно-научных сочинениях эта идея обычно трактовалась в контексте условий, обеспечивающих достижение окончательной победы над врагом, в трактате "De velitatione bellica" она анализируется в комплексе мер по обеспечению собственной безопасности.

По мысли автора трактата, в качестве важнейшего компонента общей безопасности армии должна рассматриваться ее продовольственная обеспеченность. Этот вопрос не выпадает из поля зрения нашего автора на протяжении всего повествования и рассматривается либо в масштабе всей армии³⁷, либо с позиций ее отдельных подразделений³⁸. Под особым контролем стратега должно находиться бесперебойное обеспечение армии питьевой водой³⁹; противник же, испытывающий постоянную нехватку воды, окажется значительно ослабленным в своем боевом порыве⁴⁰.

Кроме установок, касающихся безопасности армии в целом, трактат содержит и указания относительно безопасности отдельных ее частей. Как известно, наиболее уязвимыми структурными элементами войска традиционно считались обоз и арьергард. Поэтому стратег, идущий на сближение с неприятелем, обязан отделить собственный обоз и укрыть его в защищенном или укрепленном месте. Охрана обоза вверяется подразделению всадников во главе с опытным архонтом, с ним стратег должен заранее согласовать места и сроки будущих встреч, когда армии и обозу потребуется вновь соединиться⁴¹. Обезопасив свой обоз, стратег должен нанести удар по вражескому обозу: автор трактата полагает, что если это и не принесет какого-то серьезного успеха, то уж во всяком случае не причинит и никакого вреда⁴². Аналогичные указания даются относительно обеспечения безопасности собственного арьергарда⁴³ и организации нападения на вражеские тыловые подразделения⁴⁴.

Таким образом, проблема безопасности ставится и решается автором трактата "De velitatione bellica" в самых различных ракурсах этого многоаспектного понятия, с

опыта деятельности полководцев предшествующих эпох (Das Strategikon des Maurikios / Ed. G.T. Dennis, E. Gamillscheg. Wien, 1981. IX, 2. P. 306–310; далее: Strat). В "Тактике Льва" содержалась настойчивая рекомендация беспокоить арабов ночными нападениями, особенно в период их пребывания на византийской территории (TL. XVII, 117. Col. 973 C).

³⁵ De vel. bell. XXIV, 1–8. P. 129–133.

³⁶ Аналогичных взглядов придерживались Онасандр (Onasander. XXXII 5–8. P. 176–178; XXXVIII, 3–5. P. 496), Аноним VI в. (Anonymus, XXXIX, 12. P. 182), Маврикий (Strat. VIII, 92. P. 298; IX, 2. P. 310, 46–48), Лев VI (TL. XVII, 27. Vol. 920 B–C).

³⁷ De vel. bell. XVI, 1. P. 93, 9–10.

³⁸ Ibid. I, 3. P. 37, 14–15.

³⁹ Ibid. V, 1. P. 47, 3–10.

⁴⁰ Ibid. X, 6. P. 67, 53–58.

⁴¹ Ibid. XVI, 1. P. 91–93, 2–10.

⁴² Ibid. X, 7–9. P. 67, 63–76.

⁴³ Ibid. IX, 6. P. 59, 34–35; XVI, 2. P. 93, 23; XVI, 4. P. 95, 37.

⁴⁴ Ibid. XXIII, 7. P. 129, 56; XXV, 1–2. P. 133–135.

³⁰ Термином *κἀστρον* именовалась разновидность укреплений, расположенных в глубине территории страны и предназначенных для укрытия в них мирного крестьянского населения; см., например: *Ahrweiler H. L'Asie Mineure et les invasions arabes (VII–XV-e siècles)* // *Revue Historique*. 1962. 227. P. 1–32; *Haldon J.F., Kennedy H.* Op. cit. P. 92–106.

³¹ De vel. bell. XIII, 3. P. 79, 12–14.

³² В качестве самого близкого ко времени написания "De velitatione bellica" обобщающего свидетельства такого рода следует назвать XV главу "Тактики Льва" (TL. XV. Col. 885 C – 907 A).

³³ De vel. bell. XXI, 1–5. P. 117–121.

³⁴ Отдельные разрозненные высказывания о ведении боевых действий ночью встречаются еще в трактате Онеандра (Aeneas Tacticus, Asclepiodotus, Onasander. London; New York: The Illinois Greec Club, 1923. VI, 9. P. 398–400; XXII, 4. P. 460; далее: Onasander). Однако в качестве специального сюжета тактика ночного боя стала впервые разрабатываться лишь в трактатах византийской эпохи. Особая глава о ночном бое содержалась в анонимном сочинении VI в. (Anonymus. XXXIX, 1–12. P. 178–182). Автор Стратегикона последовал его примеру, сопроводив свои установки иллюстрациями из

учетом преимущественно оборонительного характера его основных доктринальных установок, направленных не столько на разгром врага, сколько на его вытеснение за пределы обороняемого региона. При этом общий характер рекомендаций, глубина их теоретического осмысления и масштаб практической разработанности оказываются вполне адекватными ординарному уровню профессиональной подготовки фемного стратига, которому эти рекомендации непосредственно адресованы. Разумеется, принципы военной субординации оставались неизменными, и фемный стратиг в полной мере сохранял свою иерархическую подчиненность императору, обладавшему функциями верховного главнокомандующего. Однако постоянная военная опасность, угрожавшая вверенному ему региону, в значительной степени избавила стратига от иллюзорных надежд на быструю и обязательную помощь из столицы, приучила его полагаться в первую очередь на собственные силы и средства, а потому быть достаточно свободным в выборе конкретных путей обеспечения собственной безопасности. Рекомендации, содержащиеся в трактате, рассчитаны именно на такого стратига – инициативного и предприимчивого, привыкшего строить свои военные планы, исходя не столько из теоретических установок, сколько из боевого опыта, сообразованного с реальными обстоятельствами места, времени и "природы вещей".

II

Автор трактата "De re militari"⁴⁵ вводит нас в совершенно иную военно-стратегическую ситуацию: он имеет дело с регулярной армией, которая в мирное время обычно размещается в столичном округе, но в данный момент находится за рубежами империи в условиях наступательного похода. Армия полностью укомплектована, доведена до нормальной штатной численности (около 25 тыс. чел., из них не менее 8.200 кавалеристов) и состоит под непосредственным командованием императора⁴⁶. Главные события разворачиваются в регионах, чаще всего именуемых "болгарскими землями"⁴⁷; земли же арабов (агарян) упоминаются в сюжетах, не являющихся для данного трактата магистральными, но всего лишь иллюстративными, реминисцентными⁴⁸.

Перед началом экспедиции, еще во время пребывания в собственной земле, должны быть осуществлены серьезные подготовительные мероприятия⁴⁹. Прежде всего, надлежит произвести смотр всего личного состава готовящейся к походу армии и распределить воинов по подразделениям с учетом состояния их здоровья, качества вооружения и снаряжения, опыта военной службы и т.п. После окончательного укомплектования армии рекомендуется провести широкомасштабные воинские учения, чтобы солдаты приобрели практический навык совершения марша с соблюдением всех необходимых требований. Весьма полезной будет и тренировка в разбивке лагеря – это следует проделать не менее трех-четырёх раз⁵⁰. Архонты всех рангов должны вести строгий учет своих подчиненных, не допуская их отставания от войска, ибо всем отставшим в чужой земле грозит гибель от рук

врага. Когда армия, возвращаясь из похода, вновь вступит на свою землю, следует еще раз произвести общий строевой смотр, чтобы не допустить самовольного ухода солдат из армии до всеобщего увольнения. По мнению автора трактата, организация указанных смотров и учений должна рассматриваться в качестве одного из важнейших элементов обеспечения безопасности экспедиционной армии⁵¹.

Вступлению армии на территорию врага должна предшествовать тщательная разведка будущего театра военных действий. При описании сюжетов, связанных с разведкой, автор не дает ничего принципиально нового по сравнению с рекомендациями трактата "De velitatione bellica": вновь речь идет о шпионах (катаскопах) и диверсантах (χωσφόροι или τραπεζίται⁵²), заранее направленных во вражеские земли. Имеется лишь одна свежая деталь, заметно оживляющая описание. Автор "De re militari" полагает, что иногда наиболее точную информацию о планах противника могут доставить не катаскопы и не добровольные перебежчики, а местные жители, захваченные трапезитами. После соответствующей подготовки некоторые из этих людей могут быть отправлены назад на родину с обязательством собрать сведения, интересующие византийское командование. В этих условиях жизнь членов их семей, задержанных в качестве заложников, послужит достаточной гарантией качественного выполнения шпионских заданий⁵³.

Для обеспечения безопасности армии в условиях заграничного похода гораздо большую роль, чем в собственной земле, призваны сыграть проводники (δοκίμωρες), в их честь в трактате "De re militari" звучит настоящий панегирик. Главная функция дукаторов – способствовать общему благу армии, и поскольку без них не может быть достигнута никакая цель, они заслуживают самого внимательного и заботливого к ним отношения. Опытный и умный дукатор – это не просто человек, знающий дороги (ибо сведения о дорогах может сообщить самый последний из крестьян), – он должен обладать детальным знанием всех особенностей вражеской территории, чтобы провести армию через самые опасные переходы, чтобы указать самые удобные места для лагерных стоянок, чтобы определить самые благоприятные пункты для захвата пленных и добычи⁵⁴.

Естественно, что более масштабной становится и проблема продовольственного обеспечения армии. Автору трактата известно, что земля болгар не отличается изобилием продовольственных ресурсов; особенно мало в ней ячменя – главного корма для лошадей. По самым оптимальным подсчетам, армия не может нести с собой более чем 24-дневный запас ячменя, и если не будет организовано своевременное поступление припасов из собственной страны, экспедиция будет обречена на неудачу⁵⁵. С учетом этого обстоятельства настоятельно рекомендуется освободить армию от обременительного обоза, загроможденного предметами роскоши и дорогим, но бесполезным снаряжением, от лишнего скота, от праздных людей из числа обслуживающего персонала, – по энергичному заявлению автора, вся эта бесполезная толпа будет только понапрасну пожирать продовольствие, и войску, оставшемуся без ресурсов, придется возвратиться домой, не достигнув никаких результатов⁵⁶. Особенно важно решить проблему снабжения армии питьевой водой.

Вести армию через безводные пространства, а тем более делать там остановки, даже вынужденные, совершенно недопустимо, ибо жажда не менее губительна, чем неприятельское войско. Следует всегда предпочитать такие маршруты, которые

⁴⁵ Пользуемся изданием, указанным в примеч. 5. (Далее: De re mil.).

⁴⁶ Вследствие этого в трактате нет прямых обращений к стратигу, свойственных сочинению, проанализированному ранее. В целом, лексика автора "De re militari" более технична, а стилистика более императивна. Отсутствие в трактате "элементов книжной учености" признавалось Ю. Кулаковским в качестве одного из важнейших его достоинств (Кулаковский Ю. Византийский лагерь конца X в. // ВВ. 1903. Т. 10, вып. 1–2. С. 63).

⁴⁷ De re mil. 15. P. 288, 7; 17. P. 290, 5; 21. P. 304, 30.

⁴⁸ Ibid. 21. P. 302, 20; 21. P. 304, 27; 32. P. 326, 17. Уже одно только данное обстоятельство определяет хронологию трактата временем царствования Василия II, определившего борьбу с болгарями главной задачей своей внешнеполитической деятельности (см. История Византии. М., 1967. Т. С. 221–224).

⁴⁹ De re mil. 29–30. P. 320–322.

⁵⁰ Ibid. 30. P. 322, 4–12.

⁵¹ Ibid. 29. P. 320, 3–4.

⁵² Этимология терминов подробно проанализирована Ж. Дагноном (Le traité... P. 253–254).

⁵³ De re mil. 18. P. 292, 28–33. Сходный мотив звучит в аналогичной рекомендации Анонима (Анонимус. XLII, 8. P. 190).

⁵⁴ De re mil. 18. P. 290, 3–292, 15.

⁵⁵ Ibid. 21. P. 302, 18–304, 35.

⁵⁶ Ibid. 15. P. 286–288.

гарантируют наличие воды, даже если они окажутся втрое и вчетверо длиннее: лучше потерять время, чем поставить армию на грань катастрофы⁵⁷.

Вся остальная информация трактата скомпонована вокруг тех основных ситуаций, в которых может оказаться императорская армия, вступившая во вражеские пределы. Одной из наиболее типичных является ситуация, когда армия находится в состоянии марша, и поэтому меры по обеспечению безопасности войсковой походной колонны излагаются в трактате с максимальной подробностью⁵⁸. Из всех кавалерийских подразделений, насчитывающих 8200 чел., формируются 6 боевых групп (παράταξις) по 1200 чел. в каждой; остальные 1000 чел. составляют личную паратаксию императора, его главный резерв, и не входят в эти расчеты. Первая группа, выдвинутая вперед, будет играть роль походного авангарда; в ее задачу входит разведка пути и передача всех полученных сведений императору. За нею должны следовать в развернутом строю еще три такие же группы. Две оставшиеся группы, расположенные по обе стороны от императорской паратаксии, замыкают колонну кавалерийских подразделений. На определенной дистанции позади кавалерии должны совершать марш пехотные части общей численностью 16 тыс. чел. С каждого из флангов они должны быть прикрыты тремя подразделениями по 300 человек в каждом, эти подразделения передвигаются, вытянувшись в цепочку друг за другом. Все вспомогательные части (прислуга, обоз, техника, вьючные животные) должны быть во время марша размещены в середине походной колонны пехоты. Для защиты от нападений с тыла выделяется арьергард (σάκα⁵⁹) в составе шести подразделений, прикрытый мобильным отрядом всадников численностью 100 чел.

Эти общие принципы, сформулированные выше, отнюдь не преподносятся в качестве непреложных императивов. Богатый практический опыт, которым, несомненно, обладал автор трактата, дал ему возможность рассмотреть самые разнообразные способы совершения марша во вражеской земле (марш по открытой или закрытой, населенной или необжитой местности; марш в обычном, ускоренном или интенсивном темпе; марш через узкие горные перевалы (κλειστοῦραι); марш с переправой через водную преграду, марш в условиях реальной угрозы нападения противника или без таковой и т.д. и т.п.). Подробно излагая всю эту информацию, автор трактата представляет военному командованию возможность широкого выбора наилучших вариантов обеспечения безопасности походных порядков армии в зависимости от специфики боевой обстановки.

Чрезвычайно важной является и проблема обеспечения безопасности маршрутов движения, своевременного выявления и заблаговременной ликвидации вражеских засад. Свою максимальную актуальность эта проблема приобретает на двух противоположных этапах военной кампании: начальном, когда византийская армия только вступает в землю неприятеля, и заключительном, когда ей предстоит покинуть вражеские пределы. Установки на этот счет, излагаемые в трактате "De re militari", по существу являются зеркально противоположными соответствующим рекомендациям трактата "De velitatione bellica" (ср., например, главы 19–20 первого и III–IV второго из названных трактатов).

Не менее типичной ситуацией в условиях заграничного похода является расположение армии в лагере. Вопросы лагерного устройства привлекают пристальное внимание автора "De re militari" – по самым скромным подсчетам, им посвящено в общей сложности не менее 40% от общего объема текста трактата; не удивительно поэтому, что они изложены здесь с гораздо большей подробностью, чем это сделано

во всех других военных руководствах X в. В задачи нашего сообщения не входит подробная характеристика самого лагеря во всей совокупности его составных частей и элементов⁶⁰, в данный момент нас интересуют лишь средства обеспечения его безопасности.

Проблемы безопасности должны стоять в центре внимания военного руководства задолго до начала реального функционирования лагеря – они должны быть непременно учтены еще в момент выбора местности, удобной для лагерной стоянки. Лагерь не следует располагать вблизи горы, густого леса или холмистой гряды, так как эти природные объекты могут послужить местами тайного сосредоточения неприятеля⁶¹. Лучше всего, когда с одной или нескольких сторон лагеря будет иметь естественную защиту (крупная река или озеро, отвесная скала, ущелье). Если река небольшая, целесообразно расположить лагерь по обеим ее берегам, заодно, при надлежащем соблюдении гигиенических требований, будет решена и проблема обеспечения войска питьевой водой⁶².

Самой безопасной формой лагеря считалась квадратная или прямоугольная: при нападении на лагерь такой формы противник будет вынужден рассредоточивать свои силы, что приведет к их ослаблению⁶³. Лагерь округлой формы наиболее уязвим: противник может окружить его, не разрывая связи между своими подразделениями, – таково мнение древних авторитетов, с которыми автор трактата вполне согласен⁶⁴. Однако собственный опыт убеждает его в том, что реальная действительность может внести существенные коррективы в эти идеальные схемы. Иногда рельеф местности вынуждает придать лагерю весьма неустойчивую конфигурацию – треугольную, круглую, очень вытянутую, слишком удлиненную и т.п. Разумеется, следует постараться как можно скорее подобрать более подходящее место для лагерной стоянки. Но пока это невозможно, надлежит предпринять дополнительные меры по обеспечению безопасности такого ненадежного лагеря, отправив, в частности, специальные боевые отряды тяжелой и легкой пехоты для занятия всех высот, господствующих над лагерем⁶⁵. Мало того, местность может оказаться настолько неблагоприятной, что придется делить войско на две части и сооружать два отдельных лагеря, конечно же, в этом случае потребуются еще большие усилия по их защите⁶⁶.

Согласно установкам трактата "De re militari", все средства обеспечения безопасности лагеря делятся на две основные группы. Первую группу составляли те средства, которые можно отнести к разряду технических. К ним в первую очередь относится ров, имеющий глубину 7–8 футов и ширину 5–6 футов; земля, извлеченная из рва и нагромождаемая с внутренней стороны, образует вал соответствующей высоты⁶⁷. Ров и вал должны проходить по всему периметру лагерной стоянки (напомним, что периметр лагеря для войска численностью 24 тыс. чел. составлял 4000 оргий, т.е. около 8 км). Лагерь имел 12 входов (по три с каждой стороны), связанных между собой дорогами. Безопасность входов обеспечивалась их ступенчатой конфигурацией: каждый входящий должен был дважды изменить

⁶⁰ См. об этом старую классическую работу: *Grosse R. Das römisch-byzantinische Marschlager vom 4. – 10. Jahrhundert // BZ. 1913. 22.*

⁶¹ Об этом писал еще Вегеций (см: *Флавий Вегеций Ренат. Краткое изложение военного дела / Пер. С.П. Кондратьева // ВДИ. 1940. № 1 – I, 21–25. С. 242–243; III, 8. С. 263–265*). Аналогично решался этот вопрос и в "Тактике Льва" (TL. XI, 1. Col. 792 D; XI, 37. Col. 801 C).

⁶² *De re mil.* I. P. 248, 51–59. Эта рекомендация встречается и в "Тактике Льва" (TL. XI, 33. Col. 801 B).

⁶³ Это мнение было высказано и в "Тактике Льва" (TL. XI, 29. Col. 800 D – 801 A).

⁶⁴ *De re mil.* I. P. 246, 18–29.

⁶⁵ *Ibid.* 6. P. 270, 32–272, 61.

⁶⁶ *Ibid.* 7. P. 272–274.

⁶⁷ *Ibid.* I. P. 250, 88–90. Цифры идентичны тем, которые названы в "Тактике Льва" (TL. XI, 15. Col. 796 C–D).

⁵⁷ *Ibid.* 13. P. 284.

⁵⁸ *Ibid.* 10. P. 278–282.

⁵⁹ См. об этом: *Dain A. Σάκα dans les traités militaires // BZ. 1951. 44. P. 94–96.*

направление своего движения, оба раза на 90°; при этом он находился под угрозой обстрела сразу с трех сторон⁶⁸. Палатки пехоты должны быть отодвинуты от вала вглубь лагерной территории не менее чем на 22 оргии (44 м). На это свободное пространство должны были падать, не долетая до палаток, зажигательные снаряды противника⁶⁹. Наиболее защищенной частью лагеря, его цитаделью, являлся центральный квадрат, где размещались ставка императора, штаб и командование армии, подразделения гвардии, различные дворцовые службы⁷⁰. Подступы к лагерю с внешней стороны защищались ямами-ловушками (*λαῖκοι οἱ λευόμενοι ποδοκλάδοι*⁷¹), на дне которых устанавливались заостренные деревянные стержни. Сзади эти ямы оозначались особыми приметами (обычно кучами земли или песка), известными собственному войску. В промежутках между ямами-ловушками рассыпались триболы – металлические шарики с торчащими вверх остриями⁷². Наконец, вокруг всего лагеря на специальных кольях натягивались бечевки с колокольчиками⁷³.

Вторую группу средств обеспечения безопасности лагеря составляли мероприятия военно-организационного характера. Трактат предусматривает развертывание сети сторожевых, караульных и дозорных патрулей, несущих службу как внутри лагеря, так и за его пределами. Внутренние сторожевые патрули совершали в течение ночи регулярные обходы лагерного расположения, передвигаясь внутри свободного пространства, отделяющего палатки пехоты от валов. Снаружи лагеря на расстоянии полета стрелы от рва выставлялась первая цепь пеших караульных постов, именуемых внутренними виглами (*τὰ ἐσωβύλα*). Каждая внутренняя вигла состояла из 8 чел.; дистанция между ними определялась в 50 оргий (100 м). Вторая цепь пеших постов, именуемых внешними виглами (*τὰ ἑξωβύλα*), развертывалась на расстоянии броска камня от цепи внутренних вигл; в каждой вигле внешней линии несли службу по 4 пехотинца. Каждая из 16 таксиархий пехоты должна была выставить на ночное дежурство по 5 внешних и по 5 внутренних вигл⁷⁴.

Снаружи двух указанных поясов пеших вигл в наиболее угрожающих направлениях развертывались еще два эшелона конных вигл. Каждая кавалерийская вигла внутренней (ближайшей к лагерю) линии состояла из 6 всадников, каждая вигла внешней (более удаленной от лагеря) линии – из 4 всадников. Если местность была ровной и открытой, кавалерийские виглы брали под наблюдение все окрестности лагеря в отведенном им секторе. Если же общий обзор местности оказывался невозможным, их преимущественное внимание сосредоточивалось на надежной охране только тех дорог, которыми мог воспользоваться неприятель. В других, менее опасных секторах охрана подступов к лагерю осуществлялась одними лишь пехотными патрулями⁷⁵. Все солдаты, несущие караульную службу, должны быть проинструктированы своими командирами, чтобы ночью, при получении какого-либо

тревожного сообщения, они не бросались беспорядочной толпой под защиту лагерных укреплений, им надлежит организованно отступить и спокойно войти в лагерь, не повредив ограждений с колокольчиками. Сведения о противнике, которыми располагают караульные, должны быть немедленно переданы по инстанции и в случае необходимости доложены лично императору⁷⁶.

В условиях лагерной стоянки на одно из первых мест выдвигается задача обеспечения фуражом боевых коней и тяглового скота. Поэтому представляется вполне объяснимой и уместной та обстоятельство, с которой в трактате разработан соответствующий раздел⁷⁷. При этом бросается в глаза, что наш автор озабочен не столько самой технологией сбора фуража (ибо такая технология была достаточно подробно освещена в предшествующей военно-научной литературе), сколько мерами по обеспечению безопасности сборщиков, в роли которых выступали люди из числа обозной прислуги. Рекомендации, высказанные на этот счет, не лишены новизны и оригинальности, а их масштабность определялась степенью значимости проблемы: к охраняемым мероприятиям привлекались кавалерийские части, исчисляемые иногда сотнями бойцов, а отдельные эпизоды требовали личного вмешательства самого императора⁷⁸.

Автор трактата вполне резонно полагает, что наиболее опасными являются такие два периода экспедиции, на протяжении которых армия находится в особенно неустойчивом состоянии: либо когда она, заканчивая марш, намерена стать лагерем, но сооружение лагеря еще не завершено; либо, наоборот, когда она, завершая пребывание в лагере, намерена продолжить свой марш по вражеской территории, но лагерь еще полностью не свернут.

В первом случае, прибыв на место лагерной стоянки, армия должна остановиться, не разрушая походного строя. Подразделения, составляющие центр походной колонны, должны расступиться по сторонам, образовав нечто вроде круга, в котором и начнется размещение палаток. По мере того, как палатки будут устанавливаться, в них будут вводиться одна за другой соответствующие воинские части. Однако авангард и фланговые охранения должны оставаться на своих позициях снаружи, обеспечивая безопасность всей армии. Император со своим окружением также будет стоять в защищенном месте, внимательно наблюдая за всем происходящим. К моменту завершения строительства лагеря должен будет подойти и аррьергард, после этого и император, и все остальные подразделения должны войти в лагерь и занять там свои места⁷⁹.

Во втором случае, когда армии предстоит покинуть лагерь, незадолго до рассвета подается первый сигнал трубы, по которому все находящиеся в лагере начинают готовиться к выходу, но пока остаются на своих местах. Архонты подразделений, расположенных вдоль главных дорог внутри лагеря, должны обеспечить порядок на этих дорогах, не позволяя загромождать их выючными лошадьми и обозными повозками. По второму сигналу части авангарда, фланговых охранений и аррьергарда должны выйти из лагеря и расположиться вокруг него на дистанции одного–двух полетов стрелы. По третьему сигналу должен начаться выход из лагеря главных сил армии, во главе которых будет двигаться император со своей личной гвардией. Все выходящие части должны занимать отведенные им места в составе походной колонны, пока последняя не примет свой окончательный вид. К этому времени все лагерное оборудование уже будет свернуто и размещено в обозе, и армия сможет начать плановое маршевое движение⁸⁰.

⁶⁸ De re mil. 1. P. 248–250, 71–87.

⁶⁹ Ibid. 3. P. 264, 12–15. В Стратегиконе Маврикия (Strat. XII B. 22. P. 472, 12–13) ширина указанного свободного пространства определена в 300–400 шагов; Лев VI (TL. XI, 6. Col. 796 D – 797 A) повторил эти цифры. Оба свидетельства следует признать явной ошибкой. Еще И. Шиффер (Arriani Tactica et Mauricii Artis militatis libri duodecim. Graece primus edit, versione latina notisque illustrat J. Schefferus. Upsaliae, 1664. P. 350) при переводе сократил данные цифры в десять раз.

⁷⁰ De re mil. 1. P. 250–252, 107–127.

⁷¹ Ibid. 2. P. 262, 21–22.

⁷² Их первое описание встречается в трактате Вегеция (III. 24. C. 277), а время изобретения приурочивается ко времени войн римлян с Антиохом и Митридатом. Особую приверженность к применению триболов питал в свое время Аноним VI в. (см. об этом: Кучма В.В. "Византийский Аноним VI в."... С. 83).

⁷³ De re mil. 2. P. 262, 17–30. Аналогичное свидетельство – Anonymus. XXIX, 6. P. 144.

⁷⁴ De re mil. 4. P. 264–266, 4–11.

⁷⁵ Ibid. 4. P. 266, 12–24.

⁷⁶ Ibid. 4. P. 266, 27–34.

⁷⁷ Ibid. 22–24. P. 308–312.

⁷⁸ Ibid. 24. P. 310, 7–12.

⁷⁹ Ibid. 10. P. 280–282, 64–72.

⁸⁰ Ibid. 9. P. 276–278.

Еще одной типичной ситуацией в условиях заграничного похода (кроме лагеря и марша) является осада неприятельского города. Указаниям по организации данного вида боевых действий посвящены несколько обширных глав (с 21-й по 27-ю), содержащих живые, яркие описания, основанные на хорошем знакомстве с теорией и практикой осадных сражений. Однако подробная их характеристика не входит в наши задачи, мы ограничимся анализом лишь тех рекомендаций, которые направлены на обеспечение безопасности армии, осуществляющей осаду.

Основная часть византийского войска должна быть размещена в стационарном лагере на удалении 6 миль от осаждаемого города; в этом лагере оборудуется и императорская ставка⁸¹. Непосредственно же вокруг города, на дистанции двух полетов стрелы, надлежит развернуть осадные части, обеспечив их боеприпасами и соответствующей техникой. Средствами защиты от вылазок осажденных должны являться ров и вал; если мыслится, что осада будет длительной, не исключается и сооружение защитной стены. Специальных мер безопасности требуют участки, расположенные против городских ворот; особую заботу командования должна вызывать защита осадных механизмов – таранов, черпаках, камнеметных машин, передвижных башен и лестниц. В осадном лагере должен соблюдаться неукоснительный порядок, и каждое подразделение должно иметь в нем строго определенное место⁸².

Таким образом, информация трактата "De re militari" свидетельствует, что проблема безопасности армии, находящейся на вражеской территории, требует от военного командования решения целого комплекса многообразных, но тесно связанных между собою задач. При их внешней схожести с задачами, решаемыми в ходе оборонительной войны на собственной территории, в условиях заграничного похода они приобретают существенно иное звучание. Основопологающая концептуальная идея автора трактата состоит в том, что главная цель экспедиции заключается не в овладении вражеской территорией и не в захвате добычи, а в уничтожении живой силы противника⁸³, достигнув эту главную цель, можно успешно решить и все остальные военно-стратегические задачи. Поэтому урон, наносимый вражескому войску, должен быть максимально высоким: неприятелю не следует оставлять ни малейших шансов на спасение⁸⁴, как видим, в данном случае наш автор позволяет себе существенно отклониться от концепции "золотого моста", разделяемой большинством его предшественников. Достижение же указанной конечной цели может оказаться реальным лишь при том неременном условии, что будет обеспечена безопасность собственного экспедиционного корпуса; на разработку соответствующих гарантий такой безопасности и обращено главное внимание автора трактата "De re militari".

М.А. Поляковская

К СОЦИАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: КАВАСИЛЫ

Реконструкция отдельных византийских кланов и их роли в жизни общества определенного времени позволяет в некоторой степени выявить тенденции функционального развития общества и – применительно к рассматриваемой фамилии – увидеть место в обществе отдельного клана.

История фамилии Кавасил не обойдена вниманием историографии, исследована в специальной статье А. Ангелопулоса¹, а также в работах Г.И. Феохаридиса, А.П. Каждана². Отдельным членам клана посвящены труды С.П. Лампроса, С. Салавила, Х.-Ф. Байера, С. Капланериса³ и др. Огромный цикл исследовательских работ, героями которых являются два представителя фамилии Кавасил – Нил и Николай Кавасилы.

Поздневизантийские Кавасилы восходят к более раннему времени – конца Македонской династии. Всего в XI–XII вв. в источниках различного рода упомянуто по крайней мере десять лиц, имевших имя Кавасила⁴.

Следуя изысканиям А.П. Каждана в области социального состава византийской знати XI–XII вв., можно причислить Кавасил к военно-аристократическим семьям, хотя первый Кавасила выдвинулся в стратиги из императорских слуг⁵. В XI в. Кавасилы были, видимо, иностранцами, однако этническая принадлежность, равно как и этимология имени, не ясны. Многие из Кавасил названного времени были дуками. Среди них известны дука и патрикий Константин Кавасила (первая половина XI в.)⁶. Анна Комнина неоднократно (IV.4, VII.8, XIII.5) упоминает фессалоникийского полководца Александра Кавасилу⁷. Ему принадлежит известная печать новеллиссима⁸. Наряду с военными, в названное время среди Кавасил были и церковные деятели⁹.

С 1200 г. мы видим Кавасил в качестве видных церковных руководителей, чаще митрополитов. Среди них следует вспомнить охридского архиепископа Константина Кавасилу, единственного из рода Кавасил, запечатленного в изображениях¹⁰, –

¹ Angelopoulos A. To genealogikon dendron tes oikogeneias ton Kabsilon // Makedonika, 1977. Vol. 17. H. 367–396.

² Theocharides G.J. Demetrios Doukas Kabasilas kai alla prosopographika ek anekdotou chrysoboulou tou Kantakouzena // Helenika. 1962. Vol. 17. P. 1–23; Каждан А.П. Социальный состав господствующего класса Византии в XI–XII вв. М., 1974.

³ См. ссылки на работы указанных авторов далее.

⁴ Каждан А.П. Социальный состав... С. 93. По А. Ангелопулосу, к XI–XII вв. относятся пять Кавасил (Никифор, Константин, Александр, Александр, Иоанн). Angelopoulos A. To genealogikon dendron... P. 394.

⁵ Каждан А.П. Социальный состав... С. 169.

⁶ Angelopoulos A. To genealogikon dendron... P. 369, 394.

⁷ Lambros S.P. Alexander Kabasilas // BZ. 1903.

⁸ Seibt W. Die byzantinischen Bleisiegel in Osterreich. Wien, 1978. T. I. Kaiserhof. 125. S. 257–258.

⁹ Каждан А.П. Социальный состав... С. 152.

¹⁰ Джурич В.И. Портреты в изображениях рождественских стихир // Византия, южные славяне и

⁸¹ Ibid. 21. P. 304, 50–53.

⁸² Ibid. 21. P. 306.

⁸³ Ibid. 25. P. 314, 28–30.

⁸⁴ Ibid. 20. P. 300, 112–115; 23. P. 310, 16–18; 25. P. 314, 31–41.

фресках церкви Богородицы Перивлепты в Охриде (1295), рождественской стихирой этой же церкви¹¹ и фреске часовни Предтечи храма Протата св. Горы¹².

В поздневизантийское время жило примерно 45 человек, носивших имя Кавасила¹³. Разумеется, письменные источники, на которые мы опираемся, сохранили известия далеко не обо всех членах этого клана. Кроме того, не все из тех, кто попал в тексты актов или других письменных памятников, четко отождествляется. Это в значительной степени затрудняет возможности более точного подсчета. Так, по крайней мере для двенадцати из Кавасил, живших в разное время палеологовской эпохи, не сохранился пропомен¹⁴. В отношении четверых из них отсутствуют какие-либо сведения, кроме упомянутого имени¹⁵. Столь же безвестен и Константин (?) Кавасила, живший – без упоминания более точного времени – в Фессалонике¹⁶.

Трудности какого-либо анализа – просопографического или количественного – затрудняются еще и тем, что состояние источников по рассматриваемому вопросу дает почву для неточностей в идентификации отдельных из Кавасил. Георгий Кавасила, живший в XIV в., был отождествлен с Георгием Кавасилой, бывшим в 1341 г. *oikeios* императора¹⁷. Димитрий Кавасила, земельный собственник, ошибочно идентифицировался с другим Кавасилой, *oikeios* императора¹⁸.

В исследовательской литературе можно встретить подмену одних представителей этого имени другими. Так, Николая Кавасилу Хамаета вследствие неясностей в тексте "Истории" Иоанна Кантакузина и хроники Сфрандзи, начиная с А. Фабрициуса и К. Крумбаха, считали митрополитом Фессалоники, путая с его дядей Нилом Кавасилой¹⁹. Эта путаница была тем более возможна, что в миру Нила Кавасилу звали Николаем. Николая Кавасилу также путали по изображению на фреске часовни Предтечи на Афоне с Константином Кавасилой, архиепископом Охрида²⁰.

Одного из адресатов Никифора Григоры – Димитрия Кавасилу – в связи с тем, что в адресации его имя упоминалось то полностью, с пропомен, то в редуцированном или отчужденном виде ("господину Кавасиле"), путали с Димитрием Кавасилой Канискием, но благодаря исследованиям С. Капланериса (в рукописи) и Х.-Ф. Байера²¹, эта ошибка может считаться исправленной. Она осложнялась еще

и тем, что в "Просопографическом лексиконе времени Палеологов" под одним лицом считали адресатов Никифора Григоры, Никифора Хумна и Димитрия Кавасилу Каниския²². Можно упомянуть о путанице начиная также с Г. Феохаридиса Димитрия Кавасилы с Михаилом Кавасилой. Однако Х.-Ф. Байер привел убедительные аргументы, апеллирующие к соответствующим жизненным ситуациям каждого из этих лиц, и это позволило утверждать, что партнером Никифора Григоры по паламитским спорам был не Михаил, а Димитрий Кавасила²³. Но состояние источников может создать основу для новых *qui pro quo*.

Внутри клана Кавасил палеологовской эпохи не очень четко, но все же прослеживаются родственные связи²⁴. Прежде всего можно вспомнить две уже упомянутые семьи: Константин Кавасила, архиепископ охридский, и его братья Феодор и Иоани; Нил Кавасила, архиепископ фессалоникийский, два его брата, сестра и племянник Николай Кавасила. Димитрий Кавасила²⁵ был отцом Мануила, позднее известного как обладателя наследственных владений. Другой Димитрий Кавасила²⁶ был отцом Кавасилы, великого архонта. Димитрий Кавасила, *oikeios* императора²⁷, имел сына Георгия. У некоего Кавасилы²⁸ был сын Димитрий Дука Кавасила. А. Ангелопулос называет Иоанна, сына Алексея Кавасилы, жившего в XIV в. в Эпире²⁹. В некоторых случаях упоминания о Кавасилах сопровождаются неопределенной информацией: имел сыновей³⁰. О наличии более точных родственных связей внутри клана Кавасил можно лишь догадываться. Так, в одном из актов Лавры в связи с финансовой договоренностью упомянуты Георгий Кавасила, его сын Димитрий, а также Иоанн Кавасила, который, можно думать, был с ними в родстве³¹.

Кавасилы роднились с известными фамилиями. Великий папья Димитрий Кавасила был женат на Анне Ласкарине, дочери Константина Ласкариса³². Сестра Нила Кавасилы вышла замуж за представителя фессалоникийской семьи Хамаетов. Имя одного из них, кастрофилакса Иоанна Хамаета, упоминается в надписи 1355 г. у ворот Анны Палеологини северной стены акрополя Фессалоники³³. Владелец земель близ Фессалоники (1327) был зятем дулоса императора в Фессалонике, владельца домов в этом городе Димитрия Каламана³⁴. Обратившись к вопросу, какое место занимали Кавасилы в византийском обществе эпохи Палеологов, можно прийти к выводу, что среди тех, предки которых в XI в. представляли военно-аристократический клан, в рассматриваемое время не было ни одного военного, если только таковым не был некий Иоанн Кавасила, domestik в Серрах в XV в. Может быть, это в какой-то степени объясняется тем, что Кавасилы,

Древняя Русь, Западная Европа: Искусство и культура. Сб. статей в честь В.Н. Лазарева. М., 1973. С. 249–251.

¹¹ *Burih B.J.* Византијске фреске у Југославији. Београд, 1975. С. 47.

¹² Это изображение след за Г. Милле ошибочно приписывалось Николаю Кавасиле. См. об этом: *Angelopoulos A.* Nikolaos Kabasilas Chamaetos. He dzoe kai to ergon autou. Thess, 1970. Pin. 2–4. P. 106.

¹³ *Prosopographisches Lexicon der Palaiologenzeit* / Erst. E. Trapp. Wien, 1976–1996. N 10060–10102, 30539. (Далее: PLP). К перечню добавлен один из братьев Нила Кавасилы, не имеющий специального номера, и мать Николая Кавасилы. А. Ангелопулос называет 22 лица, носивших имя Кавасила в поздневизантийское время (XIII в. – 3, XIV в. – 17, XV в. – 2). *Angelopoulos A.* To genealogikon dendron... P. 394.

¹⁴ PLP. N 10061–10072.

¹⁵ Ibid. N 10062, 10063, 10065, 10066.

¹⁶ Ibid. N 10096.

¹⁷ Ibid. N 10076, 10078.

¹⁸ Ibid. N 10081, 10083.

¹⁹ *Angelopoulos A.* Nikolaos Kabasilas Chamaetos... P. 68; Прямым отражением этой устаревшей точки зрения являются редакционные комментарии к публикации сочинения Николая Кавасилы "Изъяснения божественной литургии архиепископа Фессалоникийского Николая Кавасилы" // ЖМП. 1975. № 1, 3, 5.

²⁰ *Angelopoulos A.* Nikolaos Kabasilas Chamaetos... P. 68.

²¹ *Kaplaneris S.* Drei grosse byzantinische Familien im Dienst der Megale Ekklesia. Wien, 1985. S. 115 (maschinenschrift). См. выводы этого автора, равно как и собственные наблюдения: *Beyer H.-V.* Demetrios Kabasilas, Freund und spaeter Gegner des Gregoras // JÖB. Wien, 1989. Bd. 39. S. 140 f. До

названных авторов эта точка зрения высказывалась и ранее. См.: *Turyn A.* Codices graeci Vaticani saeculis XIII et XIV annorumque notis instructi. Vaticano, 1964. P. 145.

²² PLP. N 10085. См. о Димитрии Канискии Кавасиле, Григории Кавасиле и Димитрии Кавасиле: *Theocharides G.J.* Op. cit. P. 8–22; *Angelopoulos A.* To genealogikon dendron... P. 377–378.

²³ *Beyer H.-V.* Demetrios Kabasilas... P. 176–177.

²⁴ PLP. N 10099.

²⁵ Ibid. N 10080.

²⁶ Ibid. N 10084.

²⁷ Ibid. N 10083.

²⁸ Ibid. N 10072.

²⁹ *Angelopoulos A.* To genealogikon dendron... P. 380–381.

³⁰ PLP. N 10084.

³¹ *Actes de Lavra* / Ed. par. P. Lemerle, A. Guillon, N. Svoronos, D. Papachryssanthou. P., 1979. V. III. Append. XII. P. 209. 17–20.

³² Ibid. P. 208.

³³ *Loenertz R.-J.* Chronologie de Nicolas Cabasilas. 1345–1354 // OCP. Miscellanea Georg Hofmann. 1955. Vol. 21. P. 217; *Angelopoulos A.* To genealogikon dendron... P. 387–391.

³⁴ PLP. N 10221.

в отличие от своих предшественников XI в., перестали ощущать себя иностранцами: обычно быстрое возвышение для лиц иностранного происхождения возможно было прежде всего на военном поприще.

В XIV в. некоторые из Кавасил занимали определенные позиции при императорском дворе и в системе управления, как столичного, так и провинциального. Димитрий Дука Кавасила в 1347–1369 гг. был великим папием, с 1369 г. – великим архонтом, что нашло отражение в хрисовуле Иоанна VI Кантакузина, а также в императорской простагме³⁵.

Феодор Кавасила в 1327 г. был логофетом *tou stratotikou* и позднее – пансевастом севастом³⁶. Во время разногласий между Андроником II и Андроником III он выступал посредником между ними³⁷. Некий Кавасила с несохранившимся до нашего времени *ргопопеп* был императорским врачом (актуарием) в 1282–1296 гг., затем пансевастом севастом. Известно, что в 1282 г. он находился у постели умирающего императора Михаила VIII Палеолога во Фракии³⁸.

Алексей Кавасила, живший в Акарнании, подвергся репрессиям со стороны Андроника III, но в 1339 г. с помощью Иоанна Кантакузина получил должность великого коноставла³⁹. Георгий, Димитрий и Иоанн Кавасилы известны как *oikeios* императора в Фессалонике⁴⁰. Некий Кавасила (без *ргопопеп*) был великим архонтом в Серрах в 1377 г.⁴¹ Иоанн Кавасила был министром Михаила II Ангела Дуки Комнина в Эпире в 1258 г.⁴² Многие из Кавасил, не имея видных должностей и титулов, довольно часто появлялись при правящих дворах, например, Феодор Кавасила⁴³ и др.

Авторитетную группу представляли те из Кавасил, кто подвизался в сфере церкви. Прежде всего назовем еще раз архиепископа охридского Константина. Георгий Сфрандзи сообщает о семействе Кавасил, состоящем из трех братьев-архиереев и сестры, ставшей после смерти мужа монахиней⁴⁴. Одним из этих братьев и был знаменитый Нил Кавасила, а сестра архиереев была матерью Николая Кавасилы. Известно, что она между 1361 и 1363 гг. уехала из Константинополя в Фессалонику, где митрополитом был ее брат, и поселилась после смерти мужа в монастыре св. Феодоры вместе с Палеологиней, весьма образованной представительницей правящего дома⁴⁵, что дает основание предполагать соответствующую образованность представительницы семьи Кавасил, тем более, как добавляет Георгий Сфрандзи, что ее воспитанница Фомаида жила при ней "в добродетели и в знании"⁴⁶.

Сакеллиу Великой церкви в Константинополе в 1344–1355 гг., затем архидиа-

коном этой же церкви в 1351–1355 гг. был Михаил Кавасила. Он являлся воспитанником и слугой митрополита Апри Иосифа до 1377 г. Михаил Кавасила был посредником в делах между патриархом Иоанном XIV Калеккой, Иоанном Кантакузином, находившимся в Дидимотике, а затем Анной Савойской и, наконец, патриархом Каллистом I⁴⁷.

Константин Кавасила, диакон в 1360 г., был протопапой Влахернского монастыря в Константинополе в 1380–1383 гг. После отставки синодом в 1383 г. ему удалось доказать ее необоснованность и добиться официального восстановления⁴⁸.

Можно вспомнить также Михаила Кавасилу, время пребывания которого в Фессалонике в качестве клирика не установлено (XIII–XV вв.)⁴⁹.

Николай Кавасила, будучи светским человеком, участвовал в сфере деятельности церкви. Как воспитанник двух фессалоникских митрополитов – Нила Кавасилы и Дороефа Влата – позднее он нередко подвизался в церковных кругах. Так, в конце 40-х годов XIV в. ему вместе с Георгием Исарисом и Марком Ангелом Вардалисом пришлось принять участие в осуждении прота Афона Нифона, обвиненного в мессалианстве⁵⁰. В 1350 г. Николай вместе с названными лицами участвовал в осуждении иеромонаха Нифона на церковном соборе⁵¹. В 1353 г. Николай Кавасила, наряду с Макарием и Филофеем Коккином, был кандидатом на патриарший престол⁵² (избран был Филофей). Последние годы жизни Николай Кавасила был полностью увлечен делами церкви. Известно, что он приветствовал в 1364 г. избрание Филофея Коккина патриархом на второй срок⁵³. В конце 80-х годов Николай Кавасила жил в Манганском монастыре близ Константинополя, хотя принадлежность его к монашеству в эти годы спорна⁵⁴. Не известно, являлся ли клириком некий Кавасила, который был знаком с патриархом Константинополя Григорием II Кипрским и хартофилаксом из Фессалоники Иоанном Ставракиосом⁵⁵, или он, как и Николай Кавасила, оставаясь светским человеком, был тесно связан с церковной средой.

В палеологовское время Кавасилы были известны своей принадлежностью к интеллектуальным кругам. Прежде всего это самые известные из Кавасил Николай Хамает и его дядя и учитель Нил, названный выше в связи с характеристикой положения Кавасил в церковной среде.

Перу Николая Кавасилы (приблизительно 1320–1391 гг.) принадлежат сочинения "Жизнь во Христе", "Изъяснение божественной литургии", энкомии, адресованные Анне Савойской и Матфею Кантакузину, "Слово против ростовщиков", "Слово об архонтах, беззаконно дерзающих в отношении святых", "Благочестивой Августе о проценте", "Слово против нелепостей Григоры", "Афинянам об алтаре сострадания в них" и др.⁵⁶

Нил Кавасила (умер в 1363 г.) известен как автор сочинений "Об исхождении

³⁵ *Actes de Dionysiou* / Ed. par. N. Oikonomides. P., 1968. N 2. P. 43–44, 46, 46.42; *Actes de Xéropotamou* / Ed. par. J. Bompaire. P., 1964. N 27. I. II.

³⁶ *Raybaud L.P.* Le gouvernement et l'administration centrale de l'empire byzantin sous les premiers Paléologues. P., 1968. P. 129.

³⁷ *Joannis Cantacuzene eximperatoris historiarum libri quattuor* / Ed. L. Schopen. Bonn, 1848. L. 240. (Далее: Cant.); PLP. N 10090.

³⁸ *Georgii Pachymeris de Michaelis et Andronico Palaeologis libri tredecim* / Ed. J. Bekker. Bonn, 1835. Vol. I. P. 530.

³⁹ Cant. I. 512–517, 522. По наблюдениям А. Ангелопулоса, сын Алексея Кавасилы, Иоанн, живший на о-ве Корфу, имел титул графа, фамильный герб которого, хранящийся поныне в музее Корфу, представляет изображение скипетра, стеммы и взлетающего орла (см. рисунок на С. 382). *Angelopoulos A.* To genealogikon dendron... P. 381–382.

⁴⁰ *Actes de Lavra*. III. P. 209.

⁴¹ *Ibid.* III. P. 109.

⁴² *Georgii Akropolitae Opera* / Ed. A. Heisenberg. Leipzig, 1903. Vol. I. P. 166.

⁴³ PLP. N 10087.

⁴⁴ Георгий Сфрандзи. Малая хроника, XVIII / Пер. и коммент. Е. Джагапанян // Кавказ и Византия. Ереван, 1987. Вып. 5. С. 198.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Cant. II. 445, 609; *Beyer H.-V.* Demetrios Kabasilas... S. 177; *Angelopoulos A.* To genealogikon dendron... P. 371–372.

⁴⁸ *Miklosich F., Muller J.* Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Vienna, 1860–1890. V. P. 2. 20. 52. 54. 56–61. (Далее: MM). См. также: *Hunger H.* Byzantinisches Ehrerecht im 14. Jahrhundert // ЗРВИ. 1973. Bd. 14–15. P. 77–79.

⁴⁹ PLP. N 10100.

⁵⁰ PG. T. 152. Col. 1310 B.

⁵¹ *Поляковская М.А.* Портреты византийских интеллектуалов. Екатеринбург, 1982; *Angelopoulos A.* Nikolaos Kabasilas Chamaetos... P. 51.

⁵² *Поляковская М.А.* Портреты византийских интеллектуалов. С. 121.

⁵³ Там же. С. 149.

⁵⁴ Там же. С. 150–151.

⁵⁵ PLP. N 10061.

⁵⁶ *Angelopoulos A.* Nikolaos Kabasilas Chamaetos... P. 75–83; *Поляковская М.А.* Портреты византийских интеллектуалов. С. 121–149.

святого Духа", "Антиграмма против Григория", "О причинах схизмы", "О синоде 878–880 гг." и др. Сочинения племянника и дяди оставили заметный след в научной литературе.

Кроме названных выше, из Кавасил были склонны к писательской деятельности архиепископ Константин, автор "Канонов" и, как предполагается, "Жития св. Наума"⁵⁷. Короткие эпиграммы принадлежат перу Георгия Кавасилы (XIV в.)⁵⁸.

Из Кавасил, не оставивших потомкам своих творений, можно причислить к интеллектуальной среде тех, кто имел соответствующее окружение и связи. Назовем грамматика Кавасилу (около 1300 г.), на которого Мануил Фил написал четырехстрочную эпиграмму⁵⁹.

Андроник и Василий Кавасилы, а также Кавасила, пропосет которого не сохранился до нас, входили в круг знакомых писателя Михаила Гавры. Андронику и Василию Кавасилам Михаил Гавра посылал сочинения своего брата писателя Иоанна Гавры⁶⁰.

Димитрий Кавасила (80-е годы XIV в.) был, несомненно, человеком весьма образованным и заметным в интеллектуальных кругах при императорском дворе. Димитрий Кидонис считал его "близким другом", "наилучшим из друзей"⁶¹. Однако, как предполагает Х.-Ф. Байер, Димитрий Кавасила предпочитал "гладкий политический паркет императорского дворца и не имел склонности в интересах науки отступать от ходовых мнений, имевших место при дворе"⁶².

Особую группу среди клана Кавасил могут составить владельцы и переписчики рукописей. Это Иоанн Кавасила (последняя четверть XIII в.), анагност Димитрий Кавасила (около 1360 г.), Евфимопул Константин Кавасила (XIV в.), Феодор Кавасила (XIV в.) и Иоанн Кавасила (XIV в.).

К переписчикам и владельцам рукописей 20–30-х годов XIV в. относится фессалоникийский диакон, гимнограф, дикайофилакс, а затем великий сакелларий и эконом Димитрий Кавасила Каниский. Известно, что между июлем 1337 г. и февралем 1338 г. он получил в свой адрес упрек в склонности к иудаизму. Находясь в преклонном возрасте, он не покинул Фессалонику, тем более, что последующий арест (примерно в 1343 г.) в связи с городским восстанием не позволил ему поехать в Константинополь. Вероятнее всего, Димитрий Кавасила Каниский скончался в фессалоникийской тюрьме⁶³.

Кавасилы интеллектуальной среды довольно часто были либо авторами, либо получателями писем. Наиболее плодovit как корреспондент из представителей этой группы Николай Кавасила. Среди его адресатов, кроме отца, были его друг, Димитрий Кидонис, Дукопулос Маникайтес, император Иоанн VI Кантакузин, а также фессалоникийцы остиарий Синадин, великий сакелларий Досифей Карантин, Тарханиот и др.⁶⁴ Среди тех, кто писал Николаю Кавасиле, были император Мануил II Палеолог, Димитрий Кидонис, Никифор Хумн, Никифор Григора, Феодор Иртакин, Михаил Гавра, Мануил Гавала, Иосиф Вриенний, Феодор Педисим⁶⁵. Если обратиться к идейной общественной позиции Кавасил, то она

определенно известна в отношении по крайней мере пятерых из них – и все пятеро были сторонниками учения Григория Паламы.

Нил и Николай Кавасилы снискали себе известность и привлекают научный интерес прежде всего как апологеты паламизма⁶⁶. Оба писали в своих сочинениях об основных идеях учения Григория Паламы. Николай Кавасила придал этому учению в некоторой степени светский характер, уведя его со стези аскезы и анахоретства. Он был не только интерпретатором Паламы, но и полемистом. Итогом его разногласий в названной сфере с Никифором Григорой явился излишне субъективный и не делающий чести его автору посог "Против нелепостей Григоры"⁶⁷. Современники считали Николая Кавасилу авторитетом в делах исихии и в спорах вокруг нее. Византийский писатель и церковный деятель Давид Дисипат, бывший активным участником паламитских споров, адресовал свое "Слово против Варлаама и Акиндина" Николаю Кавасиле⁶⁸.

Что же касается Димитрия Кавасилы, Димитрия Кавасилы Каниския и Михаила Кавасилы⁶⁹, то они, видимо, в связи со сменой официального мнения императорского двора и патриархата примкнули к лагерю Паламы, хотя и не проявили на этом поприще особой активности.

Некоторые из Кавасил запечатлены в документах поздневизантийской эпохи как владельцы пахотных угодий, виноградников, хозяйственных комплексов, деревень. В большинстве случаев обладание хозяйством, землями дополняло их положение как государственного лица или их определенное место в церковной иерархии.

Из Кавасил землевладельцев в научной литературе чаще всего называется Димитрий Кавасила, которого мы упомянули ранее как великого папия и великого архонта⁷⁰. В ноябре 1347 г. хрисовульным логосом Иоанна VI Кантакузина ему были переданы в наследственное владение за службу посотис ценностью в 250 ипепиров с возможностью различных последующих усовершенствований⁷¹. В посотис входила деревня Катакалис, ранее представлявшая хозяйство умершего Гавры, пахотные земли в деревнях Палагина и Ферма, а также сдаваемый в аренду виноградник⁷². Эти владения, передаваемые императором Димитрию Кавасиле, ранее находились в распоряжении государственной казны. Согласно хрисовулу, они становились родовой вотчиной Димитрия Кавасилы; оговаривалась возможность передачи ее по наследству. Таким образом, прония, данная за службу, превращала переданные владения в родовые (gonikotetos)⁷³.

Действительно, Кавасилы владели этой землей в течение долгого времени. После смерти Димитрия Кавасилы в 1409 г. его владения перешли к сыну Мануилу,

R.-J. Loenertz // Studi e Testi, 186, 206. Citta del Vaticano, 1956. Vol. I. N 87, 124–126; 1960. Vol. II. N 213, 329, 378.

⁶⁶ Алексей, еп. Византийские церковные мистики XIV века (препод. Григорий Палама, Николай Кавасила, препод. Григорий Синаит). Казань, 1906; Lot-Borodine M. Un maître de la spiritualité byzantine au XIVe siècle: Nikolas Cabasilas. P., 1958; Clement O. Byzance et le christianisme. P., 1964; Podskalsky G. Theologie und Philosophie in Byzanz. München, 1977. P. 180–195.

⁶⁷ Garzya A. Un opuscule inédit de Nicolas Cabasilas // Byzantion. 1954–1956. T. 180–195.

⁶⁸ Tsames D.G. David Disypatou Logos kata Barlaam kai Akindynou pros Nikolaon Kabasilan // Byzantina keimena kai meletai. Thess, 1973. 10.

⁶⁹ Михаил Кавасила подписал томос против Варлаама и Акиндина. Salaville S. Cabasilas le sacellaire et Nicolas Cabasilas // EO. 1936. Vol. 35. N. 424–425.

⁷⁰ PLP. N 10084.

⁷¹ Actes de Dionysiou. N 2. Эти владения ранее подтверждались простагмой Иоанна VI Кантакузина и горисмосом, упоминавшим наследственную собственность – посотис 250 ипепиров. См. об этом: Ibid. 2.46; 32.34. Оба документа утеряны и не названы ни Г.И. Феохаридисом, ни Ф. Дэльгером и П. Виртом (Reg. N 2932, 2933). См.: Actes de Dionysiou. P. 45.

⁷² Actes de Dionysiou. S. 46.33–37.

⁷³ Ibid. S. 46–50. См.: Хаостова К.В. О некоторых особенностях византийской пронии // ВВ. 1964. Т. 25. С. 212–230.

⁵⁷ Trapp E. Die Vita des hl. Naum von Ochrid // BS. 1974. Vol. 35. P. 164.

⁵⁸ PLP. N 10076.

⁵⁹ Manuelis Philae Carmina / Ed. E. Miller. T. I. P., 1855. P. 340; PLP. N 10069.

⁶⁰ PLP. N 10064, 10069, 10074, 10075.

⁶¹ См. об этом: Beyer H.-V. Demetrios Kabasilas... S. 136, 146, 176.

⁶² Ibid. S. 137, 176.

⁶³ Ibid. S. 140–144. Переписчики и владельцы рукописей: PLP. N 10082, 10085, 10086, 10089, 10091, 10093.

⁶⁴ Enepekides P. Der Briefwechsel des Mystikers Nikolaos Kabasilas / Kommentierte Textausgabe // BZ. 1953. Bd. 46, S. 18–43.

⁶⁵ См., например, письма Димитрия Кидониса Кавасилам: Demetrios Cydones. Correspondance / Publ. par.

что подтверждает *paradosis*, данный *douloi* императора Павлом Газой и Георгием Принкипсом в июле 1409 г. Согласно документу, Мануил Кавасила вступал во владение деревней Катакалис с ее рыбным промыслом, а также не называвшейся в ранее приведенном хрисовуле Иоанна VI Кантакузина половиной деревни Алупохорион⁷⁴ на п-ове Кассандра.

Среди владельцев земель упоминаются: около 1321 г. – некий Кавасила с его владениями около Дримнуполиса в Эпире⁷⁵; в 1322 г. – другой Кавасила с хозяйственными постройками близ Фессалоники⁷⁶, в 1327 г. – Дмитрия Кавасилу с принадлежащими ему землями вблизи Фессалоники⁷⁷, в 1348 г. – некий Кавасила как помещик в Сидерокавсии Халкидской⁷⁸, в 1374 г. – Феодор Кавасила, собственник земель на Корфу⁷⁹.

Фамилия Кавасил, заняв определенно заметное место среди собственников земель, отражала очевидную тенденцию общественного развития Византии: в связи с общим кризисом в сфере экономического развития в XIV в. византийская знать осознала значимость владения землей и доходами с нее⁸⁰.

Продолжая тему положения клана Кавасил в поздневизантийском обществе, отметим не совсем обычную фигуру Мануила Кавасилы, занимавшегося предпринимательской деятельностью. М. Болар и А. Лайу⁸¹ на основании генуэзских архивных документов⁸², в частности, регистрационной книги нотариуса Антонио ди Понзо⁸³, выявили много греческих имен тех, кто был причастен к средиземноморской торговле. Среди них мы и встречаем Мануила Кавасилу.

В 80-х годах XIV в. (в 1384, 1389 гг.) Мануил, используя помощь моряков, перевозил в Геную значительное количество зерна⁸⁴. В 1384 г. на корабле (кокке) Мануила Кавасилы было перевезено 3667 мин зерна⁸⁵. Среди сподвижников Мануила был некий Софианос⁸⁶. В 1389 г. Мануил Кавасила доставил в Геную 5421,5 мин императорского зерна. В связи с этим подеста Перы составил соглашение, в котором указывалось, что Мануил Кавасила, равно как и представитель причастного к торговле зерном греческого знатного рода Лучино Де Драперис, осуществляли сделку от имени императора⁸⁷. В 1390 г. Мануилом Кавасилой на имя императора в качестве компенсации за проданное зерно было получено 34 генуэзских ливра.

Мануил Кавасила в описанной ситуации выполнял именно предпринимательские функции, а не какую-либо дипломатическую миссию⁸⁸. В данном случае мы имеем

дело с не совсем четкой, но все же тенденцией проникновения аристократов в экономическую и даже предпринимательскую сферу. Представители высшего класса в условиях кризиса в стране и слабой социальной дееспособностью городского "сословия" находили возможность поддержать свое благосостояние, потеснив в сфере внешней торговли (пожалуй, единственной сфере, могущей еще приносить доходы) тех, кто казалось бы должен был нести эту общественную функцию – византийских купцов. А. Лайу на основании материалов генуэзских архивов заметила: "Один из наиболее удивительных фактов о византийских торговцах и вкладчиках, встречаемых в документах, тот, что многие из них принадлежали к византийской аристократии"⁸⁹. Условия, способствовавшие гибели государства, одновременно создавали благоприятную ситуацию для предприимчивых людей. Среди них был и Мануил Кавасила.

Подобная тенденция характерна, пожалуй, в более определенном варианте для стран, по своему происхождению принадлежавшим к "городским цивилизациям" и испытывавшим в конце средневековья в некоторой степени действие обратного вектора развития⁹⁰.

Мануил Кавасила, занимавшийся предпринимательской деятельностью, не зафиксирован в "Палеографическом лексиконе времени Палеологов". Может быть, это тот Мануил, который в 1409 г. унаследовал от своего отца деревню Катакалис?⁹¹ Но в таком случае имело смысл указать на его деятельность в 80–90-х годах XIV в. Исследователи же, обратившие внимание на Мануила, как участника предпринимательских акций, напротив, не заметили его возможной родственной связи с Дмитрием Кавасилой и в связи с теми земельными владениями, которые он унаследовал от отца. Проблема идентификации личности Мануила Кавасилы еще сохраняется.

Кавасилы, занимавшие крупные должности, тяготели, видимо, к Константинополю. Но упоминания о представителях этих семейств связаны преимущественно с Фессалоникой. Хотя Кавасилы имели земли в Халкидии и Эпире, но основная часть их земельных владений относилась к району Фессалоники. Семья Николая Кавасилы также владела собственностью в Фессалонике, которую писателю пришлось защищать от всевозможных посягательств после смерти отца⁹². Не случайно один из хозяйственных комплексов внутри Фессалоники при его продаже, что зафиксировано в актах Ксенофонта монастыря, был назван по имени его прежнего владельца "двором Кавасилы" (*aule tou Kabasila*)⁹³. Отдельные владения Кавасил были расположены в небольшом отдалении от Фессалоники. Так, в 16 км от Верии находится, судя по современному омониму, деревня Кавасила⁹⁴. Многие из македонских владений Кавасил были захвачены во время завоевания территории сербами.

Поскольку основные владения Кавасил были сосредоточены в самой Фессалонике, в ее окрестностях или в пределах македонских земель, то во время восстания зилотов 1342–1349 гг. это семейство, как и другие знатные фессалоникийские фамилии, пострадало от восставших. Так, по акту монастыря Дионисия мы знаем, что семья Дмитрия Кавасилы была изгнана из Фессалоники, а имущество его

⁷⁴ *Actes de Dionysiou*. N 11. P. 85. 2–3.

⁷⁵ Reg. N 2460.

⁷⁶ *Actes de Xenophon* / Ed. par D. Papachryssanthou. P., 1986. N 17.58–59. Кавасила упоминается в хрисовульном логосе как прежний владелец.

⁷⁷ PLP. N 10081.

⁷⁸ Ibid. N 10070.

⁷⁹ MM. III, 246.

⁸⁰ *Ostrogorsky G. Observations on the Aristocracy in Byzantium* // DOP. 1971. Vol. 25. P. 1–32.

⁸¹ *Bolard M. Romanie genoise (XIIIe-début XVe siècle)*. T. 1–2. Rome; Genève, 1978. P. 758; *Laiou-Thomadakis A.E. The Byzantine Economy in the Mediterranean Trade System: Thirteenth-Fifteenth Centuries* // DOP. 1980–1981. Vol. 34/35. N. 219–222.

⁸² *Gabella grani*, 1384, 8r, 41v, 58v, 83r; *Antico Comune, Magistrorum rationalium*, r100, vols. 61r–v; *Notai Ignoti C* (1389–91), actum de 14.10.1390.

⁸³ *Laiou-Thomadakis A.E. The Byzantine Economy*... P. 217.

⁸⁴ Об организации хлебной торговли из Константинополя, Месемврии, Фракии см.: *Laiou-Thomadakis A.E. The Byzantine Economy*... P. 198–221; *Matschke K.-P. Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz*. Weimar, 1981. S. 125–139.

⁸⁵ *Bolard M. La Romanie Genoise*... T. 2. P. 758.

⁸⁶ PLP. Bd. 11. S. 46.

⁸⁷ Считается доказанным, что Мануил Кавасила действовал от имени союзника Генуи Иоанна VII. См.: *Laiou-Thomadakis A.E. The Byzantine Economy*... P. 220.

⁸⁸ О мнении Дж. Баркера по этому вопросу см.: Ibid. P. 220.

⁸⁹ Ibid. P. 201.

⁹⁰ *Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада*. М., 1992. С. 276.

⁹¹ PLP. N 10099.

⁹² *Demetrios Cydones Correspondance*. Vol. I. N 124, 125.

⁹³ *Actes de Xenophon*. N 17. 55–58.

⁹⁴ *Andelopoulos A. Nikolaos Kabasilas Chamaetos*... P. 39; *Actes de Dionysiou*. N 2. 14–28. А. Ангелопулос обратил внимание на сохранившиеся топонимы в других землях: Верхняя и Нижняя Кавасила в Элиде, Кавасила в Аттике. На Корфу до новейших времен сохранялся небольшой храм в честь Панагии Кавасил. *Angelopoulos A. To genealogikon dendron*... P. 386–387.

конфисковано⁹⁵, поскольку Кавасилы были сторонниками Иоанна Кантакузина (сам Димитрий попал в тюрьму), что и послужило поводом для проявления милости Иоанна Кантакузина в хрисовуле от 1347 г.

Во время зилотского восстания Николай Кавасила, по решению совета архонтов Фессалоники, был послан в составе посольства к сыну императора Иоанна VI Кантакузина Мануилу, находившемуся в Верии. Как известно, что ему, как и всей его семье, после возвращения посольства в Фессалонику, пришлось испытать преследования со стороны зилотов. Во время резни 1345 г. Николаю удалось спастись, укрывшись в колодце акрополя. Некоторые из македонских владений Кавасил были захвачены в это беспокойное время сербами⁹⁶. Однако, как показывает судьба владений Димитрия Кавасилы, с завершением восстания зилотов и сербского завоевания собственность Кавасил в этом районе, видимо, была возвращена ее владельцам.

Представленная здесь попытка реконструкции клана Кавасил в поздневизантийское время продолжает уже имеющиеся. Комбинируя обрывки информации, исследователи, несмотря на лаконичность и преимущественную статичность имеющихся сведений (к примеру, большинство фактов, упоминающих о семействе Кавасил, относится к XIV в.), имеют возможность описать византийское общество через такую его грань, как история родственных кланов. Это может представлять интерес еще и в связи с тем, что для Византии более характерна разорванность связей, акорпоративность.

Анализ статуса отдельных представителей фамилии Кавасил свидетельствует о том, что в поздневизантийское время они уже не составляли, как в комниновскую эпоху, военно-аристократического клана, но сохранили и упрочили свое положение в церковной сфере. Заметным стало участие Кавасил в области государственного управления и особенно – в интеллектуальной среде. Новым для этой семьи стало их превращение в земельных собственников и тем более – в предпринимателей. Количество упоминаний Кавасил в источниках возросло, что может быть оценено, как повышение их значимости в обществе.

Реконструкция отдельных семей и их истории расширяют возможности исследования византийской элиты, а изменение их места в обществе (как случилось с Кавасилами с XI по XIV в.) или новые социальные амплуа (как в случае с Мануилом Кавасилой) позволят выявить изменения структуры общества и его функций. Историографическая тенденция к написанию истории поздневизантийских семей очевидна⁹⁷.

⁹⁵ Angelopoulos A. Nikolaos Kabasilas Chamaetos... P. 41.

⁹⁶ Ibid. P. 39.

⁹⁷ Papadopoulos A.Th. Versuch einer Genealogie der Palaiologen, 1259–1453. Amsterdam, 1962; Nicol D.M. The Byzantine Family of Kantakouzenos (Cantacuzenus), ca. 1100–1460. Washington, 1968. См. также исследования К.-П. Мачке по семейству Нотара и др.

Р.М. Шукуров

ТРАПЕЗУНДСКИЙ ГОРОСКОП 1336/1337 г. И ПРОБЛЕМА ГОРИЗОНТОВ ЖИЗНЕННОГО МИРА

1. Постановка проблемы и экскурс в историю ее описания

Одной из принципиальных проблем истории Византии, которая до сих пор так и не получила систематического разрешения, является вопрос о причинах стремительного упадка и гибели византийской цивилизации в XIII–XV вв. Современные историки выдвигали целый ряд объяснений тому, почему византийский мир, прежде столь устойчивый и гибкий перед лицом многих внутренних и внешних изменений, вдруг исчерпал свою жизненную силу и не смог найти адекватного ответа на очередной вызов истории. Эти объяснения принимают во внимание два класса гетерогенных (хотя и глубоко взаимосвязанных) факторов – так называемые, *внутренние*, порожденные изменениями в собственно византийских общественных и хозяйственных институтах, а с другой стороны, *внешние*, привнесенные из-за пределов византийского мира, из тюркско-мусульманского Востока, Западной Европы или славянского Севера.

Вместе с тем, исследователи вполне единодушны в том, что решающую роль в судьбе Византии сыграли не только *внутренний* (хозяйственный и социальный) кризис, но и *внешний* удар турок, в одночасье покоривших Анатолию, часть Балкан, а затем и сам Константинополь. При этом, *турецкий (тюркский) вопрос* решительно выводится за рамки внутренней жизни империи, *тюркское начало* квалифицируется как нечто сугубо чуждое и противоположное византийскому миру, а потому вдвойне разрушительное.

Кажущаяся самоочевидность такого толкования тюркского вызова долго препятствовала серьезному изучению конкретных *механизмов* освоения тюрками византийской ойкумены. При этом, особо подчеркнем, что описание таких механизмов никак не может ограничиваться лишь разработкой сугубо тюркологической тематики, сводимой к реконструкции "методов тюркского завоевания"¹. Не менее важно выяснить реакцию на встречу с тюрками самого византизма, как живого и борющегося (пусть, в конце концов, и проигравшего) цивилизационного организма. Как на микроуровне индивидов, дворцового, церковного, городского и сельского быта переживала византийская цивилизация свое отступление перед лицом более мощных противников. Воссоздание зримой картины *исторического проигрыша* Византии в этом цивилизационном противоборстве прояснила бы достаточно многое, а главное – действительную роль тюркских народов в трагедии, постигшей византийский мир, равно как и реальное соотношение между *внутренними* и *внешними* факторами истощения жизнеспособности византизма.

¹ См.: Wittek P. The Rise of the Ottoman Empire L., 1938; Jennings R.C. Some Thoughts on the Gazi-Thesis // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1986. Bd. 76. S. 151–161; Lindner R.-P. Nomads and Ottomans in Medieval Anatolia. Bloomington, 1983. P. 1–43; Matanov H.A. Method of Conquest or a Stage of Social Development? // ЁВ. 1989. № 3. P. 72–77; Inalcik H. Ottoman Methods of Conquest // Inalcik H. The Ottoman Empire. Organization and Economy. Variorum. L., 1978. N 1.

Не имея намерения давать в этом кратком очерке исчерпывающую характеристику исследовательских подходов к проблеме греко-тюркского противоборства, отметим лишь наиболее, на наш взгляд, существенные этапы в ее осмыслении. Первый важный шаг в сторону воссоздания механизмов разложения византизма сделан был Альбертом Вехтером, учеником Г. Гельцера, в его классической монографии "Der Verfall des Griechentums in Kleinasien im XIV. Jahrhundert"². Основываясь, преимущественно, на актах Константинопольского патриархата и "Notitiae episcopiorum" А. Вехтер убедительно продемонстрировал стремительно нараставший кризис в анатолийском христианстве в XIV в. Эта книга замечательна явным несоответствием между сугубой фактографичностью и сухостью исследовательской манеры автора и ярко выраженным концептуальным зарядом самого подхода к материалу. А. Вехтер скуп на аналитические рассуждения, но сама идея рассмотреть изменения в организационных структурах Церкви в этнокультурном (а не только историко-церковном) ракурсе стоила много. А. Вехтером был обозначен один из базовых индикаторов и одновременно действенных факторов угасания византизма на территориях, перешедших под контроль мусульман, а именно развернувшийся процесс *дехристианизации* и *деэллинизации* анатолийского этнокультурного пространства.

Следующий принципиальный шаг в осмыслении проблемы был сделан много десятилетий спустя Спиром Врионисом, концепция которого органично включила в себя и развила подход А. Вехтера. Сп. Врионис открывает и обосновывает фактор *номадизации* наиболее густонаселенных и хозяйственно значимых регионов Анатолии, которая влекла за собой массовое и скоротечное вытеснение земледельцев-автохтонов с их земель. Освоение византийской Анатолии тюрками рассматривается Сп. Врионисом как следствие тюркского завоевания, которое вводило в действие на покоренных землях два параллельных процесса – депопуляции территорий и исламизации греков, оставшихся под властью тюрок. Эти два связанных процесса, виртуозно продемонстрированные Сп. Врионисом на материале источников XI–XV вв., признаются в современной науке основными движущими силами в освоении турками византийского мира³.

Как мы видим, в толковании Сп. Вриониса проблема византийско-тюркской встречи остается в русле проблематики политического и этноконфессионального соперничества между греко-христианским и тюрко-мусульманским мирами. Концепция Сп. Вриониса закрепляет за тюрками статус *внешней* по отношению к византийскому миру силы, разрушительные для эллинизма потенции которой реализовывались почти исключительно через или вследствие *открытого насилия*.

Иной подход к проблеме греко-тюркской цивилизационной встречи был в свое время предложен Ф. Хаслуком в его до сих пор не потерявшей своего значения монографии "Christianity and Islam under the Sultans"⁴. Английский исследователь на примере верований, суеверий, обычаев и магических обрядов, циркулировавших по преимуществу в низших социальных пластах анатолийского населения под властью тюрок, наглядно демонстрирует христианско-мусульманское смешение, которое зачастую выливалось в некое неразделимое синкретическое единство элементов обеих религий в сознании непросвещенного греческого и тюркского обывателя.

Эту линию в историографии развил и в полной мере обосновал в своей книге известный тюрколог и грецист Мишель Баливе, который, подобно Ф. Хаслуку,

концентрируется на позитивных трансформациях византийского и тюркского культурных субстратов, приводивших к постепенному их сближению. Более того, на основе широкого привлечения новейшего материала религиозных, культурных, политических контактов между греками и тюрками, французский исследователь выходит за пределы конфликтной бинарности греческого и тюркского начал. Не отрицая самого наличия конфликта между Византией и тюрками в военно-политической сфере, М. Баливе объединяет византийский и тюркский элементы в горизонтах одного пространства, обладающего известным этнокультурным единством – "Романии-Рума", ибо не только греки трансформировали тюркский мир, но и тюрки в его концепции оказывают осязаемое влияние на греко-византийский субстрат на уровне народной культуры, повседневности и мистического интеллектуализма⁵.

Нельзя не признать плодотворность подхода М. Баливе, который делает значительный шаг в реконструкции именно *микроуровня* контактов, некоего специфического пространства греко-тюркского "примирения" (*une aire de conciliation*). Тем не менее этот подход не особенно популярен в современной византистике. И этому есть свое, довольно простое объяснение – концепция Сп. Вриониса более лаконично и точно обрисовывает суть греко-тюркской встречи как исторического феномена. Во всем комплексе проблем, связанных с византийско-тюркскими взаимоотношениями, можно выделить две самоочевидные аксиомы, которые и заставляют исследователей делать выбор (осознанный или подсознательный) в пользу концепции Сп. Вриониса. Во-первых, все многообразие фактов "мирного сосуществования" и взаимоуподобления (или даже взаимоотождествления) греческого и тюркского элементов, фиксируемого в источниках, явилось продуктом – в первую очередь для греческой стороны – *вынужденного и нежелательного приспособления* к внезапно изменившимся условиям, которые носили однозначно разрушительный характер для традиционных форм жизни автохтонов. Во-вторых, проблема греко-тюркского взаимодействия должна быть оценена в контексте ближайшей исторической перспективы, которая однозначно указывает на то, что главным результатом византийско-тюркских контактов явилось исчезновение самой Византии как цивилизационного феномена: было бы слишком рискованной натяжкой перетолковывать этот неоспоримый факт смерти цивилизации как некую метаморфозу Византии в новом тюрком/турецком образе.

2. Латентная тюркизация

По высказанным причинам, мы, придерживаясь линии А. Вехтера и Сп. Вриониса, продолжаем интерпретировать греко-тюркскую встречу в ракурсе цивилизационного конфликта по преимуществу, конфликта губительного для одной из сторон. Однако материал византийско-тюркских контактов, извлеченный нами из корпуса разнообразных письменных и материальных источников византийского Понта эпохи правления Великих Комнинов (XIII–XV вв.) позволяет существенно скорректировать и дополнить общие установки современной концепции византийско-тюркского конфликта⁶.

⁵ Balivet M. *Romanie byzantine et pays de Rûm turc: Histoire d'un espace d'imbrication gréco-turque*. Istanbul, 1994. Идея М. Баливе, которые еще не успели получить должного резонанса в византистике, требуют самого пристального к себе внимания и развернутого критического разбора, который мы намереваемся предпринять в ближайшее время в отдельной работе.

⁶ На понтийском материале подход Сп. Вриониса развивал Э. Брайер в своей классической статье: *Bryer A.A.M. Greeks and Turkmens: the Pontic Exception* // DOP. 1975. Vol. 29. P. 113–149 // *Bryer A.A.M. The Empire of Trebizond and the Pontos / Collected studies series*. L., 1980. N V.

² Wächter A. *Der Verfall des Griechentums in Kleinasien im XIV. Jahrhundert*. Leipzig, 1903.

³ Vryonis Sp. *The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century*. Berkeley (Cal.), 1971; *Idem*. *Nomadization and Islamization in Asia Minor* // DOP. 1975. Vol. 29. P. 43–71.

⁴ Hasluck F.W. *Christianity and Islam under the Sultans*. Oxford, 1929.

Сближаясь с М. Баливе, мы предлагаем рассматривать тюрское начало не только как *внешний* военно-политический фактор, воздействовавший на византийскую цивилизацию извне, но, по крайней мере с XIII в., как и один из элементов самого византизма, активно трансформировавший его облик *изнутри*.

В ряде наших работ мы выдвинули гипотезу *латентной тюркизации* византийского общества⁷. Под латентной тюркизацией мы понимаем целый комплекс изменений в недрах византийской цивилизации, в первую очередь в обыденной ментальности византийцев, происходивших под воздействием тюрков. Однако характер собранного нами материала заставляет нас расценивать эти изменения не столько как следствие "взаимовыгодного культурного обмена", обогатившего византийский субстрат (подход М. Баливе), но как один из разрушительных факторов, который, одновременно с нарастанием военно-политического соперничества, подспудно подрывал самоидентичность византизма, видоизменял его традиционные ценностные ориентации. "Латентными", или "скрытыми", мы называем эти видоизменения оттого, что они представляли собой подспудный процесс, неосознаваемый ни субъектами, ни объектами тюркизации.

Итак, сформулируем основные параметры описываемого нами на материале понтийского византийского общества феномена латентной тюркизации.

Анализ понтийской антропоники указывает на то, что в XII–XIV вв. происходит заметная трансформация в этнической структуре византийского Понта, выразившаяся в проникновении в автохтонную среду тюркского этнического элемента⁸.

Значительная часть тюрков на византийском Понте подверглась ассимиляции, выразившейся в первую очередь в их христианизации. Вместе с тем, материал письменных источников понтийского происхождения указывает на циркуляцию в греческой среде значительного числа заимствований из тюркского. Эти заимствования указывают на присутствие на Понте относительно многочисленных и лингвистически влиятельных групп носителей тюркского языка (или языков), которые и изменяли понтийскую языковую ситуацию. Этих тюрков, подданных трапезундских государей, мы называем *тюркоязычными византийцами*, которые, как можно предположить, в большинстве своем вошли в христианскую общину, но сохранили тюркский язык. Данные фонологического лингвистического анализа современных тюркских понтийских говоров позволяют предполагать, что по крайней мере уже в XIV в. на Понте существовали группы двуязычного (тюрко- и грекоязычного) населения⁹.

Внешнее давление тюрков на империю Великих Комнинов и присутствие тюркского этнического элемента в самой византийской среде вызвало к жизни

целый ряд вторичных трансформаций. Признаки тюркизации фиксируются в военной сфере в дворцовом, городском и сельском быте, что в наличном комплексе источников выражается в появлении новой тюркской терминологии и в вытеснении тюркизмами старых греческих наименований.

В связи со сказанным можно сделать следующий немаловажный вывод: в структуре византийско-тюркских контактов необходимо развести два их аспекта, присутствующие в концепции Сп. Вриониса в нераздельном единстве: 1) *конфессиональный* (исламо-христианский конфликт и связанная с ним исламизация), 2) *этнический* (тюрко-греческий конфликт и связанная с ним тюркизация). В контексте конкретных прецедентов конфессиональный и этнический аспекты далеко не всегда совпадали друг с другом или сопутствовали друг другу. В случае понтийского общества внедрение тюркских элементов (этнических, языковых, бытовых) в греческую среду не только не сопутствовало исламизации греческого общества, но напротив зачастую предполагало христианизацию самих носителей этих чужеродных элементов.

3. Горизонты жизненного мира

Очевидно, что изменения в повседневном быте не могли не сопровождаться трансформацией в традиционных структурах византийского менталитета, о чем, собственно, тюркские заимствования вошедшие в понтийский, греческий в первую очередь, и свидетельствуют. В данной работе мы предлагаем взглянуть на проблему влияния тюркского начала на византийское сознание с несколько иной точки зрения, а именно сквозь призму *горизонтов жизненного мира* византийца.

Уточним, что в применении к разрабатываемой нами проблематике понимается под *горизонтом* – понятием, широко используемым в современных феноменологических исследованиях культуры и герменевтике¹⁰. В самом общем виде под горизонтами мы понимаем тот особый *контекст* сознания, поле априорных представлений и установок, которые, наделяя субъект неким *пред-знанием*, *подлежали* всякому новому опыту и во многом обуславливали его.

Очевидно, что горизонт сознания, которое само постоянно находится в процессе изменения во времени, но при этом сохраняет целостность и выраженную внутреннюю структуру, – категория сугубо историчная. С одной стороны, он аккумулирует в себе минувший исторический опыт, а с другой – он непрерывно передвигается вместе с субъектом, с каждым новым шагом освещая иные пространства и тем самым изменяясь¹¹. Именно через понятие *горизонта* наиболее точно фиксируется непосредственный ответ сознания на внешнюю событийность.

С этой точки зрения выявленные тюркские лексические заимствования в пространстве греческого языка и постулируемое греко-тюрское двуязычие в среде части византийцев обрисовывают нам *исторически сложившийся* "этнолингвистический" горизонт греческого сознания, которое находилось в процессе освоения чужеродного элемента, в котором этот чужеродный элемент уже стал его неотъемлемой и привычной частью. Это априорное и неосознанное восприятие чужого языка и, следовательно, его носителей, как интегрального элемента образа "собственного дома" и указывает на то латентное ментальное движение, которое все шире открывало византийца для освоения им чуждого тюркского мира, или же,

⁷ Шукров Р. Восточные этнические элементы в населении Трапезундской империи // 18 Международный конгресс византистов. Резюме сообщений. М., 1991. Т. 2. С. 1052–1053; Shukrov R. Oriental elements in the Population of the Empire of Trebizond // Acts, 18th International Byzantine Congress, Selected Papers: Main and Communications, Moscow, 1991 / Editors-in-Chief I. Ševčenko and G. Litavrin. Vol. 2: History, Archaeology, Religion and Theology. Shepherdstown, 1996. P. 75–81; *Idem*. Between Peace and Hostility: Trebizond and the Pontic Turkish Periphery in the Fourteenth Century // MHR. 1994. 9/1. P. 20–72; Шукров Р. Тюрки на православном Понте в XIII–XV вв.: начальный этап тюркизации? // Сб. Причерноморье в средние века. Вып. 2. М., 1995. С. 68–103; Он же. Имя и власть на византийском Понте (чужое, принятое за свое) // Чужое: опыты преодоления (очерки генезиса Средиземноморской ойкумены) (в печати); Он же. Латентная тюркизация: опыт византийского Понта // Byzantium. Identity, Image, Influence. Abstracts. XIX International Congress of Byzantine Studies. University of Copenhagen, 18–24 August, 1996. Copenhagen, 1996. № 3126.

⁸ См.: Шукров Р. Тюрки на православном Понте в XIII–XV вв. ...

⁹ См. изложение лингвистической концепции Берта Брендемоена (профессора Университета Осло) в нашей работе: Имя и власть на византийском Понте (чужое, принятое за свое). Раздел 6. Концепция Берта Брендемоена и "тюркоязычные византийцы".

¹⁰ См., например: Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988. С. 293–298; Вальденфельс Б. Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о "Чужом" // Логос. 1994. № 6. С. 77–94; Хестанов З.Р. Трансцендентальная феноменология и проблема истории // Логос. 1991. № 1. С. 67–75.

¹¹ Гадамер Х.-Г. Указ. соч. С. 296.

иными словами, которое расширяло горизонты византийца за счет включения элементов тюркского мира, прежде ему неизвестного или малоизвестного.

Ниже мы попытаемся развить тему горизонтов жизненного мира на другом, не менее красноречивом примере. Нам уже приходилось отмечать ориентализирующий сдвиг в топографической номенклатуре, циркулировавшей на Понте¹². В данной работе мы предлагаем выйти за пределы частной проблематики тюркских лексических заимствований и рассмотреть топографическую терминологию в более общем контексте топографических пределов актуального повседневного интереса, как они виделись понтийским греческим сознанием.

4. Трапезундских гороскоп на 1336–1337 гг.

От великокомниновской эпохи дошел до нас источник, будто бы нарочно созданный для решения подобных задач. Мы имеем в виду хорошо известный в науке "Трапезундский гороскоп 1336 года", сопровождающий астрономический альманах (таблицы расположения светил), составленный для города Трапезунда на период с 12 марта 1336 по 12 марта 1337 г. Гороскоп издавался дважды в начале этого века, а в 1994 г. английский исследователь Р. Мерсье впервые издал сам астрономический альманах, сопроводив его содержательным математическим и историческим комментарием, а также английским переводом предсказаний (перевод, правда, не избежал неточностей)¹³.

Альманах вплетен в рукопись № 525 мюнхенской Bayerische Staatsbibliothek, принадлежавшую Андрею Ливадину и содержащую автографы его произведений. Однако альманах и предсказания записаны не его рукой, маловероятно также, что он был автором астрономических расчетов и текста предсказаний; по хорошо обоснованному предположению Р. Мерсье, создателем альманаха являлся полу-легендарный Мануил – священник из Трапезунда, как предполагается, глава трапезундской астрономической школы и учитель Георгия Хрисокока; был ли Мануил автором предсказаний, сказать трудно, в любом случае, кроме астро-логических познаний гипотетический автор гороскопа обладал недюжинным знанием в медицине¹⁴.

Как показал Р. Мерсье, астрономические таблицы составлялись согласно календарно-математическим методам иранской астрономической школы, которые на рубеже XIII и XIV веков несколько потеснили традиционную для византийской астрономии птолемею систему¹⁵. Причем, составитель таблиц черпал знание об иранской астрономии из персидских первоисточников. Он помечал в таблицах счет дней по мусульманскому календарю наряду с христианским счетом времени. Фонетическая форма мусульманской календарной терминологии, зафиксированной в таблицах,

указывает на знание автором если не письменного, то по крайней мере разговорного персидского языка¹⁶.

Однако составитель альманаха, будучи приверженцем иранской школы астрономии и знатоком персидского языка, тем не менее являлся христианином и был причастен к собственно византийской космологической традиции. В таблицах астроном пометил не только христианские и мусульманские названия месяцев, но и даты главных христианских церковных праздников¹⁷. Он отдал дань и Птолемею, исходя из птолемеюевских географических координат Трапезунда и игнорируя новые и более точные арабо-персидские данные¹⁸.

То же можно сказать и об авторе гороскопа. "Христианский" характер предсказаний совершенно однозначно постулируется в самом начале гороскопа, где дата грядущего года дается по византийской системе от Сотворения мира. В самом тексте он сулит добро τὸ ἀγαθὸν ἡμῶν αὐθέντη, именуя царя "нашим"¹⁹. Язык гороскопа хотя и безыскусен, но вполне грамотен. Для последующего изложения нам важно подчеркнуть: нет сомнений в том, что гороскоп писался византийским подданным и греком.

Уникальность гороскопа обусловлена тем, что это – единственный во всей византийской письменности целиком сохранившийся астрологический прогноз общего характера²⁰, предназначенный не для индивида, но для коллективного адресата, а именно для всего трапезундского общества от царя и до простого народа (κοινὸς λαός). Гороскоп охватывает все слаты общества, но будучи создан как письменный текст, он ориентирован, можно думать, на высшие и на грамотные средние слои населения по преимуществу. Причем ориентированность предсказаний отчетливо отражена в самой структуре гороскопа: первая его половина разбита на отдельные главки, которые содержат общие предсказания для 1) василевсов, 2) вельмож, 3) грамматиков и нотариусов, 4) архиереев и клириков, 5) архонтов и воинов, 6) старцев и евнухов, и наконец, 7) предпринимателей (πραγματευταί) и торговцев.

Отметим, попутно, что само это перечисление представляет собою уже готовую "социологическую концепцию", некую таксономию социума, как она выделялась современнику. Причем, в этой "социологии" "простой народ" вообще не выделен в отдельный элемент таксономии, но "прилеплен" к концу седьмого разряда торговцев²¹, клир же и военное сословие, как это ни странно, поставлены ниже "грамматиков и нотариусов". Подавляющая часть предсказаний прямо называет своим адресатом помимо царя, либо знать и чиновничество (μεγιστάνες²², μέγιστοι²³, ἀνθρώποι μεγάλοι²⁴, ἄρχοντες²⁵, στρατιῶται/στρατός/στρατοπέδα²⁶, νοτάριοι²⁷,

¹⁶ На это указывает достаточно высокая степень точности в передаче арабских имен месяцев. Вместе с тем, ударения в некоторых случаях проставлены в согласии с орфоэпическими правилами персидского языка: σαφάρ, ρατζάп (тогда как в арабском произношении ударение должно падать на первый слог); Mercier R. Op. cit. P. 40, 42, 52, 54.

¹⁷ См. пометки на полях таблиц: Ibid. P. 30–55.

¹⁸ Ibid. P. 76–77.

¹⁹ Lampros Sp. Op. cit. P. 38⁸.

²⁰ Ср.: Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. 2. S. 244–257.

²¹ Lampros Sp. Op. cit. P. 40²⁷.

²² Ibid. P. 39⁸, 21–23, 28; 41²⁰, 42²⁰, 43¹⁵, 44^{6, 16}, 45¹¹.

²³ Ibid. P. 41¹⁸.

²⁴ Ibid. P. 43¹².

²⁵ Ibid. P. 38¹⁰, 40⁶.

²⁶ Ibid. P. 38⁹, 40^{6–9}, 43⁶, 44^{5, 25}, 45^{5, 14–15}.

²⁷ Ibid. P. 39^{24–25}, 43^{6, 12}.

¹² См.: Шукров Р. Имя и власть на византийском Понте. Раздел 5. Двуйменность мира.

¹³ Andreae Libadeni Trapezuntii praedictiones pro anno mundi 6844–1336 p. Chr. n., excerpta ex Cod. 12 (Monac. 525), Codices Germanicos / Desc. F. Boll. Bruxellis, 1908 // CCAG. 1908. 7. P. 152–160; Τραπεζουντιακὸν ὠροσκόπιον τοῦ ἔτους 1336 / Ξεκδ. Σπ. Λάμπρος // NE. 1916. 13. C. 33–50 (Далее: Lampros Sp.); Mercier R. An Almanac for Trebizond for the Year 1336 / Corpus des astronomes byzantins. T. VII. Louvain-la-Neuve, 1994. О гороскопе см. также: Tihon A. Tables islamiques à Byzance // Byzantion. 1990. T. 60. P. 417–418; Eadem. Études d'astronomie byzantine. Variorum Reprints. L., 1994. N VI.

¹⁴ Mercier R. Op. cit. P. 79, 92–96, 154. О трапезундском священнике Мануиле см. также: Tihon A. L'astronomie byzantine (du Ve au XVe siècle) // Byzantion. 1981. T. 51. P. 616–618; Eadem. Les tables astronomiques persanes à Constantinople dans la première moitié du XIVe siècle // Byz. T. 57. 1987. P. 473, 477–479, 481–482, 484. Not. 67; Eadem. Tables islamiques à Byzance. P. 418; Eadem. Études d'astronomie byzantine... N I, V, VI).

¹⁵ Pingree D. Gregory Ghoniades and Palaeologan Astronomy // DOP. 1964. Vol. 18. P. 133–160; Tihon A. Les tables astronomiques persanes...

γραμματικοί²⁸, εὐνοῦχοι²⁹, ὀνομαστικοὶ καὶ εὐγενεῖς γέροντες³⁰), либо клир (ἀρχιερεῖς καὶ κληροί³¹, μοναχοί/μονάζοντες³², ἱερεῖς³³), либо торговцев (крупные торговцы, предпринимавшие дальние поездки; перекупщики, торговавшие привозными товарами; мелкие торговцы-пазариоты)³⁴.

После общих предсказаний следуют прогнозы по временам года (начиная с весны), а затем – по декадам каждого месяца. Основные темы гороскопа – предсказания относительно удачи в профессиональной деятельности, обогащения, урожая, торговой конъюнктуры, здоровья и болезней, погоды, природных и социальных катаклизмов, бытовой преступности. Причем следует отметить, что гороскоп – представляя собою непосредственное, временами наивное повествование – носит сугубо утилитарный характер, а это обстоятельство, по-видимому, и убергло его содержание от литературной обработки или подгонки под нивелирующее риторическое "должное". Эти особенности делают гороскоп совершенно уникальным источником для реконструкции обыденного сознания, а именно ценностных установок, чаяний, повседневных интересов, страхов и радостей³⁵.

Таким образом, предсказания, будучи сами по себе каталогом повседневного интереса, фиксируют типическую интенциональность наиболее деятельных, динамичных и образованных страт общества, причастных к власти и богатству.

5. Топографический горизонт обыденного интереса

Итак, зададимся вопросом, как далеко за пределы самой империи простиралось внимание понтийского византийца в его каждодневных трудах, до каких *топографических пределов* доходил его повседневный насущный интерес? Иными словами, какое знание о внешнем мире стало интегральной частью трапезундской обыденности?

Топонимический горизонт предсказаний ошеломляет своей неожиданностью.

На севере предсказания упоминают только Татарию (Τατάρια³⁶), т.е. золотоордынские владения, а также "хазарейские земли" (χωρὰς τῆς Χαζαρίας³⁷) – для этой эпохи наименование, по всей видимости, почти синонимичное Татарии/Золотой Орде и обозначающее Крым и Кыпчакскую степь³⁸.

Из анатолийских топонимов упомянуты Туркия (Τουρκία³⁹) – распространенное в ту эпоху обобщенное наименование тюркской Анатолии⁴⁰, в Восточной Анатолии и

Сирии – Курдистан (Κουρτίσταν⁴¹), Амид ('Αμῆτιν⁴²), сама Сирия (τὸ Σιῶν · "εἰς τὸ Σιῶνιν"⁴³), Мосул (Μουσοῦλ⁴⁴).

Подробно представлена топонимика Ирака и Западного Ирана: Багдад (Βαβυλῶν⁴⁵), Муган (Μουγάν⁴⁶), Гилян (Κοιλάνιν⁴⁷), Табриз (Ταυρέζ⁴⁸).

Далее на юг – упомянуты Палестина⁴⁹, Египет (Μήστριν⁵⁰). Присутствует также указание на загадочные τὰ πέριξ τοῦ Χάτζης⁵¹. Р. Мерсье толкует это словно как топоним – малоизвестный в средневековые городок Hazza (Hezza) в Южном Курдистане. На наш взгляд, более вероятно, что τὰ πέριξ τοῦ Χάτζης следует переводить как "земли в окрестностях паломничества (хаджжа)", под которыми подразумевалась область двух мусульманских священных городов в Аравии – Мекки и Медины⁵². Если наша гипотеза верна, то аравийские Священные города – самая удаленная точка географии трапезундского обыденного интереса.

И наконец, под именованием Восток ('Ανατολή⁵³), по всей видимости, обобщены мусульманские тюрко-ирано-арабские земли востока и юга.

Вместе с тем, по убеждению составителя гороскопа, трапезундца в его повседневных заботах вряд ли может заинтересовать что-либо конкретное в христианской ойкумене – в гороскопе не упомянут *ни один* христианский топоним. Возможно, что христианские земли подразумеваются в предсказаниях под неким обобщенным "Западом" (Δύσις), упомянутым дважды (ἀνδροκτασίαν εἰς τὴν Δύσιν и εἰς τὴν Δύσιν μέγας θάνατος)⁵⁴. Однако даже и в этом случае нельзя полностью исключить вероятности того, что под "Западом" имеются в виду анатолийские территории, по преимуществу прилегавшие с запада к границам империи и находившиеся во владениях тюрков.

Два обстоятельства поражают более всего: отсутствие в гороскопе упоминаний, во-первых, Константинополя, во-вторых, итальянских черноморских поселений. Между тем, как хорошо известно по другим источникам, и Константинополь, и итальянские черноморские фактории играли первостепенную роль в политике и торговле Трапезунда⁵⁵. Причем отметим, что в отношении Константинополя понтийская политико-идеологическая рефлексия продолжала пребывать в русле общевизантийской традиции. В хронике Михаила Панарета Константинополь

⁴¹ Ibid. P. 41³¹.

⁴² Ibid. P. 40³¹.

⁴³ Ibid. P. 43⁹; комментарий Сп. Лампроса: P. 48–49. Об этом и подобном варианте топонима см.: Shukurov R. The Campaign of shaykh Djunayd Safawi against Trebizond (1456 AD/860 H) // BMGS. 1993. 17. P. 135.

⁴⁴ Lampros Sp. Op. cit. P. 44²⁷.

⁴⁵ Ibid. P. 39¹⁸.

⁴⁶ Ibid. P. 41¹.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Ibid. P. 39¹⁸. У Михаила Панарета: ἐν τῷ ὄρει τοῦ Ταυρεζίου (Μιχαὴλ τοῦ Παναρέτου περὶ ὧν Μεγάλων Κομνηνῶν, εκδ. 'Οδ. Λαμπιδης. Αθήναι, 1958. P. 62⁷; Bryer A.A.M. The ate of George Komnenos Ruler of Trebizond (1266–1280) // BZ. 1973. Bd. 66. P. 340 = *Idem*. The Empire of Trebizond and the Pontos / Variorum collected studies series. L., 1980. N IV).

⁴⁹ Lampros Sp. Op. cit. P. 39¹⁸.

⁵⁰ Ibid. P. 40³¹.

⁵¹ Ibid. P. 41⁵; поправка Р. Мерсье в прочтении топонима: Mercier R. Op. cit. P. 155. Not. 6.

⁵² Это толкование, во-первых, в большей степени отвечает общей логике предсказаний, обозначивших наиболее крупные и значительные географические точки зарубежья, а во-вторых, оно более корректно расшифровывает слово Χάτζ – точное фонетическое соответствие арабского ḥājj, "хаджж", "паломничество".

⁵³ Lampros Sp. Op. cit. P. 43³¹.

⁵⁴ Ibid. P. 43⁸; 45^{15–16}.

⁵⁵ Karпов S.P. Op. cit.; Карпов С.П. Трапезунд и Константинополь в XIV в. // ВВ. 1974. Т. 36. С. 83–99.

²⁸ Ibid. P. 39⁹, 25–28, 42¹⁷; 43¹⁵, 18, 26, 44¹⁷, 22, 45⁷, 23.

²⁹ Ibid. P. 40^{10–15}; 43⁵, 15, 24, 44²⁶, 45⁸.

³⁰ Ibid. P. 40^{10–15}, см. также 43²⁸; 44⁹, 24, 30, 45²⁴.

³¹ Ibid. P. 40^{6–9}; 43²³.

³² Ibid. P. 42¹⁷; 44⁶.

³³ Ibid. P. 43⁵.

³⁴ В литературе подробно анализировались данные гороскопа о трапезундской торговле: Zachariadou E. Trebizond and the Turks (1352–1402) // AP. 1979. Vol. 35. P. 353. Подробнее см.: Karпов S.P. L'impero di Trebisonda, Venezia, Genova e Roma. 1204–1461. Roma, 1986, P. 18, 41, и особ. – P. 46; Lampros Sp. Op. cit. P. 40^{19–22}, 27–28, а также P. 44⁷.

³⁵ Первый, может быть, слишком общий и торопливый анализ текста гороскопа как источника по византийской повседневности предпринят не так давно М. Варвунисом: Varvounis M.G. 'Οφεις τῆς καθημερινῆς ζωῆς στὴν Τραπεζοῦντα τοῦ 14ου αἰῶνα – 'Η μαρτυρία τοῦ 'Οροσκοποῦ τῆς Τραπεζοῦντος (1336) // AP. 1994. Vol. 45. P. 18–36. В качестве приложения к статье воспроизведено издание гороскопа Сп. Лампросом.

³⁶ Lampros Sp. Op. cit. P. 44¹⁶.

³⁷ Ibid. P. 41²²; комментарий Сп. Лампроса: P. 48.

³⁸ Ibid. P. 41²²; 44¹⁶; Шукуров Р. Тюрки на православном Понте в XIII–XV вв. ... С. 84 (№ 57), 87.

³⁹ Lampros Sp. Op. cit. P. 44¹⁶.

⁴⁰ К XIV в. именованная "Страна тюрков", "Туркия" превратились в обычные названия для мусульманской Анатолии не только в греческой, но и в арабской, персидской, армянской традиции.

наделен более высоким статусом, нежели сам Трапезунд: Константинополь в большинстве случаев именуется "Городом" (πόλις, μεγαλόπολις и μεγάλη πόλις), тогда как столица империи Трапезунд остается всего лишь Трапезундом, одним из "городов"⁵⁶.

Не исключено, что "Татария" и "хазарейская земля" включали в себя и итальянские фактории в Северном Причерноморье, а под "Западом" подразумевалась палеологовская Византия и Константинополь. Даже если это так, сам "тюркизирующий" характер генерализации в первом случае и слишком отстраненное обобщение во втором – говорят о многом.

Перечень упоминаемых этнонимов, которые по своей природе тесно связаны с топонимией, только подтверждает представленную выше картину. Из христианских народов в первую очередь упомянуты сами "жители ромейской земли" (οἱ δὲ ἐν ταῖς χώραις τῶν Ῥωμαίων), под которыми подразумевались прежде всего понтийцы, которым и предназначался этот гороскоп⁵⁷. Можно предположить, что множественное число χώραι охватывает государства Палеологов и Дук Эпира и косвенно указывает на фактическую расколотовость и многоцентрированность византийской ойкумены. В двух случаях названы "христиане"⁵⁸, в первом из них (ἐν πᾶσι τοῖς Χριστιανοῖς) однозначно подразумевались не только понтийцы, но и весь христианский мир. Как бы то ни было, оба этноконфессиональных термина слишком уж обобщенно обозначили христианский мир за пределами Понта.

Приведенная в предсказаниях палитра представителей мусульманского мира много более дифференцирована и конкретна, она указывает на то внимание, которое оказывали трапезундцы реальному этногосударственному строению мусульманского мира: названы турки⁵⁹, татары⁶⁰, арабы⁶¹, присутствует и обобщенное именование агаряне⁶², синонимичное "мусульманам".

Как мы видим, в своей обыденной жизни грек-понтиец стоял спиной к христианскому Западу и лицом к тюрко-ирано-арабскому Востоку. Несмотря на "иранизированность" астрономической базы предсказаний вряд ли можно заподозрить автора гороскопа в сознательном или бессознательном искажении общей картины интересов его соотечественников; как мы показали выше, автор предсказаний принадлежал к понтийской византийской среде, будучи христианином и греком.

6. Главные потребители информации о Востоке

Контекст, в котором упоминаются топонимы и этнонимы, достаточно точно указывает на потребителя информации о загранице. Эти сведения, как правило, имеют конкретного адресата – либо политика, либо торговца, либо их обоих, и носят сугубо утилитарное значение, применимое, как, наверно, полагал составитель гороскопа, в планировании конкретной рутинной деятельности в грядущие месяцы. На это есть достаточно точное указание в тексте гороскопа.

Так, в общем предсказании для царей (о нем мы уже упоминали выше) сообщается, что в наступающем году "...время от времени будут наследоваться [царства], в особенности, в Вавилоне, Табризе, Палестинском царстве, и много

слухов о них, и [в делах их] по большей части неопределенность"⁶³. В общем предсказании для "предпринимателей и торговых людей" сообщается: "Войны же будут во многих местах и человекоубийство. В особенности в Амиде, Мисре, Курдистане, в // Гиляне в Мугане, особенно, в течение всего месяца апреля"⁶⁴. Затем, в том же отрывке, предсказав повышение цен на хлеб, ячмень и другие продукты, астролог предрекает, что в наступающие месяцы, "наибольшее стеснение будет в [землях] турков и арабов и в землях в окрестностях хадджа"⁶⁵.

Таким образом, по мысли предсказателя, именно для политиков и торговцев в их повседневных заботах должны были оказаться интересными и необходимыми сведения о мусульманских территориях, как близких, так и весьма отдаленных. Можно, следовательно, предположить, что и другие предсказания о мусульманских территориях, рассыпанные ниже по частным предсказаниям на времена года и отдельные месяцы, также предназначались для царей и торговцев: весной ожидалось появление саранчи в "землях хазарейских", в апреле – мор в Сирии, в июне – смута на Востоке, в августе – войны в Турции и Татарии, в сентябре – великая беда в Мосуле, и наконец, в октябре – чума и неурядицы в землях арабов и турков.

Бросается в глаза сугубая негативность продуктов "футурологической экспертизы" почти для всех этнотопографических единиц за пределами империи. Это лишь подчеркивает утилитарный характер гороскопа. Астролог концентрируется на катастрофических прогнозах, отвечая потребностям политиков и торговцев, для которых жизненно важным было знать о событиях, кардинально изменяющих существующие взаимоотношения империи с мусульманскими соседями-соперниками⁶⁶, так и обычный ход торговли на Востоке и Севере.

Вместе с тем указанная обращенность информации о мусульманском зарубежье к политикам и торговцам отнюдь не сужает область ее хождения и фактического повседневного к ней интереса. Напротив, было бы естественным предположить, что международное политическое и торгово-экономическое положение империи интересовало много более широкий круг образованных византийцев Понта, патриотов своей державы и своей культуры. Вряд ли можно сомневаться, что образованные клирики, военно-родовая знать, а также люди интеллектуальных профессий (чиновники, юристы, писцы, преподаватели и т.п.) проявляли интерес к международной политике и торговле, а если это так, то можно думать, что гороскоп обрисовывал также и их топографический горизонт.

Обсужденные выше данные вовсе не означают, что понтийцы не знали других городов, народов и стран. Например, хроника Михаила Панарета – единственный понтийский текст, который содержит систематическое изложение официальной военно-политической и дипломатической истории империи, даст нам иной набор топонимов и обрисует нам существенно отличающийся горизонт, не вполне совпадающий с только что описанным. Панарет воспроизводит топографию официозного, идеологизированного политического интереса и фактической военной истории Трапезундской империи. В центре его топографической картины стоит даже

⁶³ *ibid.* P. 39¹⁷⁻¹⁹. См. также выше § 5.

⁶⁴ *Ibid.* P. 40³⁰⁻⁴¹.

⁶⁵ *Ibid.* P. 41²⁻⁵.

⁶⁶ Хотя нельзя не отметить в связи с этим, что топографический горизонт гороскопа на Востоке много шире тех дипломатических горизонтов Трапезундской империи, которые мы в состоянии восстановить по сохранившимся источникам. Так, совсем ничего не известно о сношениях Трапезунда в XIV в. с Золотой Ордой, Египтом, с восточноанатолийскими, сирийскими эмиратами, Палестиной, и тем более – с Аравией ("земли хадджа"?). О политических связях с монгольским Ираном известно лишь для предыдущей эпохи – для второй половины XIII в. (*Bryer A.A.M. The Fate of George Komnenos...; Idem. The Grand Komnenos and the Great Khan at Karakorum in 1246 // Res Orientales. T. VI (Itinéraires d'Orient. Hommages à Claude Cahen). 1994. P. 257-261.*)

⁵⁶ Panaretos. Index.

⁵⁷ *Lampros Sp. Op. cit.* P. 39⁵⁻⁶.

⁵⁸ *Ibid.* P. 38⁷; 44²².

⁵⁹ *Ibid.* P. 41⁴; 44¹⁸; 45².

⁶⁰ *Ibid.* P. 42¹⁻².

⁶¹ *Ibid.* P. 41⁴; 45².

⁶² *Ibid.* P. 44⁷.

не Трапезунд, но Константинополь⁶⁷ – вожаемая мечта Великих Комнинов, по крайней мере на протяжении XIII в. Точно так же свои особенности имеют внешние миры в текстах церковного характера, в энкомиях (особенно, текст Виссариона), в интеллектуализированных путевых записках Ливадины и т.д.⁶⁸ Каждый из разрядов источников отражает разные измерения сознания, различные его "голоса" и "тональности". Отмеченное обстоятельство свидетельствует только о том, что действительный горизонт жизненного мира сложен по своему составу и складывается из множества частных сегментов, накладывающихся друг на друга и взаимодополняющих друг друга. Настоящее исследование было посвящено реконструкции лишь одного из многочисленных сегментов действительного горизонта.

7. Итог

Итак, подведем некоторые итоги. Как удалось установить, у понтийских византийцев центр тяжести обыденного интереса во внешнем мире был явно смещен в сторону тюрко-ирано-арабского Востока. Таким образом, гороскоп фиксирует процесс *ориентализации* обыденных интенциональных установок, причины которой, мы думаем, следует искать прежде всего в воздействии имеющегося политико-экономического и этнокультурного окружения, в котором оказались понтийские византийские территории после 1204 г. Оторванность Понта от ядра византийского мира, политическое давление мусульманского Востока и в немалой степени сложившаяся торгово-экономическая реальность заставляли трапезундских торговцев и политиков – в той мере, в какой они зависели от доходов торговли, – встать лицом к Востоку.

Описанный в настоящей работе феномен вносит некоторые дополнения в развиваемую нами концепцию *латентных* изменений в византизме под воздействием встречи с тюркским миром. Отмеченная ориентализация "обыденной географии" понтийцев представляла собой другую, так сказать, *внешнюю* компоненту того сложного подспудного и более общего процесса, который теперь, по итогам настоящего исследования, мы предпочли бы называть *латентной ориентализацией*. Внутренняя тюркизация в этом процессе была, по-видимому, лишь одной, хотя и немаловажной движущей силой. Не только тюркизация, шедшая "изнутри" византийского общества, но и воздействие той изменившейся политико-экономической и этнолингвистической среды, в которой это общество существовало начиная с начала XIII в., повлекли за собой изменения в *содержании* горизонтов византийской ментальности, заметное раздвижение горизонта за счет мира Востока.

Постулируемая ориентализованность формировалась в результате аккумуляции в сознании *потока частных опытов*, как негативных (война, политико-конфессиональная конфронтация), так и позитивных (тюркское присутствие "в собственном доме", торговля, информационный обмен и т.д.). В итоге и в ходе этой ориентализации византиец постепенно лишался былого автаркического иммунитета по отношению к внешнему не византийскому негреческому миру.

Конечно, возникает закономерный вопрос: насколько приложимы сделанные выводы к другим поздневизантийским обществам? На этот вопрос пока нет доказательного ответа. Как можно предположить по ряду косвенных данных, процессы внутренней тюркизации византийского общества проявились в той или

иной мере на большей части византийского мира (в Западной Анатолии в XII–XIV вв., на Балканах в XIV–XV вв.)⁶⁹. Вместе с тем описанная в настоящей работе ориентализация горизонтов обыденного интереса, по крайней мере в отмеченных масштабах, может оказаться явлением, характерным исключительно для понтийского византийского анклава. Можно предположить, что понтийское обыденное сознание претерпело много большую меру ориентализации, нежели западно-византийские общества. Однако систематическое доказательство высказанной гипотезы – дело будущего.

Как бы то ни было, на частном примере понтийского ареала мы предлагаем избежать концептуальной бинарности двух главных подходов к проблеме греко-тюркской встречи – концепции конфронтации (Сп. Врионис) и концепции "примирения" (М. Баливе) – благодаря особой *интериоризирующей процедуре*. Опробованная нами методика, базирующаяся на феноменологической реконструкции горизонтов жизненного мира, предоставляет возможность в измерении актуального, действительного сознания свести в непротиворечивое единство весь многообразный поток опыта, который греки обретали в результате встречи с тюркским миром. В предложенном ракурсе главным предметом рассмотрения становится не культурный, политический или экономический факт взаимоотношений, но феномен византийского сознания, как такового. Не столь важны внешние обстоятельства этого опыта – обретался ли он на полях сражений или в ситуации "мирного взаимодействия" информацией, важно то, какой след оставлял этот опыт в данности византийской ментальности. Акцент, таким образом, переносится с эксплицитных проявлений греко-тюркских контактов (по преимуществу негативных у Сп. Вриониса и по преимуществу позитивных у М. Баливе), на то, как византийское сознание в действительной неразделенности *переживало* весь свой многообразный опыт встречи с чуждым.

Предложенный в настоящей работе подход, как представляется, создает новые возможности для реконструкции механизмов освоения тюрками византийского пространства, а значит, и для воссоздания адекватной картины исторического проигрыша византийской цивилизации во всей его сложности и глубине.

⁶⁹ О тюрках на западновизантийских землях см., например: Atabinen R.S. Les Turcs à Constantinople du Ve au XVe siècle // Revue d'Histoire diplomatique. 1953. T. 67. P. 338–364; Vryonis Sp. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor... P. 76; Idem. Nomadization and Islamization in Asia Minor... P. 59; Zachariadou E. Notes sur la population de l'Asie Mineure turque au XIVe siècle // BF. 1987. Bd. XII. P. 225–226; Savvides A.G.C. Late Byzantine and Western Historiographers on Turkish Mercenaries in Greek and Latin Armies: the Turcoples/Tourkopouloi // The Making of Byzantine History. L., 1993. P. 122–136; Necipoglu N. Ottoman Merchants in Constantinople during the First Half of Fifteenth Century // BMGS. 1992. Vol. 16. P. 158–169 (в последней из упомянутых статей подтверждается новейший материал о мусульманских жителях Константинополя, которых, в частности, василевс Мануил II однажды назвал "нашими турками"). Проникновение тюрков в сельские и городские низы подтверждается западновизантийским актовым материалом, зафиксированном у Э. Траппа (Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit. Wien, 1976. Bd. 1), но пока не получившем систематического рассмотрения в интересующем нас аспекте. Ряд восточных имен из западновизантийского актового материала отмечен в нашей анкете, в качестве параллелей для понтийской антропоники (Шукуров Р. Тюрки на православном Понте в XIII–XV вв. ... С. 75–84). Значительная часть тюркских лексических элементов, зафиксированных в византийских источниках, собрана у Д. Моравчика (Moravcsik G. Byzantinoturcica. Leiden, 1983. Bd. 2).

⁶⁷ См. примеч. 56.

⁶⁸ Bessarion. 'Εγκώμιον εἰς Τραπεζοῦντα / Ed. O. Lampsides // AP. 1984. Vol. 39; 'Ανδρέου Λιβανίου βίος καὶ ἔργα / 'Εκδ. 'Ο Λαμπιδής // AP. Παράρτημα, 7. Αθήναι, 1975.

А.А. Талызина

БАЛЛИСТАРИИ НА ВЕНЕЦИАНСКИХ ГАЛЕЯХ РОМАНИИ

Значимость морской торговой навигации в жизни Венецианской Республики – одной из ведущих держав европейского средневековья – обусловила интерес историографии к истории венецианского морского флота. На наш взгляд, можно выделить несколько основных направлений исследований, восходящих еще к "Истории итальянского морского флота" К. Манфрони¹: 1) историко-правовое; 2) конкретно-историческое (маршруты и условия навигации, событийная канва); 3) культурно-бытовое (повседневная жизнь на галеех, рацион питания и т.д.); 4) исследование чисто технической стороны вопроса (типология судов, технология и техника судостроения и связанных с ним отраслей: изготовление парусов, канатов, якорей и т.д.).

Проблема, рассматриваемая в данной статье, не может быть с определенной долей уверенности отнесена ни к одному из названных направлений. В ней через конкретно-исторические и культурно-бытовые стороны организации плавания отразились правовые аспекты функционирования всей той сложной системы, которая получила в историографии наименование «навигация галей "линии"». Мы выбрали именно такой ракурс исследования, исходя из того, что если история собственно навигации во многом изучена, то история людей, осуществлявших эту самую навигацию, – нет. В статье мы попытаемся лишь отчасти заполнить эту лауну в историографии, начав с самой низшей ступени в иерархии официалов на галеех – с баллистариев (существенным, с нашей точки зрения, является то, что баллистарий, равно как и патрон, и капитан – не профессия, а именно должность) и с самого начала службы – с процедуры найма на судно.

Быстрота и главное надежность перевозок являлись основными приоритетами в функционировании системы галей "линии", что обеспечивало ключевую роль баллистариев в экипаже: ведь именно от них во многом зависела боеспособность судов. Источники отражают тенденцию к росту числа баллистариев на галеех: от 12 в 1350 г. до 32 в 1437 г.² Кроме того, в отдельных случаях (война, рост пиратской активности) число баллистариев могло временно увеличиваться постановлениями Сената. Особую группу среди баллистариев составляли так называемые *pobili da pore* (нобили кормы). Как правило, это были молодые люди из патрицианских фамилий, начинавшие таким образом свою карьеру на флоте. Согласно постановлению Сената от 14 июня 1397 г., из общего числа баллистариев галей, набираемых патроном, четверо могли быть нобиями³. "Commissio capitaneo galearum Romanie" (1412) вносит определенные коррективы: отныне патрон обязан

иметь по меньшей мере трех баллистариев-нобилей, четвертого же по своему усмотрению. Такие изменения вносятся Сенатом из стремления "оказать помощь многим нуждающимся нобиям, пригодным к морской службе и не имеющим достаточных средств для жизни"⁴. Отчетливо прослеживается тенденция к увеличению числа нобилей-баллистариев на галеех: от трех-четырех в конце XIV – начале XV в. до шести, а с 1455 г. до восьми⁵. Однако, если имена патронов галей известны почти всегда, информация о капитанах (пусть и с меньшей полнотой) также представлена в документации Большого Совета и Сената, то сведения о баллистариях, которыми мы располагаем, как правило, крайне отрывочны и дошли до нас лишь по счастливой случайности. Впрочем, для самих арбалетчиков такое стечение обстоятельств, позволившее им не кануть в Лету, никак не назовешь счастливым: ведь речь идет о документах, отразивших различного рода конфликтные ситуации. В фонде *Notatorio del Collegio* Венецианского государственного архива хранится ряд решений по петициям нобилей, сетовавших на различные нарушения при назначении баллистариев, а также прошения самих баллистариев, связанные главным образом с финансовыми затруднениями последних⁶. В еще более экстремальной ситуации находился Томмазо Дандоло, баллистарий галей Фландрии 1383 г., чье имя сохранилось в "Списке приговоров по уголовным делам, касающимся моря", опубликованном К. Манфрони. Этот молодой человек, вступив в препирательство с консилиарием, советником капитана, кинул в него яйцо, едва не попав в голову, за что и был осужден на три месяца тюрьмы⁷.

При всем интересе подобных документов очевидно, что за их рамками остается повседневная жизнь баллистариев, и уж тем более такого рода единичные свидетельства не могут подлежать какой-либо статистической обработке. Источник, которой мы представляем в данной нашей статье, счастливо сочетает в себе несколько достоинств: содержащийся в нем материал, массовый по своей природе, не утратил вместе с тем индивидуальности каждой отраженной в нем ситуации. Общеизвестно, что прежде чем быть нанятыми в качестве баллистариев, претенденты должны были пройти специальные испытания. Отбор арбалетчиков-попаланов осуществлялся патронами непосредственно в тире, где они демонстрировали свое искусство стрельбы из арбалета. Возраст баллистариев определялся в 20–40 лет⁸, но такие возрастные рамки, очевидно, не были постоянными⁹. К сожалению, мы не располагаем документальными свидетельствами того, как проходили испытания попаланов, но с "нобиями кормы" дело обстоит иначе. Сохранились два регистра так называемых "Prove" из фонда *Avogaria di Comun* Венецианского государственного архива¹⁰. Ранее с этими материалами работала только швейцарская учена Д. Штэкли. Результатом ее исследования стали несколько таблиц в

⁴ SSCF. IV, f. 26v, par. 101.

⁵ *Sacerdoti A.* Note... P. 81.

⁶ *Ströckly D.* Le système de l'Incanto des galées du marché à Venise (fin XIIIe – milieu XVe siècles). Leiden; New York; Köln, 1995. P. 277.

⁷ *Manfroni C.* La disciplina dei marinai veneziani nel sec. XIV // *Atti e Memorie della R. Accademia Pataviana di scienze, lettere ed arti.* Padova. 1901/1902. Vol. 18. P. 6. Doc № VII, par. 38.

⁸ SSCF. IV, f. 26v, par. 101.

⁹ Ср.: *Карпов С.П.* Путями... С. 112: 22–50 лет.

¹⁰ ASV; *Avogaria di Comun.* (Далее: AC); *Prove* (1) 177. (Далее: (1)) (1430–1436) и *Prove* (2) 178. (Далее: (2)) (1444–1452). Мы работали с копиями документов, относящимися к причерноморскому региону. В целом это 37 листов in folio из первого картулярия и 67 – из второго. Сохранность документов, за исключением нескольких листов, хорошая. Основной текст на латыни, написан беглым нотариальным курсивом со стандартными аббревиатурами и контракциями. Встречаются пометы на полях на венецианском диалекте, почерк которых более труден для прочтения (см., например: (2) f. 218r–219r). Сведения за 1436 и 1452 гг. сохранились неполностью. Благодарим С.П. Карпова за все предоставленные материалы.

¹ *Manfroni C.* Storia della marina italiana. Livorno. T. 1. 1899; T. 2. 1902.

² *Карпов С.П.* Путями средневековых мореходов. М., 1994. С. 97; *Sacerdoti A.* Note sulle galere da mercato veneziane nel XV secolo // *Bolletino dell'Istituto di Storia della Società e dello Stato.* 1962. T. IV. P. 81 (32 с 1443 г.).

³ Цит. по: *Archivio di Stato di Venezia.* (Далее: ASV); *Senato, Secreta, Commissioni, Formulari.* (Далее: SSCF). IV, f. 26v, par. 101. По мнению С.П. Карпова, – 3 (*Карпов С.П.* Путями... С. 97).

монографии, посвященной венецианской навигации¹¹. Для нас особый интерес представляла табл. 5. С. "Число избраний на пост баллистария для одного человека", содержащая информацию по 622 персоналиям и 1671 "вакансии", причем эта цифра включает в себя баллистариев как галей, так и невооруженных судов¹².

Наша задача гораздо скромнее: на материале, относящемся сугубо к галейм Рومании, проанализировать процедуру испытаний и, если это возможно, выявить специфику данного направления вояжей галей "линии", по сравнению с теми общими выводами, к которым пришла Д. Штэкли. Вместе с тем, тот факт, что из известных нам 622 баллистариев около 200 служили на галейх Румании, в очередной раз подтверждает значимость для Венецианской Республики именно этого направления навигации, а также делает анализируемые нами материалы, как нам кажется, достаточно репрезентативными. Сама процедура апробации баллистариев никогда не была предметом специального исследования. Между тем она не только показывает, как на практике выполнялись те или иные постановления Сената и нормы законодательства, но и может, с нашей точки зрения, служить индикатором стабильности системы навигации галей "линии" в целом.

Полное название нашего источника "Prove di età per patroni di galere ed altre cariche" дает о нем лишь самое общее представление, поскольку, помимо проверки возраста, зачастую исследовались и другие вопросы: например, законность происхождения претендента на должность, подлинность документов, предъявляемых при освидетельствовании и т.д. Специальная комиссия, состоящая из трех адвокатов коммуны, была призвана освидетельствовать не только патронов и баллистариев как галей и галер, так и невооруженных судов, но и старших сыновей патрицианских семейств, входящих в Большой Совет (минимальный возраст 20 лет; законности происхождения в таком случае, естественно, уделялось особое внимание¹³), лиц, избранных членами Квартант, главами Секстерий (минимальный возраст 30 лет), камерариями коммуны, кастелланами (минимальный возраст 25 лет) и прочими официальными. Однако во всех случаях сама процедура апробации идентична. Остановимся на ней подробнее.

Материалы "Prove" еще раз подтверждают особый статус галей как "navigia armata", ведь на должность баллистария на них, как и на галерах Гольфа, т.е. специализированных военных судах, могли претендовать молодые люди 20 полных лет, в то время как на невооруженных судах арбалетчики служили, начиная с 18 лет. Ключевыми фигурами в процедуре апробации являлись, естественно, свидетели. В качестве последних могли выступать как родственники претендента, так и посторонние лица. Мы проанализировали около 200 случаев, в 40 из которых свидетелем выступал отец будущего баллистария, в 16 – мать (отец умер) и в 3 – мать при живом отце, в 9 – братья либо иные родственники (по крайней мере лица, носящие ту же фамилию, что и претендент¹⁴), в 1 случае – жена, в 1 – кормилица и,

наконец, в 9 – лица, родственные связи с которыми не могут быть выявлены (что, впрочем, не исключает их наличия, например, по женской линии). В остальных случаях признавались действительными данные предыдущих испытаний (об этом будет сказано далее). Иногда (три случая) принимались к освидетельствованию письменные документы. Речь идет о своего рода "свидетельствах о рождении". Так, например, Альвизио Приули, сын умершего Пьетро (далее ум. Пьетро и т.д.) был освидетельствован "per scripturam patris per quam apparet dictum ser Alvisium natum fuisse die 17 februarii 1425 et probavit dictam scripturam fuisse dicti eius patris per viros nobiles ser Benedictum et ser Augustum de Priolis eius fratres"¹⁵. Очевидно, подобные документы нуждались в дополнительной аутентификации.

Вообще в качестве свидетеля предпочитался живой отец. Только его показания, как правило, не нуждались в дополнительном подтверждении. Во всех других случаях фигурирует либо два свидетеля, либо один основной свидетель (мать, жена и т.д.) и два лица, заверяющих его показания.

Посторонние лица, принимавшие участие в освидетельствовании, могли быть как нобилем, так и пополаном¹⁶, при явном преобладании первых. Интересно, что среди свидетелей встречаются и бывшие рабыни. Так, при апробации Франческо Манолессо ум. Марко были приняты показания "Марии Манолессо, некогда рабыни названного господина Марко, проживающей в доме Франческо, и Марины Манолессо, некогда рабыни нобиле Маттео Пезаро"¹⁷. Очевидно, рабыней являлась и некая Маргарита, кормилица Альвизио Колона¹⁸. Статус свободных женщин, дававших показания, определяется, как правило, по мужу: например, "госпожа Катарина, жена Джорджо с Нигропонта из прихода S. Maria nove"¹⁹, "госпожа Катарина, жена магистра Бернардо, ректора школы св. Павла"²⁰.

В отдельную группу следует выделить апробации, основанные на документах самой Avogaria di Comin предыдущих лет. Как видим, они являются наиболее распространенными (свыше 110 случаев). Почти всегда в таком случае мы имеем дело с лицами, уже находившимися на службе у государства (будь то участие в работе представительных органов, например Большого Совета, или отправление тех или иных должностей). Таким образом, большая часть нобилей, претендовавшая на должность баллистария галей Таны, уже имела опыт подобной работы, как правило, на галейх других маршрутов. Этот вывод подтверждают и материалы таблиц "Родственные связи" и "График проведения prove", где баллистарии, впервые претендовавшие на эту должность, отмечены знаком "#". К сожалению, то обстоятельство, что мы работали с выборкой, а не с полным фондом документов, не позволяет выявить маршрут, на котором наиболее часто начинали служить наши баллистарии. Но я не уверена, что это в принципе возможно.

Помимо дополнительных сведений о баллистариях, эти ссылки на другие prove предоставляют, на наш взгляд, еще одну уникальную исследовательскую возможность: реконструкции несохранившихся книг "Prove", ведь иногда в таких ссылках представлена почти полная информация о предыдущих апробациях (вплоть до приведения имен свидетелей). Очевидно, что такую работу можно проводить, лишь располагая полным текстом картуляриев.

Иногда один баллистарий мог быть заменен другим²¹. Среди основных причин

¹¹ Stöckly D. Le système... Tabl. 4. Н. (Р. 252–253), 4.1; (Р. 255–257); 4.К. (Р. 264); 5. С. (Р. 288); 5.Е. (Р. 297).

¹² Ibid. Р. 287–288.

¹³ См., например: (1) f. 17v–18r: целое расследование с опросом многочисленных свидетелей было принято адвокатами коммуны в целях проверки законности происхождения Анджело Пермарино сына Андреа, бывшего камерария Крита.

¹⁴ В источнике отмечены (да и то не всегда) только отцы, братья, матери и жены, поэтому определить иные степени родства довольно сложно. Линия "дядя – племянник" в табл. 2 "Родственные связи" выстраивается с помощью косвенных доказательств. Так, нам известно, что в качестве свидетеля при испытании Макро Мемо с. Николо выступал его брат Антонио ((1) f. 32r: 18.6.1432), следовательно, сын этого Антонио Маттео являлся племянником Макро. Иногда линия родства выстраивается по "женской линии" в том случае, если в качестве свидетеля выступает мать. Тем не менее, мы не всегда можем быть окончательно уверены в правильности отождествления тех или иных лиц как родственников. Такие случаи отмечены в табл. 2 знаком "?".

¹⁵ (2) f. 179v: 4.7.1446; аналогично (1) f. 7r: 6.7.1430; (2) f. 220r: 4.6.1449.

¹⁶ О свидетелях пополаны см., например: (1) f. 86r: 18.7.1435; (2) f. 179v: 4.7.1446; (2) f. 183r: 18.7.1446.

¹⁷ (1) f. 48v: 23.5.1433.

¹⁸ (2) f. 207v: 3.6.1448.

¹⁹ (1) f. 32r: 20.6.1432.

²⁰ (1) f. 33v: 8.7.1432.

²¹ См.: табл. 5 "График проведения prove".

такой замены следует назвать: 1) неявку претендента на испытания²²; 2) претендент не смог пройти *prove* (т.е. не доказал, что ему 20 полных лет)²³; 3) баллистарий по какой-либо причине (не указана) не может отправиться в плавание²⁴; 4) отказ отправиться в плавание²⁵; 5) избрание на другую должность²⁶. Иногда довольно трудно определить: кто же именно в итоге отправился в плавание, поскольку сведения о заменах приводятся не всегда, записи, утратившие свою силу, например, в связи с избранием претендента на другую должность, не зачеркиваются, а замены следуют одна за другой. Своеобразный рекорд в этой области установили братья Джироламо и Джованни Валарессо ум. Альвизио, умудрившиеся в течение двух месяцев трижды "поменяться местами". Первоначально Джованни Валарессо намеревался отправиться баллистарием галей Берберии и в этом качестве успешно выдержал *prove*. Затем этот же Джованни решил стать баллистарием галей Таны, на предыдущую же должность "по приказу дожа" ("de mandato domini") апробировался его брат Джироламо²⁷. И наконец, "Prove" от 31 июля сообщает нам об очередной замене: Джироламо вместо Джованни отправляется в Тану²⁸. Ни в одном случае причины подобных изменений не названы.

В литературе уже утвердилась точка зрения (безусловно, имеющая серьезные основания), что среди претендентов на должность баллистария существовала значительная конкуренция. Именно она побудила Сенат как увеличивать число "нобилей кормы" на галеех, так и вводить "контумацию" (см. далее): ведь зачастую для бедных нобилей эта была единственная возможность получить средства к существованию²⁹. Однако, как ни странно, в материалах "Prove" эта конкуренция своего отражения не нашла. Претенденты не только отказывались от места, выдержав испытания, но даже позволяли себе вовсе на них не являться, что не имело никаких серьезных последствий. Например, некий Антонио Белленьо ум. Филиппо 16 июля 1434 г. "non venit ad probandum ad tempus"³⁰, в результате чего его заменили Доменико Барбаро ум. Андреа. Но уже 19 июля того же года названный Антонио вполне успешно проходит *prove*³¹. И проявляет подобную несерьезность не мальчишка, а муж, как свидетельствуют показания, 32 полных лет.

В "Prove" фигурирует (правда, к чести баллистариев, единожды) и такая причина замены: некий Джакомо Квирины ум. Паоло не смог отправиться с галеем Фландрии 1445 г., поскольку находился под следствием в связи с тем, что, будучи баллистарием галей Таны, очевидно, оставил свою должность³². К сожалению, "Prove" за 1436–1444 гг. не сохранились, и мы не можем сказать, в каком именно году произошло это нарушение.

Изложенный порядок освидетельствования не являлся неизменным и установленным раз и навсегда. Деятельность адвокатов коммуны была лишь одним из звеньев в цепи механизмов регулирования политики Сената, в данном случае – в области навигации. Таким образом, сама процедура *prove* была тесно связана с общей обстановкой в Средиземноморье. Наиболее ярко эта взаимосвязь нашла свое отражение в материалах 1432 г.

О событиях, повлиявших на осуществление навигации галей Романии в 1431 и 1432 гг., мы уже писали достаточно подробно³³, поэтому сейчас кратко изложим лишь суть происшедшего, чтобы были ясны наши последующие рассуждения. 8 октября 1431 г. две из пяти галей Романии (в это число, очевидно, входила галей сопровождения, неучтенная в табл. 5), находившихся под командованием Андреа Лоредана, потерпели крушение у мыса Меганом в Крыму, в результате чего имущество венецианцев было захвачено генуэзцами Солдайи и передано в распоряжение массарии Каффы, а сами граждане Республики св. Марка оказались в тюрьме этого города. Капитану галей Романии 1432 г. опытному флотоводцу Стефано Контарини было поручено попытаться освободить пленников, а в случае отказа напасть на генуэзские суда³⁴. Очевидно, что для осуществления этого опасного предприятия требовались надежные и проверенные люди, следствием чего явилось, с одной стороны, значительное ужесточение процедуры апробации, а с другой, отмена некоторых традиционных ограничений, налагаемых на претендентов на должность баллистария. Прежде всего это касалось так называемого *contumacia*³⁵ – срока, в течение которого лицо не имело права повторно выдвигать свою кандидатуру на исполнение какой-либо должности. Для баллистариев такой срок составлял, как правило, два года со дня возвращения из предыдущего вояжа. При этом ограничение распространялось только на галей одного направления. Таким образом, желающие повторно выставить свою кандидатуру на следующий год должны были выбрать какую-нибудь другую "линию". Обратимся к табл. 3 "Лица, дважды выполнявшие функции баллистария". Как мы видим, из 20 человек, упомянутых в таблице, лишь два избирались на должность арбалетчика галей Романии 2 года подряд – Джакомо Квирины и Андреа Соранцо, баллистарии 1431 и 1432 г. В вояже 1432 г. могли пригодиться, по-видимому, не только их опыт, но и определенная осведомленность. Между тем абсолютно все претенденты на должность баллистария (в том числе и названные Джакомо Квирины и Андреа Соранцо) подвергались повторной жесточайшей проверке. 1432 год – единственный, когда не были действительны материалы предыдущих апробаций, а также письменные свидетельства. Принимались лишь показания живых свидетелей, причем число их во многих случаях увеличено до четырех. Претендент непременно должен был быть "filius legitimus per publicam vocem et famam", при этом (беспрецедентный случай) свидетели гарантировали подлинность своих показаний следующими суммами штрафов: 200 лир (за возраст) и 500 лир (за законность происхождения)³⁶.

Со временем (40-е годы) сведения о баллистариях становятся более скудными, преобладают ссылки на "Prove" прошлых лет. Зато именно в это время начинают указываться имена адвокатов коммуны, проводивших испытания. Очевидно, было достаточно присутствия двух адвокатов из трех для придания процедуре легитимности. В начале 50-х годов в освидетельствовании иногда принимал участие специальный представитель Сената (*consiliarius*)³⁷. В этом случае достаточно было присутствия одного адвоката коммуны. Вообще в начале 50-х годов записи становятся более небрежными, не всегда указывается дата проведения *prove* и т.д.

Здесь, на наш взгляд, следует сказать несколько слов о графике проведения испытаний³⁸. В 30-е годы *prove* проводились в сжатые сроки (примерно в течение двух

²² (1) f. 66r.

²³ (1) f. 19r; (2) f. 157r.

²⁴ (1) f. 19r.

²⁵ (1) f. 66r.

²⁶ (2) f. 162v.

²⁷ (2) f. 207r; 29.5.1448.

²⁸ (2) f. 212v; 31.7.1448.

²⁹ Карпов С.П. Путиями... С. 97; Stöckly D. Le système... P. 277.

³⁰ (1) f. 66r.

³¹ (1) f. 66v.

³² (2) f. 154r.

³³ Талызина А.А. Типология и эволюция формуляра документов по истории навигации галей "линии" в Венеции // Причерноморье в средние века. М., 1998. Вып. 3. С. 174–176.

³⁴ Полный текст *commissio* С. Контарини см.: *Sathas C. Documenta inédits relatifs à l'histoire de la Grèce au moyen âge*. P. 1882. T. 3. P. 193–197.

³⁵ См.: Stöckly D. Le système... P. 275–277.

³⁶ (1) f. 31v, 32r, 32v, 33r.

³⁷ (2) f. 252r; 7.5.1451; f. 258r; 30.6.1451.

³⁸ См. табл. 5 "График проведения *prove*".

недель), и на обсуждение кандидатур баллистариев затрачивалось четыре–шесть дней. Даже в 1432 г., когда процедура была усложнена, сроки остались прежними. Совсем иначе выглядит картина во второй половине 40-х–начале 50-х годов, когда испытания могли проходить в течение более двух месяцев со значительными перерывами. При этом число замен и отказов от должности оставалось примерно таким же, как и в предыдущий период, т.е. реально это не могло повлиять на ситуацию. Б. Думер, специально посвятивший одну из своих статей проблеме задержки отправления галей "линии" как симптому структурного кризиса венецианского торгового флота³⁹, приходит к выводу, что в период 1447–1454 гг. между днем, назначенным для отплытия, и днем, когда галей Романии реально покидали порт Венеции, в среднем проходило более недели (8 дней)⁴⁰. Как нам кажется, причины этих задержек изучены не до конца, и возможно, их следует связать и с некоторыми проблемами, возникавшими при наборе экипажа, отраженными в "Prove" (или с неэффективностью работы адвокатов коммуны, что, на наш взгляд, все же менее вероятно, хотя их деятельность в этом направлении подвергалась критике⁴¹).

Среди наиболее интересных и сложных вопросов, материал для изучения которых дает наш источник, безусловно, следует назвать родственные связи между различными участниками навигации. Проблемой этой, прежде всего в связи с попыткой ответить на вопрос: проявляли ли отдельные венецианские фамилии специальную заинтересованность в участии в черноморской навигации, занималась Д. Штэкли⁴². На примере капитанов и патронов галей Романии (всего были проанализированы данные по 417 патронам и 91 капитану за 1332–1452 гг.) ученая дает отрицательный ответ на сформулированный выше вопрос. Таким образом, за рамками исследования остались баллистарии, позиция которых представляет несомненный интерес, если учесть, что именно они рассматривались как резерв будущих патронов и капитанов. Результаты нашего изучения материалов "Prove" в этом направлении отражены в табл. 1–4. Из них, как нам кажется, вытекает следующий вывод: при отсутствии глобальной заинтересованности фамилии в целом в том, чтобы ее отпрыски проходили соответствующую военную и морскую подготовку именно на галях Романии, отдельные семьи в отдельные периоды, безусловно, такой интерес проявляли. Примечательно, что при этом фамилии, наиболее многочисленные среди баллистариев, далеко не всегда преобладали среди патронов и капитанов⁴³. Так, например, если у нас фамилия Приули занимает вторую строку в табл. 1 главным образом благодаря пятерым братьям Приули⁴⁴, то у Д. Штэкли эта фамилия даже не вошла в таблицу (приведены 15 фамилий). Лишь в одном случае братья Пьетро и Джироламо Аримондо участвовали вместе в вояже галей Романии 1446 г. (первый в качестве патрона, второй – баллистария). Это тем более странно, что никаких запретов в этой области не было.

Сопоставим данные нашей табл. 3. и табл. 5. С. "Число избраний на пост баллистария для одного человека" Д. Штэкли⁴⁵. Филиппо Пиццамано с. Николо не

упомянут в таблице, поскольку он единственный, судя по "Prove", трижды был баллистарием на галях Романии⁴⁶, при этом (см. Д. Штэкли) он занимал эту должность на галях всех направлений всего шесть раз; Леонардо Приули и Адамо Тревизан два раза из шести служили на галях нашего направления. Если мы вспомним об ограничениях, налагаемых на потенциальных баллистариев "контумацией", а также о том, что все же, как правило, должность арбалетчика была лишь первой ступенью карьеры, на которой предпочитали, по возможности, не задерживаться, то, на наш взгляд, в этих случаях можно смело говорить о предпочтении, отдаваемом данными лицами именно галям Романии. Вместе с тем, если из года в год знатнейшие патрицианские фамилии посылали своих сыновей баллистариями на суда этого направления, то, очевидно, что условия службы там были вполне приемлемыми (братья Бондумьер, Барбаро, Джустиниан, Дьедо, Контарини и т.д.).

Линия карьеры "баллистарий – патрон" по "Prove" прослеживается только в двух случаях, да и те не могут, на наш взгляд, свидетельствовать о заинтересованности Джакомо Кокко и Франческо Ваньера именно в причерноморской навигации, поскольку между первым и вторым их плаваниями прошло около 20 лет⁴⁷.

Так могла начинаться морская карьера молодого венецианского нобилля. Варианты ее продолжения попытались проанализировать Д. Штэкли⁴⁸, пришедшая в итоге к выводу, что «так называемая "классическая карьера" на флоте (баллистарий – патрон – капитан) являлась одним из возможных вариантов», причем не самым распространенным⁴⁹. Однако, как нам кажется, материалы в общей сложности одного 10-летия (к тому же не слишком благоприятного для венецианской навигации) недостаточны для подобных выводов, ведь самой Д. Штэкли в отдельных случаях удалось проследить жизненный путь своих героев на протяжении более 20 лет⁵⁰. Известно, что зачастую служба в торговом флоте была отправной точкой для начала военной морской карьеры. Таким образом, для серьезного исследования проблемы, на наш взгляд, необходимо рассмотреть все возможные варианты. Д. Штэкли предприняла весьма успешные, но лишь первые шаги в этом направлении, столкнувшись со значительными лакунами в документальных источниках. Предпринятая нами реконструкция биографий участников и организаторов вояжа галей Романии 1412 г.⁵¹ показывает, по нашему мнению, плодотворность комплексного использования как документальных, так и нарративных источников для подобного рода штудий. Если служба в торговом флоте, например, Франческо Кокко с. Николо отражена в материалах Сената⁵², то сведения о его военной карьере можно почерпнуть из хроник⁵³. Еще более показательна в этом отношении биография упоминавшегося здесь Стефано Контарини⁵⁴. Таким образом, дальнейшее продолжение исследований в этом направлении с привлечением как можно большего круга источников представляется нам весьма перспективным.

⁴⁶ (2) f. 140v: 16.7.1444; f. 180r: 5.7.1446; f. 237v: 6.7.1450.

⁴⁷ См. табл. 4.

⁴⁸ Stöckly D. Le système... P. 294–301.

⁴⁹ Ibid. P. 299.

⁵⁰ Например, братьев Джованни и Витторнио Капелло (Ibid. P. 273).

⁵¹ Талызина А.А. "Commissio капитану галей Романии" (1412 г.) как источник по истории венецианской навигации М., 1994 (рукопись).

⁵² ASV; Senato, Misti. (Далее: SM). XLIX, f. [131r] 132r (в квадратные скобки заключена старая нумерация); патрон галей Таны 1411 г.; f. [118r] 120r: патрон галей Таны 1412 г.

⁵³ Sanuto M. Vitae Ducum Venetorum // Rerum Italicarum Scriptores / Ed. L. Muratori. (Далее: RIS). Milano, 1733. Т. XXII. P. 913: в 1417 г. – супракомит генерального капитана моря Джакомо Тревизана; Ibid. P. 1014–1017; Navagero A. Historia Veneta // RIS. Milano, 1733. Т. XXIII. P. 1095–1096: в 1431 г. – провведитор флота, организованного для борьбы с герцогом Миланским.

⁵⁴ См.: Талызин А.А. "Commissio...". С. 97–113.

³⁹ Doumerc B. La crise structurelle de la marine vénitienne au XVe siècle: le problème du retard des Mude // Annales ESC. 1985. Mai–juin. P. 605–623.

⁴⁰ Doumerc B. La crise... P. 610. Попутно заметим, что, на наш взгляд, некоторые даты, приводимые в таблицах Б. Думера, нуждаются в дополнительной проверке. В частности, по мнению этого историка, галей Романии 1447 г. отправилась в вояж 5 августа (р. 609), между тем, как свидетельствуют "Prove", 21 августа 1447 г. еще проходили испытания некоторых баллистариев (2) f. 200v).

⁴¹ Sacerdoti A. Note... P. 91.

⁴² Stöckly D. Les protagonistes de la navigation vénitienne d'Etat en Mer Noire (XIIIe–XVe siècles) // Thesaurismata. 1993. Т. 23. P. 81–90.

⁴³ Для сравнения см. таблицу "Участие фамилий в качестве патронов и капитанов" (Stöckly D. Les protagonistes... P. 83).

⁴⁴ См. табл. 2.

⁴⁵ Stöckly D. Le système... P. 288.

Таблица 1. Фамилии, преобладающие среди баллистариев

Фамилия	Число человек	Фамилия	Число человек
Контарини	15	Аримондо	3
Приули	10	Бембо	3
Морозини	8	Кокко	3
Барбариго	7	Дзено	3
Барбаро	7	Лоредан	3
Веньер	6	Марчелло	3
Дьедо	6	Молино	3
Джустиниан	5	Наталь	3
Дольфин	5	Валарессо	3
Квирини	4	Виттури	3
Малипьеро	4	Пасквалиго	3
Пезаро	4		
Сагредо	4		
Соранцо	4		
Всего 14		Всего 11	

Таблица 2. Родственные связи

Степень родства	Имена	Должность	Дата	Архив
Братья	Пьетро Аримондо с. Николо	патрон	21.5.1446	(2) f. 174v
	Джироламо Аримондо с. Николо	бал.#	5.7.1446	(2) f. 180r
Братья	Франческо Бондумьер с. Николо	бал.	31.7.1448	(2) f. 212v
	Дзанотто Бондумьер с. Николо	бал.#	7.7.1450	(2) f. 238r
Братья	Франческо Барбаро с. Марко	бал.	3.8.1448	(2) f. 212v
	Паскаль Барбаро с. Марко	бал.#	14.6.1449	(2) f. 220r
Братья	Пьетро Каналь ум. Даниэль	бал.	26.7.1431	(1) f. 18v
	Николо Каналь ум. Даниэль	бал.#	19.7.1434	(1) f. 66v
Братья	Баттисто Дьедо с. Марко	бал.	21.6.1451	(2) f. 257v
	Джованни Дьедо с. Марко	бал.	8.7.1452	(2) f. 276r
Братья	Амброзио Дьедо ум. Джакомо	бал.	20.6.1432	(1) f. 32v
	Бертуччо Дьедо ум. Джакомо	бал.	8.7.1449	(2) f. 222v
Братья	Паоло Фоскарини с. Джорджо	бал.	23.6.1432	(1) f. 33r
	Бернардо Фоскарини с. Джорджо	бал.#	13.7.1434	(1) f. 65r
Братья	Николо Мудацио ум. Пьетро	бал.	4.6.1449	(2) f. 220r
	Марко Мудацио ум. Пьетро	бал.	10.7.1451	(2) f. 259r
Братья	Джованни Минио ум. Марко	бал.	17.6.1445	(2) f. 156v
	Бартоломео Минио ум. Марко	бал.	3.7.1449	(2) f. 222v
Братья	Франческо Марчелло ум. Троило	бал.	7.7.1450	(2) f. 238r
	Марко Марчелло ум. Троило	бал.	10.7.1451	(2) f. 259r
Братья	Донатто Моро ум. Марко	бал.?	21.7.1444	(2) f. 142v
	Франческо Моро ум. Марко	бал.	3.6.1448	(2) f. 207v
Братья	Марко Малипьеро с. Лоренцо	бал.	20.6.1432	(1) f. 32r
	"	бал.	15.7.1435	(1) f. 85v
	Франческо Малипьеро с. Лоренцо	бал.	16.7.1434	(1) f. 66r
Братья	Марко Морозини с. Паоло	бал.	8.6.1447	(2) f. 194r
	Пьетро Морозини с. Паоло	бал.	30.6.1449	(2) f. 222v
Братья?	Доменико Морозини с. Андреа	бал.	2.8.1431	(1) f. 19v
	Пьетро Морозини с. Андреа ум. Эджидио	бал.	3.7.1450	(2) f. 237v

Таблица 2. (продолжение)

Степень родства	Имена	Должность	Дата	Архив
Братья	Доменико Морозини с. Фантино	бал.	18.7.1432	(1) f. 31v
	Джованни Морозини ум. Фантино	патрон	21.5.1446	(2) f. 173r
Братья	Лоренцо Морозини ум. Джованни	бал.	31.5.1449	(2) f. 220r
	Марко Морозини ум. Джованни	бал.	30.6.1450	(2) f. 237r
Братья	Наталис Наталь с. Джованни	бал.#	30.6.1450	(2) f. 237r
	Габриэль Наталь с. Джованни	бал.	21.6.1451	(2) f. 257v
Братья	Алессандро Приули ум. Андреа	бал.	17.6.1432	(1) f. 31v
	Джироламо Приули ум. Андреа	бал.	13.7.1434	(1) f. 65r
Братья	Леонардо Приули с. Марино	бал.#	26.6.1447	(2) f. 195r
	"	бал.	13.7.1450	(2) f. 238v
	Джакомо Приули ум. Марино	бал.	21.6.1451	(2) f. 257r
Братья?	Андреа Квирини с. Джованни	бал.	27.7.1431	(1) f. 19r
	Марко Квирини с. Джованни ум. Андреа	бал.	26.6.1433	(1) f. 49v
Братья	Марко Саламоно с. Николо	бал.#	16.6.1445	(2) f. 156r
	Микеле Саламоно ум. Николо	бал.	16.7.1451	(2) f. 259r
Братья?	Джованни Сагредо с. Альвизио	бал.	8.7.1451	(2) f. 258v
	Бенедетто Сагредо с. Альвизио	бал.	8.7.1452	(2) f. 276r
Братья	Джакомо Соранцо с. Троило	бал.	5.7.1430	(1) f. 6v
	Андреа Соранцо с. Троило	бал.	30.7.1431	(1) f. 19r
	"	бал.	15.7.1432	(1) f. 34r
Братья	Андреа Трон с. Микеле	бал.#	4.6.1449	(2) f. 220r
	Приамо Трон с. Микеле	бал.#	4.7.1450	(2) f. 237v
Братья	Филиппо Тальяпьеро с. Квинтино	патрон	11.7.1431	(1) f. 18r
	Николо Тальяпьеро с. Квинтино	бал.	20.6.1432	(1) f. 32v
Братья	Галеаццо Валарессо ум. Бартоломео	бал.	14.7.1434	(1) f. 65r
	Адоардо Валарессо ум. Бартоломео	бал.	6.7.1450	(2) f. 237v
Братья	Николо Виттури ум. Раньери	бал.	5.7.1447	(2) f. 195v
	Даниэль Виттури ум. Раньери	бал.	22.6.1451	(2) f. 257v
Братья?	Марко Веньер с. Николо	патрон	22.6.1430	(1) f. 5r
	Альвизио Веньер с. Николо	бал.	26.6.1433	(1) f. 49v
Братья	Франческо Дзене с. Паоло	бал.	14.7.1445	(2) f. 161v
	Николо Дзене с. Паоло	бал.#	9.7.1446	(2) f. 180v
Братья	Николо Дзено с. Антонио	бал.	28.6.1445	(2) f. 157r
	Джованни Дзено с. Антонио	бал.	19.6.1449	(2) f. 220v
Братья	Франческо Дзено с. Пантелеоне	бал.	13.7.1445	(2) f. 161v
	Антонио Дзено с. Пантелеоне	бал.	31.7.1448	(2) f. 212v
Всего 31				
Братья	Доменико Барбаро ум. Андреа	бал.	16.7.1434	(1) f. 66r
	Джованни Барбаро ум. Андреа	бал.	14.7.1435	(1) f. 85r
	Леонардо Барбаро ум. Андреа	бал.	17.7.1447	(2) f. 196r
Братья	Андреа Кокко ум. Марино	бал.	26.7.1431	(1) f. 18r
	Джакомо Кокко ум. Марино	бал.	15.7.1435	(1) f. 85v
	"	патрон	24.5.1452	(2) f. 270v
	Пьетро Кокко ум. Марино	патрон	12.5.1449	(2) f. 218v
Братья	Бартоломео Контарини ум. Марко de S. Felice	бал.	22.6.1445	(2) f. 157r
	Микеле Контарини ум. Марко de S. Felice	бал.	12.6.1447	(2) f. 194r
	Марко Контарини ум. Марко de S. Felice	бал.	7.6.1449	(2) f. 220v
Братья	Франческо Дольфин с. Николо	бал.	17.7.1432	(1) f. 31v
	Фантино Дольфин с. Николо	бал.#	10.7.1434	(1) f. 64v
	Витторнио Дольфин ум. Николо?	патрон	26.5.1445	(2) f. 154r
	"	патрон	20.5.1446	(2) f. 172v
Братья	Марино Джустиниан с. Николо	бал.#	19.7.1445	(2) f. 162v

Таблица 2. (окончание)

Степень родства	Имена	Должность	Дата	Архив
Братья	Томмазо Джустиниан с. Николо	бал.	4.7.1446	(2) f. 179v
	Антонио Джустиниан с. Николо	бал.	14.7.1450	(2) f. 238v
	Алессандро Пезаро с. Пьетро	бал.#	4.7.1446	(2) f. 179v
	"	бал.	5.6.1449	(2) f. 220v
	Николо Пезаро с. Пьетро	бал.#	26.6.1447	(2) f. 195r
Братья	"	бал.	8.7.1450	(2) f. 238r
	Бенедетто Пезаро с. Пьетро	бал.#	23.6.1451	(1) f. 257v
	Франческо Веньер ум. Николо	бал.	17.6.1432	(1) f. 31v
	"	патрон	?5.1452	(2) f. 271r
	Доменико Веньер ум. Николо	бал.#	10.7.1434	(1) f. 64v
Всего 7	Альвизио Веньер ум. Николо	бал.#	15.7.1435	(1) f. 85r
	Бенедетто Барбариго ум. Пьетро	бал.	26.7.1431	(1) f. 18v
	Джироламо Барбариго ум. Пьетро	бал.	9.7.1433	(1) f. 51r
	Даниэль Барбариго ум. Пьетро	бал.	13.7.1435	(1) f. 85r
	Николо Барбариго ум. Пьетро	бал.	14.6.1447	(2) f. 194v
Братья	Катарино Контарини ум. Джованни	бал.	26.7.1431	(1) f. 18r
	Витторе Контарини ум. Джованни	бал.	20.6.1432	(1) f. 32r
	Марко Контарини ум. Джованни	бал.	26.6.1433	(1) f. 49v
	Франко Контарини ум. Джованни?	бал.#	23.6.1451	(2) f. 258r
	Всего 2			
Братья	Бенедетто Приули с. Пьетро	бал.#	23.6.1433	(1) f. 49v
	Роберто Приули с. Пьетро	бал.	13.7.1435	(1) f. 85r
	Альвизио Приули ум. Пьетро	бал.	4.7.1446	(2) f. 179v
	"	бал.	31.5.1449	(2) f. 220 r
	Маттео Приули ум. Пьетро	бал.	19.6.1445	(2) f. 156v
Всего 1	"	бал.	30.5.1448	(2) f. 207 r
	Филиппо Приули ум. Пьетро	бал.	3.7.1450	(2) f. 237v
	Отец			
	Андреа Барбо ум. Джованни	патрон	11.7.1431	(1) f. 18r
	Сын	бал.	5.6.1447	(2) f. 194r
Отец	Марко Квирини с. Джованни ум. Андреа	бал.	26.6.1433	(1) f. 49v
	Сын	бал.	11.6.1448	(2) f. 208r
	Отец?	бал.	27.7.1431	(1) f. 19r
	Сыновья	бал.#	19.7.1445	(2) f. 162v
	Марино Джустиниан с. Николо	бал.	4.7.1446	(2) f. 179v
Отец?	Томмазо Джустиниан с. Николо	бал.	14.7.1450	(2) f. 238v
	Дзаккариа Понте ум. Антонио	патрон	23.6.1430	(1) f. 5v
	Сын	бал.	18.7.1435	(1) f. 86r
	Франческо Понте ум. Дзаккариа			
	Всего 4			
Дядя	Марко Мемо с. Николо	бал.	18.6.1432	(1) f. 32r
	Племянник	бал.	7.6.1449	(2) f. 220v
	к			
	Всего 1			

Таблица 3. Лица, дважды выполнявшие функции баллистария

Полное имя	1-й вояж	2-й вояж
Джироламо Аимо ум. Джакомо	(2) f. 179v: 30.6.1446	(2) f. 208r: 11.6.1448
Марко Бенедетто с. Пьетро	(2) f. 156v: 17.6.1445	(2) f. 212v: 1.8.1448
Джакомо Дольфин ум. Андреа	(1) f. 7r: 6.7.1430	(1) f. 85r: 15.7.1435
Андреа делла Фонтана ум. Тома	(2) f. 142v: 24.7.1444	(2) f. 195v: 17.7.1447
Паоло Джустиниан с. Антонио	(2) f. 156v: 19.6.1445	(2) f. 208r: 11.6.1448
Доменико Лоредан ум. Бартоломео	(1) f. 18v: 26.7.1431	(1) f. 86r: 19.7.1435
Франческо Моро ум. Марко	(2) f. 180v: 11.7.1446	(2) f. 207v: 3.6.1448
Тимотео Молино с. Тома	(2) f. 157r: 28.6.1445	(2) f. 200v: 21.8.1447
Марко Малипьеро с. Лоренцо	(1) f. 32r: 20.6.1432	(1) f. 85v: 15.7.1435
Алессандро Пезаро с. Пьетро	(2) f. 179v: 4.7.1446	(2) f. 220v: 5.6.1449
Николо Пезаро с. Пьетро	(2) f. 195r: 26.6.1447	(2) f. 238r: 8.7.1450
Леонардо Приули с. Марино	(2) f. 195r: 26.6.1447	(2) f. 238v: 13.7.1450
Маттео Приули ум. Пьетро	(2) f. 156v: 19.6.1445	(2) f. 207r: 30.5.1448
Альвизио Приули ум. Пьетро	(2) f. 179v: 4.7.1446	(2) f. 220r: 31.5.1449
Джакомо Квирини с. Синерио	(1) f. 19r: 27.7.1431	(1) f. 32r: 18.6.1432
Бенедетто Сагрето с. Лодовико	(2) f. 194v: 14.6.1447	(2) f. 234v: 3.7.1450
Андреа Соранцо с. Троило	(1) f. 19r: 30.7.1431	(1) f. 34r: 15.7.1432
Адамо Тревизан ум. Николо	(2) f. 242r: 20.7.1450	(2) f. 276r: 27.7.1452
Джироламо Валарессо ум. Альвизио	(2) f. 183r: 18.7.1446	(2) f. 212v: 31.7.1448
Франческо Веньер с. Анджело	(1) f. 6r: 5.7.1430	(1) f. 32v: 20.6.1432
Всего 20		

Таблица 4. Карьера баллистарий – патрон

Полное имя	Должность баллистария	Должность патрона
Джакомо Кокко ум. Марин	(1) f. 85v: 15.7.1435	(2) f. 270v: 24.5.1452
Франческо Веньер ум. Николо	(1) f. 31v: 17.6.1432	(2) f. 271r: ?5.1452
Всего 2		

Таблица 5. График проведения prove

Год	Количество галей	Число баллистариев	Дни проведения prove
1430	3	10 (5#), замена 1	5, 6, 7, 17/VII
1431	4	19 (4#), замена 4	26, 27, 30/VII; 1, 2/VIII
1432	4	18	17, 18, 20, 23/VI; 8/VII
1433	3	11 (8#)	23, 26, 30/VI; 8, 9/VII
1434	3	12 (9#), замена 1	10, 12, 13, 14, 16, 19/VII
1435	3	12 (2#)	13, 14, 15, 18, 19/VII
1445	3	17 (3#), замена 2	16, 17, 19, 22, 23, 28/VI; 5, 12, 14, 19/VII
1446	3	18 (8#)	30/VI; 4, 5, 9, 17?, 18, 29/VII
1447	3	16 (6#)	5, 8, 9, 12, 14, 26, 27/VI; 5, 17, 18, 29/VII; 21/VIII
1448	3	18 (1#), замена 4	29, 30/V; 3, 6, 11/VI; 30, 31/VII; 1, 3/VIII
1449	3	18 (6#)	31/V; 4, 5, 7, 19, 30/VI; 3, 8/VII
1450	4	17 (5#)	30/VI; 3, 4, 6, 7, 8, 13, 14, 15, 20/VI
1451	3	18 (6#)	21, 22, 23, 28/VI; 5, 8, 10, 16/VII

С.А. Иванов

К ДАТИРОВКЕ ЖИТИЯ СВ. НИФОНТА (ВНГ, 1371 г.)

Памятник, известный как "Житие св. Нифонта" (далее: ЖН), столь же любопытен, сколь и малоизучен. Этот гигантский текст, около двухсот печатных страниц, пользовавшийся колоссальной популярностью не только в Византии, но и у славян, лишь в недавнее время удостоился первой посвященной ему небольшой статьи¹. До сих пор остаются невыясненными не только место памятника в истории византийской религиозной мысли и, шире, литературе, но и вопросы авторства, датировки и т.д.

На вопросе о времени создания памятника мы теперь и остановимся. Если доверять внутренней хронологии ЖН, то оно было написано примерно в середине IV в.: агиограф претендует быть учеником святого, а сам Нифонт якобы был современником Константина Великого и Афанасия Александрийского. Однако Л. Рюден наглядно продемонстрировал ряд анахронизмов, которые никак не позволяют принять данную хронологию (R, 34–36). По мнению шведского исследователя, текст в действительности был составлен ок. 1000 г. (R, 37–39). В целом мы согласны с этой датировкой (утверждение Х.-Г. Бека, будто ЖН было написано в никейскую эпоху², ни на чем не основано), но желали бы ее уточнить и подкрепить новыми аргументами, не повторяя ничего из уже сказанного. По ходу дела нам придется затронуть и целый ряд других проблем, возникающих в связи с ЖН.

Начнем с проблемы заголовка: в древнейших рукописях полной версии ЖН, Афонской (Пантелеймонова монастыря, № 5585(79), XII в.-А) и Московской (Синодальной, № 401, 1126 г.-М), Нифонт назван ἐπίσκοπος... Κωνσταντινῆς τῆς κατὰ Ἀλεξανδρείαν³, но в двух других это не так: одна Парижская рукопись (Национальной библиотеки № 1195, XIV–XV вв.-P1) называет его ἐκ πόλεως Ἀρμενιόπολης, а другая (Coisl. № 301, XV в.-P2) – ἐκ τοῦ ὀνομαζομένου Ἀρμενιόπολης. Все три названия исходят из данных, содержащихся в ЖН: в начале текста сказано, что Нифонт родился в городе, который в рукописях А и М именуется Ἀλμυρόπολις, а в манускриптах P1 и P2 – Ἀρμυρόπολις, позднее топоним подвергся искажению в Ἀρμενιόπολις⁴. Что касается города Константиана, епископом которой святой стал незадолго до смерти, то этот топоним заслуживает особого внимания. То, что данный город подлежал церковной юрисдикции Александрии, действительно следует, на первый взгляд, из текста ЖН: там

повествуется о том, как святой прибыл в Александрию и как тамошний патриарх Александр посвятил его в епископский сан и отправил в Константиану (169.9–171.25). Из этого пассажа переписчики рукописей А и М и сделали вывод, будто Константиана находилась около Александрии, тогда как в тексте этого не сказано.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что оба варианта названия базируются на внутренних данных текста и не восходят к протографу. Мало того, есть все основания полагать, что город Константиана, упоминаемый в ЖН, на самом деле не находился ни в окрестностях Александрии, ни вообще в Египте, хотя город с таким названием и существовал там (R, 34). Дело в том, что в сохранившихся греческих рукописях топоним Константиана сопровождается странным определением τῆς κυκλίου (169.9), не имеющим ни малейшего смысла, между тем в древнеславянском переводе ЖН, сделанном немедленно после создания самого памятника (о чем см. ниже), переводе, древнейшая рукопись которого ничуть не уступает древностью существующим греческим, в этом месте стоит слово "Коупрьскыя" (364.3–4). Тем самым, есть все основания полагать, что в не дошедшем до нашего времени протографе греческого текста стояло слово τῆς Κυπρίου, тем более, что написание сочетаний κλ и πρ в греческой палеографии спутать довольно легко. Заметим, что порча греческого текста должна была произойти на очень раннем этапе, так что бессмысленное κυκλίου попало во все рукописи. Между тем в рукописной традиции славянского перевода ЖН всегда было именно "Коупрьскыя", поскольку во всех последующих меналогиях Нифонт поминается именно как епископ "Констанции Кипрской"⁵.

Если речь в ЖН действительно идет о кипрской Константиане, то это довольно известный город. В античности он назывался Саламин, но после страшного землетрясения 332 или 334 г. был отстроен императором Констанцием и назван им в свою честь⁶. Уже один этот факт доказывает, что хронология жития фиктивна: в начале IV в. (время, к которому агиограф относит действие ЖН) город еще именовался Саламином, он же называет его Константиану. Город действительно стал церковной столицей Кипра, оттеснив Пафос, но случилось это ок. 343 г.⁷ Тем самым перед нами еще один анахронизм ЖН, согласно которому в 325 г.⁸ святого, явно в качестве церковного главы Кипра, отправляют не в Пафос, а в Константиану. На самом же деле Кипр находился тогда под юрисдикцией Антиохии, а не Александрии, хотя самые оживленные церковные связи Константиана имела как раз с ней⁹. Впрочем, не надо забывать, что в любом случае уже на Эфесском соборе V в. Кипр получил автокефалию. Таким образом, наш агиограф знает о Константиане некоторые общие сведения, но какие-то важнейшие факты ее истории ему неизвестны¹⁰.

⁵ Сергей. Полный месяцеслов Востока. Владимир, 1901. Т. 2. С. 392, 518, 611.

⁶ Hill. G. A History of Cyprus. Vol. I. Cambridge, 1949. P. 245. Написание этого топонима колеблется: Κωνσταντε(α), Κωνσταντ(α), но также, видимо и Κωνσταντιανή, которое просматривается за гадательной реконструкцией Ж. Даррузеса, который с пометкой dubie приводит в критическом аппарате форму Κωνσταντ(ι)να(α), cf.: Notitiae Episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae / Ed. J. Darrouzès. P., 1981. P. 234.145; 338.759.

⁷ Κιριτζη Π.Ι. Ἱστορικὰ εἰδήσεις περὶ καθέδρας καὶ καθεδρικοῦ ναοῦ τοῦ ὁρθόδοξου ἀρχιεπισκόπου Κύπρου // Κυπριακὰ Σπουδαί (1940). Τ. 4. Σ. 89.

⁸ Согласно ЖН, Нифонт после своего рукоположения прибыл в Константиану 4 сентября (171.25). Это, кстати, – одна из редчайших конкретных дат в ЖН. Но рукоположивший его патриарх Александр умер 17 апреля 326 г. (Gutschmid A. von. Verzeichniss der Patriarchen von Alexandrien // Gutschmid A. von. Kleine Schriften. Leipzig, 1890. Bd. II. S. 427–428). Так как пребывание Нифонта в должности мыслится как недолгое, видимо, надо предположить, что агиограф датирует рукоположение концом лета 325 г.

⁹ Hill G. A. History... P. 249.

¹⁰ Неизвестны ему также и важные сведения по церковной истории Египта, например, он считает, что рукоположивший Нифонта патриарх Александрийский Александр был пятым по счету после казнённого Диоклетиана Петра (169.9). Однако на самом деле тот был не пятым, а вторым: между ними

¹ Ryden L. Date of the Life of St. Niphon, ВНГ 1371 г. // Greek and Latin Studies in Memory of C. Fabricius / Ed. S.-T. Teodorsson. Göteborg, 1980. (Далее: ссылки в тексте на R).

² Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur in Byzantinischen Reich. München, 1958. S. 700. Ближе к истине был еп. Софроний, предлагавший в качестве даты VIII–IX вв. (Σωφρόνιος πρ. Λεοποτόλεως. Ὁ δόσις Νήφων ἐπίσκοπος Κωνσταντιανῆς // Ἐκκλησιαστικὸς Φάρος, 1936. Т. 35. С. 207). Р. Жанен считал, что ЖН написано "не раньше" VIII–IX вв. (Janin R. Nifonte // Biblioteca Sanctorum. Roma, 1967. Vol. 9. Col. 994).

³ Это же название воспроизведено и в других, более поздних рукописях.

⁴ Матеріали з історії візантійсько-слов'янської літератури та мови / Подгот. А.В. Рыстенко. Одеса, 1928 (далее ссылки на страницы и строки этого издания даются в тексте). С. 4, 10.

Как это могло получиться? Город был захвачен арабами в 648–649 гг.¹¹ В течение длительного времени он, формально продолжая оставаться центром архиепископии¹², приходил в упадок. Жители постепенно перебирались из Константианы в разрастающийся по соседству новый город Арсиною (совр. Аммохост, или Фамагуста), причем руины использовались для строительства¹³. Отвоевание Кипра Никифором Фокой в 965 г. поставило перед византийскими властями вопрос: следует ли восстанавливать статус-кво или нужно перенести архиепископскую кафедру из разрушенной Константианы куда-то в другое место. Видимо, практически архиепископ находился в Арсиное¹⁴, но Константинополь, желая "вычеркнуть" из истории Кипра арабский период, решил восстановить все, как было, и вернуть кафедру в Константиану¹⁵. Скорее всего, дискуссия вокруг Константианы, ведшаяся в столице, и явилась причиной упоминания этого города в ЖН: агиограф явно не знает про него ничего определенного, в тексте нет ни единой конкретной детали городской топографии, кроме подозрительно-го упоминания о том, что святой был похоронен в храме св. Апостолов (185.17–22), о существовании которого в Константиане нам ничего не известно¹⁶. Такая бедность конкретики резко контрастирует описаниями в ЖН Константинополь, изобилующими и даже перенасыщенными топонимами. Можно предположить, что в первоначальном варианте текста герой умирал в столице, и лишь позднее агиограф решил изменить концовку. Возможно, он хотел "привязать" своего героя, святость которого носила более чем странный характер (об этом сейчас не место говорить), к такому общепризнанному "делателю святых", как Афанасий Александрийский, а заодно уже и к кафедре, которая в тот момент была в Константинополе на слуху¹⁷. Если данное предположение верно, то мы получаем *terminus post quem* для окончания работы над ЖН, т.е. 965 г., год отвоевания Кипра.

Что же касается *terminus ante quem*, то и здесь есть некоторые возможности для конкретизации. Первое упоминание о Нифонте содержится в глаголическом менологии, помещенном в Асеманиевом Евангелии¹⁸. Попытка датировать этот текст серединой X в.¹⁹ безосновательна – на самом деле памятник создан между 986 и 1051 гг.²⁰ Наиболее вероятный *terminus* – это 1037 г., упомянутый в этом менологии. Отметим, что если в 1037 г. упоминание о Нифонте уже проникло в славян-

скую среду, значит, к этому времени его житие должно было уже пользоваться большой популярностью²¹.

Итак, ЖН было завершено между 965 и 1037 гг., несомненно, ближе к первой дате. Эта датировка категорически исключает возможность того, что оно было переведено на славянский язык в Болгарии при Симеоне, на чем настаивает в последнее время У. Федер²². Какие выводы следуют из этого для истории византийско-славянских культурных связей – предмет отдельного исследования.

"вклинился" только Ахилла (*Gutschmid A. von. Verzeichniss...* S. 425–426). Следовательно, агиограф имел в своем распоряжении какие-то весьма сомнительные данные.

¹¹ Hill G. A History... P. 284.

¹² Dikigoropoulos A. The Church of Cyprus During the Period of the Arab Wars. A.D. 649–965 // *The Greek Orthodox Theological Review*. 1965–1966. Vol. 11. P. 262.

¹³ Salamine de Chypre. Histoire et archéologie. Etat des recherches. P., 1980. P. 329–330, 339.

¹⁴ Кермитон П.И. История... Σ. 91.

¹⁵ Hackett J. A History of the Orthodox Church of Cyprus. L., 1901. P. 246.

¹⁶ Единственная известная нам на Кипре византийская церковь св. Апостолов расположена в деревне Перахори недалеко от Никосии и датируется XII в. (*Stylianou A., Stylianou J. The Painted Churches of Cyprus*. Cambridge, 1964. P. 147–150).

¹⁷ При этом никаких следов культа св. Нифонта на Кипре не обнаруживается, ср.: *Delehay H. Saints de Chypre* // *Analecta Bollandiana*, 1907. Vol. 26; *Mouriki D. The Cult of Cypriot Saints in the Medieval Cyprus as Attested by Church Decorations and Icon Painting* // *The Sweet Land of Cyprus*. Nikosia, 1993.

¹⁸ Срезневский И.И. Календарь из Ватиканского глаголического евангелия // Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. Приложение к IX тому Записок Импер. Академии наук. СПб., 1866. С. 56.

¹⁹ Иванова-Мавроудинова В., Джурова А. Асеманиево евангелие. Художественно-историческое прочтение. София, 1981. С. 25.

²⁰ Васильев Л. Нов податак времену настанка Асеманијевог Јеванђеља / Археографски Прилози. 1988–1989. Т. 10/11. С. 13–15.

²¹ О том же свидетельствует и раннее попадание ЖН в Италию. Папирусный фрагмент с отрывком из нее, происходящий из Сицилии, также датируется XI в., см.: *Mercati S.G. Vita di s. Nifonte riconosciuta nel papiro greco* Fitz Roy Fenwick a Chaltenham, già Kambruschini a Firenze // *Aegyptus*. 1941. Vol. 21. P. 76. О популярности ЖН в Италии свидетельствует и попадание этого святого в Кривоферратский Эклогадийон, см.: *Pertusi A. Monachesimo italogreco ed il monachesimo Bizantino nell'Alto Medioevo* // *La Chiesa greca in Italia dell'VIII al XVI secolo. Atti del convegno storico interecclesiale*. Padova, 1972. Vol. 2. P. 492–493.

²² Veder W. *The Merciful Nestor and Sozomen: Early Rusian Text Transmission in a Stratigraphic Perspective* // *Studies in Russian Linguistics*. Amsterdam, 1992. P. 326. Подробнее о том, как помогает славянский перевод ЖН для исследования его византийского оригинала, см. нашу статью: "Житие св. Нифонта: славянский перевод и греческий оригинал" (в печати).

В.М. Лурье

ИЗ ИСТОРИИ ЧИНОПОСЛЕДОВАНИЙ ПСАЛМОПЕНИЯ: ПОЛНАЯ ПСАЛТИРЬ В ЕЖЕДНЕВНОМ ПРАВИЛЕ (в связи с историей египетского монашества IV–VII вв.)¹

Обитель Монидийская: ее идентификация и чин псалмопения в ней

До недавнего времени эта обитель – τὰ Μονίδια или τὸν Μονίδιον – была известна лишь по трем упоминаниям в "Луге духовном" (гл. 151, 152, 178) св. Иоанна Мосха², но теперь о. Дж. Мунитис опубликовал еще две греческих истории из жизни этой обители, датировал весь относящийся к ней греческий материал концом VI или самым началом VII в. и связал эти истории с особой редакцией собраний апофтегм (обозначенной им *χ*), близкой к армянскому собранию А (*arm. A*). Реконструируемое о. Мунитисом собрание *χ* оказывается, среди других собраний апофтегм, сохранившихся на греческом, особенно близким к патерику, приписываемому св. Амфилохию. Собрание *χ* и *arm. A* должны восходить к общему архетипу VII в. (далее: *Arch*). О местоположении египетской обители Монидийской о. Мунитис не смог сказать ничего³. Отталкиваясь от этих данных, можно попытаться сделать некоторые заключения относительно *Arch* и самой обители Монидийской.

3.1. *Arch*: близость монофелитской среде по данным рукописной традиции

Как известно, собрание *arm. A* и по своему составу и, добавим, по редакциям отдельных апофтегм, не имеет точных аналогов, и происхождение его остается неясным; не вполне ясно даже то, с какого языка оно переводилось, хотя доводы в пользу перевода с сирийского сейчас опровергнуты⁴. В. Буссе настаивал на сильной

зависимости состава *arm. A* от сирийской модели⁵, но сегодня это видится не столь однозначно: скорее всего, что для нас потеряны какие-то важные звенья цепи, когда-то связывавшей собрания на греческом, сирийском, коптском, армянском и грузинском языках⁶.

Согласно выводам о. Мунитиса, *arm. A* сформировалось после VII в. на основе собрания, сложившегося в диофизитской среде. Так как именно в VII в. значительная часть армянских монофизитов с католиками во главе была в состоянии унии с греками-диофизитами (монофелитами), то велика вероятность монофелитского происхождения и *arm. A*. Общий же греческий архетип *arm. A* и *χ* или сложился в монофелитскую эпоху (633–680), или, если он сложился немного ранее, именно в эту эпоху получил распространение. Сирийские же связи *arm. A*, если они точно таковы, при условии установленности дио-, а не монофизитского происхождения *Arch*, стали бы сильным доводом в пользу усвоения или даже происхождения *Arch* в монофелитской среде.

С другой стороны, близость *Arch* монофелитской среде находит косвенное подтверждение и в близости к собранию св. Амфилохия. Некоторые редкие апофтегмы и, в частности, *BHG* 1445nb (авва Феодор Византийский) дошли в собрании под именем св. Амфилохия, хотя, по наблюдению о. Мунитиса, не принадлежат аутентичной амфилохиейской традиции⁷. Но рукописная традиция самих этих рассказов еще не изучалась⁸. Если же мы обратимся к именам тех, кому они принадлежат, то получим некоторое основание для дальнейших выводов. В одном случае (*BHG* 1445n) это ниоткуда больше неизвестный авва Павел Каппадокийский, но в другом (*BHG* 1445nb) – Феодор Византийский. Трудно предположить в нем иное лицо, нежели известного лидера монофелитов и противника св. Максима Исповедника⁹. Вполне возможно, что сборник амфилохиейских апофтегм был подвергнут цензурованию, при котором исключались рассказы от имени монофелитов. Но если это предположение и не оправдается, *BHG* 1445nb показывает заинтересованность монофелитского компилятора в имени св. Амфилохия Иконийского.

Итак, по данным рукописной традиции можно сделать вывод о формировании *Arch* в монофелитской среде, как о весьма вероятном. На пути к этому заключению мы упомянули об отождествлении двух Феодоров Византийских – оппонента в 640-е годы св. Максима Исповедника и автора апофтегмы *BHG* 1445nb. Это для нас представляет особенный интерес, поскольку близкие по содержанию и стоящие подряд друг за другом в одном рукописном псевдо-амфилохиевом собрании апофтегмы *BHG* 1445n и 1445nb обе посвящены необходимости внешних ограничений в жизни подвижника и, в особенности, необходимости для него читать исключительно псалтирь без всякой примеси тропарей и вообще гимнографии, что весьма созвучно требованию вычитывать полную псалтирь ежесуточно.

¹ Окончание. Начало см.: ВВ. 1996. Т. 56(81). С. 228–237.

² PG 87/3, 3016D, 3017A, 3048B соответственно. Единственный полный русский перевод выполнен вне монашеской школы переводов аскетической литературы и пестрит малоуместными вставками переводчика, неточностями и даже порчей текста (Луг Духовный, творение блж. Иоанна Мосха / Пер. прот. М.И. Хитрова. Сергиев Посад, 1915 (репр. Оптина Пустынь, 1991). Особ. с. 181–185, 210–211 (нумерация глав сбита, название обители всюду пропущено). Для наших целей желательно восстановить неузнаваемо испорченный переводчиком текст гл. 151, из поучений аввы Маркелла (ср. с. 183): "Чада, оставим браки и чадородия взирающим к земле и настоящее возлюбившим и не пекущимся о будущем, ниже подражанию вечных благих поучающимся, ниже временных отчуждаться могущим" (3021A).

³ Munitiz J. Two Stories from the Monida // After Chalcedon. Studies in Theology and Church History / Ed. by C. Laga, J.A. Munitiz, L. Van Rompay. Leuven, 1985. (Orientalia Lovaniensia Analecta, 18). P. 233–253, особ. P. 243, 247.

⁴ Esbroeck M. van Les Apophthegmes dans les versions orientales // Analecta Bollandiana. 1975. 93. P. 381–389, особ. P. 384–385.

⁵ Bousset W. Apophthegmata. Studien zur Geschichte des ältesten Mönchtums. Tübingen, 1923. S. 21, 51.

⁶ Esbroeck M. van. Les Apophthegmes...

⁷ См. указ. в изданной ркп.: Possinus P. Thesaurus asceticus, sive Syntagma opusculorum duodecima de re ascetica scriptorum. Tolosae, 1683. P. 270. Неисконность атрибуции изданных здесь апофтегм амфилохиейскому собранию: Munitiz J. Theognosti Thesaurus. Turnhout; Louven, 1979 (Corpus Christianorum. Ser. graeca, 5). P. LII.

⁸ Рукописи перечислены под номерами текстов в "Novum Auctarium" BHG (1984).

⁹ Был ритором и синодикарием монофелитского архиеп. Константинопольского Павла. См.: Sherwood P. An Annotated Date-List of the Works of Maximus the Confessor. Roma, 1952 (Studia Anselmiana, 30). P. 51–52. CPG 7632.

3.2. "Протоконофелитство" в Монидийской обители по данным "Луга духовного"

Для православного монашества V–VI вв. Халкидонский собор далеко не всегда был знаком Православия – как не стал он им еще и для Церкви в целом, когда ни приверженность к нему не была гарантией Православия, ни неприятие Собора – гарантией ереси. Однако даже на фоне тогдашней запутанности межконфессиональных отношений поведение героя гл. 178 "Луга духовного" выглядит "отклоняющимся". Это был "великий труженик", т.е. подвижник, который по своей простоте причащался без различия то у православных, то у монофизитов, пока не был вразумлен особым видением. Очевидно, что на земле некому было поступить с ним по канонам – отлучить от церковного общения и изгнать из монастыря. Примечательно, что подвижник причащался у еретиков по простоте, а не по упорству – иначе он не сподобился бы и небесного вразумления. Значит, из людей никто его не вразумлял – таково было устройство братии в обители Монидийской.

Гл. 151 содержит материал о другом монидийском подвижнике, и его имя названо: авва Маркелл Скитской. Сказано также, что родом он был из Апамене, т.е. из Сирии (прозвание "Скитской" должно было относиться к прошлому месту жизни). Вся глава представляет собой запись его кратких поучений, которые он произносит в качестве игумена Монидийского. Подобно апофтегмам псевдоамфилохиева собрания его поучения отличаются не совсем обычной строгостью¹⁰. Для нас наиболее примечательно, что самое пространное из них превозносит псалмопение.

Итак, из двух названных глав видно, что обитель Монидийская имела связь с сирийским монашеством в Египте (игумен – сириец, ранее подвизавшийся в Скиту), в ней были возможны еще в VI в. какие-то небольшие колебания относительно Православия, и, наконец, в ней как-то нарочито усердствовали к псалмопению. Что касается последнего, то, судя по псевдоамфилохиевым апофтегмам BHG 1445n и BHG 1445nb, где делается упор на псалмопение вместо тропарей и канонов¹¹, упор на псалмопение мог быть связан еще и с полным отвержением гимнографии. В такой ситуации напрашивается мысль искать дальнейших сведений о обители в сирийских источниках.

3.3. Идентификация обители Монидийской

Важнейшим для идентификации источником оказываются Жития восточных святых яковита Иоанна Эфесского¹². В гл. 27 (Житие Сусанны) здесь повествуется о том, как ссыльные сирийцы-антихалкидониты основали обитель рядом с деревней

¹⁰ См. примеч. 2. Классическая православная традиция от Житий св. Феклы и апостолов (особ. Андрея, Иоанна, Павла, Фомы) и древних апофтегм до св. Николая Кавасилы утверждает возможность истинно христианской жизни в миру при условии, что она ведется при полном отречении от удовольствий, происходящих от мирских благ, хотя бы и при пользовании этими благами (как бы "скрытое", находящееся в неестественных для себя условиях, монашество). Особенность ряда текстов интересующей нас традиции VI и особенно VII в. – определение христианства в миру как заведомо неистинного ("внутреннее монашество" в миру – вне нормы). Примеры, кроме упоминаемых в тексте: св. Иоанн Синайский ("Лествица", степень 1), "Повесть о Варлааме и Иоасафе" (основа VII в., согласно новой датировке о. ван Эсбрёка: Esbroeck M. van. La Sagesse de Balavar à travers la tradition géorgienne // Sagesse de l'Orient ancien et chrétien. La voie de vie et conduite spirituelle chez les peuples et dans les littératures de l'Orient chrétien. Conférences I.R.O.C. 1991–1992 / Textes réunis par R. Lebrun. P., 1993. (Sciences théologiques & religieuses, 2). P. 219–242.

¹¹ Лурье В.М. "Повесть о отцах Иоанна и Софрония" (BHG 1438w) как литургический источник // ВВ. 1993. Т. 54. С. 62–74, особ. с. 63, примеч. 11.

¹² John of Ephesus. Lives of the Eastern Saints / Ed., transl. by E.W. Brooks // Patrologia Orientalis. 1923. 17. P. 87–213; 1924. 18. P. 511–598; 1926. 19. P. 151–285.

m-n-d-y-s, в 24 милях вверх по Нилу от Александрии (вскоре после 519 г.)¹³. Название деревни, осторожности ради оставленное неогласованным в "Тезаурусе" Р. Пэйн Смита¹⁴, было огласовано издателем критического текста Э.В. Бруксом как Mendis, очевидно, по аналогии с современным арабским названием этой деревни Мендише. Но в неогласованной записи угадывается греческий прототип, скорее всего на -ος, что хорошо соответствовало бы названию монастыря (не самой деревни) τῆς Μονῆς или τῶν Μονῶν, как стоит в греческих источниках, т.е. "относящееся к [селению] Μοῦδος".

Примечательно, что не только греческая, но и сирийская монофизитская традиция весьма смутно сохранила память о обители. Одно из свидетельств тому – частое искажение ее названия в рукописи В 875 г. (но в ркп. А 688 г., положенной в основу издания Э.В. Брукса, оно выдерживается точно)¹⁵. Это будет согласовываться с выводом о *damnatio memoriae* обители, который мы сделаем ниже, – *damnatio* равным образом у православных и яковитов, так как обитель стала монофелитской.

3.4. Чин келейного правила

В гл. 13 Житий (Житие Фомы и иже с ним) излагается подробно чин ночного псалмопения одного подвижника Монидийской обители – "блаженного Фомы". Автору Житий пришлось наблюдать исполнение им обычного правила в необычных условиях – когда, где-то между 519 и 530 г., Фоме пришлось жить в частном доме у себя на родине в Амиде до тех пор, пока в 530 г., монофизитам не было разрешено вернуться в свои египетские монастыри¹⁶. В это время Иоанн Эфесский жил от него через стенку. Отметим наперед, что в эти годы собственная монидийская традиция еще не могла успеть сформироваться. Следовательно, коль скоро речь идет все-таки о обычном правиле, перед нами какой-то более древний устав. Перевод соответствующего отрывка представляет трудности, и поэтому предложим пока предварительный вариант:

Служба же его [ἡμῶς θ = λειτουργία αὐτοῦ] от первого часа ночи¹⁷ до самого утра была непрерывной, причем, на каждой мармите * он полагал по-египетски (букв. "египетских") тридцать поклонов, при чтении молитв, до тех пор, пока не исполнял [их] пятьсот за ночь вместе со службой утрени [сафро].

(Дальше рассказывается, как автор узнал о правиле своего соседа благодаря тому, что всю ночь слышал равномерный стук от его поклонов...)

¹³ Patrologia Orientalis. 1924. 18. P. 541–558, особ. P. 547–558, 551–552 (сир. и англ. пер. на двух половинках одной страницы).

¹⁴ R. Payne Smith. Thesaurus Syriacus. Oxford, 1868–1901. Col. 2171, s.v., с примерами только из нашего текста.

¹⁵ См. разночтения на страницах, указанных в примеч. 13 и 16.

¹⁶ Patrologia Orientalis. 1923. 17. P. 187–213, особ. P. 190, not. 3. Цитируемый ниже текст и его перевод – Р. 204; см. также Р. 209. Как параллель данному источнику в несторианской (формально) среде конца VI в. упомянем правило (tešmešta, как и у Фомы) бызымянной подвижницы, которая в детстве решительно повлияла на будущего митр. Сахдону – св. Мартирия (он принадлежал к православному течению в формальном несторианстве, что привело его впоследствии к "расколу"). Эта подвижница "проводила большую часть ночей без сна, в постоянном псалмопении и молитве", тогда как днем к этому прибавлялось чтение Писаний и аскетической литературы (св. Мартирий. Книга о совершенстве. I, iii, 75; Halleux A. de. Martyrius (Sahdona). Oeuvres spirituelles. I. Louvain, 1960 (CSCO, vol. 200 / Scr. syri, t. 86). 47.22–26; франц. пер.: ibid., vol. 201 / t. 87. P. 47–48). Ночью нет чтений, а только псалмопение. Судя по продолжительности, оно должно было включать всю псалтирь (150 псалмов занимают не более 6 часов "чистого времени"). Засвидетельствованность чина в несторианской среде позволяет отодвинуть его terminus ante quem до начала V в., что подтверждается и апофтегмой аввы Елпидия (об авве Елпидии см. начало этой статьи: ВВ. 1996. Т. 56(81). С. 228).

¹⁷ Счет с полуночи! См. примеч. издателя: Patrologia Orientalis. 1923. 17. P. 204. Not. 1.

Мармита – часть яковитской и маронитской псалтири, аналогичная греческой палестинской *кафизме* и сирийской несторианской *hüllālā*, с тем отличием, что последних – по 20, а мармит 15. Так понял этот термин Э.В. Брукс и, как я думаю, оказался прав, хотя и не заметил трудности: более древнее значение термина – специальная молитва, связанная с частью псалтири (у несториан – одна шестидесятая часть псалтири, аналогичная нашей статье, или *славе*). По наблюдениям о. Матеоса, еще ок. 600 г. было обычно лишь такое словоупотребление¹⁸. Это значение здесь не подходит, так как о молитвах сказано особо. В таком случае, мы имеем здесь самое раннее свидетельство о "мармитах" в качестве 15 частей псалтири.

Текст после отметки * нуждается в более тщательном разборе. Приводим текст оригинала по ркп. А с указанием разночтений по ркп. В:

ܬܠܬܐ ܕܡܪܡܝܬܐ ܕܡܪܡܝܬܐ ܕܡܪܡܝܬܐ ܕܡܪܡܝܬܐ ܕܡܪܡܝܬܐ ܕܡܪܡܝܬܐ
ܬܠܬܐ ܕܡܪܡܝܬܐ ܕܡܪܡܝܬܐ ܕܡܪܡܝܬܐ ܕܡܪܡܝܬܐ ܕܡܪܡܝܬܐ ܕܡܪܡܝܬܐ
ܬܠܬܐ ܕܡܪܡܝܬܐ ܕܡܪܡܝܬܐ ܕܡܪܡܝܬܐ ܕܡܪܡܝܬܐ ܕܡܪܡܝܬܐ ܕܡܪܡܝܬܐ [add. ܬܠܬܐ]

Синтаксические связи внутри этого фрагмента могут быть поняты по-разному, в зависимости главным образом от выбора значения слова *metqrīn* – причастной формы рефлексивной породы глагола *qr*¹⁹. Выбрав основное значение – *appelatus est*, – издатель пришел к переводу: "he would make thirty Egyptian genuflexions which are called prayers...". Но "коленопреклонения, называемые молитвами", с точки зрения литургической, абсурд. Поэтому следовало взять значение рефлексива в литургическом словоупотреблении (*lectus, recitatus est*) и тогда трактовать частицу *d-* в *dšlūtē* не как вводящую название (наподобие наших кавычек – так понял Э.В. Брукс), а как вводящую обстоятельственный оборот (или придаточное предложение, что морфологически неразлично) к действию, выраженному глаголом *rm* – "совершать". Указательное местоимение *hālēn* – "эти", переведенное издателем *which*, должно быть понято как именная часть сказуемого (при нулевой связке) еще одного придаточного предложения. Буквальный перевод на русский был бы слишком неловок, и поэтому переводим на церковнославянский, используя дательный самостоятельный²⁰:

(...) тридесять поклонов [В метаний], египетских оных, молитвам чтowym, полагае, дондеже пять сот об [В add едину] ношъ исполняше вкупе со службою утрению.

30 поклонов на 15 мармит составят всего 450 поклонов на полной псалтири (следовательно, на утреню остается 50 поклонов). Поскольку 1 мармита содержит в идеале 10 псалмов, то получаем соотношение 3 поклона на каждый псалом – такое же, как в коптской апофтегме об авве Серапионе (*Ch* 240). Обычное соотношение – 1 поклон на каждый псалом, что в позднейших сирийских уставах обратилось в 1 поклон перед каждой мармитой²⁰. Ясно, что обе традиции – и с 1, и с 3 поклонами – древние; быть может, исконной является первая из них, так как именно она лежит в основе позднейших правил о поклонах на псалмопении. Здесь можно дополнить собранный о. Матеосом материал данными о поклонах согласно уставам, где псалтирь вычитывалась целиком в течение суток.

¹⁸ *Mateos J.* "Sedre" et prières connexes dans quelques anciennes collections // *Orientalia Christiana Periodica*. 1962. 28. P. 239–287, особ. P. 243. Ср. примеч. 24.

¹⁹ *Payne Smith R.* *Thesaurus Syriacus*. Col. 3714.

²⁰ *Mateos J.* *L'Office divin chez les Chaldéens* // *La prière des heures* / Éd. Mgr Cassien, B. Botte. P., 1963 (Lex orandi, 35). P. 253–281, особ. P. 272–273.

1. Славянское "Сказание о псалтири"²¹: после каждой кафизмы ночного псалмопения (на котором вычитывается большая часть псалтири) 9 поклонов. Число 9 образуется из трех поклонов, соответствующим 3 статьям каждой кафизмы. Статьи являются древнейшим подразделением богослужебной псалтири (не позднее IV в.) и содержат (в идеале) 3 псалма²². Славянское "Сказание", чин которого я датирую VII в., в отношении поклонов имеет в виду псалтирь без больших подразделений (кафизм).

2. Повечерие по сиро-палестинскому часослову (= СПЧ) (соответствует греческому синайскому и, вероятно, палестинскому монашескому чину VII в.²³): в конце первой части повечерия, исторически соответствующей концу ночного псалмопения, на 40-кратном *Господи помилуй* 15 поклонов. Бросается в глаза соответствие последних поклонов на каждой из 15 мармит в позднейших сирийских чинах. Совпадение в числе выглядит тем менее случайным, что сиро-палестинский чин повечерия обнаруживает близкое родство с чином славянского "Сказания" и явно имеет корни в той эпохе, когда вычитывание ночью полной псалтири было нормальным (ср. данные настоящей статьи и, особ., ниже, материал о "Лестнице"). Но увидеть здесь реликт чина вычитывания полной псалтири, состоявшей из 15 мармит (а не 20 кафизм), мешает, как будто, мелькитская принадлежность СПЧ при отсутствии в нем других элементов маронитского обряда.

Только теперь, после рассмотрения свидетельства Иоанна Эфесского, появляется решительный довод в пользу отражения в СПЧ яковитского и маронитского деления псалтири. С одной стороны, известна монофелитская принадлежность СПЧ (во всяком случае, формальная). С другой стороны, обещанный вывод о монофелитстве Мондийской обители в VII в. (см. ниже) позволит объяснить естественным образом, как яковитское нововведение проникло к мелькитам. Повторим, что для этого потребовалась более ранняя датировка введения 15 мармит, возможная лишь по данным Иоанна Эфесского. Сирийско-греческая среда, в которой развивалось богослужение Мондийской обители, вероятно, нашла отражение не только в переведенном с греческого СПЧ²⁴.

50 поклонов на утрени также интересны для структуры службы. Обычно-земные поклоны относятся к заключительным молитвословиям всех служб, что хорошо сохраняется в современном великопостном богослужении (по уставу так следует служить и в другие посты). Для тех же молитвословий характерны 40-кратные *Господи помилуй*. В славянском "Сказании о псалтири" для поста здесь вместо 40 раз имеем 50. Обычно в посту сохраняется более древнее богослужение. В данном случае это подтверждается чином аввы Нила Синайского (*BHG* 1438w), где в чине воскресного бдения также 50 *Господи помилуй*.

²¹ Данные о издании и схема устава: *Лурье В.М.* Славянское "Сказание о Псалтири" как историко-литургический источник // *BS*. 1996. 57. С. 140–155.

²² *Mateos J.* Office de minuit et office du matin chez s. Athanase // *Orientalia Christiana Periodica*. 1962. 28. P. 173–180, особ. P. 175.

²³ О литургическом значении памятника (с библиографией) и о чине повечерия: *Лурье В.М.* Славянское... О родстве чина утрени с чином аввы Нила (*BHG* 1438w), где вычитывалась полная псалтирь: *Лурье В.М.* "Повествование..." С. 72–73.

²⁴ В частности, сиро-яковит. ркп. British Museum. Add. 17129 (VII–VIII вв.) содержит собрание расположенных по алфавиту 22 молитв "между мармитами" – но по алфавиту греческому (несмотря на то что количество букв этого алфавита соотв. сир.): *Mateos J.* Une collection syrienne de "prières entre les marmyata" // *Orientalia Christiana Periodica*. 1965. 31. P. 53–75, 305–335.

Итак, древность числа 50 и обычная отнесенность серии земных поклонов к концу службы заставляют нас отнести 50 поклонов на утрене "блаженного Фомы" к заключительным молитвословиям (вероятно, с *Господи помилуй*).

3.5. Идентификация обители, описанной в "Лествице"

В 4 и 5 степенях "Лествицы", а также в "Слове к пастырю" св. Иоанна Синайского (VII в.) много сказано об одной обители недалеко от Александрии, в которой автор когда-то побывал как паломник²⁵. О строгости тамошней жизни не скажешь яснее святого отца: "Удивляться трудам сих святых дело похвальное; ревновать им спасительно; а хотеть вдруг сделаться подражателем их жизни есть дело безрассудное и невозможное"²⁶. По всему видно, что монастырь должен был обладать исключительным духовным авторитетом. Тем более непонятно, почему как монастырь, так и его настоятель – "великий муж" и "светило светил" – так и остаются у св. Иоанна неназванными. Впоследствии это даже привело к необычному явлению в нашем церковном календаре: под 7 июля в нем значится память преп. Акакия, иже в "Лествице" – не в монастыре, а в книге! Зная традиции греческой аскетической литературы, подобное умолчание св. Иоанна невозможно считать неумышленным. Самое вероятное объяснение для него – какой-то род *damnatio memoriae* монастыря уже в пору написания "Лествицы", спустя не более, чем несколько десятилетий после описываемых в ней событий. Ближайшая параллель – исключение имени Евагрия Понтийского из почти всех греческих текстов после его осуждения. В исторической ситуации VII в. подобные явления могли быть связаны с монофелитской унией. Подтвердить высказанную здесь гипотезу позволяют следующие соображения.

Описанный в "Лествице" монастырь, насколько мне известно, до сих пор не поддается идентификации, несмотря на значительное количество ярких примет: близость к Александрии, исключительная строгость устава, большой духовный авторитет уже к началу VII в., большое число братии и, видимо, значительная территория (по крайней мере, кроме основной территории, имелся уже и удаленный метох – знаменитая "Темница"). Это совсем не то же самое, что идентифицировать какую-нибудь глухую пустынь.

После сказанного выше ясно, что единственный кандидат – обитель Монидийская – близкая к Александрии, очень строгая по уставу, имевшая значительный авторитет уже ко времени св. Иоанна Мосха (рубеж VI и VII вв.), наконец, балансировавшая между православием и монофизитством еще прежде монофелитской унии. Для такой обители, основанной яковитами, принятие монофелитской унии было, рассуждая по-человечески, естественно (сама уния из различных монофизитских сект ориентировалась на сирийское яковитство). При своем авторитете именно этой обители было естественно стать духовным центром монофелитства в Египте и тем самым заслужить *damnatio memoriae* и у православных, и у монофизитов. Отсюда ее почти полное исчезновение из письменности тех и других и вероятная связь дошедших, несмотря ни на что, реликтов с монофелитской средой.

Особый аргумент в пользу предположенной идентификации обители дает литур-

гика. Монидийский чин псалмопения находит соответствие в данных "Лествицы"²⁷. Один из монахов, преп. Мина (характерно, что св. Иоанн не скрывает имен рядовых монахов, а только настоятеля, очевидно, потому, что лишь последнее легко выдавало секрет обители), подойдя к игумену после общих вечерних молитв взять правило (о числе келейных молитв, поклонов и т.п.), как это следовало по уставу монастыря²⁸, и положив земной поклон, был оставлен игуменом в таком положении до времени утреннего правила. "Ученик же преподобного Мины, утверждая истину сего происшествия, сказывал: Я прилежно допытывался у него, не напал ли на него сон, когда он был оставлен игуменом в таком положении? Преподобный отец открыл мне, что лежа на земле, он прочитал наизусть всю псалтирь". Знание псалтири наизусть не было редкостью, тем более среди монахов, но примечательно то, что псалтирь читалась тогда, когда можно было, казалось бы, ожидать молитвы *προωλύτο* (наподобие Иисусовой), тем более, что именно таковым деланием устав обители предписывал заполнять все время между уставными молитвословиями²⁹. Это и заставляет думать, что чтение псалтири в течение ночи было уставным³⁰, и соль этого рассказа заключается в том, что необычное положение тела не заставило преп. Мину отступить от обычного правила. Таким образом, мы имеем здесь греческую параллель к сирийскому рассказу Иоанна Эфесского.

Если Монидийская обитель приняла монофелитство, то быстрая "погибель" ее "памяти" была предreshена: в отличие от монастыря Мар Марона, который еще в рамках Православия напоминал по самостоятельности поместную церковь³¹, она не имела столь же самостоятельной традиции. Никакого "монидийского синтеза", аналогичного маронитскому или синаитскому, не успело произойти. Тем не менее, после арабского завоевания Египта и последовавшего за тем изгнания оттуда диофизитских и яковитских монахов носители "монидийской" традиции внесут закваску новых духовных движений в монашеские центры от православного Синая до яковитского Шингара (Персия)... Но это тема другого исследования³².

²⁷ PG 88, 697B–700A; рус. пер., с. 35–36.

²⁸ Слово к пастырю. 14; PG 88, 1200CD.

²⁹ Лествица. 4; PG 88, 685C.

³⁰ В "Слове к пастырю" упоминается, что назначаемое келейное правило перед сном могло состоять из 30, 50 или 100 псалмов, читаемых наизусть (PG 88, 1200C). Можно заключить, что знание псалтири наизусть в монастыре было нормой, хотя и не для всех было в обычае вычитывание ее целиком ежедневно.

³¹ Ср.: Naaman P. Théodoret de Cyr et le monastère de Saint Maroun. Les origines des maronites. Essai d'histoire et de géographie. Kaslik, 1971 (Bibliothèque de l'Université Saint-Esprit, III). Произведение тенденциозной маронитской историографии, представляющее все же интерес в качестве свода источников. Вопрос о происхождении маронитов для современной науки остается вне досягаемости. Сохраняет известное значение: *Vailhé S. L'Église maronite du Ve au IXe siècle // Échos d'Orient*. 1906. 9. P. 257–268, 344–351. Status quaestionis до сих пор определяется работой: *Gribomont J. Documents sur les origines de l'Église Maronite // Parole de l'Orient*. 1974. 5. P. 95–132. Небольшая (77 с.) монография: *Garcione F. La genesi storico-teologica del monotelismo maronita*. Roma, 1990 весьма интересна в отношении истории богословских идей, но не привносит ничего нового в отношении историко-культурном.

³² Автор сердечно благодарит тех, кто помог ему в выполнении этой работы, и особенно – отцов J. Munitz'a и M. van Esbroeck'a, Общества Иисусова, а также о. Василия Grolimund'a.

²⁵ Лествица. 4 (PG 88, 681C–728), 5 (764D–777B); "Слово к пастырю". 14 (1200A–D). Близость к Александрии видна из рассказа об архидиаконе Македонии (696B–697A), который уходил из обители в Александрию, отлучаясь "ненадолго", и отчасти из рассказа о разбойнике покающемся (681C–684D), который изъявлял готовность к публичному покаянию "даже посреди Александрии". Ср. также рассказ об Исидоре, происходившем из князей Александрии (689A).

²⁶ Рус. пер. по изд.: Преп. Отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица. Сергиев Посад, 1908 (репр. М., 1991). P. 39.

Н.И. Сериков
**"САРАЦИНСКИЙ ЛЕКСИКОН":
 "ΦΑΚΥΝΟΝ" И "ΓΗΖΟΙ ΕΛΛΙΟΥ"**

(О "словах-призраках" в византийском фармацевтическом глоссарии XV в. и их роли в изучении арабо-византийских контактов в средние века.)¹

Введение

Задача данной статьи² состоит в том, чтобы на конкретном примере византийского перевода арабского фармакологического глоссария (дошедшего в двух рукописях XV в.) продемонстрировать, как византийские врачи понимали арабских, избегая, тем самым, соблазнительных обобщений, столь нередких, когда речь идет о взаимовосприятии и взаимовидении людей средневековья.

Греческо-арабские и, в частности, византийско-арабские отношения в последние полтора десятилетия перестали быть маргинальной темой как в византиноведении, так и в арабистике. Свидетельство этому – не только возросшее количество статей и монографий, но также две специальные серии – "Graeco-Arabica" и "Studies in Late

¹ Я очень признателен моим коллегам по Wellcome Institute for the History of Medicine (London) за оказанную помощь. Так, Болеслав Леонидович Лихтерман предоставил в мое распоряжение свой компьютер с русским процессором, он же вместе с Ириной Евгеньевной Сироткиной и Фрэнсис Иолиной Бернштейн прочли статью и высказали ряд замечаний. Я от души благодарен моему директору, проф. Вивиану Арчибалдовичу Нуттону и зав. отделом Лоуренсу Сэмьюэловичу Конраду за любезное разрешение писать статью во время экзаменационной сессии. Равным образом я благодарен моим студентам за понимание и терпение. Менее всего я благодарен авторам и разработчикам пакета Windows 95 (Microsoft), так как программа вела себя непредсказуемо и часто ломалась.

² В работе приняты следующие сокращения:

ЛС – Lexique de mots d'origine arabe // Texts grecs inédits relatifs aux plantes / Par Margaret H. Thomson. P., 1955. P. 139–168.

Антаки – Дауд б. Умар ал-Антаки. Таджир-т уль-л-албаб ва-л-джамй' ал-'уджаб. Каир, 1371/1952. Т. 1–2.

Бируни АБ – Chronologie orientalischer Völker von Alberuni / Ed. E. Sachau. Leipzig, 1923. Nachdruck.

Бируни Фармакогнозия – Al-Biruni's Book on Pharmacy and Materia Medica / Ed. With English Translation by Hakim Mohammed Said. Karachi, 1973.

Делатт – Delatte A. Glossaires de Botanique // Anecdota Atheniensia et alia. Liège, 1939. T. 2.

Д/гр/ – Dioscurides De materia medica / Ed. M. Wellmann. B. Bd. 1. 1907; Bd. 2. 1909; Bd. 3. 1914.

Д/ар/ – Dubler C.E., Teres E. La "Materia Medica" de Dioscorides // Transmission médiéval y renacentista. Vol. 2. La version arabe de la "Materia Medica" de Dioscorides (Tuan y Barcelona, 1952–1957).

Д/нат/ – Китаб ал-хашайш фи хайуль-л-иллаж ат-тиббий ли-дйускурйдус мин ислах, ал-Хусайн б. Ибрахим ан-Натйль Ms. Leiden Or. 289 Wagn. (=Leiden 1301). Рукописи не видел. Варианты чтений цитирую по карандашным заметкам проф. Манфреда Ульманна (Тюбинген) на полях его экземпляра Д/ар/, предоставленному в мое распоряжение. Я благодарю проф. Ульманна за эту возможность.

Дитрих/Диоск – Dioscurides Triumphans. Ein anonymer arabischer Kommentar (Ende 12. Jahrh. N. Chr.) zur Materia Medica. Arabischer Text nebst kommentierter deutscher Übersetzung herausgegeben von A. Dietrich. Göttingen, 1988. Bd. 1–2. На настоящее время труд А. Дитриха является лучшим в области арабской ботанической фармакологии. Как сказано в предисловии, в составлении комментария приняли участие ряд специалистов, среди них – ботаники. Их определения растений позаимствованы также в настоящей статье. Случаи расхождения оговариваются особо.

© Н.И. Сериков

Antiquity and Early Islam", выходящие достаточно регулярно³. Несмотря на то что в оборот все больше оказываются включенными новые источники, связанные с материальной культурой, письменные памятники, тем не менее, продолжают оставаться одним из главным объектов исследования. За редким исключением подход к ним мало изменился: из разбросанных и бессистемных сведений историки стремятся скомпоновать более или менее стройную картину изучаемых ими событий, дополняя и проверяя ее по другим источникам. Стройность эта, тем не менее, нередко обманчива, так как не всегда известно, все ли ключевые источники находятся в распоряжении исследователей.

Еще сложнее обстоит дело со "взглядом со стороны". В области византийско-арабских отношений пример многих работ, начиная с "Византии и арабов" А.А. Васильева, свидетельствует, что исследователь неминуемо оказывается в плену сообщений письменных источников⁴. Наиболее показательна в этом отношении недавняя монография французского ориенталиста Андре Микеля. В многотомном труде, посвященном арабской географии как отражению арабского ученого представления о природе *ал-ма 'мұры* (=ойкумены) и ее обитателях, он уделил весьма значительное внимание различным соседям арабов и среди них – византийцам⁵. Микель собрал и скомпоновал всевозможные сведения о них, содержащиеся в арабской географической традиции. Мне представляется, однако, что полученная в результате картина не совсем адекватно отражает представления даже самих арабских географов, не говоря уже об арабах вообще. Здесь достаточно вспомнить, что между арабскими географами, труды которых анализирует Микель, лежат

ИБ – Дийауддйн Абу Мухаммад 'Абдаллах б. Ахмад Ибн ал-Байтар. Ал-Джамй' ли-мудфрад'т ал-адвийа ва-л-агдийа. 1–4. Булак 1921.

ИБ/неп/ – Traité des Simples par Ibn el-Beithar, trad. L. Leclerc. Vol. 1–3 (=Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque Nationale 23.1, 25.1, 26.1). P., 1877, 1881, 1883.

ИБ/тафсир/ – Die Dioskurides-Erklärung des Ibn al-Baitar. Ein Beitrag zur arabischen Pflanzensynonymik des Mittelalters. Arabischer Text nebst kommentierter deutscher Übersetzung, hrsg. von Albert Dietrich. Göttingen, 1991.

ИС – Абу 'Али Ибн Сйн. Ал-Канун фи-т-тибб. Булак, [б.г.].

ИС/неп/ – Абуали Ибн Сина (Авиценна). Канон врачебной науки. Ташкент, 1981. Кн. 1 (пер. с араб. М.А. Салье и др.); 1982. Кн. 2 (пер. с араб. Ю.Н. Завадовского и др.); 1979. Кн. 3 (1) (пер. с араб. У.И. Каримова и др.); 1980. Кн. 3 (2) (пер. с араб. П.Г. Булгакова и др.); 1980. Кн. 4 (пер. с араб. М.А. Салье и др.); 1980. Кн. 5 (пер. с араб. У.И. Каримова).

Йакут. Словарь – Jacut's Geographisches Wörterbuch aus den Handschriften zu Berlin, St-Petersburg, Paris, London und Oxford / Hrsg. von F. Wüstenfeld. Leipzig, 1866–1873.

Рази Хави – Абу Бакр Мухаммад б. Закарийа ар-Рази. Китаб ал-Хавй фи-т-тибб. Хайдарабад, 1970. Т. 1–22.

WMS Or. – A Catalogue of Arabic Manuscripts on Medicine and Science in the Wellcome Historical Medical Library / By A.Z. Iskandar. L., 1967.

Все источники цитируются в моем переводе, так как в ряде случаев я привлекал рукописные чтения, не учтенные в предыдущих изданиях.

³ Graeco-Arabica / Ed. V. Christides. Athens; Studies in Late Antiquity and Early Islam / Ed. L.I. Conrad and A. Cameron eds. Princeton; New Jersey.

⁴ Не будет ошибкой утверждать, что в большинстве штудий в области арабо-византийских отношений посвящены или военной или богословской проблематике. По всей видимости, контакты между арабами и византийцами не лежали исключительно в этих областях, но, тем не менее, эти вопросы их весьма заботили, а следовательно, и нашли свое отражение в письменных источниках. О том, насколько могут быть причудливыми интересы к другой культуре, свидетельствует пример, недавно приведенный моим коллегой по Институту, индологом Dominik Wujastyk на заседании "Азиатского семинара". Будучи с августа 1994 г. по апрель 1995 г. по служебной надобности в Индии, Др. Вуястик регулярно читал помимо местной индийской прессы также англоязычные индийские газеты "Indian Express" и "The Times of India". По обыкновению, заграничная хроника занимала в них крайне немного места. Но однажды эти две газеты вышли под шапкой "News from Germany" – "Новости из Германии". В них сообщалось исключительно о том, что некая пара в Мюнстере (Северный Рейн-Вестфалия) венчалась в ванне, наполненной жидким шоколадом.

⁵ Miquel A. La géographie humaine du monde musulman jusqu'au milieu du 11-e siècle. P., 1975. Vol. 2.

столетия⁶. При этом даже если одни и те же сведения кочевали из сочинения в сочинение (как это и имело место), то и тогда они по-разному читались различными людьми и в разное время.

Если работа Микеля, тем не менее, и позволяет получить хорошее представление об арабской литературной и исторической традиции, в русле которой лежали сообщения о византийцах, она все-таки не дает ответа на вопрос, какой представлялась Византия читателям этих произведений. Прежде всего, необходимо уяснить, кто были эти читатели, много ли их было? Одинаково ли читали одни и те же произведения жители приграничной полосы, нередко встречавшиеся с византийцами, и жители Багдада или Дамаска, для которых они были по большей части заморскими гостями и отдаленными соседями? Вопросов, конечно же, больше, чем ответов. Но пока хотя бы на часть из них ответы не получены, делать обобщающие выводы о "взаимовидении" мне представляется преждевременным.

Конечно же, вины Микеля в том, что его исследование не дает ответа на эти вопросы, нет. Таково состояние источников: средневековые авторы, люди своего времени, писали о том, что заботило и интересовало прежде всего их самих. Окружающий контекст этих источников – ученые споры, пристрастия, сплетни – бесповоротно исчезли, а без них – не прочесть ни один памятник так, как его могли читать современники. Тем ценнее те немногие источники, которые позволяют взглянуть на явление или событие с двух сторон и восстановить утерянный контекст. Например, понять как византийцы (в нашем случае – византийские врачи) читали арабское медицинское сочинение, при условии, что текст именно этого сочинения находится в нашем распоряжении или же поддается **убедительной** реконструкции. Анализ такого источника, обладающего "обратным действием", – задача данной статьи.

Источник

В основе настоящей работы лежит греческий толковый глоссарий ботанико-фармацевтических и медицинских терминов, озаглавленный "Сарацинский лексикон" – Λεξικὸν τῶν Σαρακηνῶν (далее: *ЛС*). Изданный в 1955 г. по двух рукописям XV в. (Parisinus Graecus 2180) и (Parisinus Graecus 2287), он, очевидно, был написан много раньше XV в., но определить это точно пока не представляется возможным⁷. Маргарет Томсон, издавшая *ЛС* вместе с другими медицинскими византийскими сочинениями, отдала должное его уникальности (*ЛС*. С. 142–143, введение). Вместе с тем, она видела в нем лишь "определитель названий растений с параллельными эквивалентами на древне- и среднегреческом, латинском, арабском и персидском языках" (*ЛС*. С. 139, введение). Как это видно из описания *ЛС* Г. Хунгером, точка зрения Томсон не претерпела изменения и до недавнего времени⁸. Между тем, *ЛС* – нечто большее, чем просто лексикографический курьез. Однако, чтобы увидеть это, необходимо отказаться от его оценки, данной Томсон и спустя двадцать лет неточно повторенной Хунгером.

⁶ Например: Абу-л-Хасан б. ал-Хусайн ибн 'Али ал-Мас'уди умер около 956 г. РХ, тогда как Йакут б. 'Абдаллах ар-Руми ал-Хамави – в 1229 г. РХ.

⁷ Томсон относит Parisinus Graecus 2180 к 1470 г. (на основании филиграней) и Parisinus Graecus 2287 ко второй половине XV в.

⁸ Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. 2. S. 272: "Ein Λεξικὸν τῶν Σαρακηνῶν will arabische und griechisch-byzantinische Pflanzennamen konfrontieren. Dabei sind die arabischen Bezeichnungen oft Lehnwörter aus dem Koptischen, dem Persischen oder dem Türkischen; die griechischen Entsprechungen wiederum bedeuten eine Bereicherung des byzantinischen lexikographischen Materials".

М. Томсон снабдила свое издание подстрочным комментарием, который на настоящее время практически полностью устарел. Ошибкой исследовательницы было то, что она поняла заглавие памятника буквально и, отказавшись от поисков греческого контекста, искала "сарацинские", т.е. арабские эквиваленты там, где их в ряде случаев и не могло быть вовсе⁹. Для того, чтобы ясно осознать, что же представляет собой *ЛС*, к нему надлежит подходить с учетом традиции и практики переводов научных текстов с греческого на арабский в средние века. Вкратце обрисую ситуацию.

Основная масса этих переводов приходится на VIII–X вв. Однако, в силу отсутствия в арабском языке к тому времени четко разработанной научной терминологии¹⁰, большинство их было двуступенчатым. Так, в очень многих случаях переводы осуществлялись не непосредственно с греческого на арабский, но через промежуточный язык. Им, как правило, был сирийский¹¹, но им мог быть также коптский¹² и пехлеви¹³. Эти промежуточные языки оказали значительное влияние не только на выработку арабской научной лексики, но и на орфографию научных терминов, нередко представлявших собою **транслитерации** соответствующих греческих слов. Как таковые, они сохранили греческую структуру (например, окончания, постановку *Matrum lectionis* на местах главного и добавочного ударений и т.д.). За этими словами в арабском языке сохранилось название *йūnānī* (что примерно можно перевести не только как "древнегреческие", но в ряде контекстов даже "научные") в противовес словам, определяемым как *рūmī* (= ромейские), т.е. **фонетическим транскрипциям** прочих греческих слов и среди них не только научных¹⁴. Несмотря на размытость границ между этими определениями (а порой и прямо противоположное использование) можно утверждать, что различие между ними было весьма значительным.

В силу особенностей арабской графики, где лишний (или непроставленный) диакритический знак над (или под) буквой (например, точка) мог изменить слово до неузнаваемости, среди средневековых арабских ученых сложился определенный метод запоминания научной терминологии, в том числе и слов *йūnānī*. Эти слова заучивались **наизусть визуально**, т.е. по "скелету" (рисунку) слова (по-арабски – *ар-расм*), независимо от диакритики¹⁵. Метод этот был бесспорно удобен, так как позволял достаточно точно передавать информацию – условие важное (применительно

⁹ *ЛС*. С. 142: "il n'est pas, non plus lié étroitement au texte de Dioscoride: quelques vagues réminiscences seulement ont pu être notées". On a aussi pensé à la liste de mots égyptiens, africains, latins, espagnols, etc. donnée sous le titre *Nomina plantarum*, mais elle n'a rien de commun avec notre texte".

¹⁰ Ср. недавно вышедший из печати сборник статей: La formation du vocabulaire scientifique et intellectuel dans le Monde Arabe / Ed. D. Jacquart. Turnhout, 1994.

¹¹ См. обширную библиографию работ, приведенную С. Брокком: Brock S.P. Greek Words in Syriac: Some General Features // Scripta Classica Israelica. 1996. 15. P. 251–262.

¹² См. замечания на этот счет: Den Heijer H. Mawhub ibn Mansur ibn Mufarrig et l'historiographie copto-arabe: Etude sur la composition de l'Histoire des patriarches d'Alexandrie. Louvain, 1989. (CSCO, 513, Subsidia 83). P. 31–44.

¹³ Studia Semitica necnon Iranica. Rudolpho Macuch Septuagenario ab amicis et discipulis dedicata. Wiesbaden, 1989. Там же библиография к статье И. Панусси.

¹⁴ Serikoff N. *Rūmī* and *yūnānī*: Towards the Understanding of the Greek Language in the Medieval Muslim World // East and West in the Crusader States. Context – Contacts – Confrontations. Louven, 1966. P. 169–194, особ. P. 193–194.

¹⁵ Об этом методе ср. замечания врача-христианина Са'ида б. Хибаталлаха б. Ибрахима Абу-л-Хасана Ибн ат-Тилимид а (560 ГХ / 1165 РХ) в сочинении Ал-макал а-л-аминийа фи-л-адвийа-л-бимаристанийа в ркп. WMS. Ор. л. 156a.8 – 157a.3, а также: Serikoff N. The *yūnānī* Greek. Its Learning and Understanding by the Medieval Arab scholars (в печати).

к медицине) вне зависимости от возможных ошибок, сделанных писцом, и особенно – от локального произношения по всей территории, где использовалась арабская графика¹⁶. Наряду с этим, он имел также один существенный недостаток. Так, одно и то же слово, будучи записанным в различной орфографии, нередко воспринималось как два различных слова. Примеры этому нередки в арабских научных сочинениях. Наиболее красноречивым является, однако, пример Абū Усмана ал-Джāхиза (ум. 255 ГХ / 869 РХ), одного из образованнейших людей своего времени, плодовитого писателя, обладавшего пытливым умом. Он рассматривал две орфографические формы одного и того же греческого имени собственного "Демокрит" (соответственно ديمقراط и تومقراط) как два разных имени, под которыми скрываются два различных человека¹⁷.

Результатом использования системы запоминания иностранной терминологии по расму явилось то, что многие слова заучивались, как правило, только визуально¹⁸ – в их "скелетной" форме, ибо не могли быть произнесены при отсутствии представленной диакритики и огласовки. Этот факт, не сразу бросающийся в глаза в рамках арабского текста, оказывается заметным при анализе текстов, переведенных с арабского языка на любой другой, который не использует арабской графики. Действительно "пустой" радикал (т.е. "крючок" без диакритических точек) неопытным или малообразованным читателем (и переводчиком) мог быть, например, "восстановлен" как нун, бā, mā, yā или ʿa и соответственно прочитан: [н], [б], [т], [й], [с], что порождало массу ошибок¹⁹.

Учитывая сказанное выше, становится понятно наличие "древнегреческих" слов в ЛС. Причина тому – содержание большого количества калек-терминов йūnānī (т.е. греческих слов, транслитерированных на арабский через посредство сирийского языка), которые в арабской ботанико-фармакологической традиции уже нередко воспринимались как арабские. Как устоявшаяся арабская терминология эти слова были переведены (или скалькированы) в ЛС обратно на греческий. То, что в основе ЛС лежит арабское сочинение, восходящее к греческому источнику, подтверждается также рядом наблюдений: 1. Одно и то же греческое слово нередко встречается в ЛС в нескольких формах, которые порой воспринимаются как различные слова (ср.: ЛС 8 ḍm, ЛС 39 ḍmʿon – т.е. *Ammi visnaga* L., sive *Trachyspermum coticum* [Link.] – 'ажгон', или ЛС 92 ḥkklēlēmēlek, ЛС 96 ḥlāl ḥl mūlk, ЛС 100 ḥklāl – все *Melilotus officinalis* Lam. – 'донник лекарственный')²⁰; Наряду с именительным падежом леммы встречаются также в родительном падеже (ЛС 119 ḥwṇou,

ЛС 226 ḥmṭrīṭou и т.д.). Родительный падеж заимствования был весьма присущ арабской ботанико-фармакологической традиции, так как слово заимствовалось или непосредственно из описания растения (perl tīnōs!²¹) или из рецепта, например, "возьми боярышника (род. пад.!) столько-то частей..."

Дальнейший анализ лексики ЛС показал, что в нем содержится также много заимствований из романских языков (например, ЛС 9 βερδέ ῥάμε, т.е. *verdugama*, 'зеленый купорос' и т.д.). Равным образом и это явление весьма присуще арабской ботанико-фармакологической традиции, использовавшей, особенно в XI–XIII вв., большое количество романской лексики²².

Еще раз суммируем приведенные выше данные. Они позволяют видеть в ЛС источник, в основе которого лежит арабский ботанико-фармакологический справочник, базирующийся, в свою очередь, на переводах с греческого. Наличие заимствований из романских языков дает возможность предположить, что этот арабский источник был непосредственно связан с объемным компилятивным трудом врача Дийā ад-Дйна Абū Мухаммада 'Абдаллаха б. Ахмада по прозвищу Ибн ал-Байтар (ум. в Дамаске в 646 ГХ / 1248 РХ) – Полным перечнем простых лекарств и снадобий ("Китаб ал-Джāми' ли-л-муфрадāt ал-адвийа ва-л-аḍдийа")²³. Наряду с романской лексикой в компиляции Ибн ал-Байтара в изобилии присутствуют также греческие (йūnānī) калки. В свою очередь, они восходят к арабскому переводу Диоскоридовой "Materia Medica", выполненному в середине IX в. Истафаном б. Басй лем под редакцией и при участии великого Хунайна б. Исхāка²⁴. Равным образом ЛС мог быть связан и с греческим переводом медицинского компендия Ибн ал-Джаззара (ум. 395 ГХ / 1004 РХ) "Зад-ал-Мусāфир" ("Снаряжение путешественника"). Этот перевод, по-гречески озаглавленный Εφοδία τοῦ ἀποδημοῦντος оказал значительное влияние на позднейшую византийскую ботанико-фармакологическую традицию. Некоторые из объяснений "Зад ал-Мусāфир" точно соответствуют леммам ЛС (ср. пример 27)²⁵.

Здесь мне хотелось бы высказать осторожное предположение о том, как возник и чем в сущности являлся ЛС. Каждая из содержащихся в нем лемм – объяснение незнакомого слова (названия лекарства). Ни о качествах лекарств, ни об особенностях лекарственных трав нет и речи. Судя по некоторым примерам (пример 17, 19), греческие переводы были надписаны над арабскими словами. В этом случае логичнее всего было бы предположить, что ЛС – изначально не что иное, как греческое оглавление арабского фармакологического трактата. В пользу этого говорит также и то, что леммы в арабских фармакологических трактатах всегда начинались с объяснений незнакомых слов-терминов и их синонимов. Будучи переписанным, это оглавление, вероятно, стало восприниматься как самостоятельное сочинение.

Приведенные выше факты позволяют утверждать, что ЛС – уникальный памятник для изучения истории арабо-византийских культурных отношений. Во-первых, это перевод с арабского языка, причем, если и не известен точно арабский

¹⁶ Так одно и то же арабское имя собственное Гафур, включающее аффрикату [ф] и записанное как (غفور) на территории бывшей Советской Средней Азии, узбек произносит как [Гапур], а таджик как [Гафур]. В кириллице это имя пишется соответственно по-разному.

¹⁷ *Rasāʾil al-Jāhiz ... djamā'a-ha wa-našara-ha Ḥasan al-Sandūbi*. Каир, 1933 (фи-матба'а ал-рахмā-нийа би-миср. Шāри' ал-Харнафаш 40).

¹⁸ Именно цель восстановить испорченный текст преследовало заучивание наизусть ученых текстов, практиковавшееся в арабской системе обучения. Студент должен был максимально точно повторить сказанное учителем. *Berkey J. The Transmission of Knowledge in Medieval Cairo. A Social History of Islamic Education*. Princeton, 1992. P. 18.

¹⁹ Ср. латинскую передачу арабских транслитераций греческих имен собственных в: *Ruska J. Turba Philosophorum. Ein Beitrag zur Geschichte der Alchemie // Quellen und Studien zur Geschichte der Naturwissenschaften und der Medizin*. B., 1931. Bd. 1. S. 320–329.

²⁰ Явление крайне характерное для арабских ботанико-фармакологических сочинений; ср.: Рази Хави 22 260a.11 (табл.) فسطاطلن, Рази Хави 22 262.3 (табл.) فسطاطلن, Рази Хави 22 268.12 (табл.) فسطاطلون – все это – калки одного и того же греческого слова – πεντάφυλλον (*Potentilla erecta* L.).

²¹ *Schmucker W. Die pflanzliche und mineralische Materia Medica im Firdaus al-Hikma des Ali Ibn Sahl Rabban at-Tabari*. Diss. Bonn, 1969. S. 66. Nr. 28. Anm. 2.

²² См. замечания А. Дитриха и цитированную литературу: Дитрих/Диоск. 2. С. 67–70.

²³ *Ullmann M. Die Medizin im Islam*. Leiden, 1970. S. 280–283 и Введение А. Дитриха к изданию ИБ/тафсир/. С. 19–22.

²⁴ *Ullmann M. Die Medizin...* S. 259.

²⁵ *Ibid.* S. 148. Насколько мне известно, ни "Зад ал-Мусāфир", ни его греческий перевод до сих пор полностью не изданы. Отрывки см.: *Daremborg Ch. Notices et extraits des manuscrits médicaux grecs et latins des principaux bibliothèques d'Angleterre. Recherches sur un ouvrage qui a pour titre Zad elMouc afir, en arabe, Ephodes, en grec, Viatique, en latin, et qui est attribué dans les textes arabes et grecs à Abou Djafar et dans le texte latin à Constantin // Archives des missions scientifiques et littéraires. Choix des rapports et instructions*. P., 1851. P. 490–527.

источник, то доподлинно известна традиция, к которой он принадлежал (см. ниже). Во-вторых, с большой степенью уверенности можно определить заказчиков или читателей такого рода продукции. Ими могли быть врачи, аптекари, торговцы травами, словом те, кто, выражаясь современным научным языком, имел дело с "иностранной научной литературой"²⁶. С точки зрения жанра, *ЛС* (гlossарий) не одинок в византийской медицинской традиции. Наличие в этом ряду других глоссариев позволяет делать вывод о *группе* "пользователей"²⁷. Наконец, в-третьих (и это представляется самым важным), здесь исследователь имеет дело с *ботанико-фармацевтической* лексикой, которая должна была быть не только правильно прочитана, но также правильно понята и правильно применена. От правильного понимания зависел успех профессиональной деятельности врачей и связанные с ним их репутация и благосостояние.

Таким образом, *ЛС* – источник, имеющий "обратную связь": по счастливой случайности, известно, что переводили, для кого переводили и кто и как эти переводы читал. По сделанным в ходе перевода ошибкам, их типу можно составить довольно четкое представление о том, как византийские медики понимали научные труды, бывшие в употреблении у их арабских коллег.

Материал и методы

В данной работе исследуются не все леммы *ЛС*. Опущены те случаи, когда налицо ясный перевод арабского слова греческим. Опущены также несколько лемм, которые мне расшифровать не удалось²⁸. Главное внимание уделено так называемым "словам-призракам". Под ними я понимаю такие слова, которые никогда не существовали в греческом или арабском языках (сюда включаются также неологизмы и слова с очень необычной орфографией), однако в *ЛС* они выступают с греческими (или арабскими) грамматическими признаками (характерные окончания, артикль *ал-* и т.д.), и на этом основании могли видаться средневековому читателю как греческие или арабские. Само наличие "слов-призраков", их количество и типы ошибок свидетельствуют о том, насколько адекватно исходный текст был понят переводчиком, следовательно, насколько хорошо были знакомы переводчику иноземные профессиональные выражения и реалии, иными словами, культура и быт соседей. "Слова-призраки" – благодатный материал для культурологических исследований. Однако, насколько мне известно, он был практически обойден вниманием ученых, несмотря на то что работ, посвященных лексическим заимствованиям, как таковым, в научной литературе предостаточно²⁹.

Как уже отмечалось выше, точный источник *ЛС* не известен. Однако в настоящем случае он, как никогда, хорошо поддается убедительной реконструкции.

²⁶ Справочники были широко распространены среди арабов. В сущности, к ним принадлежат почти все арабские сочинения, цитируемые в настоящей работе. Подробно см. также: *Ulmann M.* Die Medizin... S. 234–241, 295–320.

²⁷ См. работы, изданные А. Делаттом (Делатт), а также том, в котором содержится издание *ЛС*. Крайне показательно и замечание Томсон о Parisinus Graecus 2287: "écrit de plusieurs (!!!) mains".

²⁸ Например: *ЛС* 30, 42, 66–68, 122, 130, 206, 256, 273, 382.

²⁹ Исключение составляет работа И. Блау (*Blau J.* On Some Misspelt, Misunderstood and Wrongly Transmitted Vocables in Medieval Judaeo-Aramaic // *Semitic Studies in Honour of Wolf Leslau*. 1991. Vol 1. P. 162–174). Полезную информацию можно найти также в книге С. Либермана (*Либерман Ш.* Йаванит ве-Йаванут бе-Эрец-Исраэл. Иерусалим, 1962). Ср. также две работы В. Аертса (*Aerts W.J.* The Knowledge of Greek in Western Europe at the Time of Theophano and the Greek Grammar Fragment in MS Vindob. 114 // *Byzantium and the Low Countries in the Tenth Century*. Hernen, 1985. P. 78–103; *Idem.* The Symbolon and the Pater Noster in Greek, Latin and Old French. A Reconsideration // *East and West in the crusader States. Context – Contacts – Confrontations*. Louven, 1966. P. 153–168).

Находясь в русле арабской ботанико-фармакологической традиции, он неминуемо был связан с сочинениями выдающихся арабских компиляторов, составивших много-томные своды. Среди них – Абу Бакр Мухаммад б. Закāрийа ар-Рāзй (род. 865 РХ / 251 ГХ), Абу 'Али ал-Хусайн б. 'Абдаллах б. Сйнā (род. 980 РХ / 370 ГХ), 'Али б. 'Аббās ал-Маджусй (X в.), Ибн ал-Джаззар (XI в.) и др., но прежде всего – Ибн ал-Байтар. Сведения, содержащиеся в справочниках, заучивались наизусть, многократно переписывались и цитировались. Принимая это во внимание, можно говорить о своего рода "своде" фармакологических и ботанических сведений, составившем основу арабской ботанико-фармакологической традиции³⁰. Эта традиция содержала большое количество неарабских (в частности, греческих) слов и терминов как в переводе, так и в транслитерации.

Для наиболее полной реконструкции этой традиции применительно к анализируемому памятнику я использовал материал написанного мною и подготавливаемого к печати "Словаря греческих заимствований и иностранных слов в арабском языке VIII–XVII вв."³¹. В нем собраны греческие слова, транслитерированные арабскими буквами в мусульманских и христианских памятниках письменности на арабском языке с VIII по XVII в. включительно. Значительный объем словаря (50 тыс. вхождений), наличие контекстов и, самое главное, *рукописных* орфографических вариантов позволяют определить, насколько тот или иной вариант написания греческого слова был присущ арабской письменной традиции. Наряду с этим в "Словаре" собраны также толкования и синонимы греческих слов, употреблявшиеся арабами. Таким образом, этот материал может быть с успехом применен для восстановления утерянного источника *ЛС*³².

Результаты и выводы

Приведенные примеры "слов-призраков" (см. раздел "Примеры"), содержащихся в *ЛС*, позволяют получить хорошее представление о технике перевода с арабского на греческий, а также установить процент информации, адекватно воспринятой читателями *ЛС*. Учитывая особенности нашего памятника, в частности, его практическое применение, можно определить его место среди греческих текстов, содержащих сообщения об арабах, и, кроме того, основательно судить о степени точности восприятия этой информации византийскими медицинскими читателями-профессионалами в XV в.

Единственная трудность – четко обозначить границу между переводчиком и последующими переписчиками, вольно или невольно адаптировавшими текст для греческого читателя. Анализируемая лексика, тем не менее, показывает, что если "грецизация" арабских слов (прибавление греческих окончаний, "артиклей" и т.п.) может быть отнесена как на счет переводчика, так и на счет писцов, то фиксация ключевых особенностей фонетики арабских слов средствами греческой графики – бесспорно, результат деятельности переводчика.

"Слова-призраки" в *ЛС* позволяют во всяком случае утверждать, что переводчик:

1. Очевидно, не был в состоянии "восстанавливать" текст, записанный без диакритики. Действительно, название 'дубровник' (*хамайнūtūs* или *камайнūtус*) было

³⁰ Здесь я пользуюсь термином Б.Н. Заходера (*Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962).

³¹ *Serikoff N.* A Dictionary of Greek Borrowings and Loan Words in Arabic: Tasks Methods Preliminary Results // *Graeco-Arabica*. 1993. 5. P. 267–273.

³² Это предприятие до совсем недавнего времени многими считалось в ряде случаев безнадежным и абсолютно бессмысленным (Дитрих/Диоск. 2. С. 65).

весьма частым в арабских фармакологических сочинениях, чтобы опытный читатель или медик-практик мог сделать ошибку типа *кеметфитус*³³. То же самое можно сказать о часто встречающемся в арабских текстах майоране [пример 15] (*марзанджуй*), в абсолютном большинстве случаев записанном через *зайн* [з], а не через *дал*, как в ЛС [примеры 4, 11, 15].

2. Он не мог определить, что под странными арабскими терминами скрываются на самом деле греческие слова. Так, незамеченным явилось название для "пшеницы" – *πυροί*, для которого был найден эквивалент, очевидно, перевод арабского *ал-хунта*. [пример 19] [см. также примеры 8, 22, 26].

3. Читал арабские тексты не по словарно-смысловым единицам (или "скелетам" – см. выше), но по отдельным словам. Сюда же относятся примеры [7, 18], где за объяснение непонятного слова был принят последующий текст источника, например, "крапива – известное место".

Что касается переписчика, то, по-видимому, он:

1. Не имел достаточных навыков в профессиональном чтении арабских текстов и вообще не представлял себе направления арабского письма. Об этом говорят примеры, в которых зафиксировано прочтение текста "задом наперед", т.е. слева направо, в той последовательности, в которой греческий перевод был надписан над соответствующими арабскими словами. Так, получилось, например, *υάρτςιους ελ χουφεχ* (правильно *χавас ал-нарджис*, т.е. 'свойства нарцисса' [пример 17]) [ср. также примеры 5, 19].

2. Неправильно определял границы между словами. Так, многие леммы представляют собой дублированный перевод [примеры 1, 2] или "склею" [пример 10 – *καρναβάδι* – из **κάρνα βασιλικά* (см. также примеры [9, 12, 23]) или разделение [примеры 13, 24, 25] слов.

Контрастом по сравнению с этим является фонетически точная запись примеров. Насколько это позволяли средства греческой графики были переданы арабские эмфатические³⁴, *алйф-имля*³⁵. Специально отмечены ларингальные *хамза* и '*айн*' путем постановки в слове второго ударения, удваивания гласного или замены его на ларингальный [х]³⁶. Аффриката *дж* выражена ζ³⁷ или сочетанием букв δζ³⁸ в начале и середине слова, а также γ в начале слова³⁹. Наблюдается также переход гласных из заднего ряда в передний⁴⁰, а также не повсеместное сохранение ассимиляции артикля перед "солнечными" согласными⁴¹. Наконец, ритмическое деление слова сохранено повсеместно – даже в ущерб правильным границам между словами. Запись "сопряженного состояния" (араб. *идāфы*) *σέκα η κενουμένη* – *шакал 'luk an-nu'mān* 'анемона' [пример 24] – превосходный тому пример.

³³ Логичнее всего было бы ожидать смену *каппы* и *хи*, повторяющую арабские варианты написания через *ха'* и *кяф*.

³⁴ ([с] в *الصاص* (ζάξ) ЛС 10 (*Daphne Gnidium* L. – 'волчье лыко' Дитрих/Диоск. 2.4, № 162, прим. 5).

³⁵ ([θ] в *بلادر* βελέδωρ) – ЛС 48 (*Semecarpus anacardium* L. – 'анакардиум аптечный').

³⁶ ЛС 15 *ασαέρραη* – 'аса ар-ра' (Polygonium aviculare L., Var. – 'птичья гречиха'), ЛС 143 *κάσαβ* *εδδηρίαι* – *касаб ад-дари* (*Andropogon/Cymbopogon Martini* Roxb. – 'тростник душистый'), ЛС 372, 374 *φουκκάα* *φουκκάχ* – пиво и т.д.

³⁷ ЛС 112 *ζενιτήλ* – *занджабул* (*Zingiber officinalis* Roscoe – Дитрих/Диоск. 2.2, № 144 – 'имбирь').

³⁸ См. например: ЛС 14 *άβσητζ* – *аусидж* (*Lucium Halmifolium* Miller et Var. – 'крушина'), ЛС 75 *έτζοур* – *енджура* (см. пример [7]), ЛС 148 *κεκουτζ*, 154 *κεκέντζ* – *кекендж* (*Solanum alkekengi* L. – 'паслен').

³⁹ ЛС 54 *γενουήρ* [*шаджара-т*] *ал-джайушир* (*Oropanax Chironium* W.D.J. Koch Umbelliferae – *опопонакс* Дитрих/Диоск. 2.3, № 47).

⁴⁰ См. предыдущее примеч.; *аусидж* вместо *аусидж*, *етзури* вместо *анджура*, *кекундз* и *кекентз* вместо *ка-кандж*.

⁴¹ ЛС 198 *μέλχ* *ελ* *δεράνον*, но ЛС 143 *κάσαβ* *εδδηρίαι*.

Вывод, напрашивающийся самим собою, – переводчик ЛС владел арабским языком в устной форме, причем на очень хорошем уровне. Все сказанное выше позволяет предполагать, что он был билингвом (греком?) или просто смог хорошо выучить арабский, однако не получил традиционного арабского (тем более специального) образования. Как можно было бы оценить результаты его работы с учетом последующих искажений в ходе переписывания?

Анализ показал, что "слова-призраки" содержатся в 35 леммах, т.е. 35 слов были поняты абсолютно неправильно, и соответственно, лекарства, которые они обозначают, только на основании ЛС не могли быть идентифицированы, а значит и применены. 35 лемм из 414 (общего объема ЛС) составляют примерно 9%. На самом деле, процент несколько выше, поскольку в работе ряд лемм так и остался нерасшифрованным, а кроме того, как уже говорилось, не были специально рассмотрены романские заимствования. На основании уже расшифрованных "слов-призраков" можно ожидать, что общее число "темной" лексики составляет около 25%. Много это или мало?

Учитывая сказанное выше, а именно, что ЛС – научный текст, предназначенный для чтения и применения, можно сказать, что процент неправильно понятой лексики чрезвычайно низок. Это тем более примечательно, что, насколько мне известно, первые греческо-восточные разговорники начинают появляться именно в XIV–XV вв.⁴² Иными словами, это позволяет говорить о существовавшей в Византии научной традиции переводов с восточных языков на греческий, которая, однако, не была так хорошо зафиксирована как арабская⁴³.

Около 3/4 научной лексики, правильно понятой и переведенной в ЛС, позволяет задуматься о том, какой процент неточностей мог содержаться в других текстах (арабских или об арабах), которые читали византийцы. По моему мнению, в тех текстах, где по сравнению с медициной, точность понимания была не столь важна, процент неточностей мог быть значительно выше. Соответственно выше мог быть и процент "слов-призраков", получивших новые контексты, что в конечном счете сильно влияло на представление "среднестатистических" византийцев и арабов друг о друге.

"Слова-призраки", требовавшие нового контекста, могли проникать в чужой язык как письменным, так и устным путем. Второй путь, в силу отсутствия достоверных фонетических записей восстановить необычайно трудно. Между тем, он представляется мне важнее, чем первый, хотя бы уже потому, что и византийские, и арабские авторы, повествуя соответственно об арабском и греческом языке, как правило, упоминают произнесенное, но не написанное слово⁴⁴. ЛС позволяет установить, как возникали "слова-призраки" в результате неправильного словораздела, получившегося на основании правильной фонетической транскрипции, открывая тем самым новые пути для изучения представлений византийцев и арабов друг о друге. Эти пути – в

⁴² Eine Sprachlehre von der Hohen Pforte. Ein arabisch-persisch-griechisch-serbisches Gesprächslehrbuch von Hofe des Sultans aus dem 15. Jhdt. als Quelle für die Geschichte der serbischen Sprache. Mit Beiträgen von T. Berger, C. Corell, G.S. Heinrich, W. Lehfeldt. Köln-Wien, 1989.

⁴³ Косвенным образом это подтверждается системой фонетической передачи арабских звуков средствами греческой графики. Этим наблюдением я целиком обязан замечаниям Д.А. Коробейникова, за что и приношу ему искреннюю благодарность.

⁴⁴ Среди многих примеров, собранных мною для "Словаря заимствований", обращают на себя внимание два. Так, ал-Бируни в "Памятниках минувших поколений" замечает, что арабы путали два слова, "патриарх" и "патрикий", на основании их звучания (Бируни АБ. 290. 3–4). Известный арабский географ Йакут б. Абдаллах ар-Руми ал-Хамави (ум. 626 ГХ / 1229 РХ) извиняется перед своими читателями за то, что не в силах был установить, как точно звучали названия византийских фем (Йакут. Словарь 2.283. 16–18).

Примеры

[1] ЛС 1 ἀγάλοχον – ἡ ξυλαλόη – агалохон – алойное дерево.

ἀγάλοχον. Слово в такой форме мне не встретилось. Если я не ошибаюсь, то это – "двойной" перевод арабского слова 'ūd, означавшего как просто 'дерево', так и 'алоз' (*Aloexylon agallochum*, Lour. – Дитрих/Диоск. 2.1, № 19), в частности.

[2] ЛС 24 ἄκυνος – ἄγριον βασιλικόν – акинос – дикий кумин.

ЛС 25 ἄκυνος – ἄγριον βασιλικόν – аконос – дикий кумин.

Что значит ἄγριον βασιλικόν мне точно не известно. О возможности перевода этого словосочетания как 'дикий кумин' (*Lagoesia cuminoides* L., Var. – Дитрих/Диоск. 2.3, № 57) я высказал осторожное предположение в рецензии на первый выпуск словаря греческого языка византийского периода⁴⁶. В приведенных примерах, однако, важно другое – то, что переводчик ЛС перевел два орфографических варианта написания одного и того же слова – ἄκυνος, зафиксированные, в частности, у Диоскорида: Д/гр/ 2.55.7 – 3, № 43 ἄκυνος ἢ ἄκυνος. افش افش (ср. Д / нат / افسن). Греческие формы в ЛС дают возможность предположить, что в арабском оригинале оба синонима

были записаны одним и тем же "скелетом" – расмом: افونس. Арабский вав мог быть передан по-гречески как юпсилоном, так и омикроном, что, очевидно, и сделал переводчик, получив, таким образом, два слова. Оба варианта – налицо в приведенных примерах.

[3] ЛС 46 βουχοῦρμέριον – ἀψυθίαν – вухурмерион – полынь горькая.

В приведенном примере обращают на себя внимание следующие особенности. Во-первых, греческое окончание ον арабского названия цикламена 'бахур Мариам'. Во-вторых, ошибка в определении цикламена – бахур

Мариам (*Ciclamen purpurascens* Mill. – Дитрих/Диоск. 2.2, № 148) как 'полынь горькой'. Корни этой ошибки – в арабской ботанико-фармакологической традиции. Один из анонимных арабских комментаторов Диоскорида (XII в.) сообщает: "Ромашка (*Matricaria parthenium* L., Var.) бывает культурной и дикой. Ее цветы очень похожи на цветы полыни горькой" (Дитрих/Диоск. 1 115.6 – 2.3, № 130). Этот вид ромашки, по-арабски – шуджайра-т Мариам, в арабской ботанико-фармакологической традиции, исходя из созвучия имен, нередко смешивался с бахур Мариам – цикламеном (Дитрих/Диоск. 2.3, № 130 примеч. 2). Переводчик ЛС слепо повторил ошибку арабских комментаторов. В-третьих, примечательна орфография названия полыни горькой. Томсон исправляет рукописное ἀψυθίαν и ἀψυθίαν на *αψυθίαν⁴⁷. При этом она обошла вниманием то, что рукописные формы повторяют арабский вариант написания этого слова (без нуна) افستين, зафиксированный, например, в арабском переводе Руфа Эфесского⁴⁸.

[4] ЛС 50 βέστρον – ἡ βετονική ἀράβικα κασταν – вестрон – ветоника, по-арабски – кастаран.

В настоящей лемме речь идет о кестроне (*Betonica officinalis* L., Var. sive *Stachys officinalis* L., Trev., var. sive *Polygonum aviculare* L., Var. [?] – Дитрих/Диоск. 2.4, № 1). Синоним слова кэстрон – беттоική, встречающийся уже у Диоскорида⁴⁹, был воспринят арабской ботанико-фармакологической традицией (Дитрих/Диоск. 2.4, № 1). Форма вестрон, зафиксированная в ЛС, в собственно арабских текстах мне не встретилась. Между тем ее вполне легко

можно вывести из формы с начальным кафом: قسطن. В случае потери двух диакритических точек каф легко мог быть воспринят за пустой радикал (ء) и при чтении "восстановлен" с одной точкой внизу (ـ) и прочитан как ба'.

Конъектура Томсон βετονική – вместо стоящего в рукописях βετόνηκα крайне неудачна, так как в этом случае опять теряется арабская орфография заимствованного слова (см. пример 3).

[5] ЛС 56 γήζοι 'ελαίου – τῶχυρι ἥχα τὸ χαμαίμηλον – гизи елеу – тохири или ромашка лекарственная.

Чтобы понять, что кроется под гизи елеу, надлежит посмотреть, как в арабской ботанико-фармакологической традиции переводилось и комментировалось слово χαμαίλεων, а не χαμαίμηλον, как крайне неудачно исправила рукописное чтение Томсон. Сафлор – по-гречески χαμαίλεων арабские ботаники нередко путали с χαμελαία/χαμελαῖον – 'волчьим лыком' (Дитрих/Диоск. 2.4, № 161). Об этом сохранились два замечания Ибн ал-Байтара, которые повторяли потом другие авторы: Асад ал-ард (букв.: земляной лев) большинство комментаторов утверждают, что это – волчье лыко, и заблуждаются

⁴⁵ "Ключевые слова" и "слова-призраки" нередко – одни и те же слова. Как показывают новейшие исследования, их роль в восприятии иностранцем чужой культуры огромна. И что самое главное – передача этих слов до настоящего времени осуществляется устным путем. Не так давно в газете "The Guardian" были опубликованы результаты анализа восприятия современными британскими школьниками соседней страны – Германии. Несмотря на то что современные британские школьники имеют несравнимо больший доступ к информации, чем византийцы в средние века, только очень немногие из них (из тех, кто никогда не был в Германии и не знал немецкого) смогли правильно назвать 10 самых известных немцев, живых или уже умерших. На первом месте оказалось имя Адольфа Гитлера. За ним со значительным отрывом следовало имя футболиста Юргена Клинсмана, потом шли имена других спортсменов. На шестом месте оказался Бетховен, а последние делили Эйнштейн, Гейббельс и Геринг. Что касается ошибок, то федерального канцлера Германии – Гельмута Коля (Helmut Kohl) британские учащиеся переделали в Hermit (затворник), Helmet (шлем), Coal (уголь), Kolle. Прочие предпочли назвать федерального канцлера "Эрик Горбачев" (Eric Gorbachev), или даже "Майкл Горботро" (Michael Gorbortrough). Квинтэссенцией явился ответ одного из английских школьников: "Гитлер, Клинсманн и Матаус (правильно Matthäus) – других футболистов (немецких. – Н.С.) я не знаю" (Still beastly after all these years" // The Guardian, 18. II. 1996).

⁴⁶ Serikoff N. Greek Words in the Foundry. Thoughts on a New Byzantine Lexikon [Реч. на:] Lexikon zur Byzantinischen Gräzität. Erstellt von E. Trapp unter Mitarbeit von W. Hörandner und J. Diethart et al. Faszikel I. ÖAW Philologisch-historische Klasse. Denkschriften. Bd. 238. Wien, 1994 // Journal of the Royal Asiatic Society (в печати).

⁴⁷ Томсон вносила исправления в текст рукописей, основываясь на греческой орфографии: "nous avons corrigé les graphies erronées (sic. – Н.С.) toutes les fois que la correction est sûre. Mais nous n'avons pas oublié non plus l'intérêt que ces graphies présentent pour les philologues..." (ЛС 139, введение).

⁴⁸ Rufus von Ephesos. Krankenjournal / Hrsg., u'b. und erl. von M. Ullmann. Wiesbaden, 1978. S. 16.20. Ср.

также форму в: Galen über die medizinischen Namen. Arabisch und Deutsch hrsg. von M. Meyerhof und J. Schacht // Abh. Der Preuss. AdW Philologisch-historische Klasse. B., 1931. Nr. 3. 15.13–28.

⁴⁹ Д/гр/ 2.167.7–168.1 (4, № 1): κέστρον τὸ καλούμενον ψυχρότροφον ἐπειδὴ ἐν τοῖς ψυχρότατοις εὑρίσκεται τόποις ὃ Ῥωμαῖοι βετονικήν ἢ βουσαρίνην καλοῦσι.

в этом, так как *земляной лев* это *ал-хирба* (т.е. по-арабски – хамелеон. – Н.С.), который по-гречески называется *хамалѳун* (χαμαιλέων). Имя же *волчьему лыку* (араб. *мāзариѳун*) по-гречески *хамалѳун* (χαμελαῖον⁵⁰ – букв.: земляная маслина. – Н.С.). Ошибка у них случилась из-за того, что буквы в отмеченных словах сходны⁵¹. В силу невежества они были не в состоянии различить между *хамалѳун* и *хамалѳун*. Впрочем, кто-то и из новейших комментаторов сказал, что *земляной лев* – это растение, называемое по-гречески *хамалѳун* *мāлис* (μέλις), а значение этого слова – ‘черный’ (ИБ 1.34.20–23 пер. 1.80–81, № 81)⁵².

Исходя из приведенного выше рассуждения, представляется логичным попробовать усмотреть в *γῆζοι ἐλαίου* словосочетание, передающее греческое *χαμαιλέων* или *χαμελαῖον*. Сравнение *γῆζοι ἐλαίου* с *асад ал-ард* (‘земляной лев’, т.е. хамелеон) и *зайтун ал-ард* (‘земляная маслина’, т.е. волчье лыко) показывает, что это – буквальный перевод последнего из приведенных словосочетаний. На основании этой леммы можно сделать заключение о том, что непосредственно над каждым из арабских слов был надписан греческий перевод. Так над *зайтун* زيتون стояло ἐλαῖοι, над артиклем *ал* – ἃ – οἱ, а над *ард* أرض – γῆς. Потом перевод каждого из этих слов был прочитан по-гречески и в направлении греческого письма (т.е. слева направо), и получилось словосочетание *γῆς οἱ ἐλαῖοι*, впоследствии несколько видоизмененное⁵³. Таким образом, распространенная ошибка арабских комментаторов, путавших ‘сафлор’ (χαμαιλέων) с ‘волчьим лыком’ (χαμελαῖον) в искаженной форме оказалась повторенной в ЛС.

К сожалению, я не в силах объяснить слово τῶχυρι. В контекстах арабских толкований греческим словам, собранным в “Словаре греческих заимствований”, нет ничего, что хотя бы отдаленно походило на него. Единственными заслуживающими рассмотрения предположениями являются: 1. *Та’хир* – ‘последующее’ – калька с *масдара* второй породы арабского глагола *аххара* или 2. Арабское *хѳрѳи* (*Cheiranthus cheiri* L., Var. – ‘желтофиоль обыкновенный’). Вероятный перевод леммы: *гизи елеу* – *желтофиоль обыкновенный* (сафлор).

[6] ЛС 61 διαδοῦξαι – μάτζης (1).

ЛС 62 διαπισφάκ – πολυπόδιον (2).

ЛС 64 διαδοῦξε – καὶ μάкер (3).

ЛС 202 μάкер – δεδοῦξ (4).

ЛС 272 πεισπές – μάкер (5).

Приведенные выше леммы связаны с толкованием слова ‘мацис’, ‘мускатный цвет’ (Дитрих/Диоск. 2.1, № 50 и коммент.). Толкование слова

μάκρ, в арабском переводе Диоскорида объясненное как *басбāса* и *дāдукса*⁵⁴, оказалось представленным в ЛС в трех различных формах. Форма διαδοῦξαι (1) возникла, вероятно, по аналогии с греческой приставкой δια. “Слово-призрак” διαπισφάκ (2) возникло на основании того, что толкование *басбāса* (для слова μάκρ) [ср. (5)] оказалось спутанным с толкованием *басфāйдж* – ‘полиподий’ (2) (*Polypodium vulgare* L., Var. – Дитрих/Диоск. 2.4, № 178)⁵⁵ на основании отчасти сходного звучания. Приставка δια оказалась приписанной по аналогии с (1).

[7] ЛС 75 ἐτζούρη – τόπος καλούμενος – *етзури* – *называемое место*.

Без сомнения, ἐτζούρη – араб. *анджура* – ‘крапива’ (*Urtica pilulifera* L., Var. – Дитрих/Диоск. 2.4, № 82)⁵⁶. ‘Называемое место’ – перевод арабского слова *ма’рѳ* – ‘известный’, использовавшийся при описании растений: “*анджура* – это *ал-куррайс* и также *ал-хуррайк*. Она известна” (ИБ 1.60.17).

[8] ЛС 106 ἐπου φарикуῶ – λέγεται τὸ кедрέλαιον – *еиу фарику* – *так называется кедровое масло*⁵⁷.

Первая и вторая части “арабского” слова – на самом деле передача поделенной пополам кальки греческого слова ὑπερικόν *офарѳико*⁵⁸ (*Hypericum barbatum* Jacq. sive *Hypericum crispum* L. – зверобой обыкновенный – Дитрих/Диоск. 2.3, № 146), стоящего в родительном падеже(!)⁵⁹. “Кедровое масло” – очевидный (неправильный, так как буквальный) перевод арабского *дāдѳи рѳумѳи*. Путаница произошла на том основании, что переводчик ЛС не знал различия между словами ‘дāдѳи’ и ‘дāдѳи рѳумѳи’. Первое слово определено в глоссе Ибн ал-Байтара как ‘кедр (санубар)’⁶⁰, тогда как второе (со ссылкой на Хунайна б. Исхака) – как ‘зверобой’: “дāдѳи руми – это *ал-хиуфāрѳикѳун* (ὑπερικόν) со слов Хунайна” (ИБ 2.86.12 – пер. 2.75, № 844). Хунайн б. Исхак, в свою очередь, очевидно, позаимствовал это определение из сочинения Диоскорида. Перечисляя синонимы слова “зверобой”, последний отмечал: “Некоторые называют зверобой (ὑπερικόν) *хамайпитѳос* (досл. ‘низкая сосна’. – Н.С.) на том основании, что запах его семян похож на запах смолы сосны” (Д/гр/ 2.161.4–6–3, № 154)⁶¹.

[9] ЛС 145 κεμμῶνἀριδι – τὸ πλατοκομῶνον – *кеммонариди* – *широколиственный кумин*.

ЛС 150 ‘κεραμῆνη – πλατυκύμνον – *керамени* – *широколиственный кумин*.

⁵⁴ Д/гр/ 1.79.22 (1, № 82) “макир – цветок, который привозят из земли варваров”, ср. Д/ар/ 83.18–19 (1, № 88) “мāкѳр – это *басбāса* (بسباسه), а в Сирии (ал-Шām) его называют *дāдукса* (دادكسه)”.
⁵⁵ ИБ 1.127.9 (пер. 1.291, № 387) “бѳулѳбѳудѳийѳун по-гречески означает ‘многоногий’, а это – *ал-басбāса*”.

⁵⁶ Ср.: ЛС 267: πεζαρὸνιτζουρ (πεζαρὸνιτζουρα) – τζηκὴδас спѳерма. Τζηκὴδас – крапива, ср.: Du Cange Lexicon Mediae et Infimae Graecitatis. Lugduni. 1688. P. 1567.

⁵⁷ Т.е. экстракт из кедровых шишек.

⁵⁸ Обращает на себя внимание фонетическая точность греческой транслитерации. Первый диграф алиф-вав передан как ἐπου, причем сам – алиф – эпсилоном, его огласовка [и] – этой, а вав – диграфом омикрон-юпсилон.

⁵⁹ Ср. форму родительного падежа у ИБ 4.143.27 – пер. 3.297, № 2098.

⁶⁰ Интересно, что этот перевод также встречается в ЛС 72 δέδ – δαδῆ ἢ δὲ καὶ δρέλειον λέγεται ‘δεδ’ – дāдѳи, называемая также ‘дрелайон’ и дрэлейон – конечно же, *кедрэлайон.

⁶¹ Ὑπερικὼν οἱ δὲ ἀνδρόσακμον, οἱ δὲ κόριον, οἱ δὲ χαμαίπτινον διὰ τὸ τὴν περὶ τὸ σπέρμα ὁσμήν. εὐκέναι ρητὴν πτῖνιν. Ср.: Д/ар/ 306.7–10–3, № 147.

⁵⁰ Т.е. χαμελαῖα – синоним θυμμελαῖα – *Daphne oleoides* – LSJ 1976.

⁵¹ Эта ошибка еще более возможна, если учесть, что слово могло быть записано сирийскими буквами.

⁵² Ср. также (ИБ 2.46, 10–13 – пер. 2.5–6, № 743): «Хамāла’а (χαμελαῖα) по-гречески означает ‘низкая маслина’ (букв.: земляная маслина – зайтун ал-ард. – Н.С.). Многие комментаторы ошибаются, утверждая, что волчье лыко (мāзариѳун) – это “земляной лев” (асад ал-ард), как толкуют название “черный хамелеон” (т.е. χαμαιλέων. – Н.С.). Правильным, однако, оказывается толкование предыдущее. Причина ошибки [комментаторов] в том, что в обоих греческих словах наличествуют сходные буквы и они [комментаторы] не в силах отличить хамалā’ā от хамалāун».

⁵³ Так сигма озвончилась в [з], а окончание οα обратилось в ου.

В приведенных леммах два различных слова переведены одним – ‘широколистный кумин’ (*Cuminum cuminum* L., Var. – Дитрих/Диоск. 2.3, № 57, 58). Первое “слово-призрак”, выглядящее очень по-гречески, на самом деле представляет собой слияние двух арабских слов – кумин ‘кумйн’ и ‘арūd – ‘широкий’, что буквально повторяет πλατοκόμινον⁶². Второе “греческое” слово – транслитерация арабского кармāнй (“керманский”) частого определения для черного кумина⁶³.

[10] ЛС 154 καρναβάδι – kárva – карнавади – орех грецкий.

“Арабское” слово, объясненное через ‘гречкий орех’, на самом деле – греческая транслитерация арабского стяжения изначального греческого словосочетания: kárva βασιλικά (*Juglans regia* L., Var. – Дитрих/Диоск. 2.1, № 102). На то, что в арабском оригинале ЛС должно было стоять нечто вроде *карúδα или *карúди, указывает, в частности, чтение рукописи В: καρνάβι. Греческие υ и ν могли быть спутаны при переписывании греческого текста.

Арабские дал и ба’ со следующим за ними алифом (ب/د/ا) также нередко путались при переписывании⁶⁴. В качестве “параллельного текста” ср. “скелет” (расм) слова карúди, встречающийся в перечне иностранных терминов в словаре, приложенном к “Kitāb al-Ḥāwī fī-t-Ṭibb” Мухаммада б. Закарийи ар-Рази, и перевод его, ‘царский орех’, т.е. kárva βασιλικά (Рази Хави 22. 276a.7–9 (табл.)): قادوا (ي) قاروا قروا – جوز الملك.

[11] ЛС 157 κεμετφητους – χαμεπήτης⁶⁵ – кеметфитус – дубровник.

Настоящий пример весьма часто встречается в арабской ботанико-фармакологической литературе⁶⁶. Оба слова – фактически одно и то же, греч. χαμαίπτις, но представленные в различной арабской орфографии

соответственно كامافيطيس и كامافيطوس. Греческая форма κεμετφητους указывает на то, что в арабском оригинале слово было записано с ошибкой (две диакритические точки стояли не под радикалом, а над ним, изменив, тем

самым, правильное [й] на [т]): правильно كامافيطوس, неправильно كمانفطوس.

اوفارقن ومن الناس سماء اندرساين ومنهم من سماء
قوربون ومنهم في سماء حامافيطس لمشاكله بزره برائحه
الرتينج الذي هو معف الشجرة المنوبر فيطيني هو المنوبر

⁶² Само арабское словосочетание мне не встретилось, хотя греческая форма и зафиксирована Dsc. Eur. 2.118 (unterpol.) Alex. Trall. 8.2 (цит. по: LSJ 1413).

⁶³ Ал-Бируни, цитируя Диоскорида, пишет, что тот называет керманскую разновидность кумина ‘басиликун’ (= царский); см.: Бируни Фармакогнозия 322–324 № 35, ср.: ИБ 4.81.17–82.21. В арабском переводе Диоскорида (издание Дублера) прилагательное кармāнй, впрочем, не упоминается, а кумин басиликун соотношен с дцци ‘ажгоном’ (Д/гр/ 2.73.6 (3, № 62) – Д/ар/ 268.3–4 (3, № 58).

⁶⁴ Ср. форму قاروديا Раб. Л. 135a.4/Гаянг. Л. 196a.16 (цит. по: Дитрих/Диоск. 2.1, № 102). В данном случае очевидно, что это – транслитерация *карúди или *карúдиа, а не kárva βασιλικά, как полагает Дитрих.

⁶⁵ Это чтение стоит в обеих рукописях. Мне осталось непонятным, почему Томсон предпочла конъектуру χαμαίπτις, которую потом и попыталась истолковать как ‘рапегге’ ou ‘nain’(?).

⁶⁶ Дитрих/Диоск. 2.3, № 150 примеч. 3 и приведенные там примеры. Ср.: там же (с. 511) попытки ботанической классификации.

[12] ЛС 168 καθέρον – ἴρις – каферон – фиалка (ирис).

ЛС 169 – κουσακратριξ – ἴρις – хусакратрикс – фиалка (ирис).

Приведенные здесь растения относятся к семейству лилий – *Iridaceae*. Καθέρον – “слово-призрак”, получившееся из арабской транслитерации греч.

ξιφιον – كسيفيون (*Gladiolus communis* L., Var. – ‘гладиолус’ – Дитрих/Диоск. 2.4, № 20). Транслитерация, лежащая в основе ЛС, может быть

реконструирована как *кабирун (*кабурун⁶⁷) на основании письменно зафиксированных форм ксабиийун/ксабрийун⁶⁸ со стяжением буквы син

(Дитрих/Диоск. 2.4, № 20), или как *ксеры на основании кас‘ури – зафиксированной у ар-Рази⁶⁹ формы транслитерации ξιφιον.

Κουσακратριξ – транслитерация двух арабских слов قوس (кас) ‘лук’ и قرح (кузах) ‘шайтан’ (вместе обозначающих ‘радугу’, т.е. ‘лук шайтана’) с присовокупленным греческим окончанием -ιξ. Объяснение слова ἴρις (гладиолус) через ‘радугу’, встречающееся у Диоскорида⁷⁰, было заимствовано арабской ботанико-фармакологической традицией. Исходя из греческой формы куσακратριξ, можно с большой уверенностью предположить, что в арабском оригинале в слове кузах над буквой зайн [з] не была проставлена диакритическая точка, в результате чего буква (зайн читалась как pā’ [p], а само слово, соответственно *каукурах – ср. куусаκратριξ.

[13] ЛС 171 καλιοῦ μαρης – εἰς τὸ χεῖλος τῆς θαλάσσης ὡσπερ πόλιον – калиу марис – [растет] на берегу моря, похож на дубровник.

“Слово-признак” καλιοῦ μαρης пока не поддается однозначной расшифровке. 1. Если видеть в нем два слова, то его можно принять за неточную транслитерацию греческих πόλιον (*Teucrium polium* L. – ‘дубровник’ – Дитрих/Диоск. 2.3, № 104) и μάρον (*Teucrium marum* L. – ‘душица’ – Дитрих/Диоск. 2.3, № 42). Последняя в транслитерации μαρης и с тем же самым толкованием упоминается еще один раз ниже (ЛС 224)⁷¹. Оба растения принадлежат к *Labiatae*⁷², и на этом основании легко могут быть сопоставлены. Однако, если транслитерация греческого πόλιον фулийун

⁶⁷ “0” обозначает пустой радикал.

⁶⁸ Рази Хави 22 1746. 10–11 (табл.) كسابريون (ср.: Рази Хави 22 2916.5 (табл.) كسابريون).

⁶⁹ Рази Хави 22 150a.10–12 (табл.): “Каскур (كسكور) из испорч. كسفيون), касас (كساس) ср., инд..

кас‘ари (كسيري), греч. – дикая лилия: “Хунайн сказал, что кас‘ари – дикая или белая лилия, но никакая иная” (ср., инд., греч. – указание на происхождение названий, данное самим ар-Рази или его студентами. – Н.С.).

⁷⁰ Д/гр/ 1.5.14–6.3 (1, № 1): “У иллирийской фиалки листья подобны листьям ксифиона... она встречается то белого цвета, то охряного, то желтого, то пурпурного, то голубого, на основании чего из-за многоцветности ее сравнивают с небесной радугой...”; ср.: Д/ар/ 11.16–12.2 (1, № 1): “Ирис – это вид лилии (савсан), его листья подобны листьям растения, которое называют ксафиин... она бывает разноцветной – белой, желтой, пурпурной, а также небесного цвета. По причине такой многоцветности она (лилия) подобна ал-ирис, а это – небесная радуга (кас кузах)”.
⁷¹ Ср. точно такое же толкование для растения τριπόλιον ЛС 365.

⁷² Buchheister G.A., Ottersbach G. Handbuch der Drogisten-Praxis. B., 1921. S. 257.

(*فوليون*) встречается еще в форме *қулийўн* (*قوليون*) (ср. аз-Захрави л. 508б.32 – л. 509а.2 – цит. по: Дитрих/Диоск. 2.3, № 104), то для формы *μαρης* точного соответствия мне найти не удалось. Форма *мурс* (*مورث*), которую можно сопоставить с *μαρης*, зафиксирована в словаре ар-Рази (Рази Хави 22 186а.3–7 (табл.)), однако форма эта редкая, а в большинстве случаев в транслитерации слова *маров* конечные *вав* и *нун* выписаны очень четко.

2. Будучи прочитанными как одно слово, *калиу марис* (*калиумарис*) являются почти точной фонетической передачей **каулиймарис* – **καυλή ἡμερος*, т.е. *κράμβη ἡμερος* (*Brassica oleracea* Var. – ‘капуста садовая’ – Дитрих/Диоск. 2.2, № 103)⁷³. Арабская форма этого слова, получившаяся, вероятно, через посредство сирийского языка – *каулиимарис* (*قولى امارس*), зафиксирована в арабском переводе Диоскорида (Д/ар/ 193.11 (2 № 121), ср. Д/гр/ 1.193.1 (2 № 120)).

Если только второе предположение верно, то объяснение, приведенное в лемме, хорошо поддается реконструкции. **Каулиимарис* в этом случае было прочитано как два слова; слово *имарис* (*ἡμερος*) было соотнесено на основании созвучия с *μαρης*, а *каули* по аналогии (и исходя из написания) с *φύλι*, т.е. *πόλιον* ‘дубровником’⁷⁴. ЛС 224 в этом случае – просто повторение настоящей леммы.

[14] ЛС 197 ληβρόχης – *μανδράγορα* – *ливрохис* – *мандрагора*.

Ливрохис – на самом деле грецизированная (путем прибавления окончания *ης*) транслитерация арабского названия мандрагоры (*йабрўх*) (*Mandragora officinarum* L., Var. – Дитрих/Диоск. 22.4, № 67). Обращает на себя внимание тот факт, что в слове *йабрўх*, взятом с артиклем, первая часть артикля отсутствует (*-лябрўх* вместо *ал-йабрўх*).

[15] ЛС 207 μερδικούση – *σάμψυχον* – *мердикуси* – *майоран*.

Мердикуси – грецизированное (ср. окончание) персидское название майорана – *мāрзанджўш* (встречающееся также в форме *мāрзангўш*), использовавшееся арабами (*Origanum majorana* L., Дитрих/Диоск. 2.3, № 39). Греческая транслитерация дает возможность судить о том, как переводчик ЛС читал исходное арабского слова. Буква *зайн* (ز) [з] была спутана с *дал* (د) [д], для которого аффриката *д* явилась прекрасным соответствием.

[16] ЛС 235 νικόλαοι – τὰ φοινίκια – *николаи* – *финики*.

Название для фиников – *νικόλαοι* (*Phoenix dactylifera* L., Var.) получилось, как мне представляется, вследствие того, что переводчик ЛС сначала буквально транслитерировал одно из арабских названий для фиников – *ал-нахл*, а потом “восстановил”⁷⁵ греческую форму – *νικόλαοι*. Слово *ал-нахл* ‘фи-

никовая пальма’ нередко использовалось в арабской ботанико-фармакологической традиции для обозначения фиников (ср.: Дитрих/Диоск. 2.1, № 79). Интересна также цитата из Ибн ал-Байтара, не отмеченная Дитрихом: “Сулайман б. Хасан [говорит]: *фйнийкс* [слово] греческое, а это – *кашиш ал-куфāрā* (*قش الكفرى*) и *ал-нахл* (*النخل*)” (ИБ 4.74.30–75.8, пер. 3.186, № 1955).

Вторая из возможных версий – транслитерация одного из арабских названий для фиников [анқила]⁷⁶, по форме очень напоминающее имя *Нқула* – “Николай”. Несмотря на то что второе объяснение представляется более логичным, я, тем не менее, не могу целиком отказаться в его пользу от первого.

[17] ЛС 240 νάρτζιους ἐλ χόφεχ – ἡ ῥίζα τοῦ ναρκίσσου – *нарциис ел хофех* – *корень нарцисса*.

В данном случае налицо такое же явление, как в примерах [5, 18]. Загадочное *νάρτζιους ἐλ χόφεχ*, будучи прочитано “по-арабски”, т.е. **справа налево**, представляет собой *ḫavāc*⁷⁷ *ал-нарджис*, т.е. ‘свойства нарцисса’. Далее идет описание свойств, начиная с корня. Практически точный эквивалент этой фразе содержится в “Каноне” Абу ‘Али Ибн Сины (Авиценны): “Нарцисс. Его особенности. Корень его вытягивает...” *...خواص النرجيس اصله...* (ИС 1.373.25 пер. 2.422, № 450).

[18] ЛС 241 ξηρόν – τὸ μέλανθλον – *ксирон* – *чернушка посевная*.

Насколько мне известно, в арабской ботанико-фармакологической традиции чернушка посевная (*Nigella sativa* L., Var. etc. – Дитрих/Диоск. 2.3, № 74) не называлась *ξηρόν* или иным похожим образом⁷⁸. Анализируемая лемма, однако, становится более понятной, будучи прочитанной “по-арабски”, т.е. **справа налево** [примеры 5, 17]: “Чернушка посевная. Сухое...”⁷⁹. “Сухое” наряду с “жарким” и “влажным” и “холодным” – одно из свойств, которым обладало всякое лекарственное вещество. В сочетании с телесными “соками” (*χύμοι* – *humores*) эти свойства способствовали или приобретению телесного баланса (*ἐνκρασία*, *и’тидāl ал-мизāдж*) или потере его (*δυσκρασία*, *су’ ал-мизāдж*) и соответственно выздоровлению больного или осложнению болезни⁸⁰. Ср. описание чернушки посевной, например, у ал-Антаки: “*Шўнїз* (т.е. чернушка. – Н.С.) – горячее в третьей степени, сухое – в крайней степени или в третьей степени...” (Антаки 1.219.23).

[19] ЛС 264 πήρυ – σίτος – *пири* – *пшеница*.

Слово *πήρυ*, в другой орфографии множественное число – *πιρού* (*Triticum*

⁷⁶ Гиргас В. Словарь к арабской хрестоматии и Корану. Казань, 1881. С. 36.

⁷⁷ Я не могу найти убедительного объяснения (кроме описки?) тому, почему арабское эмфатическое [с] передано через дорсальное греческое [х].

⁷⁸ Предложение Томсон читать это слово как испорченное ‘гладиолус’, очевидно, не имеет под собой основания, так как с точки зрения ботанической классификации гладиолус и чернушка посевная сопоставлены быть не могут.

⁷⁹ Ср. точную цитату: ИС 2.437.12, а также Антаки 1.219.23.

⁸⁰ Ullmann M. Die Medizin... S. 97, особ. доп. литература в примеч. 2; а также см.: Nutton V. Medicine in the Greek World, 800 – 50 BC // The Western Medical Tradition 800 BC to AD 1800 / L.I. Conrad. M. Neve, V. Nutton, R. Porter, A. Wear. Cambridge, 1995. P. 25.

⁷³ Араб. *кули* из греч. *καυλός* – Дитрих/Диоск. 2.2, № 103.

⁷⁴ Как показал анализ, для арабских переписчиков смысловоразличительным было обычно *начало* иностранного слова, но не его конец (Serikoff N. The *yūnāni* Greek...).

⁷⁵ Впрочем, “восстановить” эту форму мог также и переписчик, хотя примечательно, что она зафиксирована в обоих рукописях.

vulgare Vill., Var. – ‘пшеница’ – Дитрих/Диоск. 2.2, № 68). Ибн ал-Байтар возводит лемму к Диоскороду: “Диоскорид говорит во второй книге – *afūri*, а это – *ал-хунта* – называется *фūрус*” (ИБ 2.38.22).

[20] ЛС 266 πῆλον – κεῖτοῦκλον – *пилон* – *кентуклон*.

“Слово-призрак” – πῆλον можно расшифровать через κεῖτοῦκλον, если представить его в виде “скелета” (*расма*) – *قندوقلون*. Будучи восстановленным как *فديقلون*, оно является калькой с романского [*herba*] *pedicularia* – синонима для πόλιον, обозначающего также ‘дубровник малый’ (*Teucrium polium* L. – Дитрих/Диоск. 2.3, № 104). В анонимном комментарии на сочинение Ибн ал-Байтара (Дитрих/Диоск. 1.104.5–2.3, № 104) это растение описано таким образом: “Это – малый дубровник, по-латински известный как *йарба бадлийари* (*herba pedicularia*), что означает ‘вишняя трава’”. В нашем случае – прямая калька с “латинского” греческого – *pediculum* – ‘вошь’.

[21] ЛС 269 потηροκλάστρα – ἡτοι ὤκλον – *разбивающая стаканы, то есть базилик огородный*.

Странная этимология для базилика огородного (*Ocimum basilicum* L. – Дитрих/Диоск. 2.2, № 124) никак не связана с объяснением, приводимым в примечании Томсон⁸¹. В данном случае налицо арабская народная этимология арабского названия этого растения: *бадарудж* (بازروج), которое (при чтении по “скелету”) позволяет быть “объясненным” как *бадир* (بازر) ‘ломающий’ и *зуджадж* (زجاج) ‘стекло’, ‘стакан’⁸².

[22] ЛС 274 πράσιον – φράζιον – *прасион* – *фразион*.

Формы φράζιον среди арабских транслитераций греческих слов мне не встретилось. Все транслитерации звучат как **фарасийун* (*Marrubium vulgare* L. – ‘шандра обыкновенная’ – Дитрих/Диоск. 2.3, № 99). Очевидно, ее стоит отнести на счет греческого языка (интервокальное озвончение), так как другая рукопись дает чтение, соответствующее арабской транслитерации: φάράσιον.

[23] ЛС 285 σεκακουλί – ἐλένιον – *секакули* – *эленион*.

Первое слово представляет собой почти точную греческую транслитерацию с окончанием ι арабского *ша’р ал-гүл* (букв.: ‘волос демона’) (*Asplenium trichomanes* L.; Var. – Дитрих/Диоск. 2.4, № 124, ср. комментарий У.И. Каримова к русскому переводу Ибн Сины – ИС, пер. 2.603, № 709). В ЛС зафиксирована и менее “грецизированная” форма – ЛС 304 – σεκάκουλ. На каком основании в обоих случаях он оказался соотношенным с девясилом высоким (*Inula Helenium* L., Var. *Compositae* – Дитрих/Диоск. 2.1, № 24), мне

осталось непонятным. Делатт⁸³ приводит еще одно соответствие – ἰρίγκιον, без сомнения, – ἡρύγγη (*Eryngium Campestre* L., Var. – ‘синеголовник’, ‘иудейская колючка’, согласно У.И. Каримову: ср.: Дитрих/Диоск. 2.3, № 22), однако и здесь я бессилен объяснить связь. Главное – то, что синонимы, приведенные в этой лемме ЛС, очевидно, не лежат ни в греческой, ни в арабской ботанико-фармакологической традиции.

[24] ЛС 311 σέκα ἡ κενομένη – ἀνεμώνης χυλός – *сека и кенумени* – *сок анемоны*.

Три “греческих” слова, стоящие в начале – разделенное “по гречески” (с артиклем ἡ!) арабское название анемоны – *шақā’йк ан-ну’мāн* (*Anemone coronaria* L. – Дитрих/Диоск. 2.2, № 159).

[25] ЛС 344 τζαρτζίρη – ἡ ρώκα – *царцири* – *рока*.

Первое из слов леммы – арабское *ал-джирджир* (*Erusa sativa* Mill. – ‘индау посевной’ Дитрих/Диоск. 2.2, № 123). Второе – романское заимствование *-erusa* (اروقا). В источнике ЛС *алиф* был огласован *кясрой* [и] и впоследствии воспринят как греческий артикль.

[26] ЛС 376 φάκυνον ἔλαιον ἡτοι τὸ κέκυνον – *масло факинон, то есть масло кекинона*.

В данной лемме речь идет о клещевинном масле (масло растения: *Rizinus communis* L., Var. – Дитрих/Диоск. 2.4, № 150) (τὸ λεγόμενον κίκνον ἔλαιον – Д/гр/ 2.306.3–4, № 161, ср. абсолютно точный перевод в Д/ар/ 359.29 (4, № 113). Форма **факунон* зафиксирована в рукописи комментария Ибн ал-Байтара на сочинение Диоскорида (ИБ/тафсир/ 383.6–1, № 31)⁸⁴. В случае ЛС слово было неправильно прочтено по “скелету” (*расму*).

[27] ЛС 390 χήρουας φύλλα – τοῦ ἐ δακτύλου – *листья хирвы* – *прутняка*.

ЛС 392 χήρουα τὸ ἔλαιον τοῦ πενταφύλλου – *хирва* – *масло прутняка*.

Две приведенные леммы, несомненно, связаны между собой, так как в обоих случаях упоминается загадочная χήρουα и прутняк⁸⁵ (*Potentilla erecta* L., Var. – Дитрих/Диоск. 2.4, № 37). В χήρουα соблазнительно было бы видеть араб. *хирва* (*Rizinus communis* L., Var. – Дитрих/Диоск. 2.4, № 150, см. предыдущий пример). Это место в ЛС буквально повторяет лемму из греческого перевода “Зād ал-Мусāфир” Ибн ал-Джаззара: ἡ πῆτω τὸ ἔλαιον τῆς πενταδάκτυλου τὸ λεγόμενον κήρουα⁸⁶.

⁸¹ Ср.: Делатт 26.4 потηροκλάστρα τὰ ἀνθὴ τῆς κοῦτζουνιάδος: потήριον – abrisseau.

⁸² О подобных этимологиях в арабском языке и их связи с греческими этимологиями см. подробно: Kraus P. Jabir ibn Nauyan Contribution à l'histoire des idées scientifiques dans l'Islam. Jabir et la science grecque. Ed. 2., stér. P., 1986. P. 241, n. 7.

⁸³ См. примеч. Томсон к ЛС 285.

⁸⁴ فيقنين و هو دهن الخورع, ркп.: فيقنين.

⁸⁵ Об арабских синонимах этого слова см.: Дитрих/Диоск. 2.4.37, примеч. 2.

⁸⁶ Daremberg Ch. Notices... P. 522.

Е.В. Герцман

DOCUMENTA KOUKOUZELIANA

Вряд ли найдется в истории византийской музыки более прославленный мелург, чем Иоанн Кукузель. И одновременно с этим вряд ли можно сыскать другого византийского композитора, время жизни которого так трудно установить¹. Не случайно по этому вопросу долго велись споры. Они продолжались почти два столетия начиная с конца XVIII в. Разброс мнений был столь велик, что охватывал более четырех столетий: с XII по XVI в.² В настоящее время большинство ученых склонно считать, что знаменитый мелург жил в первой половине XIV в.³ Для подтверждения этого используется ряд сохранившихся источников. Однако мне представляется, что их трактовка достаточно уязвима и требует пересмотра.

Вначале целесообразно напомнить бытующие ныне доказательства, призванные обосновать мысль о том, что активная деятельность Иоанна Кукузеля приходится именно на первую половину XIV в.

1. Codex Petropolitanus 121, датируемый 1302 г., впервые упоминает имя Иоанна Кукузеля как составителя Εἰρμολόγιον⁴. Отсюда делается вывод, что мелургу в 1302 г. могло быть приблизительно 20–25 лет.
2. Codex Sinaiticus 1256, датируемый 1309 г., упоминает имя Иоанна Кукузеля и подтверждает, что данный Εἰρμολόγιον переписан с его автографа⁵.
3. Codex Sinaiticus 1257, создан в 1332 г.⁶ В нем песнопения Иоанна Кукузеля впервые сопровождаются словом μαῖστωρ, что трактуется как следующая ступень восхождения музыканта к вершине своей славы.
4. Codex Atheniensis 2458, заверченный в 1336 г. и содержащий чуть ли не все

¹ Конечно, речь идет только о тех мелургах, о времени жизни которых сохранились если не прямые, то хотя бы косвенные сведения. Вообще же история византийской музыки пока уподобляется географической карте с бесчисленным количеством "белых пятен", поскольку о множестве ее творцов наука до сих пор не располагает никакими биографическими данными.

² Основательный обзор соответствующей литературы дан в диссертации: Williams Ed. John Koukouzeles' Reform of Byzantine Chanting for Great Vespers in the Fourteenth Century. Yale University. Ph.D., 1968 (Ms.). P. 305–323.

³ См., например: Levv K. A Hymn for Thursday in Holy Week // Journal of the American Musicological Society. 1963. 16. P. 156; Williams Ed. Op. cit. P. 303–307; Idem. A Byzantine "Ars nova": The 14th Century Reforms of John Koukouzeles the Chanting of Great Vespers // Aspects of Balkan Continuity and change (Contribution to International Balkan Conference held at ULCA. October, 23–28, 1969). Mouton; Hague; Paris, 1972. P. 212; Στάθης Γρ. Τὰ χειρόγραφα Βυζαντινῆς Μουσικῆς - "Ἁγιον" Ὅρος. Τ. Α. Ἀθήναι, 1975. Σ. μθ; Idem. Ἡ Δεκαπεντασύλλαβος Ὑμνογραφία ἐν τῇ Βυζαντινῇ Μελοποιίᾳ Ἀθήναι, 1977. Σ. 101–102, Χατζηγιακουμῆς Μ. Μουσικὰ χειρόγραφα Τουρκοκρατίας (1453–1832). Τ. Α. Ἀθήναι, 1975. Σ. 327.

⁴ См.: Герцман Е. Греческие музыкальные рукописи Петербурга. Т. I: Российская Национальная библиотека. СПб., 1996. С. 127–156.

⁵ Бенешевич В. Описание греческих рукописей монастыря Святой Екатерины на Синае. Т. I: Замечательные рукописи в библиотеке Синайского монастыря и Синаеджуванийского подворья (в Каире), описанные архимандритом Порфирием Успенским. СПб., 1911. С. 156–157.

⁶ Clark K. Checklist of Manuscripts in St. Catherine's Monastery Mount Sinai. Washington, 1952. P. 12; Бенешевич И. Указ. соч. С. 137.

основные мелосы композитора, также именуемого μαῖστωρ⁷. На основании этого делается вывод, что кодекс был "написан под наблюдением" самого Иоанна Кукузеля⁸.

5. Codex Atheniensis 884, датируемый 1341 г., приводит мелосы τοῦ πάλαι Κουκουζέλου (sic)⁹. И в этом, по мнению исследователей, нет ничего удивительного: если в 1302 г. композитору было 20–25 лет, то в 1341 г. он стал зрелым мастером, достигшим 61–66-летнего возраста.

Таковы пять главных документов, на которых базируются современные представления о времени жизни и деятельности Иоанна Кукузеля.

Учитывая их, Софроний Евстратиadis предпринял попытку выяснить этот вопрос несколько иначе: на основании времени жизни поэтов, тексты которых положены на музыку Иоанна Кукузеля¹⁰. Он следовал обычной логике, предполагающей, что вначале создается текст, а затем на него пишется музыка. Отсюда следует, что авторы текстов, звучащих с мелосами Иоанна Кукузеля, могли жить или раньше его или быть его современниками. В результате целенаправленного исследования источников были установлены такие имена: Никифор Каллист Ксантопул (вторая половина XIII – начало XIV в.), Анфим, епископ Афинский (умер в последней четверти XIV в.), Марк Влатис (расцвет деятельности – около 1385 г.), Иоанн Клад (рубеж XIV–XV вв.).

Прежде всего, обратим внимание на то, что стремление установить время жизни Иоанна Кукузеля таким образом дает другие результаты и никак не вяжется с предыдущими выводами, основанными на толковании нотных рукописей. Действительно, если в 1302 г. мелургу было 20–25 лет, то среди перечисленных поэтов его современником оказывается только Никифор Каллист Ксантопул, а все остальные – намного моложе. Значит, если следовать установке, принятой С. Евстратиadisом (сначала создается текст, а потом – мелос), то для того, чтобы Иоанн Кукузель "успел" сочинить музыку на стихи Анфима Афинского и Марка Влатиса, поэты должны были написать их в очень раннем, чуть ли не в младенческом возрасте. И совершенно очевидно, что композитор не смог бы дожить до времени, когда знаменитый мелург Иоанн Клад начал заниматься поэтическим творчеством, поскольку их отделяет целое столетие.

В последнем случае речь идет о краттма Иоанна Кукузеля, получившей наименование "βιόλα" (ῥήχος πλ.δ). Следуя традиции жанра¹¹, композитор создал мелос, распевающийся на слоги τε-ре-ре, и лишь впоследствии они были заменены на текст "Ἦν πάλαι προεκτήρυξαν τῶν προφητῶν χορεῖαι". Прежде существовали разногласия относительно автора этого текста: одни считали, что его создал константинопольский патриарх Матфей I (1396–1410), другие же приписывали его лампадарию царского клира Иоанну Кладу¹². Теперь уже очевидно, что оказались правы приверженцы второй точки зрения, поскольку абсолютное большинство рубрик, предваряющих изложение краттма в нотных рукописях, указывает на то, что текст сочинил Иоанн Клад по заданию Матфея I¹³.

Я напомнил об этом общеизвестном факте только для того, чтобы продемонст-

⁷ Πολιτῆς Α. Κατάλογος χειρογράφων τῆς Ἑθνικῆς Βιβλιοθήκης τῆς Ἑλλάδος, ἀρ. 1857–2500. Ἀθήναι, 1991. Σ. 457–460.

⁸ Στάθης Γρ. Τὰ Χειρόγραφα. Τ. Α. Σ. λε'.

⁹ Tardo L. L'Antica melurgia bizantina. Grottaferrata, 1938. P. 73.

¹⁰ Εὐστρατιάδης Σ. Ἰωάννης ὁ Κουκουζέλης ὁ Μαῖστωρ καὶ ὁ χρόνος τῆς ἀκμῆς αὐτοῦ // Ἐπετηρὶς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν. 1938. 14. Σ. 11.

¹¹ Подробнее о жанре краттма см.: Στάθης Γρ. Οἱ ἀναγραμματοῖσι καὶ τὰ μαθήματα τῆς Βυζαντινῆς Μελοποιίας. Ἀθήναι, 1979. Σ. 144–145. Герцман Е. Византийское музыкознание. Л., 1988. С. 144–145.

¹² Сводку мнений по этому вопросу см.: Στάθης Γρ. Ἡ Δεκαπεντασύλλαβος... Σ. 103–104.

¹³ Ibid.; см. также: Герцман Е. Греческие музыкальные рукописи Петербурга. Т. I. С. 182, 204.

ривать, что принятая в качестве аксиомы посылка — "вначале создается текст, а потом — музыка" — не всегда соответствует нормам византийской жизни. Еще одним убедительным подтверждением этого могут служить контакты между музыкой Иоанна Кукузеля и поэтическим творчеством Марка Влатиса.

Марк Влатис упоминается в истории византийской музыки пока по одному-единственному поводу. Зарегистрировано несколько рукописей (Codex Petropolitanus 496 — вторая половина XIV в.¹⁴, Codex Kastamonitus 86 — первая половина XV в.¹⁵, Codex Petropolitanus 126 — вторая половина XV в.¹⁶), содержащих знаменитый "Μέγα Ἰσον" Иоанна Кукузеля с двойным текстом: с известными названиями знаков нотации (Ἰσον, ὀλίγον, ὀξεῖα и т.д.) и с "Λόγοι παρακλητικοί" Марка Влатиса. Когда в певческой рукописи изложен один мелос, сопровождаемый двумя различными текстами, это означает, что в церковном обиходе такая музыка распевалась с обоими текстами. Однако каждому, кто знаком с музыкальным материалом этого опуса¹⁷, ясно, что "Μέγα Ἰσον" создавался исключительно как учебное песнопение с единственной целью: представить в распоряжение учащихся, готовившихся стать певчими, такую музыкальную пьесу, которая на практике закрепила бы их теоретические знания по нотации.

Приступая к изучению нотации, они знакомились с ее теорией, излагавшейся в начальных разделах προεῖρητα. На этом этапе они осваивали названия знаков и количество φωναί, подразумевавшихся каждым из них. Затем они переходили к соединениям (θέσεις) знаков, дававших различные интервальные расстояния — от самых узких до широких. И наконец, будущие певчие оказывались перед необходимостью заучивания μέγαλα σημάδια или μεγάλα ὑποστάσεις (знаки ритма, обозначения темпа, динамики исполнения и т.д.). На этом завершался, так сказать, теоретический раздел курса изучения нотации. После него учащиеся делали первые практические шаги. Сольфеджируя различные ἡχηματα¹⁸, излагавшиеся в заключительных частях προεῖρητα, они непосредственно пробовали исполнять уже небольшие певческие упражнения, записанные нотными знаками. Анализ таких ἡχηματα показывает, что они, как правило, не отличались высокими художественными достоинствами, поскольку предназначались исключительно для учебной цели: помочь ученику научиться на практике применять то, что он освоил теоретически. Иоанн Кукузель, работая над своим "Μέγα Ἰσον", стремился к тому же. Именно поэтому к текстам своего учебного песнопения он дал названия τόνοι. Вся мелодическая линия "Μέγα Ἰσον" состоит из интервалов, обозначающихся названиями неум (Ἰσον, ὀλίγον, ὀξεῖα...).

Отсюда следует главный вывод: "Μέγα Ἰσον" создавался не на поэтический текст, а на перечень названий нотных знаков. Конечно, благодаря таланту и выдающемуся мастерству Иоанна Кукузеля это сочинение по своим мелодическим

достоинствам выгодно отличается от многих подобных учебных певческих образцов. Но все же главной и единственной побудительной причиной для "конструирования" мелодии был не поэтический или религиозный образ текста, а последовательность интервалов, обозначаемых конкретными нотными знаками. Если это действительно так, то значит "Λόγοι παρακλητικοί" были приспособлены к мелосу "Μέγα Ἰσον" значительно позже. Можно понять того протопсалта или доместика (его имя история не сохранила), способствовавшего обновлению песнопения Иоанна Кукузеля путем его соединения со стихами Марка Влатиса: ему, чуткому музыканту, было нестерпимо слышать, как такая замечательная мелодия распевается на набор терминов, лишенных какой-либо эмоциональности, да и вообще — элементарного смысла для многочисленных слушателей-прихожан, не знакомых с теорией нотации. Его состояние условно можно было бы сравнить с ощущениями глубокого и искреннего поклонника творчества, например, Франца Шуберта, слушающего божественную мелодию "Ave, Maria", распевшуюся на слоги: си бемоль — ля си бемоль — ре — до — си бемоль¹⁹. Для того, чтобы аннулировать такое несоответствие между словом и музыкой, нужно было соединить замечательный мелос Иоанна Кукузеля с достойным его поэтическим текстом. Для этого необходимо было найти стихи, которые по своей идее и ее творческому воплощению были бы на уровне музыки выдающегося мелурга и совмещались с ней. Таким текстом стали "Λόγοι παρακλητικοί" Марка Влатиса.

Мы не знаем, сочинялись ли они специально "под мелос" "Μέγα Ἰσον" или были созданы независимо от него, и Марк Влатис даже не подозревал, что его стихи будут звучать с мелосом Иоанна Кукузеля (хотя Codex Petropolitanus 496, судя по всему, был создан еще при жизни Марка Влатиса и, очевидно, поэт знал о "бракосочетании" своих стихов с музыкой знаменитого μαῖστωρ). Однако для такого "обратного" способа соединения текста и музыки вообще не играет никакой роли, жил композитор после поэта или, наоборот, поэт создал свое произведение задолго до рождения композитора. В подобных случаях соединение текста и музыки осуществляется помимо воли их творцов. Но все это еще предстоит выяснить. Сейчас же важно понять, что в истории византийской музыки появление песнопений далеко не всегда начиналось с сочинения текста. Здесь сосуществовали самые различные варианты творческого процесса. Примеры с кратимой "βίολα" и "Μέγα Ἰσον" Иоанна Кукузеля наглядно иллюстрируют случаи, когда вначале создавалась музыка, а уж потом к ней приспособлялся текст, написанный "под" конкретный мелос, недавно сочиненный или известный издавна. Ведь стиль византийской церковной музыки, начавший бурно развиваться после 1261 г. (во всяком случае, так принято считать) и получивший название καλοφωνικός, благоприятствовал свободному использованию слогового состава любого текста²⁰.

Все это свидетельствует о том, что время жизни авторов текстов далеко не всегда может служить верным ориентиром при установлении хронологических аспектов деятельности того или иного мелурга. Поэтому наши знания, касающиеся ἀκριβῶς Иоанна Клада, Марка Влатиса, Анфима Афинского и Никифора Каллиста

¹⁴ Герцман Е. Петербургский теоретикон. Одесса, 1994. С. 35–81; Он же. Греческие музыкальные рукописи Петербурга. Т. I. С. 168–169.

¹⁵ Σταθης Γρ. Τὰ Χειρόγραφα... Τ.Α.΄. Σ. 657.

¹⁶ Герцман Е. Греческие музыкальные рукописи Петербурга. Т. I. С. 179–205 (особ. 181 и 183).

¹⁷ Исследование и транскрипцию "Μέγα Ἰσον" в современную нотацию см.: Devai G. The Musical Study of Couscouzeles in a Manuscript of Debrecen // Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae III. 1955. P. 151–179; Idem. The Musical Study of Koukouzeles in 14th Century Manuscript // Ibid. VI. 1958. P. 213–234.

¹⁸ Подробнее об ἡχηματα см.: Kunz I. Ursprung und textliche Bedeutung der Tonartensibele Noeane, Noeagis // Kirchenmusikalisches Jahrbuch. 1935. 30. S. 5–22; Werner E. The Psalmic Formula Neannoe and its Origin // Musical Quarterly. 1942. 28. P. 93–99; Strunk O. Intonations and Signatures of the Byzantine Music // Ibid. 1945. 31. P. 339–355; Wellesz E. A History of Byzantine Music and Hymnography. Oxford, 1961. P. 309–311; Raasted J. Intonation Formulas and Modal Signatures in Byzantine Musical Manuscripts. Copenhagen, 1966 ((Monumenta Musicae Byzantinae. Subsidia VII), passim; Huglo M. L'Introduction en Occident des formules Byzantines d'Intonation // Studies in Eastern Chant III. 1972. P. 81–90; Haas M. Byzantinische und slavische Notationen. Köln, 1973 (Paläographie der Musik I, 2). S. 2. 40–2.43.

¹⁹ Я отдаю себе полный отчет в том, что приведенный пример не совсем удачен, поскольку, строго говоря, отражает противоположную ситуацию: вокальное произведение Шуберта создавалось по поэме В. Скотта, и не исключено, что ее образы одухотворили музыку. Иоанн Кукузель же в "Μέγα Ἰσον" создал прекрасную музыку на слова, лишенные какой-либо поэтичности. Мой пример, иллюстрируя "зеркально" отраженную ситуацию с произведением византийского композитора, призван продемонстрировать слушательскую реакцию на "диссонанс" между высокохудожественной музыкой и полностью противоположным по качеству сольфеджирующимся "текстом".

²⁰ См.: Williams E. The Treatment of Text in the kalophonic Chanting of Psalm // Studies in Eastern Chant. II. 1971. P. 179–180; Σταθης Γρ. Οἱ ἀναγραφματισμοὶ καὶ τὰ μαθήματα τῆς Βυζαντινῆς Μελopoίας. Ἀθήναι, 1979. Σ. 79–87.

Ксантопула, не могут служить подспорьем для определения времени жизни Иоанна Кукузеля.

Прежде чем перейти к обсуждению выше перечисленных пяти документов, дающих подлинные исторические данные по интересующему нас вопросу, нельзя не упомянуть сообщение об источнике, введенном в *koukouzeliana* на рубеже XIX–XX вв. Мануилом Гедеоном, – о рукописи, якобы хранящейся в библиотеке Великой Лавры на Афоне²¹. К сожалению, до сих пор продолжают оставаться неизвестными ни ее датировка, ни даже библиотечный шифр. Эти обстоятельства уже сами по себе создают не простую проблему для научного освоения источника в качестве надежного документа. Что же касается его содержания, то оно, по словам Мануила Гедеола, передает историю Константинополя по Кириллу Лавриоту и, среди прочего, повествует о встрече бывшего константинопольского патриарха Филофея с Иоанном Кукузелем, ставшим в конце жизни монахом Великой Лавры на Афоне. Как следует из опубликованного отрывка, эта встреча произошла после второго патриаршего служения Филофея (1364–1367), когда он удалился на покой в Лавру. Значит, если такое событие действительно имело место, то оно произошло не ранее 1367 г. Если же принять за точку отсчета самое раннее свидетельство о византийском композиторе, датирующееся 1302 г., то Иоанну Кукузелю должно было бы быть тогда не менее 87–92 лет. Поэтому очень сомнительно, чтобы, исполняя в таком возрасте, как сообщается в источнике, раздел акафиста "Ἀγγελοῦ πρωτοστάτης οὐρανόθεν" и песнопение из литургии Василия Великого "Ἐπὶ τοῖς χαίρει κεχαρίτωμένῃ", он продолжал оставаться ὁ θεῖος κύκνος μέλιχρος καὶ ἡδύφωνος ἡ σεῖρήνικος ὑλῶσα. Такие возвышенные характеристики напоминают опозитизированные эпитеты, столь часто встречающиеся в агиографической литературе. А это наводит на мысль, что фрагмент рукописи, касающийся Иоанна Кукузеля, не может рассматриваться как серьезный документ, способный прояснить подлинное положение дел.

По той же причине невозможно использовать опубликованный в начале XX в. панегирик доместику Григорию с упоминанием Иоанна Кукузеля²². К такому решению вынуждает не столько то обстоятельство, что до сих пор нельзя установить местонахождение рукописи²³, сколько то, что она, как и источник, описанный М. Гедеоном, относится к жанру агиографической литературы, не лишенной вымысла и создававшейся значительно позже, чем жили представленные в ней герои. А это чревато самыми неожиданными отступлениями от истины.

То же самое можно сказать и относительно знаменитого βίος, посвященного Иоанну Кукузелю. Он неоднократно исследовался²⁴, но не дал никакой существенной информации о знаменитом мелурге.

Обратимся теперь непосредственно к пяти основополагающим документам, запечатлевшим трудно различимый отсвет, идущий от времен жизни византийского мастера. Наша задача состоит в том, чтобы постараться увидеть источник этого света, его начало, а не лампаду, которая освещает каждый данный документ, получая свою энергию от того, пока невидимого луча. Иными словами, нужно попытаться вычлени из уцелевших памятников сведения, не лежащие на поверхности, а "зашифрованные" в них. Ведь каждый документ исторически многослойный, и наш путь лежит в самый глубокий древнейший слой. Только при проникновении в него мы сможем приблизиться к искомой цели.

Начнем с хронологически самого позднего – с Codex Atheniensis 884. Его переписчик Афанасий записал:

Ἀθανάσιος τὴν μελουργὸν πυκτίδα
ταύτην ἐμαῖς χερσὶν γέγραφα κομήσας
ἐξ ἀντιγράφου πάνυ διορθωμένου
ὄντος κακείου τοῦ πάλαι Κουκουζέλη²⁵.

Самый хитрый способ объяснения этого πάλαι в свое время придумал Ж.-Б. Тибо. По его мнению, здесь употребляется слово "древний" ради того, чтобы отличить Иоанна Кукузеля от монаха Иоасафа, получившего прозвище "Нового Кукузеля" (ὁ νέος Κουκουζέλης)²⁶. Возможно, по представлениям людей времени рубежа XIX–XX вв. такого объяснения было достаточно. Однако в настоящее время хорошо известно, что монах Иоасаф по прозвищу "Новый Кукузель" жил в конце XVI – начале XVII в. Поэтому, естественно, в год создания Codex Atheniensis 884 (т.е. 1341 г.) никто не мог знать, что через два с половиной столетия некий мелург Иоасаф получит прозвище "Новый Кукузель". Следовательно, если писец Афанасий называет Иоанна Кукузеля "πάλαι", значит в середине XIV века знаменитый мелург считался уже "древним".

Такое заключение в какой-то мере подтверждается и замечанием копииста, указывающего на то, что Codex Atheniensis 884 переписан не с автографа Иоанна Кукузеля, а "ἐξ ἀντιγράφου". Такая ситуация обычна, когда речь идет о древнем мелурге, и маловероятна, если подразумевается еще здравствующий мастер, находящийся пусть уже не в расцвете своих сил, но во всяком случае в зрелом возрасте.

Кроме того, Афанасий говорит, что имевшаяся в его распоряжении копия рукописи являлась πάνυ διορθωμένος. Для содержания его записи такое замечание более чем оправданно. Ведь от древних мелургов сохранялись как "весьма правильные", так и "весьма неправильные" копии. Нетрудно понять, что в представлении Афанасия и других музыкантов-переписчиков такой великий мелург, как Иоанн Кукузель, не мог сам оставить "весьма неправильные" образцы нотного материала. Такое воззрение абсолютно неприемлемо для византийского менталитета вообще, поскольку для него выдающиеся люди далекого и близкого прошлого являлись выдающимися во всех сферах своей деятельности. Поэтому, по бытовавшим представлениям, появление плохих копий – дело рук последующих переписчиков. Значит, указание Афанасия служит косвенным свидетельством того, что в его время существовало достаточно много копий, изготовленных не с автографов Иоанна Кукузеля, а скорее всего с более ранних копий, к которым знаменитый мелург уже не имел никакого отношения. Для добросовестного переписчика нотных книг было делом профессиональной чести постараться найти автограф, древнего мелурга и создать свой экземпляр кодекса "по образу и подобию", сделанному мастером (конечно, речь идет не о внешних атрибутах оформления, так как каждая эпоха создавала свои принципы декоративного оформления, а о буквальном подражании автографу в точной передаче нотного текста). Поэтому не исключено, что в середине XIV в. автографы Иоанна Кукузеля либо уже вовсе исчезли, либо являлись уникальными раритетами (такое предположение частично подтверждает запись, содержащаяся в Codex Sinaiticus 1256; см. далее).

В том же русле находятся сведения, которые можно почерпнуть из Codex Atheniensis 2458 и Codex Atheniensis 1257 – из памятников, созданных в 30-х годах XIV в. Обратим внимание на то, что в них Иоанн Кукузель именуется как μαῖωτωρ.

²⁵ Tardo L. Op. cit. P. 73.

²⁶ Thibaut J.-B. La musique byzantine et le chant liturgique des grecs modernes // Échos d'Orient. 1898. I. P. 359.

²¹ Γεδεών Μ. Βυζαντινὸν ἑορτολόγιον // Ἑλληνικὸς Φιλολογικὸς Σύλλογος. 1899. XXV/XXVI. Σ. 173; Idem. Προσθήκη εἰς τὰς περὶ Κουκουζέλη παραδόσεις // Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. 1913. 33. Σ. 36-37; см. также: *Εὐοτρατιάδες*. Σ. Op. cit. Σ. 21.

²² Thibaut J.-B. Monuments de la notation ekphonétique et hagiopolite de l'église grecque. SPb., 1913. P. 127.

²³ Williams Ed. John Koukouzeles' Reform... P. 314.

²⁴ Перечень публикаций см.: Ibid. P. 304–377.

Нам известны многочисленные наименования должностей, имевших прямое или косвенное отношение к деятельности церковных и монастырских хоров. В различные времена они назывались по-разному: *κανονάρχος*, *χωράρχης*, *ἀρχωδός*²⁷, *ἐκκλησιάρχης*²⁸, *ταξιάρχης*²⁹, *δομέστικός*, *λαμπάδαριος*, *πρωτοψάλτης*³⁰. Однако в этом перечне мы не найдем должности *μαῖστωρ*. Конечно, в самых различных византийских источниках встречается *μαῖστωρ*, применяемый к руководителю хора или к мелургу. Но это скорее термин, обозначающий глубокое уважение к мастеру, дань восхищения его выдающимся композиторским творчеством. Вряд ли можно выделить заслуживающий доверия и абсолютно надежный источник, содержащий слово *μαῖστωρ* как указание на конкретную должность, предназначенную для музыканта и существовавшую хоть какой-нибудь значительный период византийской истории³¹.

Если же проанализировать византийскую и поствизантийскую рукописную традицию, то нетрудно убедиться в том, что термином *μαῖστωρ* называли, исключая Иоанна Кукузеля, всего нескольких мелургов. Чаще всего это – Мануил Аргиропул (см., например, Codex Iverus 974 – первая половина XV в.³², Codex Docheiarius 315 – конец XVI – начало XVII в.³³, Codex Iverus 993 – середина XVII в.³⁴, Codex Gregorius 5 – конец XVII в.³⁵, Codex Iverus 967 и Codex Xeropotamus 291 – первая половина XVIII в.³⁶, Codex Panteleimonus 901 – 1734 г.³⁷, Codex Docheiarius 310 – вторая половина XVIII в.³⁸) и Николай Кукум (см., например, Codex Xeropotamus 273 – вторая половина XVI в.³⁹, Codex Docheiarius 315 – рубеж XVI–XVII вв.⁴⁰, Codex Stavroniketus 165 – ок. 1665–1685 гг.⁴¹, Codex Iverus 970 – 1686 г.⁴², Codex Gregorius 5 – конец XVII в.⁴³, Codex Docheiarius 337 – 1764 г.⁴⁴). Иногда, очень редко слово *μαῖστωρ* встречается рядом с именем Иоанна Каллиста (см. Codex Iverus 975 – середина XVII в.⁴⁵ и Codex Iverus 991 – 1670 г.⁴⁶) и еще реже сопровождает имена Димитрия

Редестинского (Codex Iverus 974⁴⁷) и Иоанна Клада (Codex Gregorius 3 – конец XVII в.⁴⁸). Вообще же Димитрий Редестинский обычно именуется *δομέστικός τῆς μονῆς Παντοκράτορος*, а Иоанн Клад – *λαμπάδαριος τοῦ εὐαγοῦς βασιλικοῦ κλήρου*. Но, как мы видим, в отдельных и крайне редких случаях вместо традиционных названий их должностей приводится термин *μαῖστωρ*. Причем он появляется не на протяжении всего кодекса, где излагаются песнопения этих мелургов, а лишь в какой-то одной или двух рубриках. В этом также можно усматривать стремление к возвеличанию мастерства композиторов, придание их авторам особого значения. Именно тогда писцы упоминают не обычные их должности, а термин *μαῖστωρ*, отсутствующий в реальной жизни в качестве обозначения иерархической ступени, предназначавшейся для мелургов. Более того, знакомство с певческими источниками показывает, что слово *μαῖστωρ* могло появляться при упоминании этих мелургов, а могло и не появляться. И это весьма знаменательно, поскольку лишний раз подтверждает, что в Византии не существовало официального названия *μαῖστωρ* для мелургов. На тех же принципах используется термин *μαῖστωρ* в связи с именем Мануила Хрисафа. Хорошо известно, что в абсолютном большинстве случаев его мелосы предварялись упоминанием *κύρ Μανουὴλ τοῦ Χρυσάφη καὶ λαμπάδαριου τοῦ εὐαγοῦς βασιλικοῦ κλήρου*. Однако в ряде кодексов изредка он характеризуется и как *μαῖστωρ*: Codex Kastamonitus 86 и Codex Iverus 975⁴⁹, Codex Panteleimonus 962 (XV в.)⁵⁰, Codex Xeropotamus 273⁵¹, Codex Docheiarius 369 (начало XVII в.)⁵², Codex Stavroniketus 165⁵³, Codex Dionysius 569 (1685 г.)⁵⁴.

Для цели нашего поиска важно установить, использовался ли в таких случаях термин *μαῖστωρ* при жизни мелурга или после его смерти? К сожалению, сегодня науке ничего не известно о времени жизни ряда мелургов, представленных в рукописной традиции как *μαῖστωρες* – Иоанне Каллисте, Николае Кукуме и Мануиле Аргиропуле – кроме того, что их деятельность проходила до рокового 1453 г.⁵⁵ Для нас доступны наблюдения, касающиеся только некоторых поздних византийских мелургов. Так, Димитрий Редестинский, творивший в первой половине XV в., упоминается как *μαῖστωρ* в кодексе, созданном в тот же период, – Codex Iverus 974, а Мануил Хрисаф, переживший падение Константинополя (ἀκμή: 1440–1463 гг.), как *μαῖστωρ* упоминается в источниках середины XV в.: Codex Kastamonitus 86 и Codex Iverus 975⁵⁶.

Не делая окончательных выводов по этому вопросу, вполне допустимо предположить, что авторитет наиболее выдающихся мелургов был настолько велик, что иногда еще при жизни они величались *μαῖστωρ*. Однако рукописная традиция свидетельствует о том, что с течением времени восторг зачастую "остывал" и мелурги уже именовались по прижизненной должности. Вместе с тем, анализ тенденций, сформировавшихся после смерти мелурга, не выявляет какой-либо регулярности или

²⁷ *Ράλλης Κ.* Περὶ τοῦ ἀξιωματοῦ τοῦ πρωτοψάλτου // *Πρακτικὰ τῆς Ἀκαδημίας Ἀθηνῶν*. 1936. XI. Σ. 67.

²⁸ См., например: *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana* / Ed. F. Miklosich et J. Müller. T. V. Vindobonae, 1887. S. 329.

²⁹ *Theodori Studitae Descriptio constitutionis monasterii* // *Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series graeca*. T. 99. Col. 1709.

³⁰ *Pseudo-Kodinos. Traité des offices* / Ed. J. Verpeaux. P., 1966. P. 214; *Goar J. Εὐχολόγιον sive rituale Graecorum*. Parisiis, 1647. P. 225; *Ράλλης Κ., Πότλης Μ.* Σύνταγμα τῶν θεῶν καὶ ἱερῶν Κανόνων. Τόμος Ε'. Ἀθήναι, 1885. Σ. 534.

³¹ Если же касаться титула *μαῖστωρ* не только в сфере певческой практики, а вообще – в истории общественной жизни Византийской империи, то уже доказано, что к середине IX в. он стал чисто декоративным. *Μαῖστωρ* не обязательно занимал ответственную должность. Считается, что этот титул исчез к началу XII в. (*Oikonomidès N. Les Listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles*. P., 1972. P. 294).

³² *Στάθης Γρ.* Τὰ Χειρόγραφα... Т.Г. Σ. 749.

³³ *Ibid.* T. I. P. 353.

³⁴ *Ibid.* T. III. P. 875.

³⁵ *Ibid.* T. II. P. 596.

³⁶ *Ibid.* T. I. P. 64; T. III. P. 697.

³⁷ *Ibid.* T. II. P. 176.

³⁸ *Ibid.* T. I. P. 341.

³⁹ *Ibid.* P. 32.

⁴⁰ *Ibid.* P. 349.

⁴¹ *Ibid.* T. III. P. 556.

⁴² *Ibid.* P. 718.

⁴³ *Ibid.* T. II. P. 594.

⁴⁴ *Ibid.* T. I. P. 400.

⁴⁵ *Ibid.* T. III. P. 765.

⁴⁶ *Ibid.* P. 851.

⁴⁷ *Ibid.* P. 751.

⁴⁸ *Ibid.* T. II. P. 589.

⁴⁹ *Ibid.* T. I. P. 666; T. III. P. 765. Относительно датировки Codex Kastamonitus 86 см. примеч. 56.

⁵⁰ *Ibid.* T. II. P. 297.

⁵¹ *Ibid.* T. I. P. 32.

⁵² *Ibid.* P. 503.

⁵³ *Ibid.* T. III. P. 556.

⁵⁴ *Ibid.* T. II. P. 696.

⁵⁵ Правда, можно смело утверждать, что Мануил Аргиропул жил после Иоанна Кукузеля, поскольку в Codex Petropolitanus 126 (вторая половина XV в.) на л. 209 об. читаем: "Ποίημα τοῦ μαῖστωρος ἐκαλλοπίσθη παρὰ Μανουὴλ τοῦ Ἀργυροπούλου, [ἥχος] α'": "Τὴν αὐτὸν οὐσίαν τῶν νοερῶν" (см. *Герцман Е.* Греческие музыкальные рукописи Петербурга. С. 192).

⁵⁶ Гр. Статис совершенно верно датирует Codex Kastamonitus 86 первой половиной XV в. (*Στάθης Γρ.* Τὰ Χειρόγραφα... Т.А', Σ. 656). Но коль скоро в качестве *μαῖστωρ* там упоминается Мануил Хрисаф, то скорее всего рукопись была создана не ранее 40-х годов XV в.

системности, поскольку "по инерции" некоторые изредка все же продолжали именоваться *μαίστωρ*.

Но такова была тенденция лишь на самом закате Византийской империи, т.е. в конце XIV – начале XV в. Мы не располагаем материалами, на основании которых можно было бы судить о тех же явлениях в более ранние периоды. А ведь именно там жили, творили и навечно были введены в ранг *μαίστωρ* такие мелурги, как Мануил Аргиропул, Николай Кукум и особенно интересующий нас сейчас Иоанн Кукузель. Но нет никаких видимых причин, позволяющих считать, что в первой половине XIV в. рукописная традиция формировалась по другой логике, чем столетие спустя. Поэтому есть основания утверждать, что термин *μαίστωρ* окончательно закреплялся за композиторами после их смерти.

Если такое заключение верно, то Codex Atheniensis 2458 и Codex Sinaiticus 1257 – памятники, созданные уже после смерти Иоанна Кукузеля. Более того, все говорит о том, что они писались много времени спустя после его кончины. Ведь в них он характеризуется исключительно как *μαίστωρ*. В абсолютном большинстве рубрик, предвещающих его мелосы, даже отсутствует упоминание имени и прозвища мастера. Вместо них писцы фиксируют только единственное слово – *τοῦ μαίστωρος*, что может обозначать лишь одно: всем уже настолько хорошо было известно, кто называется *μαίστωρ*, что даже не требовалось сообщения никаких других сведений. А это – убедительный аргумент в пользу посмертной славы мелурга. Важно также отметить, что, например, Codex Atheniensis 2458 содержит достаточно много мелосов того мелурга, который рукописной традицией объявляется учеником Иоанна Кукузеля, – Димитрия Докиана⁵⁷. Причем речь идет не об одном каком-то произведении талантливого ученика, допущенного в кодекс, содержащий почти все основные мелосы великого учителя, а о целой группе песнопений, включающей *πολυέλεος*, *κοινωνικόν*, *ἀναγραμματοῖς* и *ἀλληλουάριον*⁵⁸. Это обстоятельство – еще одно доказательство того, что ко времени создания Codex Atheniensis 2458 Иоанна Кукузеля уже давно не было среди живых, так как слава пришла и к его ученику.

"Спустимся" еще на 23 года, к тому моменту, когда Ирина, дочь каллиграфа Феодора, работала над Codex Sinaiticus 1256. На л. 183 об. этого памятника значится:

Σὺν θεῷ ἀγίῳ ἐπληρώθη
τὸ παρὼν εἰρμολόγιον
διὰ χειρὸς Εἰρήνης ἀμαρτωλῆς
θυγατρὸς Θεοδώρου τοῦ Ἀγιοπετρίτου
καὶ καλλιγράφου †
"Ε.Τ. 'ςωλ⁵⁹.

На лицевой стороне того же листа рукой Ирины указано:

Χεῖρ Ἰωάννου Παπαδοπούλου
τοῦ Κουκουζέλη⁶⁰.

В свое время после изучения этой рукописи В. Бенешевич сделал совершенно верный вывод: Ирина переписала *Εἰρμολόγιον* с подлинной рукописи Иоанна Кукузеля⁶¹. Значит, в 1309 г. еще можно было отыскать кодекс, созданный самим мастером. Вполне возможно, что в поисках этой редчайшей книги помогли связи отца Ирины. Естественно, что по роду своих занятий каллиграф Феодор был знаком с широким кругом лиц, занимающихся изготовлением копий. Нет ничего удивительного в том, что благодаря таким связям его дочь могла получить кодекс, некогда созданный мастером, и сделать с него свою копию.

Пусть мое предположение на этот счет не покажется излишней модернизацией византийской жизни начала XIV в. В нашем распоряжении имеется Codex Petropolitanus 121, созданный в 1302 г., изготовитель которого, судя по всему, не мог найти подлинника того же самого *Εἰρμολόγιον*, составленного Иоанном Кукузелем. На л. 148 об. этого кодекса неизвестный нам переписчик сообщает:

Τέλος σὺν θεῷ τοῦ εἰρμολογίου ἔργον Ἰωάννου
Παπαδοπούλου τοῦ ἐπιλεγόμενου Κουκουζέλη
ἔτους 'ςωλ' ιν(δικτιῶνος) ιε'⁶².

Если бы он выполнил свою копию с автографа мастера, то не преминул бы сообщить об этом, как это сделала семь лет спустя Ирина. Слишком велик был авторитет Иоанна Кукузеля в самом начале XIV в., чтобы умалчивать о столь важном обстоятельстве создания нотной книги. Ведь в таком случае ценность рукописи, сработанной писцом, непременно возросла бы. Но, как показывает его запись, автограф Иоанна Кукузеля остался для него недоступным.

Для подтверждения сказанного существует еще один весомый аргумент.

Дело в том, что Codex Petropolitanus 371 является листом, "экспроприированным" Порфирием Успенским из Codex Sinaiticus 1256⁶³. Поэтому у меня была возможность сравнить музыкальный материал одного и того же *Εἰρμολόγιον*, составленного Иоанном Кукузелем, но изложенного в двух различных кодексах: Codex Petropolitanus 121 и Codex Sinaiticus 1256. Правда, сопоставление было ограничено тем, что из Синайского кодекса я мог познакомиться только с одним листом – Codex Petropolitanus 371. Но и такой анализ дает повод для наблюдений⁶⁴. И здесь их следует повторить, так как они имеют самое непосредственное отношение к исследуемой проблеме.

Сопоставление показало, что, несмотря на полную идентичность музыкального материала Codex Petropolitanus 371 и соответствующего раздела *Εἰρμολόγιον* из Codex Petropolitanus 121, в последнем отсутствует ирмос в *ἦχος γ'*: "Τὸ ἀλατόμητον ὅρος τῇν ἀκρότομον". И это при том, что сравнивалась последовательность, состоящая всего лишь из трех ирмосов (именно столько их изложено на листе Codex Petropolitanus 371). Уверен, если бы появилась возможность сопоставить оба памятника (Codex Petropolitanus 121 и Codex Sinaiticus 1256) целиком, но таких расхождений оказалось бы значительно больше.

Именно они определяют разницу между добросовестно выполненной копией с автографа и, возможно, столь же добросовестной работой, но осуществленной с одного из антиграфов. И об этом были прекрасно осведомлены изготовители нотных книг. Поэтому нет ничего неправдоподобного в утверждении, что в начале XIV в. поиски автографов Иоанна Кукузеля были уже очень затруднены.

⁵⁷ Там же. С. 157.

⁵⁸ См.: Герцман Е. Греческие музыкальные рукописи Петербурга. Т. I. С. 128.

⁵⁹ Подробнее об этой рукописи см.: Герцман Е. В поисках песнопений Греческой Церкви (Порфирий Успенский и его коллекция греческих музыкальных рукописей). СПб., 1997. С. 100, 107, 113, 117–119, 122, 123.

⁶⁰ Герцман Е. Греческие музыкальные рукописи Петербурга. Т. I. С. 158.

⁵⁷ Об этом говорит Кирилл Мармаринский (XVIII в.) в своем сочинении "Εἰσαγωγή μουσικῆς καὶ ἑρμηνείας", см., например: Codex Petropolitanus RAIC 63, fol. 19v (Герцман Е. Петербургский теоретикон. С. 788). Об этом свидетельствуют и другие источники: Codex Petropolitanus 711 (последнее десятилетие XVIII в.), в котором на л. 56 помещен каллофонический стих "κύρ Δημητρίου τοῦ Δοκίμου καὶ φοιτητοῦ Ἰωάννου τοῦ Κουκουζέλη" (Герцман Е. Греческие музыкальные рукописи Петербурга. С. 399). См. также: Codex Xeropotamus 318 (начало XIX в.) (Στάθης Γρ. Τὰ χειρόγραφα... Τ. Α'. Σ. 147).

⁵⁸ См.: Πολιτῆς Α. Op. cit. P. 458, 459.

⁵⁹ Бенешевич В. Указ. соч. С. 157.

⁶⁰ Там же.

Такие наблюдения позволяют сделать вывод о том, что сам Εἰρμολόγιον был составлен мелургом намного раньше.

Исследуя проблему, нужно постоянно помнить, что обсуждаемые здесь и известные ныне четыре кодекса первой половины XIV в., содержащие мелосы Иоанна Кукузеля, – лишь часть уцелевших памятников того периода. В действительности же их должно было быть значительно больше, что объясняется интересом к творчеству мелурга и потребностями литургической практики. Так, например, в работах "кукузелеведов" до сих пор отсутствовал Codex Petropolitanus 38, представляющий собой чудом сохранившийся пергаменный лист из нотной книги начала XIV в., содержащий каллофонические стихи Иоанна Кукузеля⁶⁵. И, судя по всему, таких певческих книг в изучаемый период было достаточно много. Следовательно, к самому началу XIV в. Иоанн Кукузель был широко известным композитором, уже занимавшим самое высокое положение в "иерархии" мелургов, которое по современным представлениям соответствует понятию "классик". И не беда, что в кодексах 1302 и 1309 гг. он именуется не μαῖστωρ, а просто Ἰωάννης Παπαδόπουλος ὁ Κουκουζέλης. Формирование рукописной традиции – дело достаточно сложное, зависящее от многих составляющих: не только от таланта мастера и признания его достижений, но также от состояния общества, от уровня развития письменной нотной продукции, от литургических запросов времени, с которыми так тесно было связано певческое искусство и т.д. Как можно судить по сохранившимся источникам, рубеж XIII–XIV вв. был периодом формирования рукописной koukouzeliana. И с этой точки зрения весьма знаменательно присутствие в первом десятилетии Ἰωάννης Παπαδόπουλος ὁ Κουκουζέλης и в третьем – μαῖστωρ. Вместе с тем, другие факты того же времени, – трудные поиски автографов Иоанна Кукузеля, значительное количество кодексов, содержащих его мелосы, распространенное копирование нотных материалов, так или иначе связанных с его творчеством, широкая известность его ученика Димитрия Докиана, – все это, вместе взятое, вынуждает думать, что время активной творческой жизни мастера завершилось еще до наступления XIV столетия.

Какие факты можно противопоставить такому выводу?

Рукописная традиция постоянно указывает на то, что непосредственным учителем Иоанна Кукузеля был протопсалт Иоанн Глика, которого постоянно путали с константинопольским патриархом Иоанном XIII Гликой, занимавшим патриарший престол с 1315 по 1319 г. Я надеюсь, что мне удалось недавно доказать ошибочность такого отождествления⁶⁶. Единственное, что я хотел бы добавить к уже опубликованному, – свидетельство Никифора Григоры о том, что константинопольский патриарх Иоанн Глика до восхождения на патриарший трон был не протопсалтом, а λογοθέτης τοῦ δρόμου. Цитирую два фрагмента, которые никогда не попадали в поле зрения исследователей византийской музыки. В одном из них (кн. VI, гл. 8) повествуется о событии, происходившем еще до патриаршества Иоанна Глики, когда он был важным государственным сановником, а во втором (кн. VII, гл. 11) – о самом его восхождении на патриарший трон. В обоих фрагментах точно и конкретно указана его должность, не имевшая ничего общего с деятельностью протопсалта:

"ἐπεὶ δ' ἡ τοῦ τῆς Ἰταλίας ῥηγὸς παραθεωρεῖται πρεσβεία διὰ τὰ ὑπὲρ τὸ προσῆκον ζητήματα, ἐκλέγονται λοιπὸν εἰς πρεσβείαν οἱ κρείττους τῶν τῆνικαῦτα σοφῶν, ὃ, τε Μετοχίτης Θεόδωρος καὶ ὁ Γλυκὺς Ἰωάννης ὁ μὲν λογοθέτης τῶν τῆνικαῦτα τῶν οἰκειακῶν· ὁ δὲ λογοθέτης τοῦ δρόμου...

.....
ἐνὸς δὲ μεταξὺ παραδραμόντος ἔτους ἐπὶ τὸν πατριαρχικὸν ἀνάγεται θρόνον Ἰωάννης ὁ Γλυκὺς, λογοθέτης ὢν τῆνικαῦτα τοῦ δρόμου καὶ γυναῖκα ἔχων καὶ υἱοὺς καὶ θυγατέρας"⁶⁷.

Если же протопсалт Иоанн Глика и патриарх Иоанн Глика – различные лица, то аннулируется еще одно заблуждение, которое крепко "привязывало" Иоанна Кукузеля к XIV в.

Что же касается другого возможного контраргумента против излагающейся здесь точки зрения, то он относится к младшему (?) современнику Иоанна Кукузеля – Ксене Короне (Ξένος Κορώνης). Конечно, эта тема самостоятельного исследования. Однако я все же рискну, в заключении данной статьи, изложить некоторые соображения, способные, как мне кажется, убедить в том, что время жизни Ксены Короны также предшествовало наступлению XIV в., либо завершилось в самом его начале.

Один из самых ранних нотных памятников, дошедших до нас с именем Ксена Корона, – уже неоднократно упоминавшийся Codex Atheniensis 2458. В нем имеется более 20 его мелосов. Чаще всего они представлены как сочинения λαμπαδαρίου Ξένου τοῦ Κορώνη⁶⁸. Означает ли это, что в год создания Codex Atheniensis 2458, т.е. в 1336 г., мелург был еще в должности лампадария, не достигнув пока ступени протопсалта? Прежде чем ответить на этот вопрос, нужно понять, почему при изложении в этом кодексе ἀντίφωνα (fol. 113v–124v) рубрики упоминают:

Κορώνη μον(α)χοῦ
Κορώνη τοῦ λαμπαδαρίου
Κορώνη ῥακενδύτου⁶⁹.

Единственное логичное объяснение такому совмещению в одной рукописи различных images одной жизни может состоять в том, что памятник был создан уже тогда, когда все они остались в далеком прошлом. В самом деле, независимо от того, какая книга или книги послужили источником для Codex Atheniensis 2458, и независимо от того, по каким причинам в рукописи не запечатлена деятельность мелурга в качестве протопсалта, – это кодекс мог быть написан только после того, как Ксена Корона побывал и "оборванцем", и лампадарием, и монахом. В любом случае в нем отражены два заключительных этапа жизни: как певчего, так и монаха.

Я не останавливаюсь сейчас на созданном четыремя годами ранее Codex Sinaiticus 1257, также содержащем мелосы Ксены Короны, поскольку певческий репертуар этого памятника до сих пор не описан и поэтому практически невозможно анализировать его рубрики. Среди авторов в них часто встречается "Лампадарий"⁷⁰. В 1332 г. под этим термином мог подразумеваться лишь Ксена Корона. Здесь мы сталкиваемся с уже известной ситуацией: подобно тому, как в первой половине XIV в. всем давно и хорошо было известно, что μαῖστωρ подразумевает исключительно Иоанна Кукузеля, тогда как λαμπαδάριος всем давал понять, что речь идет о Ксене Короне. А это опять-таки указывает на окончательно сформировавшуюся рукописную традицию, когда уже не требовалось ни имени, ни прозвища автора, а достаточно было указать его должность.

⁶⁷ Nicephori Gregorae Byzantina historia. Cura L. Schopeni. Bonnæ, 1829. Vol. I. P. 193–194, 270. Эта информация подтверждается и другим источником, см.: Georgios Sphrantzes. Memori (1401–1477) cum Pseudo-Phrantzes in appendice sive Macarii Melissenii Chronicon (1258–1481). Ex recensione Basilii Grecu. București, 1966 (Scriptores Byzantini V). P. 176.

⁶⁸ Πολιτῆς Α. Op. cit. P. 458–459.

⁶⁹ Ibid. P. 458.

⁷⁰ Бенешевич В. Указ. соч. С. 137.

⁶⁵ Там же. С. 174–175.

⁶⁶ Герцман Е. Загадки наследия протопсалта Иоанна Глики // ВВ. 1995. Т. 56. С. 215–227.

Таким образом, все говорит о том, что Codex Sinaiticus 1257 и Codex Atheniensis 2458 были написаны много времени спустя после того, как Ксена Корона завершил свой земной путь⁷¹. Сомнение в такое заключение не в состоянии внести даже информация, содержащаяся в Codex Atheniensis 26404 (1463 г.), где излагается "Θεοτοκίου ποίημα τοῦ Κορώνη· τὰ γράμματα κυρίου Ἰσιδώρου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως"⁷². Да, Исидор I патриаршествовал с 1347 по 1349 г. Но мы уже хорошо знаем, что время жизни византийских композиторов нельзя определять в зависимости от времени деятельности поэтов, тексты которых поются на мелосы этих композиторов. Следовательно, факт, запечатленный в Codex Atheniensis 26404, не может опровергнуть мнение, что к 30-м годам XIV в. давно уже не было в живых ни Ксены Короны, ни его "соученика" Иоанна Кукузеля⁷³.

С.П. Карпов

МАТЕРИАЛЫ А.А. ВАСИЛЬЕВА В АРХИВЕ DUMBARTON OAKS (ВАШИНГТОН)¹

Вторая половина жизни выдающегося русского византиниста А.А. Васильева (1867–1953)² прошла в Америке. Там, в Виргинии, в городке Фредериксбург, где провел свое детство Джордж Вашингтон, на кладбище конфедератов, находится его могила³. Сердце ученого, прожившего долгую жизнь, остановилось на следующий день после 500-летней годовщины взятия османами Константинополя, 30 мая 1953 г.

Выпускник Петербургского университета, оставленный для подготовки к профессорскому званию, стажер Русского археологического института в Константинополе (1899), после защиты в 1902 г. докторской диссертации – профессор Дерптского университета (1904–1912), приват-доцент (1912–1917), экстраординарный профессор (1917–1925) Петербургского / Петроградского университета и славяно-исторического факультета Первого Петроградского государственного педагогического института, сотрудник Археологического отделения РАИМК (1919–1925) и временно даже председатель РАИМК (1920–1921), член-корреспондент РАН (с 1919 г.) – таким был cursus honorum ученого на родине. Однако все возраставшая изолированность византиноведения в Советской России тех лет от науки других стран, серьезные препятствия в проведении исследований, большие материальные трудности заставили А.А. Васильева, оказавшегося в заграничной командировке сначала в Германии и Франции, затем – в США (1925–1928), остаться за границей. Это было не легкое для него решение, и, приняв его, он стремился продолжать общение со своими коллегами и друзьями в России, вел со многими из них переписку, обменивался публикациями и информацией. Он болел за судьбы российской науки и делал все возможное, чтобы не порывать связей с Академией и университетом. С конца 20-х годов это стало практически невозможно для человека, причисленного к эмигрантам. А в 1935 г. Общее собрание АН СССР и формально исключило его из

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ (N 97-06-80144).

² О А.А. Васильеве см.: Вернадский Г.В. А.А. Васильев (к семидесятилетию его) // SK. 1940. Т. 11. С. 11–17; Grégoire H. Alexandre Alexandrovich Vasiliev // Byz. 1962. Т. 22. P. 526–531; Nersessian Der S. Alexander Alexandrovich Vasiliev (1867–1953) // DOP. 1956. Vol. 9–10. P. 1–21 (с библиографией, P. 13–21); Медведев И.П. Васильев Александр Александрович // Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь. М., 1979. С. 92–93; Басаргина Е.Ю. А.А. Васильев и Русский археологический институт в Константинополе // Российские ученые и инженеры в эмиграции. М., 1993. С. 127–135. Ср.: Куклина И.В. "Труды и дни" А.А. Васильева (по материалам его писем к С.А. Жебелёву) // Российское византиноведение. Итоги и перспективы. Тез. докладов и сообщений на Междунар. конфер., посвященной 100-летию Византийского временника и 100-летию Русского археологического института в Константинополе (Санкт-Петербург, 24–26 мая 1994). М., 1994. С. 68–70; Она же. А.А. Васильев: "Труды и дни" ученого в свете неизданной переписки // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 313–338; Бонгард-Левин Г.М., Тункина И.В. М.И. Ростовцев и А.А. Васильев (новые архивные материалы) // ВДИ. 1996. № 4. С. 168–188; Скифский роман. М., 1997. С. 259–286.

³ Благодарим проф. И. Шахиду (Вашингтон) за предоставленные фотографии могилы ученого.

⁷¹ Коль скоро это был период формирования рукописной традиции, связанной не только с именем Иоанна Кукузеля, но и Ксены Короны, то, возможно, именно поэтому здесь присутствует Κορώνης μοναχός, а не Ξενοφών μοναχός, как это фиксировалось в более поздних рукописях, когда широко стало известно монашеское имя мелурга. См., например: Codex Lavrae M. 93 (1728 г.), fol. 266v. (Χατζηλακομίδης М. Op. cit. Σ. 319–320).

⁷² Ibid.

⁷³ Вообще же, представляется, что само сообщение, содержащееся на л. I Codex Koutloumousius 457 (вторая половина XIV в.) – "πρωτοφάλτου τοῦ Γλυκὸ καὶ τῶν διαδόχων αὐτοῦ καὶ φοιτητῶν τοῦ Κορώνη καὶ τοῦ Παπαδοπούλου κυροῦ Ἰωάννου καὶ μαίστορος τοῦ Κοκουζέλη" (Στάθης Γρ. Τὰ χειρόγραφα... Т. III. Σ. 354) – еще требует самого тщательного изучения.

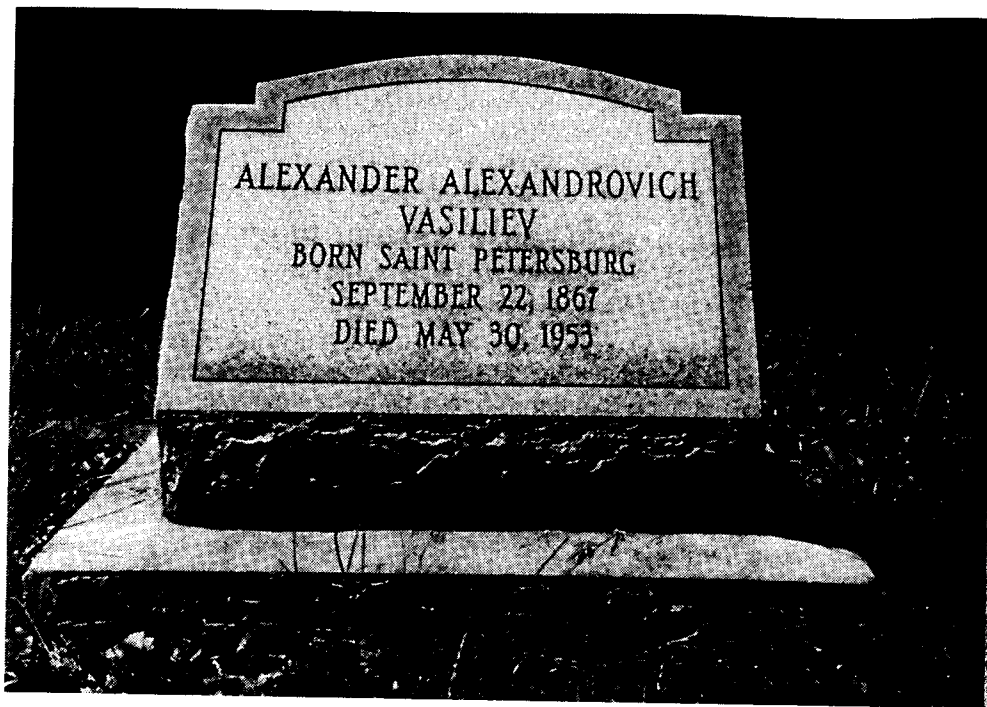

Рис. 1

своих членов (восстановлен посмертно в 1990 г.)⁴. Но даже после этого связи А.А. Васильева с друзьями и коллегами в СССР не прекратились полностью. Он посылал туда и свои труды. Так, например, в архиве Васильева в Думбартон Оксе сохранилось письмо известного крымского историка-краеведа Д. Спиридонова от 30 января 1937 г., в которых он благодарил А.А. Васильева за "Готов в Крыму"⁵.

В начале 1926 г. А.А. Васильев получает приглашение в Каирский университет, инициированное деканом факультета выдающимся византинистом А. Грегуаром и поддержанное королем Египта. Не отвергая его, А.А. Васильев подает заявление на замещение кафедры в Кингс Колледже Лондонского университета, но вскоре отзывает его и останавливает свой выбор на Америке. По рекомендации его друга академика М.И. Ростовцева, он становится профессором Висконсинского университета США в Мэдисоне. Там он проработал с 1925 по 1938 г., сначала временно, затем – в штате. Оставив университет по возрасту и уйдя на пенсию, Васильев успешно продолжал свои штудии и был приглашен в новый Центр византиноведения при Гарвардском университете – Думбартон Окс в Вашингтоне в качестве старшего исследователя (Senior Scholar, 1944–1948), а затем был почетным исследователем (Scholar Emeritus, 1949–1953). Оказавшись в Думбартон Оксе, А.А. Васильев перевез туда и часть своего архива, включающего разнообразные материалы, за многие годы его жизни, начиная с 1922 г.

У нас нет оснований, таким образом, говорить о том, что архив Васильева не обнаружен и что материалов к его биографии очень мало⁶. В настоящее время,

благодаря исследованиям Г.М. Бонгард-Левина⁷ науке стала известна часть архива А.А. Васильева в архиве Висконсинского университета, состоящая из семи картонов (University of Wisconsin. Division of Archives. College of Letters and Science. Department of History. General Correspondence. A.A. Vasiliev. Series № 7/16/16.Box 1–7). Другая часть, из четырех больших картонов, описание которой приводится ниже, находится в архиве Думбартон Окса (Вашингтон) и исследовалась нами⁸. Многие письма А.А. Васильева к М.И. Ростовцеву за 1925–1942 гг. хранятся также в Библиотеке особых коллекций Дьюкского университета США (Duke University. William R. Perkins Library. Special Collections Department. Box 3. Correspondence. Language Russian. Fol. 1–4)⁹, его письма к другим лицам (более 20 адресатов) и некоторые рукописи – в личных фондах ряда ученых в России и за рубежом¹⁰.

Архив А.А. Васильева в Думбартон Оксе состоит из четырех картонов (boxes), разделенных на фолдеры¹¹. В нем содержатся отдельные материалы, относящиеся к Петроградскому периоду (1922–1925), а также, более полно, – ко времени его научной и педагогической работы в Мэдисоне (1925–1944) и в Вашингтоне (1944–1953). Состав материалов следующий (мы используем английские обозначения единиц хранения):

Box 1

Folder 1

1. Перевод на русский язык поздневизантийского любовного романа "Вельтадр и Хрисанца"¹². В рукописи имеются многочисленные исправления переводчика, отдельные строки пропущены (оставлены незаполненные текстом номера строк). Иногда на полях карандашом отмечены знаки вопроса. На с. 46 сделана помета о времени и месте работы над переводом: 1 дек. 1922 Пгт (Петроград). А.А. Васильев приводит также варианты перевода и рассуждения по содержанию текста. Ряд страниц и листов рукописи не имеет нумерации. На небольших отдельных листочках выписаны некоторые термины и их перевод. Все тексты только на русском и греческом языках. Нет никаких следов продолжения этой работы в эмиграции. Перед нами, таким образом, черновой перевод, выполненный А.А. Васильевым еще в Петрограде и взятый им с собой в заграничную командировку для завершения работы.

2. "Портреты" византийских императоров и императриц. Материал к готовящейся (и незавершенной) им книги. На каждом отдельном листочке приведены ссылки на иконографический материал и библиография. Хронологически охвачены все императоры от Константина Великого до Константина XI и их потомки до Андрея Палеолога, сына деспота Фомы. Многие заметки носят предварительный, эскизный характер и не отличаются библиографической полнотой. Весь текст – также на русском языке и, вероятно, относится в значительной мере тоже к Петроградскому периоду творчества ученого.

3. Наброски к исследованию о Дигенисе Акрите. Заметки сделаны по-английски. Отдельные слова и термины выписаны на листочках с переводами на русский и

⁷ Бонгард-Левин Г.М., Тункина И.В. М.И. Ростовцев и А.А. Васильев...; Скифский роман. С. 259–286.

⁸ Я приношу глубокую благодарность дирекции и научным сотрудникам Думбартон Окса за возможность ознакомиться с этими материалами во время моей исследовательской работы в Думбартон Оксе в 1994–1995 гг.

⁹ Бонгард-Левин Г.М., Тункина И.В. М.И. Ростовцев и А.А. Васильев... С. 168.

¹⁰ См., например: Кукулина И.В. А.А. Васильев: "Труды и дни"... С. 318–319; Герцен А.Г. О двух рукописях сочинения А.А. Васильева в архиве ЛОИА АН СССР // ВВ. 1979. Т. 40. С. 191–192.

¹¹ Вариант этой публикации дан также в приложении к "Истории Византии" А.А. Васильева, (СПб., 1998).

¹² Перевод осуществлен по изданию: Legrand T. Bibliothèque grecque vulgaire. 1880. Т. 1. Р. 125–168.

⁴ Скифский роман... С. 260.

⁵ Box 3. Folder 20.

⁶ Кукулина И.В. "Труды и дни"... С. 69; Она же. А.А. Васильев: "Труды и дни"... С. 313.

английский языки. На русском языке сделан перевод первой песни (начало его утрачено), а также 2, 3, 4-й песен. Перевод черновой, с лакунами.

4. Черновые материалы и конспекты работ, озаглавленные: Тана, Тматоракань. Они содержат:

1. Библиографические пометы о Тматоракани (с. 1–5). Конспекты на пяти нумерованных листах публикаций генуэзских документов из серии "Atti della Società Ligure di Storia Patria".

2. Конспекты работ, относящихся к истории Таны: Н. Веселовского. Танаис Младший // Гермес. IV. 1909. N 6. С. 246–252 1 с.; выписки из различных источников о чуме 1348 г. – 2 с.; выписки из книги: *Canale M., da. Della Crimea, del suo commercio e dei suoi dominatori dalle origini fino ai di nostri.* Genova. 1855. Vol. 1. P. 193–194 – 1 с.; отдельные библиографические пометы – 1 с.; различные краткие конспекты на 19 листочках. Характер материалов свидетельствует о начальной стадии работы А.А. Васильева (незавершенной впоследствии) над историей средневекового Азова / Таны.

3. Выписки, относящиеся к истории Саркела и Таны–Саркела – 3 с. библиографических материалов и конспектов.

4. Средневековый Крым (заголовок автора). Конспекты материалов, относящихся к нотциям епископий Крыма.

5. Выписки из "Практики торговли" Франческо Балдуччи Пеголотти. Использовано издание 1766 г.¹³ с пометой (более позднего времени) о новом издании 1936 г.¹⁴ – 38 с. Выписки не содержат каких-либо комментариев к тексту.

6. Конспекты, библиографические пометы и выписки из источников к семинарам – на отдельных, нумерованных листах. На л. 1, например, материалы к семинару А.А. Васильева в 1927–1928 гг., посвященного Юлиану Отступнику.

Folder 2

Русские эмигрантские газеты. Вырезки из них. Чаще других представлена газета "Последние новости" за 1929–1941 гг.

Folder 3

TREBIZOND A–E, F–L

Конспекты различных работ и источников по истории Трапезунда и Трапезундской империи, сгруппированные в алфавитном порядке.

Folder 4

TREBIZOND M–Z, Trebizond before 1204.

Конспекты различных работ и источников, сгруппированные в алфавитном порядке.

Folder 5

Материалы о Трапезундской империи:

1. The Empire of Trebizond (Febr. 24, 1936, in the Classical Club, N.Y. City). 27 с. – видимо, текст выступления или лекции в Нью-Йорке. Без научного аппарата.

2. Черновые материалы к книге о Трапезундской империи и к статье об образовании Трапезундской империи¹⁵. Черновик популярной статьи или лекции "The

Empire of Trebizond" – 14 p. Madison–Wisconsin. Черновик предисловия или введения к работе о Трапезунде, заглавие: "Trebizond. Foreword".

3. Подготовительные материалы и краткие заметки на отдельных листах (явно не все) к статье: The Empire of Trebizond in History and Literature // Byzantion. 1940–1941. XV/1. P. 316–377.

Folder 6

TREBIZOND. Различные подготовительные материалы по истории Трапезундской империи.

1. Выписки из восточных источников.

2. Переписанная от руки Хроника Панарета по изданию 1907 г.¹⁶ Не содержит каких-либо комментариев.

3. Выписки из источников, в том числе античных. Набросок начальной части плана лекций по истории Трапезундской империи (на русс. яз.).

4. "Трапезунт". Греческие надписи в Трапезунде. Библиография. Выписки из рукописей.

5. Конспекты по истории Трапезунда. Вырезка малоизвестной газетной статьи А.А. Васильева: Trebizond, the Ancient Gateway to Asia // The Milwaukee Journal. 25/XI. 1934.

Box 2

Folder 7

1. Материалы о Язиде II. Рукописи статьи: The Iconoclastic Edict of the Caliph Jazid II A.D. 721. 86 с.¹⁷ Текст написан ранее апреля 1953 г. и был отредактирован для издания М. Канаром.

2. Материалы под заголовком "for Paris" (видимо, для лекций и выступлений А.А. Васильева в Париже). Библиографические и иные заметки о трапезундском императоре Андронике I Гиде (1222–1235). Набросок статьи о нем (с. 88–90).

Folder 8

Заметки об Александре Македонском и его отображении в византийской и исламской литературе и искусстве. Текст лекции на французском языке: "Alexandre le Grand, Byzance et l'Islam". Рукопись – 40 с., машинопись – беловая 23 с. Имеется помета на отдельном листе – "for my French lecture". Тот же текст также в рукописи на английском – 39 с.¹⁸

Отдельные заметки и конспекты по теме: "Александр и Магомет".

Folder 9

Переписка, заметки, рецензии, относящиеся к новому изданию "Истории Византии" ("The History of Byzantine Empire"), 1950–1951 гг. (Среди корреспондентов и рецензентов – П. Каранис, Дж. Хассей, издатель Т. Уэбб.) Библиография рецензий на книги А.А. Васильева, оттиски и копии некоторых рецензий и аннотаций.

Folder 10

Материалы к симпозиуму, проводимому Исследовательской библиотекой Думбартона Окса (Dumbarton Oaks Research Library) 28–30/IV. 1949. Машинопись с авторской правкой (20 с.) и рукопись (26 с.) доклада: "Byzantium and the Arabs under Muhammed

¹³ Pagnini del Ventura G.F. Della decima e delle altre gravissime imposte dal comune di Firenze, della moneta e della mercatura de' Fiorentini fino al secolo XVI. Lisbona e Lucca, 1766. Vol. 4.

¹⁴ Pegolotti Francesco Balducci. La Pratica della mercatura / Ed. by A. Evans. Cambridge (Mass.), 1936.

¹⁵ Статья опубликована: Vasiliev A.A. The Foundation of the Empire of Trebizond (1204–1222) // Speculum. 1936. Vol. 11, N 1. P. 3–37.

¹⁶ Lampros Sp.P. Τὸ Τραπεζουντιακὸν Χρονικὸν τοῦ πρωτοσεβαστοῦ καὶ πρωτονοταρίου Μιχαὴλ Παναρέτου // Νέος Ἑλληνομνήμων. 1907. Τ. 4. Σ. 257–295.

¹⁷ Опубликовано: The Iconoclastic Edict of the Caliph Yazid II, A.D. 721 // DOP. 1956. Vol. 9–10. P. 23–47.

¹⁸ Нам известна публикация резюме: Vasiliev A.A. Alexandre le Grand, Byzance et l'Islam // Πεπραγμένα τοῦ Θ' Διεθνoῦς Βυζαντινολογικοῦ Συνεδρίου (Θεσσαλονίκη, 12–19.4. 1953) Τ.Β'. Athenai, 1956. P. 630.

and His Immediate Successors, 622–661. The Causes of the Arab Military Successes". Отзыв М. Канара о незавершенной работе А.А. Васильева "Византия и арабы" (4 с.).

Folder 11

Две фотографии 1946 г.: А.А. Васильев в Мексике, в Таско, с осликом (10/VII.1946) и групповой снимок на плоту.

Материалы к симпозиуму Думбартон Окса 1947 г.: машинопись доклада: "The Contribution Made by the Russians and Slavs to Byzantine Scholarship" с краткой оценкой вклада русских и славянских ученых в изучении истории Византии.

Наброски статьи или доклада (на русс. яз.) о принудительных работах в Египте по устройству и поддержанию плотин, каналов и рудников (по законодательным актам и папирусам). Выписки из многочисленных источников и ссылки. Работа не завершена (20 нумерованных страниц). Имеется помета архивиста: Symposium 1952(?).

Folder 12

Рукопись курса лекций А.А. Васильева в Коллеж де Франс – "Byzance et l'Ancienne Russie". Сохранились с. 1–42 и 60–146¹⁹.

Folder 13

1. Материалы, названные А.А. Васильевым: "My Papers and talks in Madison", т.е. учебные курсы в Висконсинском университете. Среди них: средневековый Константинополь (на англ. яз.); происхождение славян. Текст выступления по радио об истории Крыма (1/V. 1942). Популярный обзор истории полуострова, с особым вниманием к периоду раннего средневековья.

2. Материалы, относящиеся к 1924–1926 гг. Письма 1924–1925 гг. (от М.М. Мурко – Прага, 5/X. 1924, П. Смирнова – Петербург, 2/IX. 1924, Н.П. Кондакова, из Праги 22/VIII. 1924). Речь А.А. Васильева в марте 1926 г. перед членами исторического факультета Висконсинского университета о научной деятельности ученого.

3. Речь на банкете FKF Fraternity 16/XII. 1936 о научной деятельности в 1932–1936 гг.

4. Инаугурационная речь (The Opening Address) на открытии Первого Конгресса Византино-Славяно-Восточных исследований в Нью-Йорке 26/IV. 1946. Часть машинописного и рукописный текст²⁰. Наброски других выступлений на Конгрессе 1946 г.

5. Письма А. Грегуара А.А. Васильеву из Нью-Йорка 17/III и 2/IV. 1946 (даты установлены по штампам на конверте) относительно подготовки вышеупомянутого Конгресса.

6. Памяти Ш. Дили. Написано в Нью-Йорке в 1945 г. Машинопись и рукописный текст на франц. яз.

7. Прощальная речь перед сотрудниками Библиотеки Висконсинского университета 20/Л. 1948. Содержит критику порядков библиотеки последних лет (четыре машинописных страницы и рукописный оригинал).

8. Вводная часть к воспоминаниям А.А. Васильева²¹. План воспоминаний: "музыка – преподавание и научная работа – путешествия – интимная жизнь (если достанет времени)" (3 с.) 9/XI. 1940.

Folder 14

1. Отчет о научной работе 1933–1934 гг. Отмечена работа над историей Трапезундской империи и завершение работы над арабским текстом и французским переводом Яхьи Антиохийского.

2. Черновики писем. Отчеты о работе в Думбартон Оксе в 1945–1946, 1946–1947, 1947–1948, 1948–1949, 1949–1950, 1951, 1952 гг.

Folder 15

"Оберлинские лекции": "Византия и славяне"; "Сербы"; "Несторианство". "История Византии до иконоборчества"; "Иконоборчество". "Византия и ислам". "Схизма и Фотий". Конспекты отдельных работ.

Box 3

Folder 16

Заметки по отдельным вопросам, часто – библиографического характера. Конспекты. Пустые конверты (15) писем И.Ю. Крачковского (1932–1936).

Folder 17

1. Заметки о путешествии на Аляску (июнь–июль 1941 г.).

2. Решение Наркомпроса СССР о продлении А.А. Васильеву заграничной командировки на год, до 15/IX. 1926 г. Переписка с деканом факультета языкознания и материальной культуры Ленинградского университета Н.С. Державиным, с должностными лицами РАН по поводу продления заграничной командировки после 15/IX. 1926 до 1928 г. В письме к неперемемному секретарю РАН С.Ф. Ольденбургу, отмечая, что в Ленинграде ему почти не на что было жить, А.А. Васильев пишет: "Порывать с Россией отнюдь не хочу и эмигрантом делаться не желаю. И думаю, мне, что работая за границей, не порывая с Россией и ни от кого этого не скрывая, я делаю посильное доброе дело для своей родины" (Париж, 4/VII. 1926). По ходатайству АН СССР командировка А.А. Васильеву была продлена до 1/VIII. 1927 г. 2/VI. 1927 г. он из Мэдисона просит Президиум АН продлить командировку далее, для издания "Истории Византии" и чтения лекций в Мэдисоне в 1927–1928 гг. Официальное заявление А.А. Васильева от 16/XII. 1926 г. в Совет Археологического отделения РАИМК о желании продолжить работу в Академии по намеченной разрядом теме по социально-экономической истории Византии и византийскому быту. Письмо А.А. Васильева в Отдел виз Государственного Департамента США от 7/III. 1926 г. с сообщением о предоставлении ему Висконсинским университетом постоянного места профессора истории и принятии им этого предложения.

3. Черновики писем Л. Брейе, А. Грегуару 1926 г. Материалы, связанные с получением визы. Прошение А.А. Васильева о занятии кафедры новогреческой и византийской истории в Кингс колледже Лондонского университета (Koraes Chair of Modern Greek and Byzantine History) от 14/Л. 1926 г. Копия письма М.И. Ростовцева в поддержку этого прошения. Телеграмма ректора Каирского университета с предложением А.А. Васильеву кафедры истории средних веков в Каире (24/Л. 1926). Письмо из Каира декана факультета А. Грегуара с условиями предоставления этой кафедры (23/Л. 1926). Прошение А.А. Васильева снять его имя из списка кандидатов на кафедру Лондонского университета в связи с принятием им другого предложения (23/Л. 1926). Письмо А.А. Васильева А. Грегуару (28/Л. 1926) с просьбой отсрочить поездку в Каир из-за принятия им профессорской должности в Висконсинском университете.

4. Газетные вырезки и частные письма. Заметки А.А. Васильева о Таяти, Сан-Пьер э Микелоне. Материалы, относящиеся к его путешествиям.

¹⁹ Вероятная датировка: 1939 г. Ср.: в Folder'e 18 есть объявление о шести лекциях в Collège de France. Fondation G. Schlumberger 15–26/V. 1939.

²⁰ Опубликовано в: Byz. 1948. Т. XVIII. Р. 217–221.

²¹ Фрагменты из нее цитируются в статье: Nersessian Der S. Alexander Alexandrovich Vasiliev (1867–1953).

Folder 18

1. Биографические и личные материалы А.А. Васильева (1925–1940). Извещение об избрании его Почетным доктором Афинского университета (19/V. 1937). Газетные вырезки, в том числе отражающие деятельность А.А. Васильева.

2. Наброски воспоминаний А.А. Васильева о К. Крумбахере, бароне В.Р. Розене, В.Г. Васильевском²². Лекция о русских византинистах: В.Г. Васильевском, В.Р. Розене, Ф.И. Успенском, Н.П. Кондакове (на франц. яз.). Возможно, для выступления в Брюсселе 7/V. 1934 г. (как значится на конверте). Личные письма из России племянника Кирилла и сестры Надежды 1944–1945 гг.

3. Рубрики воспоминаний (без расшифровки) о гимназических годах. План заметок о музыке.

Folder 19

Вырезки из газет и отзывы о музыкальной и исполнительской деятельности А.А. Васильева, одного из лучших пианистов, певца и пропагандиста русской классической музыки. Музыкальные воспоминания. Любовь к музыке у А.А. Васильева, как им отмечается, была рождена прежде всего русской и итальянской оперой.

Folder 20

Личные и деловые бумаги и письма, телеграммы, визитные карточки, приглашения. Письма от русских ученых – С.А. Жебелёва (1939), Д.С. Спиридонова (1937), а также иностранных коллег: Ш. Диля (21/V. 1938), Ю. Бирна (1935 г., с приглашением А.А. Васильева прочитать курс лекций в Колумбийском университете).

Box 4

Folder 21

1. Конспекты различных источников и трудов. Темы: 1) византийский театр; 2) Житие св. Панкратия Таорминского; 3) Фемы Talaya-Tafla-Tafla во Фракии.

2. Материалы к семинару по ранней Византии 1933–1934 гг. Библиографические и иные краткие выписки из источников. Машинопись латинского текста "Mopimentum antiochenum".

3. Копии рекомендательных писем: П. Топпину (14/I. 1944), Анне Михайловне Бургиной (4/X. 1943), выпускнице Московского университета, преподававшей затем в Париже русский язык и литературу, письма П. Каранису (10/I. 1935), Дж. Шнейдеру (об оксиринхских папирусах, четыре наброска, 7/VI. 1930), Д. Манро (15/I. 1933), в защиту проекта организации кафедры тюркологии (без адреса и даты).

4. Два письма Л. Гринберга А.А. Васильеву из Нью-Йорка с сообщением о смерти Г.Л. Лозинского в Париже (26/VI, 23/VII. 1942) и просьбой к Васильеву написать некролог для "Нового русского слова" и журнала Алданова. Набросок некролога.

Folder 22

Бумаги Васильева, как указано, поврежденные затоплением (damaged by flood) 21/VI. 1983 г. и затем разобранные сотрудниками Византийской библиотеки Думбартон Окса 13/IV. 1984 г. Повреждения имеющихся материалов незначительны.

1. Термины византийской податной системы (1 л.).

²² Некоторые эпизоды из воспоминаний приводятся Васильевым в письмах и других бумагах. См., например, эпизод знакомства с В.Г. Васильевским, изложенный близко к тексту "Воспоминаний" в письме из Флоренции С.А. Жебелёву (10 августа 1931 г.): *Медведев И.П. Honor sepulchri* (размышления А.А. Васильева у могилы В.Г. Васильевского) // ВВ. 1994. Т. 55(80), ч. 1. С. 24–26.

2. Рукопись: "Византия и Древняя Русь". Вып. 1. Предисловие (1/VII. 1924). 2 с. Оглавление: 1. Вопрос о Древней Руси. 2. Византия и государственная власть в Древней Руси. 3. Экономические связи Византии с Древней Русью. Вопрос о монете. 4. Византия и древнерусская литература. 5. Византия и древняя русская церковь.

Выписки из источников и научных трудов.

3. Список русских таможенных пошлин (1 с.). Поместная система (1 с.). Конспекты по темам: Управление на Руси. Областное деление. Аренда. Податная система – в Византии и на Руси, экономические отношения, право и образование (8 с.). Набросок о титуле проедра и жаловании его на Руси, о печати Николая, проедра России.

Folder 23

Бумаги Васильева, поврежденные затоплением 21/VI. 1983 г. и разобранные сотрудниками Византийской библиотеки Думбартон Окса 13/IV. 1984 г.

1. Вырезки газетных статей об А.А. Васильеве, в том числе о награждении его орденом Большого креста за Гражданские заслуги в 1934 г. болгарским царем Борисом III.

Вырезки статей о России, о революции, о политике, некрологи.

Folder 24

Машинопись монографии: "Священник Иоанн. Легенда и история". Написана в Думбартон Оксе. На англ. яз.²³

Folder 25

Оттиски рецензии на "Византийский сборник" 1945 г. (Speculum, 1947, N 1) с посвящением П. Ундервуду и статьи: Economic Relations between Byzantium and Old Russia // Journal of Economic and Business History. 1932. Vol. IV, N 2. P. 314–334. Ниже публикуется письмо А.А. Васильева своему другу, известному арабисту акад. И.Ю. Крачковскому (1883–1951). В нем Васильев ясно излагает причины вынужденной эмиграции. Текст письма, хранящийся в архиве А.А. Васильева в Думбартон Оксе, – беловая копия с подписью, на шести отдельных листочках. На первом из них сверху помета с адресом А.А. Васильева: 803 State Street, Madison–Wisconsin U.S.A.

Box 3, Folder 12*

И.Ю. Крачковскому, без даты [сентябрь–октябрь 1927 г.]

Дорогой Игнатий Юлианович!

Письмо Ваше от 11 сент(ября) получил. Пишу в Упсалу. Я думаю, Вы не совсем правы, упрекая меня в лаконичности и редкости писем. Временами бывает так нестерпимо больно писать в Россию, выбирая безобидные сюжеты и описательные приемы. Ведь не могу же я Вам писать о многом, о чем хотел бы, в Петроград. Не хочется подводить ни Вас, ни своих. Вот и теперь: шлю это письмо Zettersteen'у и прошу его, если паче чаяния Вы не будете в Упсале, не посылать этого письма Вам в Россию, а вернуть его мне сюда. И я думаю,

²³ К сожалению, этот труд А.А. Васильева остался неопубликованным и неизвестным большинству авторов, писавших на тему о "государстве" пресвитера Иоанна. Из последних работ см.: *Paviot J. Le Grand Duc du Ponant et le Prêtre Jean. Les ducs de Bourgogne et les Chrétiens orientaux à la fin du moyen âge // Oriente e Occidente tra Medioevo ed età moderna. Studi in onore di Geo Pistarino / A cura di L. Balletto. Acqui Terme, 1997. Т. 2. P. 949–975.*

это не напрасная предосторожность. Ведь Россию я покинул сравнительно недавно: всего два с небольшим года, и положение ее учитываю. А кроме того, я кое-кого из приезжавших видел в Париже и Германии. Итак, я провел более двух лет за границей. Скажу Вам по правде: свою жизнь за границей я никогда не сравню с моей жизнью в России. Вы представить не можете, что была у меня за жизнь в Петрограде в 1924–1925 г., после моего возвращения из заграницы и до моего вторичного отъезда. Я никогда об этом не говорил. Конечно, временами на чужбине также бывает нелегко. Но здесь я делаю свое дело, получаю скромное, но достаточное содержание и живу интересно культурно, с моей точки зрения, жизнью. От мысли возвратиться в Россию я не отказался. Но когда это будет, я не знаю: во всяком случае в будущем учебном году я вряд ли вернусь. Это, конечно, осложнит мне отношения к официальным органам СССР. Но что делать? В Петрограде мне теперь делать нечего, и Вы, если захотите быть откровенным, сами это признаете. Я даже думал бы, что в моем случае Петроград должен был бы рад тому, что одному лицу, который не имеет приложения своим занятиям дома, предоставляется временная возможность работать в ином месте. Я, Вы знаете, человек скромный и нетребовательный. И та обстановка, которую имею теперь, меня всецело удовлетворяет. К чему я теперь поеду в Россию, когда в РАИМК я даже не утвержден до моего возвращения членом Академии? Если бы я даже получил кое-что в Университете, кого и чему я буду учить? На что я буду жить? Если же в связи с моим задержанием за границей, последуют какие-либо преследования моих родных, на возможность чего мне намекали, то в таком случае, я конечно, окончательно не вернусь в страну, которая преследует ни в чем неповинных людей за то, что я хочу работать в другом месте. Я предпочту тогда умереть за пределами России. Читая это письмо, Вы будете думать: а зачем он мне все это пишет? Какое мне до этого дело? Но, дорогой друг, поймите, что иногда становится невтерпех и хочется хоть немного отвести душу. За границей у меня немало друзей – amis, но с ними я души отвести не могу. Вот почему я был так рад свиданию с Ф.А. Розенбергом, которого я глубоко люблю и уважаю; вот почему я так рад возможности поговорить откровенно с Вами, с которым у меня немало связано в прошлом и к которому мои добрые дружеские чувства Вам прекрасно известны. Моя жизнь в Петрограде не устроилась. Я получил возможность временно устроить ее в другом месте, и я за это ухватился. Вы скажите, что многие в России жили и живут хуже меня, когда я был в России. Верно! И я бы остался там и продолжал бы прозябать, если бы не получил предложения в Америку. Поймите, здесь я живу, дышу и делаю свое маленькое дело, к которому судьба привязала меня с моего студенчества. Я думаю, нового в этом письме для Вас мало: Вы прекрасно понимали, что если чего-нибудь экстренного у меня здесь не случится, я в ближайшие годы в Россию не вернусь. Если же мне скажут, что когда я захочу вернуться, Россия может меня не впустить, на это я отвечу: в таком случае я еще раз лишь получу подтверждение правильности моего шага. Политикой я не занимаюсь, а работаю в своей области. Академик-математик Л.В. Успенский, которого я не раз видел здесь в Мадисоне, также мне сказал, что на моем месте смысла возвращаться домой пока нет. Прошу простить, что так надолго я занял Вас моими делами. Но кто-нибудь из близких мне людей должен же, наконец, знать, что происходит. Конечно, было бы тысячу раз приятнее побеседовать лично, но, очевидно, не судьба. Когда-то мы свидимся и свидимся ли вообще? Бог даст, в будущем году Вы приедете в Западную Европу, и тогда, м(ожет) б(ыть), встретимся.

В этом году в Париже я Марров встречал неск(олько) раз. Тарле не видел.

Зато много хороших встреч имел с Ф.А.** С Ростовцевыми я неоднократно встречался в Париже. Вот это first class man!*** Он в конце января на восемь мес(яцев) едет в Европу и Египет. У нас с ним остались самые добрые отношения. М(ожет) б(ыть), увижу его на Рождестве в Вашингтоне, где состоится исторический съезд. Жебелев правильно пишет в своем письме ко мне, что Рост(овцев) никогда не смог бы так богато развернуться, если бы оставался в России.

У нас уже третью неделю стоит теплая и даже жаркая погода, так называемое Indian summer (наше "бабье лето". Какой дивный язык!). У меня в этом году масса работы: на первом курсе ок(оло) 350 чел(овек) (2 часа); на старшем курсе (ок(оло) 80 чел(овек), ужас!) читаю новый курс, который берет массу времени: The Hellenistic Culture****, семинарий для окончивших по соч(инениям) Юлиана Отступника (2 часа) и еще две часовых группы прак(ических) занятий с первокурсниками по древней истории. Времени прямо не видишь.

Пишите, пишите, дорогой Игнатий Юлианович, из Упсалы, не по петроградской указке, а так, как Вам вздумается. Верьте, что как прежде, люблю Вас и помню.

Душевно Ваш,

А. Васильев.

* Особенности правописания и пунктуации автора сохраняются.

** Ф.А. Розенбергом.

*** Первокласный человек (англ.).

**** Культура эллинизма (англ.).

В.Д. Сарабьянов

ФРЕСКИ ГЕОРГИЕВСКОЙ ЦЕРКВИ В СТАРОЙ ЛАДОГЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ТЕЧЕНИЯ В НОВГОРОДСКОЙ ЖИВОПИСИ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XII ВЕКА*

Новгородская живопись с самого раннего этапа своей истории формировалась под постоянным воздействием византийских художественных образцов и вкусов и при непосредственном участии греческих мастеров. Так было в самом начале XII в., когда в Новгороде по приглашению новгородского владыки Никиты работали греческие художники, расписавшие в 1109 г. Новгородскую Софию¹. Работы этих мастеров, а вскоре и сгруппировавшихся вокруг них местных художественных сил, определили своеобразие новгородского искусства первой трети XII в. Новый этап в этом процессе приходится на эпоху архиепископа Нифонта (1131–1156) и особенно на период конца 30-х – начала 40-х годов, когда по его инициативе в Новгороде работала бригада греческих мастеров, расписавшая собор Мирожского монастыря во Пскове (ок. 1140 г.)², а затем, вероятно, принимавшая участие в декорации Мартириевской паперти Софийского собора (1144)³. Значение их творчества для формирования новгородской художественной школы в первой половине XII в. трудно переоценить.

Однако вторая половина столетия не дает столь последовательной картины. В то время как последние годы XII в. представлены двумя замечательными фресковыми ансамблями Благовещенской церкви в Аркажах (1189) и Спасской церкви в Нередице (1199), к периоду 50–70-х годов не относится ни одного твердо датированного памятника. Фрески Аркажей и Нередицы предстают перед нами как

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, грант № 97-04-06306.

¹ Лазарев В.Н. О росписи Софии Новгородской // ДРИ. Художественная культура Новгорода. М., 1968. С. 7–12. Обобщающую работу о происхождении стиля софийских фресок см. статью Л.И. Лифшица, подготовленную к печати в серии "Центры художественной культуры средневековой Руси".

² Наиболее убедительно датировка Мирожского собора периодом около 1140 г. обоснована А.И. Комечем (Комеч А.И. Каменная летопись Пскова XII – начала XVI в. М., 1993. С. 35–56). Началом 1140-х годов датируют фрески Л.В. Бетин (Бетин Л.В. О реставрации стенописи Преображенского собора Мирожского монастыря в Пскове // Реставрация и исследования памятников культуры. М., 1982. Вып. 2. С. 167) и О.Е. Этингоф (Этингоф О.Е. Вновь о дате росписей Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря во Пскове // Искусство Руси и стран Византийского мира XII века. Тезисы докладов конференции. СПб., 1995. С. 35–37).

³ Датировку фресок Мартириевской паперти 1144 г. предложил Ю.Н. Дмитриев (Дмитриев Ю.Н. Стенные росписи Новгорода, их реставрация и исследования // Практика реставрационных работ. М., 1950. Вып. 1. С. 146–154), а вскоре ее поддержал Г.К. Вагнер (Вагнер Г.К. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Юрьев-Польской. М., 1964. С. 34). Г.М. Штендер дал ей еще более развернутую и обоснованную аргументацию (Штендер Г.М. "Деисус" Мартирьевской паперти Софийского собора в Новгороде // ДРИ. Монументальная живопись XI–XVII веков. М., 1980. С. 77–92). В.Г. Брюсова датирует эти фрески 90-ми годами XII в. (Брюсова В.Г. К истории стенописи Софийского собора в Новгороде. Фрески Мартириевской паперти // ДРИ. Художественная культура Новгорода. М., 1968. С. 108–125; Она же. О содержании росписей XI–XII вв. Мартирьевской паперти Софийского собора Новгорода // ДРИ. Художественная культура X – первой половины XIII в. М., 1988. С. 174–176). Более позднюю дату поддерживал и В.Н. Лазарев (Лазарев В.Н. Древнерусские мозаики и фрески XI–XV вв., М., 1973. С. 47).

зрелое искусство, в котором, при несомненном обилии византийских реплик и реминисценций, уже отчетливо звучит местная художественная традиция. Яркая индивидуальность работавших здесь мастеров, художественная целостность ансамблей, в которой находят выражение местные реалии, и в то же время соответствие этого искусства общевизантийским стилистическим тенденциям, неизбежно ставят вопрос о взаимоотношении местной традиции и византийской основы, для решения которого ключевыми становятся фрески Георгиевской церкви в Старой Ладоге, несомненно являющиеся самым грекофильским памятником, своего рода носителем живой византийской традиции для новгородского искусства второй половины XII в. Анализ стилеобразующих основ старолadoжских фресок и их значения для новгородского искусства позднего XII в. и станет предметом данной работы.

Ладожские фрески, несмотря на яркую индивидуальность работавших здесь художников, обладают абсолютной стилистической цельностью⁴, которая обеспечивается строгим и неукоснительным соблюдением устойчивых художественных принципов, методов и канонов, объединенных в единую систему и определяющих всю стилистическую структуру росписей. В основе этой системы лежат универсальные понятия, за которыми стоит многовековой опыт классического византийского искусства, но при этом она в полной мере обладает своей оригинальностью и неповторимостью, т.е. всем тем, что и создает индивидуальное лицо памятника. Так, категорией первоначальной важности для мастеров ладожских фресок оказывается архитектурника стенописи, и ее непреложным требованиям в той или иной степени подчинены все элементы художественной структуры росписей⁵. Для такого небольшого храма, как Георгиевская церковь, всегда существует опасность измельчения масштаба росписи, увлечения подробным повествованием и излишней детализацией, что приводит к утрате конструктивной выразительности стенописи. Эту нарративную систему декорации, преобладавшую в монастырской среде, В.Н. Лазарев назвал "ковровой"⁶. В Георгиевской церкви, напротив, повествование существенно сокращено ради сохранения масштабной соразмерности живописи с архитектурой. Эта особенность старолadoжских росписей отчетливо видна в декорации боковых апсид. Так, богородичный цикл жертвенника состоял не более чем из четырех сцен, от которых сохранилось только "Жертвоприношение Иоакима и Анны" (рис. 4), что же касается дьяконника, то житийный цикл, посвященный патрону храма, насчитывал лишь три композиции, из которых сохранившиеся "Чудо св. Георгия о змие" (рис. 3) занимает весь нижний регистр повествования. Старолadoжские мастера свободно могли бы увеличить количество сюжетов этих циклов, чуть уменьшив масштаб сцен. Однако они умышленно не идут на это. Более того, они отделяют полуфигуры архангелов от расположенных ниже сюжетов широкой, около 70 см, полосой орнамента⁷. Все это – сознательные шаги художников, направленные на усиление масштабной выразительности живописи и ее архитектурно-художественной ясности.

Масштабные градации фресок обладают своей внутренней логикой, где изменение пропорциональных соотношений соответствует не столько параметрам

⁴ Эту особенность впервые отметил еще в конце 40-х годов XIX в. первый исследователь фресок Я.И. Бердников, который увидел в них "очевидную школу, совершенно особенную, создавшуюся на обдуманном основании идеи искусства чисто не светского, а церковного, руководствовавшегося образцами греческого строгого стиля и имевшего на вышедших, ловких и опытных исполнителей" ([Бердников Я.И.] Развалины Георгиевской крепости в Старой Ладогe // ЖМНП. 1853. Ч. 78. Отд. 17. С. 80–90).

⁵ В.Н. Лазарев говорил об архитектурности как об одной из главных особенностей старолadoжских фресок (Лазарев В.Н. Фрески Старой Ладогe. М., 1960. С. 20).

⁶ Там же. С. 20–21.

⁷ В.Н. Лазарев ошибочно принял эту полосу с не читавшимся тогда орнаментом за утратившийся фриз медальонов. Там же. С. 28.

архитектурных объемов, сколько сакральной значимости данного пространства и размещенного в нем фрескового изображения. Подобная сакрализация масштабных соотношений, в целом присущая монументальной живописи средневизантийского периода, воплощена в старолadoжских фресках в кристально ясной форме. В классическом византийском искусстве архитектура стенописи всегда имела свое сакральное осмысление. В таких ансамблях XI в., как Хосиос Лукас, София Киевская и Неа Мони, преобладало, по определению О. Демуса, "классическое решение" соотношения мозаичной декорации и архитектуры⁸, в котором главенствовал ясный принцип увеличения масштаба изображения по мере его удаления от зрителя⁹. В памятниках XI и раннего XII в., ориентированных на этот принцип, как правило, выбиралось три масштабных модуля: меньший для композиций стен, средний для арок, сводов, парусов и крупный для конх и купола. Такая дифференциация в полной мере соответствовала и архитектонике здания, и сакральному осмыслению его объемов. Этот принцип увеличения масштаба живописи снизу вверх остался неизменным условием храмовой декорации всех последующих эпох, хотя известны примеры программного отхода от этого принципа ради выделения особо значимых образов¹⁰. Но в Георгиевской церкви изменение масштабных соотношений получает еще одно отчетливое направление — с востока на запад.

Восточная часть храма, включая и арки боковых апсид, была выделена масштабно. Это касается и деления на регистры, где их, помимо панелей мраморировок, всего четыре, в отличие от пяти ярусов основного объема, и выбора более крупного масштаба для всех алтарных образов. Боковые апсиды были обрамлены крупномасштабными фигурами, как бы охранявшими вход в "святая святых" — от этих изображений сохранились фигуры святых воинов в арке дьяконника (рис. 5). Главным же отличием пропорционального построения алтарной росписи являлась ясно выраженная через масштабные соотношения иерархия всех алтарных изображений и их программная взаимозависимость. Так, гигантские полуфигуры архангелов в конхах боковых апсид (рис. 7), фланкировавшие утраченное, но реконструируемое изображение Христа в своде алтаря¹¹, являясь составными частями главного храмового образа — образа Теофании, который сравним по значимости разве что с традиционной фигурой Пантократора в куполе, были выполнены в самом крупном масштабе, который не повторяла больше ни одна фреска Георгиевской церкви. Расположенная в конхе алтаря Богоматерь, судя по сохранившимся фрагментам, была меньшего масштаба, в точности соответствуя сохранившимся изображениям св. Марии и Николая в арках под хорами. В чуть меньшем масштабе решены фигуры святых воинов в арке дьяконника и, вне сомнения, утраченные персонажи в арке жертвенника. В еще более уменьшенном варианте выполнены святители из "Службы св. отцов", и, судя по небольшому фрагменту, сцены "Причащения апостолов". И наконец, самый мелкий масштаб алтарных изображений использован в житийных сценах циклов Богоматери и св. Георгия, а также во фризе медальонов с полуфигурами святителей в нижней зоне алтаря.

Пропорциональные вариации росписей алтаря, хотя и имеют много масштабных

градаций, представляются достаточно традиционным вариантом алтарной декорации, но принципиальным новшеством является их соотношение с остальной частью стенописи. Так, самый маленький масштаб алтарных фресок становится своего рода модулем для пропорционального построения росписей подкупольного креста. Именно в этом размере выполнены пророки барабана (рис. 2), крупномасштабные сцены христологического цикла, т.е. уцелевшее "Крещение" и, вне сомнения, утраченные росписи сводов и люнетов; в нем же написана фигура Христа из "Вознесения" (рис. 1). Другие персонажи этой сцены — ангелы и апостолы — выполнены в уменьшенном масштабе; в этом же среднем варианте, судя по небольшим фрагментам, были написаны утраченные сцены второго сверху регистра и фигуры святых в аркатурном фризе (пророк Даниил). Наконец, пример самого мелкого масштаба фресок подкупольного объема дает нам медальон со св. Агафоном (рис. 5).

В свою очередь именно этот малый масштаб становится модулем для фресок под хорами со сценами "Страшного Суда". Росписи западного объема также имели три масштабные градации: в крупной, соответствующей фигуре св. Агафона, выполнена центральная сцена с "Деисусом" и восседающими на тронах апостолами (рис. 6); средний масштаб представлен фигурами праведных монахов и жен в южной части композиции; наконец, в самом мелком, почти иконном размере, судя по небольшому фрагменту с фигурами грешников, были изображены утраченные ныне повествовательные сцены "Страшного Суда".

Итак, масштабные и пропорциональные построения старолadoжских росписей имеют строго продуманную и в совершенстве организованную систему соотношений. Самый маленький масштаб алтарных фресок оказывается самым крупным для подкупольного пространства, а меньший размер изображений в этом объеме становится самым крупным модулем для сцен "Страшного Суда". Масштабные градации точно соответствуют делению храма на три литургических пространства: алтарь, наос и помещение под хорами, тождественное в богослужебном назначении нартексу. Сакральный смысл подобной масштабной организации росписи очевиден: по мере подхода к "святая святых" божественная благодать приближается, и изображения становятся крупнее, по мере удаления от алтаря "горний мир" отдаляется, и масштаб изображений уменьшается.

Совершенно особую сакральную и архитектурную роль в системе росписи Георгиевской церкви имеют все декоративные элементы стенописи. Не раз отмечалось, что фрески этого памятника отличаются редким богатством и разнообразием декоративных мотивов, которые не столько отражают тяготение старолadoжских мастеров к "узорочью"¹², сколько являются важным архитектурным элементом росписи, что в целом присуще классической византийской системе храмовой декорации¹³. Декоративные элементы отмечают конструктивный каркас храма и как бы цементируют его главные узлы, на которых крепится вся остальная роспись. Так, по шельгам всех сводов проходили орнаментальные фризы, а софиты всех арок были заполнены медальонами с орнаментом или с бюстами святых в орнаментальном обрамлении¹⁴. В основании алтарных апсид проходил фриз медальонов со святителями, окруженный упругим растительным орнаментом; другой подобный фриз, но значительно меньших размеров, шел по стенам основного

⁸ Demus O. Byzantine Mosaic Decoration. L., 1948. P. 4.

⁹ Mouriki D. The Mosaics of Nea Moni on Chios. Athens, 1985. P. 245–253.

¹⁰ Например, в тимпане нартекса Хосиос Лукас над проходом в основной объем кафоликона расположен огромный бюст Пантократора, который абсолютно выпадает из системы масштабных соотношений. Аналогичные образы известны в мозаиках Хахрие Джами. Примеры подобного рода можно продолжить.

¹¹ Своеобразие архитектурной формы алтарного свода в сочетании с обнаруженными фрагментами в конхе алтаря позволяет реконструировать в своде вимы образ Пантократора, скорее всего представленного оплечью в медальоне. Подробнее о реконструкции утраченной росписи верхней зоны алтаря см.: Сарабянов В.Д. Программные основы древнерусской храмовой декорации второй половины XII века // Вопросы искусствознания. М., 1994. 4/94. С. 290–293.

¹² В.Н. Лазарев считал обилие "узорочья" признаком новгородского происхождения мастеров старолadoжских фресок (Лазарев В.Н. Фрески Старой Ладogi. С. 72).

¹³ Примечательно, что даже в таких примитивных по архитектуре храмах, каким, например, является церковь св. Георгия в Курбиново (однонефная базилика с двухскатным перекрытием), орнаменты несут чрезвычайно важную архитектурную нагрузку (см.: Hadermann-Misguich L. Kurbinovo. Les fresques de Saint-George et la peinture byzantine du XIIe siècle. Bruxelles, 1975. P. 522–523).

¹⁴ Остатки таких медальонов выявлены в сводах арки дьяконника и северо-западной арки под хорами.

объема, отмечая середину их высоты (рис. 5). Иное решение мы видим на центральной композиции "Страшного Суда", над которой расположена трехлопастная арка, заполненная растительным орнаментом, оживляющая вялый стык фрески с настилом хор и придающая чисто архитектурную напряженность и выразительность аморфной горизонтали их сочленения (рис. 6). Орнаментальные обрамления имело и большинство гнезд воздушных связей – остатки такого орнаментального клейма сохранились над фигурой св. Саввы Стратилата.

Еще более определенную и ясную архитектурную нагрузку несут на себе обрамления фигур в виде декоративных арок, получившие широкое распространение именно с середины XII в. Обычно ими выделялись особо значимые фигуры, чаще всего фрески-иконы по сторонам от алтаря. Иногда обрамления выполнялись в резьбе по камню¹⁵, но чаще они заменялись живописными имитациями. Таковы, например, предалтарные образы Богоматери и Спасителя в Спасо-Преображенском соборе Мирожского монастыря (ок. 1140 г.), фигуры Спасителя и св. Георгия из церкви в Курбиново (1191)¹⁶ или фигуры св. Космы и Дамиана из церкви св. Бессеребренников в Кастории¹⁷. Этот мотив мог использоваться и в декорации других зон храма, например, в церкви АгIOS Сотирас в Мегаре (ок. 1200 г.), где в аркаду помещены святители алтаря¹⁸, или же в Бачковской костнице (вторая половина XII в.), где широкими арками обрамлены сцены христологического цикла¹⁹.

В Георгиевской церкви арочные мотивы используются чрезвычайно широко и разнообразно. Интерьер церкви, в силу своих малых размеров, отличается известной скупостью и простотой, и многочисленные арочные обрамления вокруг фигур, восполняя недостаток архитектурных членений интерьера, вносили в него дополнительные архитектурно-декоративные акценты и тем усиливали конструктивную выразительность всей росписи. Так, пророки в барабане обрамлены арочками на консолях (рис. 2), имитирующими разные декорации в купольных росписях некоторых византийских храмов, когда фигура святого помещалась в небольшую нишу, обрамленную резным орнаментом или аркадой; блестящим примером такой купольной декорации является церковь св. Георгия в Старом Расе, более известная как Джурджеви Ступови (ок. 1175 г.)²⁰. Столь же выразительные декоративные элементы украшали южную и северную стены храма, где на уровне нижних сдвоенных окон располагался регистр, состоявший из трех фронтальных фигур, обрамленных

арочками на колонках. Вместе с оконными проемами эти фигуры, от которых сохранился лишь пророк Даниил на южной стене (рис. 5), составляли единый фриз, подобный аркатурным поясам фасадов владими́ро-суздальских храмов. Да и орнаментальная трехлопастная арка над "Страшным Судом" (рис. 6) указывает на возможность применения вариантов подобной декорации для сюжетных сцен, ныне утраченных.

Преобразуя живописными средствами аморфную поверхность стены, сообщая ей новые пространственно-декоративные акценты, фрескисты конечно же ориентировались на памятники византийской классики, где архитектурная природа византийской стенописи ясно проявлялась во взаимодействиях со всем многообразием архитектурных и декоративных форм интерьера византийского храма. Подобные аркатурные или арочные обрамления не имели массового распространения в византийской монументальной живописи, и включение этого мотива для декорации не только образов, фланкирующих алтарь, но и других изображений, В. Джурич рассматривает как один из признаков столичной ориентации памятника²¹. В этой связи весьма показательным представляется факт особой популярности арочных обрамлений в новгородских и еще более во владими́ро-суздальских росписях, отличавшихся очевидным пристрастием к искусству византийской столицы. Так, аналогичный живописно-аркатурный фриз украшал боковые стены Борисоглебского собора в Кидекше (50-е годы XII в.)²², а в Успенском соборе Владимира все сохранившиеся²³ или известные по калькам И.Е. Забелина²⁴ фигуры святых, относящиеся к росписям 1189 г., имели подобные арочные обрамления. Об устойчивости этой системы декорации свидетельствуют и остатки росписей в дьяконнике собора Рождества Богородицы в Суздале (1230–1233), где огромные фигуры анахоретов обрамлены такими же арками²⁵.

Совершенно особую функцию в организации внутреннего пространства Георгиевской церкви имела цокольная декорация панелями полилитий или мраморировок. Полилитии встречаются в декорации храмов домонгольского периода чрезвычайно часто, особенно в новгородско-псковских памятниках. Их можно встретить практически во всех фресковых ансамблях Новгорода и его провинций – в Софии (1109, 1144), соборах Антониева монастыря (1125), псковских Мирожского и Иоанновского монастырей (40-е годы XII в.), в Успенском соборе Старой Ладogi (середина XII в.), Аркажах (1189) и Нередице (1199), да и в других памятниках новгородского региона²⁶. Однако в большинстве случаев использование полилитий являлось лишь данью устойчивой традиции, тогда как в старолadoжских росписях мраморировки становятся важным смысловым элементом декорации, обладающим своей сакральной значимостью и неординарным пространственно-масштабным построением.

Обычно панели полилитии опоясывали храм по периметру примерно на одной высоте, редко превышавшей 1,5 м от уровня пола. Но в Георгиевской церкви они

¹⁵ Типичными примерами подобных обрамлений может служить, например, фреска со св. Пантелеймоном в Нерези, 1164 г. (Бурић В.Ј. Византијске фреске у Југославији. Београд, 1974. Табл. V), две фрески-иконы в церкви Богоматери Зоодоxос Пиги в Самари конца XII в. (Grigoriadou-Cabagnols H. Le décor peint de l'église de Samari en Messenie // СА. 1970. № 20. Fig. 7) или мозаичные образы Христа и Богородицы из церкви Порта Панагия в Фессалии, 1285 г. (Вајцман К., Алибегашвили Г., Вольскаја А., Бабић Г., Хаџидакис М., Алпатов М., Воинеску Т. Иконе. Београд, 1983. Ил. на с. 165). Подробнее об этом см.: Бабић Г. О живописном украсу олтарских преграда // ЗЛУ. 1975. 11. С. 3–41.

¹⁶ Эти образы, вне сомнения, представляют собой традиционные предалтарные фрески-иконы, которые ввиду скупости архитектуры Георгиевской церкви были перенесены на стены (см.: Грозданов Ц., Хадерман Мисгвиш Л. Курбиново. Скопје, 1992. Ил. 19, 20, 21).

¹⁷ Фигуры святых бессеребренников, венчаемые Спасителем, представлены здесь в трехлопастной арке как храмовая икона (см.: Chatzidakis M., Pelekanidis S. Byzantine art in Greece. Kastoria. Athens, 1985. P. 30, 32).

¹⁸ Skawran K. The Development of Middle Byzantine Fresco Painting in Greece. Pretoria, 1982. III. 319.

¹⁹ Бакалова Е. Бачковската костница. София, 1977. Ил. 146, 147.

²⁰ Милошевић Д., Нешиковић Ј. Бурђеви Ступови. Београд, 1987. Ил. 9, 10, 20, 21. См. также: Мијовић П. Куполна аркада Бурђевих Ступова // Старијар. Н.С. XX (Београд). 1970. С. 223–232. Другими примерами подобных обрамлений могут служить, например, фреска со св. Пантелеймоном в Нерези, 1164 г. (Бурић В.Ј. Византијске фреске у Југославији. Табл. V) или мозаичные образы Христа и Богородицы из церкви Порта Панагия в Фессалии, 1285 г. (Вајцман К., Алибегашвили Г., Вольскаја А., Бабић Г., Хаџидакис М., Алпатов М., Воинеску Т. Иконе. Ил. на с. 165).

²¹ Djurić V. La peinture murale byzantine: XII et XIII siècles // CIEB XV. Vol. III. Art et archéologie. Athens, 1975. P. 16–17.

²² Лифишиц Л.И. К вопросу о реконструкции программ храмовых росписей Владимиро-Суздальской Руси XII в. // Дмитриевский собор во Владимире. К 800-летию создания. М., 1997. С. 162–163.

²³ Лазарев В.Н. Древнерусские мозаики и фрески. XI–XV вв. Ил. 154–155.

²⁴ Филатов В.В. Росписи притворов Владимирского Успенского собора // ДРИ. Художественная культура X – первой половины XIII в. М., 1988. С. 156–163.

²⁵ Вагнер Г.К. Белокаменная резьба древнего Суздаля. Рождественский собор. XIII век. М., 1975. С. 90–96.

²⁶ Подобные декоративные элементы, например, имела Спасская церковь Старой Ладogi, что запечатлено на рисунке Н.Е. Бранденбурга (Бранденбург Н.Е. Старая Ладога. СПб., 1896. С. 47). В Никольском соборе Старой Ладogi также обнаружены фрагменты мраморировок, относящиеся к домонгольскому периоду постройки (Васильев Б.Г. Фрески церкви Николая чудотворца в Старой Ладoge // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. СПб., 1994. С. 66–67).

оказываются необыкновенно высокими, особенно принимая в расчет небольшие размеры церкви, и имеют четкую высотную градацию в зависимости от сакрального значения данного храмового пространства. Мраморные панели в основном сохранились высотой около 70 см, но при последней реставрации были обнаружены небольшие фрагменты, позволяющие достаточно точно реконструировать реальную высоту клейм полилитий, которая почти везде значительно превышала человеческий рост²⁷. В западном объеме храма под хорами мраморировки поднимались примерно на 230–240 см, т.е. почти на половину высоты объема, чуть не доходя до верхней отметки западного дверного проема. В основном пространстве храма мраморные клейма занимали огромные плоскости на южной и северной стенах, достигая высоты около 250 см и полностью обрамляя дверной проем северного портала. В восточных арках мраморировки понижались примерно до 220 см, и только в алтаре их высота становилась соразмерной человеческому росту, опускаясь до 1,5 м. Таким образом, уровень полилитий понижался по мере увеличения масштаба росписей.

Кажущаяся на первый взгляд неоправданной завышенностью мраморировок в реальности давала свою точку пропорционального отсчета для всей живописи, отодвигая от зрителя священные изображения и тем самым иллюзорно увеличивая внутреннее пространство храма. Более того, мраморные панели имеют очевидный сакральный смысл, выступая как своего рода пограничная зона, отделяющая "мир горний" от "мира дольного", небесное от земного, как область покаянной молитвы – "проскинесиса"; такое символическое понимание полилитий находит отражение в византийской иконографии²⁸. Но помимо сакрального осмысления, в использовании таких высоких мраморировок еще раз проявляется несомненная ориентация старолажских мастеров на систему столичной храмовой декорации. Начиная с построек Юстиниана мраморные панели играют в системе внутреннего убранства византийского храма первостепенную роль. Как правило, они сплошь покрывали стены церкви до уровня пят сводов и арок, лишь изредка уступая место отдельным живописным панно – мозаикам или фрескам иконного типа, и только сводчатые перекрытия полностью отводились под стенопись. Но во фресковых ансамблях мраморные облицовки уже практически не использовались, а их живописная имитация в значительной степени утратила изначальный сакрально-архитектонический смысл и приобрела в большей степени утилитарный характер, оберегая священные изображения от лишних прикосновений и повреждений. В XII в. невысокие цокольные росписи, имитирующие разные варианты мраморных облицовок, можно встретить в памятниках и византийской провинции, и столичного круга. В этом отношении Георгиевская церковь оказывается редчайшим примером последовательной ориентации на классические принципы сочетания стенописи и мраморной декорации. Характерно, что даже деревянные оконницы Георгиевской церкви имели роспись под мрамор²⁹, имитируя резные мраморные рамы византийских церквей.

Даже второстепенные орнаментальные части декорации оконных проемов и боковых плоскостей арочных откосов и фриз имеют свою системность, которая проявляется в принципах выбора типологии орнамента для разных сакральных зон храма. Так, полихромный орнамент типа ременного плетения, варьирующий крещато-ступенчатые или растительные мотивы, прослеживается в основном объеме подкупольного пространства. Здесь все орнаменты, будь то оконные или фризовые декорации, построены по принципу строгой симметрии и жесткой, но выразительной графики с использованием оживок на белой ленте, движение и переплетение которой, собственно, и создает каркас того или иного орнаментального мотива. Рисунок орнамента до запутанности сложен и головолом, но не повторяется ни разу, и этот эффект неповторимости и яркой индивидуальности каждого мотива дополняется общим мажорным звучанием использованной здесь во всей полноте палитры ладожских фресок (рис. 2, 5). Совершенно иную картину мы видим в боковых апсидах, где вся декорация строго монохромна, в ней отсутствует прием ременного плетения, а рисунок строится незамысловатыми и вялыми переплетениями темно-зеленой или почти черной ленты растительного орнамента по белому фону. Создается совершенно иное впечатление аскетичной интерпретации декоративных элементов. Разительный контраст усиливается и использованием здесь более крупного масштабного модуля, что делает орнаменты жертвенника и дьяконника более монументальными, но менее декоративными.

Особо выделена и центральная апсида, где частично сохранившийся орнамент двух окон, построенный по принципу ременного плетения, отличается включением в него символически-образительных мотивов. Так, верхнее окно алтаря украшено характерными растительными извивами, которые завершаются звериными мордами, напоминающими головы драконов (рис. 8). Этот единственный в своем роде пример тератологического орнамента уникален не только для Георгиевской церкви, но едва ли не для всей древнерусской монументальной живописи XII в., хотя в домонгольский период подобные мотивы были широко распространены и в архитектурной пластике³⁰, и в книжной орнаментике³¹, и в живописи³², не говоря о бесчисленных примерах прикладного искусства³³. Чрезвычайно красноречив сам факт единственного присутствия "звериного" мотива именно в алтаре, что свидетельствует о религиозной символике тератологических изображений³⁴. Очевидно, символическую декорацию имело и сильно утраченное нижнее окно апсиды, где орнамент не имел традиционного симметричного строения, но, судя по сохранившимся фрагментам, скорее напоминал стилизованное древо, которое произрастало на северном склоне, а его ветви, переходя через свод окна, ныне утраченный, опускались по южному склону. Весьма вероятно, что мотив произрастающего древа, прообразующего "древо жизни", был символически включен в "Службу св. отцов", расположенную по сторонам от окна.

²⁷ В арке дьяконника и на северной стене рядом с фигурой св. Николая раскрыты небольшие фрагменты мраморировок, дающие отметки высот клейм полилитий. Кроме того, в большинстве случаев их высоту можно восстановить простым геометрическим расчетом, поскольку почти полностью сохранились их нижние параметры, а сам декор строился по принципу симметричного ромба, вписанного в прямоугольник, из чего достаточно точно высчитывается высота клейма полилитий.

²⁸ Весьма показательны в этом отношении малоизвестные фрагменты фресок XII в. в монастыре св. Иоанна Лампадиста в Калопанайотис на Кипре, где непосредственно на мраморировках изображены две фигуры коленопреклоненных монахов (см.: Stylianou A. and J. The Painted Churches of Cyprus. Treasures of Byzantine art. L., 1985. P. 295).

²⁹ При реставрации 1927 г. в окне дьяконника под поздней закладкой была обнаружена деревянная оконница с остатками росписи под мрамор, о чем сообщает в своем отчете руководивший работами А.П. Удаленков (см.: ЦГАОРСС. Ф. Р-1. № 8. Протоколы Отдела реставрации Наркомпроса, 1925 г. Л. 191 об.).

³⁰ Воробьева Е.В. Семантика и датировка черниговских капителей // Средневековая Русь. М., 1976. С. 175–183.

³¹ Например, в Юрьевском Евангелии 1119–1128 гг. (Шепкина М.В. Тератологический орнамент // ДРИ. Рукописная книга. Сборник второй. М., 1974. С. 237–238).

³² Чрезвычайно показательна в этом отношении декорация врат раннего XIII в. в соборе Рождества Богородицы Суздаля, выполненная в живописной технике "золотой наводки" (Вагнер Г.К. Белокаменная резьба древнего Суздаля... С. 97–142).

³³ См., например: Колчин Б.А., Яшин В.Л., Ямищев С.В. Древний Новгород. Прикладное искусство и археология. М., 1985. № 87, 88, 106, 155–163, 199–202.

³⁴ Тератологический орнамент, дававший богатую почву для вульгарного историко-социологического истолкования, был впервые адекватно истолкован в работе Н.К. Голейзовского, где основной акцент сделан на религиозной символике подобного рода изображений (Голейзовский Н.К. Семантика новгородского тератологического орнамента // Древний Новгород. Искусство. История. Археология. М., 1983. С. 197–247).

Утонченность и артистизм мастеров Георгиевской церкви ярко проявились в колористическом решении росписи, существенно отличающемся от принятых стандартов эпохи. Традиционно фрески XII в. имеют насыщенную и контрастную палитру с обильным использованием густых, порой пастозных, чуть разбеленных или чуть затемненных тонов. Именно эту колористическую систему, дающую разный спектр цветовых нюансов, от упрощенной прямолинейности до артистизма и изысканности, можно наблюдать в большинстве крупных фресковых ансамблей второй половины XII в. — в Нерези³⁵, Патмосе³⁶, Курбиново³⁷, церквях св. Николая Каснидис или св. Бессеребренников в Кастории³⁸, Хосиос Давид в Фессалониках³⁹ и др. Решительно иная картина предстает перед нами в Георгиевской церкви, где за основу колористической системы взято использование чистых, но чуть приглушенных и при этом сильно разбеленных красок, иногда положенных как бы в растирку, т.е. тонким слоем, через который часто просвечивает левкасная подготовка под живопись. Благодаря столь интенсивному высветлению красок вся палитра росписей приобрела совершенно нестандартное звучание, построенное на сочетании легких пастельных тонов.

Традиционно фоновые части фресковых изображений расписывались так называемым "голубцом" — жидкой голубой краской, приготовленной из лазурита или азурита и наносившейся по темно-синей рефтяной подготовке. Верхний голубой слой, как правило, вскоре утрачивался, поэтому большинство древнерусских и византийских фресок имеет очень темный фон. Иную картину мы видим в Георгиевской церкви, где фона написаны тонко положенной лазуритовой краской, подкладкой под которую служит еще более тонкий слой рефты, причем столь жидкий, что местами он практически отсутствует. Благодаря этому фон становится прозрачным и мерцающего голубого цвета, задающего облегченный тон всему колориту.

Колорит ладожских фресок нельзя назвать особенно богатым в плане набора применяемых красок. В нем, помимо голубой, обильно используемой для фоновых раскрасок и одежд многих персонажей, в большом количестве присутствует красная охра, которой выполнен рисунок ликов и раскраска волос, отгранок и значительных частей орнаментов; ею же написаны многие одежды и другие детали изображений. Не менее активно используется желтая и золотистая охры, которыми пишутся нимбы и лики, одежды, детали архитектуры, горки и т.д. Зеленая краска идет в меньших количествах, в основном на раскраску поземов, или, чаще в разбеле, для написания одежд. Наконец, активно используются самые различные смеси, в том числе разнообразные варианты красного цвета, получаемые из соединения красной охры и киновари, иногда с добавлением и других пигментов, благодаря чему получаются оттенки малинового, вишневого и розового тонов. Аналогичные смешанные градации можно проследить и в гамме желто-коричневых или голубых тонов.

Отличительной особенностью староладжских фресок оказывается свободное отношение художников к смешанным цветам, состав красок в которых оказывается нерегламентированным, в отличие от множества противоположных примеров, когда большинство составных красок являлось заранее заготовленными колерами, используемыми по всему объему храма. Художники пишут как будто с палитры, свободно смешивая краски, доводя их до нужной плотности или прозрачности, что еще раз подчеркивает артистизм работавших здесь фрескистов. Варьируя плот-

ность красочного слоя, степень разбеленности или чистоты краски, мастера легко достигали разнообразных колористических эффектов, благодаря чему колорит росписи приобрел облегченное, пастельное звучание, отличающее фрески Георгиевской церкви от большинства современных им памятников.

Несмотря на известную ограниченность используемых в работе исходных красок, колорит Георгиевских фресок отличается необычайной изысканностью. В его основе лежит тонко организованное сочетание теплых и холодных тонов. Можно сказать, что колористический облик памятника определяется голубым, красным, желтым и белым цветами, и хотя количественно теплые тона несомненно преобладают, но холодные оказываются более активными, чему способствуют как белые фоны композиций жертвенника, дьяконника и объема под хорами, так и повсеместное использование белого цвета в пробелке ликов и одежд. Более того, это впечатление усиливается переходом в холодную гамму сильно разбеленных розовых и желтых цветов, которыми написаны многие фигуры. В результате создается подвижное равновесие, где нельзя отдать предпочтение ни теплым, ни холодным тонам, позволяющее получать гармонично и изысканно звучащие сочетания голубого и розового или малинового, синего и красного, светло-зеленого и желтого.

Выбор староладжских художников оказался безошибочным с точки зрения той утонченной художественной школы, которую они представляли: благодаря облегченному колориту небольшой объем Георгиевской церкви должен был смотреться легким и светлым практически при любом освещении, что особенно актуально в условиях русского Севера. Таким образом, взаимодействие стенописи с архитектурой, отмеченное нами выше как одна из главных характеристик староладжской росписи, находит своеобразное выражение и в колористическом строе росписи. К этому следует добавить, что цвет фоновых участков росписи не был однообразным. Если медальоны или отдельные фигуры в арочных обрамлениях имели разноцветные фоны (красный, бирюзовый, зеленый, голубой), что абсолютно традиционно для византийской живописи XII в.⁴⁰, то росписи дьяконника, жертвенника и объема под хорами, где все без исключения композиции имели белый фон, заметно выделялись из общего колористического строя фресок. Благодаря чередованию цвета фона в различных частях храма более определенными становились соотношения этих объемов в общей структуре интерьера, а роспись в целом приобретала еще более ясное архитектурно-художественное звучание.

Характернейшим знаком эпохи и стиля являются дополнительные цвета в раздельках одежд, когда на теневых участках пишутся цветные складки, причем зачастую краской, спектрально противоположной основному тону драпировок. Эти цветовые дополнения сохранились лишь в росписях барабана, и, вероятнее всего, ими были выделены только центральные образы. Дополнительные цвета могут выступать на уровне едва уловимых нюансов, когда теневые пробела лишь слегка подкрашиваются: таковы желтоватые складки на зеленом гиматии пророка Гедеона или голубоватые на розовом хитоне одного из ангелов. В других случаях цветовое звучание этих складок может быть более контрастным, но все равно смягченным использованием разбелов, например, на фигуре апостола Симона, где на охристом гиматии под пробелку положена зеленоватая подкладка. Возможно и использование чистого цвета без добавления белил. Так, теневые участки на зеленом гиматии апостола Иоанна покрашены желтой охрой, а на малиновых гиматиях апостола

³⁵ Ђурић В. Византијске фреске в Југославији. С. 13.

³⁶ Kolias E. Byzantine art in Greece. Patmos. Athens, 1990. P. 16–22.

³⁷ Hadermann-Misguich L. Kurbinovo... P. 335–341.

³⁸ Chatzidakis M., Pelekanidis S. Kastoria. P. 33–37, 55–65.

³⁹ Τσιγαρίδας Ε.Ν. Οι τοιχογραφίες της μονής Λατομίου Θεσσαλονίκης και η Βυζαντινή ζωγραφική του 12ου αιώνα. Θεσσαλονίκη, 1986. Tab. I–XIV.

⁴⁰ Цветные медальоны характерны, в частности, для росписей Кипра XII в.: фресок монастыря Хосиос Хризостомос, около 1100 г. (Mango C. The Monastery of St. Chrysostomos at Koutsoventis (Cyprus) and its Wall Paintings. Pt. I. Description // DOP. 1990. Vol. 44. Pl. 8), церкви Панагии Форвиотиссы в Асину, 1105–1106 гг. (Strylianos A. and J. The Painted Churches of Cyprus... P. 114–140), церкви Панагии ту Араку в Лагудера, 1192 г. (Ibid. Frontispiece. Ill. 88).

Фомы и пророка Михея – синей краской. Наконец, на фигуре апостола Иакова все складки вишневого гиматия выполнены сильно разбеленной розовой краской⁴¹.

Несмотря на то что во многих памятниках позднего XII в. продолжал преобладать более плотный и яркий колорит, цветовые особенности и нюансы старолadoжских фресок в целом характерны для эстетики позднекомниновского искусства⁴² и имеют ряд параллелей. Так, чрезвычайно близкую систему колорита демонстрируют миниатюры Тетраевангелия позднего XII в. из Иверона (Афинская национальная библиотека, cod. 93), которые и в целом оказываются одной из ближайших стилистических аналогий фрескам Георгиевской церкви⁴³. Использование разбеленного и облегченного колорита в некоторых синайских памятниках рубежа XII–XIII вв., как своего рода знак эпохи, отмечал К. Вайтцман⁴⁴. Да и среди византийских росписей позднего XII в. есть несколько фресковых ансамблей, где в той или иной степени проявились схожие художественные тенденции. Не менее классически сбалансированную и утонченную палитру можно видеть во фресках Дмитриевского собора во Владимире (1195), где, впрочем, изысканные сочетания облегченных тонов одежд апостолов из "Страшного Суда" имеют иную структуру колорита с преобладанием золотисто-охристых и зеленовато-коричневых тонов, звучание которых акцентировано разноцветными (желтыми, белыми и зелеными) нимбами и почти иконной техникой письма ликов с использованием оливковых санкирей и желтых плавей. В росписях художника Федора Апсевда в монастыре св. Неофита близ Пафоса (1183)⁴⁵, и во фресках церкви Панагии Аракиотиссы в Лагудера (1192)⁴⁶, созданных тем же мастером или мастерской⁴⁷, система колорита строится на сочетании ярких разбеленных красок с преобладанием свободных вариаций розовых, малиновых, серых, голубых и палевых тонов. Колорит этих фресок отличается изысканностью, манерностью и излишней цветностью, хотя в росписях Пафоса он оказывается более сдержанным, что, вероятно, определялось характером монашеского заказа⁴⁸. Цветовые сочетания этих фресок демонстрируют принципиальное, хотя совсем не буквальное сходство с росписями Старой Ладogi, где колористические принципы сформулированы более строго и классично.

Использование дополнительного цвета при написании одежд известно по памятникам середины XII в.⁴⁹, но широкое распространение этого приема отмечается во

фресковых ансамблях лишь двух последних десятилетий XII столетия. Достаточно активно цветные складки, причем не только в затененных участках драпировок, применены в росписях церкви св. Николая Касничи в Кастории⁵⁰. Аналогичные колористические решения прослеживаются и во фресках Курбиново, где используется и цветная подкладка под пробелку складок (один из ангелов в конхе), и дополнительные цвета в одеждах апостолов из "Вознесения"⁵¹ или, например, в мозаиках Монреале (ок. 1180 г.)⁵². Очевидно, этот прием был достаточно популярен в монументальной живописи конца XII в., поскольку он встречается и в романских памятниках византийской ориентации – во фресках крипты собора Аквилеи рубежа XII–XIII вв.⁵³

Приведенные примеры ни в коей мере не являются буквальными аналогами колориту ладожских росписей, который абсолютно самостоятелен и в известном смысле неповторим. Принципиальной представляется сама тенденция к трансформации традиционных колористических приемов и устойчивых цветовых схем, сформулированных византийской художественной традицией и по существу не знавших серьезных изменений уже с середины XI в. Оказавшись актуальной для позднекомниновского искусства, эта тенденция в той или иной степени проявилась в названных памятниках, но, пожалуй, наиболее законченное выражение она нашла во фресках Георгиевской церкви и Дмитриевского собора Владимира или в таких памятниках раннего XIII в., как Богородичная церковь в Студенице (1208/1209)⁵⁴.

Все живописные приемы ладожских фресок строго подчинены единой системе так называемого трехтонового письма, имевшего широчайшее распространение в византийской и древнерусской монументальной живописи XII в.⁵⁵ Первым и обязательным этапом являлся подготовительный рисунок, который выполнен предельно обобщенно, без какой-либо детализации, и по существу представляет собой простую разметку основных элементов изображения, в процессе письма неоднократно исправлявшуюся⁵⁶. Далее основным, часто разбеленным тоном выполнялась расколеровка, после чего той же, но чистой краской делался рисунок и ею же в более жидкой консистенции накладывались тени. Завершающим этапом являлись моделирующие объем высветления, наносившиеся иногда в два, редко в три слоя, но чаще представлявшие собой положенную в один прием пробелку, написанную чистыми известковыми белилами. Живописные приемы предельно упрощены и в них практически отсутствуют промежуточные лесировочные проработки, призванные смягчить пластику или придать ей большую объемность. Показательно, что в совершенстве владея в рамках трехтоновой системы разными приемами письма, старолadoжские мастера применяли их, руководствуясь не индивидуальными пристрастиями, а исключительно общехудожественными задачами, что хорошо видно

вещания" в росписях Мирожского собора начала 1140-х годов, где складки одежд на поясе имеют желтоватую подкраску (см.: Салько Н.Б. Живопись древней Руси XI – начала XIII века... Ил. 146).

⁵⁰ Датировка этих фресок колеблется от последней трети XII в. (Djurić V. La peinture murale byzantine: XII et XIII siècles. P. 21) до начала XIII в. (Malmquist T. Byzantine 12th Century Frescoes in Kastoria. Agioi Anargyroi and Agios Nikolaos tou Kasnitzi. Upsala, 1979. P. 108–109). Полную библиографию и информацию об этих фресках см.: Chatzidakis M., Pelekanidis S. Kastoria. P. 50–65.

⁵¹ Грозданов Ц., Хадерман Мисгвиш Л. Курбиново. Ил. 7, 59. К сожалению, эти тонкие цветовые нюансы почти полностью нивелируются невысоким качеством цветной печати этого издания.

⁵² Kitzinger E. I Mosaici di Monreale. Palermo, 1991. Tav. 91, 97.

⁵³ Grabar A., Nordenfalk C. La peinture Romane du onzième au treizième siècle. Genève, 1958. P. 50.

⁵⁴ Tomeković S. L'esthétique aux environs de 1200... P. 237.

⁵⁵ О трехтоновой системе письма см. обобщающие труды по технике средневековой фрески: Winfield D.C. Middle and Later Byzantine Wall Painting Methods: a Comparative Study // DOP. 1968. Vol. 22. P. 124–126; Филатов В.В. К истории техники стеновой живописи в России // ДРИ. Художественная культура Пскова. М., 1968. С. 71–74.

⁵⁶ Подобный метод самой приблизительной разметки очень характерен для работы византийских или древнерусских мастеров (см.: Winfield D.C. Middle and Later Byzantine Wall Painting Methods... P. 80–96).

⁴¹ Цветное воспроизведение см.: Салько Н.Б. Живопись древней Руси XI – начала XIII века. Мозаика. Фрески. Иконы. Л., 1982. Ил. 120–123.

⁴² Tomeković S. L'esthétique aux environs de 1200 et la peinture de Studenica // Студеница и византийска уметност око 1200 године (Научни скупови Српске академије наука и уметности, књ. XLI, Одељење историјских наука, књ. 11). Београд, 1988. P. 233.

⁴³ Среди миниатюр этого кодекса наиболее показателен лист с фигурой евангелиста Луки (f. 86v), своим пастельным колоритом чрезвычайно напоминающий апостолов из "Вознесения" (см.: Marava-Chatzinicolaou A., Toufexi-Paschou Ch. Catalogue of the Illuminated Manuscripts of the National Library of Greece. Athens, 1978. Vol. 1. Fig. 639; Mouriki D. Stylistic Trends in Monumental Painting of Greece during the Eleventh and Twelfth Centuries // DOP. 1980–1981. Vol. 34–35. P. 114).

⁴⁴ Weitzmann K. Three Painted Crosses at Sinai // Weitzmann K. Studies in the Arts at Sinai. Princeton, 1982. P. 413.

⁴⁵ От этой росписи сохранились "Сошествие во ад", "Распятие", "Деисус", изображение св. Неофита с двумя архангелами, а также несколько фигур святых (см.: Stylianou A. and J. The Painted Churches of Cyprus... P. 351–369).

⁴⁶ Ibid. P. 157–185.

⁴⁷ Panayotidi M. The Question of the Role of the Donor and of the Painter. A Rudimentary Approach // ΔΧΑΕ Περ. Δ Τ. ΙΖ. Athens, 1994. P. 143–156.

⁴⁸ С. Томекович отмечает разницу в колористическом строе двух кипрских памятников, справедливо объясняя ее спецификой заказа – монашеского в Пафосе и светского в Лагудере. Tomeković S. L'esthétique aux environs de 1200... P. 239. Not. 33).

⁴⁹ Например, на некоторых мозаиках Мартораны, 40-х годов XII в. (см.: Kitzinger E. The Mosaics of St. Mary's of the Admiral in Palermo. Washington, 1990 (DOS XXVII). Pl. I, IV, IX). Среди русских памятников единственным примером подобного рода является фигура архангела Гавриила из "Благо-

на примере живописи ликов, где вариации манер определялись значимостью образа и его местом в программе росписи храма.

Так, все главные персонажи выделены индивидуализированной, контрастной и порой даже резкой пробелкой, благодаря чему ясно читается сакральная иерархия росписи. Именно так написан лик Христа из "Вознесения" (рис. 9), имеющий насыщенную красно-коричневую подкладку и контрастно звучащую энергичную широкую пробелку, положенную в два тона. При этом лики ангелов и апостолов из этой же композиции выполнены в более сглаженных цветовых сочетаниях, а их пробелка не имеет такой выразительной пластики (рис. 1). В еще более экспрессивной манере письма выполнены образы святителей из "Службы св. отцов". Их лица, написанные по коричневой карнации, контрастно выделяются в сочетании со светло-желтыми нимбами и бесплотными белыми одеждами, а энергичная пробелка достигает наибольшей отвлеченности и умоглядности, наглядно демонстрируя спиритуализм ладожских фресок (рис. 20).

Не менее показательны и лики архангелов в конхах боковых апсид (рис. 10), самые крупные в церкви (диаметр нимба архангела около 1 м) и потому сложные в написании, поскольку любой просчет или ошибка оказывается как бы под увеличительным стеклом. Сложность данной манеры письма заключается в почти аскетической скупости художественных приемов, требующих безукоризненно точного чувства формы и владения рисунком. Лица архангелов написаны по той же подкладочной охре, которой закрашен нимб, поэтому лик и нимб тонально сливаются в одно цветовое пятно. Объем лица, его формы строятся не столько рисунком, который отличается чеканной точностью, сколько энергичными белильными высветлениями, положенными в два слоя (нижний чуть подтеплен добавлением охры) прямо на подкладочный тон, без каких-либо промежуточных проработок. Белила положены либо штриховкой, создавая более плавную проработку форм, либо упругими линиями, вносящими элемент графичности и контрастности. Лики архангелов получаются как будто сотканными неземным светом, исходящим из сферы золотистого сияния нимба. В то же время столь энергичная пробелка ликов способствует их более ясному прочтению с большого расстояния, на которое они отнесены от зрителя. Такая акцентация образов архангелов вполне оправдана, поскольку они фланкировали главное программное изображение всей росписи – утраченный ныне образ Христа в своде алтаря (см. примеч. 11). Да и сама система письма, дематериализующая образ, в полной мере соответствует именно классической византийской традиции изображения "бесплотных сил"⁵⁷.

Если говорить о живописи ликов других персонажей, то, в соответствии с их второстепенной ролью в системе росписи храма, они решены в достаточно стандартизированной, хотя и виртуозно выполненной манере письма, которая сведена к нескольким вариантам в зависимости от типологии образа. Так, старческие лики написаны в сухой и жестковатой схеме пробелов, положенных тонкими линиями поверх охристой подготовки (рис. 15, 17–19). Женские и юношеские лица имеют более пластичную пробелку, которая, однако, не выходит за рамки линейных принципов, а накладывается путем штриховки высветляемых участков (рис. 26). За счет отсутствия промежуточных лесировочных слоев, линейная пробелка сохраняет присущую ликам этого памятника контрастность, однако она не идет ни в какое сравнение с пронзительностью главных образов росписи.

В рамках такой же универсально упрощенной системы трехтонового письма выполнены и фигуры всех персонажей. И здесь живописная структура сведена к трем основным элементам: подкладочный слой, рисунок с притенениями и белильная разделка складок. Эти широко распространенные в византийском мире живописные

принципы реализованы ладожскими мастерами абсолютно безукоризненно и доведены до тончайшего и в то же время простого совершенства. Рисунок складок не сложен, но всегда изыскан, и лишь в редких случаях в нем просматривается чрезмерность и избыточность извивов и деталей. Теневая проработка складок и особенно контурные притенения сведены на нет, и этот прием лишает фигуру пространственной глубины и объема, что при использовании облегченного прозрачного колорита создает впечатление ее невесомости (рис. 11–13). Пробелка практически на всех сохранившихся изображениях лежит в один, редко в два слоя, и ее рисунок часто приобретает достаточно отстраненный и абстрактный характер. Само строение складок всегда сохраняет конструктивную оправданность, но извивы и линии пробелов в некоторых случаях утрачивают структурную логику и получают чисто декоративную выразительность. Рисунок пробелов, графичный и порой довольно жесткий, иногда же наоборот мягкий и податливый, лишает фигуру объема и пластики и дематериализует ее. Как и лики, фигуры оказываются созданными небесным светом, который преобразует плоть, лишает ее земной тяжести и косности.

Те же идеи дематериализации образов определяют и пространственную структуру росписей. В построении композиций преобладает присущий ладожским мастерам лапидарный художественный язык: персонажи сцен выведены на передний план, а открывающийся за ними изобразительный фон сюжета максимально упрощен – архитектурные кулисы или пейзаж имеют подчеркнuto условные и схематичные формы, в которых полностью отсутствует ощущение глубины изображения. В тех немногих композициях, что сохранились на стенах Георгиевской церкви, практически отсутствует внутренняя динамика, присущая искусству так называемого динамичного стиля. Сложный и изысканный рисунок драпировок обусловлен движением фигуры, которое, между тем, остается ее внутренним качеством и не передается композиционному строю сцены. Фигуры оказываются окруженными предельно разряженным композиционным обрамлением, в котором движение останавливается (рис. 4), приобретаемая порой геральдически величественную вневременную застылость (фигура св. Георгия из "Чуда о змие") (рис. 3). Показательно, что указанные композиционные особенности сохраняются даже в "Вознесении", где фигуры апостолов имеют подчеркнuto подвижную и экспрессивную постановку, что, впрочем, во многом является данью древней традиции акцентированно эмоциональной интерпретации этой купольной композиции⁵⁸.

Эти особенности отчетливо видны на примере сцен боковых апсид и "Страшного Суда", написанных по абстрактному белому фону, очищенному от всего материального и тленного (рис. 3, 4, 6). Фигуры не связаны с этой почти нейтральной изобразительной средой пространственно, они не имеют в ней точки опоры, а как будто положены поверх, благодаря чему создают новый пространственный план и оказываются выдвинутыми к зрителю. Пространство, в котором находятся персонажи изображаемых событий, также практически лишено глубины, поскольку и лики, и одежды написаны в манере, максимально дематериализующей образ; это пространство правильнее было бы назвать плоскостью, которая при этом каким-то парадоксальным образом преобладает над поверхностью стены. Фигуры не подчиняются законам ее плоскости, а наоборот, как будто выходят из стены и иллюзорно существуют в трехмерном пространстве храма, сохраняя при этом свою бесплотность. Этот вывод полностью распространяется и на отдельные фигуры,

⁵⁷ Г. Мэгвайр указывает на то, что акцентация эмоционального аспекта восприятия апостолами чуда "Вознесения" отмечена уже в описании этой композиции в мозаиках церкви Стилиана Заутцы, которое было составлено императором Львом VI. В качестве современного этому описанию примера, иллюстрирующего этот тезис, автор приводит мозаическое "Вознесение" в куполе Софии Фессалоникской, созданное вскоре после восстановления иконопочитания (*Ibid.* P. 225).

⁵⁷ Maguire H. Style and Ideology in Byzantine Imperial Art // *Gesta*. 1989. Vol. 28. P. 222–223.

которые даже в обрамлении арок, своими архитектурными формами провоцирующих эффект пространственной глубины, все же воспринимаются как аппликации, положенные на плоский фон.

Образы не просто существуют в этом новом сакральном пространстве; они находятся в активном взаимодействии друг с другом и со зрителем, что выражается через постановку фигур, повороты голов, взгляды, жесты. Сейчас невозможно оценить эту особенность ладожских фресок во всей полноте, но даже во фрагментарном состоянии мы констатируем реальность такой организации интерьера. Так, пророки-старцы барабана, изображенные в разнообразных позах, как бы беседующие друг с другом, все же обращены к центру, на восток, к фронтальным фигурам Давида и Соломона. Такое построение фресок барабана создает законченную пространственную композицию, где со всей определенностью расставлены смысловые акценты, раскрывающие иерархическую соподчиненность программы росписей барабана. В основном объеме храма мы наблюдаем иной эффект: все фронтальные лики смотрят не прямо, а чуть вправо от зрителя, что в реальности полностью расписанного интерьера создавало круговое (по часовой стрелке) движение, в которое неминуемо вовлекался молящийся. Сохранившиеся фрески показывают, как это движение шло от входа вдоль северной стены (св. Николай), и, минуя алтарь (архангелы в конхах, святители в медальонах), вело к выходу, сопровождаемое взглядами святых, сейчас сохранившихся в арке дьяконника и на южной стене. Синтез архитектуры и стенописи находит здесь свое полное и адекватное воплощение, становясь источником нового, мистически осознаваемого пространства, неподвластного материальным измерениям, где пребывают святые образы и откуда они обращаются к молящимся.

* * *

Строгое следование установленной системе художественных приемов и принципов отнюдь не лишало ладожских мастеров их индивидуальности, которая находит самое непосредственное выражение в характере рисунка, постановке фигур, использовании тех или иных почерковых приемов в написании ликов или складок одежд и т.д. В сохранившейся части росписи несомненно выделяются руки двух ведущих мастеров, которые работают бок о бок, вдвоем пишут "Вознесение", при этом сохраняя свою яркую индивидуальность и не пытаясь подстроиться друг под друга или выработать единую манеру письма⁵⁹. Подобные примеры плодотворного сотрудничества двух или нескольких мастеров в пределах не только одного памятника, но даже одной композиции, в истории византийского искусства многочисленны. Таков и "Страшный Суд" Дмитриевского собора во Владимире (1195), написанный, вероятно, двумя константинопольскими мастерами⁶⁰, и фрески византийской "провинции", например, росписи западной стены собора Ахталы (1205–1216)⁶¹ или огромное "Успение Богородицы", занимающее всю северную стену в соборе Снетогор-

⁵⁹ Предлагаемый ниже анализ мастеров старолдожских фресок основан не на качественной оценке того или иного образа, как это сделано у В.Н. Лазарева (*Лазарев В.Н. Фрески Старой Ладogi. С. 70–74*), а прежде всего на выявлении почерковых, индивидуальных особенностей работы художников.

⁶⁰ Вопрос о количестве и происхождении мастеров, расписывавших Дмитриевский собор Владимира, привлекал внимание многих исследователей. Об этом уже в 1919 г. писал И.Э. Грабарь (*Грабарь И.Э. О древнерусском искусстве. М., 1966. С. 56–67*). Позже к этой теме обращались А.И. Анисимов (*Анисимов А.И. Домонгольский период древнерусской живописи // Вопросы реставрации. М., 1928. Вып. 2. С. 112–119*), Н.П. Сычев (*Сычев Н.П. К истории росписи Дмитриевского собора во Владимире // Памятники культуры. Исследование и реставрация. М., 1959. С. 161*), В.Н. Лазарев (*Лазарев В.Н. Древнерусские мозаики и фрески. XI–XV вв. С. 36–38*). Разбор различных мнений подробно изложен в книге: *Плугин В.А. Фрески Дмитриевского собора. Л., 1974. Примеч. 16*.

⁶¹ *Лидов А.М. Мастера росписей Ахталы // ПКНО. 1992, 1993. С. 182–185.*

ского монастыря в Пскове (1313 г.)⁶². В этом отношении фрески Георгиевской церкви дают нам блестящий пример совместной работы нескольких художников, обладавших разными темпераментами и дарованиями, имевших, как мы увидим, различные художественные пристрастия, но при этом создавших настолько цельный ансамбль, что многие исследователи видели в нем бесспорное творение одного мастера⁶³.

В Георгиевской церкви работало два главных мастера, первый из которых написал наиболее известные фрески шести пророков-старцев в барабане. Главными чертами его искусства являются академическая выучка и классическое чувство меры и гармонии, а в результате – изысканный и успокоенный вариант динамичного стиля, к которому в целом принадлежат фрески Старой Ладogi. Художественные приемы и линейные формулы в его исполнении отточены до совершенства, в них нет ничего лишнего. Он обладает безукоризненным рисунком, который порой становится каллиграфичен до известной сухости. В его исполнении художественные стандарты – построение старческих ликов, написание рук, обнаженных ступней пророков, разделки складок – доведены до универсальной формы, которая порой оборачивается механическим повтором. Так, лики пророков-старцев, обладающие классическим комниновским обликом, буквально завораживают совершенством исполнения, аристократизмом и одухотворенностью образа, но в других менее значимых изображениях повтор этого универсального типа приводит к стандартизации и граничит с утратой индивидуальности образа (святитель в медальоне в дьяконнике).

Одно из лучших творений этого мастера – великолепные образы пророков из барабана, самые виртуозные и тонкие в исполнении, написанные в системе линейной стилизации, использованной здесь в смягченном варианте (рис. 14, 16). Их лики написаны по светло-желтому подкладочному слою разбеленной охры, и за счет более тонких и мягких цветовых сочетаний безукоризненно точная по пластике пробелка не создает эффекта контрастности, характерного для главных персонажей росписи. Белильные блики воспринимаются здесь как логическое завершение пластической проработки лика, хотя формы не имеют сплавленности, поскольку лессировки, как и в других образах старолдожской росписи, здесь отсутствуют. Драматизм, духовная сосредоточенность и напряжение, присущие искусству этой эпохи, выражены здесь не через внешнюю эмоциональность, а оказываются внутренним качеством этих образов. Пророки остаются достаточно отстраненными от зрителя, и в этом видится не столько молитвенная самоотрешенность, сколько аристократическая сдержанность. Перед нами не только аскеты, но в большей степени мыслители-интеллектуалы.

В том же духе выполнены и сами фигуры, имеющие очень естественную, спокойную и сдержанную постановку (рис. 2). Позы пророков классически статуарны и величественны, в них отсутствует повышенная динамичность, которую мы найдем в целом ряде подобных изображений этой эпохи. Одежды написаны с блестящим знанием и владением принципами линейной пробелки, которая для полноты и изысканности колористического звучания дополнена цветными притенениями или подцвеченными высветлениями. Рисунок складок, в полной мере сохраняя излюб-

⁶² Л.И. Лифшиц, анализируя стиль фресок собора Снетогорского монастыря, отмечает разнообразие приемов письма, и, в частности, на композиции "Успение", но считает все фрески собора работой одного мастера, использовавшего различные манеры (*Лифшиц Л.И. О мастерах снетогорской росписи ДРИ. Проблемы и атрибуции. М., 1977. С. 106–124*).

⁶³ Такого мнения придерживались М.И. Артамонов (*Артамонов М.И. Один из стилей монументальной живописи XII–XIII вв. // Гос. Академия истории материальной культуры. Бюро по делам аспирантов. Сб. I. Л., 1929. С. 56*) и Ю.Н. Дмитриев (*Дмитриев Ю.Н. Заметки по технике русских стенописей X–XII вв. // Ежегодник Института истории искусств Академии наук СССР. М., 1954. С. 242–243*).

ленные позднекомниновским искусством извивы и изгибы, в то же время конструктивно точен и редко выходит за рамки меры и достаточности. Итак, в творчестве этого мастера ясно ощущается уравновешенность и спокойствие, академическая выучка, артистизм, изысканность вкуса, а в целом – несомненно столичная школа живописи.

Не изменяет он себе и при написании фигур более мелкого масштаба. Им выполнены две пары ангелов в юго-восточной части барабана (рис. 1) и апостолы Марк, Андрей, Варфоломей и Филипп в "Вознесении" (рис. 2, 12, 15), а также все "Крещение". Фигуры этих персонажей, несмотря на заданную сюжетами динамичность поз и драпировок, по-прежнему сохраняют статуарность, конструктивную точность и устойчивость. Примечательно сопоставление типологически различных ликов в исполнении этого мастера. Пластически более выразительные лики ангелов написаны им свободно и легко (рис. 23), что же касается ликов апостолов, то присущая этому мастеру каллиграфичность рисунка при уменьшении масштаба вносит в систему пробелки излишнюю сухость (рис. 15).

Остальная часть "Вознесения" написана вторым художником, который в равной степени виртуозно владел всеми приемами и по мастерству ни в чем не уступал первому. Однако его искусство совсем иное: оно динамично и импульсивно, в нем преобладает подвижность, экспрессия и эмоциональная выразительность. За его образами угадывается горячий взрывной темперамент и нетерпеливая художественная натура. Расписывая купол, мастера работали по очереди, и границы между участками их работы точно соответствуют дневным швам штукатурки. Темпы работы второго мастера быстрее – он пишет за два приема 11 фигур в апостольском ряду "Вознесения", тогда как первый – только 4 за один день. Поэтому естественно, что за вторым мастером числится больше художественной и технологической небрежности.

Художественная индивидуальность второго мастера становится особенно показательной в сравнении с академической ориентацией первого художника. Так, четыре его ангела в северо-западной части "Вознесения" лишены статуарной устойчивости, присущей первому мастеру – ступни опорных ног его ангелов часто оказываются слишком сдвинутыми к оси фигуры, а складки драпировок подчинены собственной логике и не совпадают с конструкцией фигуры (рис. 1). Лики написаны в экспрессивной манере (рис. 24), с акцентированной легкостью и быстротой, и в их рисунке зачастую отсутствует классическая пропорциональность. Более того, второй мастер пишет ангелов в странной последовательности, сначала выполняя разделку крыльев, с любовью выписывая каждое перо и забывая даже о конструкции изображения и лишь затем приступая к лицам, которые, таким образом, оказываются выполненными по уже подсохшей штукатурке, что неизбежно сказалось на сохранности живописи. Первый мастер придерживается ровно обратной и логически оправданной последовательности, и у его ангелов лучше всего сохранились именно лики.

Еще более выпукло особенности манеры второго мастера просматриваются в фигурах апостолов. Например, фигура Фомы (рис. 13) кажется чрезмерно подвижной, его согнутая нога слишком длинна, а расположение ступни опорной ноги не соответствует рисунку складок. Черты лица Фомы гипертрофированы и огрублены: глаза чуть нависают и слишком выразительны, нос чрезмерно крупный, подбородок наоборот излишне заглублен. Изображениям других апостолов присущи те же черты: так, лик Иакова гротескно ассиметричен (рис. 19), а у фигуры Иоанна (рис. 11) расположение ступней ног абсолютно не соответствует конструкции складок, которые, отличаясь мастерским исполнением, обладают независимой и в большей степени чисто декоративной логикой. Рядом с фресками первого мастера образы второго художника кажутся чрезмерно эмоциональными и экспрессивными.

Однако по мере спуска в нижние зоны храма и увеличения масштаба изображения эти особенности письма драпировок нивелируются, фигуры получают весомость и устойчивость, угловатость и жесткость рисунка ликов приобретают неожиданную выразительность, а огрубленные и преувеличенные черты лица оказываются более чем уместными. Перед нами открывается искусство истинного монументалиста, прекрасно чувствующего архитектурный объем, мыслящего крупными и определенными категориями, художественно обобщенными формами, пишущего широко и уверенно. Он ничуть не изменяет своим индивидуальным пристрастиям, своей манере экспрессивного размашистого письма, но в искусстве больших форм все это оказывается на своем месте, адекватным изображению, и его образы, сохраняя присущую им эмоциональную выразительность, приобретают уравновешенность и гармоничность, которой не хватало темпераменту этого художника в тесноте мелкого масштаба купольного "Вознесения".

В барабане, помимо двух пророков-царей Давида (рис. 21) и Соломона, занимающих иерархически выделенные места по сторонам от восточного окна, второй мастер пишет, видимо, еще и Христа из "Вознесения" (рис. 1, 9)⁶⁴. Ему же принадлежат основные фрески боковых апсид – "Жертвоприношение Иоакима и Анны" и "Чудо Георгия о змие", а также полуфигуры архангелов (рис. 7, 10), и именно здесь мастерство этого художника как монументалиста проявляется особенно ярко. Из всех сохранившихся в церкви фресок это – самые крупномасштабные изображения. Архангелы представлены фронтально, с жезлами и державами в руках и с широко раскинутыми за спиной крыльями. Их фигуры обладают сложным контуром, который чрезвычайно трудно вписать в крошечное криволинейное пространство конхи, не исказив при этом пропорций фигуры. Между тем художник блестяще справляется с поставленной задачей. Он нарочито удлинняет пропорции ангельских фигур и распластывает их по криволинейной поверхности стены, но точно находит ту меру соотношения рисунка, кривизны поверхности и перспективного сокращения, благодаря которой неизбежное искажение полностью скрадывается. Более того, обнимая пространство конхи широко раскинутыми крыльями, ангелы как будто выходят из стены, создавая свое собственное, иллюзорное, но почти осязаемое пространство, в котором самостоятельно существует фреска. Это качество, присущее многим первоклассным ансамблям разных эпох, вновь выдает здесь руку опытного византийского мастера.

Третий фрескист отчетливо проявляется лишь в "Страшном Суде", причем только в центральной его части (рис. 6), тогда как единственная сохранившаяся боковая сцена – "Праведные жены" – написана вторым художником. Искусство третьего мастера по-своему выразительно и стильно, но рядом с двумя ведущими фрескистами становится очевидной вторичность его мастерства. У него нет такой уверенности в рисунке – отсюда шумное обилие линий и изгибов, измельченность складок, упрощенное строение ликов, изрезанных чрезмерным количеством пробелов. Он хорошо усвоил уроки, данные ему главными мастерами, но рядом с ними он утрачивает свою художественную индивидуальность, скрупулезно повторяя манеры обоих ведущих мастеров. В большей степени ему удаются апостольские лики, где существует более богатая почва для линейной выразительности, тогда как юношеские лики ангелов написаны неуверенно и в сравнении с другими фресками церкви – даже примитивно (рис. 25). Не исключено, что третий мастер в основном писал орнаментальные части декорации (орнаменты окон, фриз, арочные обрамления фигур, мраморировки), которые по приблизительным подсчетам могли занимать до четверти площади всей фресковой поверхности. Но нельзя исключать, что декоративные элементы стенописи выполнил еще один, четвертый художник,

⁶⁴ Утверждать это невозможно из-за плохой сохранности лика Христа.

специализирующийся исключительно на орнаментах. Такая практика разделения труда определено должна была существовать в это время в скрипториях, и она вполне могла распространяться и на работу фрескистов, тем более столь слаженной артели как группа ладожских художников, несомненно имевших предшествующий опыт совместной работы.

Создав стилистически столь монолитный ансамбль и сохранив при этом целостность своих индивидуальностей, старолadoжские художники оставили нам очевидное свидетельство сложности и многогранности художественной жизни конца XII в. Мы видим, как внутри единой художественной системы проявляются три основных вектора, оказавшиеся определяющими для эпохи – академическое или классическое, направление, наиболее последовательно воплотившееся во фресках Дмитриевского собора во Владимире (1195)⁶⁵, экспрессивный или динамичный стиль⁶⁶, и наконец, вторичная, провинциальная интерпретация обоих направлений, которая в старолadoжских фресках представлена работой третьего мастера. Эти стилистические дефиниции позволяют не только определеннее обозначить время создания и место старолadoжских росписей в византийской живописи конца XII в., но и более отчетливо увидеть их связь с искусством Новгорода этой эпохи.

(Продолжение следует)

Памяти Горданы Бабиц

О.Е. Этингhoff

ВЕТХОЗАВЕТНЫЕ СИМВОЛЫ И ИКОНОГРАФИЧЕСКИЕ ТИПЫ БОГОМАТЕРИ

(по миниатюрам фрагмента "Христианской топографии"
Космы Индикоплова, подшитого к "Смирнскому Физиологу")

Знаменитая рукопись Физиолога с подшитым к нему фрагментом "Топографии" Космы Индикоплова из библиотеки Евангелической школы в Смирне монографически впервые была опубликована Й. Стржиговским¹, в книге которого воспроизведена лишь небольшая часть миниатюр. Некоторые миниатюры издал Н.П. Лихачев². Еще несколько листов по фотографиям Палестинского общества имеются в книге Е.К. Редина³. Рукопись погибла в 1922 г., и долгое время она была известна лишь по этим старым описаниям и репродукциям. В 1976 г. О. Демус опубликовал сведения о серии из 69 негативов и фотографий рукописи из архива проф. П. Буберля, которая была передана в Австрийскую Национальную библиотеку в Вене (по сообщению проф. Х. Бушхаузена, ныне утрачена), а также о фотографиях той же рукописи, принадлежавших проф. Г. Милле, ныне в библиотеке Collection des Hautes Études в Париже⁴. Кроме того, некоторые фотографии из парижского архива опубликованы Г. Кесслером⁵.

По поводу датировки памятника в научной литературе существуют различные точки зрения. О принадлежности рукописи к XI в. или времени около 1100 г. и близости столичным манускриптам высказывались многие авторы: А. Пападопуло-Керамевс, Й. Стржиговский, Г. Милле, Г. Герстингер, В. Лазарев, С. дер Нер-

¹ Strzygowski J. Der Bilderkreis des griechischen Physiologus, des Kosmas Indikopleustes und Oktateuch, nach Handschriften der Bibliothek zu Smyrna bearbeitet // Byzantinische Archiv. Leipzig, 1899. Bd. 2; Idem. Der illustrierte Physiologus in Smyrna // BZ. 1901. Bd. 10. S. 218–222.

² Лихачев Н.П. Историческое значение итало-греческой иконописи. Изображение Богоматери в произведениях итало-греческих иконописцев и их влияние на композиции некоторых прославленных русских икон. СПб., 1911. С. 146–147. Рис. 339–341.

³ Редин Е.К. Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам (Под ред. Д.В. Айналова). М., 1916. Ч. 1. С. 7, 8, 124, 203, 240, 260, 269–270. Рис. 3, 4, 101, 192, 244, 269, 279–282.

⁴ Demus O. Bemerkungen zum Physiologus von Smyrna // JÖB. 1976. Bd. 25. S. 235–257.

⁵ Kessler H.L. "Pictures Fertile with Truth": how Christians Managed to Make Images of God without Violating the Second Commandment // Journal of the Walters Art Gallery. 1991/1992. Vol. 49/50. P. 53–65. Pl. 8–9/ repr.; Idem. Studies in Pictorial Narrative. L., 1994. P. 74–96, см. также: P. 8–9; Графические воспроизведения фотографий из Венского архива опубликованы также У. Тре (Physiologus: Frühchristliche Tiersymbolik. Übersetzt u. hrsg. von U. Treu. B., 1981. S. 19, 22, 25–26, 30, 37, 44, 48, 50, 67, 73–74, 88, 99).

⁶⁵ Попова О.С. Фрески Дмитриевского собора во Владимире и византийская живопись XII в. // Дмитриевский собор во Владимире. К 800-летию создания. М., 1997. С. 93–119.

⁶⁶ Подробный анализ динамичного стиля см.: Mouriki D. Stylistic Trends in Monumental Painting of Greece... P. 108–116.

сессян⁶ и др. Е.К. Редин датировал ее XII–XIII вв.⁷ К XIV в. относили манускрипт Н.П. Лихачев, О. Вульф, Н.П. Кондаков, И. Хуттер и О. Демус⁸, который, как и О. Вульф, полагал, что рукопись представляла собой позднелатинскую копию памятника, созданного в конце XI в. в Студийском скриптории в Константинополе. По его мнению, изобразительный цикл манускрипта при копировании претерпел существенные изменения, и в нем отразился стиль палеологовского искусства.

Б.Л. Фонкич по моей просьбе любезно провел палеографическую экспертизу по фотографиям из личного архива Н.П. Кондакова, хранящегося в ПФА РАН, где имеется целая серия неопубликованных снимков смирнской рукописи, позволяющая расширить представление о ней⁹. Б.Л. Фонкич сделал однозначное заключение, что почерк листов смирнской рукописи не может быть датирован иначе как второй половиной, а скорее третьей четвертью XI в. Как полагает исследователь, такой почерк не мог быть имитирован в XIV в., а ближайшей палеографической аналогией может служить Феодоровская Псалтирь из Британского музея (Add. 19352) 1066 г., созданная в Студийском скриптории в Константинополе. Делать стилистическую атрибуцию миниатюр на основании старых черно-белых фотографий задача рискованная, но с помощью заключения Б.Л. Фонкича – возможная. Полезны и описания миниатюр, выполненные И. Стржиговским и Е.К. Рединым¹⁰. В них подчеркнута обилие золота на многих листах: золотые крылья орла, золотые хитоны и ассист на плащах Богоматери и младенца Христа и пр., что было обычно для столичных рукописей второй половины XI в., в частности круга Псалтири из Британского музея, с которыми уже связывали смирскую рукопись Г. Милле¹¹ и С. дер Нерсесян¹². Эти золотые детали свидетельствуют в пользу датировки рукописи XI в. Описание колорита рукописи, приведенные в книгах И. Стржиговского и Е.К. Редина, где отмечаются яркие, сочные цвета, также соответствуют нашим представлениям об искусстве этого круга. И наконец, насколько можно судить по фотографиям, общий стиль рисунка, удлинённых пропорций, трактовки фигур, форм и ликов также никоим образом не выходит за рамки приемов XI в. Мы

фигур, форм и ликов также никоим образом не выходит за рамки приемов XI в. Мы склоняемся к первоначальной датировке памятника XI веком, по-видимому, смирская рукопись могла быть создана в период третьей четверти столетия в Студийском скриптории в Константинополе.

По Косме Индикоплову, скиния, ветхозаветный переносной храм, созданный Моисеем, уподобляется космосу. В тексте "Топографии" описаны сама скиния, ковчег Завета и священные предметы и сосуды скинии. Во всех известных греческих иллюстрированных списках Космы Индикоплова македонской эпохи миниатюры изображают предметы так, как они описаны в тексте, ветхозаветная скиния символизирует космологическую и христологическую идеи. Единственное исключение – смирский фрагмент "Топографии", где ветхозаветные символы, относящиеся к различным святыням скинии, связаны с Богородицей. Поскольку во многих текстах святых отцов и других христианских писателей, а также в ходе литургии Богородица уподобляется и космосу, какместилищу Бога, и скинии, как храму, и всем ее святыням, в этой рукописи тексту "Топографии" придано мариологическое истолкование самими иллюстрациями. Восемь миниатюр рукописи представляют Богородицу в различных иконографических типах с символическими надписями и изображениями, относящимися к скинии и ее святыням.

В этом цикле использовано несколько образов Богородицы: сидящей на троне с младенцем перед лоном в типе Кипрско-печерской (или Панахронтос), варианты Марии с младенцем на левой или правой руке в типах Одигитрии и Дексикратусы, а также с младенцем, прижимающимся к ее щеке, в типе "ласкающей" Богородицы. И. Стржиговский опубликовал шесть из восьми миниатюр мариологического цикла¹³, еще две опубликованы Е.К. Рединым по фотографиям Палестинского общества, ныне утраченным¹⁴. Снимки двух последних миниатюр из парижского архива издал также Г. Кесслер¹⁵. Их же фотографии успешно удалось найти и в архиве Н.П. Кондакова. Воспроизведения миниатюр с образами Богородицы-скинии и Богородицы-стамны в архиве Н.П. Кондакова представляют наибольший интерес, так как на них гораздо отчетливее видны изображения, фрагменты текста и его палеография, чем в публикации Е.К. Редина.

По мнению самого Н.П. Кондакова, в богородичных миниатюрах смирской рукописи "символика произвольно примкнута к известным типам и ничего не дает для их понимания или их значения и роли в древности... Ряд типов Божией матери с Младенцем набран здесь миниатюристом без всякого разбора и какого-либо соответствия с требуемыми символическими параллелями в манере позднегреческой иконописи, изобиловавшей риторическими и символическими эпитетами. В общем, весь подбор этих типов не дает, к сожалению, ничего нового для чудотворных икон и типов Божией Матери и указывает уже на вторую половину XIV века, к которой мы относим (вслед за другими) и самые миниатюры Смирнского Физиолога"¹⁶.

Вопреки мнению Н.П. Кондакова есть основания полагать, что миниатюры предоставляют богатый материал для истолкования символики самих иконографических типов, так как ветхозаветные образы находят параллели с определенными изобразительными формулами Богородицы и в некоторой мере могут даже служить ключом к пониманию или уточнению их смысла. Это ни в коей мере не означает, что данные ветхозаветные символы соотносятся только с представленными на миниатюрах конкретными типами Богородицы, известно их использование и с другими образами. Однако мы полагаем, что в средневизантийскую эпоху существ-

⁶ Papadopoulos-Kerameus A. Κατάλογος τῶν χειρογράφων τῆς ἐν Σμύρῃ βιβλιοθήκης τῆς εὐαγγελικῆς σχολῆς. Smyrna, 1877. P. 32. N 48; Strzygowski J. Der Bilderkreis...; Idem. Der illustrierte Physiologus... S. 218–222; Millet G. Recherches sur l'iconographie de l'Evangile aux XIVe, XVe et XVIe siècles d'après les monuments de Mistra, de la Macédoine et du Mont Athos. P., 1916. P. 590–591; Gerstinger H. Die griechische Buchmalerei. Wien, 1926. S. 27; Лазурев В.Н. История византийской живописи. М., 1986. С. 89, 221, 236, 244; Nersessian der S. L'illustration des Psautiers grecs du Moyen Age. II: Londres Add. 19.352. P., 1970. P. 11, 15, 76 // Bibliothèque des Cahiers archéologiques. Vol. 5.

⁷ Редин Е.К. Христианская топография Козьмы Индикоплова... С. V.

⁸ Лихачев Н.П. Историческое значение... С. 168; Вульф О. Отчет о деятельности Русского археологического института в Константинополе в 1897 году // Известия Русского археологического института в Константинополе. София, 1898. Т. 3. С. 202–203; Wulff O. Altchristliche und Byzantinische Kunst. Berlin; Neubabelsberg, 1914. Bd. 2. S. 536–537; Кондаков Н.П. История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей. Одесса, 1976. С. 131–156; Он же. Иконография Богородицы. Пг., 1915. Т. 2. С. 264; Hutter I. Über die Marienfestpredigten des Mönches Jakobos. Wien, 1977; Demus O. Bemerkungen. S. 256–257.

⁹ Эттингер О.Е. Неизвестные фотографии миниатюр Смирнского физиолога из архива Н.П. Кондакова в Санкт-Петербурге (в печати). ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 2, временный № 1551. Выражаю искреннюю благодарность Ю.А. Пятницкому за сведения об этих фотографиях, а также И.В. Тункиной за возможность работать в ПФА РАН с этими материалами. Снимки были выполнены фотографом Императорской Академии художеств И.Ф. Барцевским. В архиве хранится 29 фотографий (10×14 и 12×15). Четыре из них являются дублями. Так, серия составляет 25 фотографий, иллюстрации как к Физиологу, так и к фрагменту "Топографии". Опубликованные Н.П. Лихачевым миниатюры, по-видимому, были воспроизведены именно по этим фотографиям.

¹⁰ Strzygowski J. Der Bilderkreis...; Редин Е.К. Христианская топография Козьмы Индикоплова... С. 63, 203–204, 268–271.

¹¹ Millet G. L'iconographie. P. 590–591.

¹² Nersessian der S. L'illustration... P. 15, 76.

¹³ Strzygowski J. Der Bilderkreis... S. 56–58. Taf. XXV–XXIX.

¹⁴ Редин Е.К. Христианская топография Козьмы Индикоплова... С. 269, 271.

¹⁵ Kessler L. "Pictures Fertile with Truth"... Pl. 8–9.

¹⁶ Кондаков Н.П. Иконография Богородицы. С. 264.

вовала смысловая взаимосвязь между ветхозаветными символами Марии, известными по гомилетике, гимнографии и литургическим образам, и некоторыми группами близких типов Богоматери. Кроме того, богородичный цикл миниатюр этой рукописи относится к описанию скинии, служившей прообразом новозаветного храма, т.е. прямо и последовательно связан с литургической символикой.

На первой из миниатюр л. 161 (163) (рис. 1) представлена Богоматерь на троне в типе Кипрско-печерской, по определению Н.П. Кондакова, или Панахрантос, по классификации М. Татиш-Джурич, с сидящим младенцем, которого она придерживает двумя руками, в квадратной рамке¹⁷. Миниатюра сопровождается текстом, в котором Христос, воплощенный от Девы, уподобляется Ною в ковчеге. Подобный образ спасения космоса через воплощение Девой хорошо известен по гимнографии и литургии. Он смыкался и с образом Богоматери-ковчеха завета: важнейшего предмета в скинии Моисея, где хранились скрижали закона, полученные им на Хорие. В византийской гомилетике и гимнографии многократно варьируется образ Марии как одушевленного кивота, божественного кивота, священного кивота святыни и пр.¹⁸

Иконографический тип Богоматери, сидящей на троне с младенцем перед чревом, называемый М. Татиш-Джурич Панахрантос, по мнению исследовательницы, наряду с типами Богоматери Кириотиссы и Никопей принадлежит к числу тех, что наиболее наглядно выражают догму воплощения¹⁹. Тип Панахрантос (пречистой) в этой группе подчеркивает девственность Марии, непорочное зачатие. Данный иконографический тип встречался и с другими эпитетами. Как правило, он выражал космический характер спасения и соответствовал образу трона Премудрости или трона Соломона, служивших прообразами Христа как Софии Премудрости Божией, создающей себе храм и приготовляющей трапезу. В богослужебной поэзии уподобление Марии трону варьируется как трон, престол или даже ложе царя, престол высший херувимов, небесный престол, престол царя и пр.²⁰ Этот образ выражал различные оттенки мариологической символики, прежде всего, царственное достоинство Марии как царицы небесной, давшей тело Христу Логосу и властителю мира, а также образ предвидения жертвы, престола как алтаря. В миниатюре смирнского фрагмента этот акцент подчеркнут изображением алтарного покрова на троне.

В соответствии с литературными образами, тесно связывавшими темы воплощения и страстей, а также литургическими толкованиями Благовещение, непорочное зачатие и воплощение Христа из девственного чрева уподоблялись извлечению Агнца из просфоры в проскомидии, либо уже в литургии до выделения проскомидии в самостоятельную часть чинопоследования. По толкованию Николая Андидского, дьякон, по уставу Великой церкви иссекающий агнца из просфоры, уподобляется архангелу Гавриилу, благовествующему Марии о зачатии божественного младенца²¹. Тип Кириотиссы, изображавший стоящую Марию с

младенцем перед чревом и прямо использовавшийся во многих сценах Благовещения²², наиболее наглядно мог выражать эту символику. Тип Богоматери, сидящей на троне с младенцем перед чревом, аналогично Кириотиссе воплощал ту же идею.

Тип тронной Богоматери с младенцем перед чревом в качестве космического образа спасения, вместилища и престола воплощенной Премудрости часто изображался в апсиде. В соборе Софии в Константинополе он представлен дважды: в конхе апсиды и в лонете северной стены нартекса между императорами Константином и Юстинианом (донатором храма, посвященного божественной Премудрости)²³. Этот тип встречается также в апсидах в монастыре Липса (Фенари Иса Джамии) в Константинополе, в конхе кафоликона Осиос Лукас в Фокиде, собора в Монреале в Сицилии, в церкви Панагии Аракиотиссы в Лагудера на Кипре и т.д.²⁴ Подобным же образом внутри апсиды храма он изображался на миниатюрах рукописей с образами церкви, например, на заставке Гомилий Григория Назианзина (гр. 339) из монастыря св. Екатерины на Синае 1136–1155 гг. и на миниатюре Псалтири № 269 конца XIII в. из Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге²⁵.

Так, изображение тронной Богоматери с младенцем перед чревом на первой из миниатюр богородичного цикла смирнского фрагмента Космы выражает космологическую роль Марии в спасении (подобно Ноеву ковчегу) и подчеркивает именно универсальный аспект иконографии этого типа тронной Богоматери как престола божественной Премудрости, а кроме того, символически соотносится с началом литургического чинопоследования приготовлением святых даров.

На следующей миниатюре (л. 162) (рис. 2) изображена тронная Богоматерь с младенцем на правой руке, окруженная рамкой, которая увенчана раковиной как подобием конхи апсиды²⁶. Миниатюра озаглавлена ἡ ὁκρίη, в тексте на листе содержится описание скинии. Это тип Дексиократусы (или Ахиропиитос, нерукотворного образа Марии и Евергетиды, по классификации М. Татиш-Джурич)²⁷. В византийской гомилетике и гимнографии постоянно повторяется уподобление Богоматери скинии или храму Соломона, в которых Христос как архиерей совершает богослужение²⁸.

Тип Дексиократусы менее иератичен, чем Одигитрия. При изображении младенца на правой руке нарушалась строго фронтальная поза младенца, обычно характерная для изображений Одигитрии²⁹. В типе Дексиократусы младенец изображался боком, в относительно свободных позах. Это наглядно видно, например, на миниатюре Евангелия с синаксарем из Ватиканской библиотеки (гр. 1156, fol. I), и на мозаической иконе начала XIII в. из монастыря св. Екатерины на Синае³⁰. На

¹⁷ Strzygowski J. Der Bilderkreis... S. 56. Taf. XXV; Кондаков Н.П. Иконография Богоматери. Т. 1. С. 172–183; Tatiš-Džurič M. La Vierge Immaculée (Panachrantos), son iconographie et son culte // Acta Congressus Mariologici-Mariani internationalis in Croatia anno 1971 celebrati. Romae, 1972. P. 247–271; Eadem. L'icone de Kyriotissa // Actes du XVe Congrès International des Études Byzantines. Athènes, 1976. Vol. 2. Art et archéologie. Communications B. Athènes, 1981. P. 770. Об иконографических типах Богоматери здесь и далее см.: Καλοκύρης Κ. Ἡ θεοτόκος ἐν τῇ εἰκονογραφίᾳ τῆς ἀνατολῆς καὶ τῆς δύσεως. Θεσσαλονίκη, 1972.

¹⁸ Eustratiades S. Ἡ θεοτόκος ἐν τῇ ἱμογραφίᾳ. Ρ., 1930. P. 35.

¹⁹ Tatiš-Džurič M. L'icone de Kyriotissa. P. 770.

²⁰ Eustratiades S. Ἡ θεοτόκος... P. 28, 31, 36–37.

²¹ Феодора епископа Андидского краткое рассуждение о тайнах и образах божественной литургии, составленное по просьбе боголюбивого епископа Фитийского // Православный собеседник. Казань, 1884. Март–апрель. С. 384. В русском издании Николай Андидский ошибочно назван Феодором и "Рассуждение" датировано XII в. В действительности оно было написано между 1054 и 1067 годами. См.: Bornert R. Les commentaires byzantins de la divine liturgie du VIIe au XVe siècles. Ρ., 1966. P. 191–196.

²² Tatiš-Džurič M. L'icone de Kyriotissa. P. 761–763, 767; Cotsonis J. The Virgin with the "Tongue of Fire" on Byzantine Lead Seals // DOP. 1994. Vol. 48. P. 221–227.

²³ Oikonomides N. Remarks on the Apse Mosaics of st. Sophia // DOP. 1985. Vol. 39. P. 111–115; Лазарев В.Н. История византийской живописи. Табл. 121, 123, 135, 137.

²⁴ Mercydy Th., Mango C., Hawkins J.W. The Monastery of Lips (Fenari Isa Djami) at Istanbul // DOP. 1964. Vol. 18. P. 255, 300; Лазарев В.Н. История... Табл. 153; Demus O. The Mosaics of Norman Sicily. L., 1949. P. 112. Fig. 59; Stylianou A. and J. The Painted Churches in Cyprus. L., 1985. P. 162.

²⁵ Sinai: Treasures of the Monastery of Saint Catherine / Ed. A.K. Manafis. Athens, 1990. P. 327. Fig. 1; Лазарев В.Н. История... Табл. 419.

²⁶ Strzygowski J. Der Bilderkreis... S. 56–57. Taf. XXVI.

²⁷ Тамуш-Буриш М. Из наше средневековне мариологије: Икона богородице Евергетиде // ЗЛУ. 1970. Т. 6. С. 15–36.

²⁸ Eustratiades S. Ἡ θεοτόκος... P. 47–48, 51, 71.

²⁹ Тамуш-Буриш М. Из наше средневековне мариологије... С. 15–36.

³⁰ Ibid. С. 3; Вейцман К., Хадзидакис М., Миятев К., Радойич С. Иконы на Балканах. София; Белград, 1967. Ил. 36.

миниатюре смирской рукописи Богоматерь представлена прямо и фронтально, а младенец обращен к ней почти в профиль, запрокинув голову. По-видимому, эта поза не только выражает более человеческий контакт между матерью и сыном, но взаимоотношения Христа-первосвященника и жертвы с церковью.

В типах Одигитрии и особенно Дексиократусы нашла отражение тема взаимоотношения воплощения и страстей Христа. Эта тема, разработанная в византийской гимнографии, отразилась во многих иконографических типах Богоматери с младенцем, типе Христа Анапесон, сцене Сретения и т.п.³¹ В них выражалось предвидение грядущих страстей Христа и страданий Марии при его распятии и погребении. Многие варианты Богоматери Одигитрии и Дексиократусы отмечены различными аспектами страстной и литургической символики. Как показали Д. Паллас и Х. Бельтинг, образы Одигитрии и "ласкающей" Богоматери, начиная с комниновской эпохи, использовались в литургии на двусторонних иконах с образами Распятия, Снятия со креста или креста и престола с орудиями страстей на обороте³². Такова, например, икона с изображением Богоматери Одигитрии и Христа Царя Славы XII в. из Археологического музея в Кастории³³.

Изображение Дексиократусы с эпитетом "скиния" на миниатюре смирского фрагмента "Топографии" Космы Индикоплова подчеркивает один из наиболее общих аспектов жертвенной символики самого иконографического типа – скиния, место жертвоприношения – прообраз новозаветной жертвы. Богоматерь уподобляется скинии, т.е. церкви, где Христос как первосвященник совершает литургию и приносит самого себя в жертву. Имитация конхи апсиды в рамке, как и покров на троне, преподносят этот образ Богоматери как алтарный.

На третьей миниатюре л. 163 (165 об.) (рис. 3) изображен другой вариант тронной Дексиократусы³⁴. Лист озаглавлен ἡ τράπεζα, и в тексте содержится описание жертвенника. Так, Богоматерь уподоблена трапезе, вновь образ хорошо известен по гомилетике, гимнографии и литургии³⁵. Мария низко склонилась в материнском движении к младенцу, Христос изображен полулежащим на ее руках³⁶. Такая поза младенца служила прообразом страстей и Христа во гробе, она связана с иконографией Христа Анапесона и символизирует предназначенность

младенца жертве, смерть-сон и грядущее воскресение³⁷. Подобная поза использовалась впоследствии в типе Страстной Богоматери, в частности, в росписях церкви Панагии Аракиотиссы в Лагудера, а также в иконах Богоматери без страстных символов, например, в "Одигитрии" из Несебра конца XIII в.³⁸

На миниатюре смирской рукописи представлен образ Богоматери-трапезы, жертвенника или престола с Христом-артосом. Этот образ подчеркивает еще один, более частный, аспект жертвенной символики Богоматери Дексиократусы с полулежащим младенцем.

Четвертая миниатюра богородичного цикла "Топографии" Космы Индикоплова на л. 164 (164) (рис. 4) вновь изображает тронную Богоматерь со стоящим младенцем перед чревом, которая помещена на вершине семисвечника, и лист озаглавлен ἡ ἐπτάκαυλος λυχνία³⁹. Образ Богоматери-светильника широко разработан в византийской гомилетике и гимнографии⁴⁰. Воплощение как материализация света интерпретировалось особенно во многих текстах на Благовещение⁴¹. Подчеркивалось, что начало воплощения совпадало с первыми словами ангела. Это отразилось в иконографии сцены Благовещения, где в момент приветствия ангела перед чревом или грудью Марии в потоке света или ореоле изображался младенец. Это можно наблюдать на армянских хачкарах, в мозаиках церкви Нерее и Ахиллия VIII в. в Риме, на печатях с надписью Кириотисса, на миниатюре рукописи из библиотеки Марциана (gr. N 524) в Венеции, на иконах "Устюжского Благовещения", "Благовещения" из монастыря св. Екатерины на Синае (обе XII в.) и др.⁴² Этот момент и трактовался как мгновенное воплощение младенца в виде сходящего с небес луча божественного света. В сценах Благовещения при этом использовался тип Богоматери Кириотиссы, близкий тронной Марии, но стоящей. Аналогично была изображена Богоматерь в сцене Благовещения в церкви Богоматери VI в. в Халкопатрии⁴³. Подобным же образом таинство воплощения представлено в погибших мозаиках апсиды церкви Успения IX в. в Никее, где три луча сходят на Богоматерь Кириотиссу, на иконе "Богоматерь со святыми Феодором, Димитрием и архангелами" из монастыря св. Екатерины на Синае VI в., где на тронную Богоматерь с младенцем перед чревом сходит с небес поток света, а также на миниатюрах псалтирей с изображением Благовещения⁴⁴.

Тема чудесного воплощения божественного света тесно смыкалась и с образом явления Бога Моисею в виде огня, неопалимой купины⁴⁵. Уподобление Богоматери купине в гимнографии и гомилетике привело к сложению устойчивой иконографии Кириотиссы с эпитетом "купина", связанной со святым местом явления Моисею горящей купины у подножия Синайской горы, где и был основан монастырь Богоматери, позднее посвященный св. Екатерине⁴⁶.

³¹ Belting H. An Image and its Function in the Liturgy: The Man of Sorrows in Byzantium // DOP. 1980–1981. Vol. 34–35. P. 1–16; Maquire H. The Iconography of Symeon with the Christ Child in Byzantine Art // DOP. 1980–1981. Vol. 34–35. P. 267–269; Tatić-Djurić M. Iconographie de la Vierge de Passion; Genèse du dogme et des symboles // De cultu Mariano saeculus XII–XV. 1981. Vol. 6. P. 135–168; Todić B. Anapeson: Iconographie et signification du thème // Byzantion. 1994. T. 64. P. 134–165; Этингер О.Е. К иконографии "ласкающей Богоматери" ("Гликофилусы") // Древнерусское искусство: Балканы. Русь. СПб., 1995. С. 96–115 (в этих же работах см. библиографию).

³² Pallas D.I. Passion and Bestattung Christi in Byzanz: Der Ritus – das Bild // Miscellanea Byzantina Monacensia. München, 1965. Bd. 2; Belting H. An Image... P. 6–12.

³³ Belting H. An Image... Pl. 2–3.

³⁴ Strzygowski J. Der Bilderkreis... S. 57. Taf. XXVII.

³⁵ Eustratiades S. 'H θεοτόκος... P. 79.

³⁶ По мнению В.Н. Лазарева, на этой миниатюре изображена Богоматерь Млекопитательница (Лазарев В.Н. Этюды по иконографии Богоматери // Лазарев В.Н. Византийская живопись. М., 1971. С. 278–279). По-видимому, такой вывод явился результатом недоразумения из-за плохого качества фотографий погибшей рукописи. Однако Млекопитательница могла быть изображена в подобном цикле и именно в данном контексте. В византийской гомилетике и гимнографии тема млекопитательства Марии связывалась не только с демонстрацией истинности воплощения, но и с приобщением смертных к благодати и вечной жизни через Христа. У Иоанна Дамаскина во Втором Слове на Рождество Богоматери читаем: "Так, например, по человечеству Он питался молоком матерних сосцев, но по Божеству доставлял жизнь матери" (PG. T. 96. Col. 688). Именно в подобном контексте изображена Богоматерь Млекопитательница в росписях нартекса церкви Богородицы Одигитрии в Пече (ок. 1337 г.), где кормящая Мария представлена перед алтарным киворием с архангелами по сторонам как символ причастия. Тамуш-Буруш М. Богородица Млекопитательница // ЗЛУ. 1990. Т. 26. Ил. 17.

³⁷ Todić B. Anapeson... P. 155–165; По поствизантийской иконографии см.: Baltoyanni Chr., Baltoyanni Ch. Icons. Mother of God. Athens, 1994. P. 79–85.

³⁸ Tatić-Djurić M. Iconographie... P. 135–168; Stylianou A. and J. The Painted Churches in Cyprus. Fig. 85; Bakalova E. et al. Tresors d'art médiévale bulgare: VII–XVI si ècle: Catalogue de l'exposition. Genève, 1988. Pl. 151.

³⁹ Strzygowski J. Der Bilderkreis... S. 57. Taf. XXVIII.

⁴⁰ Eustratiades S. 'H θεοτόκος... P. 43–44.

⁴¹ Tatić-Djurić M. L'icone de Kyriotissa. P. 759–786; Mango C. The Chalkoprateia Annunciation and the Pre-eternal Logos // ΔΧΑΕ. 1994. Vol. 17. P. 165–170.

⁴² Tatić-Djurić M. L'icone de Kyriotissa. P. 761–764; Weitzmann K. Eine spätkomnenische Verkündigungssikone des Sinai und die zweite byzantinische Welle des 12. Jahrhunderts // Festschrift Herbert von Einem. B., 1965. S. 271–283. Taf. 69–70 / repr.; Idem. Studies in the Arts at Sinai. Princeton; New Jersey, 1982.

⁴³ Mango C. The Chalkoprateia Annunciation... P. 165–170.

⁴⁴ Лазарев В.Н. История... Табл. 81, 73; Cotsonis J. The Virgin with the "Tongue of Fire"... Fig. 14–16.

⁴⁵ Eustratiades S. 'H θεοτόκος... P. 11.

⁴⁶ Tatić-Djurić M. L'icone de Kyriotissa. P. 769, 771–772.

Иконография Богоматери-светильника или в качестве иллюстрации к Акафисту известна вплоть до XVIII в. В подобных образах, как правило, использовались типы Богоматери Кириотиссы или тронной Марии с младенцем перед чревом. Этот последний тип представлен, например, в образе Марии-светильника в росписях церкви св. Кириакии на Эгине (1680 г.)⁴⁷.

Тронная Богоматерь с младенцем перед чревом на семисвечнике в смирской рукописи выражает символику непорочного зачатия и воплощения Христа как источника спасительного света. Тем самым ветхозаветный образ светильника скинии подчеркивает и в иконографическом типе именно эти символические грани, фигура стоящего младенца являет образ материализации божественного луча.

На пятой из миниатюр мариологического цикла смирской рукописи на л. 165 (167) (рис. 5) в верхнем регистре изображена тронная Богоматерь с младенцем на левой руке в типе "ласкающей", известной по поствизантийским эпитетам Гликофилуса или Умиление, и процветший жезл Аарона на алтаре – в нижнем⁴⁸. Лист озаглавлен ἡ ῥάβδος Ἀαρὼν ἡ βλαστήσασα. Уподобление Богоматери жезлу символизировало в гимнографии и литургии воплощение Христа как произрастание и цветение. Жезл, возложенный на алтарь, означал предназначение Христа крестной жертве, жезл Аарона символизировал и достоинство Христа как первосвященника⁴⁹. Примечательно, что в тексте "Топографии" Космы Индикоплова в числе священных предметов скинии нет описания жезла, этот предмет привнесен иллюстратором рукописи XI в., что соответствовало общей тенденции этого времени к литургизации иконографии.

Именно эти три аспекта символики жезла помогают уточнить представление о значении иконографического типа "ласкающей" Богоматери. Это воплощение Христа, предначертанное в Ветхом завете, как произрастание; жертвенное предназначение младенца и, наконец, единение в любви Марии-церкви с Христом-первосвященником. Ласкание Марии и младенца отражает литературные образы лобзания как знака любви Бога к невесте невестной, и целование мира в литургии как единения верных в любви ко Христу⁵⁰.

Образ произрастания жезла тесно связан с темой генеалогии Христа и ветхозаветными пророчествами о воплощении от Девы. Многие памятники с изображением типа "ласкающей" Богоматери выражают эти идеи, например, икона из монастыря св. Екатерины на Синае "Богоматерь Киккотисса с пророками" раннего XII в.⁵¹ С другой стороны, расположение композиции миниатюры в два регистра отражало и тип иконографии, характерный для выносных двусторонних икон, связанных с литургическими крестными ходами. В частности, он известен по иконе "Владимирская Богоматерь" с изображением престола, креста и орудий страстей на оборотной стороне⁵². Жезл, возложенный на алтарь, в миниатюре смирской рукописи аналогично распятию, является символом крестного древа, орудия жертвы Христа⁵³. Это находит соответствие в изображении алтарного покрывала на троне Марии.

На шестой миниатюре на л. 166 (166 об.) (рис. 6) представлен Моисей перед

двумя вершинами Синая и Хорива, изображение которых почти совмещено⁵⁴. Лист озаглавлен τὸ συνά ὄρος ἡ ἀληθὴς θεωρία. Моисей изображен коленопреклоненным перед неопалимой купиной, а над вершиной горы – сегмент неба с благословляющей рукой Господа, что, вероятно, символизировало также вручение скрижалей завета на горе Хорив. В верхней части миниатюры в рамке помещена икона поясной Богоматери Одигитрии, которая представлена с головой, склоненной к младенцу. Изображение принадлежит к числу образов, воспроизводящих святое места теофаний у горы Синай.

Здесь Мария уподоблена не неопалимой купине, но горе, в данном случае Синайской. Этот образ, вновь почерпнут из гомиластики, гимнографии и литургии⁵⁵. Закономерно, что здесь избран другой иконографический тип, представлена не Богоматерь Кириотисса, но Одигитрия. К сожалению, мы не располагаем достаточным материалом, но есть основания полагать, что на Синае могла существовать местная традиция связывать именно изображение Одигитрии с образом Синайской горы и купины. Так, Д. Мурики опубликовала икону с изображением Богоматери Дексиократусы из синайского монастыря позднего XIII в. с плохо читаемой вотивной надписью, обращенной к Богоматери как к инструменту воплощения, в которой однако отчетливо видны эпитет ΠΥΡΦΟΡΟΝ и слово ΣΙΝΑ, написанные друг под другом⁵⁶. Иконографическое уподобление Марии горе, чаще известное в образе Богоматери Кириотиссы⁵⁷, бывает выражено и с помощью других иконографических типов, в частности, именно Одигитрии, например, в иллюстрации к псалму 77, 68–69 в Хлудовской псалтири, где изображена Богоматерь в образе Сиона⁵⁸.

На миниатюре смирской рукописи Богоматерь Одигитрия символизирует образ святой горы Синай, где Бог явился Моисею, т.е. святой земли, а также прообраз воплощения. Так, ветхозаветный образ подчеркивает здесь и в самом иконографическом типе Одигитрии символику священной горы теофании, святой земли и воплощения.

Еще две миниатюры мариологического цикла смирского фрагмента "Топографии" Космы Индикоплова опубликованы Е.К. Рединым и Г. Кесслером⁵⁹, их же снимки найдены и среди фотографий в архиве Н.П. Кондакова.

На л. 176 (176) (рис. 7) изображена стамна с манной небесной, по сторонам от нее Моисей и Аарон, а над ними – икона тронной Богоматери Одигитрии, представленной фронтально, которая окружена квадратной рамкой⁶⁰. Лист озаглавлен ἡ στάμνος ἐνθάτο μάνα. В соответствии с гомиластическими, гимнографическими образами и литургией ветхозаветная манна служила прообразом евхаристического артоса, а Богоматерь-стамна – образом домостроительства во имя грядущей жертвы⁶¹. Как уже говорилось выше, в иконографическом типе Одигитрии нашла отражение тема взаимосвязи воплощения и страстей Христа.

На этой миниатюре выделяется еще один аспект литургической символики типа тронной Одигитрии, Богоматери-стамны как вместилища евхаристического хлеба, образа литургического приношения, тела Христа. В цикле смирского фрагмента Космы эта миниатюра наглядно сопоставлена с изображением Богоматери Дек-

⁴⁷ Συγγρόπουλος Α. Θεοτόκος ἡ φωτοδόχος λαμπράς // ΕΕΒΣ. 1933. Vol. 10. P. 321–339. πλν 18–20; Tatić-Djurić M. L'icone de Kyriotissa. P. 768–769.

⁴⁸ Strzygowski J. Der Bilderkreis... S. 57. Taf. XXVIII.

⁴⁹ Baltoyanni Chr., Baltoyanni Ch. Icons... P. 17–21; Этингоф О.Е. К иконографии... С. 96–115 (там же см. библиографию).

⁵⁰ Этингоф О.Е. К иконографии... С. 96–115.

⁵¹ Sotiriou G. et M. Icônes du mont Sinaï Athènes, 1956–1958. Vol. 1–2. Pl. 54.

⁵² Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. М., 1995. Т. I: Древнерусское искусство X – начала XV века. С. 35–40. Кат. I.

⁵³ Этингоф О.Е. К иконографии... С. 96–115.

⁵⁴ Strzygowski J. Der Bilderkreis... S. 58. Taf. XXIX.

⁵⁵ Eustratiades S. 'Η θεοτόκος ... P. 53.

⁵⁶ Mouriki D. Variants of the Hodegetria on Two Thirteenth-Century Sinai Icons // Cah. Arch. 1991. Vol. 39. P. 162, 172–173, 180. Pl. 12.

⁵⁷ Tatić-Djurić M. L'icone de Kyriotissa. P. 764.

⁵⁸ Щепкина М.В. Миниатюры Хлудовской псалтири. М., 1977. Л. 79.

⁵⁹ См. примеч. 14–15.

⁶⁰ Редин Е.К. Христианская топография Козьмы Индикоплова... С. 271; Kessler H.L. "Pictures fertile with Truth" ... Pl. 8.

⁶¹ Eustratiades S. 'Η θεοτόκος ... P. 78.

синократусы (державшей полулежащего младенца – л. 163 (165 об.)), которое служит образом трапезы.

На л. 177 (179 об.) (рис. 8) в медальоне, помещенном в люнете над изображением скинии, представлен поясной образ Богоматери Дексиократусы⁶². В нижнем регистре внутри скинии в пролетах двойной аркады помещены следующие изображения: слева – скрижалей завета, справа – жезла Аарона, а посередине – стамны. Лист вновь озаглавлен ἡ ὁκρίη, далее текст содержит описание скинии с ее святынями. Тип Дексиократусы здесь почти в точности соответствует изображению Богоматери на предшествующей миниатюре (л. 162), где оно сопровождается тем же эпитетом. Вторично в цикле здесь подчеркивается один из наиболее общих аспектов жертвенной символики иконографического типа. Однако на этой миниатюре поясное изображение Марии, соотнесенное с конкретными святынями – атрибутами скинии, заключено в медальон как более камерное, частное, в отличие от образа тронной Богоматери, подобного алтарному.

Акцентированная литургическая направленность богородичного цикла, избранные иконографические типы Богоматери и символика миниатюр соответствуют развитию литургии и ее значительному влиянию на иконографию в XI в.⁶³ Литургия символизировала всю историю домостроительства спасения от Благовещения и зачатия Христа до его воскресения⁶⁴. В монументальной живописи и в иконописи можно усмотреть аналогичную последовательность различных иконографических типов Богоматери или определенное местоположение отдельных образов в церкви, которые также отражали литургическую символику.

Уже в росписях новой церкви Токали Килисе 920–940 гг. в Каппадокии образ "ласкающей" Богоматери помещен в нише слева от центральной апсиды жертвенника⁶⁵. Такое расположение этого образа, прямо связанного со страстной символикой, несомненно указывало на его сопоставление с жертвенником, ритуалом приготовления святых даров, приготовлением к евхаристии, целованием мира ходатайственной молитвой. В памятниках XI в. вновь встречается подобное расположение образов Богоматери близких иконографических вариантов и аналогичной символики.

В мозаиках кафоликона Осиос Лукас в Фокиде 1130-х годов помещено три крупных образа Богоматери: в конхе центральной апсиды и в двух люнетах на восточных стенах северной и южной капелл трансепта⁶⁶. Все три образа могут быть слева направо видны предстоящему, находящемуся в подкупольном пространстве. В центральной апсиде, как уже говорилось, представлена тронная Богородица с младенцем перед чревом, это изображение здесь соотнесено с текстом псалма 93 (92), 5: "Дому Твоему, Господи, принадлежит святость на долгие дни". Слева от апсиды (в северной капелле трансепта) изображена Богородица Одигитрия с полулежащим младенцем, а справа (в южной капелле) – Богородица Дексиократуса с младенцем, сидящим на ее руке со свитком как судия мира. Оба образа Марии симметрично обращены к центру, к алтарю, к главному образу Богоматери на троне в конхе апсиды, а младенец помещен ближе к подкупольному пространству, в

северной капелле справа, в южной – слева. По-видимому, расположение образов соответствует ходу литургии и движению процессии в храме, до и после евхаристии. Приблизительно его можно интерпретировать следующим образом. Первый образ слева с полулежащим младенцем Христом подобно миниатюре смирнского фрагмента (л. 163/165 об.) символизирует его предназначенность жертве, грядущие страдания и воскресение, что отвечало приготовлению святых даров в литургии или проскомидии. Центральный образ Богоматери на престоле в конхе должен был символизировать непорочное зачатие, воплощение, престол Премудрости, а также космический характер спасения; в литургическом аспекте – извлечение агнца из просфоры, что подчеркнуто изображением алтарного покрывала или синдона на троне Богоматери. И наконец, третий образ справа знаменует образ спасения человеческого рода благодаря искупительной жертве, принесенной Христом на земле, единственность двух природ Христа, выраженную образом младенца со свитком, восседающего на руке Богоматери и благословляющего раздачу святых даров в литургии, возможность для верных приобщиться к жертве через причащение в храме, а также завершение литургии. Как в миниатюрах смирнского фрагмента "Топографии" (л. 162 и 177/179 об.), Богородица уподобляется церкви, где Христос как первосвященник совершает литургию и приносит самого себя в жертву. Это подчеркивается разворотом фигуры младенца, обращенного не к предстоящему, но вправо почти в профиль к Марии-церкви. Примечательно, что Н.П. Кондаков видел в последовательности образов Богоматери в мозаиках Осиос Лукас воспроизведения чтимых византийских икон⁶⁷.

Росписи собора Софии в Охриде первого слоя (1037–1056) также включают три монументальных фресковых образа Богоматери: один в конхе апсиды и два на западной грани восточных предалтарных столбов⁶⁸. Все три образа видны одновременно при ориентации зрителя на восток в пространстве храма. В конхе апсиды представлена сидящая на троне Богородица с младенцем в мандорле или овальном медальоне, который она держит двумя руками перед грудью, т.е. тронная Богородица Никопея⁶⁹. Слева на северо-восточном столбе, согласно убедительной реконструкции П. Мильковича-Пепека, сохранился фрагмент изображения варианта типа Взыграние или "ласкающей" Богоматери, которая целует руку полулежащего младенца Христа с обнаженными перекрещенными ножками⁷⁰. Справа на юго-восточном столбе представлена Богородица на троне с младенцем, восседающим на ее коленях как на престоле со свитком и благословляющим жестом. Комбинация трех образов Марии здесь иная, каждый из избранных иконографических типов вносит новые оттенки символического смысла⁷¹. Однако основная трехчастная композиция, состоящая из центрального образа в конхе и двух парных – справа и слева (как бы до евхаристии и после нее) сходна с аналогичной последовательностью в кафоликоне Осиос Лукас как и ее общий символический смысл. Образ ласкающей Марии, целующей руку полулежащего младенца, подобно миниатюре смирнского фрагмента (л. 163/165 об.), символизирует предвидение жертвы,

⁶² Редин Е.К. Христианская топография Козьмы Индикоплова... С. 269; Kessler H.L. "Pictures fertile with Truth"... Pl. 9.

⁶³ Walter Chr. Art and Ritual of the Byzantine Church. L., 1982; Spieser J.-M. Liturgie et programmes iconographiques // Travaux et mémoires. 1991. Vol. 11. P. 575–590.

⁶⁴ Schulz H.-J. Die byzantinische Liturgie. Vom Werden ihrer Symbolgestalt. Freiburg im Breisgau, 1964; Taft R.F. The Byzantine Rite. A Short History. Collegeville, 1992.

⁶⁵ Wharton A.J. Art of Empire. Painting and Architecture of the Byzantine Periphery: A Comparative Study of Four Provinces. University Park, L., 1988. P. 28, 30. Fig. 2, 10.

⁶⁶ Diez E., Demus O. Byzantine Mosaics in Greece. Cambridge, 1931. Fig. 13, 20, 21; Chatzidakis N. Hosios Loukas. Athens, 1977. P. 24, 42–43. Pl. 10.31–32. О датировке см.: Mouriki D. The Mosaics of Nea Moni on Chios. Athens, 1985. Vol. 1. P. 259.

⁶⁷ Кондаков Н.П. Иконография Богоматери. Т. 2. С. 254.

⁶⁸ Grabar A. Les peintures dans le chœur de Sainte-Sophie d'Ochrid // Cah. Arch. 1965. Vol. 15. P. 262–263; Miljković-Peppek P. La fresque de la Vierge avec le Christ du pilier situé au nord de l'iconostase de Sainte Sophie à Ochrid // Akten des XI Internationalen Byzantinistenkongresses. München, 1958. München, 1960. S. 388–391.

⁶⁹ Tatić-Durić M. Bogorodica Nikopeja // I Kongress saveza društava povjesničara umjetnosti SFRJ. Zbornik Radova. Ohrid, 1976. S. 39–52; Seibt W. Der Bildtypus der Theotokos Nikopoios. Zur Ikonographie der Gottesmutter-Ikone, die 1030/31 in der Blachernen-Kirche wiederaufgefunden wurde // Byzantina. 1985. T. 13. P. 551–561; Idem. Die Darstellung der Theotokos auf Byzantinischen Bleisiegeln, besonders im 11. Jahrhundert // Studies in Byzantine Sigillography. Washington, 1987. P. 43–46.

⁷⁰ Miljković-Peppek P. La fresque de la Vierge... P. 388–391.

⁷¹ Лидов А.М. Образ "Христа-архидиакона" в иконографической программе Софии Охридской // Зограф. 1987. Т. 17. С. 5–20.

приготовление святых даров в литургии и целование мира. Центральный образ Богоматери на престоле в конхе выражал, прежде всего, идеи воплощения, престола Премудрости, единосущности природ Христа и его теофании в мандорле света, спасительной жертвы, извлечения агнца из просфоры, что также акцентировано изображением алтарного покрывала на престоле. Третье изображение Богоматери справа, вновь тронное, знаменует собой образ спасения через жертву Христа, божественное достоинство восседающего Пантократора, раздачу святых даров, окончание литургии.

На иконе из монастыря св. Екатерины на Синае рубежа XI–XII вв. над сценами христологического цикла (чудес и страстей) помещен регистр с изображениями знаменитых чудотворных икон Богоматери, святынь Константинополя⁷². Он включает в центре образ тронной Богоматери с младенцем перед чревом без эпитета с сокращением МРΘΥ. По сторонам представлены: "ласкающая" Богородица с эпитетом Влахернитисса (икона Влахернской церкви), Одигитрия (икона церкви монастыря Одигон), Богородица заступница Агиосоритисса (икона капеллы Агия Сорос Халкопратийской церкви) и еще один образ Богоматери заступницы с эпитетом Химеутисса (икона Константина Багрянородного из церкви св. Дмитрия в Большом дворце)⁷³. Однако симметричное расположение образов Марии в этом регистре также может быть истолковано в качестве символов литургического чинопоследования подобно монументальным циклам, хотя и выстроенное в иной последовательности и с иными акцентами. Здесь иконы объединены парами: слева – "ласкающая" Богородица и Одигитрия, а справа – две иконы Богоматери заступницы. По-видимому, два первых образа слева символизировали предназначенность младенца жертве, предуготовление святых даров в литургии, а образы справа – ходатайствованной молитвы на литургии, возношение молитв церкви к Христу и Богу Отцу за спасительное причащение жертве и окончание литургии.

Итак, цикл миниатюр с ветхозаветными образами и "иконами" Богоматери в смирнском фрагменте "Топографии" следует тексту Космы Индикоплова, описывающему ветхозаветную скинию. Ветхозаветные символы служат знаками новозаветного святилища, так как скиния является прообразом новозаветной церкви, а жертвоприношение в ней – литургии. Это последовательно связывает все изображения Богоматери в цикле с литургической символикой. Почти все миниатюры изображают Богородицу на троне, покрытом алтарным покрывалом, что выделяет как сквозную тему всего цикла идею Богоматери-престола божественной Премудрости, послужившего воплощению. Этот образ смыкается и с жертвенной символикой, выраженной в изображениях Богоматери-трапезы, Богоматери-стамны и жезла Аарона на алтаре. Престол знаменует собой не только трон, но и жертвенник. Общий для всего цикла акцент на жертвенной символике звучит и в образе тронной Богоматери с младенцем перед чревом как подобия просфоры.

В смирнском фрагменте Космы Индикоплова изображены две группы образов Богоматери: 1) тронной Марии с младенцем на коленях перед чревом; 2) варианты Марии с младенцем на руке (слева или справа) – Одигитрия, Дексиократуса и "ласкающая" Богородица. В образах тронной Марии с младенцем перед чревом ветхозаветные символы Ноева ковчега и семисвечника подчеркивают космологический смысл воплощения как спасения человеческого рода, непорочность зачатия Девой наитием Святого Духа, образ Девы как вместилища божественного света, а также извлечение агнца. Образы Одигитрии, Дексиократусы и "ласкающей" Богоматери последовательно раскрывают различные грани жертвенной

символики этих типов, примечательно, как показала Н. Шевченко, иконы именно этой группы особенно широко использовались в литургии⁷⁴. Ветхозаветные символы скинии, трапезы, жезла Аарона, стамны в миниатюрах смирнской рукописи служат выражению литургического символизма. Повторяем, что образ Богоматери-жезла привнесен в цикл иллюстратором, текст рукописи его не содержит. Каждый из символов акцентирует и другие грани значения богородичной иконографии. Образ Богоматери-трапезы Дексиократусы с полулежащим младенцем символизирует смерть Христа и его воскресение. Образ "ласкающей" Богоматери-жезла подчеркивает тему божественной любви и единосущность Христа-жертвы и Христа-первосвященника. И наконец, Богородица-гора в образе Одигитрии, возможно, была связана с местной традицией синайского монастыря почитания святого места ветхозаветной теофании. Богородичный цикл смирнского фрагмента находит параллели среди известных комбинаций образов Богоматери в монументальной живописи и иконописи XI в. Последовательность основных иконографических типов Богоматери и их вариантов, по-видимому, могла одновременно представлять собой и цикл списков со знаменитых чудотворных икон Константинополя подобно мозаикам Оснос Лукас и иконе из Синайского монастыря. Рассмотрение этой проблемы – задача следующего исследования.

⁷² Sotiriou G. et M. Icônes... Vol. 1–2. P. 125–128. Pl. 146–149; Babić G. Il modello e la replica nell'arte bizantina // Arte christiana. 1986. N 724. P. 61–78.

⁷³ Zervou Tognazzi I. L'Iconografia e la "Vita" delle miracolose icone della Theotokos Brefokratoussa: Blachernitissa e Odighitria // Bolletino della Badia Greca di Grottaferrata. N.s. 1986. Vol. 40. P. 224–225, 230, 263–264.

⁷⁴ Patterson Ševčenko N. Icons in the Liturgy // DOP. 1991. Vol. 45. P. 45–58.

Ю.А. Пятницкий

КТО ИЗОБРАЖЕН НА ВИЗАНТИЙСКОЙ ПОРТАТИВНОЙ МОЗАИКЕ ИЗ СОБРАНИЯ ЭРМИТАЖА

Портативные мозаичные иконы являются одним из самых изысканных и утонченных видов византийского художественного творчества. Набранные из мельчайших кубиков разнообразных минералов и тончайших металлических пластинок (чаще всего серебряных или медных позолоченных), украшенные драгоценными чеканными или филигранными окладами, нередко с включением эмалей, они поражают богатством художественных решений и ювелирной техникой исполнения. Именно миниатюрные мозаичные иконы, как нельзя более наглядно, отражают утонченное и изысканное искусство рафинированного двора византийских василевсов.

На сегодняшний день известно 49 мозаичных икон в разных собраниях мира¹. В музеях России хранятся четыре иконы, из них три – в Эрмитаже. Это хорошо известные специалистам и широкой публике – "Св. Феодор Стратилат", "Четыре святителя" (обе датируются первой половиной XIV в.) и икона, сюжет которой по традиции определяли как изображение "Пророка Самуила" (датировалась концом XIII в.). Предмет нашей заметки – именно данный памятник.

Икона (инв. № 0-30) имеет прямоугольную, вытянутую по вертикали форму, размером 21,7 × 13,5 см. Она исполнена мозаичным набором на восковой основе. В настоящее время икона смонтирована на шиферную пластину, которая не является первоначальной. По краям икона обложена бронзовой рамкой, которая в данном случае играет ту же роль, что и ковчег в деревянной основе. Время перенесения мозаики на шифер, по некоторым соображениям, около 1864 г. Она была реставрирована и переведена на шифер Альфредом Корпле, художником и скульптором, одновременно с мозаичной иконой "Преображение" из коллекции Лувра.

Кубики оригинальной мозаики расположены довольно свободно, в так называемой разряженной системе набора. Воскомастичный грунт слегка подкрашен в тон набора. Толщина грунта неодинаковая, колеблется от 10 до 16 мм. Поверхность мозаики неровная. Лики и руки святого (так называемое личное письмо) набраны из мраморных кубиков бело-розовых тонов; по контурам набор из ярко-красных кубиков. Одежды выполнены коричневыми и черными минералами, в светах желтовато-зелеными. Золотые разделки на складках хитона набраны из позолоченных медных пластинок. Контур фигуры выделен линией из черных кубиков. В остатках фона обнаружены разрозненные тонкие серебряные пластинки с позлотой. Орнаментальное обрамление из крупных крестов исполнено масляной краской по воску и, по-видимому, относится к реставрации около 1864 г., поскольку полностью имитирует орнамент луврской иконы "Преображение". Следов мозаичного набора в этой части иконы не наблюдается.

Сохранность иконы удовлетворительная, хотя по ней проходят три большие сквозные трещины и сеть мелких. Практически полностью утрачены металлические

пластинки фона вокруг верхней части фигуры святого. От них остались лишь незначительные фрагменты и, мы особенно подчеркиваем этот факт, следы-отпечатки в восковой основе. Также имеются частичные утраты мозаичного набора на нимбе, в одеждах. Фрагментарно сохранился лазуритовый картуш с именем изображенного святого.

В Эрмитаже икона реставрировалась в 1958 г. П.И. Костровым и в 1976–1977 гг. Т.И. Василенко. В основном проводились укрепляющие работы.

Данная мозаичная икона поступила в Эрмитаж в 1885 г. в составе знаменитого собрания А.П. Базилевского, купленного в Париже царским правительством специально для пополнения коллекций Эрмитажа. Многие годы она практически была единственным, наряду с мозаичной иконой "Св. Феодор" памятником византийского изобразительного искусства в нашем прославленном музее. Впервые она была описана А. Дарселем в 1874 г. в каталоге коллекции А.П. Базилевского², где изображенный святой был отождествлен с пророком Самуилом, и А. Дарселем было приведено прочтение фрагментов надписи, в которой он увидел имя пророка, расположенное в две строки: САМ/ОИПЛ. Это описание и отождествление было повторено Е. Мюнтцом в специальной статье 1886 г. о византийских портативных мозаиках³, Н.П. Кондаковым в "Каталоге Средневекового отделения Эрмитажа" в 1891 г. и вошло во всю научную и популярную литературу⁴.

Датировка иконы эволюционировала от X–XII вв. (Н.П. Кондаков) до конца XIII в. (В.Н. Лазарев, А.В. Банк, И. Фурлан). Атрибуция памятника концом XIII в., данная В.Н. Лазаревым в обобщающей работе по истории византийской живописи⁵, была принята в научной литературе практически без изменений. Однако мозаика не подвергалась тщательному изучению, а ее датировка и определение сюжета являлись в значительной степени данью традиции, а не результатом объективного научного анализа. В 1990 г. при обработке иконы для каталога выставки "Византия. Балканы. Русь. Иконы конца XIII – первой половины XIV в." (М., 1991) нами были высказаны сомнения в традиционной атрибуции. Последующее изучение памятника подтвердило обоснованность этих сомнений. В данной работе мы попытались выяснить, кто же изображен на мозаичной иконе.

Внутри двойного орнаментального обрамления из крестов представлен святой, стоящий в рост, в трехчетвертном повороте. Он обращен вправо к сегменту с благословляющей десницей, помещенной в правом верхнем углу иконы. Руки святого молитвенно подняты, а голова слегка опущена, так что взгляд направлен немного вниз. Святой облачен в оливковый плащ с светлыми линиями складок и в желто-охристый с золотыми разделками хитон. На ногах – сандалии. Густые светло-каштановые, без седины, волосы длинными прядями спадают на плечи и спину. Борода и усы темно-коричневые, почти черные. Все это свидетельствует, что на иконе изображен мужчина средних лет. Данное описание характерно для изображений Иоанна Предтечи, который обычно имеет именно такой иконографический типаж – святой средних лет, с бородой и усами более темными, чем волосы; с "космами" коричневых волос, спадающих на плечи; облаченный в хитон (или власяницу) и плащ. В качестве примеров можно указать мозаики собора св. Софии (XII в.?) и Фетхие джами (начало XIV в.) в Стамбуле, фигуру Иоанна в сцене "Крещение" на мозаичном диптихе во Флоренции (первая треть XIV в.)⁶, фигуру в

² Darsel A., Basilewsky A. La Collection Basilewsky. P., 1874. N 79.

³ Muntz E. Les mosaïques byzantines portatives // Bulletin monumental. Caen, 1886. Vol. LII. P. 237–238.

⁴ Библиографию см.: Византия. Балканы. Русь. Иконы конца XIII – первой половины XIV веков. М., 1991. № 4.

⁵ Лазарев В.Н. История византийской живописи. М.; Л., 1947. Т. I. С. 169 (переиздание: М., 1986. С. 129; далее ссылки только на это переиздание).

⁶ Лазарев В.Н. История... Илл. 297, 485, 504.

¹ Furlan I. Le icone bizantine a mosaico. Milano, 1979, N 1–44; Demus O. Die byzantinischen Mosaikikonen. I. Die grossformatigen Ikonen. Wien, 1991. N 1–13.

сцене "Страшный суд" на фреске в Кахрие джами (первая половина XIV в.)⁷, живописные иконы св. Иоанна Предтечи в монастыре св. Екатерины на Синае (XIII–XIV вв.)⁸, в коллекции Эрмитажа⁹, в частном собрании в Лондоне (ок. 1300 г.)¹⁰, мозаичную икону Иоанна Предтечи в сокровищнице собора св. Марка в Венеции (первая половина XIV в.)¹¹.

Напротив, пророк Самуил изображается старцем с длинной бородой, а его обычные атрибуты – рог с елеем и кадилница¹². Таким он представлен, например, на иконе XII в. из монастыря св. Екатерины на Синае¹³, на серебряном окладе иконы XIV в. в Охриде¹⁴, в мозаиках Кахрие джами в Стамбуле¹⁵, фреске Мануила Панселиноса в Протате на Афоне¹⁶. Таким образом, по иконографическим признакам было бы более логичным считать, что на иконе Эрмитажа представлен св. Иоанн Предтеча.

Первая атрибуция иконы, данная А. Дарселем, основывалась на фрагментах надписи с именем святого. Насколько было верно это прочтение? К счастью, несмотря на значительные утраты металлических пластинок, из которых было выложено имя святого, остался нетронутым реставрациями восковой грунт в этой части иконы. В нем хорошо видны, особенно при специальном освещении, отпечатки выпавших пластинок. На основе изучения этих отпечатков и дошедших до нас фрагментов надписи, можно констатировать, что имя святого было помещено в ярко-синем лазуритовом картуше и состояло из трех слов, расположенных друг под другом. Надпись начинается со значка придыхания перед остатками гласной буквы "О", которая составляет основу первого слова. Очень явственно читается нижележащая строчка с традиционным сокращением имени Иоанн – "ω". Далее вновь следует сохранившийся значок придыхания, и по отпечаткам восстанавливается буква "О". Ниже этой строчки видны отпечатки монограммы ΠΡΟΔΡΟΜΟΣ в самом естественном варианте. Реконструкция этой монограммы, так же как всей надписи в целом, стала возможной в результате работы с микроскопом с различными вариациями бокового освещения. В результате тщательного анализа сохранившихся фрагментов и следов-отпечатков от пластинок в восковом грунте удалось восстановить надпись на мозаичной иконе Эрмитажа в следующем виде:

Ὁ... / ω' / ο / ρ

Следует подчеркнуть, что в ней применены традиционные сокращения имени "Иоанн" и монограмма "Предтеча", которые имеют многочисленные параллели в сохранившихся памятниках византийского искусства. Таким образом, прочтение, предложенное в свое время А. Дарселем, не подтверждается ни сохранившимися

фрагментами букв, ни аналогиями. В то же время предложенная нами реконструкция более соответствует реально сохранившимся фрагментам, следам-отпечаткам, пропорциональным соотношениям картуша и размеченных в нем букв.

Сомнения в правильности отождествления святого на эрмитажной мозаике возникли и ранее. Например, мы обнаружили запись в архивном экземпляре каталога А. Дарселя, который служил в 1885 г. передаточной описью коллекции А.П.Базилевского. Против названия иконы кем-то были проставлены карандашом вопросительные знаки и приведены отдельные буквы надписи:

Ο Α
Ι
Ν

Как видим, они совпадают с нашим прочтением. Таким образом, на основе иконографических особенностей изображения и реконструкции надписи можно считать, что на иконе Эрмитажа представлен не пророк Самуил, а Иоанн Предтеча.

В некоторой степени ошибке в определении святого способствовало редкое иконографическое решение иконы: Иоанн Предтеча изображен перед благословляющей десницей. Поэтому икона не могла быть частью Деисуса. Наличие благословляющей десницы делает весьма проблематичным наличие средника с изображением Иисуса Христа. На наш взгляд, мозаика Эрмитажа могла быть частью диптиха. На другой створке могло помещаться изображение Богоматери или святого пред десницей Господа. Аналогичное композиционное решение мы видим в мозаичных иконах "Св. Георгий" и "Св. Димитрий" в монастыре Ксеноф на Афоне¹⁷. Святые представлены в рост, в пол-оборота, обращенными в молитвенной позе к Христу, благословляющему их из сегмента. В этом аспекте вызывает интерес также живописная икона Богоматери из собрания Исторического музея в Москве. Она небольшая по размерам (33,5–24,3 см) и являлась частью диптиха. Мария изображена по пояс, со сложенными на груди руками (тип условно назван Скорбящая Богоматерь). В правом верхнем углу иконы написан сегмент с полуфигурой благословляющего Христа. В первой публикации памятник был отнесен к XIII – первой четверти XIV в.¹⁸ Затем Е.Б. Громова пересмотрела атрибуцию и датировала его концом XII – началом XIII в., одновременно предположив, что фигура Христа была написана в конце XIV в., после того, как была утрачена вторая икона диптиха – "Распятый Христос"¹⁹. Между тем нетрадиционное иконографическое решение этой иконы (внешнее отсутствие логической связи между Христом и Марией, голова которой опущена и взгляд направлен вниз) того же порядка, что и композиция эрмитажной мозаики с изображением Иоанна Предтечи. Можно указать также икону "Богоматерь Агиосоритисса" (вторая половина XI в.) из монастыря Махаира на Кипре²⁰, где Мария изображена в трехчетвертном повороте, с опущенной головой и направленным на молящегося взглядом, но с молитвенно поднятыми руками к сегменту в левом верхнем углу, в котором представлена фигура благословляющего Христа. Аналогичная композиция имеется на хорошо известной иконе "Св. Иаков" (третья четверть XIII в.) из монастыря Иоанна Богослова на Патмосе²¹. Таким образом, иконографическое решение эрмитажной мозаичной иконы с изображением Иоанна Предтечи пред благословляющей

⁷ Underwood P.A. The Kariye Djami. N.Y., 1966. Vol. 3. P. 374.

⁸ Sotiriou G. et M. Icones du Mont Sinai. Athènes, 1956. T. I. N 120, 218, 219.

⁹ Искусство Византии в собраниях СССР. М., 1977. Вып. 3. № 939, 942, 943.

¹⁰ Cormack R., Mikalarias S. Two Icons More of Less Byzantine // Apollo. 1986. July. P. 6–10. Pl. I; Byzantium. Treasures of Byzantine Art and Culture from British Collections / Ed. by D. Buckton. L., 1994. P. 192–193, N 206.

¹¹ Furlan I. Le icone... N 33.

¹² Дионисий Фурноаграфот Ерминия или наставления в живописном искусстве // Труды Киевской Духовной Академии. Киев, 1868. Т. 2. С. 560. № 81.

¹³ Weitzmann K. A Group of Early Twelfth-Century Sinai Icons Attributed to Cyprus // Studies in the Arts at Sinai. New Jersey, 1982. N 23.

¹⁴ Grabar A. Les revêtements en or et en argent des icônes byzantines des Moyen Age. Venise, 1975. Pl. XVII.

¹⁵ Underwood P.A. The Kariye Djami. Vol. 2. P. 83a.

¹⁶ Millet G. Monuments de l'Athos. P., 1927. Pl. 8. N 5.

¹⁷ Demus O. Die byzantinischen mosaikikonen. S. 26–28, N 4.

¹⁸ Овчинникова Е.С. Московский вариант "Богоматери Боголюбской" // Древнерусское искусство. Зарубежные связи. М., 1975. С. 343–345.

¹⁹ Громова Е.Б. Византийская икона Богоматери из собрания Государственного Исторического музея // Музей. М., 1986. № 6. С. 76–83.

²⁰ Sophocleous S. Icons of Cyprus 7th–20th Century. Nicosia, 1994. N 4.

²¹ Vokotopoulos P. Byzantine Icons. Athens, 1996. N 73.

десницей относится к редкому типу, однако встречающемуся на византийских памятниках средневизантийского и палеологовского времени.

Исходя из изучения мозаичной иконы Эрмитажа, мы пришли к выводу, что на ней изображен св. Иоанн Предтеча, представленный не как аскет-пустынник, а как пророк. Отожествление святого соответствует как иконографической традиции изображения Иоанна Предтечи, так и сохранившимся фрагментам сопроводительной надписи на самой мозаике. Икона, по-видимому, являлась створкой диптиха, что соответствует редкому композиционному решению изображения Иоанна перед благословляющей десницей. В данном сообщении мы сознательно обошли молчанием еще два существенных вопроса в атрибуции эрмитажной мозаики: где и когда она была исполнена. Если раньше достаточно безоговорочно все портативные византийские мозаики считались исполненными в придворных константинопольских мастерских, то сегодня это положение уже не выглядит столь категоричным. По нашему мнению, кроме Константинополя, портативные мозаики могли также изготавливаться в Италии. Однако это уже сюжет дальнейшей работы, результаты которой мы надеемся представить в недалеком будущем²².

В.Г. Пуцко

БРОНЗОВЫЙ КИОТНЫЙ КРЕСТ ИЗ ХЕРСОНЕСА (Византийско-киевская металлопластика начала XIII в.)

Бесспорно, самым известным и примечательным изделием киевских мастеров художественного литья первой трети XIII в. является крест-энколпион с "зеркальными" надписями, представленный большим количеством разновременных экземпляров, указывающих на его популярность (рис. 1а, б). И, напротив, уникальным остается шестиконечный бронзовый крест из Херсонеса, тип которого определен как киотный (рис. 1в). Оба произведения давно заслуживают анализа в контексте художественных явлений, отражающих общий характер культуры Византии и Руси на рубеже XII–XIII вв.

Шестиконечный крест обнаружен в 1940 г. в квартале XVII Северного района Херсонеса и начиная с 1950 г. неоднократно издан, главным образом в работах по археологии средневекового Крыма¹. В литературу он вошел с датировкой первой половиной XIII в. Была сделана попытка соотнести его с изделиями русского происхождения². В результате этого предложен следующий вывод: "Херсонесский крест, исполненный в византийской стилистической традиции, но в иконографии своей отразивший национальное самосознание новой православной церкви, является первой реальной точкой отсчета в типологическом ряду русских меднолитых аналойных крестов"³. Но даже вне зависимости от этого указанный крест важен как входящий в группу изделий, анализ которых позволяет обсуждать вопрос о работе на Руси, и прежде всего в Киеве, квалифицированных византийских ремесленников рубежа XII–XIII вв.

Крест, размером 24,0 × 9,5 см (толщина отливка 0,4 см), из желтой бронзы, изготовлен в односторонней литейной форме. С лицевой стороны украшен рельефными изображениями и надписями; часть изображений выполнена в технике прорезного литья (рис. 1в). Тип шестиконечного креста (с верхней малой перекладиной), известный в Византии и на Западе с VII–VIII вв., становится популярным в XII в.; на Руси он представлен изображениями на актовых печатях, на камнях, а также воздвигальными крестами XII–XIII вв.⁴ Последние сближаются по форме с выполненными в технике литья (крест Авраамия Ростовского, известен по копии XIV в.; крест 1181 г. из с. Яксманичи в Галиции). Херсонесская находка типологически сходна с названными произведениями, но вместе с тем отличается услож-

¹ *Якобсон А.Л.* Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.). М.: Л., 1950 (МИА. Вып. 17). С. 35. Рис. 2а; *Белов Г.Д., Якобсон А.Л.* Квартал XVII (раскопки 1940 г.) // Материалы по археологии юго-западного Крыма (Херсонес, Мангуп). М.: Л., 1953 (МИА. Вып. 34). С. 147. Рис. 30; *Корзухина Г.Ф.* О памятниках "корсунского дела" на Руси. (По материалам литья) // ВВ. 1958. Т. XIV. С. 135–136. Табл. IV(1); *Византийский Херсонес. Каталог выставки.* М., 1991. № 156. С. 148–149.

² *Стерлигова И.А.* Киотный крест из Херсонесского музея и русские меднолитые киотные кресты XII–XIV вв. // Древнерусская скульптура: Проблемы и атрибуции. Сб. статей. М., 1993. Вып. 2, ч. 1. С. 4–19.

³ Там же. С. 13.

⁴ *Пуцко В.* Крыж Еуфрасіньї Полацкай і ўзьявіжальныя крыжы XII–XIII стст. // Полацк (Кліўленд). 1992. № 4(14). С. 12–17.

²² *Пятницкий Ю.А.* Новая атрибуция византийской портативной мозаики из собрания Эрмитажа // Эрмитажные чтения памяти В.Ф. Левинсона-Лессинга. Краткое содержание докладов. СПб., 1998. С. 39–41.

ненными формами, главным образом за счет введенных в общую композиционную схему двух фигур предстоящих и четырех полуфигур ангелов. Изделие явно предназначено для укрепления на плоскости: скорее всего крест был врезан в доску, как это позже было принято делать у русских старообрядцев⁵.

Плоскость лицевой стороны креста в значительной мере заполняет крупная центральная фигура распятого Христа, удлинённых пропорций, с тонкими, прогнутыми в локтях руками, несколько изогнутым торсом, головой склоненной к правому плечу; бедра покрывает длинная, собранная в мелкие прямые складки, повязка, оставляющая открытыми изогнутые в коленях ноги, соединённые пятками. Крестное древо обозначено только сверху (с геометрическим орнаментом, а на малой перекладине монограммы в несколько необычной форме – ХС IC) и внизу, где рельефно выступающим валиком очерчены основание, а также наклонная перекладина-подножие. Подобным валиком обозначен и нимб вокруг головы Христа, с обычным крестчатым делением. У подножия крестного древа профильное изображение человеческого лица, обращенного кверху (Глава Адама). В композицию Распятия входит расположенная в левой части изделия, помещенная под большой перекладиной креста опирающаяся на кронштейн (трактованный в виде растительного побега) фигура скорбящей Богоматери; ей соответствовала утраченная фигура Иоанна Богослова. К общей иконографической схеме следует отнести и полуфигуры двух скорбящих ангелов с покрытыми одеждой руками. Иконография Распятия в целом сходна с фреской Богородичной церкви в Студенице, датируемой 1208–1209 гг., но более архаична по сравнению со Златыми вратами суздальского собора, изготовленными около 1230 г.

В верхней части креста представлена Этимасия – массивный трон с возвышающимися над ним шестиконечным крестом и орудиями страданий (копье и трость с губкой); по сторонам находились прорезные полуфигуры поклоняющихся ангелов (в жесте адорации), укрепленные на верхней перекладине (сохранилась лишь одна, в левой части изделия).

В иконографическую схему киотного креста также включены рельефные изображения избранных семи святых, шесть из которых поясны. На верхней перекладине в левой ее части представлены князья Борис и Глеб: в княжеских шапках, с крестом в правой руке и левой в жесте адорации; в правой части – Василий Великий и Григорий Богослов, в обычном иконографическом типе. Сопроводительные надписи воспроизведены в зеркальном виде, но все же легко могут быть прочтены как: БОРС, ГЛѢБ, ВАСН, ГРНГ (буквы расположены колонками). На концах большой поперечной перекладины полуфигуры двух первоверховных апостолов, с сопроводительными надписями: ПЕТАР, ПАВѢЛЪ. Над простертыми руками распятого Христа рельефные надписи, относящиеся к скорбящим ангелам: МНХАНЛЪ, ГАВРН. Ниже, под руками, ОБ – над Богоматерью, и Іω – над прежде существовавшей фигурой Иоанна Богослова. В нижней части изделия, под Распятием, находится фигура в рост святителя, со свитком в левой руке, с колончатой сопроводительной надписью: ЛАЗАРО. По периметру киотного креста рельефный бортик, а на левом конце большой перекладины сохранилась полоска с выпуклыми шариками, имитирующая жемчужную обнизь. Следует заметить, что над Этимасией находятся мелкие рельефные монограммы Христа точно с таким же расположением как и на дощечке в верхней части крестного древа. Следовательно, о недосмотре говорить невозможно.

Уплощенный рельеф украшающих крест изображений отличается удивительной пластичностью, свидетельствующей о высоком мастерстве автора модели, выполнившим каменную литейную форму. Тонко моделированы мышцы Христа, лик

Богоматери, складки одежд. Славянские сопроводительные надписи нанесены были на каменную основу в "позитивном" виде, можно было бы думать, по ошибке, если бы точно такая же деталь не отличала столь хорошо известный тип крестов-энколпионов, образцы которых, кстати, обнаружены в Херсонесе в непосредственной близости от описываемого изделия.

Включение в число украшающих крест изображений образов апостолов Петра и Павла, равно как Василия Великого и Григория Богослова, представляется вполне объяснимым. Изображения Бориса и Глеба – свидетельство распространения их почитания на русских землях на рубеже XII–XIII вв. Праведный Лазарь четверодневный, согласно византийской иконографической традиции, представлен в фелоне и омофоре как епископ Кипра. Его включение в иконографическую программу киотного креста скорее всего обусловлено фактом воскрешения Христом, тем самым удостоверившим реальность грядущего общего воскресенья. Не исключено, что эта модель креста предназначалась для помещения над местом захоронения и в таком случае подбор святых имел особый смысл: это предстатели перед Праведным Судьей, претерпевшим крестные страдания за спасение человечества.

Херсонесский киотный крест как произведение металлопластики вызывает не только восхищение, но и некоторые недоумения. К сожалению, об его модели приходится судить главным образом по единственному экземпляру, дошедшему без ряда деталей и с заметно поврежденным коррозией рельефом. Обломы в правой части изделия не позволяют усомниться в том, что фигура Иоанна Богослова первоначально существовала; относительно ангелов можно говорить с учетом копии (рис. 2). Однако остается неясным, почему именно крест имеет отчасти деформированный вид: особенно заметно искривление вертикальной части, как бы изломанной в средокрестье. Это особенность модели или только лишь побывавшего в пожаре экземпляра? Два небольших фрагмента из Подиепровья (один из Княжей горы), давно известные в литературе⁶, могут лишь косвенно указать на принадлежность модели к киевскому кругу изделий. Иные выводы позволяет сделать хранящийся в Археологическом музее в Киеве бронзовый крест аналогичной формы, обнаруженный на глинобитном полу под развалом стен дома в Судак⁷ (рис. 2а, б). Он отлит не только с использованием той же модели, но и, похоже, херсонесского экземпляра, имевшего несколько лучшую сохранность. Благодаря этому оказывается возможным реконструировать некоторые детали, утраченные вследствие механических повреждений (правая оконечность большой поперечной перекладины, полуфигура ангела в правой части на верхней перекладине). Заплывший рельеф судакской находки – свидетельство получения отливки в глиняной форме по оттиску готового изделия; в этом убеждает и фактура оборотной стороны креста, не подвергнутой обработке, равно как и рельеф лицевой. Отсутствие фигуры предстоящего Иоанна Богослова, судя по округленному выступу, повторяющему с поразительной точностью облом кронштейна херсонесского оригинала, было изначальным. Следовательно, копия изготовлена с имевшего утраты оригинала. Время ее выполнения явно более позднее, скорее всего в XIV в., когда на территории Золотой Орды появляется большое количество воспроизведений киевских бронзовых крестов-энколпионов XII–XIII вв.⁸

Все особенности иконографии и стиля херсонесского киотного креста находят параллели в византийских памятниках рубежа XII–XIII вв., а манера исполнения не

⁶ Каталог украинских древностей коллекции В.В. Тарновского. Киев, 1898. С. 11. Табл. (№ 77).

⁷ Фронджало М.А. Раскопки в Судак // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. Киев, 1974. С. 144–145. Рис. 8.

⁸ Подробнее см.: Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978.

⁵ Kirchenschatze des christlichen Ostens: Metallikonen. Recklinghausen, 1986. № 175, 176, 176a.

оставляет сомнений в том, что это изделие весьма квалифицированного константинопольского ремесленника. Этому выводу не противоречат воспроизведенные в зеркальном виде славянские сопроводительные надписи с эпиграфическими признаками раннего XIII в.: изделие изготовлено в Киеве вскоре после захвата крестовосцами византийской столицы в 1204 г., когда здесь оказались и первоклассные резчики по камню⁹.

Если присмотреться к херсонесской находке, можно обнаружить достаточно точек соприкосновения с продукцией киевских ремесленников первой четверти XIII в., работавших в традициях византийской столицы. Это обстоятельство надо учесть прежде всего потому, что никогда больше греческие мастера не оставляют так много следов своей деятельности в области металлопластики средневековой Руси, как в этом случае. О некоторых из них стоит сказать конкретнее, поскольку важно представить рассматриваемый киотный крест в определенном художественном контексте.

К тому же времени относится появление модели киевских крестов-энколпионов с зеркальными славянскими надписями, которую иногда датируют 1239–1240 гг.¹⁰ Между тем из археологического слоя Старой Рязани происходит створка адаптированного ее варианта, со счищенными надписями, что косвенно указывает на появление такого типа изделий в более раннее время¹¹. Известны находки аналогичных крестов-энколпионов и в Херсонесе, причем экземпляров отлитых в каменных формах¹². Типологические отличия этого изделия, предполагающего соединение двух створок креста с медальонами на концах, с полуфигурами святых, размещение в перекрестье в одном случае Распятия, а в другом – Богоматери Ассунты (т.е. вознесшейся или вознесенной), не скрывают, однако, общего стилистического сходства с рельефом киотного креста (рис. 1а–в). То же сочетание вытянутых и укороченных пропорций фигур, тот же прием заполнения свободных плоскостей строками рельефных надписей, те же пластические свойства рельефа. И если можно считать дискуссионным положение об индентичности мастеров, то связь обеих моделей изделий с определенной "мастерской" выглядит вполне реальной.

Иконографический образ Богоматери Ассунты, с ладонями перед грудью в жесте адорации, был более популярен на Западе¹³. Но известен и в Византии, что, в частности, засвидетельствовано данными сфрагистики. В глиптике он представлен знаменитой камеей императора Никифора III Вотаниата (1078–1081); однако большая часть резных камней с этим изображением относится к рубежу XII–XIII вв.¹⁴ Следовательно, иконографическая программа киевских крестов-энколпионов с зеркальными надписями отражает явление, характеризующее прежде всего искусство Византии. Фразу "Святая Богородице помогай", сопровождающую указанное изображение, следует, конечно, толковать не как отклик на угрозу татарского нашествия, но в связи с развитием Чина о панагии¹⁵, в котором она является ключевой: по преданию, эти слова были произнесены апостолами, увидевшими во время

трапезы возносящуюся Богоматерь¹⁶. К указанному периоду относится и древнейший из известных византийских панагиаров, изготовленный для императора Алексея III Комнина Ангела (1195–1203)¹⁷. Функциональное назначение креста-энколпиона не исключало использование его, как и панагиара, для помещения богородичного хлеба. В таком случае появление соответствующих изображения и текста было оправданным.

Чрезвычайно широкий ареал распространения этого типа крестов-энколпионов (русские земли, Крым, Поволжье, Северный Кавказ, Румыния, Болгария, Венгрия, Польша, Германия, Италия) имел свои исторические причины. Тип киотного креста, напротив, остался в стадии художественного эксперимента, как и ряд иных моделей бронзового литья, связанных с работой в Киеве в начале XIII в. византийских мастеров. Факт находки экземпляра в Херсоне на том же участке, где обнаружены два энколпиона, в сущности, не так много дает данных для общих выводов¹⁸. Предмет явно был дорогостоящим, и мог быть приобретен весьма богатым лицом. Существование судакского экземпляра, однако, позволяет и несколько иначе поставить вопрос: не принадлежал ли крест к содержимому реквизита мастера-литейщика, пытавшегося наладить в Херсонесе воспроизведения византийско-киевских моделей? О том, каким мог быть реквизит, дает представление кладовая византийского ювелира-литейщика, обнаруженная в 1981 г. в Галиче¹⁹.

Киотный крест и крест-энколпион со славянскими сопроводительными надписями, воспроизведенными на отливках в зеркальном виде, могут быть сгруппированы с иными образцами киевской металлопластики начала XIII в. Их состав в целом не однороден: сказываются воздействие иконописных образцов и индивидуальная манера мастеров. Вместе с тем в каждом отдельном случае принадлежность к кругу изделий киевских ремесленников именно указанного времени вполне может быть доказана, и это в большинстве случаев уже сделано.

Известен тип бронзового креста-энколпиона, представленный находкой между Княжей и Марьиной горами, с рельефными изображениями на его створках Распятия и скорбящего Иоанна Богослова с херувимом и серафимом²⁰ (рис. 3 г). Распятие с изогнутым торсом и естественно тонкими, прогнутыми в локтях руками типологически напоминает изображение на киотном кресте, но выполнено оно более ремесленно; подчинив фигуру пропорциям креста, мастер слишком удлинил руки, в сравнении с которыми естественно было бы изменить и рисунок тела. В верхней части крестного древа расположено изображение Этимасии, более схематизированное по сравнению с помещенным на кресте из Херсонеса. Изображение апостола изысканных пропорций, прекрасно моделированное, и только при детальном сопоставлении с рельефом лицевой створки энколпиона можно убедиться, что оно выполнено той же рукой.

Близкий к этому вариант дают два изделия несколько необычного вида, сочетающие сходные приемы с откровенной архаизацией. Одно из них представляет обнаруженную в Копыси иконку святых князей Бориса и Глеба, служившую

⁹ Пуцко В. Киевская сюжетная пластика малых форм (XI–XIII вв.) // Сборник посветен на Бошко Бабич. Прилеп, 1986. С. 174–177.

¹⁰ Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи XI–XIV веков. М., 1964 (САИ. Вып. Е 1–44). № 41.

¹¹ Даркевич В.П., Пуцко В.Г. Произведения средневековой металлопластики из находок в Старой Рязани (1970–1978 гг.) // СА. 1981. № 3. С. 226–227. Рис. 2(16).

¹² Корзухина Г.Ф. О памятниках "корсунского дела" на Руси. С. 133, 135 (один энколпион найден в церкви-усыпальнице, другие – в жилищах или просто в культурном слое; учтено 9 экз.); Византийский Херсонес. № 171 (Портовый квартал. Находка 1986 г.).

¹³ Кондаков Н.П. Иконография Богоматери. Пг., 1915. Т. II. С. 357–362.

¹⁴ Пуцко В. Несколько византийских камей из древнерусских городов // ЗРВИ. 1970. Кн. XII. С. 125–128. Рис. 9–11.

¹⁵ Yiannias J.J. The Elevation of the Panaghia // DOP. 172. № 26. P. 225–236.

¹⁶ Сказания о земной жизни Пресвятой Богородицы с изложением пророчеств и прообразований, относящихся к ней, учения церкви о ней, чудес и чудотворных икон ее. Изд. 6-е. М., 1891. С. 187–188.

¹⁷ Пуцко В. Византийские панагиары на Афоне // Сборник в чест на акад. Димитър Ангелов. София, 1994. С. 247–256.

¹⁸ Якобсон А.Л. К истории русско-корсунских связей (XI–XIV вв.) // ВВ. 1958. Т. XIV. С. 120.

¹⁹ Археология Прикарпатья, Волини и Закарпатья (Раннеславянский и древнерусский периоды). Киев, 1990. С. 190–191. Рис. 23; Пекарская Л.В., Пуцко В.Г. Византийская мелкая пластика из археологических находок на Украине // Южная Русь и Византия. Киев, 1991. С. 136–137. Рис. 8–12.

²⁰ Каталог украинских древностей коллекции В.В. Тарновского. С. 33 (№ 1696); Собрание Б.И. и В.Н. Ханенко: Древности русские. Киев, 1990. Вып. II. С. 4–5. Табл. XVIII (№ 220 а–б); История русского искусства. М., 1953. Т. I. С. 295. Ил. на с. 289.

подвеской хороса²¹ (рис. 3 а). Прорезное литье служит воспроизведением иконной композиции, получившей отражение в резной каменной иконе из Солотчинского монастыря, представляющей продукцию киевской мастерской первой трети XIII в.²² Сохранена та же схема, но лица изображены в фас, трактовка одежд более обобщенная, без заполняющих плоскость орнаментальных мотивов. Удлиненные овалы лиц с крупными чертами, тщательно вылепленными; фигуры моделированы мягко, но отнюдь не упрощенно-плоскостно: мастер достигает тончайших светотеневых переходов посредством мягкой моделировки складок одежд. По сравнению с упомянутой подвеской бронзовая накладка из Рославля кажется несколько грубоватой²³. Фигура изображенного в рост в трехчетвертном повороте выглядит приземистой (рис. 3б). В характере рельефа и в трактовке деталей есть несомненное сходство с предыдущим изделием. Однако густая линейная штриховка, покрывающая одежду, мало соответствует выразительной трактовке лица. Размеры накладки (7,7 × 3,5 см) и наличие штыря на обороте (около 2 мм) свидетельствуют об ее принадлежности к убранству переплета Евангелия. Не исключено, что подобное же функциональное назначение имело накладное Распятие (размером 7,5 × 6,0 см), снабженное четырьмя штырями с тыльной стороны, из находок за Княжей горой²⁴ (рис. 3в). При общем иконографическом и стилистическом сходстве с киотным крестом и крестом-энколпионом (рис. 1а; 3г) оно имеет и некоторые отличия, обусловленные главным образом особенностями индивидуальной манеры. Заплывший характер рельефа заставляет усомниться в том, что отливоч авторский. Но речь идет прежде всего о модели.

Развитие архаизирующего стиля в византийской пластике начала XIII в. неизбежно коснулось и киевской металлопластики этого времени. Ее образцами, в частности, могут служить некоторые модели бронзовых крестов-энколпионов, в том числе имеющие изображения евангелистов и их символов, а в среднике – Этимасию и Богородицу Оранту либо Христа Пантократора, представленных погрудно (рис. 4а, б). По формальным признакам модель следовало бы датировать второй половиной XI в.²⁵ Однако комплексное изучение материала уже до опубликования всех сохранившихся экземпляров побуждает отдать предпочтение дате около 1200 г. Известен и случай, когда ремесленник не имевший в своем распоряжении модели створки с Этимасией заменил ее оттиском упомянутого накладного Распятия на шестиконечном крестном древе, а в рукавах креста великолепным эпиграфическим уставом начала XIII в. начертал имена евангелистов взамен отсутствующих их изображений²⁶ (рис. 4б). Этот экземпляр креста-энколпиона уникальный.

В целом все упомянутые произведения в той или иной степени отличаются тенденции к крупномасштабности фигур, и соответственно изображения плотно заполняют отведенное для них пространство. Это явление едва ли не наиболее наглядно может иллюстрировать тип киевского креста-энколпиона с Распятием на одной створке и с Богородицей Десятиной, представляющей раннюю схему

Покрова, – на другой²⁷ (рис. 5в). По стилю эта модель не обнаруживает существенных отличий ни от киотного креста, ни от уже упомянутых крестов-энколпионов, и совершенно ясно, что все это изделия художественного ремесла, вышедшие из единого центра и генетически связанные с константинопольской традицией. К этому кругу образцов металлопластики должна быть отнесена еще бронзовая каца с погрудным изображением Христа Пантократора на ручке, представленная находками из Херсонеса и Изяславля²⁸, из которого, кроме того, происходит также ажурная крышка кацеи со вписанными в круглые медальоны рельефными полуфигурами Христа, Богородицы, Иоанна Предтечи и Иоанна Златоуста²⁹ (рис. 5а, б).

Сопоставляя этот материал между собой и одновременно с каменной пластикой, можно прийти к заключению, что мастера вряд ли строго специализировались на художественной обработке металла либо мягких пород камня. Хотя в распоряжении исследователя ныне находятся лишь изделия из бронзы, трудно исключить причастность к изготовлению многих из них ювелиров, обладавших опытом работы с благородными металлами. Иначе трудно объяснить тот высокий качественный уровень, который отнюдь нельзя считать свойственным обычному городскому ремеслу, рассчитанному на рынок. Собственно ремесленная продукция киевских мастеров тоже неоднородна, и встречаются вещи, которые вряд ли могут быть включены в рассматриваемую группу изделий. Последние, надо признать, весьма стремительно появляются на киевской почве, и даже само количество перво-классных новых художественных моделей недвусмысленно говорит в пользу того, что явление привнесено извне. Совершенно ясно появление высококвалифицированных кадров, немногочисленных, но искусных и работоспособных. Наличие изделий со славянскими сопроводительными надписями (порой вырезанными без учета их прочтения на отлитых вещах), но всецело связанных с византийской художественной традицией, причем в ее столичном варианте, свидетельствует о деятельности греческих эмигрантов. Нет ничего удивительного в том, что определенная доля их продукции направлялась в такие центры, как Херсонес.

Общий характер византийско-киевской металлопластики начала XIII в. может быть очерчен пока лишь условно. Еще предстоит уяснить многочисленные подробности, определяющие состав моделей, их иконографию, стиль, индивидуальные манеры исполнения. Многие могут прояснить и новые находки. Однако уже пришла пора суммировать отдельные наблюдения, преодолев изолированное восприятие памятников давно известных в литературе, но оставшихся не соотношенными с динамикой художественного процесса. Киотный крест из Херсонеса, несомненно, едва ли не самый яркий из них, и важен уже тем, что побуждает к постановке широких историко-художественных проблем.

²¹ Размеры 11,0 × 6,5 см. Найдена в 1972 г. Подробнее см.: Пуцко В.Г. Подвесная бронзовая иконка из Копысы // Гомельщина: археология, история, памятники. Тезисы Второй Гомельской областной научной конференции по историческому краеведению (секция археологии и нумизматики). Гомель, 1991. С. 96–98.

²² Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика из камня. XI–XV вв. М., 1983 (САИ. Вып. Е. 1–60). № 30.

²³ Найдена в 1987 г. на городище "Бурцева гора".

²⁴ Собрание Б.И. и В.Н. Ханенко: Древности русские. С. 11. Табл. XXII (№ 260).

²⁵ Пуцко В.Г. Древнейшие типы киевских крестов-энколпионов // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Киев, 18–25 сентября 1985 г. М., 1987. Т. III. Вып. 26. С. 71–73.

²⁶ Собрание Б.И. и В.Н. Ханенко: Древности русские. С. 12. Табл. XXIII (№ 2676).

²⁷ Пуцко В. Киевский крест-энколпион с Княжей горы // *Slavia Antiqua*. 1988. Т. XXXI. С. 209–225; *Он же*. "Богородица Десятинная" и ранняя иконография Покрова // *Festschrift für Fairy von Lilienfeld zum 65. Geburtstag*. Erlangen, 1982. С. 355–373; *Он же*. Произведения искусства – реликвии древнего Киева // *Russia Mediaevalis*. München, 1987. Т. VI, 1. С. 135–142.

²⁸ Византийский Херсонес. № 92; 1000-летие русской художественной культуры. Каталог выставки. М., 1988. № 266. Подробнее см.: Пуцко В.Г. Бронзовая каца из находок 1954 г. и русский художественный импорт в средневековом Херсонесе (в печати).

²⁹ 1000-летие русской художественной культуры. № 267.

Г. Скоп-Друзюк, Л. Скоп

ДЕТСКИЙ САРКОФАГ ЭПОХИ ДАНИИЛА ГАЛИЦКОГО

Одна из малоисследованных страниц украинского искусства – скульптура эпохи Даниила Галицкого. Причина – фатальная уничтоженность иностранными завоевателями почти всех памятников этого периода, и только один сохранившийся, хотя и с существенными перестройками, храм св. Пантелеймона в Крылосе XII–XIII вв., археологические раскопки последних десятилетий, а также сведения из летописных источников раскрывают своеобразие и величие искусства одного из великих государств Европы, каким было Галицко-Волынское княжество, которое даже имело статус королевства во времена Ярослава Осмомысла, получившего от папы корону.

К лучшим примерам галицкой пластики-резьбы по камню мы относим в соборе св. Софии в Киеве детский саркофаг конца XII–начала XIII в., некогда предназначенный, несомненно, для погребения представителя княжеского рода. Этот ранее не исследованный памятник выполнен в классическом романо-византийском стиле¹.

Экспонат (СМА 9361) представляет собой прямоугольный в плане мраморный объем, внешние стены которого с четырех сторон украшены барельефной резьбой. Верхняя часть объема несколько шире нижней, поэтому при высоте 59 см саркофаг в нижней части имеет размеры 70×100, а в верхней 74×104 см. Саркофаг вытесан из монолитного куска белого мрамора. В верхней части стенки объема имеют толщину 7 см, а в нижней около 10 см. На дне саркофага в центре размещено отверстие диаметром 9 см.

С лицевой стороны саркофага выполнена композиция с монограммой Христа (диаметром 25 см) в круге, по обеим сторонам которой изображены симметрично два павлина, под грудями которых, также симметрично, находятся две розетки. Эта лаконичная композиция обрамлена растительным орнаментом, в центре верхней части которого размещен крестик, а в нижней – розетка. Аналогичное обрамление имеют также композиции на всех стенках саркофага.

На левой стороне саркофага вырезаны, также симметрично, профили двух крылатых собак – символов бога огня Симаргла, у которых в отличие от павлинов головы развернуты в противоположные стороны. Передние лапы этих существ опираются на небольшое древо жизни, которое словно находится под их защитой.

Правая сторона саркофага буквально повторяет композицию, размещенную с левой стороны, но вместо собак здесь изображены грифоны.

На тыльной стороне изображена композиция из стилизованных растительных мотивов, вкомпанованных в формы плетенки.

Присутствие павлинов в главной композиции на лицевой стороне саркофага, безусловно, не случайно. Эти птицы, символизирующие космос, бесконечность и вечность, были очень популярны в средневековом искусстве, их изображения можно

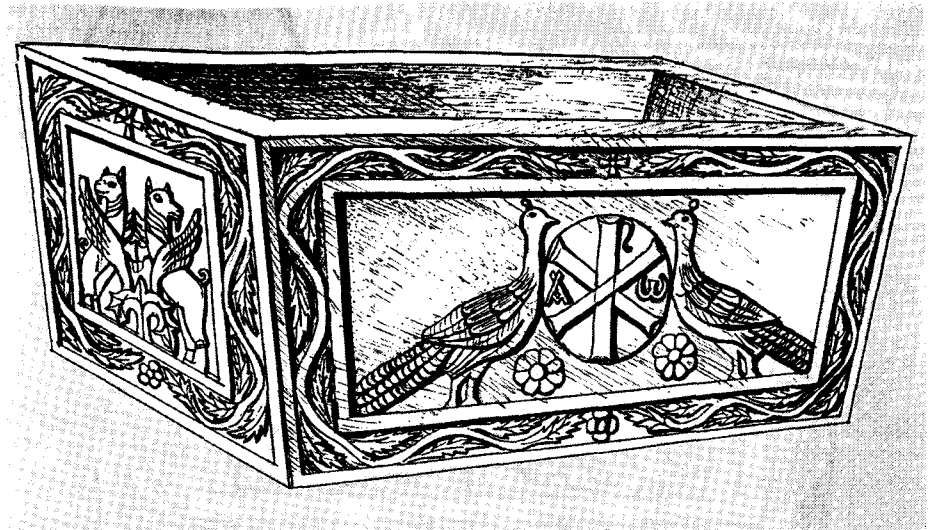

Рис. 1

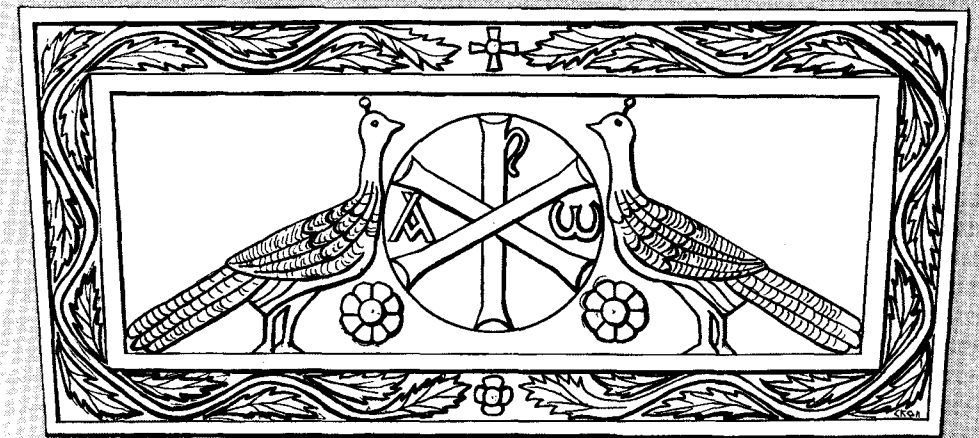

Рис. 2

увидеть во всех его видах. Не менее символичны также размещенные возле павлинов цветки розы, которые обозначают мир и жизнь.

Сравнительный анализ позволил обнаружить саркофаг с аналогичным решением композиции резьбы. Речь идет о саркофаге византийского архиепископа Теодориха, созданном в VI в.² Сходство рельефов, выполненных словно с одного образа времен доиконоборчества, очередной раз подтверждает, сколь важным на Руси было значение византийских саркофагов. Правда, если изображения хризмы и павлинов выступают в обоих случаях словно копии, то характер обрамления на них существенно

¹ Скоп-Друзюк Г.П., Скоп Л.К. Дитячий саркофаг із Софії Київської // Історія релігій в Україні. Тези повідомлень IV круглого столу. Львів, 1994. С. 164; Скоп-Друзюк Г. Дитячий саркофаг доби Данила Галицького // Діяльність Ярослава Мудрого і сучасність / Тези. Київ, 1996. С. 37; Byzantium Identity, Image, Influence, Abstracts. XIX International Congress of Byzantine Studies, University of Copenhagen, 18–24 August, 2006. № 5314. Детский саркофаг был найден архитектором Е. Тимоновичем на Виннице и привезен в Киев.

² Korabiwicz W. Śladami amuletów. Warszawa, 1974. S. 37.

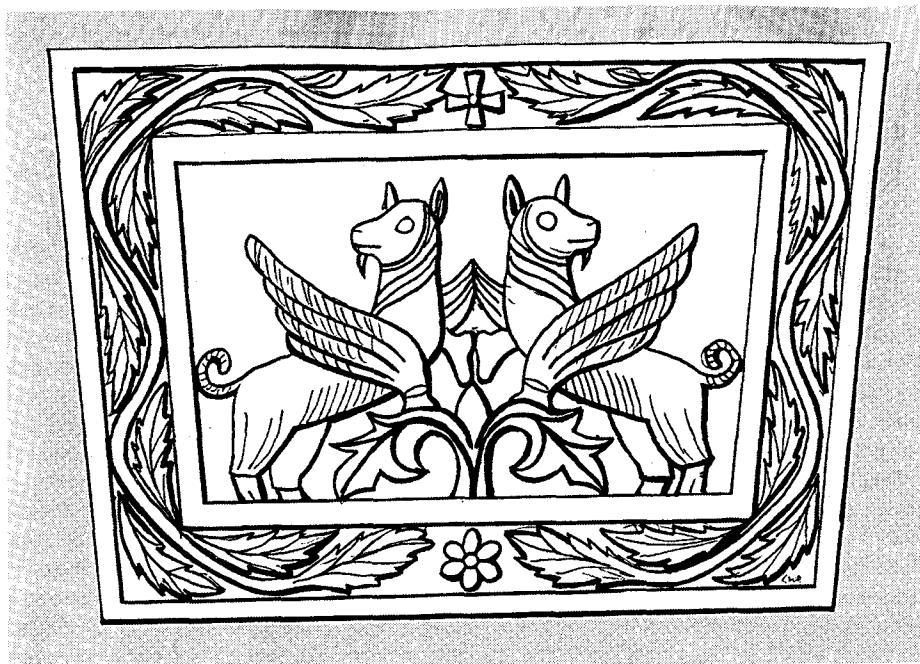

Рис. 3

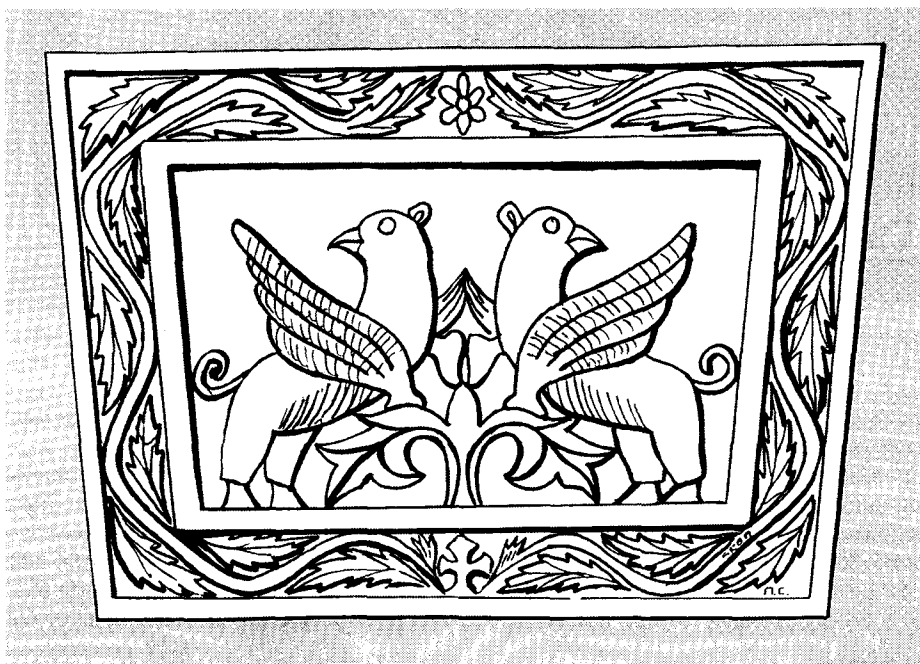

Рис. 4

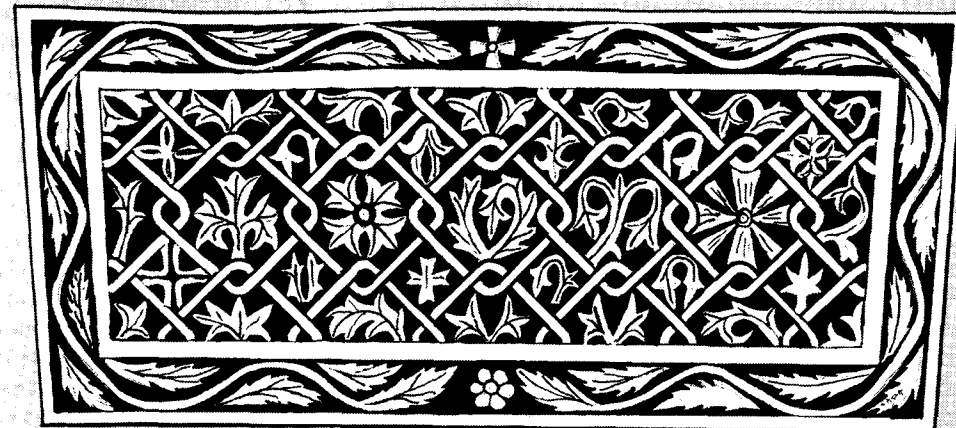

Рис. 5

отличается. Так, на византийском саркофаге обрамление напоминает портал античного здания с пилястрами по бокам, поддерживающими карниз, декорированный полосой стилизованного аканта.

Не исключено, что мотив с павлинами, охраняющими хризму, пришел в искусство Древней Руси не только как возрождение ранних византийских саркофагов, но и под влиянием западной культуры, где такая семантика на могильных плитах была в XII в. особенно популярна. В качестве примера можно назвать надгробную плиту с двумя павлинами, выполненную в Италии (Москва ДИМ № 5474)³.

Относительно левой стороны, где изображены крылатые собаки Симаргла, охраняющие древо жизни, следует отметить, что перед нами уже не подражание византийским образцам, а композиция, свидетельствующая о возрождении и подъеме национального искусства. Подобное явление в XII–начале XIII в. характерно для многих стран средневековой Европы в силу новых политических условий. Не были исключением и галицко-волинские земли. С возрождением фольклора, принципы которого господствовали в дохристианской Руси, качественно по-новому стали изображаться древние божества. Поэтому присутствие образа Симаргла, который входил в число семи божеств древнерусского языческого пантеона, является закономерным для своей эпохи. Здесь также следует отметить, что на рубеже XII–XIII вв., после падения Константинополя в 1204 г., значительно уменьшилось влияние византийского искусства на искусство стран Европы, и в культурах последних начали разрабатываться новые каноны. Так, символ Симаргла, хотя и был крылатым, но к небу, с которого был послан, имел очень небольшое отношение, а был тесно связан с землей, почвой и корнями – символами, особенно близкими древним русичам⁴.

Семантика грифонов, изображенных на правой стороне саркофага, имеет целый ряд толкований, из которых в данном случае больше всего подходит символ вечного сторожа и хранителя священного места. В подобных случаях они изображаются, как и на киевском экспонате, симметрично перед деревом жизни или крестом. Много-

³ Искусство Византии в собраниях СССР. Каталог выставки. М., 1977. Т. 3. С. 534а.

⁴ Мифы народов мира. М., 1992. Т. 2. С. 424.

численные примеры такой композиции на саркофагах, надгробных плитах, алтарных перегородках, оформлении резных по камню фасадах говорят о значительной популярности ее в разных странах Европы. Так, к примеру, можно отметить надгробную плиту (или стенку саркофага) XII в. с Вислицкого коллегиата (Польша). В последнем случае грифоны охраняют не древо жизни, а крест, в основании которого изображена розетка⁵.

Задняя стенка саркофага из Киевской Софии существенно отличается общей идеей оформления от остальных, хотя имеет такое же обрамление. Теперь перед нами не изображение символических животных и птиц, а исключительно растительные мотивы. Модуль этой ковровообразной композиции напоминает ромб. Центральный ряд сплетений ромбов выступает основным акцентом общей композиции. Он состоит из пяти ромбов-модулей, внутри которых изображены разные стилизованные мотивы: в первом – маленькое древо жизни; во втором – крестообразный цветок; в третьем и четвертом – разной формы древа жизни с поникшими ветвями, словно символизирующие увядание; в пятом – похожая на цветок хризма. Складывается впечатление, что перед нами этапы скоротечной жизни – от маленького древа жизни до креста, греческая форма которого как бы совпадает с буквой Х. Несколько меньших размеров стилизованные ветки изображены в плоскостях, образованных сплетениями вокруг выше упомянутого основного ряда ромбов. В общей композиции с растительными мотивами обрамления данная сторона хотя лишена того монументального пафоса, который присущ трем другим, все же как бы заставляет уделить ей повышенное внимание. Такое своеобразное высокопрофессиональное по разработке декора решение сторон в известных нам саркофагах не наблюдается.

Зато довольно похожее решение декора с мотивами плетенок и стилизованных растительных орнаментов характерно для разных каменных украшений на верхних колонах фасада Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. Особенно же по манере резьбы, а также решениям древа жизни похожа пластика Дмитриевского собора во Владимире (1193–1197 гг.). По нашему мнению, пластика наиболее раннего этапа оформления фасада Дмитриевского собора, а также пластика детского саркофага из Софии Киевской вышли из одной художественной школы. В данном случае следует провести сравнительный анализ скульптурного декора центрального прясла северного фасада собора во Владимире и задней стенки киевского экспоната. Общие черты одной школы, безусловно, здесь не случайны, ибо, как считал В.Н. Лазарев, мастеров и зодчих во Владимиро-Суздальское княжество приглашали из Галицкого княжества, "искусство которого следует рассматривать как основной рассадник романских форм и мотивов на русской почве"⁶. Одним из известных мастеров здесь считался мастер Бакун, который с артелью возвел Георгиевский собор в Юрьеве-Польском⁷. В то же время хочется отметить, что на галицких землях при Данииле Галицком искусство переживало особый расцвет, выдерживая конкуренцию любого европейского государства. В этой связи, кстати, хочется напомнить сведения летописца о сгоревших церквях во время пожара в 1259 г. в г. Холме, новом центре княжества. Повествуя о сгоревшей церкви Иоанна, возведенной при Данииле и особенно восхитившей летописца своим великолепным убранством, он даже назвал автора фасадной пластики – "хитреца Авдия"⁸.

Для проведения сравнительного анализа характера выполнения резной по камню пластики владимирского храма и киевского экспоната очень подходит описание

скульптурных форм в исследовании М. Гладкой и А. Скворцовой: "Изображение словно лепится и подается обобщенной выпуклой силуэтно-пластической массой, зрительно отделяющейся от плоскости камня...", "выборка листьев более глубокая, чем фигур, с двугранным эффектом, что образует четкую прожилку посередине каждого листка"⁹. Что касается изображений животных, то они хоть и имеют конкретно подчеркнутые формы, все же значительно в меньшей мере, чем растения. Если система растительного орнамента киевского экспоната по манере исполнения и особенно близка к аналогам на белокаменной пластике Дмитриевского собора во Владимире, то характер изображения животных существенно отличается. В пластике Дмитриевского собора, а также ряда храмов времен Владимиро-Суздальского княжества, особо ошутим приоритет народной скульптуры, возникшей под влиянием фольклора, чего нельзя сказать об аналогичных изображениях животных и птиц на детском саркофаге из коллекции киевского музея. В последнем случае мы видим принципы более профессиональной скульптуры, что ни в коем случае не умаляет и не преувеличивает художественные качества сравниваемых памятников. На киевском экспонате особо подчеркнуто, что резчик хорошо знал анатомию животных и птиц. В то же время их создатель не ограничивался принципами реализма, а представил классический пример поиска личного понимания божества-символа. Подобным уровнем художественного решения обладают также памятники, созданные в те времена в Грузии. Из последних, к примеру, можно указать на рельефы с грифонами, украшающие южный портик храма в Никорцминди¹⁰. В настоящее время мы пришли к выводу, что, кроме лицевой стороны, все другие композиции на трех сторонах указывают на стремление галицкого мастера создать памятник с подчеркнутыми региональными особенностями – в духе требований высокообразованных заказчиков. А для последних в конце XII–начале XIII в. также особенно важны были национальные черты саркофагов.

Несомненно, изучение пластики этого уникального экспоната будет продолжаться, ведь, имея особую художественную ценность, данный детский саркофаг является пока единственным известным нам примером саркофага не для взрослого представителя княжеского рода.

⁵ Mroczko T. Polska sztuka przedromańska i romańska. Warszawa, 1978. S. 97.

⁶ Лазарев В.Н. Византийское и древнерусское искусство. М., 1978. С. 248.

⁷ Вагнер Г.К. Старые русские города. М., 1980. С. 400.

⁸ Ипатьевская летопись под 6768 (1260) г. // ПСРЛ. Т. II. С. 846.

⁹ Гладкая М., Скворцова А. Периодизация рельефов Дмитриевского собора во Владимире // Древнерусское искусство. М., 1988. С. 307.

¹⁰ Алашвили Н.А. Монументальная скульптура Грузии. М., 1977. С. 176.

И.А. Стерлигова

ДРЕВНЕРУССКИЕ УКРАШЕННЫЕ ИКОНЫ XII–XIII ВЕКОВ. ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ

С изучением византийских и древнерусских икон связаны значительные достижения современной науки об искусстве; ныне исследуются не только стилистическое своеобразие и технико-технологические особенности икон, но и отразившиеся в них черты эстетического и религиозно-философского сознания; памятники рассматриваются в широком художественном, богословском и историческом контекстах. Однако объектом профессионального анализа историка искусства в иконе является прежде всего исполненное красками изображение. Немногие дошедшие до нас древние части драгоценного убора храмовой или домово́й иконы – оклад и подвесные украшения, расшитые или низанные покровы, пелены, завесы, разного рода киоты – воспринимаются знатоками иконы независимо от живописи как произведения так называемого прикладного искусства и, как правило, считаются лишь историческими наслоениями, не имеющими отношения к авторскому замыслу произведения живописного.

Это отражается и на практике реставрации икон: современные красочному слою серебряные оклады нередко отторгаются от доски, так как, по мнению реставраторов, они "искажают авторское живописное решение памятника"¹. Ныне в русской медиевистике даже утвердилась своеобразная специализация: одни исследователи изучают только живопись икон и только в ней ищут внутренний смысл образа, другие, так называемые "прикладники", – только оклады, их орнаментальные мотивы и технологию. Такое отношение к иконе не соответствует исторической действительности: и письменные источники, и изображения чтимых икон в монументальной живописи и книжной миниатюре, и реставрационные данные показывают, что во все эпохи драгоценные украшения могли быть неотъемлемой составляющей самого замысла священного образа, символическое истолкование убора издавна входило в богословие иконы, а его облик в лучших произведениях средневековых мастеров составлял единый художественный ансамбль с живописью². Поэтому важнейшая задача историка искусства – выявление современных живописи фрагментов драгоценного убора, а также реконструкция и всестороннее изучение первоначального вида сохранившихся древних икон.

XII–XIII века – поистине темная эпоха в истории древнерусского убора икон: вплоть до XIV столетия нет ни одного памятника, который мог бы по своей сохранности и художественному значению быть сопоставлен с двумя новгородскими

"корсунскими" окладами второй половины XI–начала XII в.³ Конечно, известные ныне металлические части и фрагменты украшений икон археологического происхождения в соотнесении с письменными источниками дают историка искусства достаточно твердые основания для реконструкции структуры драгоценного убора XII–XIII вв. Однако более явственно представить облик украшенных икон этого времени позволяют нам сами дошедшие до нас иконы, полностью утратившие свой драгоценный убор, но, тем не менее, сохранившие многие его следы.

"Свидетельствовать" о былом существовании чеканных окладов, крупных хрусталей и самоцветов, врезанных в доску иконы, накладных эмалевых дробниц могут: состояние красочного слоя, левкаса и паволоки, их утрата или, наоборот, хорошая сохранность (там, где красочный слой был скрыт окладом), наличие гвоздевых отверстий и разного рода гвоздей в доске. Эти данные в большинстве своем упоминаются авторами каталогов икон, но, как правило, не учитываются при суждении о их стиле или интерпретируются превратно. Гвозди же вообще никогда не заслуживали внимания знатоков иконописи, хотя по ним можно уточнить этапы украшения иконы, подобно тому, как по характеру плинфы или кирпича исследователь архитектуры уточняет хронологию постройки. К счастью, у нас есть союзники среди реставраторов: если раньше при реставрации икон и гвоздевые отверстия, и сами гвозди подвергались маскировке, то сейчас в иконах, отреставрированных Г.С. Батхелем, можно "прочитать" каждый гвоздик. Г.С. Батхель тщательно сохраняет на иконе и каждый, даже самый крошечный кусочек древнего чеканного или басменного серебра, что, кстати, никак не ухудшает экспозиционный вид иконы. Огромным подспорьем являются рентгенограммы, дающие ясное представление о всех металлических включениях на иконной доске⁴. Конечно, все упомянутые данные могут быть верно интерпретированы только в сопоставлении с сохранившимися древними окладами византийского круга, особенно грузинскими, которые, по выражению Н.П. Кондакова, были в свое время "сохранены забвением"⁵ и не подвергались переделкам. Реконструкция помогает и изучение живописи иконы: ее стиля, манеры исполнения, красочного строя, словом, всего того, что несомненно учитывалось мастерами-серебряниками, оковывавшими икону еще до ее освящения или позднее, когда оклад создавался уже как молитвенное приношение прославленному образу. Итак, попытаемся представить себе первоначальный облик семи икон XI–XIII вв., которые, согласно терминологии византийских церковных описей, с полным правом могли именоваться "иконами украшенными".

Лицевая сторона иконы конца XI– начала XII в. "Богоматерь Одигитрия" с Георгием на обороте (Музей "Московский Кремль")⁶ неоднократно украшалась

³ О "корсунских" окладах см.: Стерлигова И.А. Памятники серебряного и золотого дела в Новгороде XI–XII вв. // Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: Художественный металл XI–XV века. М., 1996. С. 38–50, 64–67, а также кат. № 56–57 (автор кат. описаний Э.А. Гордиенко). (Далее: Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. 1996).

⁴ На значение рентгенограмм для реконструкции древних украшений икон впервые обратила внимание Н.В. Розанова. См.: Розанова Н.В. Некоторые итоги исследования физическими методами древнейших русских икон // Русское искусство XI–XIII веков. М., 1986. С. 166–178.

⁵ Кондаков Н., Бакрадзе Д. Опись памятников древности в некоторых храмах и монастырях Грузии. СПб., 1890. С. 83.

⁶ Живопись домонгольской Руси: Каталог выставки / Автор-сост. О.А. Корина. М., 1974. № 10. С. 58–60; Попова О.С. Искусство Новгорода и Москвы первой половины четырнадцатого века. Его связи с Византией. М., 1980. С. 148. Табл. на с. 150 (в процессе реставрации). После реставрации, в недавнее время завершённой Г.С. Батхелем, еще не опубликована. Мнения современных исследователей о первоначальной дате лицевой стороны иконы расходятся, одни возводят ее к середине XI в., другие – к началу XII в. Датировка "конце XI–начало XII в." принадлежит Е.Я. Осташенко (см.: Византизм. Балканы. Русь: Иконы конца XIII–первой половины XV века: Каталог выставки. М., 1991. С. 215–216). Благодарю хранителя и исследователя этой иконы Е.Я. Осташенко, предоставившую мне возможность тщательно изучить памятник.

¹ Позиция современных реставраторов икон отражена в работе: Гагман Н.А. Об окладах древнерусских икон в связи с их реставрацией // Всероссийский художественный научно-реставрационный центр им. акад. И.Э. Грабаря. Древнерусское искусство: исследование и реставрация. М., 1985. С. 98–105.

² Все эти вопросы рассматриваются в подготовленной к печати книге: Стерлигова И.А. Драгоценный убор древнерусских икон XI–XIV веков: Происхождение, символика, художественный образ.

"кованием", грунт на ее полях утрачен, а паволока вырезана по контуру фигуры. Подобные утраты грунта и паволоки происходили при снятии с доски обветшавшего оклада, так как на левкас иконы под чеканную ризу накладывалась специальная мастика, со временем окаменевавшая и намертво соединявшаяся с левкасом, а под венцы нередко и специальные деревянные валики⁷. В доске множество гвоздей разных эпох. Древнейшие из них – кованые красномедные, примечательны и тонкие серебряные гвоздики, около которых сохранились крошечные фрагменты серебряного оклада с чеканным растительным узором, относящегося, по всей видимости, к XIV в. Совокупность данных (расположение и характер гвоздей, контуры участков лучшей сохранности первоначального красочного слоя, различные следы металлических включений, прослеживающиеся на рентгенограмме) позволяет отчетливо реконструировать первоначальный оклад "Богоматери Одигитрии": серебряные золоченые чеканные оклад на полях иконы, узкие нимбы (характерные для русских икон XI–XII вв.), свиток в руке младенца. Существовали также драгоценные круглые "подписи" с монограммой Богоматери в верхних углах иконы, которые могли быть как чеканными, так и эмалевыми⁸, крестообразные драгоценные звезды на челе и плечах Богородицы, традиционно украшавшиеся крупными самоцветами и жемчугом, а также драгоценное "опястье"⁹ или "запястье" на ее левой руке¹⁰. Золотой фон, по всей видимости, первоначально окован не был. Следы существовавшего здесь оклада относятся, вероятно, уже к середине XIV в., когда происходило обновление образа, во время которого он по существу был переписан заново¹¹. Наиболее интересной частью древнего украшения иконы можно считать чеканный оклад каймы мафория, обрамлявший лик Марии. Его контуры выявляются благодаря остаткам крепежных гвоздиков, а ширина определяется сохранностью скрывавшейся им первоначальной живописи.

Традиция драгоценного обрамления лика Богоматери прослеживается и в других древних русских иконах, например, в оглавном "Деисусе" XII в. и псковской краснофонной "Одигитрии" конца XIII–начала XIV в. из ГТГ¹², где также, как в кремлевской "Одигитрии", был окован свиток в руке младенца. "In situ" эту часть убора богородичных икон можно видеть лишь на иконе Богоматери Влахернитиссы (в типе Умиление) из Бачковского монастыря в Болгарии, частично сохранившей чеканный оклад-ковчег работы византийских мастеров, относящийся, судя по вкладной надписи, к 1310/1311 г.¹³, и на вышеупомянутом псковском "Деисусе", где у Богородицы серебром окован также нижний край мафория. Драгоценная оковка каймы мафория Богородицы нередко воспроизводилась иконописцами при помощи красочных орнаментов или так называемой

"цировкой" по золоченому левкасу, например, в "Ярославской Оранте", о которой речь пойдет ниже.

Интересно сопоставить реконструированный нами облик первоначальных драгоценных украшений кремлевской иконы Одигитрии с упоминаниями ее неоднократно обновлявшегося, но, вероятно, сохранившего отдельные древние части убора в описях Успенского собора. В описи начала XVII в.: "...письмо корсунское... да у Младенца ж в венце две цки золоты, фряское дело, писаны мусеею, а по полям у того образа на окладе выбиваны святые, а около венца и на плечье и по полям на том образе 75 камней хрустелей, одной цки золотой у младенца нет"; в описи 1627 г.: "Греческое письмо, обложен серебром, по полям Святые, меж Святых репы, венцы с Спасова образа и у Пречистые Богородицы золоты с финифты, в венце 40 камышков, по полям и около венцов 136 хрустелей больших и малых"¹⁴. Возможно, что чеканные изображения святых на полях оклада и золотые эмалевые "цки" в нимбах действительно восходили к домонгольскому времени. Судить об украшениях оборота иконы довольно трудно, так как во время его реставрации все следы оклада были тщательно замаскированы. Здесь могли быть обложены поля, нимб, рукоять меча св. Георгия и существовать драгоценные накладные "подписи".

"Спас Нерукотворный" второй половины XII в. (ГТГ)¹⁵ – характерный пример древней иконы, изначально писавшейся "под оклад". Это подтверждается как особенностями живописи иконы, так и гвоздевыми отверстиями, с ювелирной точностью соответствующими абрису Нерукотворного Образа. Нимб светлой охры с белыми рукавами креста, коричневатый фон и чуть более светлые поля иконы выглядят как разметка под различные части драгоценного оклада-ковчег. На крестчатом нимбе имеются круглые вставки более позднего грунта, свидетельствующие о том, что в этих местах в доске иконы находились гнезда для самоцветов – по пять на каждом рукаве креста. Первоначально золотой или серебряный золоченый чеканный оклад с крупными самоцветами на крестчатом нимбе и цветными эмалевыми(?) круглыми "подписями" в верхних углах иконы составлял единое целое с ее яркой, насыщенной живописью (не следует забывать, что сейчас верхние слои личного письма иконы утрачены). Здесь, как и при создании софийской иконы Петра и Павла, рядом работали живописец и "кузнец по серебру". Впрочем, создателем этой драгоценной иконы мог быть и один мастер. Особая, металлическая упругость асиста на волосах Спасителя, подобного золотым перегородкам в эмалях, невольно наводит на мысль о знакомстве иконописца с различными техниками ювелирного искусства. И наконец, столь совершенно написанная икона Нерукотворного Образа просто не могла не иметь драгоценного оклада-ковчег. По своему сакральному смыслу он восходил к драгоценному ковчегу Эдесского Нерукотворного Образа, находившегося в XII столетии в Константинополе¹⁶.

"Спас Еммануил с архангелами" конца XII в. (ГТГ)¹⁷ выделяется среди других икон домонгольского периода необычно широкими полями, на которых нет следов не только красочного слоя, но и левкаса, а само дерево покрыто насечкой. В.Н. Лазарев справедливо отмечал, что отсутствие левкаса на полях этой иконы, а также на полях "Десятинного Успения", "Георгия" (в рост), "Устюжского Благовещения", "Деисуса" позволяет заключить, что они "с самого начала были предназначены для серебряного чеканного оклада"¹⁸. К этому можно добавить, что

⁷ Сохранились документальные свидетельства о изготовлении таких специальных валиков (см.: Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы, собранные и изданные руководством и трудами И.Е. Забелина. М., 1884–1891. С. 927).

⁸ См. подобные "подписи" константинопольской работы начала XII в.: *Хускивадзе Л.З.* Средневековые перегородчатые эмали из собрания Гос. Музея искусств Грузии. Тбилиси., 1984. Ил. с. 136.

⁹ См.: *Лукина Г.Н.* Предметно-бытовая лексика древнерусского языка. М., 1990. С. 64–65.

¹⁰ Подобные пристежные украшения женской парадной одежды входили в родовую "кузнь" и упоминались в княжеских духовных грамотах. В 1486 г. верейский князь Михаил Андреевич "дал дочери своей... ожерелье пристежное с переди низано, того ж ожерелья запястье великим жемчугом низано..." (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. С. 312).

¹¹ См.: *Попова О.С.* Икона "Богоматери Одигитрии" середины XIV в. из Успенского собора Московского Кремля // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1974. М., 1975.

¹² Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Т. 1: Древнерусское искусство X–начала XV века. М., 1995. № 13. С. 65; № 27. С. 89.

¹³ См.: *Grahar A.* Les revêtements en or et en argent des icones byzantines du Moyen Age. Venise, 1975. № 9. P. 34. Fig. 18.

¹⁴ См.: Описи Московского Успенского собора, от начала XVII века по 1701 год включительно // Русская историческая библиотека. СПб., 1876. Стб. 296, 388.

¹⁵ См.: *Лазарев В.Н.* Русская иконопись от истоков до начала XVI века. М., 1983. Ил. 5.

¹⁶ О соотношении сохранившейся новгородской и утраченной константинопольской икон см.: *Belting H.* Bild und Kult. München, 1990. S. 240–241.

¹⁷ См.: *Лазарев В.Н.* Русская иконопись... Ил. 18.

¹⁸ Там же. С. 165.

столь широкие поля несомненно были украшены лицевыми изображениями. Эта икона, как и некоторые другие дошедшие до нас русские иконы XI–XIII вв., была связана с алтарной преградой, что предопределяло ее драгоценный декор. На ней сохранились следы существования нескольких окладов. Первоначальный, по всей вероятности, выглядел следующим образом: драгоценным окладом были скрыты лишь узкие нимбы (фон иконы был золотой) и поля, на которых помимо чеканного среброзлащенного оклада, судя по гвоздевым отверстиям и остаткам самих древних красномедных кованых гвоздей, были крупные эмалевые(?) медальоны, по семь на горизонтальных полях, по четыре на вертикальных.

Предложенная реконструкция может вызвать возражения у исследователей живописи иконы, считающих, что первоначальные сиреневато-розовые нимбы Еммануила и архангелов, фрагменты которых сохранились до настоящего времени, были частью цветового замысла иконы, а сама традиция цветных нимбов может восходить еще к раннехристианской эпохе¹⁹. Действительно, розовые нимбы есть на иконе Георгия (в рост) из новгородского Юрьева монастыря и на реплике "Устюжского Благовещения" XVI в. – храмовой иконе кремлевского Благовещенского собора (кстати, само "Устюжское Благовещение", по всей вероятности, еще сохраняло в XVI в. свой древний оклад²⁰). Однако рентгенограмма иконы Георгия показывает, что нимб святого был скрыт драгоценным венцом, включавшим в себя крупные самоцветы, а на голове святого поверх живописной стеммы была наложена металлическая²¹. Трудно предположить, что на иконе Еммануила с архангелами, имевшей очень широкие окованные чеканные золоченые поля, уподоблявшие икону ветхозаветному ковчегу, могли быть лишь узкие красочные нимбы. Наличие драгоценных венцов отчасти подтверждается и хорошей сохранностью сложной двухцветной живописи торока правого ангела – этот фрагмент уцелел под венцом.

Подлинный фон иконы начала XIII в. "Деисус" (ГТГ)²² не сохранился, каких-либо следов раскраски нимбов (первоначально узких, не заходивших на поля) нет, лишь по контуру голов фрагментарно прослеживаются белильные полосы. Несомненно, что окована была вся поверхность кроме фигур, живопись которых на фоне золоченого чеканного оклада, мягко рассеивающего падающий свет, казалась еще более наполненной цветом и драгоценной. Кроме того, у Богоматери были накладные серебряные золоченые или золотые кайма мафория вокруг лика и звезда на челе.

В.Н. Лазарев писал о "Николе с избранными святыми", иконе начала XIII в. из Новодевичьего монастыря (ГТГ): "Поля, в подражание серебряным окладам, украшены небольшими фигурками, которые написаны на белом фоне"²³. Белый фон этих полей с надписями, сопровождающими изображения святых, сразу же был покрыт серебряной басмой²⁴. Только этим можно объяснить феноменальную сохранность надписей. Узкий размер полей, явно недостаточный для размещения чеканных рельефов, желание их имитировать посредством живописи и, вероятно, тонкой серебряной басмы (все святые на полях имели и накладные серебряные венчики) отвечают художественной ситуации в Новгороде начала XIII в., когда традиции "большого" византизизирующего пластического стиля в чеканке были уже утрачены, художественный язык значительно упростился, а мастера-металлисты

широко обращались к различным имитационным техникам²⁵. Судя по гвоздевым отверстиям, чеканным или басменным серебром были покрыты следующие части изображения средника иконы: нимб (на нимбе подведен новый левкас, первоначальный нимб был значительно уже), кресты омофора, в том числе и видимый частично крест на покровенной руке святителя, поддерживающей Евангелие, ворот ризы, поручь благословляющей руки Николы и, наконец, оклад Евангелия. Подобные украшения икон святителей были традиционными для средневизантийского искусства, их воспроизведения в живописи можно видеть на образе Григория Чудотворца XII в. из собрания Эрмитажа²⁶ или на образе Николы первой половины XIII в. из монастыря св. Екатерины на Синае²⁷.

Левкас на полях "Успения" из Десятинного монастыря в Новгороде (ГТГ), иконы начала XIII в.²⁸, находившейся несомненно в местном ряду иконостаса, не сохранился (ныне на полях – реставрационная тонировка), поля, безусловно, были обложены серебром. У Христа, Души Богоматери, Богоматери и всех предстоящих у ложа были узкие серебряные венчики. Исключение составил лишь Иоанн Богослов, у головы которого нет следов крепления венчика, так как он бы закрыл указующую на небо кисть Дионисия Ареопагита и тем самым нарушил композиционный замысел иконы. Возможно, в исполнении венчиков участвовал сам иконописец, с большой любовью изобразивший в иконе различные драгоценные предметы: чеканную кацею на фигурных ножках, полную горящих углей, кадило в виде изящной чашечки на поддоне, два высоких церковных "свешника" с расчеканенными "ложками" чашами и стоянами, украшенными жемчужными поясами, роскошное, как бы окованное золотом ложе, с жемчужинами, драгоценными камнями и сияющими четырехконечными крестами, невольно вызывающее в памяти позднеантичные церемониальные погребальные одры, один из которых, серебряный, чтился в VI–IX вв. как реликвия св. Димитрия в его базилике в Солуни²⁹. Покровы ложа не менее драгоценны: на верхнем, голубом, художник тщательно выписал орнаментальное золотное шитье, по своему характеру схожее с шитьем новгородской "Ризы Антония Римлянина"³⁰, на другом покрове, подобном напрестольной индиги или подвесной пелене к иконе, орнаментация напоминает нашивавшиеся на покровы металлические дробницы³¹. Самой примечательной частью былых серебряных украшений этой иконы следует считать оклад горизонтальной поверхности ложа, который захватывал и верхнюю кайму его боковой пелены и, по-видимому, скрывал фигуру Богородицы вплоть до ее лика³², возможно, воспроизводил фигуру в чеканном рельефе и уподоблял тем самым изображение драгоценной раке. Подобным же образом, судя по гвоздевым отверстиям, было оковано ложе Богоматери на псковском "Успении" первой четверти XIV в.³³

"Богоматерь Великая Панагия" (около 1224 г., ГТГ)³⁴ – единственная среди икон домонгольского периода, сохранившая на полях первоначальное золото. Следовательно, икона в отличие от других, входивших в местный ряд иконостаса или стояв-

²⁵ Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. 1996. С. 68.

²⁶ Лазарев В.Н. История византийской живописи. М., 1986. Табл. 327.

²⁷ Там же. Табл. 436.

²⁸ См.: Лазарев В.Н. Русская иконопись... Ил. 7.

²⁹ См.: Pallas D.I. Le ciborium hexagonal de Saint-Démétrios de Thessalonique // Зограф. Београд, 1979. 10. Р. 45.

³⁰ См.: Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода, 1996. Ил. с. 123.

³¹ Об этой детали иконы см. также: Розанова Н.В. К вопросу об орнаменте на древнейших русских иконах // Русское искусство XI–XIII веков. М., 1986. С. 31–33.

³² Точно ответить на этот вопрос поможет рентгенограмма иконы.

³³ Государственная Третьяковская галерея... № 28. С. 91–92.

³⁴ См.: Лазарев В.Н. Русская иконопись... Ил. 21.

¹⁹ Мнение А.И. Яковлевой, которой мы приносим глубокую благодарность за консультации по технологии и состоянию сохранности икон домонгольского периода.

²⁰ См.: Описи Московского Успенского собора... Стб. 387–388.

²¹ Воспроизведение рентгенограммы см.: Розанова Н.В. Некоторые итоги... Рис. 77 на с. 173.

²² См.: Лазарев В.Н. Русская иконопись... Ил. 19.

²³ Там же. С. 165. Ил. 9.

²⁴ Существует мнение, что палеосные фигуры иконы были выполнены позднее средника по вновь наложенному левкасу (см.: Мневя Н.В., Филатов В.В. Икона Петра и Павла Новгородского Софийского собора // Из истории русского и западноевропейского искусства. М., 1960. С. 96).

ших в храме "на поклоне" и соответственно неоднократно оковывавшихся, действительно была запрестольной. Ее необычной особенностью являются белильные нимбы и белильные полосы, окаймляющие медальоны с архангелами и лугзу иконы. Большинство исследователей живописи иконы не обращали на это обстоятельство никакого внимания, некоторые не избежали соблазна его эстетического или аллегорического истолкования. В.Г. Брюсова считала, что "белые нимбы, лоры ангелов и белая рамка ... создают в колорите акцент белых пятен, что обычно служит указанием на предназначение памятника для каменного храма: белый цвет является неотъемлемой частью мозаик и фресок"³⁵. С.И. Масленицын, предположивший, что икона написана по заказу князя Константина Всеволодовича в память его победы в битве на Липице (1218), писал: "Занимая в колорите иконы второе место после золота, белый цвет должен был, вероятно, напоминать смотрящему на икону, что заказчиком изображения был князь, помышлявший о мире, исполненный чистоты и благородства, равный величию и мудростью Соломону"³⁶. Исследователей не смущало и то, что белые нимбы никогда не встречаются в средневековой восточнохристианской иконописи³⁷. В действительности же все вышеперечисленные части иконы имели драгоценный оклад, ясно прослеживающийся по гвоздевым отверстиям. Колористический строй иконы делает наиболее вероятным изготовление для нее ярких, насыщенных цветом золотых венцов, исполненных в технике перегородчатой эмали либо украшенных отдельными эмалевыми дробницами или высокорельефной сканью и крупными самоцветами. Их облик помогают представить сохранившиеся до наших дней эмалевые венцы грузинских икон, в частности, "Цилканской Богородицы"³⁸, подвергавшиеся поновлениям, но восходящие к XI в. венцы драгоценной иконы "Богородица Никопей" из венецианского собора Сан Марко, украшенные помимо перегородчатых эмалей крупными самоцветами³⁹, венец драгоценной иконы Христа из ризницы храма Воскресения Господня в Иерусалиме константинопольской работы XII в.⁴⁰, а также не сохранившийся, но в свое время описанный и воспроизведенный Н.П. Кондаковым эмалевый венец архангела Гавриила из охридского "Благовещения"⁴¹.

Маленький (45×37) образ "Спас Вседержитель" из Ярославского художественного музея⁴² является по преданию моленной иконой ярославских князей Василия и Константина (1238–1257), берегавшейся в ярославском Успенском соборе около их гробниц, т.е. древнейшей из сохранившихся русских домовых икон. Он изначально создавался с учетом драгоценных частей. Паволока под нимбом Христа вырезана, он неоднократно обновлялся и по предположению Н.В. Розановой, основанном на изучении рентгенограммы, первоначально мог иметь форму креста, как на иконе

"Спас Златые Власы"⁴³. Подобные венцы Христа, выполненные из серебра, упоминаются в описи 1143 г. русского монастыря Пресвятой Богородицы Ксилургу на Афоне⁴⁴. Рентгенограмма показывает следы существования на венце крупных гнезд для хрусталей или самоцветов – двух прямоугольных и одного округлого. Облик подобных украшений венцов ныне можно представить по уже упоминавшемуся нами псковскому "Деисусу" начала XIV в., где на венцах Христа и Богородицы сохранились два крупных хрустала⁴⁵. На окованных полях "Спаса" было, судя по рентгенограмме, еще восемь подобных крупных украшений⁴⁶. Такие оклады упоминаются в византийских источниках XI–XII вв.: в "Диатаксисе" Михаила Атталиата, написанном для монастыря Христа Паниктирмона в Константинополе (1077), фигурирует живописная икона св. Пантелеймона, поля которой были украшены золоченым серебром и двадцатью пятью "хрусталами" и чеканными фигурами; в инвентаре константинопольского монастыря Богородицы, основанного императрицей Ириной (до 1118 г.), упомянута аналогично украшенная икона Богородицы⁴⁷. По описям московского Успенского собора известны древние иконы с десятками хрусталей на окладах⁴⁸. Итак, маленькая икона Спаса была украшена с роскошью, подобающей княжеской домовый "святости", и по своему первоначальному облику была схожа с другой домовый родовой иконой – кремлевской "Богородицею Умиление" (Толгской)⁴⁹.

Итак, опыт реконструкции первоначального облика нескольких древних икон показывает, что различные драгоценные украшения были неотъемлемой частью иконного образа. Исследователь должен отдавать себе отчет в том, что "чистота сияния белил", являющаяся для него одним из важных компонентов образной характеристики, могла быть по замыслу иконописца скрыта массивной чеканной ризой.

³⁵ Брюсова В.Г. К атрибуции произведений живописи домонгольского времени. "Ярославская Оранта" ("Богородица Знамение") // Русское искусство XI–XIII веков. М., 1986. С. 78.

³⁶ Масленицын С.И. "Богородица Великая Панагия" ("Ярославская Оранта") // Русское искусство XI–XIII веков. М., 1986. С. 103.

³⁷ Можно вспомнить лишь белые нимбы двух архангелов в энкаустической иконе конца VI в. "Богородица на престоле со св. Феодором и Георгием" (см.: Weitzmann K. Die Ikone 6. Bis 14. Jahrhundert. München, 1978. № 2).

³⁸ См.: Хускивадзе Л.З. Средневековые перегородчатые эмали... Ил. 168–180.

³⁹ См.: Belting H. Bild und Kult. S. 14. II. 1.

⁴⁰ См.: Кондаков Н. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904. С. 276–281. Рис. LXV; Wessel K. Die byzantinische Emailkunst von V. bis XIII. Jahrhundert. Recklinghausen, 1967. S. 170–174; Хускивадзе Л.З. Грузинские эмали. Тбилиси, 1981. 157–158. Табл. XLVII; Belting H. Das Bild und sein Publikum im Mittelalter: Form und Funktion früher Bildtafeln der Passion. B., 1981. S. 185–186. Abb. 70. К. Вессель и Л. Хускивадзе считали перегородчатые эмали этой иконы грузинскими, Н.П. Кондаков и Х. Белтинг – константинопольскими.

⁴¹ См.: Кондаков Н.П. Македония. СПб., 1909. С. 262. Рис. 184.

⁴² См.: Лазарев В.Н. Русская иконопись... Ил. 23.

⁴³ Розанова Н.В. Некоторые итоги... С. 168.

⁴⁴ См.: Акты русского на святом Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеймона. Киев, 1873. С. 53.

⁴⁵ См.: Лазарев В.Н. Русская иконопись... Ил. 69.

⁴⁶ На расположенные на полях иконы "округлые углубления, свидетельствующие о существовании здесь когда-то украшения в виде камней овальной формы, врезанных в доску и левкас" впервые обратил внимание А.Н. Анисимов (Анисимов А.И. Домонгольский период древнерусской живописи // Вопросы реставрации. М., 1928. Т. 2. С. 126).

⁴⁷ См.: Belting H. Bild und Kult. S. 581, 579.

⁴⁸ Описи Московского Успенского собора... Стб. 296 и др.

⁴⁹ См.: Стерлигова И.А. Драгоценный убор русских икон XIV–XV вв. // ДРИ: Сергей Радонежский и художественная культура Москвы XIV–XV вв. СПб., 1998. Ил. на с. 218.

А.Я. Каковкин

ЕЩЕ РАЗ О ФРАГМЕНТАХ "ШЕЛКОВ ИЗ ШЕЛЛЯ"

(проблемы происхождения, датировки и реконструкции изображений)

Среди памятников раннехристианского ткачества особую группу составляют шелка. Относительно небольшое количество дошедших до нас шелков, как правило, их крохотные размеры и не очень хорошая сохранность, их своеобразный изобразительный репертуар и т.п. ставят перед исследователями ряд трудно-разрешимых проблем, касающихся происхождения памятников, определения времени их создания, толкования изображений и т.п. Поэтому естественно, что всякая новая находка изделий шелкоткачества вызывает у специалистов повышенный интерес, поскольку расширяет круг памятников, иногда проясняет некоторые из трудноразрешимых вопросов, а порой рождает и новые проблемы. К числу таких памятников можно отнести и те, о которых речь пойдет в этой работе.

В 1983 г. в восточном пригороде Парижа – городке Шелле, в приходской церкви, в раке св. Флора среди разнообразных реликвий были обнаружены три небольших куска шелков с фрагментами сохранившихся фигурных изображений (желтые на светло-коричневом фоне) и остатками греческих надписей. Вскоре шелка (за которыми укрепилось название "шелка из Шелля") были переданы в местный музей – музей Альфреда Бонно (Musée Alfred Bonno).

Из-за технических сложностей репродуцирования этих памятников их в большинстве случаев воспроизводят в прорисовках (рис. 1 А, Б).

На самом большом фрагменте (размером всего лишь $8,6 \times 6$ см)¹ представлены: обращенная влево женщина, протягивающая вперед руку, и телец, за которым изображено дерево; справа от дерева видны: край плаща, кисти рук (в одной из которых свернутый свиток) и колончатая надпись; сверху – нижние части этих же изображений.

На втором фрагменте ($6 \times 4,6$ см) видим тельца вправо, за которым изображено дерево. В левой части остатки неопределенных изображений.

На третьем, самом маленьком фрагменте ($6,3 \times 2,8$ см) справа сохранилось изображение головы старца и кисть его правой руки. За головой справа – остатки колончатой надписи, а перед кистью – надпись в три строки. Вверху слева видны ступни двух людей в длиннополых одеяниях, а справа – ножки стула и нижняя часть сидящей на нем фигуры: две ступени и подол одеяния.

Технические особенности фрагментов, их колористический строй, характер трактовки изображений и особенности палеографии указывают на несомненную принадлежность их одному памятнику раннего времени. Естественно, что столь редкие произведения шелкоткачества сразу привлекли к себе внимание специалистов: фрагменты экспонировались на нескольких выставках (Гюири-эн-Веррион, 1986 г.; Шелль, 1986 г., Париж, 1992–1993 гг.) и вскоре после открытия вошли в научный оборот.

¹ В разных публикациях размеры фрагментов колеблются, но не настолько, чтобы на это обращать внимание.

Рис. 1

Первым обратился к шелкам из Шелля Ж.-П. Лапорт. В своей публикации, посвященной находкам в раке св. Флора, он, кратко изложив историю обнаружения реликвий в церкви городка Шелля, привел полученные Нейоми Мур технические и технологические данные о шелках, описал и воспроизвел в прорисовках (рис. 1 А) изображения на них, скопировал (не всегда точно) надписи и высказал

предположение о выполнении шелков в Египте в V–VI вв.² В двух последующих своих работах Ж.-П. Лапорт, основываясь на данных пояснительных надписей на памятниках, предположил, не вдаваясь в детальное рассмотрение вопроса, что на этих фрагментах воспроизведены эпизоды, относящиеся к жизни пророка Самуила³.

М. Мартиниани-Ребер – автор разделов о тканях в каталоге грандиозной выставки памятников византийского искусства из музеев и частных собраний Франции, приняв предположение Ж.-П. Лапорта относительно идентификации сюжета, конкретизировала его: по ее мнению, на фрагментах воспроизведен библейский сюжет, когда, согласно обету, мать Самуила Анна приводит сына к первосвященнику Илию (I Цар. 1: 24–25. Кат. – Сам. 1: 20–28). Отнеся шелка к VI–VII вв., она высказалась за их ближневосточное происхождение⁴.

Коснувшись шелков из Шелля и Л. Кётце. Она согласилась с определением сюжета, предложенным М. Мартиниани-Ребер и вслед за Ж.-П. Лапортом, отнесла памятники к Египту, но датировала их V в.⁵

Больше других внимание шелкам из Шелля уделила известный специалист по древнему текстилю А.А. Иерусалимская. В своей статье "К сложению репертуара раннего шелкоткачества Византии. (Об одной группе шелковых тканей)"⁶ она, показав, что памятники являются скорее всего продукцией египетских мастеров (Александрии или Антиной) V в., снабдила статью своими прорисовками шелков, разместив их иначе, чем у иностранных коллег (рис. 1 Б), воспроизвела некоторые надписи и предложила свою оригинальную интерпретацию изображений, отметив при этом, что "композиция, в целом, конечно не может быть реконструирована, как и абсолютная последовательность сцен и содержание греческих надписей, от которых дошли лишь отдельные буквы"⁷. По мнению А.А. Иерусалимской, на трех фрагментах шелков воспроизведен не один сюжет из Ветхого Завета, как полагали ее предшественники, а пять сцен из Нового Завета: 1. "Благовещение", 2. "Благовестие пастухам", 3. "Оранта (Испытание водой Марии (?))", 4. "Рождество (?)", 5. "Введение в храм младенца Христа (?)"⁸. Она же предложила именовать эти фрагменты – "Шелка с Марией и Анной"⁹.

Разделяя мнение А.А. Иерусалимской относительно египетского происхождения памятников и отнесением их к V веку, я категорически не могу согласиться с предлагаемым ею толкованием изображений на них. На мой взгляд, в ее интерпретации есть натяжки логического свойства и явные несообразности иконографического порядка. Свои соображения на этот счет в сжатой форме я изложил в тезисах на VIII научных Сюзюмовских чтениях в августе 1995 г. в Севастополе¹⁰. Здесь же представляю их в развернутом виде. Каждая из предлагаемых А.А. Иерусалимской

интерпретаций сцен буквально озадачивает. Под № 1 в ее реконструкции памятника значится "Благовещение (правая половина сцены)", т.е. здесь представлена Мария. Странно, что Дева "отвернулась" от Гавриила. Согласно ее концепции, благовестие пастухам (№ 2) почему-то предшествует испытанию водою обличения (№ 3) и рождеству Христову (№ 4). Пастухи в сцене рождества, как известно, пасли мелкий скот, а не тельцов (каких видим на фрагментах шелков). Нелепа поза оранты в сцене испытания водою обличения (№ 3). Необъяснимо появление дерева в сцене рождества (№ 4), происходившего в хлеву. Наконец, совершенно несообразна ни с историко-догматическими, ни с иконографическими источниками сцена, названная А.А. Иерусалимской "Введение в храм младенца Христа" (№ 5) – знак вопроса не устраняет недоумений, поскольку в христианской иконографии не зафиксирована такая сцена. В церковной литературе (как канонической, так и апокрифической) к младенческому периоду жизни Спасителя относятся только два эпизода, связанных с храмом в Иерусалиме. Первый – обрезание и наречение Иисусом восьмидневного сына Девы Марии. Второй эпизод – встреча в сороковой день жизни Иисуса в храме праведником Симеоном Богоприимцем и Анной пророчицей. В обоих случаях младенец Иисус был на руках у Марии. В следующий, третий раз Христос попал в храм уже без сопровождения родителей в двенадцатилетнем возрасте. Приведенные соображения, по-моему, доказывают несостоятельность предположений А.А. Иерусалимской и относительно идентификации сюжета на шелках и относительно их названия ("Шелка с Марией и Анной").

В вопросе определения сюжета на шелках из Шелля я разделяю взгляды зарубежных специалистов. Здесь несомненно представлен эпизод, относящийся к детству пророка и судии Израиля Самуила, а именно – приведение отрока Самуила к первосвященнику Илию. К этому заключению исследователи пришли, основываясь на пояснительных греческих надписях, сопровождающих изображения на самом маленьком и самом большом фрагментах. Обратимся к этим надписям.

На самом маленьком фрагменте сохранилось букв больше всего. Остатки колончатой надписи за спиной старца: HΛI[A]¹¹, безусловно, позволяют видеть в этом персонаже Илию – судью и первосвященника храма Господа в Силоме. Вытканые в три строки надписи перед кистью правой руки Илии: ANNA и CAM/OYHΛ¹², несомненно, указывают, что это Анна и ее малолетний сын Самуил. Итак, установлены имена трех участников представленного события: Илий, Анна, Самуик. Но, согласно библейскому тексту, в этом эпизоде принимал участие и муж Анны, отец Самуил – левит Елкана. И, думается, есть основания считать, что и он был изображен на шелках из Шелля. На самом большом фрагменте, справа, за тельцом видны часть ступни, край плаща и кисти рук; в одной свиток, другая раскрыта в приветственном жесте, над нею столбцом вытканы в зеркальном положении четыре буквы: ЭКА¹³, которые складываются в слово-имя "Елкана"¹⁴. Других вариантов чтения трудно найти.

Итак, действующие лица вытканного на шелках эпизода определены. Однако в

² Laporte J.-P. Tissus médiévaux de Chelles et de Faremontiers // Tissus et vêtement. 5000 ans des savoirs faire. Catalogue de l'exposition. Guiry-en-Veron, 1986. P. 155–156 (B¹, B², B³). Pl. XIII.

³ Laporte J.-P. Le trésor des saints de Chelles. Chelles, 1988. P. 136–137. Fig. 32bis; Laporte J.-P., Boyer R. Trésors de Chelles: sépultures et reliques de la reine Bathilde et de l'Abbesse Bertille. Chelles. Musée Alfred Bonno, 1991. P. 56–57.

⁴ Byzance. L'art byzantin dans les collections publiques françaises. P., 1992. P. 153. N 102.

⁵ Kötzsche L. Die Marienseide in der Abegg-Stiftung. Bemerkungen zur Ikonographie der Szenenfolge // Riggisberger Berichte. Riggisberg, 1993. 1. S. 192–193. Abb. 3.

⁶ Иерусалимская А.А. К сложению репертуара раннего шелкоткачества Византии. (Об одной группе шелковых тканей) // Византия и Ближний Восток (памяти А.В. Банк). Сборник научных трудов. СПб., 1994. С. 32, 34, 35, 40. Рис. 5 (здесь – рис. 1 Б).

⁷ Там же. С. 32, 34.

⁸ Там же. С. 34–35.

⁹ Там же. С. 32, 35.

¹⁰ Каковкин А.Я. Шелка из Египта с редким библейским сюжетом // Византия и Крым. Проблемы городской культуры. Тезисы докладов VIII научных Сюзюмовских чтений. 25 августа – 3 сентября 1995 года (г. Севастополь). Екатеринбург, 1995. С. 32–33.

¹¹ Ж.-П. Лапорт и А.А. Иерусалимская так воспроизводят надписи: HΛI, а М. Мартиниани-Ребер – HΛI[as]. Кстати, Ж.-П. Лапорт и А.А. Иерусалимская приняли эти буквы не как обозначение (столбцом) имени Илии, а за начальные буквы строк надписи (которая, по мнению А.А. Иерусалимской, поясняет следующую, не сохранившуюся сцену правее старца).

¹² У Ж.-П. Лапорта эти надписи выглядят так: ANNA и CAM/OYHΛ; у М. Мартиниани-Ребер – ANNA и CAMOYHΛ; А.А. Иерусалимская (Указ. соч. С. 34–35), воспроизводя эти надписи: ANNA, CAM и OYHΛ, видит здесь лишь окончания одной трехстрочной надписи.

¹³ Эти буквы приводят только Ж.-П. Лапорт и А.А. Иерусалимская, воспроизводя их одинаково: ЭКАH(?).

¹⁴ Расположение надписей на шелках по горизонтали и по вертикали можно объяснить либо тем, что ткач точно копировал образец (скорее всего миниатюру), либо, исходя из композиционных соображений, диктуемых расположением фигур, заполнял пустоты фона.

том виде, в каком фрагменты воспроизводятся в публикациях, визуального, наглядного представления о сцене получить нельзя. Требуется ее воссоздание. Никто из специалистов не пытался это сделать. Скептически, как уже отмечалось, отнеслась к самой возможности реконструкции сцены и А.А. Иерусалимская. Я же полагаю, что сохранившиеся фрагменты вполне позволяют в общих чертах воссоздать первоначальный вид сцены и более или менее цельный кусок шелка с этой сценой. Попытаюсь это сделать.

Технические особенности фрагментов указывают на то, что выполнены они были на многоремизном станке. Техника ткачества на таком станке обеспечивала многократное повторение сцены по вертикали (так называемый "раппорт"), а использование при этом приема "турн овер" (tourne over) позволяло воспроизвести сцену еще и в зеркальном варианте – вправо или влево¹⁵. Самый большой фрагмент с Анной, тельцом и фрагментами изображения Елкана, исходя из общего характера подобных сцен в шелкоткачестве и судя по зеркальному начертанию пояснительных надписей, принадлежал к правой части ткани, в то время как два остальных фрагмента – к левой части. Поэтому, чтобы получить первоначальную картину, самый большой фрагмент следует перевернуть на 180° относительно вертикальной оси и затем подставить его к левому краю самого малого фрагмента так, чтобы голова Анны оказалась на одном уровне с головой Илии (между ними окажутся надписи с именами Анны и Самуила). Третий кусок ткани (с тельцом) прикладываем к левой стороне большого фрагмента на некотором расстоянии от него, чтобы вместить здесь фигуру Елкана. Теперь, когда, как кажется, верно размещены фрагменты, осталось только заполнить лакуны между ними, т.е. воссоздать сцену в близком к первоначальному виду. Вправо эти же изображения размещаются в обратном (зеркальном) порядке. Композиция была традиционно фризовой для шелкоткачества.

Повторив этот рисунок несколько раз по вертикали и зеркально относительно вертикальной оси вправо, получим, полагаю, довольно близкую к первоначальному виду шелковую ткань (рис. 2): справа на стуле сидит левым боком к зрителю бородачатый старец. Это судья и первосвященник храма Господа в Силоме, глава братства служителей скинии и ковчега в этом городе – Илий. Обратив лицо к зрителю, он поднял простертую правую руку. Этим приветственным жестом он встречает направляющиеся к нему две человеческие фигурки, большую – женскую и маленькую – детскую, представляющих Анну и ее малолетнего сына Самуила. Изображенный за Анной упитанный горбатый бык на фоне разросшегося дерева – жертвенный телец. За животным идет Елкана, направляющийся, как и Анна с Самуилом, в сторону Илии. Заключает сцену скорее всего третий фрагмент – с тельцом (еще одно жертвенное животное). Вполне возможно (хотя, в силу специфики ткачества, и необязательно), что за тельцом был изображен слуга (или слуги) с хлебами, одной эфой¹⁶ муки и мехом вина, о которых в качестве даров благочестивой четы упоминается в библейском тексте. Примечательно, что представленная на фрагментах шелков сцена точно, до мелочей соответствует тексту Библии (1 Цар. I: 24–25): "Когда же вскормила [Анна] его [Самуила], пошла

Рис. 2

с ним в Силом, взявши три тельца (и хлебы) и одну ефу муки и мех вина, и пришли в дом Господа в Силом, (и отрок с ними), отрок же был еще дитя. (И привели его [Самуила] пред лице Господа; и принес отец его [Елкана] жертву, которые в установленные дни приносил Господу. И привели отрока) и закололи тельца; и привела отрока (Анна мать) к Илию" (в изложении автора статьи. – *Ред.*).

Дошедшие до нас шелка с библейскими персонажами, происхождение которых из Египта мало кем оспаривается, немногочисленны¹⁷. И на этом фоне повышается роль для науки вновь обретенных шелков из Шелля.

Неосомненно, что представленная на них сцена была выбрана заказчиком не случайно, а совершенно сознательно. Догматико-символический смысл ее, вероятно, подразумевал сразу несколько аспектов. Первый аспект – в бесплодии супружеской четы Анны и Елкана, разрешившемся в конце концов рождением Самуила, богословы могли усматривать параллели и с судьбой Елизаветы и Захария – родителей последнего пророка и предтечи Спасителя Иоанна Крестителя и с участью праведной четы Иоакима и Анны – родителей Марии. Второй аспект – толкователи священных текстов в приведении Анной и Елканой в храм Самуила видели прообраз принесения в храм Марией и Иосифом младенца Христа – Сретение Господне¹⁸.

Иными словами, в представленной на шелках из Шелля сцене и в ее символическом осмыслении богословами оказывался задействованным ряд персонажей, тесно связанных родственными узами со Спасителем мира – Иисусом Христом: родители Самуила являлись прообразами родителей Богородицы; Самуил помазал

¹⁵ Примеры таких изображений дают десятки шелков. Укажу лишь наиболее интересные: изготовлявшиеся, вероятно, в мастерских Ахмима в VIII–IX вв. шелка "группа Захария" и "группа Иосифа" (*Schepherd D.G. A Coptic Silk // Bulletin of the Cleveland Museum 1947. Т. 34, № 9. P. 216–217, 237*); "Шелк Марии" (V в.) из фонда Абега, варианты реконструкции которого см.: *Иерусалимская А.А. Указ. соч. ил.-вклейка между страницами 30 и 31; Willers D. von. Dionysos and Christus – ein archäologisches Zeugnis zur 'Konfessionsangehörigkeit' des Nonnos // Museum Helvetium. Basel, 1992. 49. Jahrgang. S. 148–149. Abb. 2; Kötzsche L. Op. cit. S. 185–186.*

¹⁶ Эфа – иудейская мера для хлебных и сыпучих веществ. Одна эфа была около двух четвериков.

¹⁷ Большинство из них представлено у: *Flury-Lemberg M. Textile Conservation and Research. Bern, 1988. P. 367–369, 502. Cat. N 94. Fig. 787–792; P. 412–413. Cat. N 72. Fig. 852–879; P. 270, 481. Cat. N 46. Fig. 554–555; Kötzsche L. Op. cit. S. 183–194; Иерусалимская А.А. Указ. соч. С. 19–40.*

¹⁸ *Réau L. Iconographie de l'art chrétien. P., 1956. Vol. II (1). P. 251.*

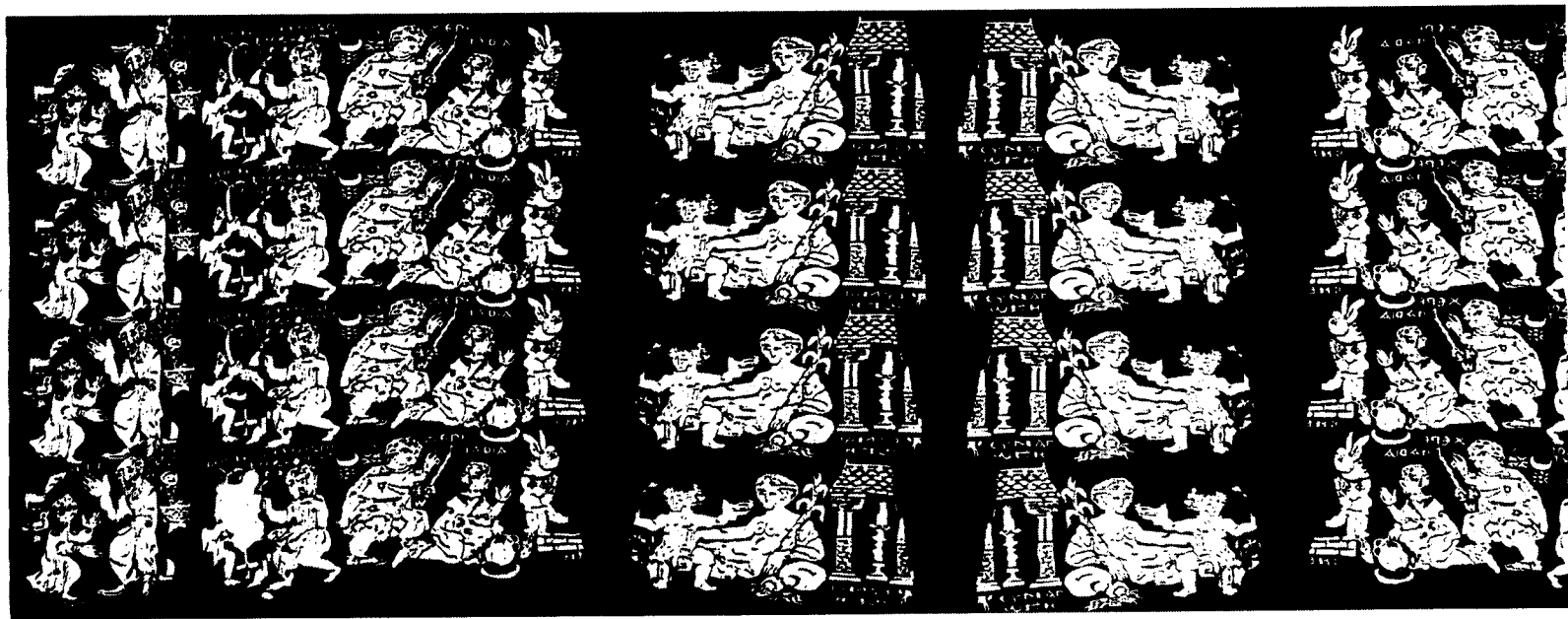

Рис. 3

на царство Давида, из рода которого происходили Дева Мария, ее обручник Иосиф и Иисус Христос. Наверное, принималось во внимание и то, что именно мать Самуила в благодарственной молитве Господу в первый раз в истории богословия произнесла имя "Христа, помазанника Божия" (I Цар. 2: 10).

Третий аспект – образ Самуила. Это последний судья Израиля. По повелению Бога именно он установил царскую власть в стране, помазав на царство двух первых царей – Саула и Давида. Он же объединил колена израильские против филистимлян. По божьей благодати обладая пророческим даром, он при жизни и даже после смерти предсказывал судьбы многих своих соплеменников¹⁹. И в этом качестве его образ логично укладывается в предлагаемую мною концепцию, согласно которой большинство изображений на коптских тканях заключает в себе апотропеический, благопожелательный, а в конечном счете – сотериологический смысл²⁰.

Значение представленных здесь фрагментов шелков из Шелля трудно переоценить. Это не только единственные на сегодняшний день образцы египетского шелкоткачества с изображением эпизода приведения родителями отрока Самуила к первосвященнику Или, но и самые ранние изображения этого библейского сюжета в художественной практике христиан. Следующий по времени памятник с таким изображением от рассматриваемого здесь египетского отстоит на восемь столетий²¹.

Шелка из Шелля вместе с другими известными памятниками коптского ткачества IV–X вв. с библейскими персонажами и сценами (а их, по моим подсчетам, несколько десятков²²) побуждают пересмотреть бытующее в специальной литературе мнение о слабом отражении в коптском искусстве библейской тематики²³. Более того, неординарное композиционное и иконографическое решение многих эпизодов и героев на этих памятниках убедительно свидетельствуют о значительном вкладе египтян-христиан в разработку христианской иконографии и в сокровищницу мирового искусства в целом.

¹⁹ Роль Самуила довольно полно отражена у А. Меня: *Мень А. Свет во тьме светит. Проповеди*. М., 1991. С. 138–142. Примечательно, что в службе святым праотцам, в дополнение к прокимну аллуарии, называются три величайших из отцов христианства: Моисей, Аарон и Самуил. Первые – как представители свящества, Самуил – как представитель всей благочестивой части избранного народа (Скабалланович М. Рождество Христово. Киев, 1916. С. 52–53).

²⁰ Каковкин А.Я. Изображения на коптских тканях: украшения или символы? // *Восточное Средиземноморье и Кавказ IV–XVI вв.* Сб. статей. Л., 1988. С. 37–66; *Он же.* Коптские ткани: опыт символического осмысления изображений: Дис. д-ра искусств. М., 1997. 42 с. (в виде научного доклада).

²¹ Réau L. Op. cit. P. 252.

²² Это не только недавно открытые и опубликованные тканые памятники (см.: Flury-Lemberg M. Op. cit. P. 396–397, 400. Cat. N 70. Fig. 817–831; Rutschowskaya M.-H. Tissus coptes. P., 1990. P. 126–127, 129–131; Köttsche L. Der neuerworbene Wandbehang mit gemalten Alttestamentlichen Szenen in der Abegg-Stiftung (Bern) // *Byzantine East, Latin West. Historical Studies in Honor of K. Weitzmann*. Princeton University, 1995. S. 65–71), но и некоторые по-новому интерпретированные изображения на нескольких давно известных памятниках. Например, на двух тканых медальонах из Музея прикладных искусств в Афинах (инв. № 1382 и 1379) полагают, что представлено избиение вифлеемских младенцев (Апостолаки А. Коптские ткани из Афинского музея прикладных искусств. Афины, 1932. С. 151–152. Ил. 119 (на греч. яз.); Abdel-Malek L.H. Joseph Tapesties and Related Coptic Textiles (Ph. D.). Ann Arbor, 1980. P. 230, 288. Cat. N 71. Fig. 76, 77), по-моему, здесь представлен "Суд Соломона" (см.: Каковкин А.Я. Коптская ткань с изображением "Суда Соломона" // ВВ. 1995. Т. 56 (81). С. 292–297). Считаю, что на ткани из Музея тканей в Лионе (инв. № 26812141) изображен не Эдип со сфинксом, как думали публикаторы памятника (Peirce H., Tyler R. L'art byzantin. P., 1934. T. 2. P. 138. Pl. 205 b), а прорицатель и маг Валаам с ослицей. Аргументация приведена в моем сообщении "Античный или библейский герой представлен на коптской ткани из Музея тканей в Лионе?", сделанном в Эрмитаже 25 января 1995 г. на X чтении памяти В.Г. Луконина.

²³ Эта проблема поднята в моей статье "Ветхозаветная тематика в коптском искусстве" (ВДИ. 1996. № 1. С. 38–47).

В.С. Шандровская

ПЕЧАТИ И МОНЕТЫ ВИЗАНТИЙСКИХ ИМПЕРАТОРОВ
С ИЗОБРАЖЕНИЕМ БОГОМАТЕРИ

Несомненная близость сфрагистического и нумизматического материала открывает путь для их сопоставительного изучения. Яркое свидетельство этого сходства нашло отражение в статье крупнейшего нумизмата И.И. Толстого, где, исследуя монеты русского князя Ярослава, он обращается к "наиболее близким к монетам по технике и смыслу памятникам, а именно к печатям"¹, устанавливая на их основе прототип изображения Георгия Победоносца на монетах. Безусловную ценность представляет и другая статья И.И. Толстого, в которой он подвергает тщательному разбору иконографические типы Богородицы, встречающиеся на византийских монетах². Нумизматика органически входит в исследования и акад. Н.П. Лихачева по сфрагистике, в монографии которого об историческом значении итало-греческой живописи, сделаны, в частности, весьма важные наблюдения об иконографии Богородицы³.

Многое дает в этом плане также работа Н.П. Кондакова, привлекая нумизматические и сфрагистические данные, он рассматривает различные типы иконографии Богородицы⁴. Сравнению печатей и монет уделяет большое внимание и В. Зайбт как в своем каталоге византийских печатей в Австрии, так и в статьях, из которых особое значение для сфрагистики имеет статья об изображении Богородицы на византийских печатях по преимуществу в XI в.⁵

Монеты и печати привлекают в своих работах историки византийского искусства. Они "часто извлекают пользу из нумизматики при рассмотрении идей, иконографии и вопросов стиля... что касается печатей, то их огромное значение по вопросам иконографии нужно подчеркнуть особо"⁶, — отмечает Г. Галаварис. — Во всем этом можно убедиться, обратясь, например к исследованиям истинного знатока иконографии Богородицы — М. Татич-Джурич⁷.

¹ Толстой И.И. Случай применения византийской сфрагистики к вопросу о русской нумизматике // Труды седьмого археологического съезда в Ярославле. М., 1891. Т. 2. С. 73–81.

² Толстой И.И. О монете Константина Мономаха с изображением Влахернской Божией Матери // Записки Имп. Русского археологического общества. 1888. Т. III. Отд. оттиск. С. 1–20.

³ Лихачев Н.П. Некоторые старейшие типы печатей византийских императоров // Нумизматический сборник. М., 1911. С. 497–539; Он же. Датированные византийские печати // ИРАИМК. 1924. Т. III. С. 153–224; Он же. Историческое значение итало-греческой живописи. СПб., 1911.

⁴ Кондаков Н.П. Иконография Богородицы. Пг., 1915. Т. II.

⁵ Seibt W. Die byzantinischen Bleisiegel in Österreich. Th. 1. Kaiserhof. Wien, 1978. (Далее: Seibt W. Bleisiegel); Idem. Die Darstellung der Theotokos auf byzantinischen Bleisiegeln, besonders im 11. Jahrhundert // SBS. 1987. I. S. 35–36.

⁶ Galavaris G. The Representation of the Virgin and Child on a "Thokos" en Seals of the Constantinopolitan Patriarchs // Δελτίον τῆς χριστιανικῆς ἀρχαιολογικῆς ἑταιρείας. Ἀθήναι. 1961. περ. Δ'. Τ. Β'. 1960. Ρ. 153.

⁷ Тамтић-Ђурић М. Статиска иконоца из Куршумлије // Сборник за ликовне уметности. Нови сад, 1966. Т. II. С. 65–83; Idem. L'icone de Kyriotissa // XV Congrès international d'études byzantine. Résumé des communications. Athènes, 1976. II. Art et archéologie. P. 91; Она же. Врата слова. Ка лику и значењу

Первая попытка сопоставления печатей и монет была предпринята мной в статье об изображениях святых воинов в византийской сфрагистике и нумизматике⁸, что позволило определить основные фигуры воинов, время возникновения этих образов (на монетах святой воин появляется значительно позже, чем на печатях), их распространение, сходство и различие в характере передачи самих изображений.

В данной статье я пытаюсь проследить время появления образа Богородицы на печатях византийских императоров и их монетах⁹, выявить репертуар изображений в правление отдельных императоров, установить, по возможности, хронологические границы существования и распространения этих изображений.

Как известно, официальное признание святой Марии Богородицей произошло на третьем Вселенском соборе в Эфесе в 431 г. Оно "закрепляло верование и убеждение большей части христианского мира. Вот почему изображение Богородицы распространилось с необыкновенной быстротой"¹⁰.

Уже с раннего времени императоры отдают себя под покровительство Богородицы, передавая часто на своих печатях и монетах "драгоценные схемы типов важнейших чудотворных икон, почитавшихся в Византии"¹¹ и копии монументальных мозаичных росписей. Вместе с воспроизведением иконографических типов Богородицы: Никопеи, Оранты, Влахернитиссы, Одигитрии, Агисоритиссы. Богородицы с руками перед грудью, Епискепис (Знамение) и Богородицы, сидящей на троне, — на печатях и монетах встречаются изображения Богородицы и императора по сторонам патриаршего креста (лабарума), Богородицы, венчающей императора и Богородицы Оранты, окруженной стенами Константинополя.

Ни одно изображение "не встречается чаще на византийских печатях, — отмечал Густав Шлюмберже, создатель первого большого свода по сфрагистике, — чем образ Богородицы, могущественной покровительницы греческого народа, бывшего наиболее благочестивым народом в средние века"¹². Однако не только печати, но и монеты демонстрируют многообразие изображений Богородицы, что подтверждается работами по нумизматике, прежде всего исследованиями Ф. Грирсона¹³.

В предлагаемом описании иконографических типов Богородицы дается лишь общее представление о них. Нельзя не заметить, что дать точную терминологию для тех или иных типов при различии их наименований в исследовательской литературе совсем непросто. Быть может, отчасти имеет место путаница в обозначении типов, встречающаяся на самих печатях. Так, например, Агисоритисса в рост названа на печати Одигитрией¹⁴, на моливдовуле с изображением Богородицы Одигитрии читается Μήτηρ Θεοῦ ἡ Νικοπόλις¹⁵, Богородица Знамение носит эпитет Влахернитисса¹⁶. Хотя этот эпитет и может быть объяснен связью с Влахернским храмом, где "возможно и возник новый тип"¹⁷ Богородицы Знамение, все же перед нами, как будет показано ниже, два различных

Влахернитисе // Сборник за ликовне уметности. Нови сад, 1972. Т. VIII. С. 63–88. (Далее: Татич-Ђурић М. Врата слова).

⁸ Шандровская В.С. Изображения святых воинов в византийской сфрагистике и нумизматике // Сборник Византия и Ближний Восток. СПб., 1994. С. 70–89.

⁹ В обзор не входит период латинского владычества. За пределами статьи остается рассмотрение художественных особенностей.

¹⁰ Лихачев Н.П. Историческое значение... С. 43.

¹¹ Кондаков Н.П. Иконография Богородицы. С. 26.

¹² Schlumberger G. Sigillographie de l'Empire byzantin. P., 1884. P. 15.

¹³ Grierson Ph. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and the Whittemore Collection. Washington, 1968–1973. II–III; Idem. Byzantine Coins. L., 1982.

¹⁴ Schlumberger G. Sigillographie... P. 549.

¹⁵ Laurent V. Corpus des sceaux de l'Empire byzantin. P., 1982. Vol. II, no 900.

¹⁶ Zacos G. Byzantine Lead Seals. Berne, 1984. Vol. II, no. 522.

¹⁷ Seibt W. Die Darstellung... S. 54.

иконографических типа: Богоматерь Знамение и Богоматерь Оранта Влахернитисса. Употребление эпитета "Влахернитисса" указывает в данном случае на происхождение типа. Смещение характеристики самого типа и его происхождения особенно наблюдается в искусствоведческих работах как старых, так и новых¹⁸ и потому требует уточнения.

Изображение Богоматери на печатях византийских императоров появляется уже в VI в., и первым предстает иконографический тип Богоматери, держащей обеими руками перед собой младенца Христа (в медальоне или без него). Этот иконографический тип Богоматери получил название "Никопей" – Νικοποῖος – "Победительница", благодаря эпитету на печати XI в., заказчиком которой был Иоанн, проедр и паракимомен¹⁹. "Никопея была палладиумом собственно императорского дома и Византии и эмблемой триумфов ее войск над врагами"²⁰.

Иконографическому типу Богоматери Никопеи посвятил специальную статью В. Зайбт²¹. Обозначение "Никопея" он применяет по существу только к ее погрудному изображению, именно так он видит настоящий, "собственный" (eigentlich) – тип Никопеи, связывая его с историческим фактом находки старой доиконаборческой иконы с погрудным изображением Богоматери, державшей обеими руками перед грудью медальон с младенцем. Икона была обнаружена в ходе реставрационных работ во Влахернском храме, проводимых по повелению Романа III Аргира (1028–1034).

Касаясь изображения Богоматери Никопеи в рост и сидящей на троне Богоматери того же типа, В. Зайбт рассматривает их как два типа иконографии, тесно связанных с погрудным изображением Никопеи²². Он придает стоящей фигуре Богоматери, именуемой на печатях XI/XII в. Μαχαρῶνδεσσα (от названия монастыря Богоматери Махера на о-ве Кипр), значение отдельного типа²³. Мне кажется в этом нет необходимости. Нельзя ли Махеритиссу, подобно Кириотисе (эпитет, встречающийся для Богоматери Никопеи в рост), рассматривать все же как Никопею²⁴, не выделяя ее в особый тип? Придерживаясь терминологии Н.П. Лихачева, я называю Богоматерью Никопеей Богоматерь, держащую младенца обеими руками перед грудью (в медальоне или без него) вне зависимости, изображена ли она погрудно, в рост или на троне. Другое дело – рассмотрение характера исполнения всех этих изображений на более ранних и поздних печатях, но это иное направление работы, не предусмотренное в данной статье.

Нумизматически, согласно новейшему состоянию изучения, тип Богоматери Никопеи (по замечанию В. Зайбта²⁵) может быть показан только между 1030/31 и 1092 гг. Это верно, если иметь в виду погрудное изображение Никопеи, но если учесть и ее изображения в рост, то хронологические рамки должны быть расширены до правления Андроника I Комнина (1183–1185). "Кириотиса-Никопея в рост сошла с императорских печатей вместе с иконоборческим движением и лишь в

стилизованном рисунке появляется в рост на монетах имп. Андроника I Комнина"²⁶. Изображение Богоматери Никопеи на троне встречается вплоть до XIV в.

Иконографический тип Богоматери Одигитрии представляет ее держащей младенца Христа на левой руке²⁷. Богоматерь изображается при этом погрудно, в рост и весьма редко – на троне²⁸. При ее изображении могут быть различными повороты головы Марии по отношению к младенцу, движения ее рук, разной бывает и поза самого младенца. Название Ὁδηγτρια (от глагола ὀδηγέω – "показывать путь", "руководить") – "Путеводительница" связано со столичным монастырем τῶν Ὁδηγῶν²⁹. Относительно времени первого появления изображения Богоматери Одигитрии на печатях в рост существуют разногласия: Г. Закос и А. Веглери датируют его правлением Константина IV (681–685), В. Зайбт – царствованием Леонтия (695–698)³⁰.

На Богоматерь Одигитрию, указывающую верующим путь к Богу, смотрели как на защитницу столицы и ее покровительницу, поэтому ее образ был особо чтим в Константинополе. Тип Одигитрии был весьма распространен на печатях и в иконописи, для нумизматики он не характерен.

При рассмотрении иконографии типа Богоматери с поднятыми в мольбе руками, без медальона перед грудью возникает ряд вопросов, касающихся ее обозначения. В. Зайбт считает, «что единственно верным будет "Влахернитисса" и только так следует называть этот тип»³¹. Он исходит из того, что на монетах Константина IX Мономаха (1042–1055), Феодоры (1055–1056) и Михаила VI (1056–1057) погрудное изображение Богоматери с поднятыми руками и без медальона сопровождается надписью: Η ΒΛΑΧΕΡΝΙΤΙΣΣΑ, и переносит это название также на фигуру в рост. Образцом для воспроизведения могло служить находящееся во Влахернах мраморное изображение стоящей фигуры Богоматери, из пронзенных рук которой лилась чудодейственная, освященная вода – ἁγίασμα, о чем рассказывается в книге Константина Багрянородного "О церемониях византийского двора"³². Однако предложенное название типа "Влахернитисса" озадачивает: насколько правомерно переносить это название, появившееся только при Константине IX, на Оранту предшествующего времени? Наличие во Влахернском комплексе нескольких особо почитаемых икон, несмотря на различие иконографических типов, позволяет, конечно, именовать каждую из них Влахернитиссой по происхождению, но когда говорится просто "Влахернитисса", то остается непонятным, какой конкретно тип изображения стоит за этим названием. Поэтому, называя Богоматерь с воздетыми руками без медальона Орантой, я, кроме того, уточняю: Богоматерь Оранта до времени правления Константина IX Мономаха и "Богоматерь Оранта Влахернитисса" с момента ее обозначения на его монетах.

К этому иконографическому типу близок другой тип Богоматери, передаваемый большей частью погрудно и очень редко в рост, без младенца; ее руки в молитвенном положении опущены до груди, ладони обращены к зрителю. Молитвенный жест рук Богоматери перед грудью встречается в сценах "Вознесение" и

¹⁸ Примером может быть недавно изданная статья Э.С. Смирновой (Новгородская икона "Богоматерь Знамение". Некоторые вопросы богородичной иконографии // Древнерусское искусство. СПб., 1995. С. 288–289), в которой автор применяет для Богоматери Знамение термин "Влахернитисса", считая его "самым предпочтительным" (из тех, что непосредственно относятся к типу Знамение. – В.Ш.), ибо он "указывает на историю извода, его происхождение от чтимого образа Влахернского храма в Константинополе" (С. 290).

¹⁹ Seibt W. Der Bildtypus der Theotokos Nikopoios. Zur Ikonographie der Gottesmutter-ikone, die 1030/31 in der Blachernenkirche wiederaufgefunden wurde // BYZANTINA. Thessaloniki, 1985. T. 13. S. 555.

²⁰ Кондаков Н.П. Иконография Богоматери. С. 126.

²¹ Seibt W. Der Bildtypus...

²² Seibt W. Die Darstellung... S. 44–45.

²³ Ibid. S. 45.

²⁴ Богоматерь Кириотиса-Никопея. См.: Лихачев Н.П. Историческое значение... С. 73.

²⁵ Seibt W. Die Darstellung... S. 44. Anm. 25.

²⁶ Лихачев Н.П. Историческое значение... С. 75.

²⁷ Богоматерь, держащая младенца на правой руке, носит название "Дексикратуса".

²⁸ Шандровская В.С. О редких изображениях на византийских печатях // Сб. Преслав. София. 1993. 4. С. 347–350.

²⁹ Janin R. Le géographie ecclésiastique de l'empire byzantin. 1ère Partie. Le siège de Constantinople et le patriarcat oecuménique. III. Les Églises et les monastères. P., 1969. Nr. 81. Θεοτόκου (Μονὴ τῆς) τῶν Ὁδηγῶν (Ὁδηγῆτρας). (Далее: Janin R. Églises).

³⁰ Seibt W. Bleisiegel. S. 71. Anm. 6.

³¹ Seibt W. Die Darstellung... S. 50.

³² Constantini Porphyrogeniti imperatoris. De cerimoniis aulae byzantinae / Ed. J.J. Reiske. Bonn, 1829. Bd. 1. P. 555.

"Сошествие св. Духа". Определенного термина для обозначения этого типа изображения нет (используют *Minimalorantengestus*).

С молитвой к Богу об исполнении желаний верующих выступает Богоматерь "Агиосоритисса" – Ἀγιοςορίτισσα. Она изображается погрудно, полуфигурой и в рост. Обращенная в профиль или в полупрофиль в правую или левую сторону, с лицом, переданным большей частью в три четверти, она представлена на печатах и монетах в деисусной композиции по отношению к видимой с неба благословляющей деснице Бога (иногда в сегменте дана полуфигура Христа). Богоматерь в мольбе высоко поднимает руки (ср. положение рук у Оранты Влахернитиссы и Богоматери с руками перед грудью), то обе вместе, то одну, тогда как другая находится перед грудью. Эпитет "Агиосоритисса" встречается только у фигуры в рост. По мнению В. Зайбта, сам эпитет следует связывать "скорее всего с капеллой ἀγία σορός" ("святая рака", "святой гроб". – В.Ш.), чем с церковью τῶν Χαλκοπратείων, и поэтому эпитет "Халкопратийская", применяемый прежде Кондаковым, Гирсоном и другими, должно исключить³³.

Иконографический тип Богоматери с младенцем перед грудью в медальоне или без него, с поднятыми руками известен под несколькими названиями: Ἐπίσκεψις ("визит, посещение"), Μεγάλη Παναγία (Великая Всесвятая), Πλατύτερα τῶν οὐρανῶν ("ширшая небес"), Знамение. Этому типу посвящена специальная статья Г. Хунгера³⁴. Характерным признаком этого типа, как отмечает автор, служит "связь медальона с Христом или бюста Христа, которого Богоматерь держит перед грудью, с высоко поднятыми и широко распростертыми руками"³⁵, подчеркивающими молитвенную позу Марии. Как верно подмечено такими исследователями, как В. Зайбт и Г. Хунгер³⁶, названный тип представляет собой "сплав" черт изображения Богоматери Никопеи (положение младенца перед грудью) и Оранты Влахернитиссы (воздетые в молитве руки). В ранней Византии он не был известен, встречается лишь с XI в.

Икона Богоматери Епискепис (Знамение) была одной из самых чтимых во Влахернском храме: перед этим изображением свершалось некое чудо. В пятницу вечером шелковая завеса, прикрывающая икону, сама собой медленно поднималась вверх, позволяя лицезреть Богоматерь, и лишь на другой день, в тот же час, без посторонних усилий, она опускалась³⁷. Однажды, как рассказывает Анна Комнина, когда император Алексей пришел в храм накануне своего выступления против Боэмунда, "обычного чуда" – τὸ σίγηδες θαῦμα (по выражению писательницы) не произошло. Испытывая чувство опасения, император вынужден был задержаться на четыре дня. Затем, скрытно войдя вместе с немногими спутниками в святой храм Богоматери, исполнил там обычные песнопения и усердно сотворил молитву и, когда свершилось обычное чудо, он с благими надеждами вышел из храма³⁸.

Изображения Богоматери на троне восходят не к моленным иконам – их прототипом служили скорее всего алтарные мозаики. Сидящая на троне Богоматерь держит на коленях или на руках перед собой младенца, положение которого различно: иногда он передан полной фигурой, иногда это погрудное изображение или только голова младенца, заключенные в овальный или круглый медальон.

³³ Seibt W. Die Darstellung... S. 49.

³⁴ Hunger H. Heimsuchung und Schirmherrschaft über Welt und Menschheit ΜΗΤΗΡ ΘΕΟΥ Η ΕΠΙΣΚΕΨΙΣ // SBS. 1995. 4. S. 33–42.

³⁵ Ibid. S. 36.

³⁶ Seibt W. Die Skleroi. Eine prosopographisch–sigillographische Studie. Wien, 1976. S. 89; Idem. Die Darstellung... S. 53.

³⁷ Janin R. Églises. P. 166.

³⁸ Анна Комнина. Алексиада. Вступ. ст., пер., коммент. Я.Н. Любарского. М., 1965. Кн. XIII. С. 340.

При передаче иконографических типов Богоматери ее изображение помещено на лицевой стороне печатей и монет, а при изображении Богоматери и императора по сторонам патриаршего креста (лабарума) и Богоматери, венчающей императора, для них отводилась оборотная сторона, лицевая же сторона – для образа Христа.

Как распределяются на печатах и монетах те или иные изображения Богоматери во времени, какому изображению отдавали предпочтение те или иные императоры, можно представить из ниже приведенного перечня печатей и монет со ссылками на их публикацию. Для печатей Эрмитажа указываются их инвентарные номера.

Расположение материала в перечне: слева приводятся печати, справа – монеты. Датировки и отнесение изображений к определенным императорам принадлежат издателям. Разночтения в атрибуциях исследователей даны без раскрытия аргументации. Отсутствие указаний на номиналы золотых, серебряных и медных монет не случайно: это прерогатива специалистов-нумизматов³⁹.

Для иллюстраций использован фотоархив Эрмитажа, хранящийся в Отделе Востока (печати) и в Отделе нумизматики (монеты).

Дополнительная литература для перечня

Банк А.В. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. Л.–М., 1966. (Далее: Банк А.В. Виз. иск.).

Лихачев Н.П. Моливдовулы греческого Востока. М., 1991. (Далее: Лихачев Н.П. Моливдовулы...).

Мушмов Н.А. Византийски оловни печати от сбирката на Народния музей // Известия на българския археологически институт. София, 1935. Т. VIII. (Далее: Мушмов Н.А. Печати).

Панченко Б.А. Коллекция Русского археологического института в Константинополе. Каталог моливдовулов // ИРАИК. 1903. Т. 8. С. 199–246. № 1–124; 1904. Т. 9. С. 341–396. № 125–300; 1908. Т. 13. С. 78–151, № 301–500. (Далее: Панченко Б.А. Каталог).

Шандровская В.С. Сфрагистика: Раздел в каталоге выставки: "Искусство Византии в собраниях СССР". М., 1977. Т. 1–3. (Далее: Шандровская В.С. Сфрагистика).

Grierson Ph. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. Washington, 1968–1973. 1–3. (Далее: DOC).

Ebersolt J. Sceaux byzantins du Musée de Constantinople // RN. 1914. Ser. IV. T. 18. P. 207–243. (Далее: Ebersolt J. Sceaux byzantins...).

Gray Birch W. de. Catalogue of Seals in the British Museum. L., 1898. Vol. V. (Далее: Gray Birch W. de. Catalogue...).

Grierson Ph. Byzantine Coins. L., 1982.

Hendy M.F. Coinage and Money in the Byzantine Empire (1081–1261). Washington, 1969. (Далее: Hendy M.F. Coinage...).

Koltsida-Makri I. Βυζαντινά μολυβδόβουλλα. Ἀθήναι, 1996. (Далее: Koltsida-Makri).

Konstantopoulos K.M. Βυζαντιακά μολυβδόβουλλα τοῦ 'εν Ἀθήναις Ἐθνικοῦ Νομισματικοῦ Μουσείου, Athen, 1917. (Далее: Konstantopoulos).

Laurent V. Documents de sigillographie byzantine. La collection C. Orghidan. P., 1952. (Далее: Laurent V. Orgh.).

³⁹ В работе над литературой по нумизматике большая помощь была оказана мне В.В. Гурулевой. Приношу ей искреннюю благодарность.

Laurent V. Les sceaux byzantins du Médaillier Vatican. Vatikan, 1962. (Далее: Laurent V. Vat.).

Lihačev N. Sceaux de l'empereur Léon III l'Isaurien. (Далее: Linačev N. Sceaux...).

Bendall S., Donald P.J. The Latter Paleologan Coinage. Bristol, 1979. (Далее: LPC).

Bendall S., Donald P.J. The Billon Traches of Michael VIII Paleologos. L., 1974. (Далее: Michael VIII).

Schlumberger G. Sceaux byzantins inédits // REG. 1900. Vol. 13. 467–492, no 204–295. (Далее: Schlumberger G. Sceaux...).

Szemioth A., Wasilewski T. Sceaux byzantins du Musée National de Varsovie // Studia Zródłoznawcze. Commentationes. 1966. 11. P. 1–38; 1969. 14. P. 63–89. (Далее: Szemioth A., Wasilewski T. Sceaux byzantins).

Tatić-Djunč M. L'icône de l'Odigitria et son culte au XVIe siècle // Byzantin East Latin West Art historical Studies in honor of Kurt Wietzmann. Prinston, 1995. P. 557–564.

Zacos G., Vegler A. Byzantine Lead Seals. Basel, 1972. Vol. I. Pt. 1–3. (Далее: Z., V.).

Печати императоров

Юстиниан I (527–565)

Богоматерь погрудно, с младенцем перед грудью. По сторонам – кресты [Z., V. 4 (тип C.)].

Юстин II (574–578)

Богоматерь погрудно, с младенцем перед грудью, по сторонам – кресты (Печать DO Seibt W. Die Darstellung... S. 37.1).

Тиберий II Константин (578–582)

Полуфигура Богоматери с младенцем перед грудью, по сторонам – кресты (Z., V. 6; Seibt W. Bleisiegel. S. 62–63).

Маврикий Тиберий (582–602)

Богоматерь в рост, с младенцем перед грудью, по сторонам – кресты [Лихачев Н.П. Некоторые... С. 506. Рис. 22–23 (Эрмитаж М–4463, 11157); Он же. Историческое значение... Табл. IV, 13; Банк А.В. Виз. иск. № 118; Ebersolt J. Sceaux byzantins... 129; Laurent V. Vat. 10; Z., V. 7; Seibt W. Bleisiegel. 9].

Фока (602–610)

Богоматерь в рост, с младенцем перед грудью, по сторонам – кресты [Z., V. 8–9 (с указанием литературы); Seibt W. Bleisiegel. 10; Шандровская В.С. Сфрагистика. 1. С. 133. № 212 (Эрмитаж М–4458); Лихачев Н.П. Моливдовулы. Табл. LXXV, 13].

Ираклий (610–641)

Богоматерь в рост, с младенцем перед грудью, по сторонам – кресты [Лихачев Н.П. Некоторые... С. 508. Рис. 27 (Эрмитаж М–12010); Он же. Историческое значение... С. 71. Рис. 142; Lihačev N. Sceaux... P. 475; Ebersolt J. Sceaux

byzantins... 132; Z., V. 10; Шандровская В.С. Сфрагистика. 1. С. 134. № 213 (Эрмитаж. М–12010)].

Ираклий и Ираклий Константин
(ок. 616 – ок. 625)

Богоматерь в рост, с младенцем в медальоне перед грудью, по сторонам – кресты [Schlumberger G. Sceaux... 116; Gray Bich W. de. Catalogue... 17746; Панченко Б.А. Каталог. 382–383 (Эрмитаж М–5173, 4499); 326 (Эрмитаж М–4832); Лихачев Н.П. Некоторые... С. 508–511. Рис. 28–31 (Эрмитаж М–4499, 4526, 4485, 4464), 32 и 34 (Эрмитаж М–11151); Он же. Историческое значение... Табл. IV, 14; Ebersolt J. Sceaux byzantins... 132; Laurent V. Orgh. 2; Idem. Vat. 5; Szemioth A., Wasilewski T. Sceaux byzantins... Т. 1; Z., V. 12–13; Seibt W. Bleisiegel. 11–12; Лихачев Н.П. Моливдовулы... Табл. LXXVI, 1 (Эрмитаж М–7931), 2 (Эрмитаж М–7932); Koltsida-Makri. 1].

Ираклий, Ираклий Константин и Ираклеон
(632–641)

Богоматерь в рост, с младенцем в медальоне перед грудью, по сторонам – кресты [Schlumberger G. Sigillographie... P. 418; Лихачев Н.П. Некоторые... С. 512. Рис. 35–36 (Эрмитаж М–11153, 4539); Ebersolt J. Sceaux byzantins... 134; Z., V. 14].

Констант II (642–668)

Богоматерь в рост, с младенцем в медальоне перед грудью, по сторонам – кресты [Лихачев Н.П. Историческое значение... Рис. 143. Табл. IV, 15; Seibt W. Bleisiegel. S. 13 (647–851), 14 (659–665)]; Laurent V. Vat. 6; Z., V. 15].

Констант II и Константин IV (654–659)

Богоматерь в рост с младенцем в медальоне перед грудью, по сторонам – кресты [Лихачев Н.П. Некоторые... С. 516. Рис. 41 (Эрмитаж М–4561); Банк А.В. Виз. иск. № 120; Z., V. 17].

Полуфигура Богоматери с младенцем перед грудью, по сторонам кресты (Z., V. 18 a–b).

Констант II, Константин IV и Анастасия
(654–668)

Полуфигура Богоматери с младенцем перед грудью, по сторонам – кресты (Z., V. 19).

Констант II с сыновьями (659–668)

Полуфигура Богоматери с младенцем в медальоне перед грудью, по сторонам – кресты [Лихачев Н.П. Некоторые... С. 516. Рис. 42 (Эрмитаж М–11148). С. 517. Рис. 43 (Эрмитаж М–11177), Рис. 44, 45 (Эрмитаж М–11146, 4345); Ebersolt J. Sceaux byzantins... 136; Z., V. 20].

Константин IV с братьями (668–681)

Богоматерь в рост с младенцем в медальоне перед грудью, по сторонам – кресты [Лихачев Н.П. Некоторые... С. 512. Рис. 37 (Эрмитаж М–4564). Печать. См.: Seibt W. Die Darstellung... S. 37, 2].

Константин IV (681–685)

Богоматерь Одигитрия в рост между крестами [*Laurent V. Vat. 7; Z., V. 23* (тип C)].

Юстиниан II ? (685–695?)

Богоматерь в рост с младенцем перед грудью, по сторонам – кресты (Z., V. 24).
Богоматерь Одигитрия в рост между крестами (Z., V. 25).

Юстиниан II (685–695)

Богоматерь в рост, с младенцем в медальоне перед грудью, по сторонам – кресты [Z., V. 26; *Лихачев Н.П.* Моливдовулы... Табл. LXXVI, 3 (Эрмитаж М–7933). Отнесена Лихачевым Константину II (641–653). См.: *Лихачев Н.П.* Моливдовулы... С. 249, прим. 3; *Шандровская В.С.* Сфрагистика. 1. С. 134, № 214].

Леонтий (695–698)

Богоматерь Одигитрия в рост между крестами (Z., V. 27; *Seibt W. Bleisiegel. Anm. 6.*)

Тиберий III (698–705)

Богоматерь Одигитрия в рост между крестами (Z., V. 28).

Юстиниан II и Тиберий (705–711)

Богоматерь Одигитрия в рост между кипарисами в сочетании с крестами (Z., V. 29).

Филиппик Вардан (711–713)

Богоматерь Одигитрия в рост между крестами (*Ebersolt J. Sceaux byzantins... 137; Z., V. 30.*)

Анастасий II (713–715)

Богоматерь Одигитрия в рост между крестами (Z., V. 31).

Феодосий III (715–717)

Богоматерь Одигитрия в рост между кипарисами (Z., V. 32).

Лев III (717–720)

Богоматерь Одигитрия в рост между крестами (Z., V. 33; *Lihačev N. Sceaux... P. 473; Seibt W. Die Darstellung... S. 37, 3; Шандровская В.С.* Сфрагистика. 1. С. 134, № 217 (Эрмитаж М–12000). Следуя традиции, Лев III помещает на свою первую печать изображение Богоматери Одигитрии, на его других печатях – крест (*Seibt W. Bleisiegel. S. 80.*)

Никифор I (802–803)

Богоматерь Одигитрия в рост между invocativными монограммами (Z., V. 43).

Никифор I и Ставракий (803–811)

Богоматерь Одигитрия в рост между invocativными монограммами [*Konstantinopoulos. 278 a; Z., V. 46* (тип C)].

Михаил I (811–813)

Богоматерь Одигитрия в рост между invocativными монограммами [*Лихачев Н.П.* Некоторые... С. 532. Рис. 68 (Эрмитаж М–4360); *Он же.* Историческое значение... Табл. VI, 5; *Панченко Б.А.* Каталог. 239. (Эрмитаж М–4360); *Lihačev N. Sceaux... S. 479; Шандровская В.С.* Сфрагистика. 2. С. 144, № 787; *Seibt W. Bleisiegel. S. 85.*

Лев V и Константин (813–815)

Богоматерь Одигитрия в рост между invocativными монограммами [Z., V. 48 (тип A)].

Печати императриц

Феодора Дукиня Палеолог (супруга Михаила VIII)
(1259–1282)

Богоматерь на троне [*Schlumberger G. Sigillographie... 421; Gray Birch W. de. Catalogue... 17463, 17464; Konstantopoulos. 284, 285; Laurent V. Vat. 15, 16; Szemioth A., Wasilewski T. Sceaux byzantins... 6; Z., V. 122; Лихачев Н.П.* Моливдовулы... Табл. LXXIX, 4–8 (Эрмитаж М–8241–8243, 8616, 8214)].

Ирина Комнина Дукиня Палеолог (супруга Андроника II Старшего)
(1285–1317)

Богоматерь на троне (*Лихачев Н.П.* Историческое значение... Табл. VIII, 19 и 20; Z., V. 125).

Мария Дукиня Палеолог (супруга Михаила IX)
(1295–1320)

Богоматерь на троне [Z., V. 126; *Seibt W. Bleisiegel. 32; Лихачев Н.П.* Моливдовулы... Табл. LXXX, 3 (Эрмитаж М–7986); *Шандровская В.С.* Сфрагистика. 3. С. 165, № 1034].

Анна Палеолог (1341–1347)

Богоматерь на троне (*Schlumberger G. Sceaux... 172; Z., V. 127.*)

Елена Палеолог (супруга Михаила II
Палеолога) (1391–1425)

Богоматерь на троне [Панченко. Каталог. 380 (Эрмитаж М–4502); *Мушмов Н.А.* Печати. 18].

Печати и монеты

Лев VI (886–912)

Христос

Богоматерь Оранта погрудно. Титлы и надпись: MARIA (DOC 1).

Константин VII и Зоя (914–959)

Богоматерь Никопея погрудно [Z., V. 64 (тип C)].

Богоматерь Никопея погрудно (DOC 1).

Феофано (959–969)

Богоматерь Оранта (Влахернитисса) погрудно (Z., V. 72).

Никифор II Фока (963–969)

Богоматерь и император по сторонам патриаршего креста (об. ст.) [Панченко Б.А. Каталог. 384 (M-4277)].

Иоанн I Цимисхий (969–976)

Богоматерь и император по сторонам патриаршего креста (об. ст.) (Z., V. 74 а).

Богоматерь, венчающая императора (об. ст.) (Z., V. 74 б).

Василий II (976–1025)

Христос

Роман III Аргир (1028–1034)

Христос

Зоя (10–13.XII.1041)

Зоя и Феодора (1042)

Константин IX Мономах (1042–1055)

Христос

Богоматерь и император по сторонам патриаршего креста (об. ст.) (DOC 4).

Богоматерь, венчающая императора (DOC 1–3, 4–6).

Богоматерь Никопея погрудно⁴⁰ (DOC 19).

Богоматерь в рост с руками перед грудью (пробная монета для стамены из серебра) (Grierson Ph. Byzantine Coins. 898).

Богоматерь Никопея погрудно⁴¹ (DOC 2). Богоматерь Одигитрия в рост (DOC 3).

Богоматерь, венчающая императора (об. ст.) (DOC 1).

Богоматерь Оранта (Влахернитисса) погрудно (пробная монета из меди для милиарисия) (DOC 3).

Богоматерь Епискепсис (Знамение) погрудно (Grierson Ph. Byzantine Coins. 911).

Богоматерь Оранта погрудно (Doc 8).
Надпись: Η ΒΛΑΧΕΡΝΙΤΙΣΣΑ
Богоматерь Оранта в рост (DOC 7).
Надпись: ΔΕΣΠΟΙΝΑ CWZOIC

Феодора (1055–1056)

Христос

Михаил VI (1056–1057)

Христос

Константин X Дука (1059–1067)

Богоматерь, венчающая императора (об. ст.) [Schlumberger G. Sceaux... 167; Мушмов Н.А. Печати. 12; Z., V. 88 (тип В); Seibt W. Bleisiegel. S. 22].

Евдокия (1067)

Богоматерь Оранта Влахернитисса погрудно (Z., V. 90).

Богоматерь Епискепсис (Знамение) в рост (Z., V. 89).

Роман IV (1068–1071)

Богоматерь, венчающая императора (об. ст.) [Z., V. 92 (ранний 1068 г.)].

Михаил VII (1071–1078)

Христос

Никифор III Вотаниат (1078–1081)

Христос

Никифор Мелиссин (1080–1081)

Христос

Богоматерь Оранта погрудно (DOC 3).
Надпись: ΒΛΑΧΕΡΝΙΤΙΣΣΑ
Богоматерь и император по сторонам лабарума (об. ст.) (DOC 1).

Богоматерь Оранта погрудно (DOC 3).
Надпись: ΒΛΑΧΕΡΝΙΤΙΣΣΑ
Богоматерь Оранта погрудно (DOC 2).
Без надписи.

Богоматерь, венчающая императора (об. ст.) (DOC 1).

Богоматерь Оранта Влахернитисса погрудно (DOC 3).

Богоматерь Оранта Влахернитисса в рост (DOC 6).

Богоматерь, венчающая императора (об. ст.) (DOC 2).

Богоматерь Никопея погрудно (DOC 2).
В противоположность Ф. Грирсону (Grierson Ph. Byzantine Coins. 943), датирующему тетартерон Евдокии 1067 г., В. Зайбт относит монету к 1071 г. (Seibt W. Der Bildtypus... S. 554, Anm. 15).

Богоматерь Оранта Влахернитисса погрудно (DOC 7).
Богоматерь Никопея погрудно (DOC 3, 5).

Богоматерь Оранта Влахернитисса погрудно (DOC 12).
Богоматерь Оранта Влахернитисса в рост (DOC 7).
Богоматерь Никопея погрудно (DOC 3–5, 8–9).

Богоматерь Оранта Влахернитисса погрудно (DOC 8).
Богоматерь Оранта Влахернитисса в рост (DOC 7).

Богоматерь Оранта Влахернитисса погрудно (Grierson Ph. Byzantine Coins. 979).

⁴⁰ В. Зайбт не согласен с Ф. Грирсоном и другими в отнесении анонимного милиарисия с типом Никопеи к правлению Василия II и Константина VIII, и в частности – к 989 г.: “Вероятно, он все же относится к 1040 г. Приводимые доводы см.: Seibt W. Der Bildtypus... S. 552 ff. Taf. I. Abb.; Idem. Die Darstellung... S. 44, Anm. 25.

⁴¹ По мнению Ф. Грирсона, тетартероны, на которых представлено погрудное изображение Богоматери Никопеи, были выпущены в начале правления императора Романа III Аргира. В. Зайбт считает, однако, что самая ранняя дата – 1030/31 г.; чеканены в подражание найденной иконе (Seibt W. Der Bildtypus... S. 552).

Алексей I Комнин (1081–1118)
Предреформенный период (1081–1092)
Христос

Послереформенный период
Христос

Иоанн II Комнин (1118–1143)
Христос

Мануил I Комнин (1143–1180)
Христос

Андроник I Комнин (1183–1185)
Христос

Богоматерь Оранта Влахернитисса по-
коленно (*Hendy M.F. Coinage...* Pl.
2:20–21).
Богоматерь Оранта Влахернитисса по-
луфигура [*Ibid.* Pl. 2:13 (об. ст.)].
Богоматерь Никопея погрудно (*Ibid.* Pl.
3:1).
Богоматерь Епискепсис (Знамение) по-
коленно (*Ibid.* Pl. 2:15–16).
Богоматерь Епискепсис (Знамение) по-
грудно (*Ibid.* Pl. 2:6–9, 1).

Богоматерь с руками перед грудью, по-
грудно (*Grierson Ph. Byzantine Coins.*
1047).
Богоматерь и император по сторонам
лабарума (об. ст.) (*Hendy M.F. Coinage...*
Pl. 7:7).
Богоматерь, венчающая императора
(об. ст.) (*Ibid.* Pl. 6:6–9).
Богоматерь на троне (*Ibid.* Pl. 6:2–5)

Богоматерь Оранта Влахернитисса по-
грудно (*Ibid.* Pl. 11:8–10).
Богоматерь и император по сторонам
патриаршего креста (об. ст.) (*Ibid.* Pl.
9:1–3, 10).
Богоматерь, венчающая императора
(об. ст.) (*Ibid.* Pl. 9:4–9, 11–14).
Богоматерь на троне (*Ibid.* Pl. 10:7–8; Pl.
11:3–4)

Богоматерь Оранта Влахернитисса по-
грудно (*Ibid.* Pl. 17:11–12).
Богоматерь Агиосоритисса в рост (*Ibid.*
Pl. 17:7–8).
Богоматерь и император по сторонам
патриаршего креста (об. ст.) (*Ibid.* Pl.
13:3–4; Pl. 14:6).
Богоматерь, венчающая императора
(об. ст.) (*Ibid.* Pl. 13:1–2; Pl. 14:1–4).
Богоматерь на троне (*Ibid.* Pl. 14:7–9; Pl.
15:5–13).

Богоматерь Никопея в рост (*Ibid.* Pl.
18:13–16; Pl. 19:1).
Богоматерь Епискепсис (Знамение) по-
грудно (*Ibid.* Pl. 19:2).
Богоматерь Епискепсис (Знамение) в
рост (*Ibid.* Pl. 18:11–12).
Богоматерь на троне (*Ibid.* Pl. 18:9–10)

Исаак II Ангел (1185–1195)
Христос

Алексей III (1195–1203)
Христос

Михаил VIII Палеолог (1259–1282)
Христос

Андроник II Палеолог (1282–1294)
Христос

Богоматерь Епискепсис (Знамение) в
рост (*Ibid.* Pl. 21:8–9).
Богоматерь на троне (*Ibid.* Pl. Pl. 20:1–4,
5–8, 9–11).

Богоматерь Агиосоритисса полуфигура
(*Ibid.* Pl. 23:8).
Богоматерь на троне (*Grierson Ph.*
Byzantine Coins. 1286–1289, 1301, 1340,
1342, 1356).

Богоматерь Оранта Влахернитисса по-
грудно (*Ibid.* 1352; Michael VIII. C. 16,
UT. 1).
Богоматерь Оранта Влахернитисса в
рост (*Grierson Ph. Byzantine Coins.* 1302).
Богоматерь Агиосоритисса полуфигура
(*Ibid.* 1343; Michael VIII. C. 7, 15).
Богоматерь и император по сторонам
патриаршего креста (об. ст.)
(Michael VIII. UT. 2).
Богоматерь, венчающая императора
(об. ст.) (Michael VIII. M. 1; T. 5).
Богоматерь на троне (Michael VIII. UC.
5; C. 2, 5, 6, 21).
Богоматерь Оранта внутри стен
(*Grierson Ph. Byzantine Coins.*
1288–1289).

Богоматерь Оранта Влахернитисса по-
луфигура [LPC (P. 60–61) 36; (P. 48–49)
20; (P. 58–59/35)].
Богоматерь Оранта Влахернитисса в
рост [LPC (P. 104–105)3].
Богоматерь Епискепсис (Знамение) по-
грудно [LPC (P. 36–37)3; (P. 104–105)4;
P. 106–107/5].
Богоматерь Агиосоритисса полуфигура
[LPC (P. 40–41) 10].
Богоматерь, венчающая императора
(об. ст.) [LPC (P. 42–43) 11; (P. 46–47)
15].
Богоматерь на троне [LPC (P. 48–49)
19].
Богоматерь Оранта внутри стен [LPC
(P. 34–35) 1; (P. 40–41) 9].

Андроник II и Михаил IX (1294–1320)

Христос

Богоматерь Оранта Влахернитисса погрудно [LPC (P. 76–77) 17–18; (P. 78–79) 19].

Богоматерь Оранта Влахернитисса в рост (об. ст.) (Grierson Ph. Byzantine Coins. 1486).

Богоматерь Епискепис (Знамение) полуфигура [LPC (P. 76–77) 16].

Богоматерь на троне [LPC (P. 68–69) 7–8].

Богоматерь Оранта внутри стен [LPC (P. 62–63) 1].

Андроник II и Андроник III (1325–1328)

Христос

Богоматерь Оранта Влахернитисса полуфигура [LPC (P. 110–111) 5].

Богоматерь на троне [LPC (P. 108) 2].

Богоматерь Оранта внутри стен [LPC (P. 108–109) 1].

Андроник III (1328–1341)

Христос

Богоматерь Оранта Влахернитисса в рост [LPC (P. 236) 4].

Богоматерь, венчающая императора (об. ст.) [LPC (P. 122–123) 8].

Богоматерь и император в рост [LPC (P. 120–121) 6].

Иоанн V и Анна (1341–1347)

Иоанн V Палеолог (1341–1391)

Богоматерь и св. Димитрий-мученик в рост [LPC (P. 136–137) 6, 7].

Богоматерь Оранта внутри стен [Gray Birch W. de. Catalogue... 17465 (без воспроизведения); Панченко Б.А. Каталог. 385 (Эрмитаж М–4552). Печать, сильно разрушенная окисью, не сохранилась. Панченко затруднялся в атрибуции: Иоанн V или Иоанн VI. (Seibt W. Bleisiegel. S. 33) (тессера).

Иоанн V и Иоанн VI (1347–1352)

Богоматерь Оранта Влахернитисса погрудно [LPC (P. 146–147) 11].

Богоматерь на троне (Никопея) [LPC (P. 140–141) 4].

Богоматерь на троне (Одигитрия) [LPC (P. 142–143) 5].

Богоматерь Оранта внутри стен [LPC (P. 138–139) 1].

Мануил II (1391–1423)

Богоматерь Оранта внутри стен (Grierson Ph. Byzantine Coins. 1298).

Приведенный перечень показывает, что византийские императоры воспроизводили на своих печатях и монетах различные типы изображения Богоматери по собственному выбору, иногда облюбовав несколько типов, как, например, Михаил VIII и Андроник II Палеологи.

Синхронное рассмотрение печатей и монет в плане выявления встречающихся на них изображений затруднительно. Исключение составляет только одновременное наличие на печатях и монетах изображения Богоматери Никопеи в правление Константина VII и Зои; Богоматери, венчающей императора при Иоанне I Цимисхии и Константине X Дуки; Богоматери Оранты внутри стен при Иоанне V Палеологе. Причина отсутствия синхронности кроется прежде всего в том, что не все императорские моливдовулы дошли до нас, судя по имеющимся и доступным изданиям. Кроме того, на печатях далеко не всегда можно прочесть имя правителя либо из-за плохой сохранности, либо из-за фрагментарности надписей⁴². Названные обстоятельства не позволяют также установить по печатям время появления того или иного изображения. Можно отметить лишь его существование. Так, например, трудно сказать, была ли Евдокия (1067) первой, воспроизведя на своей печати образ Богоматери Епискепис (Знамение)? На монете это изображение появляется только в предреформенный период правления Алексея I Комнина (1081–1092).

“Прекрасно разработанные серии византийских монет”, по выражению Н.П. Лихачева, дают возможность проследить время первого появления определенных изображений Богоматери (см. Приложение).

Сравнение печатей и монет позволяет дать им определенную характеристику. Следует сначала сказать о времени появления изображения Богоматери (сменившего образ Ники) на императорских печатях. Судя по публикации Г. Закоса и А. Веглери, погрудное изображение Богоматери с младенцем Христом перед грудью дано впервые на одной из печатей Юстиниана I (527–565)⁴³. В. Зайбт приписывает печать не Юстиниану, а Юстину II (565–578), относя ее к концу его царствования (574–578)⁴⁴. Представленный тип не получил дальнейшего распространения на императорских печатях. Предпринимает отдельные переатрибуции И.В. Соколова, готовя к изданию “Каталог печатей византийских императоров из собрания Эрмитажа”.

При рассмотрении печатей Маврикия, Тиберия, Фоки и Ираклия наблюдаются различия в передаче одеяния Богоматери, в формах и величине крестов⁴⁵. Обращает на себя внимание разница в оформлении печатей с изображением Богоматери Одигитрии: в правление Леонтия, Тиберия III, Филиппика Вардана, Анастасия II и Льва III по сторонам Богоматери расположены кресты. В правление Юстиниана II и Тиберия, а также Феодосия III вместо крестов изображены кипарисы. На моливдовулах Никифора I, Никифора II и Ставракия, Льва V и Константина по сторонам

⁴² Примером может служить опубликованная Н.П. Лихачевым печать РАИК, на лицевой стороне которой есть погрудное изображение Богоматери Никопеи, а на обороте – изображение императора погрудно и надпись: ΝΙΚΗΦΟΡΟΔΕ... (Лихачев Н.П. Историческое значение... С. 74). Лихачев отнес эту буллу собрания РАИК Никифору III Вотаниату (1078–1081). Но такое же изображение находится и на монетах Никифора, предшественника Михаила VII (имеется в виду Никифор II Фока. – В.Ш.). Хотя Никифор III Вотаниат мог иметь и две разные печати, эта печать (Эрмитаж М–3984) была издана мною как печать Никифора II Фоки (Шандровская В.С. Раздел каталога “Коллекции музея РАИК в Эрмитаже”. СПб., 1994. С. 183. № 272). Между тем есть печати, близкие по изображению, но не императорские. Речь идет о моливдовулах, изданных Г. Закосом и А. Веглери (Z., V. 2699 e), принадлежащие Никифору Милитину, деспоту. Надпись читается: ΝΙΚΗΦΟΡ, ΔΕΣΠΟΤ, ΤΟΜΕΛ. Однако насколько правомерно отождествлять печать РАИК с этими печатями? Скорее всего вопрос атрибуции остается пока открытым.

⁴³ Z., V. 4.

⁴⁴ Seibt W. Die Darstellung... S. 36.

⁴⁵ Seibt W. Bleisiegel. S. 64.

Богоматери Одигитрии помещены инвокативные монограммы: Θεοτόκε βοήθει – “Богородица, помоги”, что свидетельствует о первом периоде возврата к иконопочитанию.

На печатях и монетах, таким образом, воспроизводятся в основном одни и те же изображения Богоматери. Однако на печатях, по мере их известности, наиболее часто встречается изображение Богоматери с младенцем перед грудью, а также Богоматерь Одигитрия в рост. Ее появление на печатях В. Зайбт относит к правлению Леонтия (695–698), а не Константина IV, как считали Г. Закос и А. Веглери⁴⁶. В публикуемом сфрагистическом материале не представлены типы Богоматери Агисоритиссы. Богоматери с руками перед грудью и Богоматери и императора по сторонам лабарума. В отличие от монет, изображение Богоматери на троне встречается только на печатях императриц. На монетах наиболее часто можно видеть Оранту Влахернитиссу, Богоматерь на троне и Богоматерь, венчающую императора. Только на монетах имеются изображения Богоматери и императора по сторонам лабарума и Богоматери с руками перед грудью. К числу редких изображений на монетах относятся Богоматерь Никопея в рост, Агисоритисса в рост; Богоматерь Одигитрия в рост, представленная лишь на монете Романа III Аргира (1028–1034) и Богоматерь Одигитрия на троне. Среди необычных изображений – Богоматерь и св. Димитрий-мученик (монета Иоанна V и Анны) и Богоматерь и император в рост (монета Андроника III).

Нельзя не отметить те случаи, когда известна печать того или иного императора, но неизвестна его монета и наоборот. Например, при наличии печати Феофано, ее монета не известна. Нет печати Зои и Феодоры, но имеется их монета.

Работа по сравнению печатей и монет с изображением Богоматери далеко не завершена, остается ряд вопросов. В частности, мы не знаем, почему образ Богоматери появляется на монетах позже, чем на печатях (на печатях – в VI в., на монетах – при Льве VI Мудром). Кстати сказать, изображения святых воинов на печатях тоже стали известны раньше, чем на монетах. Почему первым из императоров, на монетах которого начали изображать Богоматерь, стал Лев VI? Нельзя ли предположить, что это нововведение в известной степени связано с политикой данного правителя? Занимаясь законодательской деятельностью, Лев VI Мудрый в 72-й новелле впервые устанавливает обязательность постановки знака креста и формулы призыва к Троице в законодательных актах для подтверждения их подлинности⁴⁷. Быть может, уже в этом сказалось некое воздействие не столь давно восстановленного иконопочитания, а в дальнейшем привело Льва VI к мысли о необходимости изображать Богоматерь на монетах, что и продолжили его преемники? Введение изображения Богоматери на монетах как государственных знаков вряд ли было случайным. Только ли личным вкусом можно объяснить выбор императорами определенных изображений Богоматери? Во всем этом, как мне кажется, имели место конкретные причины, для раскрытия которых необходимо обращаться к идеологии, истории внутренней и внешней политики соответствующего времени. В этом плане показательным является появление на печатях, и особенно на монетах, времени Палеологов изображения Богоматери Оранты в окружении стен Константинополя, над которыми поднимаются башни. Введенное в первые годы правления Михаила VIII и сохранившееся на его монете это примечательное изображение – отражение исторического факта, ибо его возникновение было связано с отвоеванием Константинополя (1261 г.): “Как символ неопровержимого царства Логоса и византийской империи, которая стала под его защиту, явилась Богоматерь Оранта, нерушимая стена”⁴⁸.

Самые ранние изображения Богоматери на монетах

Погрудно	В рост	
Богоматерь Оранта		
При Льве VI (886–912)		
Богоматерь Оранта Влахернитисса		
При Константине IX Мономахе (1042–1055)		
Богоматерь Никопея		
При Константине VII и Зое (923–959)	При Андронике I Комнине (1183–1185)	
Богоматерь Одигитрия		
	При Романе III Аргире (1028–1034)	
Богоматерь с руками перед грудью		
При Василии II (976–1025)		
Богоматерь Агисоритисса		
При Иоанне II Комнине (1118–1143)	При Мануиле I Комнине (1143–1180)	
Богоматерь Епискепсис (Знамение)		
При Зое и Феодоре (1042) ⁴⁹	При Андронике I Комнине (1183–1185)	
При Алексее I Комнине (1081–1092)		
Богоматерь на троне		
При Алексее I Комнине (1092–1118)		
Богоматерь и император по сторонам патриаршего креста		
При Никифоре II Фоке (963–969)		
Богоматерь и император по сторонам лабарума		
При Феодоре (1055–1056)		
Богоматерь, венчающая императора		
При Иоанне I Цимисхии (969–976)		
Богоматерь Оранта внутри стен		
При Михаиле VIII (1259–1282)		

⁴⁶ Ibid. S. 71. Anm. 6.

⁴⁷ Медведев И.П. Очерки византийской дипломатики. Л., 1988. С. 96.

⁴⁸ Татиш-Буриш М. Врата слова. С. 68.

⁴⁹ В. Зайбт считает, в противоположность большинству нумизматов, монету фальшивкой. Появление этого типа он приписывает времени Алексея I Комнина (1081–1092) (Seibt W. Die Darstellung... S. 53. Anm. 62, 63).

В.П. Степаненко

**ПЕЧАТИ ЛАТИНСКОГО ВОСТОКА
В СОБРАНИЯХ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА.
ПЕЧАТИ БАЛДУИНА II (1240–1261)**

Печати последнего правителя Латинской империи Балдуина II дошли до нас в значительном количестве. Свод их впервые был собран Г. Шлюмберже еще в конце XIX в., но издан много позже¹. С тех пор новые экземпляры были опубликованы лишь в 70-х годах Г. Закосом и Е. Геновой². К сожалению, возможности использовать труд Г. Шлюмберже весьма ограничены, так как из 19 перечисленных им печатей полностью была воспроизведена лишь одна, при хартии 1268 г., и лицевые стороны печатей при документах 1247 и 1267 гг.³ Сами печати в большинстве своем сохранились или сохранялись при документах, которые они скрепляли, по крайней мере до начала XX в. Большая их часть находится во французских архивах, что вполне объяснимо постоянными контактами Балдуина II с Францией. Г. Шлюмберже описал десять датированных экземпляров и два фрагмента, но он не ставил своей целью ни в своде, ни в предшествующей ему публикации о печатях Балдуина II проследить их хронологию и смену матриц⁴. Как следствие, позднейшие исследователи были вынуждены датировать их 1240–1273 гг., вплоть до смерти императора после его бегства на Запад в 1261 г., так как Балдуин II продолжал пользоваться печатью и в изгнании. Таким образом, до новой публикации всего комплекса датированных печатей Балдуина II установление хронологии отдельных экземпляров остается гипотетичным.

В собраниях Санкт-Петербурга хранятся две печати императора. Одна из них находится в составе коллекции Н.П. Лихачева в архиве Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН (колл. 54), вторая происходит из собрания Русского археологического института в Константинополе и хранится в коллекции византийских моливдулов Отдела Востока Государственного Эрмитажа⁵. Первый экземпляр был атрибутирован Н.П. Лихачевым в надписи на конверте, в котором она хранится⁶. На его л.с. изображен император в одеянии византийского василевса – далматике и лоре, конец которого переброшен через левую руку, сидящий на подушке на троне без спинки. На его голове – стемма с жемчужными подвесками, увенчанная крестом, в правой руке – увенчанная крестом держава, в левой – ла-

барум. Одевание императора орнаментировано. Широкое оплечье, шитая полоса на груди, лор и подол далматике украшены рельефной вышивкой, в ромбах которой помещены драгоценные камни, обрамленные жемчужинами. Орнамент лора несколько иной. Здесь рисунок из прямоугольных сегментов, в центрах которых находятся жемчужины. Конец лора завершается тремя жемчужными же подвесками. Между двумя линиями из крупной зерни помещена круговая латинская надпись: BALDVINUS DEI GRATIA IMP(er)ATOR PO[MAN(iae) SEMP(er) AVG(ustus)] – “Балдуин, божьей милостью римский император, вечный август”.

На об. с. печати император представлен в одеянии византийского василевса верхом на коне, торжественно шествующем вправо от зрителя. На императоре – далматика с шитым оплечьем и широкой полосой на груди. Ткань одеяния орнаментирована ромбами с пальметтами. На голове Балдуина стемма с жемчужными подвесками, увенчанная крестом, в левой руке – увенчанный крестом скипетр, в правой – поводья. Збруя коня богато украшена жемчугом и камнями. Голова императора и копыта коня выходят за пределы центрального поля и делят круговую греческую надпись на сегменты. Надпись размещена между двумя окружностями из крупной зерни: ΒΑΛΔΥΙΝΟΣ [ΔΕΣΠΟΤΗΣ ΠΟΡ] ΦΥΡΟΓΕΝΝΗΤΟΣ Ο ΦΛΑΝΤΡΑΣ.

Сохранившиеся детали рельефа одеяния императора дают представление о высоком мастерстве резчиков матриц. Сильный удар по тонкому кружку заготовки привел к тому, что буквы на обеих сторонах печати частично деформировались. Надписи присущ ряд лигатур. На л.с. слово “император” передано как IMPATOR, а в греческой надписи на об.с. – лигатуры ΑΑ ΓС, WН, TP⁷.

Второй экземпляр печати Балдуина II из собрания Отдела Востока Эрмитажа по иконографии изображений на л. и об. сторонах близок к первому, но его сохранность много хуже⁸. От изображений на обеих сторонах остались только контуры. Некоторое представление о деталях дает лишь левая часть фигуры императора на л.с. – одеяние с концом лора, переброшенным через левую руку. Хорошо сохранился его рельефный декор, состоящий из жемчужин и жемчужных же подвесок по краям. Лабарум в правой руке императора прямоугольной формы с двумя жемчужными подвесками по углам. Круговая латинская надпись, помещенная между двумя окружностями из мелкой зерни, сохранилась частично: BALD(vinus) [DEI] GRA(tia) IMP(er)ATOR] ROMA[N(iae)] | SE[MP(er) AVG(ustus)]. На об. с. печати – фигура императора на торжественно шествующем коне вправо от зрителя. В его правой руке – скипетр. От фигуры Балдуина II сохранились только контуры, от фигуры коня – протомы с предельно поврежденной поверхностью. Круговая греческая надпись между двумя рельефными линиями сохранилась частично: ΒΑΛΔΥΙΝ(ος) ΔΕΣΠ(ΟΤΗΣ ΠΟΡ)ΦΥΡΟΓΕΝΝΗΤΟΣ] Ο ΦΛΑΝΤΡΑΣ. Причем, последнее слово надписи помещено в поле печати. Между крупом коня и крестом скипетра императора – “Ο”, под ним – ΦΛ[ΑΝ] и под головой коня в две строки друг над другом – TP/ΑΣ. Обе печати явно выполнены разными парами матриц как л., так и об. сторон, в пользу чего свидетельствуют разные по рисунку лоры и лабарумы на л.с. печатей, а также шрифт надписей, более крупный на экземпляре из собраний Эрмитажа,

¹ См.: Schlumberger G. Sigillographie de l'Orient Latin. P., 1943. P. 169–173.

² См.: Zacos G., Vegler A. Byzantine Lead Seals. Basel, 1972. Vol. I. Pt. 1. P. 105. N 110a, b; Генова Е. Оловянная печать на латинский император Балдуин от крепост Плевен // Etudes balkaniques. 1981. 3. С. 12–14.

³ Schlumberger G. Sigillographie... Tabl. VII.

⁴ Schlumberger G. Sceaux et bulles des empereurs de Constantinople // Schlumberger G. Mélanges de l'archéologie Byzantine. P., 1897. P. 87–110.

⁵ Печати предоставлены нам для публикации В.С. Шандровской и Л.Г. Климановым, обратившим наше внимание на колл. 54 СПб ИРИ РАН. Благодарим коллег за помощь в работе и за предоставленные фотографии.

⁶ Печать на тонкой пластинке. Диаметр общ. 45 мм, поля – 41 мм, толщина – 2 мм. Сохранность хорошая. Потерты только лики императора. Наличие в канале печати обрывка красного шнура свидетельствует о том, что ранее, вероятно, она скрепляла какую-либо хартию Балдуина I.

© В.П. Степаненко

⁷ Следует отметить, что исследователи по-разному читали лигатуру в последнем слове греческой надписи. Если Г. Шлюмберже читал ΔΡ, то Н.П. Лихачев – TP. Последнее чтение подтверждается греческой надписью близкой по времени печати – перстня сербского королевича Стефана Родослава (король в 1227–1234 гг.) из Белградского национального музея, датированной 1219–1224 гг. Перстень был сделан в Фессалонике в связи с браком королевича с Анной, дочерью Феодора I Ангела Комнина Дуки. Надпись также содержит множество лигатур, в том числе и TP. См.: Барийский Ф. Веридвение перстня королевича Стефана Дуке Родослава Неманьича // ЗРВИ. 1978. Т. 18. С. 257–268.

⁸ Печать М-4548. Диаметр 43 мм. Толщина кружка 3 мм. Сохранность неудовлетворительная. Печать сломана вдоль канала на две части, стыкующиеся на небольшом участке. Вдоль излома большие выпавшие металла. Поверхность очень повреждена вплоть до утраты большей части изображений на обеих сторонах печати.

вследствие чего пришлось вынести на поле печати окончание греческой надписи. По той же причине слово GRATIA передано в надписи л.с. данного экземпляра как GRA. Печать из Болгарии выполнена по тем же признакам третьей парой матриц⁹. Столь же индивидуальны и матрицы печатей из собрания Г. Закоса.

Н.П. Лихачев, по-видимому, сам намеревался издать печать своего собрания, в пользу чего свидетельствует наличие в той же коллекции слепков л. и об. сторон печатей Балдуина II из европейских собраний под номерами. Следы данной работы, может быть, сохранились в архиве ученого. К сожалению, в настоящее время нет возможности сравнить все известные печати императора, поэтому и датировать их приходится 1240–1273 гг.

Печати Балдуина II стоят несколько особняком в ряду им подобных, принадлежавших латинским императорам Константинополя. Печати последних традиционно западноевропейского типа с фигурой сидящего на троне короля с регалиями на л.с. и с конным рыцарем на об.с. Достаточно яркие примеры такого рода – печати первого латинского императора Балдуина I, его брата и преемника Генриха I, их племянника и старшего брата Балдуина II – Роберта. Показательны греческие надписи, расположенные на л.с. – “Имярек, деспот”, тогда как находящиеся на об.с. пространные латинские, например, “Балдуин, божьей милостью римский император, граф Фландрии и Эно”, более информативны, давая представление о статусе владельца печати преимущественно западноевропейским корреспондентам императора.

Латинские надписи печатей предшественников Балдуина II более лаконичны, ибо исчезает указание на графский титул¹⁰. Типично западный облик присущ и печатям самого Балдуина II до его коронации¹¹. Характер изображений и надписей на печатях резко меняется после коронации Балдуина II в 1240 г. Причину этого, на наш взгляд, следует искать в той внешнеполитической обстановке, которая сложилась на границах Латинской империи к этому времени.

Как известно, Балдуин II был единственным из латинских императоров, родившимся в Константинополе, куда прибыла из Европы овдовевшая в пути его мать Иоланта де Куртене, сестра Балдуина I и Генриха I. Ее муж Пьер де Куртене, граф Оксьеррский, погиб в Эпире на пути в столицу империи, престол которой ему так и не удалось занять. Первые два года правления Балдуина II прошли при регентстве матери, затем – балы и титулярного сира Адрианополя Конона Бетюнского, старшего брата Роберта (1219–1228), сестры Марии, вдовы Феодора Ласкариса (1228), наконец, тестя, титулярного короля Иерусалима Жана де Бриеня (1231–1237). К 1236 г., когда Балдуин предпринял первые шаги на дипломатическом поприще, отправившись за помощью в Европу, территория Латинской империи сократилась до пригородов Константинополя и далекой Никомидии. В 1237 г. скончался де Бриенн. Регент Ансо де Каие (1237–1239), зять все того же Феодора Ватаца, не контролировал ситуацию. Лишь продолжавшаяся борьба Болгарии, Никеи и Эпира давала возможность латинянам лавировать между могущественными соседями¹². В 1239 г. Балдуин возвратился в Константинополь и был вторично коронован патриархом Николаем. Отныне империю спасала лишь ее слабость. Ее наиболее опасные противники – Болгария и Никея – разорвали союз, рассчитывая самостоятельно отвоевать Константинополь у латинян. Изменение соотношения

сил в пользу Никеи после смерти Иоанна Асены II и начавшихся в Тырново усобиц вновь вынудили Балдуина II отправиться на Запад. В 1245 г. он принял участие в Лионском соборе, находился при дворе Людовика IV в Париже. Нуждаясь в средствах, император щедро даровал европейским феодалам уже не принадлежавшие ему территории и синекуры. В свою столицу он вернулся лишь в 1250 г. Положение ее было критическим. Феодалы бежали на Запад, казна была пуста, императрица Мария продавала остатки драгоценностей и реликвий. И на этот раз неминуемое падение Константинополя предотвратили усобицы в Никее, завершившиеся приходом к власти Михаила VIII Палеолога. Новый император в качестве первоочередной задачи поставил покорение Эпира и латинских сеньорий Греции. Лишь разгром последних при Пелагонии (1259)¹³ решил судьбу Константинополя, захваченного 24 июня 1261 г. полководцем Алексеем Стратигопулом. Балдуин II бежал из города на венецианском судне¹⁴. Впоследствии он жил при различных дворах Европы, торгуя своими правами вплоть до смерти в 1273 г. С 1240 г. в условиях перманентной внешнеполитической активности канцелярия императора работала предельно интенсивно. Скрепленные печатями послания и хартии императора отправлялись как на восток, так и на запад. Но сохранились они преимущественно в архивах Западной Европы. На территории Болгарии найдена одна печать, а в коллекции Г. Закоса и в собрании Эрмитажа соответственно две и одна, приобретенные на территории бывшей Византийской империи. Лихачевский же экземпляр происходит из западноевропейских архивов.

Закономерен вопрос о прототипах изображений на л. и об. сторонах печатей Балдуина II. Для л.с. он, казалось бы, очевиден. Это – изображение сидящего на престоле в полном орнаменте правителя, характерное для западноевропейской сфрагистики и известное в сфрагистике государств крестоносцев на Ближнем Востоке и самой Латинской империи. Образ василевса в полном орнаменте и с регалиями власти известен и в византийском искусстве, например, в миниатюрах мадридской рукописи хроники Скилицы¹⁵, хотя в нумизматике и в сфрагистике он отсутствует¹⁶. Возможно, что изображение Балдуина II как византийского императора имеет и западные, и византийские корни. Западная традиция изображать правителя на л.с. печати была использована для воплощения образа византийского василевса, т.е. здесь имеет место синтез двух традиций. Сложнее определить прототип изображений на об.с. печатей Балдуина II. В византийской сфрагистике образ конного императора триумфатора не известен, как впрочем, и в нумизматике. Показательно, что в качестве единственного примера такого рода образов С. Морриссон и Г. Закос привели именно печати Балдуина II¹⁷. Но образы эти хорошо известны в византийском искусстве и имеют римские корни. Наиболее ранний пример тому – серебряное блюдо из Керчи с изображением триумфа Констанция II, где античная традиция уже сосуществует с раннехристианской: наряду с Никой, венчающей императора победным венком, на щите оруженосца появляется хризма¹⁸. В дальнейшем сцены

¹³ См.: *Geanakoplos D.J.* Greco-latin of the Eve on the Byzantine Restoration: the Battle of Pelagonia // *DOP*. 1953. 7. Р. 105–140.

¹⁴ См.: *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. М.-Л., 1948. Т. 3. С. 474–485.

¹⁵ См.: *Божков А.* Миниатюры от Мадридский рукописи на Иоан Скилицы. София, 1972. С. 17, 23, 41, 45. Отметим, что сама рукопись сицилийского происхождения, хотя вопрос об оригинальности или копийности ее миниатюр, возможно, воспроизводящих византийский образец, дискуссионен. См.: *Ševčenko I.* The Madrid manuscript of the Chronicle of Skylitzes in the Light of its New Dating // *Byzanz und der Westen*. Wien, 1984. 117–130.

¹⁶ См.: *Сokolova И.В.* Две неизданные византийские печати // *СГЭ*. 1982. Т. 47. С. 76; *Толстой И.И.* Византийские монеты. Барнаул. 1991. Вып. X.

¹⁷ *Morrisson C., Zacos G.* L'image de l'empereur byzantin sur les sceaux et du monnaies. Extrait du catalogue de l'exposition “L' monnaies, mirrors des rois”. P., 1991. P. 62; см. также: *Magdalino P., Nelson R.* The Emperor in Byzantine Art of the Twelfth Century // *Byzantinische Forschungen*. 1982. VIII.

¹⁸ См.: *Мацулевич Л.А.* Серебряная чаша из Керчи. Л., 1926; илл. фронтисписа.

⁹ См.: *Генова Е.* Оловен печат... С. 13 – фото.

¹⁰ *Schlumberger G.* Sigillographie... P. 165–173; *Zacos G., Vegler A.* Byzantine Lead Seals. P. 102–103. N 112a, b, c; 113a, b.

¹¹ Они известны в двух экземплярах, датированных 1236 и 1239 гг. См.: *Schlumberger G.* Sigillographie... P. 169–170.

¹² См.: *Wolff R.L., Hazard H.W.* The Later Crusades. 1189–1311. L., 1969. P. 218–319; *Mayer H.E.* The Crusades. Oxford, 1988. P. 208; *Жаворонков П.И.* Никейская империя и Запад // *ВВ*. 1974. Т. 36. С. 100–121.

триумфов императоров существуют в византийском искусстве вплоть до XII в. К сожалению, о большей части их можно судить только по описаниям современников¹⁹. Так, судя по описанию Продолжателя Феофана, на стенах Кенургия Большого Дворца в Константинополе были изображены "подвиги в сражениях и богом дарованные победы" Василия I²⁰. Гибель монументальной живописи лишь отчасти компенсирует сохранившиеся миниатюры²¹. Так, василевс в парадном одеянии верхом на богато украшенном коне выступает в сценах триумфов Феофила, Василия I, Иоанна Цимисхия, Василия II²². Известны и ткань с изображением триумфа Василия II (?) из сокровищницы собора в Бамберге²³, триумфальная сцена на боковой стенке ларца XII в. из Труа²⁴.

Сохранились и описания триумфов императоров, например, въезда в Константинополь Никифора Фоки. "Никифор облачился в одеяние самодержца и предстал в наиболее подобающем государю виде. Сидя на горячем белом коне, украшенном царской сбруей и пурпурными коврами, он въехал в Золотые ворота"²⁵.

Изображения триумфов императоров оказали непосредственное влияние на формирование образа святого воина триумфатора в византийском искусстве²⁶, представленного памятниками преимущественно константинопольского круга. Наиболее ранние и единичные изображения святых воинов всадников встречаются и в византийской сфрагистике уже в V–VII вв.²⁷ Но общеимперское значение их культуры приобрели к середине IX в. вследствие как феодализации империи, так и начала нового этапа внешнеполитической экспансии на востоке и западе. По Льву Диакону, во время битвы с русскими на стороне греков сражался всадник на белом коне, признанный Феодором Стратилатом²⁸, после победы над Святославом при Доростоле Иоанн Цимисхий принес благодарственную молитву св. Георгию²⁹. Образы святых воинов широко представлены в византийском искусстве. И тем не менее, исследуя иконографию св. Георгия, В.Н. Лазарев отметил редкость типа конного воина триумфатора как в византийском, так и в древнерусском искусстве, приведя в качестве примеров фреску церкви св. Георгия в Старой Ладоге 1167 г., датированные им XI–XII вв. стеатиты со св. Георгием во Флоренции (Барджелло) и Анжере, и с Дмитрием Солунским в ГОП³⁰. Можно дополнить этот список изображением

лишь св. Георгия XIV в. на обс. шиферной иконки из раскопок Новгорода³¹. Здесь сходны позы всадника и коня, атрибуты воина – копье с треххвостой хоругвью и плащ за спиной. На Балканах и в Закавказье этот тип изображений святых воинов также исключительно редок³².

В.С. Шандровская также отмечает редкость образов конных святых воинов в византийской сигиллографии в целом и образа св. Георгия, в частности³³, на фоне огромного количества весьма разнообразных по иконографии изображений святых воинов на печатях X–XI вв. До сих пор печати с конными святыми триумфаторами представлены единичными экземплярами. Это моливдовул спафарокандидата и турмарха Георгия с конным святым (Георгием ?) X–XI вв.³⁴, некоего Иоанна Иисуса XII в. (Георгий)³⁵, севастократора Алексея Ангела (1185–1195), будущего императора (Георгий)³⁶, севаста Константина Дуки (Георгий)³⁷. Возможно, в будущем количество их увеличится, но вряд ли значительно³⁸.

Близость изображений святых воинов триумфаторов, на наш взгляд, объяснима лишь наличием общего прототипа, скорее всего константинопольского происхождения, возможно, чтимой иконы или икон. Кроме ранее перечисленных памятников прикладного искусства (стеатиты, ткани) в пользу этого свидетельствует и сходство иконографии таких географически отдаленных памятников, как новгородская икона XIV в. с изображением конных св. Бориса и Глеба и созданная в мастерской, обслуживавшей крестоносцев, и хранящаяся в монастыре св. Екатерины на Синае икона XIII в. с конными св. Георгием Диасоритом и Феодором Стратилатом, отмеченная Э. Смирновой³⁹. Круг подобных памятников может быть расширен за счет хранящихся в том же монастыре икон XIII в. конных св. Сергия и Вакха, а также св. Георгия⁴⁰. Несомненно, византийский прототип лежит в основе изо-

Р. 198–200, с датой всех стеатитов XIV в. Несколько иной вариант – известная серебряная чеканная икона с конным св. Дмитрием XII в. из Берлина. См.: *Köttsche D. Der Welfenschatz im Berliner Kunstgewerbemuseum // Bilderheft der Staatliche Museen Preussischer Kulturbesitz. H. 20–21. B., 1973. S. 65. N 2. Tabl. 3.*

³¹ См.: *Николаева Т.В.* Каменная иконка, найденная в Новгороде // ПКНО. Ежегодник 1974 года. М., 1975. С. 225 ил.

³² Святые воины на дверях церкви св. Николая в Охриде (*Licenoska Z. Les influences byzantines dans l'art en Macédoine. La sculpture sur les bois // BS. T. XLIX. Fasc. 1. P. 42*); Иконы с конным св. Георгием триумфатором (*Чубинашвили Г.Н.* Грузинское чеканное искусство. Тбилиси, 1959. Т. 1. С. 354–355; Т. 2. Ил. 245. См. также: *Amiranachvili Ch. Les émaux de Géorgie. P., 1960. P. 84–85. XIII в.*).

³³ *Шандровская В.С.* Образ св. Георгия на византийских печатях // II Международный симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси, 1977. Тезисы. С. 7; см. также: *Они же.* Изображения святых воинов в византийской сфрагистике и нумизматике // Византия и Ближний Восток. СПб., 1994. С. 70–89.

³⁴ *Catalogue of the Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and the Fogg Museum of Art / Ed. by J. Nesbitt and N. Oikonomides. Vol. 2. South of the Balkans, the Islands, South of Asia Minor. Washington D.C., 1991. P. 19. N 7, 1.*

³⁵ *Maksimovic L., Popovic M. Les sceaux byzantins de la région Danubienne // SBS. 1993. 3. P. 122. N 8.*

³⁶ *Zacos G., Vegler A. Byzantine Lead Seals. T. 1. Pt. 3. P. 1555–1557. N 2745a, b.*

³⁷ Печать не издана. Известны три экземпляра из собраний Г. Закоса, Софии и Афин, фото которых находятся в картотеке. Н. и В. Зайбт в комиссии по византистике Австрийской АН. Наша искренняя благодарность коллегам за возможность познакомиться с материалами картотеки и за консультации при работе с ней. К сожалению, не удалось отождествить собственника печати ни с одним из Константинов Дук XII в. по пропосографическому лексикону Комнинов К. Варзоса. По мнению В. Зайбта, датировать ее следует второй половиной XII в.

³⁸ Утверждение В.П. Даркевича (Светское искусство Византии. С. 237), согласно которому образ св. Георгия появляется на печатях последних Комнинов, представляется нам ошибочным, так как известны более ранние примеры этого. К тому же печать из коллекции Г. Шлюмберже, на которую ссылается исследователь (*Schlumberger G. Sigillographie de l'Empire Byzantin. P., 1884. P. 501–502*), по-видимому, датируется более поздним временем (XIII в.?), а изображение конного святого на ее л.с., по иконографии и остаткам надписи, по мнению В.С. Шандровской, принадлежит не Георгию, но одному из Феодоров – Тирону или Стратилату. Печать хранится в собрании Эрмитажа (М-8759). Благодарим В.С. Шандровскую за фото печати и справку о ней.

³⁹ *Смирнова Э.* Живопись Великого Новгорода середины XIII–начала XIV в. М., 1976. Р. 220.

⁴⁰ *Weitzmann K. Crusades Icons and Maniera Greca // Byzanz und der Westen. Wein, 1984. P. 139. Taf. LIII, 4; Idem. Icon Painting in the Crusader Kingdom // DOP. 1966. Vol. 20. P. 71–72. Fig. 49.*

¹⁹ Сохранилось лишь изображение триумфа Никифора Фоки с изображением конных Иоанна Цимисхия и Мелиаса в росписях пещерной церкви Чавичин в Каппадокии. См.: *Thierry H. Un portrait de Jean Tzimiskès en Cappadoce // TM. 1985. 9. P. 479. Sch. 2.*

²⁰ *Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей / Изд. подгот. Я.Н. Любарский. М., 1992. С. 138–139.*

²¹ См., например, триумф Василия II на миниатюре (fol. 10 v) его псалтири в Марциане (*Hetherington P., Forman W. I Bizantini. Storia di uno imperio. Novara, 1981. P. 31 ill.*).

²² *Божков А.* Миниатюры от Мадридской рукописи... С. 23, 56, 113, 119.

²³ *Grabar A. La soie de évêque Gunter à la cathédrale de Bamberg // L'art de la fin de l'antiquité et du Moyen Age. P., 1968. T. 1. P. 223–227; Prinzing G. Das Bamberger Guntertuch in neuer Sicht // Byzantium and its neighbours. Prague, 1992. P. 218–231.*

²⁴ *Byzance. L'art byzantin dans les collections publiques françaises. Musée de Louvre, 1992. N 168. P. 258–259.*

²⁵ *Лев Диакон. История / Пер. М.М. Копыленко. Ст. М.Я. Сюзюмова и С.А. Иванова. М., 1988. С. 29.*

²⁶ См.: *Пуцко В.Г.* Византийский медальон с изображением Георгия воина // СА. 1969. № 2. С. 217–224.

²⁷ *Speck P. Byzantinische Bleisiegel in Berlin (West). Bonn, 1986. P. 104. N 66; P. 116. N 76; Zacos G., Vegler A. Byzantine Lead Seals. V. 1. Pt. 2. P. 808. N 1318a; P. 835. N 1375.*

²⁸ *Лев Диакон. История. С. 80.*

²⁹ *Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum / Rec. I. Turn. Berolini; Novi Eboraci, 1973. P. 308.*

³⁰ *Лазарев В.Н.* Новый памятник станковой живописи XII века и образ Георгия в византийском и древнерусском искусстве // Русская средневековая живопись. Сб. статей. М., 1970. С. 79; *Алпатов М.В.* Рельеф Дмитрия Солунского в Оружейной Палате // *Алпатов М.В.* Этюды по истории русского искусства. М., 1967. Т. 1. С. 52, датирован XII в.; *Банк А.В.* Прикладное искусство Византии IX–XII вв. М., 1978. С. 97–98 – все три рельефа датированы XI в.; *Wentzel H.* Die Kamee mit dem hl. Georg im Schloss zu Windsor // *Festschrift Fr. Gerke. Baden Baden, 1962. S. 108–110*, с датой стеатита с Дмитрием XIII в.; *Пуцко В.Г.* Раннепалеологовский стеатит с изображением Иоанна Предтечи // BS. 1989. T. L. Fasc. 2. С. 209, также датируется последним XIII в.; *Kalavrezou-Maxeiner I.* Byzantine Icons in Steatite. Wien, 1985.

бражения конного короля триумфатора на монетах короля Киликии Хетума II (1226–1269)⁴¹.

Следует отметить, что образ конного рыцаря традиционен для западноевропейской сигиллографии, где он представлен предельно широко⁴². Успехами крестового движения объясняется и появление его в сигиллографии франкских государств Ближнего Востока⁴³ и самой Латинской империи⁴⁴. Поэтому вполне объяснимо и появление изображения конного императора триумфатора на об.с. печатей Балдуина II. Здесь оно сменило именно конного рыцаря печатей его предшественников, т.е. последнему был найден эквивалент из круга образов византийского триумфального цикла. Но при всей традиционности последнего он никогда ранее не использовался в сфрагистике. Идея триумфа василевса воплощалась иными средствами. В ранней Византии – сочетанием образов Ники и императора, позже – Богоматери, а затем – Христа и императора. При этом погрудные изображения с середины XI в. все чаще уступают место образам сидящего на престоле Христа Пантократора и стоящего в полном орнаменте василевса. Около первого находится ставшая впоследствии традиционной надпись “Иисус Христос, ник”⁴⁵. Приверженность к данному сочетанию изображений показательна для позднейшей византийской сфрагистики. Так, они сохраняются на моливдовулах современника и противника Балдуина II никейского императора Иоанна Дуки Ватаца (1222–1254)⁴⁶. Как следствие, печати Балдуина II при их намеренном и подчеркнутом византизме остаются многим обязанными западноевропейской традиции, в частности, в схеме размещения изображений и даже их первооснове, ярко проступающей сквозь византийский внешний облик⁴⁷.

Показательны и надписи печатей Балдуина II. В греческой надписи появляется ссылка на его порфирородность, как свидетельство легитимности его власти

в Константинополе, как, впрочем, и римский в своей основе термин “вечный август” в латинской надписи⁴⁸. Все это должно было показать всем претендентам на византийское наследие, и в первую очередь Ласкарисам Ватацам Никеи и Ангелам Комнинам Дукам Эпира, что именно Балдуин II является единственным законным наследником предшествующих василевсов ромеев. В то же время показатель, что, будучи по отцу Куртенэ, император предпочел апеллировать к своим родственным связям по материнской линии, называя себя в греческой надписи Фландрским, т.е. преемником своих дядей как императоров Константинополя, а возможно и графов Фландрии и Эно. Известно, что во время своей первой поездки в Европу Балдуин получил владения отца и вступил в борьбу за наследие матери.

Подведем итоги. Печати Балдуина II – уникальное явление в сфрагистике Латинской империи. Их явно прокламативный характер, намеренный византизм изображений и надписей объяснимы претензиями императора на легитимность его власти в Константинополе, которую приходилось постоянно доказывать, а возможно, и его личными амбициями на Западе. Издаваемые нами экземпляры выполнены двумя парами матриц, отличных от матриц печатей из Болгарии и собрания Г. Закоса. При этом создается впечатление о том, что наиболее ранним из ныне известных является эрмитажный экземпляр с его индивидуальным расположением греческой надписи, в дальнейшем унифицированным. Возможно, в будущем удастся отождествить печать из собрания Н.П. Лихачева с экземпляром, скреплявшим какой-то документ, вышедший из канцелярии императора, и исчезнувшим в конце XIX–начале XX в. из какого-либо западноевропейского архива, быть может, французского.

⁴¹ См.: *Mutafian C. Le Royaume Armenienne de Cilicie. P., 1993. P. 54. ill.*

⁴² О печатях Людовика VII (1137–1180), Филиппа II (1180–1223), Анри II и Тибо Великого, графов Шампани см.: *Catalogue of Seals in the Department of Manuscripts in the British Museum / By W. de Gray Birch. L., 1898. Vol. 5. P. 115–116. N 18.073/75. 18.076; P. 539. N 19.448; P. 520–521. N 19.394 и др.*

⁴³ Например, о печатях последнего графа Триполи Раймунда III (1155–1187) см.: *Cheyne J.-Cl., Morrisson C., Zeib W. Sceaux Byzantins de la collection Henri Seyrig. P., 1991. P. 245. N 382. См. также печати латинских владетелей региона: Le comte Chandon de Briailles. Bulles de l'Orient Latin // Syria. 1950. T. 27. P. 284–300.*

⁴⁴ О печатях предшественников Балдуина II см.: *Zacos G., Vegler A. Byzantine Lead Seals. P. 102–103. N 112–113.*

⁴⁵ В качестве редкого варианта на моливдовулах Исаака Комнина появляется фигура императора триумфатора как воина в короткой тунике, кирасе, плаще, с мечом в левой руке и лабарумом – в правой. См.: *Zacos G., Vegler A. Byzantine Lead Seals. P. 76–78. N 85 bis, 86 a, b, c. Ранее это изображение появилось на монетах Константина Мономаха. См.: Byzance. L'art byzantin dans les collections françaises. P. 406. N 317.*

⁴⁶ Хотя на л.с. моливдовула первого императора Никеи Феодора Ласкариса Христа сменил Феодор Стратилат, возможно, его патрональный святой (*Zacos G., Vegler A. Byzantine Lead Seals. P. 106–107. N 116, 117*). Показательно, что образ святого воина оставался популярным и в XIII в., в пользу чего свидетельствует хотя бы количество сохранившихся литиков с изображением Феодора драконоборца (*Ross M.C. Catalogue of the Byzantine and Early Medieval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Washington, 1962. Vol. 1. P. 89. 1 106, 107*), в том числе найденных в Константинополе и в России (см.: *Никольская Т.Н. Редкая находка из Серенска // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 45–41*).

⁴⁷ В том же XIII в. изображения конных всадников появляются в древнерусской сфрагистике. Так, Феодор Тирон изображен на л.с. печати Мстислава Мстиславовича (1210–1218), св. Александр – на печатях Александра Невского (1236–1263). Изображение на его печатях коронованного всадника, по-видимому, князя, Н.П. Лихачев прямо связывал с западноевропейским влиянием (см.: *Лихачев Н.П. Материалы по истории византийской и русской сфрагистики. Л., 1928. Вып. 1. С. 48–50*). С этим согласился и В.Л. Янин (Актовые печати Древней Руси. М., 1970. Т. 2. С. 23). В это же время изображение царственных всадников появляется и на печати претендента на болгарский престол Мицо (1256–1263). Типологически он наиболее близок образу Балдуина II. См. публикацию матрицы л.с. его печати: *Иорданов И. Печатите на преславските владетели. 893–971. София, 1993. С. 37. Табл. XI, 45.*

⁴⁸ См.: *Rosch G. Onoma Βασιλείας. Wien, 1978. S. 77–78.*

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

Quiescet in pace:

к 100-летию со дня смерти В.Г. Васильевского:

Глава "Последний год жизни" из неопубликованной монографии
И.М. Гревса / Подготовил к печати И.П. Медведев

В С.-Петербургском филиале архива РАН хранится неизданная монография известного русского историка-медиевиста Ивана Михайловича Гревса (1860–1941) под названием "Василий Григорьевич Васильевский, профессор и академик. Опыт биографии (1838–1899)"¹. Рукопись (автограф И.М. Гревса)² не датирована, но из слов "умерший 30 лет назад В.Г.В-ский" (с. 108) видно, что писалась она в 1929 г., именно к 30-летию со дня смерти ученого³. В ней И.М. Гревс, ученик В.Г. Васильевского и его преемник на кафедре всеобщей истории историко-филологического факультета Петербургского университета, сам ставший "родоначальником петербургской школы медиевистики"⁴, с необыкновенной теплотой и любовью "рисует" проникновенный психологический портрет своего учителя, прежде всего как гениально одаренной личности и прирожденного педагога, обладателя уникальных, чисто человеческих качеств и безграничного обаяния, пользуясь при этом, главным образом, собственными впечатлениями от долгого и близкого общения с ним, но также многочисленными некрологами В.Г.Васильевскому⁵ и доступной ему (И.М. Гревсу) перепиской ученого⁶. ("Архив его, — пишет И.М. Гревс, — во-время не был собран с надлежащим вниманием и полнотою; письма рассеяны и, вероятно, в большинстве случаев, затеряны; исчезли среди бурных перипетий последних лет многие официальные документы о его профессорской и ученой службе; главный памятник — его труды"⁷.)

Разумеется, будучи историком латинозападной цивилизации и прежде всего в ее

средневековую эпоху, И.М. Гревс сделал основной упор на разбор трудов В.Г. Васильевского именно в этой области, на раскрытие его знаменитых лекционных курсов по "средней истории", византийская "ипостась" В.Г. Васильевского как исследователя намечена в монографии лишь эскизно⁸. Тем не менее (или, может быть, именно поэтому) труд И.М. Гревса представляет интерес и для византистов, ибо дает нам почувствовать очарование еще "неизвестного Васильевского". Особое внимание, ввиду приближающегося 100-летия со дня кончины ученого, привлекает последняя, седьмая глава книги, которая так и называется: "Последний год жизни. 1898–1899" (л. 378–385 об.). Нельзя без волнения следить за перипетиями этого последнего года в жизни ученого, когда в расцвете творческого дарования и в разгар многих научных предприятий его настигает коварная и малопонятная болезнь, на которую он сам смотрел "с покорным недоумением" (л. 383). "Острое сострадание берет за сердце; жизнь не воздала ему по заслугам", — резюмирует пронзительными словами И.М. Гревс (л. 299). Нечто провиденциальное ощущается и в самой смерти В.Г. Васильевского: стремясь всю жизнь и всей душой в "благодатную Италию", он, наконец, выезжает в нее, но только с тем, чтобы умереть там и найти в ней упокоение.

Текст главы публикуется полностью, без изъятий (отточия принадлежат самому автору), в том виде, в каком он содержится в автографе рукописи И.М. Гревса с сохранением индивидуального, не всегда "удобоваримого" стиля. Некоторые редакционные дополнения публикатора приводятся в квадратных скобках.

[И.М. Гревс]. Последний год жизни [академика В.Г. Васильевского]
(1898–1899)¹

Лето 1898 года В.Г. В-ский проводил недалеко от Петербурга (точно не помню, где), и там он опасно заболел воспалением легких и расстройством почек. Я не раз упоминал, что он начал хворать рано. Возможно, что описанные нами тяжелые условия жизни в отрочестве и ранней юности в общежитии духовного училища и семинарии, а потом несколько полуголодных лет после студенчества подорвали уже его организм, здоровый от природы. Он болел за границей очень серьезно. Затем настали опять несколько лет нужды; далее пошел многолетний усиленный труд, недостаточная забота о себе и отсутствие внимательного ухода близких при истощающем напряжении и нервных волнениях от общественных и домашних причин.

Когда я узнал его, ему было сорок с небольшим лет, но он имел вид уже пожилого человека, часто похварывал, простуживался, страдал кишечником. Письма его полны указаний на недуги, и учебный год он всегда кончал в изнеможении, рвался на отдых вне города, обожал зеленую тишину. Я довольно часто бывал у него на даче и нередко находил его нездоровым. В частности, он страдал еще ревматизмом ног, который постоянно мучил его. От него он лечился ваннами в Одессе, как упоминалось выше, летом 1884 года. Когда я к осени 1892 года вернулся из двухгодичной командировки за границу, я нашел его очень изменившимся, ослабевшим и состарив-

¹ ПФА РАН. Ф. 726 (И.М. Гревс). Оп. 1. Д. 22. Л. 103а–385 об.

² В фонде И.М. Гревса есть и машинописная копия этой монографии (Там же. Д. 22а. 358 листов), но пользоваться ею надо с большой осторожностью, часто автор машинописи даже не понимал, что он перепечатывает: не понят текст, перевраны имена и названия, почти полностью опущены иностранные вставки и сноски и т.д.

³ Подтверждается это и перепиской И.М. Гревса, собиравшего именно в этом году материалы для написания монографии. Например, письмом из Харькова от 13 июня 1929 г. В.П. Бузескул извещает И.М. Гревса о высылке ему четырех писем (в копии) Васильевского, высказывает свое впечатление от личности и трудов ученого и в заключение подчеркивает: "Очень интересуюсь Вашей книгой о В.Г. Васильевском. Желая скорейшего ее окончания и выхода в свет" (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 37. Л. 14–15 об.).

⁴ Каганович Б.С. Русские историки западного Средневековья и Нового времени (конец XIX – пол. XX в.). Автореф. докт. дис. СПб., 1995. С. 8 (гл. 1 этой неопубликованной диссертации посвящена И.М. Гревсу).

⁵ Как известно, И.М. Гревс был и сам автором одного такого некролога (Гревс И.М. Василий Григорьевич Васильевский как учитель науки // ЖМНП. 1899. Ч. 324. С. 27–74).

⁶ В личном фонде И.М. Гревса хранятся 13 адресованных ему писем В.Г. Васильевского за 1884–1899 гг. (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 41. 21 лист), множество копий И.М. Гревса с писем В.Г. Васильевского к Л.Н. Майкову (Там же. Оп. 1. Д. 22. Л. 1, 2, 20–22, 52–74, 81–99), к В.И. Ламанскому (Там же. Л. 14, 16–19, 23–28, 75–80 об.), уже отмеченные письма В.П. Бузескула (при отсутствии высланных им И.М. Гревсу копий писем В.Г. Васильевского; возвращены обратно?), а также масса других подготовительных материалов.

⁷ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22. Л. 108.

⁸ О В.Г. Васильевском как византистине см. в изданных работах последнего времени: Литаврин Г.Г. Василий Григорьевич Васильевский — основатель Санкт-Петербургского центра византиноведения (1838–1899) // ВВ. 1994. Т. 55 (80). С. 6–10; Заливалова Л.Н. В.Г. Васильевский: ученый в свете материалов архивных собраний Москвы и Петербурга // Архивы русских византистов в С.-Петербурге. СПб., 1995 (Т. 1). С. 36–44; Герд Л.А. В.Г. Васильевский: портрет ученого в свете его неизданной переписки // Рукописное наследие русских византистов в архивах С.-Петербурга, СПб., 1999 (в печати).

¹ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22. Л. 378–385 об.

шимся. Он лечился неаккуратно и не любил советоваться с известными врачами. Был у него домашний доктор, Митропольский, давний хороший приятель, но не знаю, насколько искусный врач. Встревоженный его состоянием, я убедил его обратиться к своему знакомому доктору М.М. Шершевскому, талантливому терапевту и тонкому диагносту. В. Гр-ч после долгих отказов согласился. Шершевский тщательно осмотрел его, нашел организм расшатанным, не определил в настоящем ничего угрожающего, советовал быть осторожным, но сообщил мне, что он заметил у него следы страдания (sic!) спинного мозга, которое неожиданно счастливым образом остановилось; дальше [оно] могло [бы] грозить ему полным калечеством, даже слепотою. В. Гр-ч не испугался, шутя говорил: "Коли прошло, так слава Богу, незачем и вспоминать". Около шести лет после того он провел более или менее сносно², но вот в 1898 г. разразился роковой недуг: это было начало конца, ему оставалось лишь менее года жизни³.

л. 378
об. В. Гр-ча привезли с дачи среди лета в Петербург больного, и он поселился сначала у старшего своего ученика В.Э. Регеля, у которого был на Васильевском Острове свой небольшой дом с садом⁴, где гораздо лучше можно было ему устроиться на время выздоровления, чем в его высокорасположенной и мрачной квартире на Загородном проспекте. Поправка шла медленно. 18 июля он стал выходить на балкон, 28 мог несколько шагов пройти пешком по саду Регеля⁵, и ему разрешены были лечившим его врачом Влад. Адольф. Штанге прогулки в экипаже на острова. Перебраться на собственную квартиру удалось только 10 августа (целый месяц он пользовался гостеприимством В.Э. Регеля). Но он продолжает чувствовать себя плохо; выезжает кататься в Александровский парк, но подниматься к себе в четвертый этаж не может, его вносят на руках с большою охотою и любезностью швейцар и старший дворник⁶. Ему бы хотелось провести август и часть сентября за городом, например, в Ораниенбауме или в доме приглашавшего его проф. И.В. Помяловского в Гатчине, но консультировавший его проф. Л.В. Попов нашел сильное расширение сердца и запретил всякое передвижение.

Его тяготит неподвижность и запрещение занятий. Праздность взаперти наводит тоску, и он начинает строить планы, так сказать, "лучшего будущего". Еще среди лета (28 июля 1898 г.) читаем в одном письме целый проект⁷: «Хорошо было бы уехать из Петербурга на тяжелое осеннее время, хотя путешествие в Крым или на пресловутую Ривьеру не особенно реко-

мендуется, ибо сопряжено с утомлением. Ввиду всего этого в свои бессонные часы ночью я стал придумывать собственные планы. Если болеть после выздоровления, то болеть с пользою и удовольствием, для себя и для других. Не поехать ли мне просто за границу, не побывать ли в Италии, в Риме? Не взять ли отпуск, а то и командировку на целую зиму? Ведь, пожалуй, и умирать будет стыдно, не выдавши голубого итальянского неба. Можно будет заглянуть в Ватиканскую библиотеку, хотя зимой там заниматься почти невозможно и об открытиях мечтать поэтому не дозволяется. А не худо было бы напасть еще раз на какого-нибудь Кекавмена⁸. По возвращении я бы официально уже оставил редакцию⁹ и поселился бы где-нибудь поблизости Академии, чтобы увеличить вереницу плетущихся по субботам в известном направлении по Университетской набережной старичков почтенного вида, очевидно, посвятивших себя высшим созерцаниям. Прежде всего я занялся бы изданием первого выпуска своих "Исследований", которые известны публике по второму выпуску, и затем и другого, неоконченного... Вот мои мечты. Они еще были подогреты полученным мною из Старой Руссы известием, что В.И. Модестов получил командировку в Италию на три года. Откуда сие бысть, не могу сообразить, но присутствие в Риме такого в нем старожила и моего приятеля, очевидно, было бы для меня весьма кстати»¹⁰.

Надежда на выздоровление, желание поправиться не вызывает у него трусливым цеплянием за жизнь при ощущении пропадающего здоровья, а неослабевающею тягою к работе, волнующею его острою памятью, что многое еще надо сделать, никак нельзя оставить важных материалов неопубликованными, дорогих мыслей невысказанными и необоснованными. Через несколько дней планы его меняются (1 августа): «Теперь я уже на острове Корфу¹¹. В Риме месяцы декабрь и январь неблагоприятны для жительства, а на острове, по рассказам, гуляют в летнем платье даже в первый день января¹². Отсюда я проведу в Афины, чтобы постоять перед Акрополем и проникнуться теми чувствованиями, о которых говорила телеграмма Вильгельма II Бисмарку. Вы, впрочем, ничего не сообщайте Вашему приятелю, Высочайшему велосипедисту из Павловска¹³, а то он пожелает, чтобы я представился его сестрице, жительствующей в столице греческого королевства¹⁴. Возвратиться можно будет через Константинополь. Разве это не похоже на мечтания? Хорошо, если бы хоть часть их осуществилась?».

И здесь В. Гр. стремится в места, связанные с историческими великими воспоминаниями, близкими к его научным работам. О здоровье или, вернее, о болезни говорится лишь вскользь, между прочим. А недуг идет своим чередом, то ухудшаясь и заставляя его сильнее страдать, то давая короткие отдыхи, как бы щадя больного, облегчая его мучения. Он вообще редко жаловался на судьбу, переносил страдания стойко и мужественно, но, не переставая думать о других, к своей беде относился с добрым юмором.

² Хотя здоровым уже по-настоящему он с тех пор себя не чувствовал. Он пишет Л.Н. Майкову 6 января 1895 г.: "Более всего желаю Вам доброго здоровья: пожелание самое заурядное и ходячее, но с моей стороны оно сопровождается искреннею теплотою и глубокою сознательностью (sic!), ибо я сам все более и более научаюсь ценить это утрачиваемое мною благо" (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22. Л. 22).

³ Можно вспомнить, как протекал этот год, так как остался ряд писем к Л.Н. Майкову, которому он тогда часто писал, так как и тот тоже хворал, и В-ский, умоляет его не подниматься к нему на четвертый этаж. Кроме того, я лично много раз виделся с В. Гр-чем и мог наблюдать за его болезнью, занятиями и настроением (см. примеч. 6).

⁴ В десятой линии (№ 15) между Большим и Средним проспектами.

⁵ В-ский, шутя, называет его "василеостровским Боткиным": он пользовался большою известностью в интеллигентных кругах на Острове, где и сам жил. Это был очень знающий специалист и хороший человек.

⁶ Он острит по этому поводу, говоря, что пользуется "любовью народною в своем доме". Его, в самом деле, любили простые люди и не за подачки, а за внимательность, простоту и доброту, за бесхитростное признание равноправия.

⁷ Привожу сейчас и ниже большие выписки из писем, так как они отлично характеризуют состояние духа В. Гр-ча. Доктора предупреждали, что придется еще долго возиться с болезнью и не обнадивали, что выздоровление настанет полное; он огорчался, но не терял терпения и кротости.

⁸ Он вспоминает найденную им и обработанную ценную византийскую рукопись [Речь идет о московской синодальной рукописи Греч. № 436. См. публикацию: Cecaumeni Strategicon et incerti scriptoris De officiis regis libellus / Ed. B. Wassiliewsky et V. Jernstedt. Petropoli, 1896.]

⁹ Журнал Министерства народного просвещения.

¹⁰ В другом письме он говорит, что пока поехал бы в Финляндию готовиться к заграничному путешествию (1 августа) (письмо к Л.Н. Майкову от 1 августа 1898 г. ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22. Л. 84).

¹¹ Разумеется, в мечтаниях бессонных ночей.

¹² Коллеги, приятели и знакомые навещали его, и каждый давал свой совет.

¹³ Здесь намекается на президента Академии, великого князя Константина [антина] Константина [антиновича], владельца Павловска, увлекавшегося велосипедным спортом (годы жизни 1858–1915).

¹⁴ Подразумевается королева греческая Ольга Константиновна (1851–1925).

Настойчивое, взволнованное стремление (неодолимая потребность) вернуться к прерванным занятиям охватывало В. Г-ча эти месяцы всякий раз, как ему становилось хоть несколько легче в болезни, которая более полу-года держала его на краю могилы. И он проявлял здесь не часто встречающуюся силу жизни и энергию дела. Он сейчас же переставал смотреть на себя, как на больного, сердился на заботы и предостережения окружающих, раскрывал свои материалы, садился за стол, окружал себя фолиантами, брался за перо, страшась упустить остающееся время (верно, ощущая приближившийся конец), ловя возможность произнести недосказанные слова.

Он не жалел себя в такие критические месяцы, когда только строжайшая осторожность могла предотвратить резкое ухудшение и продлить уже сосчитанные дни. Он все решительнее рвался за границу – в Италию и очень раздражался против д-ра Штанге, который все откладывал разрешение на выезд, отговариваясь тем, что надо окрепнуть. Мне доктор признавался, что он боится отпускать его, так как катастрофа может грозить в дороге, что организм В. Гр-ча в полном расстройстве, надежды на выздоровление нет и он “живет уже в долг” (так выражался Штанге). Но В. Гр-чу в середине зимы стало несколько лучше, и силы прибавились. Приглашенный на консультацию известный доктор Л.О. Бертенсон нашел возможным для больного выехать в Италию, но советовал подождать начала весны, которая рано начинается в благодатной стране.

л. 379
об.

Уже в январе начались приготовления, но дело оттягивалось, погода была // холодная, и состояние больного колебалось, но он покорно ждал выезда и только просил врачей и своих поторопиться. Душа его страшно рвалась в Италию, и он очень любил в эти дни говорить о ней. Во время командировки в молодые годы безденежье не дало ему достигнуть Италии, потом жизнь до конца отрывала от нее, теперь недуг грозит отнять последнюю надежду увидеть ее на склоне дней. Зная мое пристрастие к стране, он все говорил мне: “Приходите почаще: вы еще расскажете мне об Италии; ваша любовь к ней живит мою душу, делает меня опять здоровым и молодым”. Он читал книги об Италии, изучал путеводители, пытался учиться практически итальянскому языку, но отчаивался (sic!) – мало времени и не до того. Он шутливо пишет об этом Майкову (9 янв. 1899): «Не имея надежды научиться итальянской речи, я решил возобновить свои – тоже небольшие – познания во французском разговорном языке. С этой целью я купил “Lettre à une inconnue” Мериме и читаю их – иногда забавным образом вслух. Хороший писатель. Только очень жаль, что он все писал к дамам, а мне бы желательно было найти у него материал для разговора в библиотеке и с учеными. Впрочем, есть полезные сведения. В том и в другом томе встречаются письма из Канн (Cannes) от первой половины февраля с сильными жалобами на холод и дурную погоду. А меня посылал на Ривьеру ранее»¹⁵.

С осени 1898 г. В. Гр-ч, конечно, не читал лекций и в “Журнале Мин. Нар. Просв.” его заменял с горячею готовностью помощник его по редакции Э.Л. Радлов [1854—1928], большой его почитатель. В-ский постоянно

¹⁵ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22. Л. 87. В. Гр-ч хорошо знал много иностр[анных] языков, но говорил на всех плохо (тому виною деревенское детство в духовной семье и семинарское образование). Помню, когда я спрашивал приезжавшего в Петербург в свои молодые годы нынешнего известного французского византиниста, историка искусства Милле (Габриель Милле приезжал в Петербург в феврале 1896 г. в связи с планами совместной русско-французской экспедиции на Афон. – И.М.), как понравился ему В-ский, он отвечал, что, конечно, это замечательный ученый, но он какой-то равнодушный (peu enthousiaste): а он просто стеснялся своего “mauvais français”.

выражал ему свою душевную благодарность и перед отъездом настойчиво хлопотал, чтобы обеспечить его своим преемником как редактором журнала¹⁶, но оставаться в бездействии В-ский не мог, несмотря на болезнь. За составом и выходом очередных книжек журнала он следил все-таки тщательно, сам писал или пытался дописывать собственные недоконченные статьи. Можно было застать его наклоненным над письменным столом, старающимся не замечать болей и изнурения, работающим из последних сил.

Именно в эти тяжелые предсмертные месяцы В. Гр-чем были написаны последние две его работы – некролог по скончавшемся (sic!) незадолго до него самого старшего его товарища по Академии и по византийским занятиям Аристе Аристовиче Кунике [1814–1899] и отчет-характеристика о пятилетнем существовании и деле руководимого им ученого журнала – “Византийский Временник”¹⁷.

А.А. Куник достиг в 1899 г. своего 85-летия. В-ский должен был непременно помянуть его первым: Куник был ближайший “соспециалист” и патриарх византиноведения (если последнее и не было исключительным его делом), а потом его инициативе и деятельной поддержке В-ский был обязан постановкой в 1889 г. его кандидатуры, как академика. Это было “noblesse oblige”. Между тем захватывал страх: вдруг окончательно слягу, не успею, не выйдет. А задача – ответственная и сложная: Куник – оригинальная личность, и он прожил долгую деятельную ученую жизнь. Надо его достойно оценить, а для этого многое пересмотреть в короткий срок.

Это было для В-ского серьезное беспокойство и забота. А.А. Куник болел уже с конца 1898 года. В. Гр-ч справляется у Майкова (17 янв. 1899): “Что Арист Аристович? До меня доходят тревожные слухи... Он не должен умирать в мое отсутствие¹⁸ и не примирившись со мною вполне”. Речь идет в последних словах о неудовольствии по отношению к нему Куника в связи с каким-то ученым спором или академическим вопросом. В-ский мог иногда не сдержаться в полемике, а Куник в старости стал подозрителен и обидчив. Должно быть, сразу сговориться не удалось, потом В. Гр-ч заболел, и инцидент не был вполне исчерпан. Это огорчает его, а навестить старика мешает собственная хворость¹⁹.

А.А. Куник скончался [19 января 1899 года]²⁰. В.Г. В-ский с печалью пишет (22 янв. 1899): “Арист Аристович все-таки умер, когда не нужно было ему этого делать. По крайней мере, я лично молил Бога, чтобы его дни продлились, по меньшей мере, на год, дабы я, воротившись из-за границы, имел возможность с ним вполне примириться. Может быть, это оказалось бы трудным, ибо он становился капризным. Однако же я узнал, что мое к нему письмо в декабре произвело на него приятное впечатление. Он поверил искренности моего уверения, что я никогда не переставал уважать его и даже любить, что я все-таки считаю себя способным

л. 380

¹⁶ Желание его состоялось, но только после смерти В-ского. Э.Д. Радлов пробыл редактором ЖМНПр до прекращения его, но он ни за что не соглашался принять редакторство даже после отъезда В-ского за границу, не принимал от него хотя бы части предлагавшегося ему редакторского вознаграждения, которое В-скому тяжело было получать, не работая на правах (?).

¹⁷ См.: ВВ. 1899. Т. 6. С. 619–636 (некролог (А.А. Кунику); Приложение. С. 1–23 (отчет “Византийский временник за пять лет, 1894–1898”).

¹⁸ То есть покамест В-ский будет поправляться сам за границей.

¹⁹ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22. Л. 88. В этом же письме В. Гр-ч тревожился о повторной болезни своего коллеги по Академии и по ЖМНПр В.К. Эрнштедта, который пережил его лишь года на три. Всегда думает о других.

²⁰ У И.М. Гревса здесь пробел; в машинописной копии указана дата “18 января”; см.: ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22. Л. 333.

ценить ученые заслуги не хуже кого-нибудь другого, что только злобствующие на меня лица, в сущности даже один мне лично похваливавшийся, старались внушить ему всяческие против меня подозрения²¹, а любил я его точно так же, как и Вы, со всеми его достолюбезными чудачествами, потому что с ним были связаны воспоминания если не самых юных и лучших дней, то начального ученого поприща”²².

Надо было браться за некролог. Непременный секретарь Академии ([Н.Ф.] Дубровин) требовал скорейшего представления его для доклада на заседании Академии в память Куника, враги запрещали, родные отговаривали, В. Гр-ч чувствовал, что сил не хватает, он волнуется, но на нем лежит долг, и он не может ему изменить. Ему помогают при собирании сведений, но все припомнить, систематизировать и писать должен он сам, а болезнь редко отпускает свои злые когти. Несколько писем к Майкову полны тревожений по поводу этого некролога. Он хочет сделать дело хорошо, как приличествует одному крупному ученому, говорящему о другом. Между тем материала много, оставленного Куником, но мало биографических данных о нем самом. Ему дорого стоила эта работа, он страшно напрягался, но недоволен тем, как выходит: есть начало, есть конец, но середины нет, то есть не успеть разобрать всех трудов Куника, связанных с византиеведением (что ему особенно хотелось). Он советуется с Майковым, что делать, одобрил ли тот печатать то, что сложилось при таких тяжелых условиях. Трогательно читать эти совестливые волнения одного почти умирающего о том, чтобы почтить достойно другого, только что умершего²³.

Работа была сделана и появилась в печати уже как посмертная статья²⁴. Нет надобности специально говорить здесь о ней — она переносит нас к труду жизни другого ученого, замечательного эрудита, с огромными сведениями по многим научным областям, оригинала и чудака, но способного к удивительному беспристрастию, немца, бывшего, как говорили, // не вполне шутя, главою русской партии в Академии. Скажу, однако, что в ней воплощаются присущие В. Гр-чу до гробовой доски качества — пиетета к науке и к тем, кто честно отдает свою жизнь бескорыстному служению ей, и замечательного умения понимать своеобразие и заслуги каждой научной индивидуальности. Интересно привести одну подробность относительно общественно-этических воззрений Куника. Ему противны были милитаризм и шовинизм, и он вооружился против русских планов завоевания, во что бы то ни стало, Константинополя. Когда ему возражали, что это ключ от нашего дома и без него мы будем и в военном, и в экономическом рабстве от иностранных держав, он отвечал: Завоевывайте св. Софию ideally, как всю Византию, изучая ее прошлое, так и знаменитый храм, исследуя его лучше других археологически и художественно. Остальное приложится вам. В. Гр-ч не мог не чувствовать уважение к такому благородному повороту идей.

Прикованный если не к постели, то к комнате, В-ский ни на минуту не забывал Академии, радел об ее интересах. В частности, он прилагал глубокую думу и энергичный почин и в описываемые последние меся-

цы жизни к замещению освободившихся мест выбором новых достойных членов.

Прежде всего выдвигалась им кандидатура известного филолога, сравнительного языковеда И.А. Бодуэна де Куртенэ. Научная компетенция его была несомненна, но он вызывал неодобрение своим импрессионистским неровным характером, и “правой” части Академии не нравился своим, хоть и не всегда последовательным (может быть, это и не нравилось), но резким радикализмом воззрений. В-ский, поддерживая кандидатуру Бодуэна, устроил у себя “дипломатический” обед, пригласив Майкова, Ламанского и Шахматова с целью убедить одного из главных противников, В.Р. Розена, не противиться выбору. Это не удалось — все они были плохие дипломаты, и Розен свою позицию отстоял: “атака была отбита”, пишет В-ский, и кандидатура не прошла.

Другая попытка В. Гр-ча оказалась удачною. Дело касалось кафедры русской истории. В-ский отстаивал с большою энергиею выбор молодого тогда, но уже определенно выдвинувшегося ученостью, широкою образованностью, крупным талантом и замечательною трудовою выдержкою А.С. Лаппо-Данилевского²⁵. Кандидатура была по существу вполне твердая и достойная; но он был молод — это нарушало обычаи, а потом были желающие из старших и заслуженных и соперники из русских историков поколения Лаппо-Данилевского. Потом можно было опасаться, что уединенная замкнутость его и горделивый индивидуализм оттолкнет ряд голосов. Надо было устранить препятствия. В-ский считал его неотложно желательным членом Академии: он хорошо предвидел, какой он будет деятельный и авторитетный сочлен. Он говорил, что Лаппо-Данилевский рожден академиком. Тут уж он действовал без всякой дипломатии: прямо стоял за своего кандидата.

Как энергично он действовал, видно все также из писем к Л.Н. Майкову. // Прежде всего, надо было установить право русской истории, как выставленной для замещения кафедры. Она была недостаточно представлена [в Академии]: Куник умер, он занимал кафедру (ее и предстояло заместить), и работы его касались лишь главным образом древнейшего периода. Интересы Дубровина также имеют специфический характер и ограничиваются новыми временами; сам В-ский себя настоящим русским историком не считал, а предмет в русской Академии должен быть центральным. “Так, как теперь, не должно продолжаться: нужен крепкий и свежий деятель в силах руководить работою по всей русской истории, особенно центральными частями ее (Московский период и XVIII-й в.) ... именно в том направлении, в каком идет наиболее горячая работа — учреждения, социально-экономический строй, в соединении с хорошим знакомством с архивами здесь и в Москве”. Таким и лучшим, по его убеждению, представлялся Лаппо-Данилевский — самостоятельный, выдающийся ум, уже несомненный знаток, человек, могущий рассчитывать (по возрасту своему) на долгую работу, притом безукоризненной (sic!) по нравственной физиономии человек (*un homme intègre*).

Так он прежде всего открыто выразил свое мнение одному из тех, которые (он мог думать) претендуют по праву на занятие ближайшего свободного места в Академии, заслуженному ученому, лучшему после него византиеведу — Федору Ивановичу Успенскому. Он указывал тому, что неоспоримо принадлежит ему наследство самого В-ского после его смерти²⁶; двух же ви-

л. 380
об.

л. 381

²¹ В. Гр-ч называет Шеглова (пробел). Очевидно, то была злостная сплетня.

²² ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22. Л. 89.

²³ Минутами он приходит в отчаяние: “Право же, мне нужно скорее уезжать, а то я сгину от одних тревожных размышлений — что, когда, как? Проснешься ночью, начнешь раздумывать, ни к чему не придешь, но совсем потеряешь сон и спокойствие” (28 января) (Там же. Л. 90).

²⁴ Читалось в отсутствие В.Г. В-ского в общем собрании Академии наук 6 февраля 1899 г. Напечатано в “Византийском временнике”, т. VI, в одном выпуске с некрологом самого В.Г. В-ского, написанном П.В. Безобразовым.

²⁵ Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863–1919), академик с 1899 г.

²⁶ Это ему уготовано, и (он, должно быть, думал) — это не заставит себя ждать, а Федор Иванович долго (sic!) переживет его. Последнее он прямо сказал тому, и это оказалось верно. Избранный в академики после В-ского, он жил деятельною научною жизнью еще 30 лет после него (Ф.И. Успенский, 1845–1928).

зантистов (sic!) иметь в Академии одновременно неуместно, при отсутствии должным образом широко подготовленного русского историка. Затем Ф.И. Успенский занимал крупное почетное место вдали от Петербурга – он был директором Русского археологического института в Константинополе, – и это затрудняет его немедленную кандидатуру. Ф.И. Успенский, конечно, предоставил ему действовать по его убеждению и академической кафедры не добивался. Выбирать в академики иногородних и уже знаменитых русских историков, Ключевского или Иконникова, было неудобно, так как им могла быть предложена лишь ординатура, а тут освобождалось только место адъюнкта. Более молодым русским историкам, притязавшим на роль конкурентов, В-ский также откровенно объяснил свое предпочтение им Лаппо-Данилевского, готового всецело отдаться академической работе, к которой, по понятиям В-ского, он всю свою ученою физиономию предзнаначался²⁷, хоть он и знал, что нелегко убедить людей в таких случаях, когда ставится личный, даже высокий и благородный интерес.

Упоминаю об этом факте, так как он характерен для В-ского и ценен для биографии, как его самого, так и Лаппо-Данилевского. Он ратовал за дело, казавшееся ему важным и принципиально правильным, не щадя усилий даже в такой момент, когда ему, опасно больному и истощенному, неприятные переговоры, даже столкновения могли грозить тяжелыми осложнениями. Радея об интересах Академии, он не хотел уезжать, оставляя вопрос в неопределенном состоянии, и ему удалось продвинуть желанную кандидатуру до своего отправления //, причем им самим составлена была записка с мотивированным предложением. Он мог ехать спокойным по данному вопросу²⁸, а Лаппо-Данилевскому такою авторитетною инициативой оказалась обеспечена двадцатилетняя ученая деятельность в Академии, соответствующая его знаниям, его научному темпераменту и желаниям, вплоть до его преждевременной смерти в 1919 году²⁹.

Время шло и нетерпение В-ского ехать выростало. Он хотел непременно смотреть на свою поездку не как на преследующую исключительно цели здоровья, а ставил ей и научные задачи (не то, что старался закрыть глаза на свое положение, а надеялся, что лучше станет на юге). Он строил целый план, что видно из полуофициального письма его к Л.Н. Майкову (8 января 1899 г.), которое тот должен был показать в Академии и в Министерстве при хлопотах, которые брал на себя: «Так как [врачи] не воспрепятствуют мне умственных занятий, а только рекомендуют осторожность и умеренность, то мне думается, что поездкою в Италию, более или менее продолжительным пребыванием в Риме, Флоренции и Венеции, а на возвратном пути в Женеве, Мюнхене и, может быть, в Вене, я мог бы воспользоваться для осуществления давнишних моих замыслов и мечтаний относительно ближайшего моего ознакомления с сокровищами Ватиканской и Венецианской библиотек, а также и других – по части греческих рукописей византийского содержания. В Италии я до сих пор не был, но по опыту моих занятий в Парижской Национальной Библиотеке я знаю, как бывает полезно ознакомление с

каталогами рукописей при возможности тотчас же проверить предположенный интерес манускрипта его рассмотрением, личным и непосредственным. Больших обещаний я не могу делать, своим мечтам я не позволяю далеко заноситься, имея в виду свои физические немощи, но ничто не мешает мне рассчитывать на счастье и удачу, которые иногда были ко мне благосклонны – имею ввиду открытие стратегика Кекавмена. На сем основании я решаюсь просить не только о заграничном отпуске, но и о командировании меня с ученою целью на четыре месяца служебных и три каникулярных, считая с февраля»³⁰.

Желание его было исполнено соответствующею властью, что свидетельствует о почитании В.Г. В-ского и в высших сферах, так как всем было известно, что болен он почти безнадежно, но выехать удалось не раньше 6 марта.

Помню во всех подробностях этот день отъезда, который стал и днем последнего свидания. На Варшавском вокзале холодным вечером собралась небольшая группа товарищей, друзей и учеников В. Гр-ча проводить его за границу. Он сидел в зале, весь закутанный, укрываясь от проникавшего в двери русского мороза, который еще не хотел уступать места теплу, с лицом, измученным и истощенным долгими страданиями, но с веселыми глазами и бодрою душою. Его поддерживала радостная надежда, что итальянское солнце возвратит // ему здоровье; он с чисто юношеским восторгом предвкушал наслаждение, которое должна была дать ему своею природою, своими памятниками, своими научными сокровищами дивная страна, седалище давней, великой культуры, куда давно влекли его многие собственные работы и связанные с ними дальнейшие интересы³¹. В прежние годы он часто сам посылал туда своих учеников с добрыми пожеланиями вглядываться и вдумываться в великую старину, рыться в архивах, “расширять свое мирозерцание”, как он с шуткою в тоне, но справедливо по существу прибавлял.

Италия, действительно, не раз вдохновляла их мысль и направляла труд, после того, как именно ему удавалось впервые пробудить в них истинную любовь к науке, внушить им определенную задачу исторической работы. Теперь он возлагал твердые упования на ее чудодейственные свойства и для себя: он рассчитывал, что Италия быстро излечит его и откроет ему еще несколько лет хорошей старости, счастливой свободным научным трудом (после избавления от наиболее обременительных занятий), к которому он всегда так рвался и от которого его отрывали не одни болезни, но и лежавшие на нем чрезмерные служебные и семейные обязанности. Жутко было каждому близкому видеть такую почти детскую радость и веру в человеке, очевидно обреченном на скорый конец. Почти ясно было, что он не вернется; но горечь последнего расставания примирялась при виде того, как желание жить не было унижено в шедшем к смерти В. Гр-че страхом перед нею, а одухотворялось потребностью усиленной умственной деятельности. Оно воплощалось не в мелочной тревоге об избавлении от опасности, а в разнообразных планах, где он найдет драгоценный памятник, что он будет продолжать и заканчивать, а потом искать, исследовать, начинать, писать...

Такая неумирающая вера в возможность для него возрождения и неустанное влечение к научному труду, казалось, помогали ему побеждать фи-

л. 381
об.

л. 382

²⁷ В-ский ссылался и на то, что таков был предсмертный завет К.Н. Бестужева-Рюмина, высказанный ему и Л.Н. Майкову.

²⁸ В. Гр-ч писал Майкову 11 февраля: “Отлагать [выборы Данилевского] до моего возвращения из-за границы ввиду бренности всего земного мне стало казаться страшным. Пусть бы, по крайней мере, первый почин не ускользнул от меня. Итак, не согласились ли бы Вы на такую комбинацию, чтобы я перед своим отъездом написал и подписал представление о Лаппе, дабы оно могло быть внесено в отделение и затем до весны пройти дальнейшие стадии. Я полагаю, что успех нашего кандидата в отделении обеспечен” (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22. Л. 94).

²⁹ См. специально посвященную памяти А.С. Лаппо-Данилевского книжку “Русского исторического журнала” (1920. Кн. 6).

³⁰ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22. Л. 86.

³¹ [Вычеркнуто примечание: Но всего более сияли в его умственных взорах образы Ватикана, Медичейской библиотеки *Lorenziana* во Флоренции и венецианского хранилища св. Марка].

зические мучения и слагались в картину достойного и возвышенного угасания. Только такое нравственное настроение души давало ему, по-видимому, силы предпринять и перенести длинное [путешествие], утомительное и не для такого больного, как он, пойти напряженным усилием навстречу исполнению давнего горячего желания увидеть Рим перед смертью.

Первая часть путешествия прошла благополучно. Васильевские³² оставились на двое суток [в Вене] в гостинице (Grand Hôtel, Kärtharring, 9). Оттуда я получил от него замечательно бодрое, милое письмо, очень меня обрадовавшее и самым фактом (памятью обо мне), и содержанием: “Доехал до Вены благополучнейшим образом. Просидев в четырех стенах с унылым и скучным видом на Загородный проспект и серенькое низкое небо в Петербурге, я сразу стал чувствовать себя лучше на более открытом пространстве. Уже под Вильной я заметил, что здесь и небо имеет другой цвет, и воздух другой. Хотя под Варшавой мы опять увидели снег, — оказалось, он только что выпал, но это не нарушило моего благосостояния... По земле Чешской ехать было радостно; хотя воздух был свежий, но солнце светило ярко, открывались // широкие перспективы, окаймленные горами. Кроме радости я ничего не чувствовал: не было никаких болей, ни даже усталости. В ознаменование своего восторга я спросил за обедом³³ шампанского и в посрамление всех докторов выпил сам полстакана и не только остался жив и здоров, но даже более повеселел...”³⁴. Письмо заканчивалось надеждою на хороший исход всего странствия и нетерпеливо-радостным ожиданием предстоящего въезда в Рим. Доктора посылали его во Флоренцию, но он решил внутри себя прямо направляться к Вечному городу.

В Вене уже испортилась погода, и В-ский после короткой прогулки в экипаже в сторону Пратера просидел два дня больше всего в гостинице. Но настроение его не портилось. Время свое он занимал письмами. Письмо к Майкову (Вена, 9/21 марта) начинается, правда, печальным возгласом: “Расстался я с Вами, милые сердцу, расстался!”. Однако тотчас же затем оно продолжается бодрым тоном: “Но я глядел вперед без страха и с надеждой... Подъезжая под Ораны, я послал первый привет весне. Положим, ее еще не было, но довольно было взглянуть на небеса, чтобы получить ее предчувствие... Другой цвет облаков, другой воздух...”. Затем он рассказывает о различных перипетиях путешествия — при пересадках, в австрийской таможене, окрашивая все в комический цвет: ему весело, чувствуется даже задор.

И В.И. Ламанскому В. Гр-ч успел написать из Вены (тоже 9/21 марта). Тоже радуется доброму началу путешествия и своему хорошему самочувствию (ему гораздо лучше, чем в Петербурге). И он восхищается “землей Чешской”³⁵. Потом подтрунивает над ним, рассказывая, что Вл.Ив. рекомендовал ему давно не существующий отель “Erzherzog Karl”, и они напрасно разыскивали его в Вене. По поводу этого эпизода в письме к Майкову он вспоминает слова И.П. Минаева, когда тот явился рассерженный, опоздав к обеду на дачу к В.И. Ламанскому в Шувалове и “начал бранить сла-

вянофилов: заберутся Бог знает куда и толком не расскажут адреса”. Потом он сообщает В.И. Ламанскому о своем свидании с И.В. Ягичем, посетившим его в гостинице в Вене. Он знал, как будет приятно тому, рассказывает, что Ягич был очень мил и внимателен, расспрашивал про него и выражал все время только одни дружелюбные чувства, добрые товарищеские воспоминания. Другим можно было вздохнуть спокойнее, прочитав эти первые вести из-за границы от уехавшего больного, которого они провожали с самыми плохими предвидениями.

Но это был короткий просвет. Вторая половина путешествия из Вены в Италию сложилась совсем иначе и по внешним условиям и по внутреннему состоянию. В. Гр-ч сам описывает тяжелые впечатления в своих письмах. “Вторая часть пути — от Вены до Флоренции — не только не доставила такого удовольствия, как первая — напротив была тягостна. Главная причина — изменившаяся погода. Уже в Вене настал холод, затем весь путь до самой почти Флоренции мы совершили // под густым снегом, какого совсем не ожидали видеть в благословенной Италии”. Несчастливым образом в тот год и в Италии запоздала весна, потом надо помнить, что пришлось ведь переезжать через Альпы, далее через Аппенины; В. Гр-ч говорит, что когда они спустились в Тосканскую равнину, снег перестал; но и вообще денек выдался исключительно неблагоприятный; ему объяснили, что это разразилась “совсем неслыханная (в такой сезон) по своей свирепости трамонтана”.

В. Гр-ч пишет, что “дорога из Вены сокрушила его”. Пришлось отменить первоначальное решение ехать прямо в Рим, которое он принял себе тайно от докторов, и остановиться во Флоренции. Ехать дальше он был не в силах, его вынесли из вагона в совершенном изнеможении, почти в дурноте. Он говорит, очевидно, придется засесть здесь надолго; Флоренция действительно стала последним местом его пребывания на земле. Он прожил там около двух месяцев. Эти месяцы были медленным умиранием; но и эти последние дни расставания с жизнью он остался таким, каким был всегда: не впадал в отчаяние, не страшился конца, не терял умственных интересов, читал, порывался к работе, думал о других, с добрыми чувствами и постоянными приветами обращался к друзьям, “протягивая к ним руку через Альпы”³⁶.

За В. Гр-чем очень ухаживали два молодые псаломщика русской церкви во Флоренции — Левицкий³⁷ и Бережков, посещали его ежедневно, исполняли все поручения, доставали книги, вообще облегчали ему материальные условия существования и трогали его своими хлопотами и заботами. У него еще бывал давний флорентийский старожил, русский немец фон-Фриккен, историк искусства и археолог, родственник петербургского профессора Форстена. Навещал его и старый друг В.И. Модестов, приезжая из Рима. Удалось найти порядочное жилище, куда и перевезли больного из гостиницы (Hôtel Helvetia, где ему было неудобно и неприятно).

В письме к В.И. Ламанскому (10 апреля) он описывает свой образ жизни. “Теперь мы живем на своей квартире, в одной из лучших новых улиц — via Magentia, 15³⁸. Передние комнаты обращены на север, но позади есть

л. 382
об.

л. 383

³² В. Гр-ча сопровождали жена и взрослая дочь, и они пригласили с собой знакомого академического служителя Людвига, который был очень предан ему.

³³ В вагоне-ресторане Международного общества.

³⁴ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 41. Л. 17–18 об. Он и в маленьком письме к В.А. Штанге признается в этом своем акте свободолюбия против медицинской власти. В записочке из вагона (7 марта, за Вильной) к Майкову он тоже смеется над “недальновидностью” врачей (Там же. Оп. 1. Д. 22. Л. 95).

³⁵ Там же. Оп. 1. Д. 22. Л. 79. Собственно говоря, он коснулся ее только краешком — в моравском конце.

³⁶ Так В.Г. Васильевский пишет и В.К. Ернштедту в недатированном письме из Флоренции: “Протягиваю правую академическую десницу через Альпы и дружески целую” (ПФА РАН. Ф. 733. Оп. 2. Д. 33. Л. 38–39 об.).

³⁷ Протоиерей Владимир Левицкий “с причтом” и хоронил В.Г. Васильевского (см.: Бибииков М.В. Нис situs est... // ВВ. 1994. Т. 55(80).

³⁸ В третьем, наружном концентре (terzocerchio), параллельно Арно, вблизи от пригородного парка Cascine.

выход в сад, в котором в хорошие дни светит и греет чудное солнце. За те часы, которые мне уже пришлось в нем провести, можно простить много Флоренции”³⁹. Такое горе: теплая погода все не устанавливалась; В. Гр-ч зяб в плохо отапливаемых комнатах, выходить почти не пришлось, она не могла очаровать тяжело страдающего мягкой, непобедимою красотой своего пейзажа и своего лика; она, скованная необычно непогодю, не могла ему улыбнуться, он не успел ее полюбить.

Из последнего письма к Л.Н. Майкову (20 мая нов. стиля), написанного за пять дней до кончины, извлекаем картину его последнего месяца. Это – удивительное, полное духовности умирание.

Ему трудно писать, но потребность общения побуждает покрывать дрожащим почерком целые листы. Он все хочет обходиться без усиленного ухода, поменьше беспокоить окружающих⁴⁰. Дочь отпустил в Рим, “а то, – говорит, – самому побывать там, пожалуй, не придется”, так, значит, пусть она побывает. Он радуется за друзей, что те у себя продолжают делать большое научное дело, шлет им пожелания успеха. На болезнь свою смотрит с покорным недоумением: “Болезнь // моя приняла какое-то странное направление, я перестаю что-нибудь понимать и думал было прекратить сообщения о ней, в письмах. От крайней слабости сил я совсем потерял возможность произвольных движений... Мечтаю о том счастливом времени, когда немножко будет позволено пройтись на ногах”. Но он терпит все кротко, просит усаживать его за стол, тогда пишет”⁴¹, читает книги, относящиеся к Италии, которые Бережков⁴² достает ему из Национальной Библиотеки или из известной читальни Vieusseux (sic?). Он пытается даже статьи доканчивать, привезенные из России, “начинает даже нечто соображать об одной рукописи в Генуе”. Мысленный взор его постоянно тянется к России. Там готовились чествовать столетие со дня рождения Пушкина [пробел] мая. Он выражает надежду, что доживет до этого дня и спрашивает, как и куда послать свое приветствие, интересуется новыми томами академического издания сочинений великого поэта. Он очень просит выслать во Флоренцию в “Biblioteca Nazionale Centrale” (palazzo degli Uffizi, secondo piano) лучшие издания русских классиков – “итальянцы очень любезны и интересуются всякою нашею диковиной”.

В то же число (за пять дней до смерти) написал В. Гр-ч еще к В.И. Ламанскому. Хочу закончить его жизнеописание этим словом его к другу, ставшим прощальным: увидим сейчас, оно полно сильных просветов жизни, любви, мысли о деле, об умственных благах и о других.

“Firenze, via Magentia, 8/20 Maggio, 1899. – Дорогой Владимир Иванович! Сам писать почти совсем не мог: с одной стороны, полный упадок сил, с другой, подкожное накопление воды до невероятных размеров в ногах делают то, что только на руках жены или Людвигу могу добраться до стола, а с другой стороны, дочь свою я все-таки отпустил в Рим к Модестовым, с которыми она должна совершить путешествие в Неаполь и вернуться вместе с ними во Флоренцию, где некоторое время проживет и Василий Иванович. Что со мной делается, не знаю, но мой доктор не унывает, я же продолжаю ему доверять. Бывают мучительные ночи, но в 6 часов открыва-

³⁹ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22. Л. 80–80 об.

⁴⁰ “Дайте поддержать Вашу руку в своей”, – так заканчивает он это письмо; может быть, чувствует, что в последний раз (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22. Л. 99).

⁴¹ Ламанскому заявляет: “Сегодня сижу на солнце и пишу к Вам в неудобной, правда, позе, но с душевным удовольствием”.

⁴² О нем тепло говорит: он кончил курс в Петерб. Духовн. Акад., – значит, слушатель В.И. Ламанского, даровитый человек, но жаль, мало подготовлен.

ются ставни: свежий, но холодный воздух, много свету, а затем и солнце ощущаю и вижу из моей постели, и сердце радуется, хотя бы на короткий срок... После завтрака начинаются легкие занятия, прерываемые то припадками удушья, то дремотою. Теперь я стал прикасаться к Данте и почи- тывать Савонаролу Виллари. Соображаю разные комбинации о рукописях. Мне пришла идея ходатайствовать перед факультетом о пособии для поездки в Италию известному Вам Сахарову (Владимиру Николаевичу)⁴³. Он мог бы по моим указаниям вступить в область византийской рукописной литературы и принести // мне прямую пользу⁴⁴... Чувствую, еще хранятся во мне где-то силы для работы. Дай Бог, чтобы я продержался подле Вас еще несколько лет и завершил кое-что из начатого. Обнимаю Вас. Ваш от всего сердца”⁴⁵.

Уже почти обессиленный приближающейся смертью В. Гр-ч все-таки писал рукою, едва удерживавшею перо, еще другому, старшему ученику, работавшему в командировке в Германии над диссертацией, отвечая тщательно на его только что полученные научные вопросы. Он до самого конца мало думал о своей болезни, гораздо больше, во всяком случае, досадовал на нее, что она мешает работать и еще общаться с историческими со- кровищами Италии, чем боялся, что она приведет его к могиле. Не выно- сил он мысли о специальной борьбе с недугом. Он мечтал не о дальнейшем путешествии в какой-нибудь лечебный пункт, а об исполнении своего па- ломничества в Рим, которое рисовалось ему необходимым актом его уче- ной жизни. Он умер почти у ворот великого города, как будто звавшего его к себе, не успев вступить на прославленную почву. Эта картина печально соответствует незавершенному, раньше, чем можно было, прерванному де- лу его жизни.

В.Г. Васильевский скончался 13 мая (ст.ст.) [1899 г.] в [пробел] часов. Его успел застать в живых приехавший из Рима друг его В.И. Модестов, который и воздал ему последний долг. В. Гр-ч погребен на кладбище *cimitero degli Allori* около Флоренции по дороге к знаменитому монастырю *Certosa di val d'Ena*. Я посетил его могилу летом 1907 г., когда сам с своими учениками и ученицами ездил в Италию в научно-историческую экскурсию. Кладбище расположено около дороги на полугоре; оно разбито по форме плана антич- ного театра. На одном из его полукругов лежит белая, мраморная плита, по- крывающая останки В. Гр-ча с начертанным его именем на русском и латин- ском языке⁴⁶. Кругом растут цветы, и могила отенена задумчивыми кипари- сами. Красивое, тихое место успокоения дорогого праха!

В.Г. В-ский оставил землю. Но не могло исчезнуть с ним дело, которое он вел, научно-историческое исследование и преподавание, как вообще не пропадает серьезный труд жизни большого ума, руководимого чистым сердцем. Этот труд давал недостаточно удовлетворения и душевного мира ему самому, но он влагал много блага в духовное существование и деятель- ность других. Положил ли начало В-ский особой своей школе византиеве- дения и медиевистики у нас? Чтобы ответить на это убедительно, требует- ся подвергнуть критическому изучению научную производительность сле-

⁴³ Это был студент – последний ученик В. Гр-ча, византист, очень способный, о котором до последне- го дня заботится его мысль.

⁴⁴ Последние слова, конечно, приведены как лишнее побуждение помочь ему устроить работу для уче- ника.

⁴⁵ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22. Л. 19.

⁴⁶ Тексты воспроизведены: Бибииков М.В. *His situs est...* С. 22; Медведев И.П. *Honor sepulcri* (размышле- ния А.А. Васильева у могилы В.Г. Васильевского // ВВ. 1994. Т. 55 (80). С. 25.

дующих лет в этих областях знания, а также в соседних. За это пишущий данные строки не берется в настоящей книге.

Сейчас могу высказать по этому вопросу лишь несколько мыслей. Прежде всего замечу: не все зависит от человека в глубине оставляемого им духовного следа; многое обуславливается свойствами воспринимающей среды, стойкостью или изменчивостью ее. Следует, прежде всего, бросить взгляд на ближайшие, // последовавшие за его смертью годы, хотя бы первые полтора-два десятка лет. В этих пределах воздействие его личности, его духа, его работы было очень большое в том тесном, но определительном для духовной культуры страны и ее общества кругу, внутри которого он действовал, кругу ученых и научных работников академическом и университетском. Здесь, может быть, прежде всего он много сделал для самой организации научно-исследовательского дела и общего направления его дальнейшего движения и в таком смысле влиял на своих непосредственных коллег и сотрудников, старших (людей одного с ним поколения), находившихся с ним в последовательном общении, членов Академии и профессоров Университета, и младших, им привлеченных к работе. Они почувствовали себя без него ослабевшими и должны были в интересах продолжения общих начинаний взять на себя поддержание заложенных им традиций – и они разделили дело его между собою, причем и мысль его переживала в них.

В области византиеведения ученики его, ближайшие последователи его главной специальности, непосредственно продолжали его труд. Их было немного, но они все были “заряжены” шедшими от него вдохновениями и шли в проблемах, какие они себе выбирали, и методах исследования по проложенной и расчищенной им дороге⁴⁷. Очень было печально, что преподавание византийской истории прервалось в Петербургском университете после его смерти; но нельзя не видеть плода его же заветов, когда после 1905 г., когда университеты стали автономны, установлены были во многих из них если не отдельные кафедры, то курсы по византиеведению, последние могли подготовить новых представителей изучения эпохи, которая всеми, кому ведать надлежит, была признана важною ветвью “всеобщей” истории.

Что касается “медиевистики”, то нет никакого сомнения, что дальнейший рост этой существенной отрасли исторической науки, и в области чистого исследования, и в области университетских занятий, пошел от сильного ствола, созданного В. Гр-чем. Тут дело, сделанное именно им, особенно заметно на работе его учеников, наследовавших ему в Петербургском университете и попавших в другие. Отрицать этот рост у нас в первую четверть XX-го века вряд ли возможно, и в числе насадителей всего течения роль его рядом с ролью Павла Гавр. Виноградова, роль крупная и благотворная, не подлежит никакому сомнению. Прибавлю еще, что метод В-ского отразился не только в сфере “*studia mediaevalia*”, но учениками его были и прошедшие петербургскую школу представители древней и новой истории, также русской и славянской; воздействие от его трудов и общения с ним переходило и на тех, кто прямо у него не учился: я выше указывал,

⁴⁷ В машинописной копии за этим следует абзац, отсутствующий в автографе И.М. Гревса: «В своей последней статье, дающей отчет о первом пятилетии работы руководившего им “Византийского временника” (см.: “Журнал Мин. Нар. Просв.”, 1899, март) он прямо называет своими учениками, вышедшими из его аудитории, группу лиц, которых делит даже на два поколения – старших – В.Э. Рогеля, Х.М. Лопарева и П.В. Безобразова, и младших – А.А. Васильева и Б.А. Панченко. Они уже при его жизни показали себя серьезными учениками» (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22а. Л. 353–354).

что и классики, романогерманисты, русские словесники – все искали у нас “научного наставничества” В.Г. В-ского. Во всех этих смыслах он был одним из сильнейших очагов и распространителем научного света не только “исторического”, но и “гуманитарного” вообще.

Заметное, осязательное и длительное влияние В. Гр-ча простиралось на немногих. Но можно сказать с уверенностью, что из бывших его слушателей не только те, которые // сами стали профессорами или учеными специалистами, чтли его память и с удовлетворением и благодарностью сознавали себя в известном смысле его духовными питомцами. Многие из них долгие годы работали в средней школе, учителями истории, литературы или древних языков. Среди мужчин и женщин, трудившихся на педагогическом поприще, немало лиц сеяли дальше полученные от него семена; некоторые, может быть, еще до сих пор помнят врученные им идеи, знания, преподанные им советы. Через уста их всех слово В-ского продолжало звучать в сознании немалых следовавших за ним поколений, подтверждая истину того, что в них содержалось. Я не хочу преувеличивать, но надобно понимать, что трудно наглядно вскрыть, прощупать все пути преемства духовного предания и найти ясно все признаки его продолжающей жизни и действительности; но нельзя возражать против высказанного выше положения, что дело большого человека должно хранить могучую живучесть, и печальна та человеческая среда, которая не бережет даров прошлого, не понимает их, не впитывает их в себя; тем более достойна жалости та, которая их забывает или топчет.

Последние слова я обращаю не только в прошлое, но и в настоящее и будущее. Революция⁴⁸ круто повернула на совсем новую дорогу судьбы России, социальные и духовные, осудила и разрушила многое в прошлом, как злые или мертвые начала. Но порвать окончательно с ним она не может и не должна; отрицать все наследие веков было бы слепотою и неоправдаваемою расточительностью. Есть нечто вечное, что связывает времена, что обуславливает передачу от поколения в поколение, из эпохи в эпоху плодов труда человеческого. Дело В.Г. В-ского направлено было на создание ценностей, нужных всегда и для всех. Он был представителем чистого знания, не такого, которое защищало бы интересы какого-нибудь привилегированного класса, политического строя, партии. Он искал достоверной истины, удовлетворяющей врожденной потребности человека, всякого человека знать истину. Таковая особенно должна быть дорога тому порядку, который строит благо для всех, стремится творить общество трудящихся, в котором всем обеспечено будет достойное человека существование. Для сторонников такого идеала личности, подобные В.Г. В-скому, должны быть дороги, как бы тесною и теоретичною ни казалась при беглом, поверхностном взгляде сфера их деятельности. В науке все нужно, ничего не пропадает в ней для блага всех, если только почитается в стране и благом свобода. В полном убеждении, что тут правда, я и считал важным долгом оставить закрепленным для новой России образ одного из добрых и редких работников старой.

Когда я ровно 30 лет тому назад писал свою скорбную заметку у свежей могилы В. Гр-ча и вспоминал направление научных идей его, только что ушедшего из жизни, мне невольно пришли на память несколько мест из оригинального сочинения // знаменитого французского идеалиста, который был в числе любимых писателей скончавшегося. Говорю о

⁴⁸ И.М. Гревс сначала написал “Наша революция”, но затем вычеркнул слово “наша”.

книге Ренана "Будущее науки". Чувствую потребность закончить ими и настоящую книгу.

"Совершенным был бы тот, кто одновременно являлся бы поэтом, философом, ученым, нравственным человеком, притом не в известные промежулки своей жизни и не в некоторые только моменты (это было бы посредственное совершенство!), но в глубоком взаимопроникновении во все протяжение своего существования, который был бы поэтом и одновременно философом, философом, но также ученым, словом, в котором все элементы человечности сливались бы в высшей гармонии" (*L'avenir de la Science*, p. 11). Так должно отразиться в личности то, что составит идеальное совершенство в человечестве; и передовые части человечества, как целые, прообразуют (*sic!*) в своих лучших чертах такой будущий высший тип человека⁴⁹. Ренан видит, что современная человеческая личность далека от такого совершенства. Но он думает, что жажда истины, отыскиваемой всеми путями познания, то есть именно то, что мы называем идейностью, лучше всего приближает человека к желанному состоянию, развивая в нем особенно сильно соответствующие мысли, чувства и склонности (*Ibid*, P. 17: "Savoir est le premier mot du symbole de la religion naturelle"). При таком высшем искании наука – высший светоч для человека. Потому-то Ренан называет ее "первою потребностью человечества" (*le premier besoin de l'humanité*) и верит, что она сможет поистине привести к улучшению положения человека на земле"⁵⁰.

Такие мысли всегда были созвучны В.Г. Васильевскому, потому что отвечали основному его настроению и выражали приемлемый им идеал. Он верил в творческую и действенную силу познания. Он не мечтал сам о совершенстве. Не требуется и людям, понимавшим и ценившим его, считать его таковым, чтобы сохранить о нем благодарное воспоминание и проститься с ним хорошими словами [писателя], которому он сочувствовал в его призыве развивать идейность в людях при помощи науки и работал сам для такой цели в своей сфере без тщеславия, чуждаясь эффекта, но всею данною ему большою силою.

⁴⁹ *Ibid*. P. 12: "Le modèle de la perfection nous est donné par L'humanité elle-même; la vie la plus parfaite est celle qui représente le mieux toute l'humanité. Or l'humanité cultivée n'est pas seulement morale, elle est savante, curieuse, poétique, passionnée".

⁵⁰ *Ibid*. P. IX.

РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ

Иванов С.А. Византийское юродство. М.: "Международные отношения", 1994. 192 с.

Избранная С.А. Ивановым тема вряд ли нуждается в особом обосновании. Дело не только в том, что византийское юродство – это недостаточно изученный феномен, требующий обобщения всего существующего агиографического материала, но и в том, что юродство может рассматриваться как явление, в котором фокусируется и специфика византийской духовности, и отличительные черты социокультурного развития Восточноримской империи. Динамика юродства, прослеживаемая по разным эпохам византийской истории, отражает – пусть и не в прямой перспективе – динамику взаимоотношений христианской и имперской традиции как двух составляющих, образующих силовое поле духовной и социальной истории Византии. Таким образом, вне зависимости от того, рассматривать ли юродство как периферийный или сердцевинный феномен византийской культуры, оно остается явлением в высшей степени характеристичным. В силу этого и рецепция данного явления в культурах, более или менее тесно соприкасавшихся с византийской (восточнославянской, западноевропейской, исламской), может служить лакмусовой бумажкой для уяснения того, как в этих ареалах воспринималась византийская культура в целом, каким трансформациям она при этом подвергалась и как высвечивала при этом рецепирующие культурные парадигмы. В методологическом отношении выбор юродства как феномена, возникающего из противостояния и взаимодействия различных культурных традиций, представляется чрезвычайно удачным.

Вполне соответствует поставленным задачам и композиция исследования. Книга

состоит из введения, девяти глав и заключения. Во введении автор определяет само понятие юродства как притворного безумия с религиозными целями, непременно содержащего элементы "провокации" (сознательное выстраивание ситуации, вынуждающей кого-либо на нежелательную для него активность предсказуемого для "provocateur" характера – с. 9) и "агрессии" ("активность, имеющая целью нарушение status quo в отношениях между людьми и самим объектом агрессии, воспринимаемая как недружественная" – с. 9–10). Данная диффинция позволяет отличить юродство от сумасшествия, симулируемого для избежания опасности или с утилитарными целями, или от притворной глупости, позволяющей избежать морального конфликта. Автор подчеркивает, что он изучает юродство не как явление психопатологии или как дифференцирующий признак в типологии религиозных систем, но "как конкретно-исторический феномен" (с. 11), анализируемый в его генетических связях и социально-культурной динамике.

В первой главе "Предтечи юродства" кратко рассматриваются те модели культурно (религиозно) значимого поведения, которые тем или иным образом вобрало в себя юродство. Иудейская часть этой преддистории означена безумием и провокацией пророков, эллинистическая – поправлением социальных запретов у киников. На формирование и осмысление юродства оказали влияние не только сами эти модели поведения, но и та символическая интерпретация, которую получала пророческая невменяемость и намеренная неблагопристойность в греческой и иудейской тра-

диях. Вместе с тем автор справедливо подчеркивает, что ни одна из этих традиций не совпадает с юродской: пророки образовали особую касту с четко обозначенной социальной ролью – осуществлять посредничество между Богом и народом, киники решали индивидуальные моральные проблемы, а провоцирование общества было для них побочным эффектом. Таким образом, юродство – как и византийское христианство в целом – было синтезом и одновременно глубокой трансформацией элементов двух ранее противопоставленных традиций – иудейской и греческой.

К этому красивому построению можно было бы добавить, несколько нарушая его стройность, но зато создавая более широкую социальную перспективу, и еще один источник юродской парадигмы. Я имею в виду бесноватых, подвергнутых экзорцизму. Специально говорить о том, что юродивые ассоциируются с бесноватыми, конечно, нет необходимости. В принципе, видимо, большинство психических болезней воспринимались вплоть до нового времени как действие бесов (насколько универсальным было такое восприятие, распространялось ли оно, например, на тихий дебилизм, требует особого исследования), так что симулируя сумасшествие, юродивые тем самым прикидывались бесноватыми. В этом качестве юродивых и воспринимали, что неоднократно отмечается в житиях (ср. в рецензируемой книге с. 89, 115, 118, 124, 181). Несколько более существен, хотя и не менее очевиден тот факт, что “предтечей” и двойником провидческого дара юродивого являются провидческие способности бесноватых, через которых говорит бес (демон). И этот момент четко зафиксирован в житиях. Например, в Житии Андрея Юродивого корчмарь объясняет своим посетителям, пораженным провидением Андрея: “Не самъ во унѣ глѣть, нѣ дѣмонъ, кже в немъ живеть. Да вы почто сѧ томъ дивите? И вѣ[сѣ] цѣ не вѣсть, кто владеть, кто ли прелюбы творить, кто ли крадетъ, кто ли есть скѣпъ или кто колико цать възмѣсть из домѣ и колико есть оудержалъ?” (РНБ. Сол. 216, конец XV в., л. 10 об.). Бес (демон), прорицающий через человека, в которого он вселился, известен и в евангельской, и в античной традициях,

так что и в этом отношении юродство оказывается их синтезом.

Более важен другой момент. Исцелившиеся бесноватые могли оставаться при церкви (и, видимо, подвергаться экзорцизму вновь при рецидивах безумия) и образовывать при ней особую группу зависимых людей (ср. *прощенников*, т.е. получивших чудесное исцеление в качестве людей, подпадающих под церковную юрисдикцию, в Уставе св. Владимира и других восточнославянских церковных уставах), определенным образом участвовавших в церковной деятельности. П. Браун (Brown P. *The Cult of the Saints*. L., 1981. P. 111) отмечает, что в поздней античности исцеленные бесноватые живут при гробницах святых и получают от церкви благословение и пищу: “As a result, the possessed became a regular part of the life of the shrine... Occasionally, they took the chestnuts out of the fire by speaking the truth in public: some could be hired to abuse a bishop; another, having praised a bishop and abused a king, discreetly vanished”. Таким образом, в поведении этих людей присутствует элемент провокации, которая может преследовать религиозные цели и быть в той или иной мере санкционирована церковью. Юродивые, возможно, опираются и на эту традицию. Данная линия преемственности объясняет, вероятно, существование общин юродивых, о которых упоминается в истории Марка Лошадника и в “Церковной истории” Евагрия (см. с. 61–62 исследования С.А. Иванова).

Вернусь, однако, к изложению книги. Во второй главе “Питательная среда юродства” рассматривается тот ментальный фон византийского христианства, на котором складывается феномен юродства. Автор проследит восточнохристианскую рецепцию известных слов из Первого послания ап. Павла к коринфянам, в которых утверждается, что “мудрость мира сего есть безумие пред Богом” (I Кор. 3, 19), в особенности рецепцию египетскую и сиро-палестинскую. Именно здесь в среде раннего монашества понятие *σάλοξ* трансформируется из обозначения слабоумия и психической патологии в религиозный термин, относящийся к монахам-отшельникам и указывающий на особый тип святости. В этой связи автор анализирует

ет и византийские представления о святости, особо останавливаясь на концепте “тайных слуг Божиих”.

Третья глава посвящена раннему юродству. Рассматриваются первые примеры юродской святости, зафиксированные в памятниках конца IV–начала VI в. Автор описывает, как юродство движется от общежительного монастыря в город и как при этом нарастают элементы провокации и агрессии, присущие формирующейся культурной парадигме. Обсуждается проблема трансвестии как одного из вариантов юродства и явление религиозного странничества, с которым юродство тесно связано (данный феномен в целом играет в христианской культуре исключительно важную роль и заслуживает, конечно, отдельного исследования).

Некоторые возражения вызывает трактовка Жития Алексия Человека Божия. Автор задается вопросом, зачем Алексей, вернувшийся неузнанным в отчий дом, оставляет родителям описание своей жизни и страданий, обрекая на “безутешное горе ни в чем не повинных родственников” (с. 46). Автор отвергает интерпретацию С.С. Аверинцева, согласно которой эта жестокость “отвечала глубоким душевным потребностям” средневекового общества, резонно замечая, что в таком случае следовало бы раскрыть эту странную потребность. Сам же С.А. Иванов видит в этом “юродскую агрессию” (с. 47). Само по себе такое объяснение выглядит более убедительно, однако встает вопрос, что именно объясняет автор: идет ли речь о семиотике поведения святого или о нарративной стратегии перерабатывавшего его житие писателя. Как раз в данном случае мы вполне достоверно знаем, что никакого возвращения Алексия в отчий дом на самом деле не было: если такой святой и существовал, то умер он в Эдессе, как и рассказано в первоначальном житии, а эпизод с возвращением появляется при переработке этого исходного текста.

В этом случае закономерен вопрос не о мотивах святого, а о мотивах повествователя. И ответ в данной перспективе может быть формальным: посмертные записки Алексия нужны не для расправы его близких, а для сюжетной мотивации нарратива (из этих записок повествователь и получает

сведения о жизни святого). Такой прием позволяет передать внутреннюю точку зрения протгониста, что существенно не только для данного конкретного жития, но и для различных житий юродивых (в силу чего в этих житиях часто фигурирует конфидент юродивого, ср., например, Епифания в Житии Андрея Юродивого, также вполне вымышленном). Возникает и более общая проблема методологического характера, которую автору стоило бы разъяснить: что в анализируемом материале относится к моделям поведения, а что к моделям нарратива. Вряд ли здесь возможно однозначное противопоставление, поскольку повествования, даже и целиком вымышленные, реализуют социально значимые культурные парадигмы и вместе с тем дают эти парадигмы в оторефлексированном виде и тем самым констатируют их как автономные явления (особенно это заметно в позднем юродстве, явно ориентирующемся на образцовые юродские жития). Как бы то ни было, вовсе обойтись без постановки данного вопроса мне не представляется правомерным.

Четвертая глава “Расцвет юродства” посвящена периоду конца VI–X в., когда обсуждаемая культурная парадигма находит свое наиболее полное воплощение. Этот период распадается на два: VI–VII вв., озаглавленные колоритной фигурой Симеона Эмесского, и IX–X вв.; X в. автор, как и большинство исследователей, датирует образцовое Житие Андрея Юродивого. Зияние с конца VII по середину IX в. С.А. Иванов вполне убедительно объясняет рядом причин: началом борьбы с юродством институализованного православия (60-й канон Трулльского собора), арабским завоеванием Сирии, Палестины и Египта (возникающие при этом возможности мученичества и исповедничества делают подвиг юродства как бы излишним) и, наконец, борьбой иконоборцев и иконопочитателей (создававшей для остальной Византии в общем-то те же возможности, что и арабское завоевание). Позднее, в IX в., “по мере того как внутри Византии забивались иконоборческие распри, а имперские армии теснили мусульман все дальше на восток, юродство постепенно возвращало свои позиции” (с. 82).

Не вполне убедительными представляются мне в данной главе рассуждения

С.А. Иванова о юродстве и свободе выбора. Автор справедливо замечает, что “разнужданность юродивого никоим образом не мыслится как форма самовыражения” (с. 71). “Полная зависимость” юродивого от Божией воли свидетельствует, на взгляд автора, о “фатализме” и “исконно восточном отношении к судьбе” (там же). Боюсь, однако, что к проблеме свободы выбора юродство вообще никакого отношения не имеет. Так проблема ставилась как раз на Западе, и там в полемике бл. Августина с пелагианством была решена именно в пользу предестинации, поэтому “восточное отношение к судьбе” лучше уж было бы приписать именно Западу, а не Византии. В византийском же богословии этот вопрос решался изыщнее, например, в учении преп. Максима Исповедника ο λόγος φύσεως и τρόπος υπάρξεως. В юродских же житиях или в легенде об ангеле-“пустыннике” решается совсем иной вопрос – вопрос о предсказуемости или постижимости Божественного промысла. Юродивый, осуществляя волю Божию, вел себя вызывающе иррационально, и богословская сущность этой иррациональности состояла в невозможности для человеческого ума понять пути Божественной благодати. В социально-религиозном плане это мог быть протест против институализации христианской жизни в имперской Византии, в плане же богословском развитие данной темы выступает как антропологический коррелят апофатик в постхалкидонском богословии.

Интересные соображения высказывает автор в пятой главе “Мистик и юродство”. Анализируя сочинения Симеона Нового Богослова, С.А. Иванов указывает на его амбивалентное отношение к юродству и приводит пассажи, близкие по характеру “юродскому” дискурсу. На фоне общего мистического иррационализма в них выражено присутствует установка на неинституализованные отношения подвижника с Богом, апология бесстрастия, проводимого соблазном, и скепсис в отношении внешней мудрости. С точки зрения институализованного православия и юродство, и персоналистическая мистика Симеона (как позднее и мистика св. Григория Паламы) балансируют на грани ереси. С.А. Иванов справедливо замечает, что, в отличие от еретиков,

и юродивые, и мистики не противопоставляли свой путь как единственно правильный общецерковной дисциплине. В регламентированной системе византийской религии они создавали, по словам автора, “то пространство маневра, без которого не может выстоять ни одна система” (с. 111).

Шестая глава посвящена “закату юродства”. Согласно автору, этот закат начинается в XI–XII вв., которые в исследовании названы “странным периодом в истории юродства” (с. 118). Хотя культ святых юродивых Симеона Эмесского и Андрея Цареградского утверждается и процветает, “новые юродивые в этот период ведут себя с опаской и далеко не так разнуждано, как раньше” (с. 119). Выходит из употребления и само слово *σάλός*, ряд подвижников (Лука Аназарбский, Никон Черногорец) отказывается от юродства. В XII в. Вальсамон в комментариях к 60-му канону Трулльского собора дает непоследовательную и амбивалентную трактовку юродства, признавая его в принципе как тип святости, но вместе с тем не формулируя никаких критериев, позволяющих отличить истинное юродство от ложного, подлежащего суровому наказанию. В XIV в. патриарх Филофей Коккин, в целом куда более ориентированный на монашескую аскезу, нежели Вальсамон, говорит о юродстве существенно однозначнее. Признавая предшествующую традицию, давшую миру святых Симеона и Андрея, он сосредоточивается на опасностях этого подвига и подчеркивает его исключительность. По мнению автора, компромисс, который “выработала византийская церковь” в данный период, состоит в том, что прославленные юродивые прошлого – это великие святые, “но подражать им категорически запрещается” (с. 120). Последнюю точку в истории византийского юродства поставило турецкое нашествие, которое “открыло перед христианским святым новые возможности, и юродская энергия была, видимо, канализирована в другое русло” (с. 135).

Три последние главы выводят исследование за пределы византийского мира. Они посвящены, соответственно юродству у восточных славян и феноменам, близким юродству на Востоке (в исламском мире и Индии)

и на Западе (в Западной Европе). Конспективно излагая историю русского юродства, автор отмечает его отличия от византийского, в частности, его социальные функции, обличение гордыни и несправедности власти. Я бы связал эти различия с несходством социокультурного контекста. И в Византии, и на Руси юродство было противовесом регламентации и рационализации. В Византии рационализация шла прежде всего от “внешней мудрости”, унаследованной империей от античности; против этой традиции *rag excellence* и было направлено юродство. На Руси, однако, эта традиция отсутствовала, и заданная Византией парадигма трансформировалась из “интеллектуальной” в “социальную”. До какой степени при этом юродство вытекало из архетипических черт восточнославянской народной культуры, остается неясным и, видимо, вообще не может рассматриваться как научная проблема. С.А. Иванов прав, утверждая, что сближение юродской парадигмы с фольклорным типом Иванушки-дурачка (Е.Н. Трубецкой, позднее А.М. Панченко) игнорирует то важнейшее обстоятельство, что юродство навязывает себя миру, обличая его ложную мудрость, тогда как Иванушка пассивен, а мир навязывает ему себя, по ходу дела дискредитируя свой *ratio*.

Укажу на одну неудачную формулировку. С.А. Иванов пишет о Житии Андрея Юродивого: “Самый ранний русский отрывок сохранился в Изборнике Святослава 1073 г. – он относится ко второй четверти XIII в.” (с. 211). Следовало бы разъяснить, что фрагмент из жития был вписан позднейшей рукой (по палеографическим данным датируется второй четвертью XIII в.) на оставшемся свободным листе Изборника 1073 г. (л. 127 об.); в ином случае остается неясным, как оказался текст XIII в. в рукописи XI в.

Последняя глава посвящена сопоставлению Византии с латинским миром. Автор тщательно описывает элементы юродского поведения, появляющиеся в житиях западных святых, анализирует западную рецепцию византийского феномена юродства. Вывод, к которому приводит этот анализ, состоит в том, что юродство, как таковое, на Западе отсутствует. Отдельные случаи, напоминающие юродство (св. Джованни Колумбини, легенда о Роберте Дьяволе, от-

дельные эпизоды из жизни св. Франциска Ассизского), мотивированы или концептуализированы другим образом (как эксцесс покаяния, как демонстративное нарушение норм, а не как тайный подвиг и т.д.), поэтому юродская парадигма как целостность остается для латинского мира чуждой. С.А. Иванов обоснованно утверждает, что это обусловлено различиями в понимании святости, смирения, покаяния, социальных параметров аскезы, однако не вполне раскрывает эти различия.

Мне бы казалось, что несходства в приятии и восприятии юродства можно прямо соотнести с разными акцентами в восточной и западной христологии. Святой всегда подражает Христу, поэтому преимущественные направления святости всегда соотнесены с теми аспектами в понимании искупительной жертвы Спасителя, которые особо выделяются данной культурой. Для Византии с ее подчеркнутым восприятием благодати космического домостроительства (того, что фон Бальтазар называл *kosmische Liturgie*) акцент ставится на кенозисе Сына Божиего, для Запада – на страстях Христовых. Поэтому и крайности аскезы в Византии воплощались в юродстве как кенозисе по преимуществу, а у латинян – в стигматизации, тогда как юродство появлялось лишь как периферийный эпизод на этом пути (что мы и видим наиболее наглядным образом в житии св. Франциска).

Итоги исследования подведены в заключении. Автор особо останавливается на этическом аспекте юродства. Отвергая обычные апологии юродства, выделяющие лишь отдельные его черты и рассматривающие его как крайнюю манифестацию общеизвестных христианских добродетелей, С.А. Иванов утверждает, что суть юродства “как раз и состоит в грехе” (с. 183), релятивирующем всякое абстрагированное автономное добро, подзабывшее о непознаваемости воли Божией. Для традиционной экзегезы эту роль юродства можно определить в терминах оппозиции закона и благодати: сияющемуся распространить свое господство закону юродство всякий раз противопоставляет благодать, указывающую закону на его ограниченное и подчиненное место.

В этой перспективе стоит взглянуть и на

попытку определить значение юродства в историческом пути православия, предпринятую на последних страницах книги. Обобщая собранные данные, С.А. Иванов приходит к выводу, что "юродивый и мученик за веру по отношению друг к другу находятся в позиции дополнительного распределения [...] Когда оно [христианство] становится государственной идеологией, когда пострадать за веру нельзя и религия рутинизируется, тогда трансцендентный смысл христианства начинает пересыхать" (с. 187). Напомнить о нем, не дав замереть переживанию эсхатологического разрыва бытия, и призвано юродство.

Исходя из подобных соображений, можно было бы распространить ту динамическую картину юродства, которую предлагает С.А. Иванов, связав ее с борьбой или взаимодополнительностью регулятивного и эсхатологического начал в религиозной жизни общества. Как полагает ряд исследователей (ср., например, Heussi R. *Der Ursprung des Mönchtums*. Tübingen, 1936), монашество развивается как реакция на институализацию христианства в империи: монашество как бы остается церковью страдающей и гонимой в пределах церкви торжествующей, остается пространством индивидуального подвига и эсхатологического чаяния внутри религии, рационализованной имперским порядком. Однако к началу V в. и монашество испытывает давление нормативной регуляции: киновии и монастырский устав теснят непредсказуемый подвиг анахорета. И в этих условиях дерегулятивное начало переходит к таким крайним формам аскезы, как столпничество и юродство. Эта динамическая схема просматривается и в том ренессансе юродства, который переживает Византия в IX–X вв., и в истории юродства русского.

При таком подходе кажется несколько поспешным вывод С.А. Иванова, согласно которому "юрродство очень точно отражает промежуточную позицию православия между Востоком и Западом. Если в Европе тварный мир казался слишком почтенным,

чтобы над ним издеваться, то для спиритуалистических религий Азии он представляется чересчур ничтожным даже для этого. Именно православие, одновременно и жившее в мире, и тяготившееся им, могло породить такой странный феномен" (с. 186). Я не стал бы ни преувеличивать спиритуализм православия, ни подчеркивать приверженность латинства тварному миру, и само выстраивание одномерной шкалы от индийского дервиша до Великого Инквизитора не кажется мне оправданным. Регулятивное и дерегулятивное начала присутствуют в обеих ветвях христианства, и степень их выраженности трудно оценить как в одном, так и в другом случае. Ту дерегулятивную роль, которую в Византии играет юродство, в латинском мире выполняют иные культурные феномены. В этом плане юродство можно сопоставить с западной мистикой страстей Христовых или визионерством: они также напоминают верующим о бренности всякого порядка, относительности закона и абсолютности благодати. Св. Тереза или Хуан де ла Крус вряд ли более пристрастны к тварному миру, чем Симеон Студит или его ученик Симеон Новый Богослов, их несходство лежит в другом плане, указывая не на одномерную оппозицию, а на то, как разнообразие типов святости и духовных интуиций входит в многоголосие христианских культур, ни одна из которых по отдельности не содержит в себе всю полноту религиозного опыта.

Сделанные замечания имеют, очевидным образом, дискуссионный характер. Они несколько не затрагивают высокий научный уровень обсуждаемого исследования, его научную ценность, широкую эрудицию автора, оригинальность мысли и подхода. Работа С.А. Иванова вносит значительный вклад в историю византийской культуры, вводит в научный оборот много новых материалов и в целом ряде отношений является пионерской.

В.М. Живов

Причерноморье в средние века. М., 1995. Вып. 2. 192 с.

Лабораторией истории Византии и Причерноморья при историческом факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, которой руководит С.П. Карпов, выпущен в свет второй тематической сборник научных трудов¹. В нем собраны статьи по широкому кругу проблем изучения прошлого стран и народов бассейна Черного моря, а также Восточного Средиземноморья. Коллектив исследователей вводит в научный оборот новые материалы – архивные, археологические, нумизматические и другие – и интерпретирует их на основе использования современной методики комплексного источниковедения.

С.П. Карпов знакомит с выявленными им в Генуэзском государственном архиве документами конца XIV–XV в., относящимися к Причерноморью (с. 9–19). Подавляющее большинство из них (129 из 149) относится к числу судебных актов. Среди прочих наиболее интересны контракты по доставке зерна из Каффы в Геную и наоборот (в неурожайные для Крыма годы) и инструкции дипломатам, направляющимся к папскому двору, в Константинополь и Польшу. Особенно многочисленны петиции властям, касающиеся имущественных споров. Ряд прошений нацелен на предоставление налоговых льгот, другие же суть претензии на компенсацию ущерба, понесенного официальными при исполнении ими своих обязанностей. Рассматриваемая группа документов проливает свет на общее состояние заморских факторий генуэзской Романии.

Судебное дело генуэзца Бруно Сальваго, разбиравшееся в Каффе в 1454 г., анализирует в своей статье, опираясь на шесть архивных материалов, О.Н. Барабанов (с. 20–36). Здесь представлен уникальный пока случай, когда гражданский судебный процесс, слушавшийся в генуэзской колонии, освещается в сохранившихся документах от начала до конца. Кроме того, имеются сведения о продолжении тяжбы после вынесения приговора каффинским викарием курии, на протяжении, по крайней мере, пяти с половиной лет. В результате появляется возможность полностью проследить ход сложного дела со всеми его перипетиями и процедурными деталями. Само оно касается

обстоятельств приобретения коммуной Генуи у ее граждан замка Илличе (в устье Днепра), построенного не позднее 1440 г. и находившегося первоначально в частной собственности.

Интересные данные о попытках внедрения лигурийских купцов в экономику Кипрского королевства в 1430–1440-е годы извлекает из ряда документов С.В. Близинок (с. 37–44). Как выясняется, генуэзцы, не ограничиваясь хозяйничаньем в завоеванной ими ранее (в ходе войны 1373–1374 гг.) Фамагусте и прилегающей области, стремились наладить покупку и производство сахара, главной экспортной культуры Кипра, в столице Лузиньянов – Никосии. Однако король Жан II по мере сил и возможностей препятствовал осуществлению слишком далеко идущих планов граждан враждебной республики. К статье прилагаются тексты используемых документов с переводами (с. 45–57).

Еще на один документ все из того же Генуэзского государственного архива, датированный 1440 г., обращает внимание А.А. Талызина (с. 58–67). Подавший исковое заявление дожу и Совету старейшин Генуи житель Родоса, флорентиец по происхождению, добивался возвращения ему товаров, захваченных у него силой на о-ве Хиос одним из генуэзцев как якобы принадлежащие каталонцу, т.е. подданному враждебного государства. Рассказ истца, подробно описывающего предысторию и обстоятельства конфликта, дает новую и весьма ценную информацию о торговой навигации, пиратстве и корсарстве в Восточном Средиземноморье середины XV в.

Р.М. Шукурова интересуется, имело ли место мирное проникновение тюрок на земли Трапезундской империи в XIII–XV вв. (с. 68–103). Данные на сей счет извлекаются из ономастического материала, содержащегося в местных письменных источниках (Актах Вазелонского монастыря Иоанна Предтечи, хрисовулах Великих Комнинов и др.), путем выявления антропонимов и антропонимов восточного происхождения. Исследователем проанализировано более 60 таких лексем с арабской, тюркской, персидской, монгольской этимологией. Почти все носители этих антропонимов, по мнению автора

¹ Выход первого сборника с аналогичным названием в 1991 г. был приурочен ко времени проведения в Москве XVIII Международного конгресса византистов.

статьи, должны быть признаны тюрками по происхождению. Среди обладателей восточных имен в поздневизантийском Понте встречаются люди с разным социальным статусом, но преимущественно это представители средних и низших слоев трапезундского общества. Большинство относилось к числу ассимилированных мигрантов. В то же время многие, особенно со второй половины XIII в., и после переселения во владения Великих Комнинов не были крещены.

Подводя итоги своего исследования Р.М. Шукуров особо отмечает необходимость учитывать силу тенденции к постепенной тюркизации населения христианского Понта. Исторические последствия этого процесса были, по-видимому, весьма значимы, поскольку именно он мог, полагает исследователь, подготовить почву для грядущего полного военного и политического поражения византийской государственности в борьбе с турками-османами. Однако брать на вооружение эту интересную гипотезу можно, на наш взгляд, только проявляя предельную осторожность. Ведь когда источники достаточно хорошо освещают сходную ситуацию, при тех же формах этнокультурных контактов, реальная картина развития событий вполне способна оказаться совершенно обратной.

В данной связи уместно напомнить, что аналогичный процесс инфильтрации тюркского этнического элемента (причем тоже в значительной своей части сохранившего прежнюю веру) на православные земли шел во второй половине XIII–XV вв. в Северо-Восточной Руси, и, похоже, с не меньшей интенсивностью. Происходил он здесь также на фоне периодически обострявшегося военно-политического противостояния антагонистов, а именно Золотой Орды и русских княжеств, которые со временем возглавила и затем объединила Москва. В этом конкретном случае, как хорошо известно по летописям и иным источникам, восточные выходцы, уже со второй половины XIII в. и в последующие столетия часто выезжавшие на Русь², и прежде всего боееспособные переселенцы-воины и их предводители-феодалы (вплоть до князей и царевичей ордынских) сыграли очень важную роль в обеспечении победы для своего христианского сюзерена – московского великого князя. Таким образом, сходные внешне процессы этнокуль-

турных контактов могли предшествовать совершенно различным исходам военно-политического и конфессионального противостояния соседних государств.

Актуальную тему выбора правильной методики использования археологических источников для изучения истории средневекового города поднимает Н.М. Богданова (с. 104–116) на примере своей работы с материалами из раскопок византийского Херсона (античного Херсонеса), относящихся к X–XV вв. Поскольку в памятниках письменности за тот же пятивековый с лишним период сведения о форпосте Ромейской империи в Юго-Западном Крыму крайне скудны и отрывочны, источниковую базу для всех исследователей в данном случае составляют по преимуществу находки археологов. Археологические материалы, констатирует автор статьи, при всей их специфике, связанной с ограниченными возможностями воссоздания по ним некоторых сторон общественной и личной жизни людей, и прежде всего в сфере духовной культуры, незаменимы при изучении византийских городов, ибо дают ключ к решению многих вопросов их социально-экономического развития. Конкретно в случае с Херсоном рассмотрение “находок как отдельно взятых, так и в комплексе, а также данных топографии, планировки и стратиграфии позволяют дать не только внешнюю описательную характеристику хозяйственной деятельности и облика города, но и вскрыть некоторые внутренние процессы, такие, как динамика внутригородского развития, оно позволяет говорить о внутри- и межотраслевой дифференциации ремесла, его товарности и работе ремесленников на заказ и о многом другом” (с. 116).

А.В. Сазанов и Ю.Ф. Иващенко предлагают стратиграфическую колонку генуэзской Каффы, разработанную ими на материалах раскопок 1975–1977 и 1991–1992 гг. (с. 117–130). Хронология слоев базируется с одной стороны, на анализе подробно охарактеризованных находок различных категорий (включая монеты – золотоордынские, итальянские и даже тверской пул), а с другой стороны – на привязке к надежно датированному по данным письменных источников архитектурному сооружению – цитадели, строительство которой велось с 1340 по 1352 г.

Методику многоплановой статистической обработки крупных кладовых комплек-

сков джучидских монет XIV в. демонстрирует и обосновывает в своей статье А.Л. Пономарев (с. 131–155). За основу он взял опубликованные Г.А. Федоровым-Давыдовым данные о составе клада с Селитренного городища, зарытого в конце 1360-х годов и содержавшего более 3,5 тыс. серебряных дирхемов ханов Золотой Орды³. Предлагаемые вниманию специалистов нумизматов математические выкладки имеют конечной целью выявить характеристики денежного обращения и стоящие за ними экономические процессы.

Статья А.Л. Пономарева и Н.И. Серикова (с. 156–185) посвящена критическому разбору гипотезы О.М. Рапова, высказанной им в статьях, а затем и в книге⁴, относительно датировки крещения Руси, которое данный исследователь относит к 990 г. Главная сложность в решении этого давно дискутируемого вопроса заключается в том, что различные письменные источники – византийские, арабские, армянские и русские – сообщают на сей счет довольно-таки противоречивые сведения. Детальный филологический анализ соответствующих пассажей, в

частности оригинальных текстов из исторических сочинений Яхьи Антиохийского и Льва Диакона, помогает устранить ряд неточностей, допущенных О.М. Раповым. Использование данных средневековой астрологии и современной астрономической науки позволяет уточнить время, когда случились те природные явления, которые упомянуты хронистами в связи с важными событиями политической и церковной истории конца 80-х годов X в. Согласно расчетам А.Л. Пономарева и Н.И. Серикова, крещение киевского князя Владимира Святославича совершилось где-то между серединой декабря 988 г. и серединой апреля 989 г., причем скорее всего после 2 февраля 989 г.

В рецензируемом сборнике удачно объединены чрезвычайно информативные публикации и оригинальные исследования, выполненные на самом высоком научном уровне. Все они без исключения способны дать новые импульсы для дальнейшего изучения целого ряда актуальных проблем истории Причерноморья и смежных регионов в эпоху средневековья.

А.А. Молчанов

S t ö c k l y D. Le système de l'incanto des galées du marché de Venise (fin XIIe–milieu XVe siècle). Leiden; New York; Köln: E.J. Brill, 1995. XVIII, 434 p. [The Medieval Mediterranean. Peoples, Economies and Cultures, 400–1453. Vol. 5].

В монографии швейцарской исследовательницы Д. Штэкли реконструируется вся сложная система организуемой Венецианским государством навигации торговых галей по всем маршрутам и на протяжении почти двух столетий. Всобъемлющая специальная характеристика плавания галей “линии” ранее не предпринималась: ужаслишком хорошо представляли ученые всю многоаспектность темы, и прежде всего необозримость архивных материалов, к

ней относящихся. Впрочем, очевидным преувеличением является утверждение Д. Штэкли, что, если история венецианской торговой навигации в Западном Средиземноморье хорошо изучена, то для Восточного Средиземноморья “нет никаких детальных исследований” (с. 1). Помимо моей монографии, написанной по-русски, изданной в 1994 г.¹ и не учтенной Штэкли, есть и вышедшие ранее добротные труды, к тому же на вполне доступных автору языках². Большин-

³ Федоров-Давыдов Г.А. Клад серебряных джучидских монет с Селитренного городища // Нумизматика и эпиграфика. 1980. Т. XIII. С. 58–76. Табл. I–IV. Старшая монета клада чеканена в 710 г. хиджры (1310/11 г.), младшая – в 767 г. (1365/6 г.).

⁴ Рапов О.М. Русская церковь в IX–первой трети XII в.: Принятие христианства. М., 1988.

¹ Карпов С.П. Путиями средневековых мореходов. Черноморская навигация Венецианской республики в XIII–XV вв. М., 1994.

² Thiriet F. Les Vénitiens en Mer Noire. Organisation et trafics (XIIIe–XVe siècles) // АП. 1979. Т. 35. Р. 38–53; Idem. La crise des trafics vénitiens au Levant dans les premières années du XVe siècle // Studi in memoria di Federico Melis. 1978. Vol. 3. Р. 59–72; Idem. Quelques observations sur le trafic des galées vénitiennes d'après les chiffres des incanti (XIVe–XVe siècles) // Studi in onore di A. Fanfani. Milano, 1962. Vol. 3. Р. 495–522, repr. in: Thiriet F. Études sur la Romanie greco-vénitienne (Xe–XVe siècles). L., 1977. N VIII; Lane F.C. Venice and

² Бочков В.Н. “Легенды” о выезде дворянских родов // Археографический ежегодник за 1969 год. М., 1971. С. 81–85; Молчанов А.А. Рец. на кн.: Chernetsov A.V. Types on Russian Coins of the XIV and XV Centuries. An Iconographic Study. Oxford, 1983 // СА. 1988. № 1. С. 290.

ство из них отмечаются как фундаментальные и самой Штэкли на с. 3.

Примененная в книге методика исследования оказалась удачной: автор изучила, помимо таких традиционно используемых источников, как постановления Сената об инканти, материалы судебных расследований, архивы венецианских семейств, отложившиеся в фонде прокураторов св. Марка, отдельные нотариальные акты и частные записи, а также материалы неенецианских архивов (Дубровника и Прато). Это обогатило исследование, помогло увидеть навигацию через призму повседневной практики купцов и навигаторов. На этой основе Штэкли создала обширный “банк” данных, куда включены сведения об именах капитанов, патронов, субалтернов, о сроках и маршрутах вояжей галей, об их аукционах. Именно этот “детальный индекс”, как его называет автор (с. XI), и положен в основу книги, хотя из-за внушительного объема он не представлен в ней, за исключением нескольких сводных таблиц и графиков. Разработанная автором регистрационная анкета для каждого года и маршрута навигации отличается продуманной логичной структурой, что позволяет сократить потери информации. Монография содержит и крупные обобщения, и интересные наблюдения по конкретным вопросам. Впрочем, плавание в столь бурных и разных морях даже для лоцмана, знающего рифы и течения, – не простая задача. Есть свои рифы и в книге Штэкли, речь о них пойдет далее.

Д. Штэкли показала жизненное значение навигации торговых галей, сдаваемых государством в аукцион частным лицам, для Венецианской республики, ее экономики и политики, включая связи с византийским миром. Ей удалось проследить нелегкое становление этой системы и увидеть ее первые кризисные проявления в середине XV в. Она не преувеличивает масштабы этого кризиса: его время наступит позже, в конце XV в., и будет связано, в числе прочего, и с падением Византии, и с закрытием османами черноморских проливов. Закрытием не военным,

а экономическим, сделавшим невыгодным торговлю в портах Восточного Средиземноморья, все шире включавшегося в орбиту Турецкой державы. Не одно это, но и социальные изменения в самом венецианском патрициате, сначала обеспечившие успех, затем привели к постепенной апатии, снижению интереса к регулируемой государством навигации, имевшей и торговое, и военно-стратегическое значение.

Д. Штэкли рассматривает развитие навигации “линии” в контексте экономической конъюнктуры эпохи. По ее мнению, эта конъюнктура определялась со второй половины XIV в. кризисом торговли, значение которого, она, тем не менее, стремится преуменьшить (с. 17–18). На наш взгляд, однако, вряд ли все развитие навигации галей “линии” проходило на фоне кризиса. Проблема кризиса более сложна и нуждается в хронологически выверенном анализе. Кризиса не наблюдалось в начальный период зарождения навигации галей “линии”, в 1320–начале 1340-х годов. Он наступил в середине 40-х годов XIV в. и достиг пика в 50-е годы. Что же касается последующих лет и начала XV в., то, скорее, это был период стагнации и мучительного преодоления последствий глобального спада, сопровождаемый временными и локальными микрокризисами. С 20-х годов XV в. намечается новый экономический рост, во всяком случае в торговле с Восточным Средиземноморьем, и прервала его лишь османская экспансия в 50-е годы³. Несмотря ни на что, до 1452 г. навигация галей “линии” прекращалась весьма редко, лишь дважды: в 1351–1354 и в 1378–1381 годы – в годы двух войн с Генуей (с. 98).

Д. Штэкли проследила по немногим сохранившимся в источниках упоминаниям судьбу галей, использовавшихся на разных маршрутах, и пришла к выводу, что сроки их эксплуатации зависели от политической и экономической ситуации, но галеи, осуществившие пять плаваний, уже считались старыми. Она привела интересные сведения о перераспределении галей между вояжами,

наряду с тенденцией повторно использовать одни и те же суда на прежних линиях: Романни, Кипра и Берберии (с. 194–204).

Мои подсчеты общего количества галей “линии”, участвовавших в навигации в Романнию, несколько расходятся с цифрами Штэкли. Я насчитал 524 судна⁴, Штэкли – 474 (с. 97). Видимо, швейцарская исследовательница не учла всех данных о начальных годах функционирования системы, отраженных не только в постановлениях Сената, но и в других источниках. Например, отмечая перебив навигации галей “линии” в Черное море в 1307–1319 гг., автор упускает постановления о навигации галей в 1312 г.⁵ Незначительно расходятся и наши подсчеты числа конвоев [138 – у Штэкли (с. 98), 125 – у меня (с. 55, табл. 4)]. Здесь разница проистекает, возможно, от того, что в моей книге исключены плаванья в Константинополь, без захода в Черное море.

Интересен произведенный Штэкли разбор трат и доходов патронов судов, порядка финансирования вояжей (с. 205–265). Таблицы сумм инканти, аукционных платежей патронов тщательно выверены для всех “линий” и приведены в одной метрической денежной системе – лирах гроссов (с. 371–393). Те же данные суммированы и наглядно представлены в графиках (с. 228–233), где, однако, по недосмотру аналогичные показатели обозначены в дукатах (без пересчета лир в дукаты). На самом деле – это суммы в лирах гроссов. При анализе сумм инканти и построении соответствующих графиков не учтены минусовые показатели стимулировавших “даров” государства патронам для поддержания вояжа данной линии, хотя сами эти “дары” или субвенции изучены отдельно (с. 220–225). Некоторые расходы патронов в пути (с. 206) по сути таковыми не являлись, так как затем погашались государством. Перевозка венецианских послов и консулов, к примеру, вопреки тому, что утверждает Штэкли, зачастую осуществлялась при условии уплаты ими фрахта, в иных случаях эти расходы относились на счет государства и компенсировались при окончательном расчете с патронами⁶. Расходы на подарки местным правителям также производились не

патронами, а взимались по раскладке со всех купцов вояжа⁷.

Д. Штэкли совершенно права в утверждении, что непосредственный подсчет доходов патронов галей от фрахта представляет большую сложность. Она отказывается во всем от такой попытки. Между тем, сохранившиеся данные о регламентируемой Венецианским государством норме взимания фрахта с разных товаров на маршрутах галей “линии” позволяют произвести хотя бы экспертную оценку порядка сумм⁸. Можно с определенной долей вероятности утверждать, что доходы патронов были сопоставимы с доходами коммуны от 2% таможенного сбора с галей или даже превышали их. По данным Штэкли, эти средние поступления коммуны от сбора составляли от 1000 до более 11000 дукатов для начала XV в. (с. 217). В период расцвета навигации, в 20–40-е годы XIV в. показатели были значительно выше.

Весьма важным и новым является исследование ассоциаций откупщиков галей, стоящих за спиной патрона и ускользающих от исследователя. Д. Штэкли смогла впервые собрать разрозненный материал о характере и типе откупов, торговой политике и социальном облике откупщиков и системно представить его в монографии (с. 243–265). Она пришла к выводам, что венецианские купцы не концентрировали свои интересы и капиталы на одном направлении торговли или на отдельной группе товаров. Их инвестиции были краткосрочными и направлялись на галеи разных вояжей.

Для изучения данных о высших и низших официалах галей автором была составлена обширная анкета из 7000 имен, позволившая впервые на столь значительном просопографическом материале увидеть состав людей, осуществлявших навигацию. Она анализирует этапы карьеры, имущественное и социальное положение, семейную принадлежность баллистариев, патронов и капитанов галей “линии”, приходя к интересным заключениям, например, о возможности малосостоятельных патрициев быть патронами и капитанами галей, выступая от ассоциации акционеров, и, с другой стороны, об интересе бога-

History. Baltimore, 1966. P. 128–140: Fleets and Fairs: the Functions of the Venetian Muda; P. 143–147: The Merchant Marine of Venetian Republic; P. 193–226: Venetian Merchant galleys, 1300–1334: Private and Communal Operation; Tenenti A., Vivanti C. Le film d'un grand système de navigation des galères marchandes vénitiennes, XIVe–XVe siècles // Annales ESC. 1961. T. 16, N 1. P. 83–86, carte; Hocquet J.-Cl. Le Sel et la fortune de Venise. T. 2: Voiliers et commerce en Méditerranée, 1200–1650. Lille, 1982; Ashfor E. Levant Trade in the Later Middle Ages. Princeton, 1983 (с многочисленными указаниями инканти галей восточных линий).
³ См.: Карпов С.П. L'Impero di Trebisonda, Venezia, Genova e Roma, 1204–1461. Rapporti politici, diplomatici e commerciali. Roma, 1986. P. 107–118; Он же. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М., 1990. С. 106–108 и др.; Idem. Black Sea and the Crisis of the Mid XIVth Century: an Underestimated Turning Point // Thesaurismata. 1997. T. 72. P. 65–77.

⁴ Карпов С.П. Путями... С. 56.

⁵ Le Deliberazioni del Consiglio dei Rogati (Senato), Serie 'Mixtorum. Vol. I: Libri I–XIV / A cura di R. Cessi e P. Sambin. Venezia, 1960. Lib. III. N 116, 121.

⁶ См. примеры: Карпов С.П. Путями... С. 126–127.

⁷ См., например: Archivio di Stato di Venezia, Senato, Misti, XXXII, f. 133r: 10/VII 1368; XXXIV, f. 17v: 5/VII 1372; XLV, f. 6v: 26/III 1400.

⁸ См., например: Карпов С.П. Путями... С. 127–134.

тейших нобилей к такого рода занятиям. Штэкли пришла к заключению, что патроны и капитаны не составляли особой профессиональной или социальной группы венецианского купечества.

Вряд ли можно согласиться с мнением Штэкли, что общей тенденцией Венецианской республики на протяжении XIV–XV вв. было повышение оклада капитану галей (с. 282). Максимальный оклад (учтенный ею, в 25 лир за плавание⁹, на самом деле – 30 лир) был ниже 5 лир за месяц при обычном шестимесячном плавании в Романию. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы показывают, напротив, тенденцию к снижению окладов при сокращении числа судов в составе конвойа¹⁰.

Далеко не точно суждение автора, что в Генуе, в отличие от Венеции торговая навигация была всегда “свободной” (с. 2). И генуэзцы стремились к регламентации дальней навигации, но преимущественно другими – финансовыми и судебными – средствами, также составляя конвой судов под одним командованием, особенно в сложных условиях¹¹.

Остановимся на некоторых частных соображениях.

Д. Штэкли (с. 111) не смогла идентифицировать несколько топонимов. Bucha Larguro – вход в Босфор со стороны Мраморного моря и Caput Sancti Iohanni – мыс св. Иоанна у Каффы.

Суждение, что Трапезунд был разрушен

Тамерланом (с. 112), является ошибкой. Исследовательница считает, что замена галей на кокки в 1400–1402 гг. была связана с риском плавания в устье Дона и желанием коммуны снять с себя возможный риск (с. 112). Однако в большей мере замена была связана с резким снижением сумм инканти галей и нежеланием патронов брать их с аукциона и со сложностью патрулирования каравана галерами Гольфа в условиях войны османов с Византией.

Решение Сената в июле 1418 г. усилить конвой галей Романии из-за “sinistro novo de facto Tane” не комментируется автором. Между тем, это – прямое следствие известий о нападении на Тану 4 мая 1418 г. татар хана Керимберди, закончившегося гибелью консула и многих венецианцев и генуэзцев и большими разрушениями двух факторий¹².

В примеч. 18 на с. 209 дано ошибочное указание на фонд Венецианского архива Senato, Misti, 22, f. 45 (XXII книга этого фонда относится к 1344–1345 гг., а указанный документ февраля 1448 г. находится в фонде Senato, Mar, III).

Несмотря на все критические соображения, книга Штэкли – добротное синтетическое исследование. Она восполняет важную лауну в историографии и, уверен, многие годы будет с благодарностью использоваться историками Средиземноморья.

С. Карпов

Coloniser au Moyen Âge. Actes du colloque international “Coloniser au Moyen Âge”. Toulouse, 1991/ Éd. M. Balard, A. Ducellier. Paris, 1995. 400 p.

Роль колониационных процессов в жизни средневекового общества в последние годы все чаще привлекает внимание историков. При этом объектом исследования становятся не только отдельные аспекты колонизации (главным образом правовые, как

это было в предыдущие десятилетия¹), но ставится задача изучения явления во всем его многообразии. Именно с этой целью более 10 лет тому назад была создана международная группа “Histoire de la Colonisation au Moyen Âge”, под эгидой которой прошли три

коллоквиума: в 1987 г. в Реймсе², в 1991 г. в Тулузе и в 1995 г. в Конке. Материалы докладов, сделанных на втором коллоквиуме, хотя и с некоторым опозданием (спустя 4 года), были опубликованы в рецензируемом сборнике в виде статей.

Редакторы издания М. Балар и А. Дюселье, признанные авторитеты современной медиэвистики, во введении отмечают необходимость определить “роль торговых, политических, религиозных мотивов, ведущих к колониальному господству”, допуская при этом, что мотивация не была везде и всегда одинакова (с. V–VI). Встающие перед исследователями вопросы о причинах, движущих силах и методах колонизации обусловили структуру сборника, первая часть которого “Колонизировать: почему?” исследует феномен “ближней колонизации” (“colonisation de proximité”, по терминологии авторов сборника); вторая “Колонизировать: кем и как?” изучает роль отдельных предпринимателей, с одной стороны, и государственных структур, с другой, в процессах колонизации, а также стратегию и средства подчинения; и наконец, третья “Символы, предлоги и реальность” обращается к религиозным и культурным аспектам явления, рассматривает образы колонизатора и колонизируемого, взаимоотношения между ними.

Исследователи выделяют три типа колонизации, известных в средние века: 1) “морские империи”, основанные Генуей, Венецией и Пизой; 2) территориальные объединения, явившиеся результатом крестовых походов; 3) “колонии” континентальных государств: Арагона, Кастилии, Неаполя и прежде всего Османской империи (позднее средневековые).

Географический охват сборника чрезвычайно широк: от Северной Европы до Сибири. Далее мы более подробно остановимся на материалах, относящихся непосредственно к истории Византии, Восточного Средиземноморья и Причерноморья.

Латинская и османская колонизация греческих земель исследуется широко и всесторонне.

“Византия меж двух огней” так, пожалуй, можно определить основное содержание доклада Т. Ганшу “Вокруг Иоанна VII: династическая борьба, иностранное вмешатель-

ство и православное сопротивление в Византии (1373–1409)” (с. 367–381)³. В обстановке социальной и политической нестабильности, усугублявшейся неблагоприятной внешнеполитической ситуацией, Андроник IV, Иоанн VII и Мануил II стояли перед проблемой нелегкого выбора: передать власть в руки латинян или же сохранить трон благодаря туркам. Перипетии этой борьбы, когда строгая верность традициям православия могла толкать ортодоксальную партию на альянс с неверными, а союз с Римом воспринимался порой как утверждение политической и экономической зависимости Византии от Запада, исследуются автором на основе греческих, латинских, славянских источников.

Доклад П. Шрайнера имел своей целью привлечь внимание медиэвистов к малоизученной и чрезвычайно интересной теме: роли колоний латинян на территории Византии как посредников в культурном обмене между Западом и Востоком (с. 288–293). Не претендуя на исчерпывающее исследование, автор приводит лишь несколько примеров, относящихся главным образом к Пере. Справедливо отмечая, что как переводы литературных произведений, так и вывоз произведений искусства являлись прерогативой лишь узкого круга элиты латинян, П. Шрайнер задает вопросы: «В какой мере свет византийской столицы, то, что называют “культурой императорского двора”, влиял на колонии?» Жили ли латиняне преимущественно “по-генуэзски”, “по-венециански” или “по-византийски” (с. 293). Не уверена в правомерности такой постановки вопроса, хотя бы потому, что далеко не все собственно византийцы жили “по-византийски”, если понимать под последним “культуру императорского двора”⁴. Если же говорить о специфике повседневной жизни факторий, то ее структурообразующим элементом являлось право, то, что в свое время метко было определено замечательным русским ученым М.М. Ковалевским “как юридический быт колоний”⁵. С другой стороны, правовая традиция, безусловно, является частью культурного достояния народа. Таким образом, ответ на вопрос П. Шрайнера: “Жили ли генуэзцы колоний по-генуэзски?” – в некоторой мере может содер-

⁹ Оклад капитану – 30 лир grossов устанавливался в условиях военной опасности в 1431–1432 и 1442 гг. См.: Archivio di Stato di Venezia, Senato, Misti, LVIII, f. 58r–60r, 116r–118r; Senato, Mar, I, f. 90v–92v.

¹⁰ См. подробнее: Карпов С.П. Путями... С. 86–87.

¹¹ См., например: Forcheri G. Norme per la navigazione genovese sulle rotte di Levante nei secoli XIVe XV // Quaderni dell'Associazione Ligure di Archeologia e Storia Navale. Genova, 1969. N 29. P. 3–24; Idem. Navi e navigazione a Genova nel Trecento. Il “Liber Gazarie”. Genova, 1974. Сохранились даже инструкции капитанам таких флотилий. См., например: “Instructio Nicolai de Auria, commissario navium euntium in occidentem”, Archivio di Stato di Genova, Archivio Segreto, 3042, Diversorum, Filze, 22, doc. N 58: 1457 год.

¹² См. подробнее: Martin M. The Venetians in the Black Sea: A general Survey // Rivista di Bizantinistica. 1993. Vol. 3. P. 238–239; Doumerc B. Les Vénitien à la Tana au XVe siècle // Le Moyen Âge. 1988. T. 94, N 3–4. P. 364–365.

¹ См., например: Astuti G. L'organizzazione giuridica del sistema coloniale e della navigazione mercantile delle città italiane nel Medioevo // Méditerranée et Océan Indien. Travaux du 6e Colloque International d'histoire maritime. Firenze, 1970. P. 57–91; Dudan B. Il diritto coloniale veneziano e le sue basi economiche. Roma, 1933.

³ Теперь об этом см. кн.: Мешановић С. Јован VII Палеолог. Београд, 1996. Работа Т. Ганшу осталась неизвестной С. Мешановичу.

⁴ О том, как жили византийцы, см., например: Липаврин Г.Г. Как жили византийцы. М., 1997.

⁵ Ковалевский М.М. Юридический быт генуэзских колоний на Черном море во второй половине XV в. // Сборник статей по истории права, посвященный М.Ф. Владимирскому-Буданову. Киев, 1904. С. 195–228.

жаться в последней работе О.Н. Барабанова⁶, пришедшего к выводу, что судопроизводство в генуэзских факториях вершилось главным образом по образцу метрополии и местная специфика была минимальной. По нашему мнению, ценность доклада немецкого ученого определяется прежде всего тем, что он, как никакой другой из авторов сборника, нацелен на продолжение исследований.

Генуэзская тема успешно исследуется Дж. Пистарино и его школой (в сборнике она представлена работами Л. Баллетто и Э. Бассо).

Доклад Л. Баллетто “Судебная администрация в генуэзских заморских поселениях” показывает гибкость колониальной политики Лигурийской Республики на примере системы вершения правосудия (с. 258–268). Невозможность простого перенесения в чистом виде правовых норм и структур, действовавших в Лигурии, вынуждала Геную разрабатывать новые варианты этой системы применительно к конкретным условиям каждого поселения. При этом необходимо было принимать в расчет статус территории, характер взаимоотношений с местными властями (будь то государи Кастилии, Арагона или Португалии, исламские правители Балеарских островов и Северной Африки, короли Кипра, татарские ханы либо даже сама генуэзская администрация Хиоса, Перы, Каффы), наконец, этнический состав местного населения и процентная доля генуэзцев от общего числа жителей (с. 258). Именно все это многообразие факторов обусловило поливариантность систем управления генуэзскими заморскими владениями вообще и в сфере права в частности. Исследование построено на основе значительного комплекса архивных материалов, относящихся к XII–XV вв.

Если доклад Л. Баллетто отражает создательные процессы и показывает, как постепенно, шаг за шагом выстраивалась сложная система взаимоотношений метрополии и колоний, то в докладе Э. Бассо “Филиппо Мариа Висконти перед лицом колониальной проблемы: политика и администрация на генуэзском Леванте (1421–1435)” (с. 199–205) речь идет о прямо противоположном. Сконцентрированность на итальянской политике, отсутствие опыта админист-

рирования в колониях, непонимание огромной роли, которую играли левантские владения в глазах генуэзской знати, веками боровшейся за доминирование в Восточном Средиземноморье и пролившей ради этого немало крови, – все это поставило герцога Миланского в чрезвычайно сложное положение и привело к разрыву с местной элитой, а в конечном счете во многом способствовало краху господства Висконти в Лигурии. Таким образом, доклад Э. Бассо еще раз показал важность умелой, сбалансированной колониальной политики для поддержания стабильности как в заморских владениях, так и в самой метрополии.

Очевидна гораздо большая роль символов в средневековой, чем в современной жизни. С помощью символов выражалось тогда не только понятие государства, но также идея, которая воодушевляла институты, группы, классы, отдельных людей (с. 299). О генуэзской символике в колониях идет речь в докладах Дж. Пистарино (с. 299–309) и З. Дюль (с. 310–316). Последний снабжен фотографиями надгробных и геральдических плит, хранящихся в Археологическом музее Стамбула.

Не обделен вниманием и Кипр, главным образом в эпоху Лузиньянов. “Сладкой жизни” на острове, по меткому выражению С.В. Близнюк⁷, посвящены два доклада на “технологические темы”. Хочется особо отметить работу М.-Л. фон Вартбург, основанную на данных археологических раскопок, проводимых Цюрихским университетом и Немецким археологическим институтом в Пале-Пафосе (совр. Куклие) (с. 126–131). В результате раскопок удалось реконструировать мастерскую по производству сахара, принадлежавшую Лузиньянам. Сопоставляя данные археологии с изобразительными источниками, автор доказывает, что целый ряд технологических нововведений уже в XV–XVI вв. был реализован в кипрских сахарных мастерских (с. 128). Особую убедительность аргументации автора придают планы раскопок, реконструкции, фотографии. М.-Л. фон Вартбург считает, что технология рафинирования, используемая в мастерских королевской семьи, могла служить моделью для сахарной индустрии Нового Света (с. 126). По ее наблюдению, апогей венецианской системы галей “линии” на ки-

про-бейрутском направлении совпадает с периодом наивысшего расцвета производства сахара на Кипре (там же).

Вопросы перевозок этого важнейшего для средиземноморской торговли товара – в центре доклада Д. Штэкли “Государственный морской транспорт на Кипре. Дополнение к венецианской колониальной технике (XIII–XV вв.): пример сахара” (с. 131–142). Со свойственным автору вниманием к архивным источникам и наглядностью в представлении материала⁸ (в данном случае это таблицы) швейцарская ученая подробно анализирует основные аспекты организации навигации галей “линии” Кипра и Бейрута.

“Государственный флот как средство колониального господства Венеции в XV в.” рассматривается в докладе Б. Думера (с. 115–126). Роль портов Восточного Средиземноморья как центров международной торговли определила особый “торговый” характер колонизации региона. Основной фигурой, задействованной в этом процессе, был купец, а одним из орудий колонизации, следовательно, флот. По мнению Б. Думера, “вплоть до настоящего момента историки помещали венецианскую систему навигации “галей линии” сугубо в экономический контекст, т.е. в контекст международного транспорта и обмена” (с. 115)⁹. Автор предлагает по-новому взглянуть на венецианскую “муду” как на инструмент выполнения задач общей политики, нацеленной на расширение и поддержание колониальной экспансии в Средиземноморье. Здесь по сути дела развивается идея, уже высказанная им ранее в статье “Двойственная роль венецианской “муды”: торговый конвой или боевая единица?”¹⁰. Многочисленные примеры использования торгового флота для перевозки королевских особ, дипломатических лиц, войск и вооружения, а также непосредственного участия галей в боевых действиях вполне убеждают в справедливости мнения автора. Интересен взгляд на галей “линии” как на средство экономического давления на нежелательных партнеров. Немалым достоинством работы Б. Думера является представле-

ние динамики развития некоммерческой роли торгового флота на протяжении всего XV в. Автор убедительно показывает, как постепенно приходят в несоответствие силы флота и политические и торговые амбиции Республики св. Марка. Когда само существование венецианской колониальной империи оказывается под угрозой как в заморских владениях, так и на Апеннингах, торговый флот не может больше использоваться в военных целях.

Политико-финансовые взаимоотношения известного соперника Венеции Генуи с королевством Лузиньянов на протяжении почти целого столетия (1374–1460) исследуются в докладе К. Оттен-Фру на основе текстов соглашений между Генуей и королями Кипра, а также документов из регистров *Maona Vetus* Генуэзского государственного архива (с. 61–72). Динамика финансовых отношений отражена в двух графиках: “Долги королей Кипра перед Генуей” и “Выплаты, осуществленные королями Кипра”. Наибольший интерес, с нашей точки зрения, представляет анализ такой внесударственной формы управления территориями как “маона”.

Собственно колонизации французской династией Лузиньянов Кипра посвящен доклад П. Эдбэри “Правление Лузиньянов на Кипре и местное население” (с. 354–358). Внимание автора привлеч кипрский феномен мирного сосуществования латинян и греков, колонизаторов и колонизируемых, столь разительно отличающийся от ситуации на соседнем Крите. Почти полное отсутствие местной аристократической элиты, а также опыт управления, полученный Лузиньянами в Сирии и в Святой Земле, помогли им, по мнению П. Эдбэри, избежать конфликтов с греками-киприотами в первое время после приобретения острова у Ричарда Львиное Сердце (1192) и поддерживать относительную стабильность в королевстве в последующие три столетия. Автор далек от мысли, что “Лузиньяны были просвещенными правителями, задававшими целью улучшения условий жизни своих подданных”, но они сумели найти “подлинное рав-

⁶ Барабанов О.Н. Суд и право в генуэзских факториях Причерноморья (XIII–XVI вв.): гражданский судебный процесс: Авторефер. дис. ... к.и.н. М., 1996.

⁷ Близнюк С.В. “Сладкая жизнь” генуэзцев на Кипре в XV в. // Причерноморье в средние века М., 1995. Вып. 2. С. 37–57.

⁸ Эти достоинства в полной мере проявились в монографическом исследовании Д. Штэкли: *Stöckli D. Le système de l'Incanto des galées du marché à Venise (fin XIIIe-milieu XVe siècles)*. Leiden; New York; Köln, 1995. Нашу рецензию на эту книгу см.: Причерноморье в средние века. М., 1998. Вып. 3.

⁹ За годы, прошедшие между выступлением Б. Думера и его публикацией, это заявление ученого, к счастью, во многом утратило свою силу после выхода монографии С.П. Карпова “Пути средневековых мореходов” (М., 1994) и Д. Штэкли “Le système de l'Incanto des galées du marché à Venise (fin XIIIe-milieu XVe siècles)”.

¹⁰ Doumerc B. Le rôle ambigu de la muda vénitienne: convoi marchand ou unité de combat? // 115e Congrès national des Sociétés savantes. Avignon, 1990. Histoire maritime. P. 139–154.

новесие между принудительным правлением и восприимчивостью к устремлениям подданных" (с. 358).

Гораздо менее напоминала идиллию обстановка на соседнем Крите, красноречиво охарактеризованная Ж. Бат уже в названии доклада "Венеция и Крит: восстания и подчинение" (с. 359–364). Пытаясь понять причины по преимуществу принудительного характера венецианской колонизации, автор обращается к хронике Антонио Калерги, жителя Крита, грека по происхождению, венецианского нобиля, создавшего свой труд в последние десятилетия XVI в. Ж. Бат не стремится к объективному исследованию истории взаимоотношений греков и латинян на Крите; ее, скорее, занимают ментальные проблемы, а именно: как отражена эта история в труде грека (пусть даже культурно и социально ассимилированного), причудливо сочетающего в своей авторской манере "национальную критскую гордость и венецианский волюнтаризм" (с. 359). О задачах ученой говорит подзаголовок "Венецианская колонизация на Крите: версия Антонио Калерги".

Другой пример колониальной политики Республики св. Марка приводится в докладе А. Майора "Венецианская администрация на Нигропонте (конец XIV–XV в.)" (с. 246–258). Стремление Венеции поставить колонию на службу метрополии на этот раз было обусловлено османской угрозой, перед лицом которой именно Нигропонт был призван стать "последним бастионом". Автор показывает глубокие изменения, происшедшие в системе колониальной администрации острова в этот период.

О сложности пути, пройденного Родосом на протяжении полутора веков, говорится в докладе Э. Латтрелла "Родос: военная база, колония, метрополия с 1306 по 1440 г." (с. 235–240).

Целый блок исследований посвящен Сирии и Египту. Еще Г. Астути отмечал специфику функционирования христианских факторий в мусульманских землях Сирии и Северной Африки по сравнению с подобным рода образованиями, скажем, в Константинополе, на Балканах, в Эгеиде и даже в Причерноморье¹¹. Договоры, заключаемые между христианами и мусульманами, носили "скорее характер перемирия, нежели торгового соглашения"¹², что обуславливало их нестабильность, значительно меньшую ор-

ганизационную автономию (неизменным атрибутом которой должны были являться определенные территориальные и персональные привилегии) и, как следствие, рост зависимости от местных султанов. Все эти проблемы поднимаются Д. Якоби и М.Т. Мансури. В своем докладе "Итальянцы в Египте в XII–XIII вв.: от фондако к колонии?" (с. 76–89) Д. Якоби задается вполне обоснованным вопросом: "Можно ли говорить о постоянной колонизации, в то время как в Египте итальянские предприниматели находились под непосредственным наблюдением властей, которые им предоставляли фондако, гораздо более близкое к торговой фактории (*comptoir commercial*), чем к колонии в полном смысле этого термина?" (с. 76). Проанализировав главным образом юридический статус итальянских поселений, автор проводит интересные параллели между *dar manak* конца X в. в Каире, фондако XII в., представляющими первый и второй этап латинского присутствия в Египте, и византийским *mitaton* конца XI в. в Константинополе. Несмотря на некоторое сходство Д. Якоби склонен подчеркивать преобладание различий между восточносредиземноморским (в целом) и египетским вариантами, особенно усилившееся в XIII в. Ограниченная автономия внутри привилегированных фондако, предоставленная султанами в течение XIII в., не стала началом новой эры в истории взаимоотношений итальянских предпринимателей с египетскими властями. "Присутствие и внедрение... итальянцев в Египте не приведет к учреждению постоянных колоний, подобных тем, которые были в Византии и на Латинском Востоке со второй половины XII в." (с. 89).

Следующий этап итальянского (и не только) присутствия в Египте, связанный с приходом к власти мамлюкских султанов, исследует в своем докладе "Западные торговые сообщества (*communités*) в мамлюкском мире (XIII–XV вв.)" М.Т. Мансури (с. 89–102). Автор анализирует налоговую политику султаната по отношению к западным купцам; особый интерес представляет, на наш взгляд, раздел о взаимоотношениях между самими европейцами в Египте, характеризуемых двумя параметрами: конкуренция и мирное сосуществование.

Методы османской колонизации исследуются в докладе И. Бельдичеану–Стейнхерр и Н. Бельдичеану "Колонизация и депорта-

ция в Османском государстве (XIV – начала XVI в.)" (с. 172–179). Перемещения населения в Османской империи были частыми с самого начала существования государства. Авторы отмечают, что турки прибегали к двум видам колонизации: 1) ненасильственная; 2) принудительная (депортация населения).

Признавая безусловное преобладание второго варианта, ученые подчеркивают, что "этнические и религиозные соображения никогда не играли роли в выборе депортируемых" (с. 179). Способные колонизаторы, успешно отладившие механизмы освоения опустошенных войной территорий, нейтрализации недовольных элементов, умевшие из всего извлекать выгоду, – такими предстают правители Османской империи в докладе И. Бельдичеану–Стейнхерр и Н. Бельдичеану. Это подтверждает исследование Э.А. Захариаду "Турецкая доля в доходах латинских колоний в Романии" (с. 348–350). Как известно, еще с 30-х годов XIV в. Византия и государства Латинской Романии выплачивали туркам ежегодную дань. После битвы при Марице (1371) Византия официально становится данником осман. Но в статье речь идет не об этих фиксированных суммах, а об участии в доходах, получаемых с конкретных территорий. Удачно выбрана автором методика исследования. Совершенно справедливо отмечая сложность определения реальных цифр поступлений от экономической эксплуатации венецианских и генуэзских колоний, Э.А. Захариаду на основе конкретных примеров Эноса, Фокеи и Фессалоники показывает, каким образом в рамках "устройства феодального типа" османский султан играл роль сюзерена, чем фактически и обосновывалось его право на часть доходов. Специальный чиновник направлялся султаном на место для контроля за ведением дел. Таким образом осуществлялось экономическое и административное проникновение турок на латинские территории, подготовившее их полное включение в состав Османской империи.

Насколько искренни были духовные устремления колонизаторов эпохи крестовых походов, не являлись ли они зачастую лишь маской для осуществления политической власти? На этот, безусловно, непростой вопрос пытается ответить в своем докладе М. Амуру, анализируя роль религиозных орденов в освоении Сирии крестоносцами в XII–XIII вв. (с. 281–288). Монашество привлекло внимание исследователя прежде все-

го в связи с двойственным положением, в котором находилась эта часть "колонизаторов": с одной стороны, они могли искренне верить в свою роль посредников между иностранными властями и местным населением, а с другой, нередко сами оказывались в зависимости от этих властей, зачастую используя ими как удобный политический инструмент. Сопоставляя данные археологических раскопок в Палестине с картами и письменными источниками, автор приходит к выводу, что в конечном итоге церковь, как и светские власти, стремилась к колонизации завоеванных территорий.

Тема венецианско-генуэзского противостояния развивается в докладе Ш. Папакостя "От войны за Босфор к войне за Тенедос: торговое соперничество и направления политики на юго-востоке Европы во второй половине XIV в." (с. 341–347). По мнению автора, именно это противостояние, вылившееся в рассматриваемый период в открытые вооруженные конфликты, заложило предпосылки массового перемещения международных торговых путей в регионе.

В отличие от роли Генуи и Венеции в колониальной экспансии в Восточном Средиземноморье участие в этом процессе предпринимателей и ремесленников из городов внутренней Италии изучено гораздо слабее. Это обстоятельство побудило П. Расина обратиться в своем докладе к деятельности крупных коммерческих и банковских компаний Пьяченцы и Флоренции, а также выходцев из Сьенны, Асти, Милана. Именно они усиливали миграционное движение, идущее из Генуи в Восточное Средиземноморье. Нимфейский договор сделал Геную по сути хозяйкой в Черном море, а относительная стабильность "монгольского мира" открыла для итальянских коммерсантов азиатские рынки. Именно эти два обстоятельства, по мнению П. Расина, обеспечили процветание Перы, Каффы, Таны, Фамагусты, Аяса и приток туда ремесленников и купцов из городов внутренней Италии в 1250–1350-е годы. В этот период они составляли необходимую часть инфраструктуры генуэзских факторий. Лишь в одном мы, пожалуй, склонны не согласиться с П. Расином – в излишней драматизации ситуации после 1350 г.: "Середина XIV в. обозначает конец в Азии крупной европейской торговли, которая обеспечивала благосостояние колоний Перы, Каффы, Аяса и Фамагусты. Генуэзцы обращают

¹¹ Astuti G. L'organizzazione... P. 59.

¹² Ibid. P. 66.

тогда свои взгляды на Запад... Предприниматели из Пьяченцы и Флоренции исчезают из Восточного Средиземноморья" (с. 149). Все-таки впереди были и вспышки генуэзско-венецианской конфронтации в регионе, прекрасно показанная в докладе Ш. Папакостя, и почти век просуществовавшая Маона генуэзцев в Фамагусте, и расцвет венецианской системы галей "линии", не говоря уже о попытке Флоренции (пусть не столь успешной как в Республике св. Марка) организовать регулярную навигацию государственных торговых судов на Левант по венецианскому образцу (20–60-е годы XV в.)¹³. Так что "реквием" по восточносредиземноморской торговле в середине XIV в. кажется нам несколько преждевременным.

Исследованиям по истории Причерноморья посвящены два доклада. Доклад С.П. Карпова о пиратских действиях бургундской "крестонной" эскадры Валера де Ваврина в Черном море в 1445 г. (с. 186–189) расширяет наши представления о "заморской" экспансии европейских государств, активное участие в которой, как показывает автор, принимали не только итальянские морские республики или каталонцы. Основанная на неопубликованных документах Генуэзского государственного архива (главным образом фонда *Diversorum*, *Filze* Секретного архива, являющегося в последние годы предметом специального интереса С.П. Карпова¹⁴), работа проливает свет на ранее неизвестные детали экспедиции камергера герцога Бургундского Филиппа Доброго, а также представляет картину "общей политической и экономической ситуации в Черном море, где опыт итальянской колонизации породил тесное сотрудничество, но также и антагонизмы между различными группами,

вовлеченными в понтийскую торговлю" (с. 186).

Ш. Андриеску в своем докладе обратился к феномену, названному им по аналогии со знаменитым "Byzance après Byzance" Н. Йорги "Gênes après Gênes" (с. 386–392). Речь идет о генуэзских "следах", "пережитках" (*survivances*) в Крыму в XVI в. Исследуя биографию Джованни Антонио Спинолы (или Джан Тимир аги), действовавшего при дворе крымских ханов на протяжении более чем двух десятилетий, Ш. Андриеску приходит к выводу, что представители генуэзских фамилий, в предыдущие столетия принимавших действительное участие в освоении Северного Причерноморья, вплоть до начала XVII в. зачастую проживали на старом месте, играя значительную роль в окружении правителей ханства и даже инспирируя политику сближения с некоторыми западными государствами.

Рецензируемый сборник успешно решает поставленные во введении задачи. Авторы не углубляются в отвлеченные терминологические споры о приемлемости употребления самого слова "колонизация" применительно к средним векам, а на конкретном материале показывают колонизацию во всем ее многообразии. Сборник опровергает, на наш взгляд, утвердившееся в последние годы в кругах отечественных историков мнение о снижении интереса к социально-экономической проблематике в зарубежной медиевистике. Работы ученых из более чем десяти стран дают полную картину основных направлений исследований и представляют несколько сложившихся исторических школ. Таким образом, сборник вполне может служить делу координации исследований в мировой медиевистике.

А.А. Талызина

Εγκυκλοπαιδικό Προσωπογραφικό Λεξικό Βυζαντινής Ιστορίας και Πολιτισμού. Επιμέλεια εκδοτής Α.Γ. Κ. Σαββίδης. Τόμος Α': Ααμρ–Αλφιος. Αθήνα: Μετρον/Ιωλκος. 1996. 276 σ.

В последнее время наряду с общими и частными исследованиями тех или иных периодов и аспектов византийской цивилизации появляется все больше работ качественно иного типа, по преимуществу тематических справочников и синтетических энциклопедий, претендующих на систематизацию разнообразнейшего материала, относящегося к очень широкому кругу вопросов истории Византии и сопредельных стран. С одной стороны, задача подобных изданий – как можно более широкий охват предлагаемого материала, с другой, подобная работа по силам лишь большому исследовательскому коллективу. Отсюда возникает закономерная проблема выработки единого подхода к систематизации разнообразных по тематике данных и принципа расположения их в рамках издания.

Известны работы по просопографии византийской аристократии, столичной и провинциальной администрации, основанные как на нарративных (А.П. Каждан), так и на сфрагистических источниках (Ж. Лоран, Н. Икономидис, В. Зайбт, Ж.-Кл. Шене), по географии Византийской империи (издающаяся в Вене серия *Tabula Imperii Byzantini*), работы синтетического плана, типа известного трехтомного словаря А.П. Каждана.

В этой связи представляет интерес и первый том рецензируемого издания. В рамках предполагаемых десяти томов авторский коллектив, возглавляемый А. Саввидисом, предлагает просопографический материал широчайших хронологических рамок – по всей истории Византии (395–1453) и географических – просопографию сопредельных государств, а также государств, существовавших в данную эпоху в средиземноморском бассейне и имевших какие-либо контакты с Византией: экономические, политические, культурные. В результате содержание работы много шире названия, поскольку кроме собственно византийских персонажей здесь в большом числе представлены лица, имевшие лишь косвенное отношение к культуре империи, например, Аверроэс, Авиценна, историки Азии и Альберт Ахенский, и к ее истории как на востоке – Аббасиды, Аглогиды, Фатимиды, Айюбиды, так и на западе – остготские, вестготские короли, Ка-

ролинги, лангобардские короли Италии (Адалберт), а также правящие династии Священной Римской империи (Саксонская, Штауфены, Люксембурги, Габсбурги). При этом дается не только хронология правления династий в целом, но в отдельные леммы вынесены наиболее известные их представители (Айюб аль Адил – с. 115–116).

Естественно, что в Лексиконе представлена знать Латинской империи (д'Ангиены Аргоса и Навплиона), а также отдельные выходцы с Запада, имевшие прямое (Анна-Агнесса Французская) или косвенное (Катрин де Куртенэ, титулярная императрица Константинополя, и ее дочь Катрин Валуа, Екатерина Корнаро, королева Кипра) отношение к истории Византии. При этом в тех случаях, когда латинские правители того или иного центра Греции не были связаны родством (например герцоги Афинские) приводится их перечень именно как Афинских герцогов, т.е. за основу берется не генеалогический, а географический принцип размещения леммы в справочнике. Это не совсем удобно для читателя, но в данном случае оправдано необходимостью как можно более полного привлечения материала.

Из собственно византийских фамилий различного происхождения в Лексиконе фигурируют Ааронии, Агиохристофориты, Ангелы, Агиостефаниты, Агиофеодориты, Алакасы и др. Обычно в лемме даны сведения о происхождении данного рода, перечислены его члены, в тех случаях, когда это представляется возможным, дан их *cursus honorum*. В то же время в том случае, когда информация о каком-либо из представителей фамилии достаточно репрезентативна, то он выносится в отдельную лемму с преномом и родовым именем либо характеризуется в рамках леммы, выделенной по родам (Ангелы). В том случае, если имена совпадают, а родовые имена не известны, составители приводят по возможности все омонимы. Так, в лемме "Адриан" названы пять человек, известных с VIII по XIII в. (с. 117–120). Расписаны все представители знатного рода Азиев, а также Аэзии, не имевшие к нему отношения. Варварские короли упомянуты под преномами – Атанарих и Афанасисдос. Но было бы желательно приводить их име-

¹³ Карпов С.П. Пути средневековых мореходов... С. 153–155.

¹⁴ См.: Карпов С.П. Причерноморье в XV веке по материалам собрания *Diversorum*, *Filze* Секретного архива Генуи // Причерноморье в средние века. Вып. 2. С. 9–19. Регестры материалов данного фонда, относящихся к Причерноморью, опубликованы: Карпов С.П. Регестры документов фонда *Diversorum*, *Filze* Секретного архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья // Причерноморье в средние века. М.; СПб., 1998. Вып. 3. С. 9–81.

на в латинской транскрипции (ибо греческая вторична), что делалось ранее для д'Ангиев и ниже для Альберта Ахенского или для Альдобрандина (с. 207).

При имени Афанасий названы два патриарха Константинополя и четыре патриарха Александрии, четыре патриарха Иерусалима, один православный и девять яковитских патриархов Антиохии, епископы Опунта, Афин, Коринфа и др. В леммах "Александр" перечислены римские папы, патриархи Александрии и Константинополя, многочисленны епископы.

Как отмечалось выше, по иному принципу выделены леммы "Афинские герцоги" (с. 154–155), эмиры Айдына (с. 158–161, хотя нужно добавить, что "Айдын" в форме "Айдыноглу" было и названием рода, принадлежащего, однако, не Джунейду). В Лексиконе учтены как мученики и святые, например Екатерина Александрийская и св. Александра, так и лица негреческого происхождения, связанные родством с правящими родами Византии, например Екатерина Болгарская, жена Исаака Комнина (с. 163–165, хотя, возможно, в одном из последующих томов она будет включена в лемму "Владиславичи"), Екатерина Гаттилузи, жена деспота Морей Константин Палеолога, и Екатерина Закарриа-Асенина, жена деспота Морей Фомы Палеолога.

Не совсем ясно, почему в лемме "Акриты" перечислены разные родовые имена (с. 184). То, что в различные периоды истории Византии по этой службе могли иметь прозвище разные семьи, вполне возможно, но включение сюда Дигениса Акрита вряд ли правомерно. Это образ более литературный, нежели исторический персонаж.

Представляется не совсем корректным называть болгарского царя Ивана Александра Александром Иваном и помещать его среди Александров (с. 214–215). Существует определенная болгарская традиция, которой и желательно придерживаться. Почему-то отсутствуют цари Авасгии – Абазгии (Abasgia), имеющие прямое отношение к истории Византии и предшествующие Багратиони Грузии-Иверии. Остается ждать включения их в леммы в качестве царей Колхиды или, что вероятнее, Лазики (Lazikh), хотя это и неоправданно.

В Лексиконе фигурируют как Александр – царь Грузии Александр Великий (1412–1442), господари Молдавии и Валахии,

и как Алексии – Алексей I и II Комнины, а также четыре Псевдо-Алексея Комнина, Алексеи III–IV Ангелы, Алексей V Мурзуфлу, Алексеи I – V Великие Комнины Трапезунда. Множество Алексеев названо, но информация о них перенесена в соответствующие леммы при родовых именах – Касианы, Комнины (еще не императорская фамилия, но род в XI в.), Стратигопулы и др.

Было бы желательно четко определять фамилии арабского происхождения (например, Музафары – с. 266–267). Среди "Аарониев" отсутствует Иоанн Аарон¹, нет указания на статью В.С. Шандровской с *cursus* *hologum* Аарона Болгарина². Нет Анны Комнины Ангелины Дукини, жены Гийома Виллардуэна (см. *Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit*. Далее: PLP N 1000).

Статьи Лексикона неравнозначны по качеству (примеры этого применительно к Византии XIV–XV вв. подобраны ниже Х.-Ф. Байером).

В задачу рецензии не входит критика статьи об Авиценне (Ибн Сине, 980–1037) К. Мегаломматиса (с. 58–60), по мнению которого отец философа был членом секты Ассасинов (секты, которая появилась, согласно работам востоковедов, только во второй половине XI в.): "Вопреки повторяющимся арестам"... "он не отказался от того", чтобы... "быть приверженцем радикальных шиитских взглядов". Иной взгляд на Ибн Сину состоит в том, что, по мнению известной немецкой исследовательницы А. Шиммель, исламские ортодоксы до сих пор не признают его как мыслителя из-за его рационализма. «Разумеется, – пишет Мегаломматис, – что в своей "Физике" он более... передовой философ, чем Стагирит», но это отнюдь не очевидно при сравнении его с византийским консерватизмом. Мнение автора о том, что различие *existentia* и *essentia*, которое Фома Аквинский заимствовал у Авиценны, не относится к Аристотелю, кажется правильным. Авиценна мало повлиял на византийцев, но отметим, что Плифон, напротив, благожелательно упоминает его в отличие от Аверроэса.

В статье о Аверроэсе (Ибн Рошд – с. 54–57) К. Мегаломматис отрицает оригинальность этого восточного философа. Больше интересуясь внешними событиями его жизни, он все-таки намекает на то, что философ столкнулся не только с исламскими средними веками (аль-Газали), но (через

свои переведенные на латинский язык сочинения) также и с епископами Оксфорда, Кентерберии и Парижа.

Формулировки автора иногда очень неточны. Так, Мегаломматис упоминает полемиста Аверроэса "Тахафут аль тахафут" (по переводу Трахтенберга "Опровержение опровержения", *Философская энциклопедия*, т. 2, с. 191); по Мегаломматису – это "Суэта суэт", причем он полагает, что Аверроэс цитировал Соломона (Еккл. 1,2), но не сообщает, что его сочинение было направлено против "мистика и реакционера" (Трахтенберг) аль-Газали. Иногда подобная неточность принимает и забавные формы. (Смотри, например, фразу об Авиценне: "Обстоятельства, неблагоприятные для исмаилитского фронта, принудили Авиценну быть постоянно под паром" – с. 59). Можно констатировать, что хотя Лексикон не всегда строго научен, но по меньшей мере стиль изложения материала местами является очень живым и непосредственным.

Хорошо написана статья Стеллия Ламбакиса о Феодоре Агаллиане (с. 74 и сл.). Несмотря на некоторые библиографические дополнения, она, однако, в основном содержит не больше информации, чем упоминаемая им статья № 94 PLP от 1976 г., написанная Э. Траппом. То же можно сказать и о статье об исихасте Каллисте Ангеликуде (с. 81 сл.), но Ламбакис несколько лучше использует источники о нем, чем вышеупомянутый автор статьи в PLP № 145.

Ни один источник не сообщает, что государство Ангелов, Эпир и Фессалия, находились "сначала под греческим и затем под сербским протекторатом", как утверждает издатель Лексикона А. Саввидис (с. 83), хотя их греческие правители выступали неоднократно противниками никейских императоров и их преемников – Михаила VIII и Андроника II Палеологов (Эпир: PLP № 220: Михаил II, № 91042: Никифор I; Фессалия: № 208: Иоанн I, № 195: Феодор, севастократор). Некий Иоанн Ангел (№ 204), родственник Иоанна Кантакузина, был наместником Фессалии до 1348 г.

Совсем необосновано утверждение Саввидиса об Ангелах как "династии Эпира" "до османского завоевания в 1479 г." Его таблица правителей Эпира, Фессалоники и Фессалии (с. 85) в своей второй половине полна ошибок. Исправим их: Эпиром в 1335–1356 гг. номинально правил Никифор II Орсини Ангел (PLP № 222, ср. и № 16885, ему было в 1335 г. около семи лет); около 1350–1356 гг. здесь правил Симеон Урош

(PLP № 21185), сводный брат Стефана Душана и супруг Фомаиды, сестры Никифора II. В 1356–1359 гг. правил Никифор II (его убийство албанцами в Арте означало конец византийского правления Эпиром). В 1359–1365/66 гг. в Эпире преобладали албанцы, а именно Петр Лиюша (№ 14983), правитель Арты с 1359/60 по 1373/74 г., когда ему наследовал Гин Спата (№ 26523). С 1366/67 по 1383 г. (а не по 1384 г., как кажется, см. № 30141) серб Фома Прелюбович (№ 23721), супруг Марии Палеологины Ангелины Комнины Дукини (№ 21393), дочери Симеона и Фомаиды, был правителем Янины. После его убийства в 1383/1384 (?) г. Мария с ее благочестивым братом Иоанном Урошом (он же монах Иоасаф), правила городом и его областью. Примерно в 1385–1411 гг. Эпиром (Яниной) правил Эсау дей Буондельмонти Аччайиуоли (№ 8147), который сначала женился на Марии, в 1396 г. – на Ирине Спате и в 1402 г. – на Евдокии Балчиц. С кончиной Марии, дочери Симеона Уроша, внучки византийской принцессы и по линии матери праправнучки предпоследнего деспота Эпира по мужской линии Ангелов, исчезла в 1394 г. и последняя капля крови Ангелов у деспотов Эпира.

Буондельмонти всецело зависел уже от Османов. Через двадцать дней после его смерти в 1411 г. его сербская жена была изгнана из Янины вместе с сыновьями. В том же году янинцы передали город племяннику Буондельмонти, сильному правителю Кефалонии Карло I Токко (PLP № 29004, статьи о Токко написаны покойным молодым коллегой С. Капланерисом), который правил Эпиром до своей смерти в 1429 г., отвоевав в 1416 г. у албанских Спат и Арту. В 1429–1448 гг. Эпиром правил его племянник Карло Токко II (№ 29005), а уже в 1430 г. он утратил Янину, завоеванную Османами, которым он должен был платить дань с остатка своих владений. Его сын Лионардо III Токко (№ 29007), потерял в 1449 г. Арту и в 1479 г. утратил последние эпирские владения.

Что касается правителей Фессалии, то ею правили: Симеон Урош – ок. 1350–1356 гг. (с наместником Прелюбом в 1348/49–1355/56 гг.) и после правления брата своей жены Никифора II Орсини Ангела вновь в 1359–1371 гг., с 1372 гг. – его сын Иоанн (Иоасаф), который отказался от власти в пользу Алексея Филантропина Ангела, женатого на сербке (№ 29750). Через последнего Фессалия формально вернулась под византийскую власть. В 1389 г. он должен был по-

¹ См.: *Jordanov I. Le molybdobulle du vestes Jean Aaron // Palaeobolgarica*. 1990. 14.1. С. 106–110.

² Сообщения Государственного Эрмитажа. 1973. Вып. 37. С. 60–64.

сетить вместе с деспотом Янины султана Баязида I. Его преемником в 1392/94 г. был Мануил Филантропин Ангел (№ 29771). Эта семья Филантропинов Ангелов имела хорошие отношения с Османами до и после 1403 г., в котором султан Сулейман Челеби (№ 26323) вернул византийцам все их владения от Стримона до Зитуния (Ламии). Через сына (?) Михаила (№ 19150) Мануил был дедом (?) великого везира Махмута паши (№ 17538), который увенчал свою карьеру в 1470 г. завоеванием Евбеи, и великого воеводы сербов Михаила Ангеловича (№ 19154), также друга Османов. Брат Иоанна-Иоасафа Уроша Стефан (№ 26766), будучи менее гибким политиком, потерял свое владение Домокос, завоеванное в 1393 г. турками.

Р. Радич в своей статье о константинопольском патриархе Афанасии дает общее описание жизни и деятельности этой яркой личности. Явных ошибок здесь нет. В статье Байера 1976 г. (PLP № 415), в которой он связал данные из его Жития со сведениями Пахимера, еще не использовав издание его писем А. Тэлбот (Talbot), содержится больше биографических сведений. О социальной стороне его деятельности в первые годы XIV в., за которую Афанасия хвалят даже исследователи, негативно оценивавшие его деятельность в целом, у Радича не идет и речи. Важно было бы отметить крайний антиинтеллектуализм Афанасия, расцветший после него вновь в деятельности паламитов, которые ссылались на него, и указать на антиеврейскую и антиармянскую направленность его деятельности во время его второго патриаршества (в частности, попытки выселить еврейскую и армянскую общины из Константинополя).

Из статьи Ст. Ламбакиса об Афанасии II Александрийском (с. 139 и сл.) мы узнаем немного меньше, чем из посвященной ему же статьи Баейра в PLP № 413. Об очевидном интересе к этому лицу свидетельствует подробная статья Ст. Музакиса, инженера по профессии, об Афанасии Афоните, основателе Лавры на Афоне (с. 144–148). Однако она содержит некоторые ошибки. Афанасий не стал духовным наставником Льва Фоки, брата Никифора, но скрывался от него. Инициатива основания монашеского общения на Афоне исходила не от Афанасия, а от Никифора II. Даже тогда, когда последний через Мефодия послал Афанасию деньги для основания обители, тот еще не соглашался с его планами. При бегстве с Афона после прихода Никифора к власти Афанасий достиг только Кипра, а не Палестины.

В библиографии не упоминаются ни критическое издание житий Афанасия Жаком Норэ (Noret) 1982 г., ни работы П. Лемерля и Дионисия Папахрисанфу в "Actes de Lauga I" и в "Actes du Prôtaton". Отсутствует и ссылка на благочестивую и хорошо написанную греческую книгу Никодимоса Неоскитиотиса Билалиса о жизни Афанасия.

Статья об Афанасии, основателе монастыря Богоматери в Метеорах (с. 151 и сл.), написана совместно Р. Радичем и А. Саввидисом. Здесь учтена литература, изданная после 1976 г., даты написания статьи Байера о нем – № 359 в PLP. В статье упоминается Григорий Синаит как духовный образец Афанасия и Григорий "Политис" как его духовный отец. Имя "Политис" основывается на неправильной транскрипции прозвища "Стилитис" в издании жития Афанасия Веисом. Этот Григорий жил определенное время на "Стилосе", одной из скал Метеор (см. PLP № 91732). Авторы статьи смешивают эти данные и предполагают путешествие Афанасия в Константинополь, где он "познакомился со стилитом Григорием Синаитом" (!). Но монахи Метеор не отличались особым паламитизмом.

Довольно неясной и отчасти ошибочной является статья Евы Маламоглу об эмирате Айдына (с. 158–161). Утверждение, что историки связывают расширение и укрепление его с равнодушием Михаила VIII к судьбам Малой Азии, вводит в заблуждение, потому что с 1308 г. как союзник каталанцев и как первый деятель Айдына известен только будущий его эмир Мехмед Айдыноглу (PLP № 462). Мехмед осаждал Филадельфию и завоевал Смирну. Враг византийцев умер в 1334 г. Его преемником был не Умур, а Хетир (Хизир) (ср. аналогичную ошибку Байера в PLP № 21059, исправленную Траппом № 30795). Более могущественным правителем, однако, был Умур, бей Смирны. Отношения его с Андроником III и Кантакузином с 1335 г. в основном были хорошими, с Кантакузином даже дружескими. В 1342/43–1345 гг. он помог ему, предприняв два похода во Фракию против центральной власти. Его присутствие нанесло ущерб Фракии, будучи эпизодом гражданской войны. Но Умур, в отличие от поздних союзников Кантакузина, Османов, ничего не сделал в ущерб византийскому императору. Он дважды добровольно возвращался в Малую Азию. Осада им Филадельфии в 1348 г., незадолго до его гибели в Смирне от стрелы латинян, была, кажется, его единственным

после 1335 г. враждебным актом в отношении Византии. Возможно, флот который угрожал Лесбосу в 1336/37 г., был отправлен именно им, но правитель острова Алексей Филантропин договорился с противниками (PLP № 29752).

Статья Никоса Николудиса о Фоме Аквинском (с. 180–182) выгодно отличается от статьи в PLP № 7795, отражающей полную незаинтересованность автора (Трапп) в философско-богословских проблемах (все же нужна была бы ссылка на нее из-за перечисленных там греческих источников, в которых упоминается Акинат). Она содержит то, чего и ждет читатель от греческого Лексикона в хорошем смысле слова – описания главных идей и ссылок на тех византийцев, на которых философ влиял, и тех, кто противодействовал его учениям.

Статья Евы Маламоглу о Григории Акиндине (с. 182 и сл.) кажется лучше продуманной, чем ее статья об эмирате Айдына. Даты жизни Григория (с. 1290 – после 1351 г.) возможны, но не доказаны. Часть богословских сочинений Акиндина недавно была опубликована Ж. Надаль Канеллас (Nadal J. Canellas. Gregorii Acindyni Refutationes duae // Corpus Christianorum. Series Graeca 31. Turnhout 1995. О вероятной смерти Акиндина уже до мая 1348 г. см. там с. XIV с примеч. 7).

Отсутствие строго научного подхода к освещению проблемы демонстрирует А. Саввидис также в своей статье о Георгии Акрополите (с. 193–195) с ошибочными подробностями сведений о жизни этого византийского политика и ученого. Это явствует из сравнения со статьей Траппа в PLP № 518, отличающейся точностью и краткостью, типичной для автора большинства статей PLP, и для статьи Байера о Мануиле Оловоле № 21047.

Статья Никоса Николудиса об Алмогах (Каталанской компании) в отличие от его статьи о Фоме свидетельствует о несколько ограниченном взгляде автора на историю. Ни одного слова о том, что причина грабежей до убийства Рожера де Флора заключалась в том, что византийцы не платили своим наемникам. Не ясно, в каком источнике автор почерпнул информацию о том, что каталанцы ограбили и Филадельфию после освобождения города от турецкой осады. Слабый император Андроник II в 1304 г. отозвал имевшего успех в Малой Азии каталанского полководца, чтобы он воевал против болгар, очевидно, потому, что его собственный сын Михаил IX был столь неспособным военачальником, что не

смог сделать этого, хотя государству в то время не только не угрожали турки, но оно помирилось и с чрезвычайно опасными сербами. Почти все политические и военные ошибки этого времени объясняются приверженностью к роскоши и бездеятельностью двора. Каталанский хронист Мунтанер (гл. 203) сообщает, что константинопольцы, несмотря на свое богатство, даже не кормили беглецов из Анатолии. С этой точки зрения лишь деятельность патриарха Афанасия была похвальным исключением. Что касается каталанцев, то можно сослаться на хорошо продуманную статью покойного С. Капланериса о Рожере де Флоре (PLP № 24386), хотя и здесь, сотрудничая с коллективом исследователей Австрийской Академии наук, он также не отказался от легитимной греческой точки зрения на события.

Не отвергая самой идеи включения в биографический Лексикон также эпических акритов в том виде, в котором они выступают в народных песнях и в знаменитом эпосе, следует полагать, что эта попытка не может быть плодотворной без четкого определения методологии использования подобных преданий в качестве исторических источников. отождествления героев песен с историческими деятелями (особенно для IX–XI вв., а тем более для эпохи Юстиниана I), сделанные Манолисом Варвунисом (с. 184–190), со ссылками на А. Грегуара, предельно сомнительны. Важнее этих построений представляется образ мышления, который отображается в этой поэзии, а именно: критика императоров, отсутствие христианской веротерпимости, так повредившей в конечном счете самой Византийской империи, рассказ о греческом герое, который наказывает вора по-мусульмански, отрезая ему руку (с. 185), о воюющих и мирящихся друг с другом воинах и мечта о сильном герое с императорскими атрибутами, который объединяет акритов и апелатов, наиболее ярко выступающая в эпизоде эпоса о похоронах двоюродного Дигениса в порфириновом саркофаге, вокруг которого собираются друг и враг. Умонастроение акритов, этих обычно неизвестных людей, является не менее интересным, чем воззрения константинопольских идеологов императорской власти.

Мы рассмотрели только часть статей-лемм Лексикона. Не все они равноценны. Можно констатировать как очевидные успехи, так и столь же очевидные неудачи рецензируемого тома, а именно: отсутствие единого подхода к объекту исследования,

различный научный уровень включенных в него лемм.

Возможно, в ходе создания последующих томов молодой коллектив приобретет определенный опыт и будет более строго относиться к отбору включаемого в них материала. Предельно велика здесь роль редактора. В конечном счете он создает авторский коллектив, компанует написанное, по возможности формирует единый подход к включаемому в Лексикон материалу, определяет и научный уровень издания.

PLP: Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit

Завершено многотомное издание возглавляемой Г. Хунгером Комиссии по византистике Австрийской АН "Просопографического лексикона Палеологовского времени". Проект осуществлен Э. Траппом при участии Р. Вальтера, Г.-Ф. Байера, К. Штурм-Шнабля, И. Леонтиадиса, С. Капланериса. В подготовке отдельных томов принимали участие также В. Зайбт, М. Валк, Э. Кислингер, А. Нейхольд и др. Первые выпуски Лексикона уже рецензировались на страницах "Византийского временника"¹ и заслуженно получили высокие оценки. Все издание включает в себя 12 томов самого Лексикона², несколько фасцикулов дополнений³, а также генеральный индекс сокращений источников с указателями имен, терминов, лексем⁴. Издание всего проекта заняло два десятилетия, и настала пора поздравить его исполнителей как с завершением многолетнего труда, так и с отличными результатами.

Итак, в фундаментальном своде доскональнейшим образом представлены досье на более чем 35 тыс. персоналий. Каждый из упоминаемых в источниках человек описан в этом досье с максимальной полнотой информации, сохраненной о нем в текстах —

Но и в данном состоянии рецензируемый том Лексикона представляет собой определенный интерес в качестве просопографического справочника по широкому кругу лиц, связанных с историей и культурой Византии. Данный том было бы желательно переиздать со многими исправлениями и добавлениями. Был бы желателен и испанский сотрудник для написания статьи о Алмогавах. О турецком же сотруднике можно только мечтать...

В.П. Степаненко, Х.-Ф. Байер

нарративных и актовых, рукописных и эпиграфических, на печатях, граффити и т.д. Приводятся данные cursus honorum, хронология жизни и деятельности, упоминания современников; указаны источники свидетельств, наконец, в леммах Лексикона обсуждаются просопографические, генеалогические, хронологические, ономастические проблемы, связанные с описываемым лицом. Хотя основные принципы обработки информации сохранялись, с течением времени издание совершенствовалось — прежде всего технически. По мере продвижения работы все увеличивалось число привлекаемых текстов источников, их публикаций, ссылок на них, так что представленный в завершающем томе-регистре список источников занимает 70 страниц in folio и можно считать практически исчерпывающим.

Наибольшее количество лемм Лексикона приходится на семьи Ангелов, Апокавков, Аргиропулов, Вранов, Гавалов, Гавров, Кавасилов, Кантакузинов, Комнинов, Ласкарей, Ксантипулов, Палеологов, Хумнов и др. Для славистов интересно, что среди личных имен (прозвищ?) в Палеологовской Византии встречались и славянские. Более 40 лемм непосредственно свя-

заны с Русью. Тома индексов имеют важнейшее самостоятельное значение, ибо списки упоминаемых профессий, должностей, сфер деятельности, а также географических названий городов, сел, областей в сумме дают интереснейший статистический частотный материал.

Все это определяет несомненную ценность издания в качестве *instrumentum studiorum*. Однако не только в качестве справочного пособия выделяется рецензируемая серия. На базе обобщенных данных возможно уже сейчас сделать определенные выводы демографо-социологического порядка. Это касается, например, проблемы удельного веса иноземцев в поздневизантийской государственной элите. Так, оказывается возможным проследить, какие иноземные фамилии, известные в македонско-комниновской Византии (а не просто отдельные личности и не наемники типа Харальда Хардрода) сохранились и при Палеологах и в какой позиции. Важность подобной постановки вопроса обусловлена рядом факторов. Во-первых, многочисленными этническими переменами в результате IV Крестового похода, балканских войн (Калоян), сербского возвышения на субконтиненте (Стефан Душан), "итальянизацией" экономической жизни Средиземноморья со всеми вытекающими отсюда последствиями и для Византии. Во-вторых, особенностями развития самой византийской элиты, знавшего то периоды открытые для проникновения иноземцев, то периоды для них закрытые; за это время возникают патроны, потом формируется клан Комнинов, а затем уже в новых условиях — династия Палеологов (с адсорбцией других знатных линий) в единый правящий клан, с одной стороны, и закрытостью на определенный период в XIV в. государственной элиты, — с другой). В-третьих, специфической византийского сознания своего тождества, когда носители того или иного этноса не

выделяли себя, а с другой стороны, не подчеркивалось и "эллинское" происхождение. В-четвертых, необходимостью определить удельный вес семей иноземного происхождения в византийской государственной элите и его изменения. В-пятых, задачей очертить территориальное распространение иноземной по происхождению знати (ее владений, местонахождения, районов и сфер деятельности).

Накладываемые ограничения на верификацию результатов на данной стадии изучения проблемы самоочевидны. Это определяется и предварительным характером наблюдений, и неизбежностью погрешностей, ибо от одной идентификации часто зависит общая статистика. Кроме того, при сознании необходимости включения в сферу изучения проблемы места данной семьи в родной ей этнической среде (в армянской, итальянской, славянской, грузинской и т.п.) сейчас пока приходится ограничиться исследованием ситуации только в самой Византии. Имеет место и трудность различения иноплеменной по происхождению, но уже византийской (эллинизированной в большей или меньшей степени) знати, с одной стороны, и вассалов и союзников, выступавших на стороне Византии, но не инкорпорировавшихся в ее состав, — с другой.

При всех ограничениях и оговорках подобный анализ, произведенный во многом на базе данных Лексикона палеологовской просопографии, — дело реальное и продуктивное.

Вслед за завершившейся серией готовятся в путь новые, издаваемые тем же кругом ученых. Это — и словарь латинизмов, и свод грецизмов. Хочется пожелать новым проектам удачной судьбы, выпавшей на долю "Просопографического лексикона Палеологовского времени".

М.В. Бибииков

In Search of Byzantium. A Biography. The Life of Robert Pierpont Blake // Ed. by Igor Robert Blake. s.l., 1996. 244 p.

Эта практически "самодельная" книга, не отличающаяся полиграфическими достоинствами и изобилующая фактическими ошибками, читается с захватывающим интересом. Она представляет собой публикацию сыном мемуаров отца, одного из основателей Думабртон Окса, византиниста и ориенталиста Р. Блейка.

Блейк родился в 1886 г., учился в Гарварде и Берлине, а в 1914 г., влюбившись в замужнюю русскую женщину, приехал за ней в Россию и поступил в магистратуру в Санкт-Петербурге. Большую часть своей последующей жизни Блейк прожил как обычный американский профессор, но с 1914 по 1920 г. судьба сделала его свидетелем

¹ ВВ. 1978. Т. 39. С. 273–276; 1981. Т. 42. С. 233–234.

² Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit (Veröffentlichungen der Kommission für Byzantinistik / Hrsg. v. H. Hunger. Bd. I/1–12). 5. Fasz. / Erst.v.E. Trapp, Mit. R. Walther, H.-V. Beyer. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1981. 231 S.; 6. Fasz. / Erst.v.E. Trapp, Mit. H.-V. Beyer, K. Sturm-Schnabl. 1983. 224 S.; 7. Fasz. / Erst.v.E. Trapp, Mit. H.-V. Beyer. 1985. 234 S.; Fasz. 9 / Erst.v.E. Trapp, Mit. H.-V. Beyer, S. Kaplaneres. 1989. 216 S.; Fasz. 12 / Erst.v.E. Trapp, Mit. H.-V. Beyer, I.G. Leontiadis, S. Kaplaneres. 1994. 267 S. (других томов не получено).

³ Addenda / Erst.v.E. Trapp, Mit. R. Walther, H.-V. Beyer. 1981. 34 S. + Register; Addenda zu Fasz. 1–12. Erst.v.E. Trapp, H.-V. Beyer, I.G. Leontiadis. 1995. 140 S.

⁴ Abkürzungsverzeichnis und Register zum PLP 1–6. Fasz. u. Add. 1983. 231 S.; Abkürzungsverzeichnis und Gesamtregister / Erst.v.E. Trapp, Bearb. H.-V. Beyer, 1996. 593 S.

лем стольких потрясений, что хватило бы на много биографий. Историк-руси́ст, наверно, будет бесполезно прочесть мемуары Блейка ради множества острых этнографических наблюдений, но нас теперь интересует византиноведческая часть его воспоминаний. Блейк был аспирантом акад. Н.Я. Марра, но, кроме него, учился у многих крупных ученых. Книга содержит яркие зарисовки о П.К. Коковце, Ф.Ф. Зелинском (с. 43), М.И. Ростовцеве (с. 43–44), В.Н. Бенешевиче (с. 44), А.А. Васильеве (с. 45), Ф.Г. Церетели (с. 46). Мемуарист оценивает их и как преподавателей, и как собеседников, не забывая упомянуть о степени материального благосостояния каждого. Вообще главной чертой характера Блейка представляется сочетание трезвого реализма с отважным идеализмом. Глубокое впечатление производит описание академической жизни: “Всю зиму готовился к экзамену на приват-доцента по грузинскому и армянскому, а также писал диссертацию о грузинском переводе Мученичество св. Саввы...” (с. 85). Фраза кажется ничем не примечательной, но речь идет о зиме 1917–1918 гг.! Сейчас почти невозможно поверить, но в это время Блейк получил для работы фотокопии нужных ему рукописей, одну из Тифлиса, другую из Окс-

форда. Экзамен американского аспиранта был назначен на февраль, но тут рухнул германский фронт, и почти все иностранцы бежали из столицы. Однако Блейк остался. “Я решил, что немецкое наступление не захватит Петрограда, так как если они возьмут город, они должны будут его кормить... Мой прогноз оказался верен: немцы остановились в 40 милях. Экзамен был формальным и торжественным событием. Весь факультет восседал вокруг длинного стола, тогда как я стоял перед ним” (с. 85–86). Строгость описанного Блейком в подробностях экзамена поражает, особенно если учесть, что все участники церемонии чуть не падали от голода. Выдержав испытание с честью, американец летом 1918 г. отправился через страшную, разорванную гражданской войной Россию на юг, чтобы продолжить научные занятия в Грузии. Время до 1920 г. он провел в Тифлисе, женился на русской, оставил нам любопытные зарисовки академической жизни в этом оазисе, а потом счастливо эвакуировался с войсками Антанты. В СССР он возвращался еще раз в 1930 г., делал доклад о своих экспедициях на Афон и Синай – это заседание Палестинского общества оказалось последним¹.

С. Иванов

K r ü g e r D. Symeon the Holy Fool. Leontius' Life and the Late Antique City. Berkeley; Los Angeles; London, 1996. 196 p.

Монография Д. Крюгера не является подробным исследованием творчества Леонтия Неапольского (эта задача достойно выполнена Винсаном Дерошем в его опубликованной недавно книге¹, которую Крюгер использовать не успел). Не концентрируется Крюгер и на юродстве как феномене. Хотя одна из глав и носит название “Юродство и тайные святыне” (с. 57–71), она не претендует на то, чтобы собрать все известные случаи даже раннего юродства, а позднейшего не упоминает вовсе. Отношение автора к этой проблеме выражено в одном из примечаний: “Дискуссия о мотивах юродства ни к чему не приведет: малое количество примеров затрудняет обобщение” (с. 62, примеч. 11). Итак, для Крюгера существует лишь литературный

текст, его герой – Симеон Юродивый и проблема его литературных прототипов.

Традиционно считалось, что житие Симеона состоит из двух гетерогенных частей: риторизованной и насыщенной библейскими цитатами первой – противостоит вульгарная и динамичная вторая. Исследователи предполагали, что лишь первая часть принадлежит самому Леонтию Неапольскому, вторая же была им получена в виде уже готового текста и в лучшем случае слегка обработана. Крюгер берется опровергнуть эту точку зрения: он убежден, что стилистическая перебивка еще не свидетельствует о разном авторстве и что Житие задумано и написано исключительно Леонтием. По мнению исследователя, все детали городской жизни относятся не к Сирии VI в., а к Кипру VII в. (с. 9–22). Его ар-

гументация, в общем, не очень убедительна. Сам за себя говорит хотя бы такой пассаж: “Время доказывания лежит, как кажется, на тех, кто утверждает, будто этот текст отражает жизнь не в то время и не в том месте, когда и где он написан” (с. 22) – подобное соображение вряд ли применимо к византийской литературе. Много усилий тратит исследователь (с. 25–29) на опровержение тезисов С. Мэнго, видевшего во второй части Жития патеричный рассказ о сирийском городе Эмеса. Не вдаваясь в детали рассуждений Крюгера, отметим следующую странность: он вообще не пытается объяснить того обстоятельства, что многие обороты во второй части Жития являются безусловными кальками с сирийского языка, тогда как Леонтий вряд ли его знал.

Зачем же исследователю понадобилось такое переосмысление авторского вклада Леонтия? Он хочет доказать, что никакого жития Симеона до нашего агнографа не существовало. Но этому противоречит тот факт, что несколько историй о Симеоне, вошедших позднее в труд Леонтия, мы находим в сочинении Евагрия. Общеизвестным является мнение о том, что оба автора пользовались общим источником. Крюгер же утверждает, что никакого письменного источника у Евагрия не было. На каком основании? Новеллу о Симеоне Евагрий заканчивает следующими словами: “Но подробный рассказ о нем потребовал бы специального рассмотрения (πραυτείας ἰδιαζούσης)”. Почему-то исследователь заключает, что многозначное слово *πραυτεία* в данном случае непременно значит “сочинение”, и делает отсюда категорический вывод, будто никакого сочинения о Симеоне к тому моменту не существовало (с. 22).

Но допустим даже, что Крюгер прав, в конце концов, его сверхзадача состоит в прояснении не столько истории текста, сколько авторского замысла. Он формулирует его так: “Специфическое значение Симеонова бесстыдства остается загадочным. Каким образом, по мнению Леонтия, поведение Симеона могло нести воспитательную функцию? Чтобы правильно понять этот аспект Жития Симеона, мы должны заглянуть за очевидный христианский контекст – в наследие греко-римского кинизма” (с. 71). О том, что в поведении

Симеона прослеживаются некоторые кинические аллюзии, ученые писали и раньше. Действительно, в таких скандальных актах, как бегание с дохлой собакой (с. 90, 100–103) или публичная дефекация (с. 92–96), легко узнать киника. Крюгер подробно разбирает эти мотивы и добавляет к ним другие, которые он – вполне убедительно – также возводит к кинической парадигме: поедание гороха (с. 96–99) и сырого мяса (с. 99–100). Исследователь справедливо отмечает, что киников в свое время так же считали сумасшедшими (с. 103–104), как и Симеона. Но в целом, повторим, все это – не инновация Крюгера. Оригинальная же его идея состоит в следующем: 1. Отношение отцов церкви к киникам было двойственным, однако Диоген безусловно составлял часть культурного багажа ранневизантийской эпохи (с. 83–92). 2. Кинические черты были добавлены в образ Симеона самим Леонтием – у Евагрия ничего подобного нет (с. 92). 3. “Леонтий изображает Симеона как новейшего киника. Этот прецедент... оправдывал Симеона, так как в качестве литературного типа киники были интеллектуально и морально приемлемы для образованных христиан... Леонтий привлекает Диогена, чтобы оправдать Симеона” (с. 105).

Если с первыми двумя положениями можно согласиться, то третье вызывает сомнения: Диоген – не столь бесспорная фигура, чтобы через нее оправдывать христианского святого. Неожиданным образом это признает и сам Крюгер: “Отцов церкви беспокоила киническая непристойность. Видимо, Леонтий тоже опасался, что его аудитория усвоит столь же амбивалентное отношение к Симеону” (с. 106). Но если так, то в чем же выигрыш? Как можно сомнительного Симеона оправдать ссылкой на сомнительного же Диогена? Видимо, правильнее было бы сказать, что при помощи кинических аллюзий Леонтий не столько реабилитирует для окружающих, сколько хочет уяснить сам для себя феномен христианского юродства. В самом деле, уже упоминавшийся мотив публичной дефекации поддается двум противоположным интерпретациям: если кинику все равно, где отправлять естественную потребность, именно потому, что она естественна (это случайно оказывается площадь), то святой намеренно выбирает публичное место, ибо ему как раз

¹ См.: Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 143, 155.

¹ Deroche V. Etudes sur Léontios de Néapolis. (Studia Byzantina Uppsaliensia, 3). Uppsala, 1995.

важно не столько доказать эстетичность всего природного, сколько скандализовать окружающих. Любопытно, что сам Леонтий приводит обе интерпретации рядом, словно не видя, как сильно они противоречат друг другу: первая трактует об условиях человеческого поведения, вторая – о безусловности Божественного промысла. Опять же, это признает и сам Крюгер (с. 107). Видя, что его конструкция кренится, он вдруг вводит в качестве противовеса мотив подражания Христу (с. 109–114). Но ведь этот мотив обязательно присутствует во всех житиях без исключения. Мы же здесь имеем дело с житием весьма специфического, почти уникального свойства. Тем самым, опять остается необъясненным, зачем вообще Леонтию понадобилось изображать святого хулиганом и скандалистом.

Именно желание говорить о Симеоне, не обсуждая всерьез проблему юродства, и приводит Крюгера к поразительному результату: оказывается, смысл Жития в том, что святой призывает жалеть бедных, осуждает коммерцию (с. 120–122), устанавливает религиозный конформизм,

улучшает моральный климат (с. 122–125). Эти выводы, похоже, изумляют и самого исследователя: “Может показаться неожиданным, что практический смысл столь вызывающего сочинения свелся к таким банальностям: надо помогать бедным и вести нравственную жизнь... В конце концов, метод повествования в этой истории оказался более примечательным, чем ее мораль” (с. 124). Итак, по Крюгеру выходит, что форма может существовать отдельно от содержания: стоит ли удивляться тому, что содержание у него свелось к трюизму, а форма так и осталась необъясненной. Правильно поставив проблему позднеантичного кинизма, исследователь не сумел проследить, как из него развилось христианское юродство. По его мнению, кинический урок, сформулированный Юлианом и усвоенный христианством, состоит в “свободе, самообладании, справедливости, умеренности, осторожности, милосердии и усидчивости” (с. 128). Вряд ли Симеон Юродивый узнал бы себя в этом описании.

С. Иванов

Velmans T., Alpago Novello A. Miroir de l'invisible. Peinture murale et architecture de la Géorgie (VIe–XVe s.). Paris, 1996.

Вот уже четверть века в науке о византийском искусстве существует значительный интерес к грузинским памятникам. Можно сказать, что в 70–80-е годы состоялось новое открытие грузинского средневекового искусства, долгие годы практически недоступного для изучения в силу политических и языковых барьеров. Огромную роль в этом новом открытии сыграли международные симпозиумы по грузинскому искусству, проходившие каждые два года попеременно в Италии и Грузии, где их организацией занимался Институт истории грузинского искусства им. Г.Н. Чубинашвили (АН Грузии). Последний шестой симпозиум состоялся в 1989 г. в Тбилиси в радикально меняющейся ситуации в СССР. Мне довелось участвовать в нескольких симпозиумах и лично убедиться в том, как они были важны и для установления международных контактов и для понимания новейших тенденций развития науки о византийском искусстве, представленной на симпозиумах ведущими запад-

ноевропейскими и американскими исследователями. Для некоторых из этих ученых грузинские средневековые памятники стали темой специальных занятий и многочисленных публикаций. К ним принадлежат профессор Тая Вельманс (Париж) и Адриано Альпаго Новелло (Венеция) – авторы рецензируемой книги, в перерывах между симпозиумами неоднократно посещавшие Грузию в научных экспедициях, где им неоценимую помощь оказывали сотрудники Института истории грузинского искусства, не только помогавшие добираться, обнаружить и открыть древнюю церковь, но и переводившие как древние надписи, так и специальную литературу на малодоступном языке. Не случайно, Тая Вельманс именно грузинским друзьям и коллегам посвятила свою работу.

Книга “Зеркало невидимого” состоит из двух неравных частей. Закрывающий раздел “Архитектура Грузии”, написанный Альпаго Новелло, представляет собой очень

краткий очерк и кажется необязательным дополнением, основное предназначение которого состоит в приложенных к тексту архитектурных планах основных церквей. Большой текст Тани Вельманс о монументальной живописи существует совершенно самостоятельно и является действительно новым словом в науке о средневековом искусстве. Впервые систематически рассматриваются важнейшие символические темы грузинской храмовой декорации и делается попытка наметить основные этапы в развитии иконографии. Несомненной ценностью является то, что Вельманс обобщает в книге по преимуществу свои собственные публикации предшествующих десятилетий (см. полный список в библиографии), поскольку в грузинском искусствоведении ранее доминировал формально-стилистический подход и символическому содержанию средневековых памятников уделялось крайне мало внимания. Можно сказать, что актуализация грузинской иконографической проблематики в мировой науке – важная заслуга автора рецензируемой монографии.

Исследование построено по хронологическому и тематическому принципам. В гл. 1 собраны немногочисленные данные о древнейших памятниках VI–VIII вв., среди которых особое внимание уделяется точно датированным мозаикам VII в. в алтарной апсиде церкви в Цроми, уникальная программа которых может быть реконструирована на основе подготовительного рисунка на штукатурке и небольших фрагментов мозаик. В гл. 2 анализируется декор апсид IX–XI вв., в которых, как и в Каппадокии, доминирует образ “Христа во славе” – Теофании на основе пророческих видений Исайи и Иезекииля и практически совершенно отсутствует основная византийская тема – образ Богоматери с младенцем. Вельманс сосредотачивает внимание на пещерных росписях Давид-Гареджи. В качестве отдельного сюжета она выделяет проблему постепенной трансформации иконографической темы “Христа во славе” в теофанический “Деисус”, сочетающий элементы двух разных византийских иконографических типов. Проблематика грузинского Деисуса развивается в гл. 3, где систематизируются варианты и описываются наиболее сложные программы. Пафос особой редакции грузинского Деисуса автор объясняет сочетанием базовой символической идеи Заступничества с эсхатологическим мотивом Второго пришествия.

В гл. 4 автор переходит к рассмотрению

иконографических программ XI–XIII вв. в куполах и на сводах, символически тесно связанных с декором апсид. В купольных программах грузинские иконографы византийской теме Пантократора определенно предпочитали изображение креста в изводе “Поклонение кресту” или “Крест с ангелами”. Другой выразительной особенностью является включение в купольные программы темы Деисуса, дополняющий центральный образ креста. В гл. 5 от куполов и сводов автор переходит к изображениям на стенах церквей XI – начала XIV в. Рассматриваются играющие огромную роль в храмовой декорации ктиторские композиции, включающие образы великих строителей грузинского государства – царя Давида и царицы Тамары, показанные как защитники веры. Вельманс пытается выделить грузинские особенности в интерпретации христологического и богородичного циклов, а также композиции Страшного суда, заметно отличающегося от византийских редакций.

Гл. 6 целиком посвящена изображениям святых, отобранных по принципу наибольшей связи с национальной традицией. Внимание автора привлекли популярные как в Грузии, так и в Каппадокии темы “Видение св. Евстафия” и “Святые всадники Георгий и Феодор”, житийный цикл пользовавшегося исключительным почитанием в Грузии св. Георгия, образы национальных святых. В последней главе книги анализируется константинопольское влияние в грузинском искусстве XIV в. Действительно, в эту эпоху глубокого политического кризиса меняется сам тип грузинской храмовой декорации, который в основных чертах становится чисто византийским. Но и в это время возникают необычные редакции темы “Причащения апостолов” или ветхозаветных прообразов в алтарном пространстве. Характернейшим памятником эпохи для автора стала иконографическая программа росписей Убиси в Западной Грузии, оригинально скомпонованная древние византийские темы.

Обобщая результаты исследования, Вельманс отмечает, что в грузинской храмовой декорации специально подчеркиваются две важнейшие символические идеи: заступничество Богоматери и святых, понятое как эсхатологическая тема, и теофания-видение Христа, понятое как образ Второго пришествия. Эти идеи сочетаются в алтарной апсиде, где показывается являющийся во всей полноте своей славы и могущества Христос, окруженный чинами ангелов, в ряде программ дополненных изображениями основ-

ных заступников за род человеческий. По мнению автора, принципиальное отличие грузинских программ от византийских не может быть объяснено простым отсутствием купола в большинстве грузинских церквей и соответственно необходимостью перенесения образа Пантократора в апсиду. Не принимает она и более сложное объяснение, согласно которому в грузинской иконографии реализовано желание иконопочитателей показать роль небесных сил, через которые происходит приобщение человека к божественной благодати. Вельманс справедливо указывает, что иконографически ангелы не занимают центрального положения, хотя и включаются в сцены Теофании и Деисуса. Кроме того, Грузия не знала эпохи иконоборчества, и соответственно идеи иконопочитателей не имели в ней такого абсолютно авторитета, как в Византии IX–X вв., и не определяли символику всей храмовой декорации. Акцентация человеческой природы Христа и идеи Воплощения, столь важная в богословии иконопочитателей, не являлась главной задачей грузинских иконографов. Автор книги постулирует, что Грузия, как и весь христианский Восток, не глубоко затронутая “греческим гуманизмом”, сохраняла прочные связи с монофизитством, в отдельные периоды даже становившимся доминирующим церковным учением. Именно этот фактор Тания Вельманс выделяет как решающий, объясняя “вкусы и склонности” грузинских иконографов, их стремление всеми возможными средствами подчеркнуть божественную сущность Христа, даже в ущерб его человеческой природе.

Собственно научная полемика не входит в задачу настоящей рецензии. Несомненно, что она будет иметь место во многих последующих исследованиях конкретных проблем и памятников грузинского искусства. Несомненно также, что и источниковедческая база, и сфера интерпретаций будут значительно дополнены, уточнены и развиты. Однако, на наш взгляд, сейчас гораздо важнее оценить тот факт, что в науке о восточнохристианском искусстве впервые появилась достаточно цельная картина иконографического развития грузинской храмовой декорации. И как бы ни относиться к отдельным выводам и спорным суждениям автора, работа Тании Вельманс станет ориенти-

ром и точкой отсчета для будущих исследователей.

В заключение скажем несколько слов о не входящей в компетенцию авторов форме издания книги. К сожалению, французское издательство “Zodiaque” заслуживает серьезных упреков и в целом со своей задачей не справилось. Во-первых, нельзя признать удачным псевдокрасивое название книги “Зеркало невидимого”. Если “невидимое” еще может быть принято как синоним небесного, то понятие “зеркала” не соответствует восточнохристианской духовности, ибо зеркало есть нечто противоположное понятию иконы, предполагающей мистическую связь с божественным первообразом, а никак не зеркальное отражение последнего. Во-вторых, издатели попытались соединить в одной книге научное исследование и популярный альбом для самого широкого читателя. В результате был резко сокращен научный аппарат, очень важные черно-белые иллюстрации превратились в “марки” в нижней части и на полях страницы, подписи к цветным иллюстрациям надо разыскивать в разных частях книги. Эти цветные иллюстрации разбиты на блоки красочных открыток, практически никак не связанных с текстом. Включены репродукции памятников прикладного искусства, о которых ничего не говорится в тексте. Воспроизведения одного и того же памятника появляются в разных блоках иллюстраций. Создается ощущение, что художник руководствовался в своей работе чисто вкусовыми ощущениями и образами макетов модных журналов, совершенно не вникая в смысл представляемого материала. В довершение скажем, что и само качество цветных воспроизведений и выбранной бумаги оставляет желать лучшего. За этой конкретной издательской “неудачей” стоит серьезная проблема издания научных книг о византийском искусстве. Такие книги должны быть хорошо иллюстрированы и при этом рентабельны, т.е. продаваться не только в библиотеки и для специалистов. Найти компромисс бывает не просто. Очевидно, что вариант издательства “Zodiaque” не может быть выходом из положения. Однако и ему надо сказать спасибо за инициативу издания важного научного текста.

А.М. Лидов

Walter Ch. Art and Ritual of the Byzantine Church. Variorum Publications LTD. London, 1982. 279 p. 32 л. ill.

Книга К. Уолтера — одна из первых крупных работ, посвященных изучению влияния внутренней жизни церкви на развитие иконографии. Главный объект исследований Уолтера — изображения святителей и церковных обрядов, т.е. те изображения, которые могут являть собой образ церкви в изобразительном искусстве. Уолтер показал, что переломным этапом в развитии самосознания византийской церкви и, следовательно, в развитии иконографии является XI в. Автор отдельно рассматривает изображения святителей и церковных обрядов в миниатюрах рукописей и в составе программ храмовой декорации. Такое разделение материала оправдывается различным функциональным назначением этих двух видов изображений: для использования внутри церкви и для декларации основных положений учения. В иконографии обоих видов изображений, как показывает автор, после победы иконопочитания происходят радикальные изменения. Этот процесс может быть охарактеризован как клерикализация иконографии; в его основе лежит увеличение веса церкви в византийском обществе и новое осознание церковью своей роли в домостроительстве спасения. На развитие этих тенденций в иконографии храмовой декорации оказала влияние традиция богословских комментариев на божественную литургию, особенно “Сказание о церкви и объяснение таинств” св. Германа Константинопольского. С XI в. композиция Евхаристии становится одним из центральных образов храмовой декорации, а в рукописях изображения святителей и церковных обрядов постепенно занимают главенствующее положение.

В гл. 1 (“Значение епископских облачений”) Уолтер рассматривает фигуру епископа в литургических облачениях как изобразительный знак, являющийся ключевым для темы церкви в постиконоборческом искусстве. Автор подробно разбирает историю возникновения и символику епископских облачений. Анализируя изменения в их иконографии, он показывает, как постепенно увеличивалось значение литургических функций епископа. Появление полиставриона и саккоса в поздневизантийских изображениях некоторых святителей и патриархов отражает заботу церкви об утверждении своего главенства в мире. Наиболее ярким проявлением этой тенденции стало изображение в композиции Евхаристии Христа в саккосе (с XIV в.).

Гл. 2 (“Богослужение и обряды в византийских миниатюрах”) посвящена определению круга композиций, в которых изображались святители и обряды в миниатюрах различных видов рукописей (на фронтисписах, в хрониках, в повести о Варлааме и Иоасафе, в житиях святых, в литургических календарях, в Ветхом и Новом Завете, в богослужебных книгах, в гомилиях и в теологических трактатах). Автор приходит к выводу, что образы святителей встречаются либо в житийных циклах (сокращенных иногда до одной миниатюры), либо в изображениях церковных обрядов. Набор композиций и иконографических типов в рукописях достаточно стабилен и во многом определяется античными традициями книжного иллюстрирования. Самое большое количество иконографических нововведений — среди миниатюр комментирующего характера. С XI в. сильно увеличивается количество изображений церковных обрядов в лекционариях, житиях святых и в списках Слов Григория Назианзина, предназначенных для литургического использования. Эти композиции начинают занимать место евангельских сцен.

В гл. 3 (“Житийные циклы. Мудрость святителей”) Уолтер анализирует циклы житий святителей. Полные житийные циклы очень редки (сохранились только циклы миниатюр к житиям Григория Назианзина и Василия Великого в рукописи Парижской национальной библиотеки гр. 510 и около 30 житийных циклов св. Николая XI–XV вв.). Чаще встречаются сокращенные циклы или изображения отдельных эпизодов. Это отражает тот факт, что в Византии не было широкого всенародного почитания святителей (кроме трех великих святителей и св. Николая, который почитался скорее как чудотворец). С XI в. в миниатюрах особо подчеркивается мудрость святителей, выделяющая их из всех остальных чинов святых. Это приводит к созданию особого иконографического типа — композиции “Премудрость Иоанна Златоуста”. Также с XI в. все большее значение приобретают темы молитвы, милосердия, проповеди, учения и вдохновения святителей, победы добра (в их лице) над злом и православия над ересями.

В гл. 4 рассматривается иконография изображений византийских церковных обрядов (освящающих переход человека в новое состояние или облегчающие переход души христианина в жизнь вечную). Та-

кие обряды, как коронация и венчание, восходят к придворному церемониалу. Их изображения чаще всего встречаются в хрониках и имеют чисто исторический или биографический характер. Изображение крещения обычно означало обращение в христианство и также наиболее часто помещалось в хрониках или в текстах житий. Рукоположение в епископы (встречается наиболее часто из всех изображений поставления в сан) – композиция, общая для житийных циклов всех святителей, так же как и крещение. Во всех перечисленных случаях композиция строится вокруг значимого жеста священника. Общая тенденция клерикализации выражается в увеличении числа сцен с участием епископов (хотя не во всех обрядах оно обязательно) и в появлении изображений предметов церковного обихода: свечей, кадил, богослужебных книг. Но наиболее ярко рост осознания церковью ее важности в жизни мира отразился в иконографии изображений обрядов, связанных со смертью и погребением. Если в ранневизантийском искусстве для изображения смерти персонажа обычно использовали античные иконографические схемы оплакивания умершего у его смертного одра, погребальной процессии или погребения, то к XI в. эти композиции постепенно вытеснили изображение обряда выставления тела умершего на парадном ложе (греч. *πρόθεσις*). Ритуальный характер этой композиции придает изображение вокруг ложа умершего священнослужителей со свечами, кадилами и богослужебными книгами; иногда изображается *σπάρσιος* – целование умершего. В XIV в. композиция *πρόθεσις* часто превращается в изображение панихиды: священники (как правило епископы) изображаются читающими текст заупокойной службы. Уолтер предполагает, что композиция *πρόθεσις* сначала использовалась в иконографии Успения Богородицы, а с XI в. стала использоваться для изображения успений всех святых. Восходящие к античности иконографические типы несения тела и погребения стали использоваться для изображения перенесения мощей или реликвий и положения их в раку или реликварий. Для изображения встречи мощей использовалась иконографическая схема *Adventus*, причем обычно в этих композициях изображались реальные исторические лица – императоры, патриархи и епископы. Сохранилось также несколько изображений поклонения реликвиям.

В гл. 5 рассматриваются важнейшие изменения в системе храмовой декорации. Глава состоит из трех частей: формирование святительского чина, появление в апсидах тем, связанных с литургией, и развитие апсидных программ с XI в.

Изображение святых по чинам происходит от античной традиции изображения групп философов, предков и чиновников. Впервые святители, объединенные в группы, появляются как предки местной церкви в Риме, Равенне и Неаполе. Выделение святых епископов в отдельный чин происходит благодаря их функции учителей и защитников православия на основе иконографии вселенских соборов (Рим, Санта Мария Антиква). Чин святителей, как таковой, впервые появляется в Софии Константинопольской, где святители занимают свое место в небесном чиновничестве вместе с ангелами, праотцами, пророками, апостолами и евангелистами. В IX–X вв. святительский чин иногда помещается в апсиде (например, в каппадокийских церквях). В XI в., когда апсидные программы приобретают ярко выраженный литургический смысл, место святительского чина в апсиде прочно закрепляется.

Литургические темы присутствовали в апсидах ранневизантийских храмов в скрытом виде: изображение поднесения Христу даров, сцены ветхозаветных жертвоприношений, поклонения и заступничества святых за человеческий род. Изображения тайной вечери или причащения апостолов появились уже в раннехристианском искусстве, но до XI в. они не помещались в апсиде. Решающее влияние на введение в программу апсиды композиции Евхаристии оказало распространение традиции толкования божественной литургии и в связи с этим новое осознание церковью важности ее роли в домостроительстве спасения. По мнению автора, уже к X в. существовали предпосылки для реструктурирования апсидных программ в духе их литургизации. Кульминационной точкой в развитии этих тенденций в иконографии стали программы Софии Киевской и Софии Охридской, в которых рассеянные дотоле элементы сложились в стройную систему, соответствующую мировоззрению эпохи.

С конца XI в. апсидные программы также развивались в духе клерикализации. Главными нововведениями являются композиция службы святых отцов и изображение Христа в виде вселенского патриарха. Оба сюжета отражают идею, ставшую теперь главной:

соотношение земной церкви и небесной. Композиция службы святых отцов появляется впервые в храмах в Велюсе и Куцовендиссе. Изображение Христа в композиции Евхаристии в виде вселенского патриарха, т.е. в саккосе, встречается с XIV в. Параллельно развивается тема небесной литургии. В ранневизантийской иконографии эта тема присутствовала в виде ангелов в императорских облачениях, поклоняющихся видению Христа во славе или Богородице на престолу. Затем ангелы, облаченные в диаконские стихари и орари, появляются в композиции Евхаристии. С XIV в. небесная литургия приобретает вид Великого Входа. Таким образом, в поздневизантийской иконографии сложилась система, полностью отражающая представление об устройстве вселенной как об иерархии служений: Христу служат и ангелы, и апостолы, и святители, и земная церковь, являющая образ небесной церкви.

J o l i v e t - L é v y C. Les églises byzantines de Cappadoce. Le programme iconographique de l'abside et de ses abords / Ed. du Centre National de la Recherche Scientifique. Paris, 1991.

Книга Катрин Жоливе-Леви представляет собой полный свод описаний сохранившихся иконографических программ апсид каппадокийских пещерных храмов VII–XIII вв. Это фундаментальное исследование – результат многолетней кропотливой работы по уточнению, дополнению и систематизации огромного количества данных, накопленных за все время изучения византийской живописи в Каппадокии. Автор лично посетила большинство каппадокийских храмов и представила в своем исследовании достоверные, подробные и нередко новые сведения. Ее книга значительно облегчает дальнейшее изучение и использование каппадокийского иконографического материала, затрудненное из-за разнородности и противоречивости (особенно в вопросах датировок) многочисленных публикаций, отсутствия письменных источников, труднодоступности памятников и путаницы в топонимах. Автор не ставит своей задачей рассмотрение вопросов стиля, доказательство датировок или углубленную интерпретацию иконографии каждой из опубликован-

К гл. 5 сделаны три приложения, посвященные иконографическим программам каппадокийских церквей X в., развитию чина проскомидии и чина мелизмос (раздробление Агнца).

В заключении, подводя итоги своего исследования, Уолтер еще раз подчеркивает, что рассмотренные им изменения в иконографии отражают основные этапы становления византийской экклесиологии. Переломным периодом является XI в., когда произошла смена многих иконографических типов, базировавшихся на античных традициях, на изображение в той или иной форме церковных обрядов. За этими изменениями стоит переосмысление всей концепции христианского мира; роль предводителя на пути спасения перешла от императора к церкви, осуществляющей важнейшее таинство христианства – причастие.

А. Захарова

ных росписей. Тем не менее Жоливе-Леви сделала очень много ценных комментариев и выводов.

Для удобства публикации автор разбила материал по географическому принципу на восемь неравных глав. Гл. 1 посвящена 19 церквям в районе деревни Чавушин (*Çavuşin*). Сначала описаны храмы в долине Зельве (*Zelve*), затем два храма близ Чавушина и далее храмы в долинах Гюллю дере (*Güllü dere*), Кызыл Чукур (*Kızıl Çukur*), Зинданёню (*Zindanönü*), Мескендир (*Meskendir*) и два недавно открытых храма в долинах Каваклы дере (*Kavaklı dere*) и Хал дере (*Hal dere*). Гл. 2 самая большая описывает храмы, расположенные вблизи двух поселков к югу от Чавушина: Авджиляр (*Avcılar*) и Гёреме (*Göreme*) – соответственно 8 и 30 церквей. В гл. 3 исследуются все остальные храмы района города Ургюп (*Ürgüp*), расположенные в алфавитном порядке названий турецких деревень, близ которых они находятся. Две маленькие главы посвящены церквям малоизученных районов Гюльшехира (*Gülşehir*) и Кесарии (*Kayseri*). В гл. 6 даны описания

церквей долин Мавруджан (Mavrucan), Соганлы (Soganlı) и Эрдемли (Erdemli). Семь церквей в Эрдемли открыты всего лишь в 1989 г. Гл. 7 представляет описание трех церквей близ города Нигде (Niğde). Последняя гл. 8 посвящена храмам района Хасан Дагы (Hasan Dagı) соответственно деревням: Акхисар (Akhisar), Гёкче (Gökçe), Гюзельюрт (Güzelyurt), Нар (Nar), Селиме (Selime) и храмам долины Перистрема (Peristrema).

Описание каждой церкви начинается с кратких данных о ее местоположении и архитектуре. В примечаниях даются важнейшие публикации и ссылки на географические карты. В описании архитектуры особое внимание уделяется устройству алтарной части храма. Кратко описывается иконографическая программа нефа, а иногда и нартекса; обязательно указываются сюжеты росписей, расположенных в восточной части храма и напротив апсиды. Затем автор подробно рассказывает о декоре алтарной части, начиная с конхи апсиды и заканчивая восточной стеной нефа, воспроизводя все надписи и указывая декоративные мотивы. В конце каждого описания автор дает наиболее вероятную, по ее мнению, датировку, приводя при этом и мнения других исследователей. Поскольку точно датированные росписи в Каппадокии очень редки, а вопросы их хронологии крайне затруднительны, Жоливе-Леви не ставит задач своего исследования доказательства датировок, предлагаемых ею.

В заключении Жоливе-Леви делает некоторые обобщения и выводы, которые представляется целесообразным кратко изложить. Автор перечисляет наиболее часто встречающиеся в каппадокийских храмах композиции и образы, указывает среди них наиболее характерные именно для этой провинции и предлагает их истолкование.

Главным для понимания смысла апсидных программ Жоливе-Леви считает литургическое значение композиции в конхе. В конхах каппадокийских храмов чаще всего встречаются изображения креста, деисуса и теофании. Изображения креста имеются в конхах каппадокийских храмов, видимо, VII–IX вв. Лучше всего они сохранились в Гюллю дере-5, в Каршибеджане (Авджи-лар), в Агиос Стефанос в Джемиле, в церкви в долине Капылы близ Караджаёрена и др.

Жоливе-Леви подчеркивает, что изображение креста в конхе включало многогранную символику, в том числе и литургическую (соотнесенность Евхаристии и крестной Жертвы). В IX–X вв. в Каппадокии получает широкое распространение изображение теофании – видение Христа во славе в окружении ангельских сил, часто с пророками Исайей и Иезекиилем. Эта композиция наиболее интересна и характерна именно для Каппадокии, поэтому автор уделяет ей особое внимание. С XI в. композиция теофании сменяется изображением деисуса, который также имеет литургический смысл моления о заступничестве. Иногда в апсидах каппадокийских церквей встречаются изображения Вознесения, Христа между двумя ангелами или Христа на престоле. Уникальный случай – изображение Распятия в апсиде новой церкви Токалы. С ранневизантийской эпохи до XI в. в конхах также часто помещаются изображения Богородицы различных иконографических типов. Богородица чаще изображается в нижнем регистре апсиды, в восточной части нефа или в одной из боковых апсид. Часто встречаются изображения донаторов, поклоняющихся Богоматери.

Более подробно автор разбирает композицию теофании. Известно около двадцати изображений видения Христа во славе в окружении ангельских сил, из них восемь – с пророками Исайей и Иезекиилем. Лучшие всех сохранились композиции в апсидах церквей св. Симеона в Зельве, Гюллю дере-3 и Хачлы в долине Кызыл Чукур. Обычно в центре каппадокийской композиции теофании изображается Христос во славе с символами евангелистов, по сторонам – огненные колеса, тетраморфы, ангелы, херувимы и серафимы, один из которых протягивает в клещах горящий уголь пророку Исае, а второй – свиток пророку Иезекиилю. Изображения небесных сил нередко соединяют в себе признаки сразу нескольких чинов, сопровождаются неверными надписями. Над головой Христа изображается благословляющая десница Всевышнего в сегменте неба. Часто композицию дополняют изображение огненного озера у подножия престола и персонификации Солнца и Луны. По мнению автора, такая сложная и богатая иконографическая схема не может быть расценена как архаическая композиция сиро-палестин-

ского происхождения, выжившая в Каппадокии из-за отсталости и консервативности этой провинции. Напротив, по мнению автора, каппадокийская иконография теофании прекрасно вписывалась в круг тем, ставших актуальными после победы иконопочитания. Жоливе-Леви также высказывает предположение, что на сложение каппадокийской композиции теофании могли повлиять современные ей купольные программы: изображение Христа в центре, вокруг – небесные силы (как в некоторых более поздних памятниках) и пророки (в каппадокийских храмах они очень часто изображаются в виме, причем, как и в куполах, Давиду и Соломону отводится почетное место). Но главный смысл каппадокийской иконографической схемы теофании – в ее литургической символике. Жоливе-Леви указывает на многие черты, подтверждающие это. Например, надписи, сопровождающие символы евангелистов (ὄρνις – орел, βοῦντα – бык, κέκρωτο – лев, ἄνθρωπος – человек), уже давно были соотнесены со словами ангельской песни во время Анафоры (“победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф”). Надписи “шестикрылый” и “многоочитый”, сопровождающие изображения серафимов, херувимов и тетраморфов и Трисагион на лабарумах архангелов также имеют литургическое происхождение. Но наиболее полно литургический смысл композиции раскрывается в образе пророка Исайи. Уподобление евхаристического хлеба горящему углю, а также обозначение лжицы словом λοβίς (в переводе – “клещи”), ясно указывают на текст пророчества Исайи. Изображение пророка Иезекииля лишь дополняет изображение Исайи и имеет второстепенное значение. В некоторых храмах Иезекииль даже изображен с углем вместо свитка. Но в любом случае совершенно ясно, что эти изображения “духовного питания” – образа очищения пророков – вводятся в программы апсид именно как прообраз Евхаристии. Автор предполагает, что эта иконографическая схема теофании была разработана в одном из значительных центров Каппадокии, скорее всего в Кесарии, от живописи которой ничего не сохранилось. В пользу этого предположения говорят и некоторые элементы композиции, связанные с традицией толко-

вания Апокалипсиса, распространенной в Каппадокии (например, с комментариями Арефы Кесарийского), такие как расположение символов евангелистов вокруг престола Христа и изображение огненного озера у его подножия. По мнению автора, изображение огненного озера тоже имеет евхаристическую символику. Оно встречается только вместе с изображением пророка Исайи и так же, как и горящий уголь, видимо, означает очищающее и освящающее действие Евхаристии.

Далее Жоливе-Леви переходит к рассмотрению иконографических программ нижнего регистра апсид, также придавая особое значение истолкованию их смысла. До X в. в Каппадокии, как и во многих других провинциях Византийской империи, в нижнем регистре апсид обычно изображались Богоматерь, Иоанн Креститель и двенадцать апостолов. Кроме этих изображений в апсидах каппадокийских церквей часто помещались образы различных святых. Автор подробно перечисляет их по чинам, отмечает наиболее почитавшихся (как общевизантийских, так и местных) и поясняет назначение их изображений. Изображения святых в алтаре были в первую очередь моленными образами почитаемых заступников и защитников от всякого зла. Состав образов святых мог быть достаточно разнообразным и во многом зависел от воли заказчиков, игравших, видимо, важную роль в составлении иконографической программы храма и нередко изображавшихся в алтарной части. Чаще всего в апсидах представлены святители, святые воины и святые врачи. Жоливе-Леви особо отмечает памятники, в апсидах которых к традиционным изображениям Богоматери, Иоанна Крестителя и апостолов добавлены фигуры святителей. Такие композиции являются переходным звеном в процессе формирования святительского чина, они встречаются в Каппадокии с первой половины X в. Сам святительский чин в Каппадокии также появляется уже в X в. (например, в церкви Иоанна Крестителя в Гюллю дере, в храмах 4а, 15а и Кылычлар в Гёреме), однако композиция службы святых отцов в Каппадокии почти не встречается. Из святителей чаще всего изображались великие каппадокийские отцы церкви, реже – другие малоазийские святители (Леонтий

Кесарийский, Ипатий Гангрский, Афиноген Пидактокийский, Амфилохий и Корнут Иконийские и др.), чудотворцы. Известно достаточно много изображений в апсидах архидакона и первомученика Стефана. Часто встречаются в виме или в боковых апсидах образы Иоакима и Анны, особенно с XI в. (например, в церквях Элмалы, Чарыклы и Каранлык в Гёреме, в церкви св. Федора в Тагаре и др.). Как защитников и покровителей в Каппадокии очень чтили архангелов, равноапостольных Константина и Елену и святых воинов. Особенно почитались архангел Михаил и св. Георгий. Сохранилось достаточно много изображений донаторов с архангелом Михаилом (например, в Большой голубятне в Чавушине, в церквях Каранлык и 4с в Гёреме, в церкви Карабаш в Соганлы и др.) и со св. Георгием (в Юсуф Коч в Авджиаре, в церкви св. Георгия в Белисирме и др.). Распространение почитания святых воинов, видимо, было обусловлено очень большим процентом военного населения в Каппадокии, служившей плацдармом для постоянных войн на восточных рубежах империи. Также достаточно часто в апсидах каппадокийских церквей мы видим изображения святых врачей Пантелеймона, Космы и Дамиана. Из мучеников и святых жен многие тоже почитались как целители. По сравнению с небольшим количеством сохранившихся в алтарных частях храмов изображений мучеников, святых жен и преподобных автор заключает, что они почитались в Каппадокии меньше, чем святые воины и целители. Среди изображений мучеников часто встречаются малоазийские святые: сорок мучеников севастийских, святые Кирик и Иулита, св. Орест Тианский, св. Христофор, пять персидских мучеников (Акиндин, Анемподист, Елпидиор, Афтоний и Пегасий), св. Евстафий, св. Иерон и др. Тем не менее, многие из известных малоазийских святых почти никогда не изображались в Каппадокии в алтарных частях храмов (например, св. Мамакт, св. Меркурий). Святые жены и преподобные изображались в апсидах достаточно редко, видимо, почти только

в посвященных им храмах (например, св. Варвара в храме в Соганлы, св. Екатерина в Гёреме-21, св. Анастасия в Гюллю дере-3, св. Кириака в церкви Эгриташ в Ихларе, и др.); св. Симеон и Никита столпник в посвященных им церквях в Зельве и Кызыл Чукуре. И эти образы в первую очередь воплощали надежду людей на заступничество святых покровителей храмов. Исключение составляют изображения святых Зосимы и Онуфрия, несущие важный смысл образов Евхаристии. Необычно большое количество образов монахов и аскетов имеется в новой церкви Токалы (середина X в.) в Гёреме. По мнению автора, это может указывать на то, что церковь Токалы была кафоликоном очень значительной монашеской общины. В росписях Большой голубятни в Чавушине, на которые во многом повлияли фрески Токалы, также несколько образов преподобных помещено на алтарных столбах.

Изучение состава святых в алтарных частях храмов позволяет Жоливе-Леви сделать некоторые выводы не только о религиозной жизни в Каппадокии, но и получить какое-то представление о ктиторах храмов – воинах, мелких землевладельцах и монахах, об их насущных нуждах, часто влиявших на их духовные стремления. По мнению автора, выбор святых говорит в большинстве случаев о простой народной вере; Каппадокия в средние века не была центром духовной жизни Византийской империи. Эти выводы социального и историко-религиозного характера, сделанные Жоливе-Леви на основе изучения иконографии, также представляются ценными для изучения искусства Каппадокии.

В конце книги имеется несколько указателей по отдельным иконографическим темам, ветхозаветным и новозаветным сюжетам и персонажам, по именам святых, по названиям каппадокийских храмов и других византийских памятников. Это делает очень удобным использование книги в качестве справочника, на что она в основном и рассчитана.

А. Захарова

The Correspondence of Ignatios the Deacon. Text, Translation, and Commentary by Cyril Mango with Collaboration of Stephanos Efthymiadis. CFHB. Dumbarton Oaks, Washington D.C. 1997.

Ignatios Diakonos und die Vita des Hl. Gregorios Dekapolites. Herausgegeben von Georgios Makris // Byzantinisches Archiv 17. Stuttgart und Leipzig, 1997.

Хотя историки нередко обращаются к свидетельствам Игнатия Дякона, его письма и житие Григория Декаполита трудно приписать к первоклассным историческим источникам. Вряд ли можно характеризовать эти его произведения и как выдающиеся литературные памятники. Определение “литературный ремесленник” (literary technician), данное ему С. Мэнго, как нельзя лучше подходит к писателю. Но вот “ремесленником” Игнатий, конечно, может считаться образцовым: он почти неукоснительно соблюдает все правила не только древнегреческой грамматики, но и агиографического жанра.

Кроме того, Игнатий – один из самых плодотворных византийских авторов, и его сочинения безусловно заслуживают хорошего издания. Еще “Житие Декаполита” вполне доступно для изучения в неплохом издании Ф. Дворника¹, то публикации писем волею судьбы оказались настоящей библиографической редкостью и малодоступны даже специалистам.

Оба издания выполнены по лучшим стандартам современной эдиционной техники, текст снабжен переводом, издатели учитывают все рукописи и их иерархию, устанавливают стемму, прилагают к изданию подробные индексы и снабжают его всем тем, что считается сегодня необходимым для книг подобного рода. С. Мэнго приложил также к изданию писем статью, в которой полемизирует с А.П. Кажданом, полагавшим, что эпистолярное наследие, дошедшее до нас под именем Игнатия, не могло принадлежать одному человеку и должно быть разделено на две части².

И многоопытный С. Мэнго, и недавно занявший профессорскую кафедру Г. Макрис представляют издаваемые ими произведения в контексте жизни и творчества Игнатия и предваряют публикуемые тексты обширными введениями, где ставят ряд общих и специальных вопросов, связанных с творчеством Игнатия. Естественно, весьма интересно сравнить результаты одновременно

проводившихся, но совершенно независимых одно от другого исследований.

Как С. Мэнго, так и Г. Макрис пользуются одним и тем же приемом: принимают за исходную точку исследования короткую статью из словаря Суды об Игнатии и шаг за шагом комментируют ее утверждения. Однако если С. Мэнго настроен довольно скептически к самой возможности реконструкции биографии Игнатия, полагая, что нам известны только отдельные ее элементы, из которых принципиально нельзя построить сколько-нибудь надежной конструкции, то Г. Макрис как раз это и пытается сделать.

Расхождения между исследователями касаются самого кардинального для биографии любого человека вопроса: дат его жизни и смерти. Если, по С. Мэнго, Игнатий родился где-то между 775 и 780 годами, а умер вскоре после 847 г., то Г. Макрис годы жизни писателя определяет примерно 795–870 гг. Это расхождение связано с разным толкованием одного из пассажей “Жития патриарха Тарасия”, написанного тем же Игнатием. В отличие от С. Мэнго Г. Макрис переводит его совсем нетрадиционно. Чтобы дать читателю представление о сути дела, приведем этот фрагмент хотя бы частично. Речь идет об обучении Игнатия у патриарха. Обращаясь к Тарасию, Игнатий пишет: “οὐ γὰρ ἐπιλῆσονται τῆς σῆς εἰς ἐμὲ διδασκαλίας τὸ χρῆσιμον οὐδὲ τῆς πρὸς σέ μου θερμῆς ὑπηρεσίας τὸ μέτρον, τῆς μὲν ἐντριφῆσας ἐν ἀκμῇ τῆς νεότητος καὶ μητρὸς ἐκ σοῦ τριμέτρων καὶ τετραμέτρων τροχαῖκῶν τε καὶ ἀναπαυστικῶν καὶ ἡρώων ποιημάτων τὰ κράτιστα”. Еще В. Васильевский понимал этот текст в том смысле, что юный Игнатий изучал метрику под руководством Тарасия (784–806); таким образом ученый определял дату его рождения между 770 и 774 годами. В принципе этой логике следует и С. Мэнго. Однако Г. Макрис сомневается (вполне основательно), что патриарх мог лично преподавать стихосложение Игнатию и толкует “ἐκ σοῦ” после пассивно-

¹ Dvornik Fr. La Vie de saint Grégoire le Décapolite et les Slaves Macédoniens au IX-e siècle. P., 1926.

² Статья А.П. Каждана опубликована в: ЖОВ. 1994. 44. С. 233–244. Аргументы С. Мэнго кажутся убедительными, хотя желающий вынести окончательное суждение должен проделать заново всю работу вслед за спорящими авторами.

го причастия (вместо ожидаемого 'υπό σοῦ или παρὰ σοῦ) как обучение не персональное, а "по произведениям" патриарха. Игнатий читал сочинения Тарасия и таким путем обучался метрике. Аргумент этот не вполне состоятелен: использования предлога ἐκ в значении ὑπό или παρὰ вполне можно ожидать от склонного к архаизации византийца (см. словарь Liddle-Scott's s.v. ἐκ: 5. With the agent after Passive Verbs, by).

Чем дальше продвигается дело издания византийских текстов, тем большее внимание публикаторы уделяют их комментарию. Было бы прекрасно, если бы все наследие византийских эпистолографов было снабжено примечаниями, подобными тем, что мы находим в издании С. Мэнго. Снабжает необходимым комментарием "Житие Григория Декаполита" и Г. Макрис. Последний, в отличие от своего английского коллеги, понимает свою задачу шире и фактически прилагает к изданному тексту настоящее исследование.

Если анализ стиля Игнатия ограничен достаточно традиционным перечислением используемых писателем риторических фигур (нужно ли еще что-нибудь для характеристики языка "литературного ремесленника?"), то в главке, названной "Tendenz der Vita" Г. Макрис идет значительно дальше. Иссле-

дователь доказывает, что фигура Григория идейно противопоставлена в "Житии" Феодору Студиту. А поскольку первое известное "Житие" Феодора написано только после 868 г., речь может идти только о противопоставлении Григория "устным и письменным коротким агиографическим историям, находившимся в то время в обращении". Тезис этот подкрепляется серией доказательств, а само противопоставление в конечном счете сводится к "вражде между двумя направлениями: непримиримыми, ориентированными на Рим иконофилами-студитами... и враждебными Риму иконофилами, группирующимися вокруг Иосифа Гимнографа".

Об антистудитской направленности Игнатия (правда, в "Житии" не Декаполита, а патриарха Тарасия) уже писали Е. Добшюн³ а в недавнее время П. Шпек³. Вполне вероятно, что Г. Макрис прав, распространяя этот тезис и на "Житие Григория Декаполита". Как бы то ни было, каждый факт идейного и иного разноречия в византийской литературе весьма интересен и заслуживает самого внимательного изучения.

Не уверен, что византилисты скоро получат полное собрание сочинений Игнатия Дикаона, но книги, о которых шла речь выше, важная веха на этом пути.

Я. Любарский

Apostolos Karpozilos. Βυζαντινοὶ ἱστορικοὶ καὶ χρονόγραφοι, Τομὸς Α' (400–700 α.). Εκδόσεις Κρακῆ. Αθήνα, 1997. 642 σελ.

Объемистый том профессора университета города Янина в Греции Апостолоса Карпозилоса "Византийские историки и хронографы", посвященный историографии IV–VII вв. – только первый выпуск задуманного им многотомного издания, охватывающего все периоды византийского историописания.

Собственно говоря, издание предназначено прежде всего для студентов – историков и филологов и представляет собой (во всяком случае по замыслу) нечто среднее между учебником и хрестоматией. Почти все разделы книги построены по примерно одинаковому принципу: они начинаются очерком о том или ином историке, затем следует небольшая главка о каком-либо историческом событии, рассказанном этим историком, в конце помещен обычно соответствующий фрагмент текста. Сам А. Карпозилос в предисловии

пишет о критериях выбора текстов: "Они должны быть показательны для метода историка или хронографа, отличаться исторической достоверностью, свидетельствовать о взглядах автора на историю и, наконец, быть добротными с точки зрения литературной" (с. 9).

Такой принцип построения книги соответствует методике, принятой в западных и некоторых наших университетах, когда непосредственно за лекцией преподавателя идет чтение и разбор текста совместно с учащимися.

Том традиционно разделен на две части: первая посвящена церковной, вторая – светской историографии. Деление на "истории" и "хроники" тоже выдерживается, хотя и не столь строго, как между церковными и светскими историографами. Среди авторов, вошедших в книгу, значатся Секст Юлий

Африкан, Панодор, Анниан, Евсевий Кесарийский, Геласий Кесарийский, Филипп Сидский, Филосторгий, Сократ Схоластик, Созомен, Феодорит Кирский, Геласий Кизический, Захарий Схоластик, Феодор Чтец, Евагрий Схоластик (церковная история), Еванний Сардский, Олимпиодор, Приск, Молх Филадельфийский, Кандид, Зосим, Петр Патрикий, Агафий, Нонни, Менандр Протиктор, Иоанн Елифанийский, Феофилакт Симокатта, Иоанн Малала, Иоанн Антиохийский, составитель Пасхальной хроники (светская история). Я специально привел почти полный список анализируемых авторов, чтобы показать, что А. Карпозилос, в первых, начинает византийскую историографию с достаточно раннего периода, во вторых, останавливается не только на тех писателях, чьи произведения сохранились до наших дней, но и на историках, известных нам только по фрагментам, часто совсем незначительным.

Совершенно явно, что А. Карпозилос составляет свое "учебное пособие" в расчете на весьма подготовленных студентов, интересующихся не только известными авторами и сюжетами, но и "тонкостями" византиноведческой науки. Строго говоря, книга

А. Карпозилоса – далеко не только "учебное", но и хорошее справочное пособие для медиевистов по византийской историографии IV–VII вв. Как всякий справочник, том снабжен богатой библиографией, разделенной при этом на "обязательную" и "дополнительную" (я пользуюсь терминологией наших вузовских программ). Библиография эта достаточно полная, хотя и не исчерпывающая. Отмечу специально то обстоятельство, что в ней присутствует и русская научная литература. Это встречается отнюдь не всегда в западных изданиях, особенно предназначенных для учебных целей (rossica non leguntur!). Думается тем не менее, что И.В. Кривушин и А.А. Чекалова (наши отечественные исследователи, занимающиеся историками этого периода) могли бы быть представлены каждый не только по одной работе. Впрочем, трудности с литературой ученые испытывают не в одной России...

Надо надеется, что грандиозный свой замысел А. Карпозилос благополучно и скоро доведет до конца, греческие студенты получат хороший учебник, а медиевисты всего мира удобное справочное издание по всей византийской исторической литературе.

Я. Любарский

³ Donbschütz E. von. Nethodius una die Studiten // BZ. 1909. 18; Speck P. Die Ursprünge der byzantinischen Renaissance // 17th International Byzantine Congress, Major Papers Washington D.C. 1968. S. 568 ff. На обе работы ссылается С. Мэнго.

ХРОНИКА

**Краткое обозрение итогов XIX Международного
конгресса византиноведческих исследований
(Копенгаген, 18–25 августа 1996 г.)¹**

18–25 августа 1996 г. в Копенгагене состоялся очередной (XIX) Международный конгресс византиноведческих исследований. В работе Конгресса участвовали ок. 350 ученых из 33 стран. Конгресс был организован Датским национальным комитетом византистов (президент Конгресса – проф. Копенгагенского университета Карстен Фледелиус) в сотрудничестве с Финским, Норвежским и Шведским национальными комитетами.

Конгресс в Копенгагене был следующим после Московского (XVIII), проведенного Национальным комитетом России (тогда – СССР) 8–14 августа 1991 г. Естественно поэтому, что Датский оргкомитет должен был поставить перед собой задачу наиболее полно учесть как положительный, так и негативный опыт организаторов Московского конгресса. Негативным при этом датские коллеги сочли прежде всего слишком большое количество пленарных тем и слишком большое количество структурных подразделений конгресса, которые работали одновременно, и это затрудняло участие в дискуссиях тех ученых, которых интересовала проблематика параллельно проходивших заседаний. Что касается количества проблем соответственно структурных ячеек Конгресса, то XVIII конгресс не отличался в этом отношении сколько-нибудь заметно от XVII Вашингтонского, и его тематика (почти вся), как и структура, была выработана с са-

мым активным участием Исполкома Ассоциации. Кроме того, Московский оргкомитет должен был учесть научные интересы вдвое большего числа участников Конгресса (700 человек).

Само собою разумеется, в кратком обозрении можно дать лишь самое общее представление о научных итогах Конгресса, причем по преимуществу – лишь о его пленарных докладах.

Программой Конгресса было предусмотрено 5 пленарных заседаний по пяти главным темам (в Москве их было 8), 11 круглых столов и 9 коллоквиумов (в Москве было соответственно 15 и 16). На Конгрессе в Москве работала, кроме того, 21 секция. Фактически, однако, без секций не обошлось и на Конгрессе в Копенгагене – они представляли в качестве подразделений коллоквиумов, заседавших по несколько дней. (Например, коллоквиум “Внешние сношения Византии”, работавший 6 дней, имел в Копенгагене 6 подразделений – в Москве же каждое из них было выделено в особую секцию.) Было запланировано 48 пленарных докладов (из них 18 – по пятой, в сущности, информативной теме) и 318 сообщений на коллоквиумах (помимо трудно поддающихся учету выступлений на круглых столах).

Приведем названия всех пленарных тем: “Идентичность Византии”; “Образ Византии в глазах ее современников и ее влияние на

них”; “Византия и Север”; “Образ и влияние Византии после 1453 г.” и “Инструментарий исследований и распространение знаний: настоящее и будущее византиноведческих штудий”. Ясно, что 1-я, 2-я и 4-я темы концептуально взаимосвязаны (византийцы в собственных глазах, их образ у иных народов и взгляд на Византию в европейском обществе после 1453 г.).

Пленарные (главные) темы были представлены вступительными рефератами координаторов, или модераторов, ответственных за определение тематики докладов, подбор самих докладчиков и организацию дискуссии. В задачи координаторов входила также постановка проблемы в том аспекте, который на сегодняшний день представляется наиболее плодотворным. И. Кодер (Австрия) играл роль такого координатора по первой, едва ли не самой интересной теме, – о представлениях византийцев о собственных особенностях, отличавших их от других народов и политически организованных сообществ.

В своих “Вводных замечаниях” (с. 3–6) И. Кодер прежде всего подчеркнул относительную новизну и неразработанность проблемы. Хотя в самосознании византийцев о специфике своего государственного, идеологического и культурного единства на первом плане неизменно находились религия и политическая идеология, стабильными эти главные факторы византийской общности выглядели лишь при поверхностном наблюдении. Историческое прошлое империи возбудило у греков притязания на присвоение наследия римлян как своего собственного, что неизбежно подвергалось в дальнейшем испытаниям “на прочность”.

Первый комплекс вопросов, по мнению И. Кодера, как раз и связан с убеждением “ромеев” о себе как о ведущей в христианском мире правотворящей политической и военной силе – причем в явном противоречии с великолепным культурным прошлым, которое сами “ромей” долго расценивали негативно: они подвергали поношению “эллиническое” наследие как языческое посредством эллинской же речи. Ни термин “эллины”, ни понятие “греки” не казались византийцам (“ромеям”) подходящими для самоназвания – оба термина приобрели уничижительный оттенок и внутри и вне границ государства, хотя и по разным причинам.

Убежденность в своей правоте и величии империи не покидала мысль византийца – она обострялась в периоды внутренних коллизий (эпоха иконоборчества) и столкновений с внешними врагами, особен-

но с миром ислама, а затем – и странами Запада. И. Кодер подчеркнул, что заслуживающая в аспекте трактуемой проблемы особого внимания идея противостояния латинянам проходила красной нитью через всю историю эволюции византийского самосознания, активизируясь при обострении взаимных притязаний на верховенство, в частности, в эпоху крестовых походов и в особенности в никейский период, когда в верхах общества империи и в его образованных слоях отчетливо проявились черты греческого самосознания, близкого к тому, которое присуще грекам нового времени.

Но и утверждающееся постепенно с первой четверти XIII в. в сознании “ромеев” представление о себе как о греке также испытывало эволюцию и перемены и в этническом, и в религиозном отношении в ходе конфронтации с разными народами, как подданными империи (в том числе, например, с иудеями), так и с соседями, как христианскими так и мусульманскими, которые идеи ромеев о праве на превосходство противопоставляли собственные подобные притязания, выдвигая целую программу идеологического (“а значит – и политического”) превосходства.

И. Кодер полагает бесспорным, что индивид-подданный империи “соотносил” свою позицию с позицией “верхов”. Важное значение при этом имели и социальный статус подданного, и степень его образованности (индивидуальный объем исторической памяти). Кодер резонно замечает, что в столь “тонкой” сфере, как глубины сознания (добавим: тесно сопряженного к тому же с эмоционально-психологической сферой), каждый фиксируемый исследователем стереотип неизбежно является упрощением.

Автор призвал, наконец, проследить терминологические нюансы по разным группам (типам) источников и исследовать особенно тщательно место и значение фактора родной (господствующей – греческой) речи, справедливо указав при этом на важность такого живого, непосредственно отражающего “злобу дня” источника, как эпистолярная, в частности, письма Никифора Влеммида, написанные накануне и в правление Феодора II Ласкариса (1254–1258).

Заметим в заключение, что среди выдвинутых И. Кодером методологических принципов изучения проблем самосознания нет ни одного, который не использовался бы в этнологической и исторической советской (и российской) литературе последних десятилетий (на эту богатую литературу ни у Ко-

¹ Существенно сокращенный вариант обзора см.: Литаврин Г.Г. XIX Международный конгресс византиноведческих исследований // Вестник Российского гуманитарного научного фонда (М., 1997. № 3. С. 257–262).

Материалы Конгресса (пленарные доклады и тезисы сообщений) были опубликованы к его открытию: Byzantium. Identity, Image, Influence // XIX International Congress of Byzantine Studies. University of Copenhagen, 18–24 August, 1996. Major Papers. Copenhagen, 1996; Byzantium. Identity, Image, Influence // XIX International Congress of Byzantine Studies. University of Copenhagen, 8–24 August, 1996. Index of Colloquia. Abstracts of Communications. Index of authors. Copenhagen, 1996.

дера, ни у других докладчиков нет ни единой ссылки). Отметим также, что автор не упомянул еще об одном факторе, заслуживающем с точки зрения методологии едва ли не преимущественного внимания, — об иерархичности “структуры” самосознания, компоненты иерархии которого обладают подвижностью, способностью увеличиваться или уменьшаться численно, изменять свою ценностную нагрузку и в связи с этим перемещаться по “шкале” иерархии в зависимости от конкретных обстоятельств.

Состоявшиеся затем 6 докладов располагались в программе заседаний с учетом хронологической последовательности тех периодов, которых они касались.

Первым докладчиком по первой теме был Ев. Хрисос (Греция) (“Римская политическая идентичность во время поздней античности и ранней Византии” — с. 7–16), справедливо постулировавший необходимость начать рассмотрение мало изученной проблемы от истоков ее возникновения — со времен раздела империи на Западную и Восточную. Хрисос признает ведущую роль в формировании менталитета подданных Восточноримской империи трех главных факторов (римской политической доктрины, греческой культуры и христианской веры), основополагающее значение которых было убедительно продемонстрировано в “наиболее влиятельной, по выражению докладчика, настольной книге” Г. Острогорского “История Византийского государства”. Хрисос вполне резонно ставит вопрос о том, всегда ли сами византийцы считали названные три фактора основой их ментальности. Ибо и имперская “политическая ортодоксия” (по словам Г.-Г. Бека), и эллинская культура знали и взлеты, и падения в ходе 11 веков. Поэтому проблема может быть рассмотрена только в исторической перспективе, а поскольку тема необъятно широка, позволено, на взгляд докладчика, ограничить хронологически рассмотрение лишь поздне-римским — ранневизантийским периодом и тематически — только проблемой эволюции политической идентичности.

В поздней античности “римляне” — это подданные, связанные общей государственной и исторической солидарностью, осознающие континуитет своего единства со времен основания Рима. Такими были представления о себе по крайней мере в чиновных кругах и в образованной среде. Свободные жители (в отличие от рабов) и римляне (в отличие от иностранцев) автоматически являлись гражданами (освобожденный раб

также становился, по новелле Юстиниана I от 529 г., абсолютно равноправным гражданином) в противоположность иностранным ксенам, паломникам, а позднее — паломникам к святым местам.

Оформление этого самосознания прошло через несколько этапов в ходе V–VI вв.: от простого подданства к гражданству всех и от подданства всех граждан государству — к подданству его единоличному правителю. Безусловное подчинение имперской власти и имперским законам, включая выполнение определенных законом обязательств перед властями, являлось при этом необходимым условием. “Италы” (независимо от их этнического происхождения), как все жители полуострова, кроме рабов, стали именоваться после его завоевания Юстинианом I “римлянами”. И наоборот — неподвластные империи готы называли византийцев “греками”, а будучи подчинены ими, — “ромеями”, каковыми стали и сами. Однако даже в VI–VII вв. самый факт проживания на территории империи определенных этнических групп и контингентом еще не превращал всех в безусловно полноправных подданных императора. Еще имели место и длительная эволюция, и сомнения в статусе, и колебания в имидже (в частности, в отношении федератов и живущих в пограничных зонах “варварских племен” — исавров, готов, арабов и др.). Самосознание “ромейской общности” становилось все-таки достоянием подавляющего большинства рядовых подданных императора.

В целом, переломной в оформлении византийской гражданской структуры общества автор считает эпоху Юстиниана I. Именно в его правление завершилась трансформация понятия подданства ойкуменическому государству в представление о личном подданстве и личной верности каждого “ромей” императору, поглотившей этнические, социальные и иные отличия. Юридически ставшее определенным и повсеместным в государстве понятие “подданный” вытеснило понятие “гражданин”, а термин “Романия” — в сущности имя-пережиток обозначения прежнего единого отечества — впервые употреблено в “Дигестах” в новом четком значении названия государства, подвластного священной особе императора.

Это не означает, однако, что ко времени Юстиниана I понятие “полития” как государство римлян сменилось понятием “царство” (“василия”) единоличного правителя: полная подмена этих понятий никогда не имела места — чиновники клялись в верности и импе-

ратору и “политии”. Вопреки этому, обозначения “Греция” и “греческий”, фиксируемые с конца VIII в., стали весьма редкими в источниках, даже в географическом смысле.

Доклад П. Шпека (ФРГ) “Византийский ренессанс и классическая древность” (с. 17–25) был посвящен давно и основательно исследовавшемуся автором вопросу о степени преемственности между византийской и античной культурой. Вывод докладчика отрицателен. Докладчик считает далеко не бесспорным тезис, что христианское общество принимало как свою собственную античную нехристианскую литературу и культуру вообще. Когда Юлиан провозгласил, желая заменить христианство добрым язычеством: “Кто верит в Зевса, пусть читает Гомера, а кто в Христа — Матфея и Луку”, образованным “бюргерам” стало ясно, что им надлежит нечто большее, чем приобщить своих детей к античному образованию, а именно: соединить несоединимое.

VII век был столетием катастрофы в истории Византии: ее одолевали внешние враги, ослабляли внутренние смуты. Резко снизилась образованность. Ираклий был последним государем, воспитанным в античных традициях. Однако крах культуры не был всеобщим. “Темным” это время можно называть лишь в ограничительном смысле. Нечто новое явилось в VIII в. и в сфере религии: отвергнув иконоборчество, византийцы возвели икону в ранг защитницы остатков царства и его жителей. В обстановке относительного покоя в середине VIII в. Византия училась жить в новых, малых границах.

Консолидировались новые государства (в том числе и на землях империи). Франки и арабы, выиграв на военном поприще, захотели верховенства и в культурной сфере, овладев античным наследием. Византия, далеко не порвавшая всех связей с античностью, принялась в IX в. усиленно культивировать их. Рождалась самообольстительная идея превосходства над другими странами и народами: и царство у “ромеев” исконное (не плод завоевания), и царь подлинный, и традиции, и культура непревзойденные. Восстанавливались и школьное дело, и филологические и правовые штудии, латались огромные бреши в культуре. В науке эти деяния определили как византийские ренессансы (параллельные каролингскому и арабскому). Стимул находили и вне империи и внутри ее. Подкрадывалось убеждение, что их царство — только обломок старого и что попытка первых иконоклавов воссоздать его

провалилась полностью. А потому настоятельная задача состоит в восстановлении разоренной культуры.

Начался процесс преодоления культурных последствий катастрофы — тем более психологически нетрудный, что тяжелой катастрофы вообще не было, как и подлинного обвала культуры тоже. Византийцы снова имели одного царя, одно царство, единую культуру, причем — такую, до уровня которой другим было еще весьма далеко. Однако и ее уровень и мимесис старой у византийцев в “темные века” — весьма далеки также от совершенства. Самый возрождаемый литературный язык оставался вульгарным вплоть до Метафраста, когда снова могли адекватно понять античных классиков и с блеском подражать им, как это доказали ритори XII в.

Оковы мимесиса оказались, однако, непреодолимыми. Освобождение от них могло прийти только извне и только с Запада. Литераторы при дворе Мануила I ориентировались бесспорно на Chanson de geste, но и здесь они снова связали новое со своим традиционным, собственным — с позднеантичным романом. Снова восторжествовал принцип — не допустить и “глотка свежего воздуха” в угоду своей идентичности!

Арабы и франки тоже перенимали элементы античной культуры. Но их заимствования всегда служили импульсом для развития своей собственной и никогда не были ее оковами. Ни провансальская поэзия, ни Данте, ни арабские географы у византийцев оказались невозможными — у них по-прежнему царил строгий мимесис, рабское и бесплодное подражание античным образцам, лишенное творческого начала. Фрески в Сопочанах и Гемист Плифон — явление слишком позднее: турки уже стояли у ворот. Да и фрески эти оставались почти до наших дней неведомыми культурному миру, а что касается трудов Плифона, то их сожгли сами византийцы.

Несомненно, заключения крупнейшего знатока проблемы заслуживают серьезного внимания, но они находятся в явном противоречии с суждениями о византийской культуре и образованности большинства исследователей: доклад П. Шпека напоминает слишком категоричный и пристрастный приговор, с которым не согласились бы и сами современники византийских деятелей палеологовского возрождения ни во Франции, ни в Италии (не говоря уж об интеллектуалах Запада более раннего времени).

В докладе Д. Смита (Англия) “Визан-

тийская идентичность и теория наклеивания этикеток” (с. 26–36) первая пленарная проблема трактовалась в основном через призму распространенных в западной историографии социопсихологических и философско-антропологических теорий и не как проблема идентичности византийцев в сравнении их с другими народами, а по преимуществу как проблема специфики самых разных групп внутри самого византийского общества. Но и в этом аспекте в центре внимания автора – не столько идентичность широких или главенствующих слоев населения империи, а в основном незначительных (маргинальных) групп и индивидов. Хотя византийцы представляли собой особый феномен (говорили на греческом, называли себя римлянами и имели разное этническое происхождение), они тем не менее ощущали некое единство, обусловленное общим языком, единым самоназванием и сходными нормами жизни. Признавая значение в этом процессе так называемой “политической ортодоксии”, автор приписывает огромную роль также образованной элите, обслуживавшей аппарат власти и оказывавшей большое влияние на общественное сознание. Указывая на возможную пестроту представлений о факторах идентичности членов маргинальных групп, автор наряду с религией, этничностью и социальным рангом называет также пол и сексуальную ориентацию (sic!).

Согласно Беку, говорит докладчик, нормы поведения и жизни были продиктованы политической ортодоксией, идейно-духовными и правящими кругами автократического центра и всем таксисом имперской жизни. Трудно установить, однако, какие конкретно факторы и нюансы, какие отражения их в политике, культуре и в догматике находились на уровне восприятия масс. Вряд ли, по мнению автора, этничность, возникающая в сознании эпизодически, имела при этом серьезное значение. Во всяком случае правящая элита империи никогда не идентифицировала себя с точки зрения этничности.

Автор убежден, что исследователи, изучая проблему идентичности, не уделяют должного внимания теории, в частности теориям “штампов” (“наклеивания этикеток”) и девиации (отклонения от нормы, выражения наиболее характерных особенностей как личности, так и групп, слоев, классов). Девианты – не только убийцы, алкоголики, атеисты, артисты, но и другие маргиналы, поло-

жение которых как девиантов во многом определялось отношением к ним доминирующей в обществе группы.

Вполне вероятно, такого рода теоретические поиски (о которых в данном обзоре дано лишь самое приблизительное представление) полезны, но они стали бы гораздо более плодотворными, если бы были ориентированы на специфику самосознания византийцев и сочетались с анализом конкретного фактического материала источников.

Доклад К.В. Хвостовой (Россия) “Византийская цивилизация в сравнении со средневековым Западом” (с. 37–48) не состоялся: автор не смогла приехать по болезни. Доклад тем не менее был опубликован до Конгресса вместе с другими пленарными и был доступен его участникам. Он был посвящен специфике формирования в Византии ряда социально-экономических институтов. Значительную роль при этом играли способы снятия противоречий между мирскими и умозрительными формами сознания, а также между развивающимися явлениями повседневной жизни и традиционным правопорядком, отражающим государственный централизм. Механизм снятия был связан с авторитарной политикой императора, теоретическим обоснованием которой была идея свободы воли человека. В отличие от Запада ей в Византии придавалось огромное значение.

По убеждению византийцев, в результате синергии – восприимчивости человеком божественной благодати – происходило “обожение” всей жизни. Поэтому, если Фома Аквинский рассматривал собственность как результат права народов, то византийцы трактовали ее как действие “священных и божественных законов”. Механизм снятия упомянутых противоречий не оставался неизменным. В ранний период, например, власти запрящали частный патронат, приводивший к смешению частного и публичного права, четко различавшихся в Византии в отличие от Запада. Однако с ходом времени эта политика становилась все более противоречивой. Императоры жаловали элите привилегии, что способствовало ослаблению централизма и интенсификации феодализма.

Характерна практика обозначений экономических институтов, не находивших места в рамках традиционного правопорядка, с помощью наименований, заимствованных из сфер богословия. Так, название “прония”, юридически означавшее отчисление в пользу военачальников налога, восходит к богословскому понятию пронии – “божественно-

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Рис. 2. Эрмитаж л.с.

го провидения". Прочное крестьянское землевладение обозначалось термином "ипостась", который является ведущим понятием в системе тринитарного богословия. Крестьяне, имевшие землю, назывались "энипости", а лишенные ее – "анипостати". Оба эти названия используются в византийском богословии. Причина данной терминологической специфики – в византийском традиционализме. В XIII в. почти прекратилось издание новых правовых норм. Развивалось только право прецедентов. В целях включения их в систему традиционного правопорядка и придания им моральных и правовых гарантий использовались богословские понятия, которыми как бы освящались новые социально-экономические институты. Инкорпорирование явлений повседневной жизни в сферу религиозного опыта объясняется тем, что византийское богословие, в отличие от западной поздней схоластики, не признавало приоритет разума над жизненным опытом человека. В Византии совершалось "обожение" всей жизни человека, включенной в рамки проблем христологии и сотериологии.

Вопреки мнению ряда ученых, в докладе утверждается, что византийская протия претерпевала в XIII–XV вв. не расцвет, а упадок. Из актового материала известны факты ее обмена и даже продажи, что противоречило ее первоначальному назначению – содействовать укреплению государственного централизма. Последнее обстоятельство (наряду со многими другими известными факторами) отразило кризис поздневизантийских социально-экономических институтов.

Э.М. Брайер (Англия) в своем докладе "Поздневизантийская идентичность" (с. 49–50) указал прежде всего на зыбкость принятых в науке признаков, признаваемых вполне достаточными для определения идентичности византийцев в последний период существования империи. Так, наиболее широкий признак – "христиане"-ортодоксы как духовные чада константинопольского патриарха были подданными отнюдь не одного православного государя. Таковыми были, например, жители Понта: зависели они как православные от патриарха Константинополя, а подданными являлись императора Трапезунда. Позднее, под властью османов, понятие "ортодокс" указывало (по противопоставлению) прежде всего на то, что это "ни латинянин", "ни мусульманин". Что касается султана, то он считал достаточным обозначать термином "греки" всех своих христианских наследственных налогоплательщиков (ру-

ми). А патриарх Геннадий Схолярый определял свою паству как "избранный народ", пребывающий в ожидании скорого конца света (через 39 лет – в 7000 г.).

Каким был "византийский паспорт" тех, с которым члены делегации империи отбыли с собора во Флоренцию в 1439 г., спрашивает докладчик. Светский "паспорт" свидетельствовал о них как о подданных императора ромеев, а духовный уже был лишен необходимой четкости – Виссарион показал, что можно выбирать между двумя главными центрами христианства.

Паспорт вообще может вводить в заблуждение, заявляет докладчик: То, что я – британец, продолжает он, – не более, чем антикварный пережиток в этническом и политическом смысле, точно так же, как и понятие "ромей". Характерно, что деспот Арты определял себя с юмором в 1399 г. как "сербалванитобулгаровлах".

Поэтому, помимо религии и подданства, наиболее реалистичными признаками идентичности византийцев Брайер считает семью, культуру и место рождения. Роль культуры была важнее роли семьи, однако конкретный механизм ее воздействия определить весьма трудно. Язык среди элементов культуры – несомненный признак идентичности (позднее сама греческая речь долго идентифицировались с христианами-ортодоксами). Однако в качестве самого важного фактора докладчик называет малую родину, место происхождения, орошенное кровью местных героев и мучеников, дорогих сердцу всех земляков. Судя по письму от 11.XII.1461 г. Григория Амируци (ренегата на службе у турок) кардиналу Виссариону (ренегату, перешедшему в латинство), оба они продолжали ощущать близость друг к другу как земляки (их общей родиной был Трапезунд).

Экстравагантная манера высказывания докладчиком своих идей не умаляет значения самих идей, однако представляется сомнительным приравнивать по важности в качестве факторов идентичности византийцев их ортодоксию и подданство к семейным узам и землячеству. Эти категории (попарно) характеризуют идентичность совершенно разного уровня и соотносятся лишь как общее к частному.

Последний докладчик по первой пленарной теме – Л. Брубакер (Англия) ("Искусство и византийская идентичность: святые, портреты и типик Линкольнского колледжа" – с. 51–59) попыталась выявить, какими средствами византийцы стремились запечат-

леть свою идентичность в изобразительном искусстве, и не только в иконах, групповых и индивидуальных, и в портретных мозаиках, но также и в книжной миниатюре.

Докладчица начала свое выступление с упоминания о том сильном впечатлении, которое произвела на нее богатая выставка икон в Третьяковской галерее, устроенная в связи с XVIII Конгрессом. Она полагает, что помимо сакрального значения, помимо признания в священных изображениях предметов высокого искусства, они представляют собой также важный источник познания прошлого, в том числе и особенностей византийской идентичности. С восстановления иконопочитания в 843 в. религиозные изображения стали неотделимыми от ортодоксии византийцев и их самосознания.

Докладчица показала принципиальное значение (особенно на групповых изображениях), которое художник придавал (отражая принятые в обществе и свои собственные представления о престижности и социальном ранге) не только официальным регалиям и знакам отличия изображаемых персон, но и таким деталям, как соотношение размеров фигур, их расположение относительно друг друга и даже моделировка одеяния каждой из них.

Конкретное применение этих методологических принципов в целях уяснения поставленной на сессии проблемы идентичности Брубакер осуществила на примере анализа миниатюры в типике женского богородичного монастыря, на которой изображены родители основательницы обители Феодоры Палеологини – Константин Палеолог, его жена и их дети. (Рукопись хранится в Бодлейанской библиотеке Линкольнского колледжа в Оксфорде и датируется примерно 1330-м годом.) Членами императорской фамилии приданы индивидуальные черты. Вся аристократическая группа выразительно отделена от ее окружения, но и изображения монахов имеют все визуальные признаки коллективной византийской идентичности.

Несмотря на новизну поставленных в докладах проблем по первой пленарной теме и ряд интересных попыток их решения, дискуссия в целом не затронула многих важнейших аспектов темы. Доклады свидетельствовали о том, что четкая и специализированная методология изучения идентичности и соответствующий понятийный аппарат еще отсутствуют. Обильно уснащая свои доклады ссылками на современные философские, социологические и психологические шту-

дии, имеющие порой весьма косвенное отношение к теме, докладчики демонстрировали полное незнание с работами российских (и советских) ученых, имеющих уже значительный опыт в изучении данной проблематики и выработавших необходимую для этого научную терминологию. Несколько неожиданно и обращение к изучению самоопределения маргинальных (в том числе асоциальных) групп, тогда как далеки от ясности генеральные вопросы темы, касающиеся самосознания правящих кругов империи и ее основных социальных слоев. Кажется, ряд докладчиков увлекало желание высказать как можно более оригинальное суждение, независимо от того, насколько оно адекватно реалиям той эпохи и какое значение имело в жизни людей того времени и имеет теперь для нас в углублении наших знаний о византийском менталитете.

Вторая пленарная тема была представлена также шестью докладами. По замыслу ее координатора, проф. Ж. Дагрона (Франция), докладчики должны были, по-видимому, раскрыть “образ” Византии “глазами” как можно более широкого круга ее современников. Об этом свидетельствует и заглавие выступления самого Дагрона на сессии “Образ Византии в глазах современников и ее влияние на них” (с. 61–71). Поскольку же, как выразился координатор, никто не обладает компетенцией, позволяющей трактовать все аспекты проблемы, он решил предложить типологию находившихся в сношениях с Византией народов, разделив их по крайней мере на пять категорий: 1. Этнические общности, которые одновременно находятся как бы внутри и будто бы вне империи (например, армяне и грузины). 2. Народы, которые приняли крещение от Византии (например, болгары и русские), но остались вне ее пределов, а порой посягали и на ее наследство. 3. Народы Запада, связанные с империей единством римских и христианских корней, но отделенные от нее ходом истории. 4. Народы исламского Востока – “враг интимный и противник восхищенный”. 5. Наконец, народы хотя и весьма отдаленные от границ Византии (например, китайцы), но знавшие о ее существовании.

Ссылаясь на то, что в ряде докладов на сессии отражены отношения с Византией славянского мира и Запада, Дагрон решил кратко охарактеризовать позицию трех типов “наблюдателей” Византии с Востока: с точки зрения зависимых от нее народов (армян и грузин), на взгляд пограничных (арабов) и с позиции народов, практи-

чески не имевших контактов с империей (китайцев).

В соответствии с этим доклад разделен далее на три раздела. В первом автор кратко описал всю сложность положения на Кавказе и трудности политики Византии в этом регионе – зоне взаимного проникновения византийцев, с одной стороны, и армян и грузин – с другой. Докладчик различает при этом два этапа: на первом политическое (феодалное) дробление власти в Армении и Грузии компенсировалось живым сознанием своих особенностей, а для армян – и чувством своей религиозной специфики. Политическая мозаика на Кавказе позволяла империи упрочить здесь с IX в. свое влияние, укрепить буфер между собой и миром ислама.

Но все изменилось, когда со второй четверти XI в. поток мигрантов с Востока под давлением сельджуков переклестнул границы империи и хлынул в Каппадокию. Остро встал проблема нормализации отношений и сосуществования с пришельцами, “зараженными” яковитской и монофизитской ересями, удержать равновесие, определить степень отчуждения религиозного и политического, мигрантов от ортодоксальных ромеев. Даже на армян-халкидонитов и грузин – не меньших ортодоксов, чем ромеи, смотрели с подозрением, так как они не знали греческой литургии. Необходимо было решить, какие отклонения признать допустимыми, какие же, чтобы не компрометировать ортодоксию, совершенно нетерпимыми.

В свою очередь, находясь в империи или под ее протекторатом, армяне не растворялись в массе подданных империи: религиозная специфика (особенно при значительной структурообразующей роли церкви на Кавказе в условиях раздробления власти) и иные культурные особенности (свой алфавит) стали факторами сохранения этнического единства (“нации”) армян.

Весьма сложным был и внутренний мир армян и грузин, проживавших и несших службу в империи (а таковых было не мало среди имперской знати даже на высших постах). Яркий пример такого вельможи – полководец Григорий Бакуриан: этнически он “грузинский или армянский крупный феодал”, по культуре – “привержен к армянской”, по религии принадлежит к константинопольской церкви, а верность воина хранит императору. Его этнические чувства и культурные симпатии не совпадают, по мнению Дагрона, с его политической зависимостью. Его верность избирательна, а его личная

идентичность предполагает разрыв с идентичностью византийской.

Во втором разделе кратко обрисована позиция в отношении к Византии арабов. Византия для них – не только враг, которого надо победить, но и империя, которую нужно заменить, а для этого ее необходимо сначала изучить. Информацию о ней собирали тщательно и оговсюду, по путям открытым и тайным. Письменная информация при этом, основанная на документах, была точнее, но существенно запаздывала (как и у византийцев об арабах), а устная была более свежей, но менее точной. Не лишена интереса деталь – арабские географы активно заменяли греческие топонимы на арабские в потерянных империей регионах, преуменьшали силы и ресурсы империи, умаляли значение ее городов и достоинства их жителей даже тогда, когда Византия вернула себе добрую часть Сирии-Палестины.

Арабы имели свою Географию, но оставили Историю византийцам – “хозяевам времени и традиции, а значит – в политике и религии – также и законности”. Византийцы не основывали новых столиц, как арабы: им был достаточен великий Константинополь (Восточный Рим) – единственный истинный город, обеспечивавший правящему в нем суверену его ойкуменизм и его место в числе сменявшихся последовательно предшественников вплоть до Августа и Давида. Арабские описания Константинополя, его дворцов, рынков, церквей, церемоний, литургии и развлечений исполнены восторга. Арабы тосковали по нем, ощущали комплекс неполноценности, не сумев взять его, а потому испытывали “дефицит исторической легитимности”. Былое ожесточение борьбы постепенно перешло в пограничную конфронтацию, обе стороны признали территориальные организации друг друга, порой – в литературе – сожалели о несбывшейся мечте об унии и предпочитали наблюдать друг друга с расстояния, обмениваясь пышными посольствами, оспаривая престижность, соперничая в великолепии приемов, реквизита, торжественности. Даже циклы своих судеб эти “братья-враги” рассматривали как сходные и взаимосвязанные: возвышение одного сменялось упадком другого и наоборот. Соперничали арабы с империей и в культурной сфере, пытались принижать оригинальность византийской культуры (“передавали, не творя”), но в то же время преклонялись перед ней.

Третий раздел доклада посвящен китайцам. Источники здесь весьма скудны. Это

главным образом китайские хроники, объем информации которых о Византии, естественно, минимален: это была лишь географическая и политическая схема, на которую нанесено несколько анекдотов (смеси разновременных и случайных фактов с легендарными деталями о сказочной, богатой и неведомой стране). Взгляд на империю не негативен, но точность наблюдений ограничена, угол зрения – со склонностью “китаизировать” увиденное, замечать только то, что им напоминает родную страну. Само описание западных пределов воспроизводит отчасти лучше известные в Китае пределы восточные.

Таким образом, координатор по второй теме выполняет, в сущности, еще две особые функции: во-первых, он “восполняет лакуну” – недостаточность территориального охвата проблемы в докладах на второй сессии и, во-вторых, предлагает краткую программу будущих исследований проблемы и некоторые связанные с этой задачей методологические рекомендации.

В остальных пяти докладах по второй теме были рассмотрены представления о Византии и отношение к ней разных народов, ближних и дальних. Л.А. Гарсия Морено (Испания) в докладе “Образ Византии в раннесредневековой Испании (VI–X вв.)” (с. 72–73) различает два периода в отношении жителей Испании к Византии: до завоевания полуострова арабами (711 г.) и после этого события. До 711 г. ни жители Испании, ни византийцы в целом не сомневались в своей общности (все зависело от того, чья была власть): империя была объектом и восхищения, и критики испанских интеллектуалов. Впрочем, и в доарабский период, после подчинения визиготами своей церкви папству (589 г.), Византия стала восприниматься ими как препятствие к господству визиготов на всем полуострове. Однако критика испанов в адрес Византии касалась в основном религиозной сферы (“ромеев” тогда они стали впервые называть “греками”), и испанцы не переставали сочувствовать борьбе византийцев против персов и арабов.

После 711 г. отношение к Византии испанов-христиан в Астурии – независимом христианском королевстве на севере полуострова стало ярко негативным: они обвиняли “греков” как главных виновников завоевания арабами и игнорировали их “римскую легитимность”, следуя здесь, по-видимому, в русле антивизантийской каролингской пропаганды.

Что же касается Андалусии, находящейся

под властью мусульман, то интерес к Византии здесь не угасал ни среди христиан, ни среди мусульман. Омейядский Кордовский двор рассматривал империю как союзника в борьбе с Аббасидами и Фатимидами, как противоядие в отношениях с западными христианскими странами и как крупнейший культурный центр – хранитель сокровищ античной культуры, посредством которого испанцы предпочитали багдадскому. Тем более высок остался в глазах христианских интеллектуалов Андалусии престиж Византии как очага постоянного религиозного обновления и оплота христиан против ислама.

В.А. Арутюнова-Фиданян (Россия) в докладе “Образ Византии в армянском мире в X–XII вв.” (с. 74–87) изложила свою позицию по поводу эволюции образа империи в армянских землях – от положительного в эпоху борьбы Византии с арабской экспансией (империя защищала и своих армянских союзников) до совершенно отрицательного, когда империя не смогла устоять против напора турок-сельджуков и оставила армян лицом к лицу с новыми завоевателями. Армяне (как и грузины), обладавшие почти столь же древней, как империя, христианской культурой, неизменно выступали вместе с империей в ее борьбе сначала с персами, затем с арабами и, наконец, с сельджуками. Византия дорожила этой их ролью и старалась утверждать свою гегемонию в этом регионе мирными средствами. В процессе длительных контактов и сотрудничества с армянами в населенном ими пограничном регионе сложилась особая (контактная) зона с характерной только для нее социально-общественной структурой и интенсивными формами культурного обмена. Византия не вводила здесь характерной для прочих провинций империи системы управления (фемного строя).

Византийские наместники делили здесь власть с местными магнатами, оформился влиятельный слой армян-халкидонитов – проводников византийского влияния, утвердилась атмосфера религиозной терпимости. Общественные и социальные институты, утверждавшиеся на этой территории, оказывали, в свою очередь, влияние и на соседние земли империи.

“Кавказская проблема” оказалась, таким образом, затронутой в двух докладах на сессии (у Дагрона и Арутюновой-Фиданян), но подход авторов к ней различен, что позволило, как представляется, полнее раскрыть тему.

В докладе Г.Г. Литаврина (Россия) “Ви-

зантия и славяне до и после принятия ими крещения” (с. 88–96) были рассмотрены отношения империи в VI–XI вв. со славянами трех регионов: со славиниями (славянскими племенными военно-политическими объединениями) в глубине территории империи, со славянами северных районов Балканского полуострова (на которых возникли болгарское и сербские государственные образования) и с восточными славянами (вошедшими в первой половине IX в. в состав Руси).

В отношении первого генеральная задача политики империи состояла прежде всего в изоляции этих славян от их соплеменников на севере Балкан, в их подчинении и полной интеграции в состав своих подданных в ходе их постепенной этнокультурной ассимиляции. Решающие успехи на пути к этой цели были достигнуты в первой половине IX в., когда уровень общественного развития славян сделал их доступными для христианской проповеди, а затем и для крещения.

В отношении второго региона автор констатирует, что на смену почти столетнего аваро-славянского противостояния с империей пришли в начале 680-х годов продолжавшиеся почти в течение 200 лет (с непродолжительными перерывами) войны с болгарскими и подчиненными их верховной власти славянами. Основание Первого Болгарского царства надолго лишило империю надежд на возвращение под свою власть Балканского полуострова. Крещение болгар в 864/865 г. было результатом в первую очередь внутренних потребностей государства и острой необходимости в достижении равновесия в отношениях с ведущими государствами Европы. Давление империи, дипломатическое и военное, играло при этом меньшую роль, чем ее длительное и нарастающее культурное влияние. Принятие христианства ввело Болгарию в круг цивилизованных стран и в состав “византийского сообщества государств”, которое, однако, вопреки расчетам имперского двора и утверждаемой церковью и политиками империи доктрины, было ограничено только церковно-культурными узами, никогда (до завоевания Болгарии в 1018 г.) не перераставшими в политическую зависимость. Будучи “крестницей” Византии, Болгария в течение более полутора веков оставалась (как и до крещения) соперницей империи на Балканах. Фактору единоверия обе стороны никогда не отдавали предпочтение перед экономическими и политическими интересами государства.

Что касается третьего (русского) региона, то начало регулярных контактов импе-

рии с его славянскими обитателями восходит только к рубежу VIII–IX вв., а их развитие – ко времени укрепления Древнерусского государства в начале X в. Инициатива в основном исходила от Руси, которая была весьма заинтересована в сношениях с империей и добивалась этого, не останавливаясь перед военным давлением.

Главная особенность отношений Руси с Византией определялась тем фактом, что крещение Руси совпало с заключением династического брака русского двора с императорским и с неочевидной военной помощью Киева Константинополю против опасного узурпатора. Все это резко повысило престиж Руси на международной арене и авторитет княжеской власти в своей стране. Христианская Русь не посягала на трон и столицу империи. Имея менее всего реальных оснований опасаться интриг и враждебных акций с ее стороны, она и впредь более других членов “православного сообщества” дорожила связями с константинопольским двором. В течение почти 100 лет Русь систематически предоставляла империи свою военную помощь. Церковная зависимость никогда не оборачивалась на Русь каким-либо политическим стеснением для нее со стороны империи, вопреки попыткам (скорее церемониально-престижным, чем рассчитанным на реальный успех) политиков империи толковать конфессионально-культурные узы в качестве политических. Вероисповедное единство стран православного “византийского круга” не находило реализации на международной арене в каких-либо совместных акциях – идея солидарности и взаимопомощи стала утверждаться только в более позднее время, когда уже не было ни “общества восточнохристианских стран”, ни самой Византии.

Э. Блажене-Маламу и М. Какуро (Франция) посвятили свой доклад “образу сербов в византийской риторике второй половины XII в.” (97–123), т.е., собственно, другой стороне поставленной на сессии проблемы (не византийскому образу в глазах сербов, а сербскому – в глазах византийцев). Разработали свою тему авторы тщательно и досконально, подвергнув анализу сочинения десяти византийских риториков. В докладе они сообщили, в сущности, только резюме опубликованного к началу Конгресса текста.

Докладчики констатировали, что высказываемые византийскими риториками отзывы о сербах, являющиеся прямым отражением тех официальных и публичных представлений в империи о сербах, которые были основаны в

первую очередь на литературной традиции, а также запечатлены в пословицах, имевших заведомую цель очернить, а не сообщить подлинное знание. Образ сербов у византийцев был вместе с тем отражением христианской и имперской доктрины, противопоставлявшей (как источник справедливости – мятежнику) “господина мира” и имитатора Христа императора – жупану, рабу и вассалу. Поводом к риторическим дискурсам о сербах служили либо столкновения с сербами, из которых император выходил победителем, либо его акты милости к смирившемуся повелителю сербов.

Непрерывное свойство византийского менталитета – убежденность в непрерывной вассальной зависимости сербов от империи. И ее риторы также стояли на страже этой идеи, стремясь сохранить “легитимный” порядок вещей в период, когда своеволие сербского государя грозило освобождением Сербии от византийской опеки и переходом роли высшего покровителя жупана от императора к венгерскому королю.

Что же касается позиции самих сербов в отношении Византии, то докладчики полагают, что, испросив у Исаака II Ангела в жены своему сыну Стефану племянницу императора Евдокию, Неманя рассчитывал таким образом узаконить права на трон своего наследника, и подобного рода династическая идеология самих сербов не противоречила византийской доктрине. По представлениям высших правящих в Сербии кругов, женившийся на представительнице императорского дома Стефан становился по рангу третьим после Исаака II и своего отца, и это отнюдь не означало, что будущая власть его будет обусловлена не волей божьей, а только благоволением императора. Впрочем, в заключение докладчики подчеркивают, что ход истории опрокинул расчеты византийцев, и “византийская риторика должна была выбирать между молчанием или принятием нового порядка вещей”.

Последним на второй сессии был доклад К. Якумиса (Англия) “Мало затронутый исследованиями ареал–Албания. Недостаточно представленные в публикациях храмы и молельни X–XVII вв. на юго-востоке Албании” (с. 123–125).

Докладчик определяет как господствующие в современном византиноведении направления – стремление ученых расширить наши представления о Византии за счет освещения мало известных или непопулярных до сего времени в науке ареалов и за счет изучения влияния Византии на поствизан-

тийское пространство. Избранная тема и отвечает, по его убеждению, обоим этим направлениям в византистике.

Доклад представляет собой информацию о более чем 20 церковных памятниках юго-юго-запада Албании и о состоянии их изучения (или о почти полном неведении о них в науке). Пять из них относится к византийской эпохе, остальные – к поствизантийской, но с явными чертами византийского влияния.

Что касается третьей пленарной темы (“Византия и Север”), то ее включение в программу по предложению Бюро Ассоциации было актом признательности мирового сообщества византистов скандинавским организаторам Конгресса. Они и представляли, естественно, большинство докладчиков на сессии. Всего их было семь: С.Х. Фуглесанг (Норвегия) (“Критический обзор теорий византийского влияния в Скандинавии” – с. 137–168), А. Катлер (США) (“Византийское искусство и север: размышления о проблеме влияния” – с. 169–182), А. Кроманн и Й.С. Йенсен (Дания) (“Византийские подражания северному монетному делу с начала XI в.” – с. 183), А. Мутесиус (Англия) (“Византийский шелк в руках викингов” – с. 184–192), В. Дучко (Швеция) (“Шведские викинги и Византия – археологическая версия” – с. 193–200), М.В. Бибилов (Россия) (“Byzantinoscandica” – с. 201–211) и К. Фледелиус (Дания) (“Королевские скандинавские путешественники в Византии: образ Византии в датской и норвежской литературе раннего XIII века и в датской исторической драме раннего XIX столетия” – с. 212–218).

Подводя итоги новейших исследований докладчики отразили тенденцию к большей осторожности и ограничению когда-то слишком широких заключений об интенсивности скандинаво-византийских связей.

Анализ проблемы истоков, форм и путей византино-скандинавских контактов осуществлены докладчиками в основном по двум направлениям. Одна группа референтов сосредоточилась на памятниках археологии и искусства, уточняя их атрибуцию и прослеживая следы образного и стилистического взаимодействия двух культур. Другие исследования обобщили материалы всех выявленных к настоящему времени письменных источников по скандинаво-византийской проблематике, продемонстрировав значительное расширение базы данных для изучения темы.

В первой группе докладов преобладала тенденция дезатрибуции многих хорошо из-

вестных художественных произведений и памятников, бесосновательно относившихся долгое время традицией к византийскому культурному наследию в Скандинавии. Это касается и знаменитого креста Дагмар, относимого ныне либо северорусскому, либо даже балто-шведскому ателье, и иконографии Поклонения волхвов, связываемой теперь с иллюминированием в оттоновском окружении, и архитектуры сицилийских норманнов, находящей параллели скорее в искусстве Франции и Германии, чем Скандинавии (доклад С.Х. Фуглесанга). Наибольшей концентрацией зримых следов контактов двух географически периферийных цивилизаций средневековой Европы отмечен Готланд, где обнаружено абсолютное большинство (84%) нумизматических находок эпохи викингов в Швеции (около ста серебряных монетариев 977–989 гг., отчасти – 1025–1055 гг., а также золотые номисмы Романа III – 1028–1034 гг.). Примечательно, что Готланд расценивается как известный центр русско-шведских контактов, имевший, вероятно, и православный приход: показательными могут быть находки керамических глазурированных пасхальных яиц – русского импорта (доклад В. Дучко). А. Катлер настаивал на принципиальном различии понятий “контакты” в области культуры и “влияние”: многочисленные известные “византино-скандинавские” памятники, анализируемые в данной связи, свидетельствуют скорее просто о контактах, чем о “влиянии” Византии на Скандинавию. Дезавуируется и ставшая стереотипом неопределенная “русско-византийская” атрибуция находок, ибо современные методики позволяют с большей точностью идентифицировать место изготовления произведений мелкой пластики, иконописи, скульптуры.

А. Матесиус построила свой анализ путей распространения византийского шелка в балто-скандинавском регионе на сопоставлении археологических, музейных и церковных материалов со свидетельствами саг, рунических надписей и византийских письменных источников. На основании всего этого определяется обширный ареал контактной зоны культур, свидетельствующий о трех главных путях проникновения ценившегося буквально “на вес золота” византийского шелка на северо-запад Европы: по черноморско-днепровскому, волжско-каспийскому и дунайско-центральноевропейскому.

М.В. Бибилов проследил эволюцию взаимных представлений византийцев о скандинавах и северян о греках по мере углубления

их контактов. Реальным свидетельством интенсификации этих связей является значительное число в Византии известных ныне лиц “северного” происхождения: скандинавский ономастикон, отраженный в выявленных за последние годы свидетельствах, достигая почти ста человек.

Наконец, К. Фледелиус сопоставил византийские сюжеты исландских саг и истории Саксона Грамматика со скандинавскими литературными произведениями XIX в., в которых тема Константинополя получила неожиданное романтизированное развитие.

В целом доклады третьего пленарного заседания и дискуссия по ним подтвердили центральную роль Руси в осуществлении скандинаво-византийских контактов, уточнили атрибуцию (где-то русскую, где-то византийскую) ряда анализируемых памятников и выявили существенный прогресс в расширении источниковедческой базы византиноскандики.

Четвертая пленарная тема “Образ и влияние Византии после 1453 г.” отразила нарастающий интерес византистов к проблеме Byzance après Byzance. Из десяти докладчиков по теме шесть искали решения проблемы в основном на пути анализа материалов искусства. Докладчики из Греции (М. Ахемасту-Потамиу, С. Малалуку, М. Поливиу, Я. Кицис, Ф.С. Мандопулу-Панайотопулу), Франции (Т. Вельман) и Швеции (Н. Линдгрэн) убедительно показали сохранение, прежде всего в сфере культовой живописи и зодчества, византийских норм как образцов (“подлинников”), на которые веками ориентировались мастера в ортодоксальном мире. По мысли Р. Готони (Финляндия), Афон остался непотопляемым и вечным “кораблем Византии” в православном пространстве: без учета роли Афона, “пронизанного византийским духом”, нельзя говорить ни об образе Византии, ни о влиянии ее культуры.

Четыре доклада по этой теме были посвящены весьма сложным теоретическим проблемам особенностей образа Византии в восприятии представителей европейского общества в новое и новейшее время. Таковы доклады М. Китромиллидиса – о переменах в восприятии византийского наследства в Европе, А. Табаки – “Византия сквозь призму неозланистического просвещения”, Роксаны Аргиропулос – о реабилитации Византии интеллектуалами Греции второй половины XIX – начала XX в. и основательное обозрение К. Фледелиуса – “Византия и Запад. 1204–1996 – Европейская перспектива”. Все эти докладчики развивали в сущности кон-

цепцию Н. Йорги "Byzance après Byzance", стремясь "реабилитировать" историю и культуру империи как органичную часть истории греков: Византия выполнила миссию хранителя цивилизации в эпоху варварства, внесла весомый вклад в будущий Ренессанс Европы. Представление о почетном месте Византии как средневекового моста между античностью и современным миром постепенно находит все более широкое признание в науке.

Пятая проблема "Инструментарий исследований и расширение знаний. Настоящее и будущее византийских штудий" представляет собой неперенную почти на каждом конгрессе тему, обычно называвшуюся *Instrumenta studiorum*. Заклучая эту сессию, председательствовавший на ней С.П. Карпов (Россия) отметил в частности, что наблюдавшееся недавно противопоставление традиционных и электронных изданий текстов не является более актуальным. М. Джеффрис, Э. Хрисос и др. показали существенные преимущества электронных публикаций как исследовательского инструмента. Наука находится здесь, однако, еще в начале пути, хотя уже очевидно разное функциональное предназначение и взаимодополняемость (а не взаимоисключаемость) и разный адресат традиционных изданий и их электронных вариантов из CD ROMах и иных носителей.

Определенные успехи обозначились и в создании баз данных, как библиографических (о чем на примере библиографии *Byzantinische Zeitschrift* сообщили П. Шрайнер и К. Шольц), так и тематических (Агиографический проект Думбартон Окса – доклад Э.-М. Тэлбот).

Наибольший результат новые технические средства дали, пожалуй, просопографическим штудиям и исследованиям по исторической географии (доклады И. Кодера, Дж. Мартиндейла, К. Лудвиг и Э. Траппа). При использовании методов исторической информатики ставятся новые для науки задачи, в частности, по реконструкции утраченных архивов Причерноморья (сообщение С.П. Карпова).

Пока разочаровывают из-за поверхностности и неувязности информации византийские страницы в Интернете. Для превращения их в исследовательский инструмент, необходима, очевидно, широкая международная конференция.

Данная пленарная тема была дополнена коллоквиумом "Методология. Новые методы исследования". Впрочем, и под "методо-

логией" здесь также разумелись приемы атрибуции и классификации рукописей, внедрение электронной документации в музеях и компьютеризация просопографического материала.

Остановимся коротко на круглых столах и коллоквиумах. Наиболее существенными по тематике были 6 круглых столов (всего их было 11): "Византия и античность", "Византия и Восточная Центральная Европа", "Византийское влияние на искусство иных народов", "Переосмысление византийского феодализма", "Македонский Ренессанс. Были ли действенными тенденции к переоценке? Сила и функция византийской иконы", "Византия и современный мир".

Названия коллоквиумов приведем все (их было 9): "Внешние отношения", "Внутренняя жизнь, экономическая и социальная история", "Вопросы демографии, этнографии и географии", "Строения, поселения и материальная культура", "Искусство", "Церковь", "Язык, литература и мышление", "Вспомогательные дисциплины", "*Instrumenta studiorum*. История византиноведческих исследований". Обычно на конгрессах коллоквиумы организовывались для рассмотрения актуальных вопросов. Отступление Оргкомитета от этого принципа привело, как кажется, к обеднению проблематики Конгресса. Из-за слабой скоординированности тематики коллоквиумов и круглых столов с двумя центральными пленарными темами эти темы не получили дальнейшей разработки в более тесном кругу исследователей, заинтересованных в детальном обсуждении пленарных проблем.

Обычно популярная на конгрессах тема "Внутренняя жизнь, экономическая и социальная история" не вызвала на этот раз заметного интереса у участников Конгресса. Мало того, из 22 заявленных на коллоквиуме сообщений едва половина вполне соответствовала его теме. Среди круглых столов единственным значимым по указанной тематике был стол "Переосмысленный византийский феодализм", в работе которого кроме Л. Максимовича (Югославия), приняли участие в основном греческие ученые (Т. Лунгис, И. Караяннопулос, Н. Икономидис, В. Пеннас). Одним из мотивов организации этого стола были, несомненно, мысль о "крушении" марксистской концепции общественно-экономических формаций, а также возникшая в связи с этим уверенность в резком ослаблении позиций византинистов "феодалов". Дискуссия показала, однако, что ученые, признающие общественный

строй Византии феодальным (при всем его своеобразии), отнюдь не расценивают свои позиции ослабленными, ибо не усматривают прямой зависимости концепции византийского феодализма от слабостей теории общественно-экономических формаций. Априорная убежденность в некорректности анализа источников марксистами находится в остром противоречии с современной историографией: среди ученых, которым наука в последние годы обязана крупными успехами в сфере изучения экономики, социальных отношений и государственной системы, находятся и марксисты. Слабость социально-экономической тематики на Конгрессе следует объяснить, видимо, тем, что в его работе не приняли участия многие из видных исследователей. Среди причин этого – и тот выбор пленарных тем, который сделан Оргкомитетом (экономике и социальным вопросам там предусмотрено мало места).

Упомянем специально и о заседании по проблеме истории византийского менталитета, представлявшем собой подразделение коллоквиума "Язык, литература и мышление". В сообщении М.В. Бибикова (Россия) были прослежены изменения в византийских концепциях, связанные с постепенным, но неуклонным проникновением принципов христианской антропологии в повседневность, быт, семью – как монарха, так и ученого, как купца, так и крестьянина. На социальных различиях в восприятии времени основывалась и Х. Ангелиди (Греция), показавшая, что император и "народ" могли жить как бы в "разновременности".

М.А. Поляковская (Россия), анализируя проблему о том, чего боялись византийцы, продемонстрировала различия в доминантах жизнедеятельности двух влиятельнейших групп поздневизантийского общества: если для интеллигентов важнейшей ценностью и привилегией была свобода высказывания и досуг, то для корпоративного чиновничьего мироощущения преобладало чувство страха потери места, остановки продвижения по служебной лестнице. Культивировалась среди них и искусство следовать правилам карьерно-бюрократической игры, определявшей феномен так называемого "византизма".

Школе палеологовского периода посвятил свое выступление Ф. Тиннефельд (Германия), выявивший различия в системах государственного, церковного и частного образования в Византии. Знаменательно то, что хотя наиболее уязвимой в материальном отношении, особенно в периоды кризисов,

была частная форма обучения, именно эта школа высокообразованных гуманистов превращавших школьные занятия в собрания своеобразных кружков духовных единомышленников, давала наивысший уровень образования.

Наконец, кратко – о слабо представленной на Конгрессе археологической проблематике. Немногочисленные сообщения на эту тему были рассредоточены по трем круглым столам: "Археология и материальная культура: Греция, Малая Азия, Стамбул, Египет", "Археология и материальная культура: Иордания и Европа" и "Керамика и стекло". К тому же многие из заявленных в программе сообщений (из-за того, что докладчики не прибыли на Конгресс) не состоялись, а именно сообщения А. Сазанова (Украина) о хронологии керамических изделий Каффы, Ю. Иващенко (Украина) о ранневизантийском керамическом производстве, И. Полла (Румыния) о находках объектов X–XIII вв., М. Акары (Турция) о керамических находках при раскопках церкви св. Николая в Мире. Конечно, опубликованные перед Конгрессом краткие резюме весьма полезны, но они не могут дать желательного представления о трактовавшихся в этих сообщениях вопросах.

Большую часть сообщений о раскопках сделали на Конгрессе греческие ученые. П. Петридис, основываясь на находках керамики, доказывал наличие культурного слоя III–VII вв. на территории римской агоры в Дельфах. У. Брускири отметил следы интенсивного строительства частных домов в III–V вв. в городе Кос, расценив эти данные как доказательство благосостояния города; обнаружены в нем и объекты VI–VII вв. и, напротив, отсутствуют находки от VIII–XIII вв. В сообщении Д. Росера и Х. Хилла (США) были проанализированы материалы раскопок славянского поселения в районе Гревена (Юго-Западная Македония). Позднеримские строительные остатки перекрываются здесь раннесредневековыми славянскими, относящимися ко времени их расселения на Балканах. Д. Албани доложил о результатах раскопок Псейре (Крит) – монастыря, существовавшего в начале VII – начале IX в. (до арабского вторжения в 824–827 гг.) и возродившегося в X–XI вв.

Большой интерес вызвало сообщение С. Отюкена (Турция) и шестилетних раскопках храма св. Николая и о периодизации его строительства. На заседании состоялись и два сообщения российских ученых: О. Ошариной о светильниках V–VI вв. и А. Роман-

чук о значении раскопок в Херсонесе для изучения византийского города вообще и для понимания феномена "археологических лагун".

Безусловный интерес для археологов представляют всегда доклады на архитектурную тематику. Среди таких докладов как наиболее информативный и основательный отметим доклад Х. Бураса (Греция), предложившего продуманную и логичную типологию византийских храмов.

Датский оргкомитет устроил две выставки (в Москве и С.-Петербурге в 1991 г. их было 11): 1. В Глиптотеке города была размещена выставка "Позднеантичные и византийские предметы в скандинавских коллекциях", где наиболее богатым оказалось собрание икон русского происхождения. 2. Выставка новейших византиноведческих изданий, в которой принял участие и Российский нацком, благодаря любезности греческих ученых (они уступили часть своего стенда под российские издания, вышедшие между конгрессами и насчитывавшие около 80 названий). Российский нацком подарил Датскому оргкомитету (в сущности – Копенгагенскому университету) в знак благодарности за благожелательное внимание к российской делегации всю свою выставку целиком.

Говоря специально об участии российских византинистов в работе XIX Конгресса, отметим тот факт, что дважды на пленарных заседаниях в официальных выступлениях упоминалось о крупной роли, сыгранной на рубеже XIX – XX вв. российскими византинистами не только в развитии, но и в становлении мирового византиноведения как гуманитарной отрасли знания. На заключительном пленарном заседании, в докладе проф. Д. Оболенского (почетного президента Ассоциации и иностранного члена РАН) об итогах Конгресса была отмечена научная активность современных российских византинистов, нашедшая отражение и в их выступлениях на Конгрессе.

Подлинно сенсационным для всего сообщества византинистов явился тот факт, что российская делегация оказалась второй по численности (после греческой) среди всех национальных делегаций на Конгрессе: она насчитывала 38 человек (греков было 59). Никогда ранее, начиная с середины 50-х годов, делегация византинистов из нашей страны на конгрессах не была столь многочисленной и столь "молодой" – около 30% российской делегации составляла молодежь. Значительно расширилось на этот раз и представительство региональных научных

школ: помимо ученых Москвы (27 делегатов), в Конгрессе приняли участие 11 специалистов из Санкт-Петербурга, Екатеринбург, Волгограда и Владивостока.

Российские ученые представили на пленарные заседания четыре доклада (три из них состоялись), сделали 32 сообщения на всех 9 коллоквиумах и выступили на 5 круглых столах из 11. Шестеро российских коллег приняли активное участие в подготовке и организации работы научных подразделений Конгресса. В целом участие российских делегатов в научной работе Конгресса было весьма значительным. Благожелательный прием у аудитории нашли их выступления на пленарных заседаниях (доклады В.А. Арутюновой-Фиданян, М.В. Бибикова и Г.Г. Литаврина). Традиционно крупный вклад и на этот раз в работу Конгресса внесли российские искусствоведы: повестка ряда сессий была целиком или почти целиком укомплектована за счет их сообщений. Они сделали до четверти всех докладов по искусству. Характерная деталь: лишь 6–7 выступлений российских делегатов (из 38) были сделаны на русском языке.

Масштабы участия российских ученых в работе XIX Конгресса в немалой степени зависели от предконгрессной активности Национального комитета византинистов России. Чрезвычайно облегчило дело решение Датского оргкомитета о бесплатном размещении в Копенгагене всех 38 делегатов из России. Материальную поддержку оказали также: Российский гуманитарный научный фонд, Президиум РАН, Ассоциация византиноведческих исследований в лице ее президента И. Шевченко, привлечшего средства частных зарубежных фондов. В целом в той или иной форме нацком оказал поддержку почти половине российских делегатов.

Приняли участие в XIX Конгрессе и наши коллеги из республик бывшего СССР (Грузии, Армении и Украины) и из бывших соцстран. Армению представляли 3 делегата, Грузию – 4, Украину – 7, а бывшие соцстраны – 21 ученый.

На последнем заседании Исполкома Ассоциации в конце работы Конгресса в Ассоциацию были приняты нацкомы Албании, Китая и Украины (осталось урегулировать лишь некоторые формальности). Кроме того, в Ассоциацию поступило заявление с просьбой о принятии от нацкома Грузии.

Избрано было и новое руководство Ассоциации: президентом на предстоящие 5 лет стал член Французской Академии наук, профессор Collège de France Жильбер-

Дагрон, генеральным секретарем – глава Греческого центра византиноведческих исследований (Афины) профессор Афинского университета Н. Икономидис и казначеем – профессор Кёльнского университета П. Шрайнер (ФРГ). Почетными президентами стали Д. Оболенский и И. Шевченко, вицепрезидентами – И. Караяннопулос и Б. Ферьянчич.

Доклады по истории искусства на XIX Международном конгрессе византиноведческих исследований в Копенгагене

В кратком обзоре невозможно рассказать о всех докладах по истории искусства на Конгрессе. Даже просто перечислить более пятидесяти названий было бы затруднительно. К тому же в этом и нет особой необходимости, поскольку опубликован том пленарных докладов и том тезисов сообщений на коллоквиумах. Можно лишь попытаться высказать основные впечатления, отметить некоторые тенденции и кратко описать участие российских историков искусства в работе Конгресса, естественно, не претендуя при этом на полноту и абсолютную объективность картины.

Главное впечатление от работы Конгресса состоит в том, что с точки зрения науки о византийском искусстве он носил, к сожалению, маргинальный характер. Ни в программе Конгресса, ни в содержании основных докладов не было выдвинуто практически никаких новых концепций, методологических подходов, неожиданных интерпретаций.

Актуальная проблематика современной истории византийского искусства, если и присутствовала на Конгрессе, то была растворена в материалах докладов на очень конкретные сюжеты. В целом возникало ощущение мелкотемья и некоторой стагнации, что лишь отчасти соответствует действительности, поскольку наука о византийском искусстве, особенно в США, Англии, России и Греции принадлежит к числу приоритетно развивающихся гуманитарных дисциплин. Возможно, это связано с тем, что ряд ведущих исследователей византийского искусства, в их числе Т. Мэтьюз, Г. Мэгвайр, Г. Белтинг, К. Уолтер, Р. Кормак, проигнорировали участие в конгрессе. Очень небольшими были американская и английская делегации. Не было никого из еще недавно очень сильной сербской школы искусствоведческой медиевистики, отсутствовали болгарские, грузинские и армянские колле-

Следующий XX Конгресс состоится в 2001 г. в Париже.

Г.Г. Литаврин, М.В. Бибиков (о сессии "Византия и Север") и о коллоквиуме "История ментальности", С.П. Карпов (о сессии "Инструментарий исследований") и А.И. Романчук (об археологической проблематике Конгресса).

ги, что, по всей видимости, объясняется не только научным кризисом в постсоциалистическом пространстве, но и чисто экономическими проблемами.

На этом фоне абсолютно доминировали по числу участников российская и греческая делегации, которые со стороны ироничного наблюдателя могли бы быть восприняты как две соревнующиеся команды, претендующие на все более полное освоение великого византийского наследия. Не боясь показаться необъективным, поделюсь своим личным мнением, что российские исследователи выглядели несколько более современными, во многих, хотя и не во всех, греческих докладах преобладали традиционные атрибуционностилитические подходы, характерные и для российской науки недавнего прошлого. Российское искусствознание представляли десять исследователей из Москвы и Санкт-Петербурга, работающие в таких научных организациях как ВНИИ Искусствознания, Отделение истории искусства МГУ, Центр восточнохристианской культуры, Гос. Эрмитаж и Русский музей. Все доклады были прочитаны на английском, немецком и французском языках и ориентированы, главным образом, на иностранных коллег, которым сообщались результаты новейших исследований. Большинство докладов было посвящено памятникам Древней Руси, рассмотренным в контексте византийского искусства: киевским Михайловским мозаикам (О.С. Попова), росписям Софии Новгородской (Л.И. Лифшиц), росписям псковского Мирожского собора (О.Е. Этингоф), древнейшим русским иконам (Э.С. Смирнова), русским иконам св. Николая (И.А. Шалина). В нескольких докладах рассматривались византийские памятники из российских коллекций – менологий из ГИМ, Син. 183 (Э.Н. Добрынина), палеологовские золотые иконы и поствизантий-

ские живописные образы мастерской Риццов из собрания Эрмитажа (В.Н. Залесская и Ю.Н. Пятницкий). Чисто византийскими по проблематике были доклады А.И. Комеча об организации внутреннего пространства Софии Константинопольской и А.М. Лидова о новой иконографии Христа в византийской храмовой декорации после Схизмы 1054 года.

Подавляющее большинство искусствоведческих докладов было прочитано в пятой секции коллоквиумов, названной "Искусство". Даже чисто количественное сопоставление названий тематических заседаний показывает, что современные историки искусства преимущественно занимаются вопросами иконографии, которой было посвящено четыре специальных заседания, тогда как всем иконам – три, монументальной живописи – два, скульптуре и прикладному искусству – по одному. При этом во всех заседаниях по видам искусства присутствовали доклады иконографического содержания. В плане методологии преобладала современная интерпретационная иконография, рассматривающая редкие особенности изобразительной структуры в контексте литургии, богословия и исторической конкретики духовной жизни эпохи. Понятая таким образом иконография становится уникальным историческим источником, способным существенно дополнить данные письменных памятников. В этом ключе были выдержаны доклады А.М. Лидова, Л.И. Лифшица, О.Е. Этингоф, И.А. Шалиной и целого ряда зарубежных ученых. Важному вопросу об источниках иконографии был посвящен доклад И. Зерву-Тоньяци (Рим), критически пересмотревшей данные о Протоэвангелии Иакова и показавшей, что, вопреки распространенному мнению, этот апокрифический текст не являлся руководством для византийских иконографов при создании богородичных циклов.

В последние годы иконографические данные часто применяются в социально-психологических реконструкциях византийской истории, в вошедших в моду исследованиях менталитета, идентичности и самосознания. При этом в первую очередь анализируются ктиторийские композиции, наиболее доступные для чисто исторической интерпретации. Характерный пример такого подхода предложен в пленарном докладе Лесли Брюбайкер "Искусство и византийская идентичность: святые, портреты и Типикон из Линкольн колледжа", прочитанного в рамках первой и, может быть, наиболее оригиналь-

ной сессии конгресса "The Identity of Byzantium". Интересный аспект большой темы ктиторийских портретов был предложен в докладе американской исследовательницы Н.Б. Тетеряниковой, которая предложила новое объяснение знаменитых императорских мозаик из южных галерей Софии Константинопольской, связанное с сакральной топографией храма, конкретной функцией данного пространственного компартимента, расположенного строго над местом раздачи императорских даров.

С точки зрения внимания к различным историческим периодам можно заметить неуклонно повышающийся интерес к поствизантийскому искусству, которое раньше находилось на периферии науки и воспринималось как второстепенное. Сейчас же ведущие исследователи комниновской и палеологовской живописи, такие как Л. Хадерман-Мистгиш или Т. Вельманс, активно обращаются к поствизантийским сюжетам. "Образу и влиянию Византии после 1453 года" была посвящена четвертая пленарная сессия Копенгагенского конгресса, на которой пять докладов касались вопросов истории искусства. Кстати, это единственная пленарная сессия, в которой искусствоведческие доклады доминировали. Данный феномен можно объяснить достаточно просто – классические памятники византийского искусства уже достаточно давно введены в научный оборот, тогда как поствизантийский период, особенно на Балканах, предлагает огромное количество малоизвестного и просто неопубликованного материала. Однако за простым объяснением можно не заметить более тонких и глубоких причин, обусловленных, возможно, манеристическими настроениями "конца века", уставшего созерцать истинно прекрасное и размышлять над глубокими духовными проблемами. Не исключено, что наша гуманитарная дисциплина как органичная часть культуры отразила более общий процесс, выразившийся, с одной стороны, в увлечении позитивистской фактографией, с другой – в игровых интеллектуальных спекуляциях, гораздо более успешных при работе с обильным материалом не самого высокого художественного качества. Пожалуй, это единственное обобщение, которое мне позволяет сделать самый предварительный взгляд на искусствоведческие доклады XIX Конгресса византийских исследований в Копенгагене.

А.М. Лидов

Раскопки Уральского университета в Херсонесе: К сорокалетию Крымской археологической экспедиции

1997 и 1998 годы являются особенными для истории изучения Херсонесского городища, представляющего собой уникальный памятник, античный и средневековый городской центр, игравший большую роль в Таврике. Начало его археологического изучения восходит к 1827 г. Систематические раскопки были начаты в 1888 г. Связаны они с именем одного из крупнейшего русских византинистов Н.П. Кондакова, помощником которого, а затем и заведующим городищем стал Карл Казимирович Косцюшко-Валюжинич, родившийся в 1847 г.

Летом 1997 г. года Крымская археологическая экспедиция, основанная в 1958 г., в сороковой раз проводила раскопки в Херсонесе, а в марте 1998 г. очередными Сюзюмовскими чтениями и встречей участников археологических раскопок в Херсонесе исторический факультет отметил юбилей Крымской археологической экспедиции, одним из создателей которой являлся М.Я. Сюзюмов. Несмотря на сложности наших дней две кафедры – археологии и истории древнего мира и средних веков, которые причастны к раскопкам, выпустили к юбилею сборник "Античная древность и средние века". Юбилей – это подведение итогов. Цель настоящей заметки познакомить читателей "Византийского временника" с тем, что было сделано за годы, прошедшие с первого сезона раскопок и рассказать о рождении экспедиции, у истоков которой стояли два преподавателя университета – Михаил Яковлевич Сюзюмов и Евгений Георгиевич Суров.

План проведения раскопок в Херсонесе родился тогда, когда об этом можно было только мечтать, но возможности осуществить их не представлялось, и мало кто помнит сейчас, что дружба с Херсонесским заповедником родилась в тяжелые годы Отечественной войны.

Во время эвакуации из Севастополя архивные дела музея было предписано вывезти в Алма-Ату. В течение многих месяцев ящики с архивными папками путешествовали на морских судах, в железнодорожных вагонах, постепенно продвигаясь к месту назначения: они не являлись в те дни столь

важным грузом, чтобы для него место предоставлялось в первую очередь. Когда груз достиг Свердловска, стало ясно, что ни люди, ни упаковка не выдержат дальнейшего пути. С.Ф. Стржелецкий, сопровождавший груз сотрудник Херсонесского музея, вынужден был обратиться за помощью к своему знакомому Е.Г. Сурову, который тогда работал в Свердловском педагогическом институте. После соответствующих запросов место пребывания вывезенного из Севастополя было изменено, и материалы из Херсонесского архива нашли временное пристанище в Свердловске.

Пострадавшие во время многодневного путешествия бесценные свидетельства истории античного и средневекового города, который исследователи прошлого века называли "Русской Помпеей", постепенно были приведены в порядок. И во время разработки архивных бумаг Е.Г. Суров начал собирать данные для изучения одного из промыслов Херсонеса – рыбозасолочного. Научным итогом архивных изысканий тех лет стала вышедшая в 1948 г. статья "Рыбозасолочные цистерны Херсонеса"¹, где были обобщены все данные о раскопках рыбозасолочных цистерн, открытых до 1940 г., и поставлен вопрос о времени их строительства. Вполне вероятно, что именно тогда и возникла цель – раскопать одну из цистерн, чтобы проверить возникшую на основании подсчетов кубатуры цистерн гипотезу: использование цистерн приходится не только на римское время и не присутствие в городе римского гарнизона потребовало производства дешевого продукта питания. (Мнение о том, что строительство и функционирование цистерн относится к римскому периоду наиболее полно изложено в одной из работ Г.Д. Белова².)

Можно предположить также, что во время бесед за скудным чаем военного времени три исследователя – Е.Г. Суров, М.Я. Сюзюмов и С.Ф. Стржелецкий – обсуждали вопрос о том, что раскопки Херсонесского городища, возможно, позволят получить данные о наиболее дискуссионном периоде развития византийского города – периоде "темных веков". Доказательства того, что город

¹ Суров Е.Г. Рыбозасолочные цистерны Херсонеса // Учен. зап. Свердл. пед. ин-та. 1948. Вып. 4.

² Белов Г.Д. Из истории экономической жизни Херсонеса во II–IV вв. н.э. // Античный город. М., 1963. С. 66.

ские центры не исчезают в середине VII – середине IX в., при малочисленности письменных свидетельств могли дать раскопки. Так, пребывание архивных материалов в Свердловске стали толчком для будущих раскопок в Херсонесе экспедиции Уральского университета, годом основания которой стал 1958.

Первым объектом раскопок археологической экспедиции Уральского университета стал северо-западный район городища, где была расположена базилика, находился некрополь и склепы первых веков и одна из рыбозасолочных цистерн.

В одном из склепов были найдены монеты первой половины IV в., вход в него перекрывался плитой, которая была обнаружена после того, как разобрали стенку цистерны. Периодизация строительства выглядела следующим образом: после прекращения использования склепа прошел, вероятно всего, значительный период, после которого сооружается рыбозасолочная цистерна. Следовательно, функционировала она не ранее конца IV – начала V в., тогда, когда римские гарнизоны уже покинули Северное Причерноморье. В последующем, во время раскопок в портовом районе (раскопки его были начаты в 1963 г. Объединенной экспедицией, в состав которой входили Уральский и Харьковский университеты и Херсонесский заповедник) были обнаружены еще три цистерны: одна из них функционировала до конца VI – начала VII в., другая до X в., третья же была построена не ранее IX–X вв.

В связи с вопросом о времени функционирования рыбозасолочной цистерны в северо-западном районе Херсонесского городища, следует отметить, что последующие раскопки Херсонесского заповедника уточнили периодизацию строительной деятельности на северо-западном участке городской территории. Они показали, что в VI в. (скорее всего в середине VI в.) херсониты возвели новую линию оборонительной стены, что увеличило территорию города на 0,5 га. Затем строится цистерна. Вероятнее всего, она использовалась для засолки рыбы не очень длительное время. В конце VI – начале VII в. неподалеку от места, где она размещалась, сооружается западная базилика.

Раскопки в северо-западном районе производились до 1963 г. Основные выводы, которые были сделаны Е.Г. Суровым, сводятся к следующему: на раскопанном участке, составляющем 16,3% от всей территории района, до II в. до н.э. располагался некрополь, в I–II вв. н.э. строится древняя (ранняя) западная стена, в III в. сооружаются склепы,

которые используются населением Херсонеса до первой половины V в. В последующем происходит некоторое расширение территории города на северо-западе: возведение новой линии фортификационных сооружений, сооружение цистерны, строительство базилики и других сооружений, входивших в состав культурного комплекса. Более поздние раскопки сотрудники заповедника И.А. Антоновой показали, что между VI и IX в. оборонительная стена перестраивалась, а западная базилика, возможно, входила в состав монастыря.

В 1985 г. экспедиция еще раз обратилась к изучению северо-западного района, был раскопан западный загородный храм, крестообразный в плане, который существовал в IX–X вв. После разрушения раннего храма в центральной его части сооружается небольшая однонефная часовня. Подобные культовые постройки являются типичными комплексами для поздневизантийских кварталов города. (См. о западном загородном храме и связи изученных в северо-западном районе памятников с топографическими деталями, приведенными в “Слове о перенесении мощей св. Климента” в: В В. 1990. Т. 51. С. 165–173.)

Другим традиционно исследуемым экспедицией районом является портовый, где с 1963 г. совместно с другими научными учреждениями раскапывался первый портовый квартал, в настоящее время (с 1977 г.) – второй.

Перед экспедицией, приступившей к изучению портового квартала I, стояли следующие задачи: изучение стратиграфии квартала, уточнение времени основания и гибели города, выявление основных строительных периодов, уточнение времени бытования массового археологического материала, выявление размеров и планировки жилых усадеб средневекового времени.

Анализ стратиграфии позволил выявить отличия в причинах формирования культурного слоя на территории усадеб и улиц, ограничивавших квартал. Культурный слой в усадьбах возникал как результат строительства, бытования и разрушения зданий, при этом массовые, наиболее многочисленные находки встречаются в основном в слоях разрушения. Период функционирования домов фактически не оставил следа в стратиграфии. Во дворах же, на улицах и площадях накопление культурного слоя происходило в результате постоянной жизнедеятельности – выравнивание полотна улиц, ремонты водосток. Мощность слоев по сравнению со слоем, образовавшимся в результате разру-

шений, незначительна, находки единичны и разрозненны. Прослежены также отличия культурного слоя в помещениях, входивших в состав одной усадьбы: в подвальных и полуподвальных помещениях он был более значительным и залегал на большей глубине по сравнению с другими частями жилого комплекса. В ходе строительства, особенно при устройстве подвалов, разрушались более постройки. Хронологически единовременные предметы встречались на различной глубине, а в некоторых случаях не удалось проследить постройки, остатки которых сохранились рядом. Наиболее выраженными, насыщенными значительным количеством массового археологического материала являлись слои разрушения. Так, в ходе раскопок портового квартала I, затем и соседнего – второго, прослежены следы пожаров и разрушений, которые относились к следующим периодам:

А. IV–V вв. н.э.

Б. Начала – середины VII в. Необходимо отметить, что были выявлены скопления разнообразных керамических изделий, лежащих на полу, среди которых найдены монеты Юстиниана I (527–565) и Константа II (641–668) в портовом квартале I, Юстиниана I и Фоки (602–610) – во втором. Это имело большое значение как для изучения денежного обращения в ранневизантийском Херсонесе, так и для корреляции массовых находок. Кроме того, исследование слоев разрушения VII в., датированных с помощью радиоуглеродного метода и нумизматическими находками, не могло не внести коррективы в представления археологов Херсонеса о стратиграфии городища. (Попутно замечу, что амфоры, например, из слоев разрушения VII в. были найдены также в процессе подводных раскопок византийского корабля середины VII в., затонувшего у мыса Яси Ада³.)

В. Слой разрушения, который образовался не ранее 30-х годов XI в. Одно из достаточно крупных зданий, погибших в это время во втором портовом квартале, было построено непосредственно над слоем пожара VII в., и данное строительство, насколько можно судить по археологической ситуации, произведено в скором времени после пожара.

Г. Слои разрушения поздневизантийского периода – XIII и XIV вв. Именно они имели лучшую сохранность, что позволило получить представление о планировке, разме-

рах домов, соотношении жилого фонда и хозяйственного двора, который чаще всего занимал 25–30% площади комплекса (при средних размерах усадьбы 120–140 кв.м). В слоях разрушения, образовавшихся в результате пожара, была собрана значительная коллекция керамики: амфор, распространенных в черноморско-средиземноморской зоне, глазурованной посуды, как местных гончаров, так и импортные изделия. Продукция гончаров Херсона, имевшая стандартные размеры, устойчивые орнаментальные мотивы, свидетельствует о массовом производстве керамики. Привозные же изделия, которые украшали выгравированные изображения святых воинов, львов и птиц в геральдической позе, – о торговых связях в XIII – начале XIV в.

Уникальной стала находка в одном из домов небольшой иконки из стеатита с изображением Богоматери с младенцем в левой руке. Рядом с ней были обнаружены бруски того же материала (слой пожара XIII в.). В целом находки внесли существенные коррективы в ранее существовавшее представление, согласно которому Херсон во второй половине XIII – XIV в. не имел широких торговых связей, собственного ремесла и превратился в “полудеревенское поселение”.

Изучение стратиграфии портового района позволило поставить вопрос и об особенностях “формирования информации”, заключенной в археологическом источнике, об интерпретационных подходах к данным археологических раскопок, о причинах образования “археологических лакун”, отражающих периоды, когда не производилось значительного строительства и не было разрушений. Таким образом, в процессе раскопок экспедиции сформировалось мнение, что “нормальная жизнедеятельность” фактически не отражается в стратиграфии. Следовательно, отсутствие находок и культурных слоев на памятниках с монументальной архитектурой в городах, отличающихся высоким санитарным уровнем, не может служить свидетельством о их кризисном развитии, запустении и “обезлюдении”.

Одним из важнейших наблюдений можно считать также выявление непрерывной застройки и обитания в портовом районе (в двух его кварталах) в течение всего средневекового периода.

Одновременно с раскопками на Херсо-

³ Bass G. Underwater excavations at Yassi Ada: A Byzantine Shipwreck // *Archaeologischer Anzeiger*. 1962. Т. 3. S. 546.

несском городище в 1968 г. производилось изучение так называемого дворца князя Алексея на Мангуп-Кале (Е.Г. Суров; в последующем ими руководила выпускница исторического факультета Н.И. Бармина, работающая в настоящее время на факультете культурологии и истории искусства). Основным объектом раскопок Н.И. Барминой стала мангупская базилика, где было выявлено несколько строительных периодов и функционирование комплекса вплоть до XV в.

В 1971 г. совместно с Историческим музеем отряд Крымской экспедиции работал на территории посада такого «пещерного города» как Бакла (до 1977 г., В.Е. Рудаков, А.В. Лямин). Преждевременная смерть В.Е. Рудакова прервала эти исследования.

В результате раскопок на посаде Баклинского городища (раскопками в цитадели руководил Д.Л. Талис) прослежено четыре периода строительства и жизни. К средневековому времени относился второй период (V–VII вв.), следующий датировался VII–IX вв. и последний, на основании хорошо известного в Юго-Западной Таврике археологического материала, – IX–XIII вв.

Разведки в окрестностях городища свидетельствовали о непрерывной заселенности района, начиная с I в. н.э. и кончая XV в. На одном из поселений – к югу от плато, на котором расположено Баклинское городище, открыт раннесредневековый склеп, над ним в VIII–IX вв. был построен трехапсидный храм, кардинально перестроенный в XII–XIII вв.

Продолжением сбора археологической информации о связях города и деревни в средневековой Таврике стали раскопки на расположенном неподалеку от Херсонеса поселении – в низовьях р. Бельбек. Здесь был открыт трехапсидный храм, сооруженный в конце XIII – начале IX в., остатки нескольких жилых домов этого же времени. В XII–XIII вв. в центральном нефе базилики сооружается небольшая однефная церковь. Аналогичную ситуацию мы видим и в Херсонесе.

Собранный в жилых усадьбах материал свидетельствовал о связях с Херсонесом.

Раскопки в долине р. Бельбек были продолжены исследованием поселения, расположенного в 4 км выше по течению (1977 г., Л.А. Омелькова, ныне сотрудница кафедры истории древнего мира и средних веков). Они показали, что поселение погибло во время пожара, который датирован IX в. Близкая картина была открыта и во время раскопок поселения под Сюренью.

Практическая работа, изучение и обобщение материалов раскопок, производившихся другими исследователями, позволили опубликовать как научные штудии (Романчук А.И. Херсонес XII–XIV вв.: Историческая топография. Красноярск, 1986; Коллективная публикация находок: Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. Свердловск, 1991 и Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995, вышедших в серии Средневековый Херсон: История, стратиграфия, находки), так и научно-популярные книги (Романчук А.И. Возрождение античного города. Свердловск, 1981; Она же. Были и легенды Херсонеса, Симферополь, 1995).

Издание популярной литературы отражает другое направление деятельности экспедиции – работу со школьниками. С целью развития уважительного отношения к историческим памятникам, приобщения к истории Херсонеса при экспедиции была создана летняя археологическая школа для учащихся средних школ. Многие слушатели ее стали студентами университета.

Большое значение для организации работы со школьниками и студентами имеет также существование межфакультетской лаборатории Византийской археологии, при которой существует небольшой музей по истории Херсонеса и где сосредоточена подготовительная издательская работа. Все выпуски тезисов Сюзюмовских научных чтений, публикации находок и популярных книг подготовлены именно здесь.

Безусловно, подводя итоги, нельзя не вспомнить о сотнях студентов, которые прошли школу воспитания деловых качеств, ответственности и взаимоподдержки в археологической экспедиции. Многие из них стали учителями, сотрудниками государственных служб, представителями и руководителями различных фирм. Перечислить все имена невозможно, но в деле сохранения экспедиции в сегодняшние трудные дни помощь оказывают один из директоров фирмы «Тейзер» Н. Дерягин, выпускники исторического факультета С. Кириенко, С. Маврина, О. Мазур. И мы надеемся, что в юбилейные дни многие другие вспомнят о тех днях в годы учебы, которые они провели в Херсонесе, и захотят вернуться сюда еще раз – на раскопки ли, или просто посмотреть, какие же новые тайны открывает нынешнее молодое поколение его исследователей.

А.И. Романчук

К 75-летию ВАЛЕНТИНЫ САМОЙЛОВНЫ ШАНДРОВСКОЙ

19 августа 1997 г. исполнилось 75 лет со дня рождения Валентины Самойловны Шандровской. Ее имя хорошо известно историкам Византии и особенно тем, кто соприкасается с одним из важных разделов византистики – сфрагистикой.

Окончив филологический факультет ЛГУ, а затем аспирантуру под руководством Н.В. Пигулевской и П.Е. Эрнштедта, В.С. Шандровская получила блестящую филологическую подготовку, глубокое знание греческих источников и литературы. Это поначалу и определяло круг ее научных интересов: первые работы Валентины Самойловны были посвящены византийскому басенному эпосу XIV в. Чуть позже совместно с Е.Э. Гранстрем ею был осуществлен перевод с греческого языка византийского литературного памятника XIV в. «Стефанит и Ихнилат». Но не это стало основным делом ее жизни. В 1952 г. она начала работать в Отделе Востока Государственного Эрмитажа, где приступила к научной обработке одной из крупнейших в мире коллекций византийских печатей, насчитывающей более 12 тыс. экземпляров. Это была трудная задача. Ведь после кончины Н.П. Лихачева (1869–1936), основоположника изучения византийской сигиллографии в России, исследовательские традиции в этой области были надолго прерваны. В то же время значение сфрагистики для исторической науки еще не было оценено в полной мере: обычно печати привлекались только в качестве иллюстраций к тем или иным историческим событиям. Прежде всего это было связано с молодостью самой науки и соответственно с малым количеством опубликованных на тот момент сигиллографических трудов.

В своих многочисленных работах Валентина Самойловна показывает, что свидетельства печатей оказываются чрезвычайно важны в самых разных аспектах для историков и искусствоведов, филологов и палеографов. Как пишет сама исследовательница: «Обращение к ним позволяет ставить и прояснять ряд важных проблем в области политической, социально-экономической и культурной жизни византийского общества. Благодаря печатям открываются возможности для ознакомления с административным устройством империи, с личным окружением императора, с центральной и провинциальной администрацией, различными службами, с военным и церковным аппаратом. С XI в. первостепенным становится употребление родовых имен... и мы знакомимся со многими представителями известных византийских фамилий».

Действительно, особое место в научном творчестве В.С. Шандровской принадлежит работам просопографического плана. В этих исследованиях рассматриваются моливдовулы, принадлежащие членам знатных византийских родов: Далассинов, Склиров, Синадинов, Протевонов и многих других. При этом нередко здесь возникают имена, прежде не знакомые по письменным источникам, или выявляются новые должности и титулы известных исторических лиц. Только печати, например, передают титулы Георгия Декана (XI в.) – куропалат и протоневелиссим. Предметом специальных исследований Валентины Самойловны послужили печати Григория Каматира, секретаря Алексея I Комнина; Иоанна Контостефана Комнина, старшего сына Анны, дочери Иоанна II Комнина (его печать была найдена в Кры-

му, в Партените); Исаака Комнина, правителя фемы Иверия (XI в.); Торника Варазватце, в XI в. императорского протоспафария и стратига Эдессы. Следует отметить, что каждое такое исследование отличается скрупулезным подбором исторических фактов, стремлением автора "представить себе стоящих за печатями живых людей". Несомненно, интересным событием станет издание подготовленного совместно с австрийским ученым В. Зайбтом каталога печатей с родовыми именами из собрания Русского археологического института в Константинополе.

Некоторым регионам Византийской империи, в частности Армении, Болгарии, в Крыму – Херсонесу и Сугдее (Судаку) В.С. Шандровская посвятила специальные серии публикаций. Так, в статье "К истории фемы Васпуракан" она обобщила все разрозненные сфрагистические данные об администрации этой фемы, просуществовавшей очень недолго в XI в., и внесла в них свои коррективы, а

также назвала новое имя катепана Васпуракана – вестарха Василия Апокапа, чье правление В.С. Шандровская отнесла к 1060 – 1064/65 гг. Ею же была опубликована печать севаста Феодора Рупения XII в., которую она отождествила с Торосом I из рода Рубенидов, создателей Киликийского армянского государства. Многие были сделаны В.С. Шандровской в плане изучения византийско-армянской просопографии. Ею опубликованы печати Куртикиев, Куркуасов, Врахамиев, Махитаров и др.

Важное значение имеют статьи, темой которых стали печати, найденные в Сугдаке. История этого города известна лишь фрагментарно, особенно ее ранний период. Работа по прочтению надписей, сделанная В.С. Шандровской, была чрезвычайно сложна из-за плохой сохранности материала, однако она дала очень интересные результаты. Так, Валентиной Самойловной было высказано предположение о существовании византийской таможни в Сугдее, установлено наличие торговых контактов этого населенного пункта с Константинополем уже в конце VII в. Таможенные печати Малой Азии первой половины VIII в. оказались важными не только для понимания экономической ситуации в самой Сугдее, но и для раскрытия истории византийских таможен в целом. Уникальной для сигиллографии стала обнаруженная там печать рубежа VIII–IX вв., принадлежавшая торговцу медью – халкопрату.

Не раз с помощью печатей исследовательнице удавалось решать (или, что не менее важно, ставить) вопросы, связанные со сложным административным устройством империи. И в этом случае памятники сфрагистики часто становились источником новых сведений. К примеру, на печати Борила, игравшего важную роль при дворе Никифора II Вотаниата, встречается неизвестная ранее должность великого примикирия τῶν ἐδικῶν.

Сопоставляя письменные и сфрагистические данные, В.С. Шандровская просле-

живает продвижение по служебной лестнице целого ряда византийских чиновников, т.е. составляет их *cursus honorum*. Среди них – Филарет Врахамий, Константин Промундин, Никифор Мелиссин, Николай Скир и т.д.

Исследование печатей было бы неполным, если бы В.С. Шандровская не обратилась к такой еще малоизученной теме, как художественное значение сфрагистических памятников. Своего рода программой рассмотрения моливдовулов в данном аспекте стал ее доклад на Берлинской конференции 1979 г. "Византийские печати как произведения искусства". Исследования Валентины Самойловны, основанные на обширном материале, являются блестящим доказательством того, что печати нередко становятся неоценимым источником для изучения других памятников византийского искусства. Одна из ее статей посвящена редким иконографическим типам Богоматери, помещенным на моливдовулах. Прежде всего речь идет о Богоматери Одигитрии на троне и Богоматери Галактотрофусе на троне. Приведенные печати X–XII вв. значительно расширяют круг известных до сих пор памятников, а их хронологическая атрибуция свидетельствует о более раннем, чем принято считать, времени возникновения этих образов. В другой работе исследовательнице удалось проследить смену иконографических типов Богоматери на византийских монетах и императорских моливдовулах и выявить, что в нумизматике ее образ появляется гораздо позже. Печати с многофигурными композициями очень малочисленны в византийской сфрагистике. Тем важнее проведенный В.С. Шандровской анализ иконографических схем Успения и Благовещения на печатях XII в. Это позволило прийти к выводу, что они оказались достаточно устойчивыми на протяжении всего столетия.

Интересные результаты В.С. Шандровская получила при исследовании печатей с изображениями святых воинов. На сфрагистическом материале она прослеживает, как менялись их иконографические типы с течением времени: от немногочисленных в VI–VIII вв., достаточно схематичных изображений святого воина, пронзающего копьем змею, до высокохудожественных образцов XI–XII вв., где святые воины – Георгий, Феодор, Димитрий – представлены, как правило, погрудно. Впервые ею был поставлен вопрос о привлечении сфрагистического материала при изучении вооружения византийской армии.

Всесторонний подход В.С. Шандровской к изучаемым памятникам, рассмотрение содержания легенд, иконографии, эпиграфических, лингвистических и иных особенностей печатей дает очень плодотворные результаты, что позволяет назвать ее одним из лучших специалистов-сигиллографов в мире, воспреемницей методов и направлений исследований Н.П. Лихачева. Не случайно, именно Валентине Самойловне принадлежит заслуга издания огромного труда этого ученого "Моливдовулы греческого Востока", по трагическим обстоятельствам не опубликованного при его жизни. Только знание византийской сфрагистики, самоотверженность и упорство В.С. Шандровской сделали возможным осуществление этой публикации.

И еще одну юбилейную дату отпраздновала в 1997 г. Валентина Самойловна Шандровская. Сорок пять лет назад пришла она в Эрмитаж, который стал даже не вторым, а главным домом в ее жизни. Здесь протекает ее исследовательская и хранительская работа, здесь она не раз представляла печати на выставках, в том числе и на крупнейшей из них "Искусство Византии в собраниях СССР", организованной в Эрмитаже в 1975 г. под руководством А.В. Банк, здесь Валентина Самойловна вот уже 15 лет заведует сектором Византии и Ближнего Востока: одним словом – в Эрмитаже она живет. Всем сотрудникам музея и коллегам по науке хорошо известны активная доброта В.С. Шандровской, ее высокая порядочность, заботливая помощь начинающим исследователям.

От всей души мы поздравляем В.С. Шандровскую и желаем ей здоровья, творческого долголетия и новых достижений в любимой науке.

1954

Византийский басенный эпос XIV в. и его значение для истории культуры Византии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.

1956

Византийская басня "Рассказ о четвероногих" (XIV в.). Художественные особенности и язык басни // ВВ. Т. X. С. 181–194.

1958

Берлинская конференция по вопросам византийской и новогреческой литературы // ВВ. Т. XIV. С. 370–378. (В соавторстве с Э.В. Удальцовой).

Пер.: Византийская басня "Рассказ о четвероногих" (XIV в.): Пер. с греч. // ВВ. Т. XIV. С. 221–249.

1959

Григорий Каматир и его печать в собрании Государственного Эрмитажа // ВВ. Т. XVI. С. 173–182.

1960

Сведения о ремесле в византийском басенном эпосе XIII–XIV вв. // Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь акад. И.А. Орбели. М.; Л. С. 504–510.

Культура и искусство Ближнего и Среднего Востока IV тыс. до н.э.–XVIII в. н.э. и Византии IV–XV вв. Путеводитель по залам Гос. Эрмитажа. Л.

Die byzantinischen Fabeln in den Leningrader Handschriftsammlungen // Berliner Byzantinische Arbeiten. B., Bd. III. S. 10–20.

1963

Культура и искусство Византии: для детей среднего и старшего возраста. Л.
Рец.: S. Kravtchinska. Pulologos. B., 1960 // Deutsche Literaturzeitung. Jahrgang 84. Hf. 3.

1967

Краткая неопубликованная хроника о турках из собрания Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде // ПС. Вып. 17(80). С. 148–159. (В соавторстве с Е.Э. Гранстрем).

1968

Памятники византийской сфрагистики в Эрмитаже // ВВ. Т. XXIX. С. 244–253.

1969

Пер.: Стефанит и Ихниллат. Пер. с греч. (Литературные памятники). Л., 1969. С. 105–157. (Совместно с Е.Э. Гранстрем).

1970

Печать с именем Борила // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. XXXI. С. 46–48.

1971

Некоторые исторические деятели "Алексиады" и их печати // ПС. Вып. 23(86). С. 28–45.

1973

Неизвестные печати Аарона: магистра и дуки Иверии в Великой Армении; проедра и дуки // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. XXXVII. С. 60–64.

1974

К истории армяно-византийских отношений XII в. (по данным сфрагистики) // Вестник общественных наук АН АрмССР. № 7. С. 36–42.

1975

Эрмитажные печати Филарета Врахамия (Варажнуни) // Вестник общественных наук АН АрмССР. № 3. С. 36–49.

Византийские печати в Эрмитаже. Л. С. 1–15.

Одно уточнение текста "Хроники" Скилицы по материалам сфрагистики // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. XL. С. 46–48.

1976

Неизвестный правитель византийской фемы Иверия // Вестник общественных наук АН АрмССР. № 9. С. 79–86.

Несколько византийских печатей из коллекции Эрмитажа // Actes du XIV Congrès International des études byzantines (6–12 sept. 1971, Bucarest). Bucarest. P. 219–225.

1977

Искусство Византии в собраниях СССР. Каталог выставки. [Раздел:] Сфрагистика. М. Т. 1. С. 132–138; Т. 2. С. 16–17, 133–153; Т. 3. С. 163–166.

Поправки и дополнения к "Каталогу моливдовулов" Б.А. Панченко // ВВ. Т. 38. С. 102–119.

Греческая надпись "Малого Новгородского сиона" // ВВ. Т. 38. С. 157–160.

Образ св. Георгия на византийских печатях // Материалы II Международного симпозиума по грузинскому искусству. Тбилиси. С. 1–11.

1980

Моливдовулы как исторический источник // Българско средновековие. Българско-советски сборник в чест на 70-годишната на проф. И. Дуйчев. София. С. 147–152.

Рец.: W. Seibt. Die byzantinische Bleisiegel in Österreich Th. I // Bsl. T. XLI (2). P. 251–255. (В соавторстве с И.В. Соколовой).

1981

Из истории Болгарии X–XI вв. по данным сфрагистики // Byzantinobulgarica. Sofia. VII. P. 455–467.

1982

Византийские печати со сценой Благовещения // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. XLVII. С. 61–63.

Die Bedeutung der Bleisiegel für das Studium einiger Aspekte der byzantinische Geschichte. XVI. Internationaler Byzantinistenkongress. Acten. II, 2 // JÖB. 32/II. S. 165–173.

Die Byzantinische Bleisiegel als Kunstdenkmäler // Metallkunst von der Spätantike bis zum ausgehenden Mittelalter (Wissenschaftliche Konferenz. 20–21 März 1979). B. S. 48–55.

1983

Исаак Комнин – правитель фемы Иверия // Историко-филологический журнал. Ереван. № 4(103). С. 110–117.

1985

Печати армянских деятелей XI–XII вв. и правителей Васпуракана // Четвертый Международный симпозиум по армянскому искусству: Тезисы докладов. Ереван. С. 305–306.

1987

Einige Kunstbesonderheiten der byzantinischen Siegel // Studies in Byzantine Sigillography. Washington, Dumbarton Oaks. P. 27–33.

1988

Византийские печати со сценой Успения // Восточное Средиземноморье и Кавказ IV–XVI вв. Л. 82–92.

1990

Byzantinische Sphragistik // Quellen zur Geschichte des frühen Byzanz. (4.–9. Jahrhundert). B. S. 65–80, 364.

Печати представителей рода Синадинов в Эрмитаже // ВВ. Т. 51. С. 174–182.

1991

Византийская свинцовая печать с греко-армянскими надписями из собрания Государственного Эрмитажа // Историко-филологический журнал АН Армении. Ереван. 1(132). С. 122–129. (В соавторстве с Р.М. Бартияком, на арм. яз.).

Византийская сфрагистика // Византия и византийские традиции (памятники из фондов Эрмитажа и Русского музея). Путеводитель по выставке. Л. С. 43–45, 77, 78 (№ 1).
Моливдовулы должностных лиц Византии XI в. (новое чтение легенд) // ВИД. XXIII. С. 102–112.

1992

Эпархии Константинополя XI–XII вв. По данным печатей Эрмитажа // Византия и средневековый Крым. Античная древность и средние века. Барнаул. Вып. 26. С. 62–77.

Византийские печати армянских деятелей XI–XII вв. // Историко-филологический журнал АН Армении. Ереван. 1(134). С. 187–194.

1993

Византийская сфрагистика // Из коллекций академика Н.П. Лихачева. Каталог выставки. СПб. С. 51–65. № 68–151.

О редких изображениях на византийских печатях // Преслав. София. Т. 4. С. 342–352.

Печать Иоанна Контостефана Комнина // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь. Вып. III. С. 263–267.

1994

Сфрагистика // Коллекция музея РАИК в Эрмитаже. Каталог выставки. СПб. С. 176–202. № 266–306.

Изображения святых воинов в византийской сфрагистике и нумизматике // Византия и Ближний Восток. СПб., С. 70–89.

К истории фемы Васпуракан // ВВ. Т. 55. С. 152–161.

1995

Die neuen Funde an byzantinischen Bleisiegeln auf der Krim // Studies in Byzantine Sigillography. Washington. Vol. 4. P. 153–161.

Введение в византийскую археологию и сфрагистику. Екатеринбург. С. 54–91. (В соавторстве с А.И. Романчук).

1996

Печати с топонимическими указаниями // Византия и византийские традиции. СПб., С. 53–61.

Что известно о Протевомах // Византийские очерки. М. С. 217–225.

1998

Неизданная рукопись Н.П. Лихачева “О византийских печатях” // ВИД. Т. XXVI. С. 40–48. (В соавторстве с Е.В. Степановой).

Печати и монеты византийских императоров с изображением Богоматери // (в печати).

Е.В. Степанова

ПАМЯТИ КОЛЛЕГИ

9 октября 1996 г. в Праге скоропостижно скончалась известная чешская византистка Вера Грохова. Не стало крупного ученого. В. Грохова – автор пяти монографий по истории Византии, множества научных статей, учебных пособий и научно-популярных работ, ею опубликованы тексты многих источников. Основные проблемы ее научных изысканий – экономическая история, особенно поздней Византии и правления Палеологов; одна из главных ее работ – “Византийские города в XIII–XV ст.” (1967). Вокруг этой же проблематики сосредоточен и ряд других ее исследований, опубликованных как в Чехии, так и за ее пределами. В. Гроховой принадлежат также монографии “Крестоносцы в Леванте” (1975), “Очерки по средневековым Балканам” (1989) и еще некоторые книги, написанные в соавторстве с М. Грохом. Она исследовала и вопросы о генуэзской и венецианской торговле с Византией, о связях с ней чешского государства в XIV в., ученой принадлежит значительная часть материала в чешском научном издании “История Византии” и в других коллективных монографиях.

В. Грохова родилась в Праге 25 мая 1933 г., окончила историко-философский факультет Карлова университета в 1957 г., защитила кандидатскую диссертацию в 1966 г. и габилитационную работу в 1991 г. С 1961 г. она стала работать ассистентом и прошла все ступени педагогического поприща. Незадолго до кончины ей было присвоено звание профессора Карлова университета (Прага) по специальности “Византиноведение”. Педагогическая деятельность ее отличалась разнообразием и была очень успешной. Она не только читала лекции, но и вела семинары, руководила дипломными работами и т.д. Созданные Гроховой ценные учебные пособия посвящены историографии Византии, крестовым походам в свете современных им хроник и другим темам. Работы В. Гроховой хорошо известны всем византистам. Она читала лекции в Париже, Афинах, Никосии, Софии, в университете Тулузы и других центрах изучения византийской истории и культуры.

С российскими византистами ученая также находилась в постоянном контакте. Ее труды рецензировались в наших научных журналах, а она в свою очередь помещала отзывы на работы наших византистов в журнале “Byzantinoslavica”.

Проф. В. Грохова сотрудничала практически со всеми известными византистами Европы и Америки, участвовала в работе многих международных научных форумов, в том числе и Международного комитета по изучению византистики, была членом редакционной коллегии журнала “Byzantinoslavica”, выступала с докладами на международных съездах византистов. Очень грустно, что мы уже не встретимся с этой милой, симпатичной женщиной, столь много сделавшей для науки и безвременно ушедшей от нас, не успев опубликовать свою последнюю книгу о ремесле и торговле в Византии.

Светлая память, дорогая colega!

Л.П. Лаптева

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ КАЖДАН

Византиноведение понесло тяжелую утрату. 29 мая 1997 года скоропостижно – что делает потерю особенно острой – ушел из жизни крупнейший ученый, автор одной из самых убедительных концепций византийской истории Александр Петрович Каждан. Его имя принадлежит не только России. Более двадцати лет проработав в секторе византиноведения Института всеобщей истории Академии наук в Москве (1956–1978), будучи членом редколлегии “Византийского временника” (вып. 27, 29–39), Александр Петрович Каждан после эмиграции в 1978 г. преподавал некоторое время в Париже, в Коллеж де Франс, а затем с 1979 г. до последнего дня жизни жил и работал в исследовательском центре византиноведения Дамбартон Окс в Вашингтоне.

Думая сейчас об Александре Петровиче, увь! – уже в прошедшем времени, можно счесть прожитую им жизнь и счастливой, и драматичной. Счастливой, потому что у него всегда был теплый домашний очаг, рабочий кабинет, книги; ему никогда не изменяли ритм и воля, бывшие внешними (иногда немного прозаичными!) параметрами постоянного творческого состояния; им был найден свой путь, свое видение византийской истории. Наконец, вслед за древними, считают счастливым умершего легко, мгновенно, без тяжких мыслей и страданий. Однако прожитая жизнь была и драматичной, поскольку пришлось Александру Петровичу на исходе шестого десятка лет покинуть родину, Москву, друзей. Ему, тонко чувствующему аромат и душу русского слова, было суждено писать свои исследования на других языках, отчего исчезал тот интеллектуально-лексический нерв, который был так характерен для “каждановского стиля”. Александр Петрович остро ощущал в последние годы жизни, что не оставил своей научной школы (хотя многие ученые разных по-

колений могут назвать себя учениками Каждана). Потребность в “ученой дружбе”, в той дружественной научной среде, которая, по словам Лоренцо Валлы, является непременным условием творчества, Александр Петрович в основном вверял письму. Он был поистине мастером этого жанра, но многие из адресатов уже привыкли к лаконичным и деловым электронным формам общения. В одном из писем Александр Петрович написал, что страдает без учеников, которые радовались бы его взлетам и прощали бы ему ошибки...

Перу Александра Петровича принадлежит около семисот работ, из которых более двухсот написаны уже в постмосковский период жизни. Спектр его научных склонностей широк, но, пожалуй, определяющей для них была заинтриговавшая многих постановка проблемы в статье “Загадка Комнинов” (1964), логическая ниточка от которой ведет через многие статьи и монографии к концепции перемен, наиболее полно изложенной в написанной им в соавторстве с А. Эпстайн книге “Перемены в византийской культуре XI–XII вв.” (1985, 1990).

Принесшая А.П. Каждану необычайный успех в отечественных гуманитарных кругах книга “Византийская культура X–XI вв.” (1968) обратила ученого к сфере философии и культуры, к проблеме “человек–общество”. Тогда же, в 60-е годы ученый реализовал себя в общественной сфере жизни нашей страны, мастерски используя на страницах журнала “Новый мир” византийский риторический прием аллюзии, когда не все в окружающем мире можно было назвать своими именами.

Имя Александра Петровича Каждана вошло в византинистику наряду с немногими, кто создал свою общую концепцию исторического развития такой загадочной страны, как Византия. Вводя в периодизацию византийской истории этапы “перестройки” (VII–VIII вв.) и “реконсолидации” (IX–X вв.), А.П. Каждан по сути дела подводит к разгадке комниновской эпохи, которую он условно, образно позволял определить как некую “вестернизацию” (феодализацию). Будучи автором концепции, покоившейся на идее дисконтинуитета, он ломал привычный образ традиционной, неподвижной Византии. В соответствии с концепцией А.П. Каждана некоторые изменения носили внутренний характер и глубоко проникали в основы цивилизации, другие лишь поверхностно касались различных сторон жизни византийцев; перемены, по Каждану, могли быть разрушающими либо созидательными, чисто византийскими, либо с окраской общеевропейской трансформации. Видение византийской истории в ее концептуальной целостности подвигло ученого на такой нелегкий шаг, как создание им в качестве редактора и автора многих статей трехтомного “Оксфордского словаря по Византии” (1991).

От просопографических штудий, исследований социальной функции аристократии, анализа малых социальных групп ученый шаг за шагом приближался к своей основной идее – видению в качестве центра и средостения всей византийской цивилизации такого культурно-исторического феномена, как личность в ее византийском варианте, порожденную обществом и порождающую его. Эта идея стала центром написанной в соавторстве с Г. Констеблем монографии “Народ и власть в Византии” (1982). 46-й том “Dumbarton Oaks Papers”, посвященный 70-летию Александра Петровича, был назван в честь главной идеи в концепции ученого “*Notio byzantinus*”. Атомизация общественных отношений и отчуждение его от власти привела, по Каждану, к “индивидуализму без свободы” – инварианту западноевропейской системы корпоративных связей. Эта каждановская формула – “индивидуализм без свободы” – многими еще не понята или не принята до конца. Она несет в себе такую временную и смысловую глубину, что долго еще будет порождать споры.

Последние годы жизни Александра Петровича были заняты раздумиями о византийской литературе. За два месяца до смерти состоялось обсуждение первых двух томов по ее истории. В работе был уже третий том (хронологически ученый дошел до эпохи Михаила Пселла). Не хватило нескольких лет жизни, чтобы задуманный шеститомник появился. Наверняка, он нес бы, судя по последним статьям

Александра Петровича, много оригинальных, спорных, свежих идей в оценке такого колосса, как византийская литература.

Смерть пришла на пороге 75-летия: были уже куплены билеты на самолет в Москву, чтобы 3 сентября встретить в кругу близких друзей, единомышленников коллег. Предполагался доклад Александра Петровича в секторе византиноведения Института всеобщей истории РАН. Не случилось...

Из жизни ушел не только талантливый ученый. Не стало незаурядного человека, бескомпромиссного и ироничного, мастера каламбура, любителя жизни (ностальгические воспоминания о подмосковной лыжне!), порой недоступного, но могущего обнажить душу в письме другу. Этим словам прощания предпослана старая фотография – Александр Петрович делает доклад в зале Ученого совета Уральского государственного университета на Всесоюзной конференции византинистов в 1969 г. Для многих из византинистов важно, что они были современниками Александра Петровича Каждана. Память о нем будет светлой и долгой.

М.А. Поляковская

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ,

члены исследовательской группы “Проблемы исторического познания” (руководитель – д.и.н. К.В. Хвостова) Института всеобщей истории РАН ставят Вас в известность о начале реализации нового научного проекта. Его цель – создание электронной базы данных источников по истории и культуре Византийской империи. В соответствии со своими профессиональными интересами авторы проекта предполагают аккумулировать в создаваемой базе данных в первую очередь информацию о ключевых аспектах общественного сознания византийцев – их правовых и религиозных представлениях. Разработка базы данных основывается на усовершенствованной технологии применения оптической системы распознавания текстов равно латинского и греческого алфавитов. Итогом данного проекта станет инсталляция в электронной форме сведений источников, позволяющих воссоздавать правовые и религиозные воззрения, бытовавшие в византийском обществе на различных стадиях его развития.

Авторы проекта приглашают всех заинтересованных византинистов, а также специалистов технического профиля и научные организации к сотрудничеству в деле взаимовыгодного обмена информацией о новых компьютерных технологиях, программах, печатных или электронных публикациях источников или к участию в совместных проектах.

Проект осуществляется при финансовой поддержке РГНФ (Проект 96-01-12028в).

Инициатором проекта является с.н.с. ИВИ РАН, к.и.н. Ю.Я. Вин. Адрес: Москва 117334, Ленинский проспект, 32а, корп. В. Институт всеобщей истории РАН. Тел.: (095) 938-58-69; Факс: (095) 938-22-88; E-mail: worldhis@ighl.msk.su.

С уважением,

Ю.Я. Вин

Dear Colleagues,

members of the research group “The Problems of historical Knowledge” (leader – dr. K.V. Khvostova) at the Institute of World History (Russian Academy of Science) inform You about the beginning of realization of the new scientific project. Its purpose is creation of the electronic data base of sources on history and culture of Byzantine Empire. According to their professional interests the authors of the project intend to accumulate any information about legal and religious views of Byzantines – i.e. main aspects of their social consciousness. This data base will be created by means of the improved technology of optical character system. The authors hope to apply it to Latin and Greek texts as well. This project’s results will be installation of historical sources in electronic form to make possible the reconstruction by computer simulation of legal and religious ideas that influenced the Byzantine society.

The authors of the project invite all interested byzantinists, specialists in computery and scientific organizations to the mutually advantageous cooperation. It will be perhaps exchan-

ge of information about new computer technologies and programmes, new printed or electronic versions of Byzantine sources. It will be also usefull participation on joint projects.

The project is financially supported by RGNF (The Project 96-01-12028v).

Yours sincerely,

Ju.Ja. VIN,
the initiator of the project

Address: Russian Federation 117334 Moscow, Leninskij pr. 32a, korp. B. Institute of World History of Russian Academy of Science. Tel.: (095) 938-58-69;
Fax: (095) 938-22-88; E-mail: worldhis@ighl.msk.su

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ	– Античная древность и средние века
АО	– Археологические открытия
ВВ	– Византийский временник
ВДИ	– Вестник древней истории
ВИ	– Вопросы истории
ВИД	– Вспомогательные исторические дисциплины
ВО	– Византийские очерки
ВФ	– Вопросы философии
ГИМ	– Государственный Исторический музей (Москва)
ГМИИ	– Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (Москва)
ГОП	– Государственная оружейная палата (Москва)
ГРМ	– Государственный Русский музей (Санкт-Петербург)
ГСУ	– Годишник на Софийския университет (София)
ДРИ	– Древнерусское искусство
ЖМНП	– Журнал Министерства народного просвещения
ЖМП	– Журнал Московской патриархии (Москва)
ЗАН	– Записки Академии наук
ЗВООАО	– Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗЛУ	– Сборник за ликовне уметности
ЗРАО	– Записки Имп. Русского археологического общества
ЗРВИ	– Сборник Радова Византолошког института (Београд)
ИАК	– Известия Имп. Археологической комиссии (Петербург)
ИАСК	– История и археология средневекового Крыма
ИГАИМК	– Известия Гос. академии истории материальной культуры
ИИБИ	– Известия на Института за българска история (София)
ИИИ	– Известия на Института за история (София)
ИОРЯС	– Известия Отделения русского языка и словесности АН СССР
ИП	– Исторически преглед
ИРАИК	– Известия Русского археологического института в Константинополе
ИРАИМК	– Известия Российской академии истории материальной культуры
ИРАО	– Известия Имп. Русского археологического общества
ИФЖ	– Историко-филологический журнал (Ереван)
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии (Москва)
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛЗАК	– Летопись занятий Археографической комиссии
МАК	– Материалы по археологии Кавказа (Москва)
МАО	– Московское археологическое общество
МАР	– Материалы по археологии России (С.-Петербург, Петроград)
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР (Москва, Ленинград)
МИО	– Московское историческое общество
НС	– Нумизматический сборник (Москва)
НЭ	– Нумизматика и эпиграфика (Москва)
ОАК	– Отчеты Археологической комиссии (С.-Петербург)
ПВЛ	– Повесть временных лет

ПКНО – Памятники культуры. Новые открытия
 ППС – Православный палестинский сборник
 ПС – Палестинский сборник
 ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
 РГАДА – Российский государственный архив древних актов
 РГБ – Российская Государственная библиотека
 РНБ – Российская Национальная библиотека
 РФА – Русский феодальный архив
 СА – Советская археология
 САИ – Свод археологических источников
 СВ – Средние века
 СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа
 ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа
 ТМНО – Труды Московского нумизматического общества
 ТОВГЭ – Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа
 ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы
 УЗИС – Ученые записки Института славяноведения
 ХВ – Христианский Восток (Петербург)
 ЦГВИА – Центральный государственный военно-исторический архив
 ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей российских
 ASSH – Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae
 AASH – Acta Sanctorum
 AB – Analecta Bollandiana
 ANASH – Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae
 AP – 'Αρχαῖον Πόντου
 BA – Byzantinisches Archiv
 Bb – Byzantinobulgarica
 BCH – Bulletin de Correspondances Hellénique
 BF – Byzantinische Forschungen
 BHG – Bibliotheca Hagiographica
 BMGS – Byzantine and Modern Greek Studies
 BNJ – Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher
 BS – Byzantonoslavica
 Byz. – Byzantion
 BZ – Byzantinische Zeitschrift
 CCAG – Catalogus codicum astrologorum graecorum
 CFHB – Corpus Fontium Historiae Byzantinae
 CSHB – Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae
 DOP – Dumbarton Oaks Papers
 DOS – Dumbarton Oaks Studies
 DOT – Dumbarton Oaks Texts
 ΔΧΑΕ – Δελτίον τῆς Χριστιανικῆς Ἀρχαιολογικῆς Ἑταιρείας
 ΕΕΒΣ – Ἐπετηρὶς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν
 EO – Échos d'Orient
 FHG – Fragmenta historicorum graecorum
 FJRA – Fontes juris Romani antejustiniani
 GGM – Geographi graeci minores
 GRBS – Greek, Roman and Byzantine Studies
 JEH – Journal of Ecclesiastical History
 JHS – Journal of Hellenic Studies
 JÖB – Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik
 JÖBG – Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft
 JRS – Journal of Roman Studies

MAMA – Monumenta Asiae Minoris Antiqua
 MGG – Musik in Geschichte und Gegenwart
 MGH – Monumenta Germaniae Historica
 MHR – Mediterranean Historical Review
 MM – Acta et diplomata medii aevi sacra et profana, collecta ediderunt F. Miklosich–J. Müller. V. I–VI. Vindobonae, 1860–1890
 MMB – Monumenta musicale byzantinae
 NE – Νέος Ἑλληνομνημῶν
 OCA – Orientalia Christiana Analecta
 OCP – Orientalia Christiana Periodica
 PG – Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series graeca
 PL – Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series latina
 RBK – Reallexikon zur byzantinischen Kunst / Hrsg. von K. Wessel. Stuttgart
 RE – Pauly–Wissowa–Kroll. Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Stuttgart
 REA – Revue des Études Arméniennes
 REB – Revue des Études Byzantines
 REG – Revue des Études Grécques
 RESEE – Revue des Études Sud-Est Européennes
 RH – Revue historique
 RHC – Recueil des historiens des croisades
 RJ – Revue juridique
 RN – Revue numismatique
 ROCh – Revue de l'Orient Chrétien
 ROL – Revue de l'Orient Latin
 RSBN – Rivista di studi bizantini e neoellenici
 RSBS – Rivista di studi bizantini e slavi
 SBAW – Sitzungsberichte der königlichen Bayerischen Akademie der Wissenschaften
 SBNE – Studi bizantini e neoellenici
 SBS – Studies in Byzantine siglography
 SDHJ – Studia et documenta historiae et juris
 SK – Seminarium Kondakovianum
 SKAW – Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften
 ST – Studi e Testi
 SV – Studi veneziani
 TAPA – Transactions of the American Philological Association
 TJB – Tabula Imperii Byzantini
 TM – Travaux et Mémoires
 Z.-V. – Zacos G., Vegler A. Byzantine Lead seals. Basel, 1972
 Zacos. Seals – Zacos G. Byzantine Lead seals. Berne, 1984
 ZPE – Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik
 ZSSRA – Zeitschrift der Savigny-Stiftung: Romanistische Abteilung